
Ба177
(с картой)

Е. Ѳ. Карскій.

БѢЛОРУССЫ.

ТОМЪ I.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИЗУЧЕНІЕ ЯЗЫКА И НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

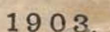
съ приложеніемъ двухъ картъ.

ВАРШАВА.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
Краковское Предмѣстье, № 3.

1903.

Печатать разрѣшаю.

Г. Вильна, Ноября 19 дня 1903 г.

Генералъ-Лейтенантъ **Кн. Святополкъ Мирскій.**

Оттискъ изъ „Виленскаго Временника“, кн. I.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, авторъ имѣлъ въ виду дать пособіе лицамъ, приступающимъ къ изученію бѣлорусскаго нарѣчія и народной поэзіи. Непосредственно настоящее введеніе служитъ I-мъ томомъ задуманнаго авторомъ труда по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія (фонетика, морфологія и синтаксисъ). Въ тѣсной связи съ указанной цѣлью находится и другая: дать указатель матеріаловъ для крайне необходимыхъ словарей по бѣлорусскому нарѣчію. Имѣющійся бѣлорусскій словарь Носовича очень неудовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ (ср. стр. 251 — 253), между тѣмъ надобность въ научномъ словарѣ живого бѣлорусскаго нарѣчія и въ особомъ словарѣ стараго западнорусскаго языка очевидна для каждаго занимающагося исторіей русскаго языка, югозападной литературой, западнорусской исторіей и этнографіей, а также и для разныхъ практическихъ цѣлей. Прежде чѣмъ приступить къ составленію такихъ словарей, необходимо точно уяснить себѣ область бѣлорусскаго племени, намѣтить основные элементы, вошедшіе въ составъ языка, привести въ извѣстность и критически оцѣнить имѣющіеся лингвистическіе матеріалы: все это авторъ и хотѣлъ дать въ настоящей книгѣ. Указаніе границъ иллюстрировано приложенной этнографической картой, иноземныя вліянія подтверждаются разсмотрѣніемъ соотвѣтствующихъ словарныхъ заимствованій. Настоящее введеніе можетъ быть полезнымъ и при этнографическомъ изученіи бѣлорусскаго племени въ обширномъ смыслѣ слова. Въ этомъ отношеніи уже немало потрудились, но еще больше предстоитъ

сдѣлать. Бытъ бѣлорусса, при всей его несложности, представляетъ массу пережитковъ глубокой старины не только общерусской, но и общеславянской. И историкъ народной жизни и юристъ найдетъ здѣсь для себя много цѣнныхъ и интересныхъ особенностей. Знакомясь съ ними, иногда невольно забываешь, что дѣло происходитъ въ XX вѣкѣ: передъ вами выступаетъ жизнь доисторическихъ обитателей верхняго Днѣпра, Зап. Двины и Нѣмана. Однако, чтобы подчасъ не приписывать себѣ неожиданныхъ открытій, а иногда и завѣдомо чтобы не пользоваться чужими трудами (какъ это нерѣдко бывало въ доброе старое время), необходимо знать, что́ въ этой области уже сдѣлано предшественниками русскими и поляками; сдѣлать указанія въ этомъ родѣ также входило въ задачи автора настоящей книги. Въ указателѣ этнографическіе матеріалы распредѣлены даже по мѣстностямъ (губерніямъ, уѣздамъ и селамъ). Не стану говорить, наконецъ, и о томъ, что знать составъ населенія извѣстной мѣстности, его отличительныя особенности и судьбу, хотя бы въ общихъ чертахъ, важно и для цѣлей чисто административныхъ, а также для общеобразовательныхъ. Книга написана не слишкомъ спеціально и потому можетъ быть доступной для интеллигентнаго читателя.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить глубокую благодарность Господину Виленскому, Ковенскому и Гродненскому Генералъ-Губернатору, Генералъ-Лейтенанту Князю Святополкъ-Мирскому—за матеріальную поддержку во время командировки въ 1903 г., благодаря которой мнѣ удалось лично провѣрить границы бѣлорусской области, познакомиться на мѣстѣ съ разными особенностями бѣлорусскихъ говоровъ, съ народнымъ бытомъ и отчасти собрать и провѣрить новые и старые матеріалы по бѣлорусскому фольклору.

СОДЕРЖАНІЕ

БѢЛОРУССЫ.

Сонце науки скрозь хмары цемныя
Прогляне ясно надъ нашей нивою,
И будуць жици дзѣтки потомныя
Доброю долей, долей счасливою!
Изъ одного новаго бѣлорусскаго
стихотворенія.

Введеніе въ изученіе языка и народной поэзіи бѣлоруссовъ.

ГЛАВА I.

ТЕРРИТОРІЯ, ЗАНЯТАЯ БѢЛОРУССКИМЪ ПЛЕМЕНЕМЪ. ГРАНИЦЫ И ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ СТРАНЫ.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа...
Тютчевъ.

Въ настоящее время не приходится много распространяться о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что языкъ развивается вмѣстѣ съ народомъ, подвергаясь разнымъ измѣненіямъ въ связи съ перемѣнами въ жизни самого народа. Эти перемѣны въ языкѣ зависятъ отъ разселенія народа при его ростѣ по разнымъ странамъ, отъ тѣхъ постороннихъ вліяній, которымъ приходится подвергаться ему во время самостоятельной жизни. Уже на первыхъ порахъ существованія того или другого племени извѣстныя физическія условія занятой имъ страны такъ или иначе отражаются на выработкѣ его характера, который въ свою очередь налагаетъ извѣстный отпечатокъ и на самый языкъ. Связь эта между языкомъ и природой страны непрерывно продолжается въ теченіе всего существованія народа. Природа даетъ извѣстный отпечатокъ народному творчеству, заставляя его изобрѣтать подходящія формы для изображенія своихъ красотъ, своего богатства или бѣдности. Затѣмъ и самое внѣшнее вліяніе одного народа на другой (будь онъ родственный или отдаленный), на его бытъ, міросозерцаніе и языкъ находится также въ тѣсной связи съ природой страны: съ устройствомъ ея границъ, доступностью и удоб-

ствомъ путей сообщенія. Народъ съ открытыми границами легче подвергается постороннимъ вліяніямъ, чѣмъ тотъ, у котораго границы недоступны. Словомъ, природа оказываетъ большое вліяніе на ходъ народной жизни, на ея исторію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на развитіе языка, а также измѣненія въ немъ. Отсюда становится само собой понятно, что изученію языка необходимо предпослать общій очеркъ физическаго устройства страны, занятой народомъ, и ея границъ, съ одной стороны, а съ другой — разсмотрѣніе разныхъ наслоеній въ языкѣ и измѣненій въ немъ необходимо сопровождать указаніемъ тѣхъ событій въ исторической жизни народа, которыя давали новое направленіе теченію послѣдней, или по крайней мѣрѣ усиливали или задерживали ея естественный ходъ. Подобныхъ пріемовъ изслѣдованія будемъ держаться и при изученіи бѣлорусскаго нарѣчія.

Основой для опредѣленія границъ Бѣлорусской области [1]) служитъ у насъ исключительно языкъ; вслѣдствіе этого, напр., тѣ литовцы Виленской губерніи, которые въ настоящее время говорятъ только по-бѣлорусски, у насъ отнесены къ бѣлоруссамъ, а тѣ обитатели калужскаго и орловскаго Полѣсья, которые говорятъ по-южновеликорусски, отнесены къ южновеликоруссамъ, хотя предки ихъ, несомнѣнно, были бѣлоруссы. Такимъ образомъ, очерченная ниже область скорѣе принадлежитъ бѣлорусскому нарѣчію, нежели племени.

Границы области, въ которой раздается бѣлорусская рѣчь, легче всего опредѣляются на западѣ, такъ какъ здѣсь сосѣдями

---

[1]) Статья, касающаяся границъ бѣлор. области, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, съ цѣлію вызвать замѣчанія свѣдущихъ лицъ, была уже напечатана въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, между прочимъ въ „Извѣстіяхъ Отд. русс. яз. и сл. И. А. Н.“, т. VII (1902), кн. 3, стр. 219—234. Здѣсь печатается она въ совершенно переработанномъ видѣ; измѣненія внесены главнымъ образомъ благодаря тѣмъ наблюденіямъ, которыя автору удалось произвести лично во время поѣздокъ лѣтомъ 1903 года на средства, отпущенныя Г. Виленскимъ, Ковенскимъ и Гродненскимъ Генералъ-Губернаторомъ.

бѣлоруссовъ оказываются не-русскія племена, сначала даже и неславянскія.

Самымъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго достигаютъ бѣлоруссы на западѣ, является, примѣрно, станція Корсовка С.-Петербургско-Варшавской жел. дороги (56,8° сѣверной широты) въ Люцинскомъ уѣздѣ Витебской губерніи [1]). Отсюда граница бѣлорусскихъ поселеній направляется сначала къ юговостоку и идетъ, верстахъ въ 10—5 не достигая Себежскаго уѣзда. Дойдя до р. Синюхи, она рѣзко поворачиваетъ на западъ, а отъ озера Черза—даже на сѣверозападъ; затѣмъ дугообразно направляется почти до границы Рѣжицкаго уѣзда, а отсюда ломанной линіей она снова идетъ на юговостокъ до границы Люцинскаго уѣзда съ Себежскимъ и Дриссенскимъ. Насколько можно судить по картѣ № 1ª въ атласѣ Биленштейна [2]), въ указанныхъ мѣстахъ Люцинскаго уѣзда бѣлоруссы живутъ вперемежку съ латышами, но преобладаютъ первые [3]). Затѣмъ граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ къ югозападу, примѣрно по линіи, раздѣляющей уѣзды Люцинскій, Рѣжицкій и Двинскій отъ Дриссенскаго, по направленію къ Зап. Двинѣ, въ 6 верстахъ къ западу отъ Придруйска. Бѣлорусскія поселенія имѣются и въ Рѣжицкомъ, а также Двинскомъ уѣздахъ, но здѣсь бѣлоруссы не составляютъ преобладающаго населенія. Далѣе по Западной Двинѣ бѣлорусская граница идетъ сначала на западъ до Двинска [4]), а затѣмъ на сѣверозападъ до Иллукста [5]). Къ югу отъ Двины у Биленштейна указано лишь незна-

---

[1]) Ср. этнографическую карту Европейской Россіи Риттиха и его же карту южныхъ и западныхъ славянъ.

[2]) Atlas der ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettenlandes. St. Petersb. 1892.

[3]) Въ томъ же родѣ говоритъ и Сементовскій (Витебскія губерн. вѣдомости 1872, № 25, стр. 139), который отмѣчаетъ бѣлоруссовъ въ нѣкоторыхъ населенныхъ мѣстахъ Двинскаго, Рѣжицкаго и Люцинскаго уѣздовъ. Записи имѣются изъ Люцинскаго уѣзда у Романова, V, 47, 68, 116 (Ляўдеры), Шейна—Матер. I т., II ч., 638.

[4]) Ср. также Романова: Матеріалы по исторической топографіи Витебской губ. Могилевъ. 1898, 63—66.

[5]) По свѣдѣніямъ „Географическо-статистическаго словаря Россійской Имперіи“ П. Семенова, т. II (Спб. 1865), стр. 860, основаннымъ, вѣроятно, на соображеніяхъ Орановскаго (Матеріалы для геогр. и стат. Россіи. Курл. г., 195, 196), въ Курляндіи бѣлоруссовъ показано 700 чел. Въ „Матеріалахъ“ покойнаго Шейна (т. I, ч. I)

чительное пространство, заселенное латышами; все же остальное пространство Иллукстскаго округа (б. Якобштадтскаго уѣзда) Курляндской губерніи къ востоку отъ Иллукста заселено бѣлоруссами.—На всемъ указанномъ протяженіи сосѣдями бѣлоруссовъ сначала съ запада, а затѣмъ и съ сѣвера являются латыши, въ Курляндской губерніи переходящіе даже изрѣдка, какъ мы видѣли, и Западную Двину.

Отъ Иллукста граница бѣлорусскаго нарѣчія направляется къ югу въ Ковенскую губернію западнѣе озера Дрисвятъ, захватывая часть Новоалександровскаго уѣзда [1]).

есть даже записи изъ данной мѣстности: „въ окрестн. м. Улукштъ" (стр. 513); въ указателѣ (стр. XXII) это мѣсто названо: „окр. Охукшты"; и то и другое названіе очевидно описка вм. Иллукстъ. Очень интересныя данныя относительно бѣлоруссовъ Курляндской губ. находимъ въ рукописномъ сочиненіи Кеппена: Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ (рук. Имп. Ак. Наукъ). По сообщеніямъ, сдѣланнымъ еще въ 1827 году приходскими священниками, русскими приходами оказываются—Зельбургскаго (Якобштадтскаго) уѣзда—Копуловскій, Солонайскій, Скруделпнскій, Фабіановскій, Хржевскій. Языкъ жителей первыхъ двухъ названъ русскимъ, а остальныхъ бѣлорусскимъ; насчетъ же религіи замѣчено: „исповѣданіе во всѣхъ приходахъ римско-католическое унитское". Какъ видно изъ примѣровъ языка, имѣющихся во II томѣ рукописнаго собранія Кеппена, всѣ перечисленные курляндскіе приходы бѣлорусскіе. Число населенныхъ мѣстъ 157, жителей 1756. Въ настоящее время, черезъ 75 лѣтъ, дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ: православныхъ приходовъ съ чистобѣлорусскимъ населеніемъ оказывается здѣсь 7 (Иллуксто-Гринвальдскій, Гривскій, Хрщевскій, Фабіановскій, Скруделпнскій, Салонайскій, Коплаускій) съ населеніемъ обоего пола (по свѣдѣніямъ 1902 года) въ 5981 человѣкъ. И въ католическихъ приходахъ (Лавкесскомъ, Смелинскомъ, Элернскомъ, Иллукстскомъ, Бебринскомъ, Двтскомъ, Суботскомъ и Якобштадтскомъ)—преобладающее населеніе бѣлорусское—до 15 тысячъ чел.

[1]) О составѣ населенія и языка разсматриваемой мѣстности имѣются слѣдующія свѣдѣнія: „Къ Новоалександровску (со стороны Поневѣжа) и на нѣкоторомъ разстояніи за нимъ преобладаетъ польскій языкъ, какъ обыденный языкъ у народа; потомъ, къ границамъ Дисненскаго уѣзда, господствуетъ смѣсь нарѣчія литовско-русско-польскаго" (Сѣверная почта, 1863, № 14, с. 54, 5 столбецъ). „Въ Новоалександровскомъ уѣздѣ въ волостяхъ, граничащихъ съ Виленской губерніей, населеніе смѣшанное: бѣлоруссы и литовцы, даже литовцевъ въ иныхъ волостяхъ болѣе. Тѣмъ не менѣе, литовцы здѣсь, повидимому, ассимилируются съ бѣлоруссами. Исключительно бѣлорусское населеніе представляетъ одна Слободская волость. Здѣсь ничто не напоминаетъ Литвы: фамиліи крестьянъ, названія деревень, названія урочищъ и проч. чисто бѣлорусскія" (Ковен. губ. вѣд. 1890, № 31, прибавленіе). Очень обстоятельныя и самыя надежныя свѣдѣнія по опредѣленію бѣлорусской границы въ Ковенской губ. имѣемъ въ замѣткѣ учителя Новоалександровскаго городского училища Ив. Гнѣдовскаго: „Нѣсколько словъ къ вопросу объ этнографической границѣ между литовскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ въ Новоалександровскомъ уѣздѣ Ковенской губ." (изъ Памятн. кн. Ков. г. на 1890 г.). Тутъ между прочимъ читаемъ: „Волости: Смол-

Отъ оз. Дрисвятѣ граница бѣлоруссовъ идетъ въ южномъ направленіи къ Виленской губерніи до р. Дисны; перерѣзавъ послѣднюю, она идетъ по Свенцянскому уѣзду нѣсколько ломанной линіей на югъ и западъ около литовскихъ волостей Тверечи, Годуцишекъ (на востокъ отъ нихъ), Свенцянъ, оставляя къ югу бѣлорусскія волости Комай, Лынтуны, Кемелишки; затѣмъ, перейдя р. Жемайтянку, граница кривой линіей идетъ по Виленскому уѣзду на западъ почти до Кернова, оставляя къ сѣверу литовскія волости—Янишки, Гедройцы, Ширвинты, Мусники, а къ югу бѣлорусскія волости — Нѣменчинъ, Подберезье, Корву, Мейшаголу. У Кернова бѣлорусская граница переходитъ на лѣвый берегъ р. Виліи и идетъ ломанной линіей въ южномъ направленіи, захватывая въ бѣлорусскую область волости Евье и Троки, съ запада д. Тальково, затѣмъ Межирѣчье, оставляя къ югу ст. Рудишки С.-Пет.-Варш. ж. д., а затѣмъ на востокъ и юговостокъ, къ границѣ Лидск. уѣзда и даже переходя ее у Подборья, отсюда на востокъ по пограничной чертѣ Лидскаго уѣзда, оставляя къ сѣверу бѣлорусскую волость Солечники; затѣмъ она переходитъ въ Ошмянскій уѣздъ, причемъ литовская область съ запада захватываетъ Бинякони, Конвалишки, Дзевенишки, Германишки (волость Седлиско), имѣя на сѣверѣ, какъ уже отмѣчено, бѣлорусскую волость Б. Солечники, съ востока Граўжишки, Ольшаны, а съ юга—Геранопы.

венская, Рымшанская и Видзская представляютъ поселенія литовцевъ и бѣлоруссовъ и наконецъ—Дрисвятская, Опсовская, Браславская, Слободская и Красногорская населены исключительно бѣлоруссами" (2—3). Первыя три волости населены бѣлоруссами католиками; тоже въ Дрисвятской и Опсовской; волости Браславская, Слободская и Красногорская представляютъ большинство православныхъ. Граница между литовцами и бѣлоруссами здѣсь опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „рѣка Дрисвятица, отдѣляющая въ началѣ своего теченія Новоалександровскій уѣздъ отъ Дисненскаго Виленской губерніи и впадающая съ южной стороны въ озеро Дрисвяты, юговосточный берегъ этого озера и рѣка Рыча или Рычанка, протекающая озеро Муйвы и впадающая въ озеро Рычи, на границѣ съ Курляндіей" (5). Однако такое опредѣленіе границы между бѣлоруссами и литовцами вызвало замѣчаніе К. Гуковскаго (Новоалександровскій уѣздъ, изъ Пам. кн. Ков. г. на 1895 г.) о томъ, что и къ западу отъ этой границы есть въ значительномъ количествѣ бѣлоруссы-католики и наоборотъ къ востоку отъ нея немало литовцевъ (22). Впрочемъ, какъ видно изъ предыдущаго, этого не отрицаетъ и Гнѣдовскій. — Мнѣ извѣстны бѣлорусскія записи изъ с. Дукштъ, м. Слободки, с. Плюсъ и д. Павловщины, м. Браслава, с. Опсы, м. Дрисвятъ, м. Видзъ, с. Рымшанъ и Смолвъ.

Далѣе граница идетъ по сѣверной части Лидскаго уѣзда: отъ Геранонъ къ югозападу почти до ст. Бастуны Полѣсск. ж. д. и далѣе до Заболотья; отсюда граница идетъ на сѣверъ, оставляя къ западу д. Пелесу и литовскую волость Радунь; въ бѣлорусскую область тутъ отходятъ Нача и Ейшишки. Отъ Ейшишекъ граница идетъ на югозападъ къ оз. Дубъ, далѣе къ пограничной чертѣ Гродненской губерніи до впаденія рѣчки Ротничанки у Друскеникъ въ р. Нѣманъ [1]). Западными сосѣдями бѣлоруссовъ, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, въ Ковенской и Виленской губерніяхъ являются уже литовцы.

Около Друскеникъ бѣлорусская рѣчь переходитъ въ Сувалкскую губернію — сначала въ Сейнинскій, а затѣмъ въ Августовскій уѣздъ. Въ Сувалкской губерніи сосѣдями бѣлоруссовъ съ сѣверозапада и запада являются уже поляки. Разгра-

---

[1]) Настоящая граница бѣлоруссовъ въ Виленской губерніи установлена по статьѣ Анонима: „Obszar języka litewskiego w gub. Wileńskiej" (Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. T. III, 1898), составленной по матеріаламъ, собраннымъ въ Виленской губерніи сельскими старшинами по распоряженію предводителя дворянства Виленской губерніи гр. Адама Плятера. Въ этихъ матеріалахъ указано, какія волости совершенно не имѣютъ литовскаго населенія, и въ какихъ оно смѣшано съ бѣлорусскимъ. Критеріемъ для такого дѣленія служитъ языкъ. Изъ смѣшанныхъ волостей бѣлорусскими я посчиталъ тѣ, гдѣ значительное большинство бѣлоруссовъ; такъ что кое-гдѣ бѣлорусскія поселенія попадаются и въ литовской области и наоборотъ—литовскія въ бѣлорусской. По этой статьѣ составлена проф. Яномъ Розвадовскимъ и прекрасная карта литовскаго языка въ губ. Виленской (ср. Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie. T. I, 1901 г., 89—94). Въ прежнихъ работахъ, напр., у А. Коревы (Виленская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Спб. 1861), Киркора (Живописная Россія, III, 13), П. Недешева (Русскій Фил. Вѣстникъ, XII), П. Чубинскаго (Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, т. VII, карта)—со словъ Нарбута — граница виленскихъ бѣлоруссовъ опредѣлялась очень неточно: возлѣ Вильны ихъ совсѣмъ не оказывалось, тогда какъ здѣсь они сидятъ сплошною массой. Уже больше мѣста удѣлено бѣлоруссамъ въ этнографическихъ картахъ Риттиха. Въ картѣ, приложенной къ литовской грамматикѣ Ф. Куршата (Grammatik der litauischen Sprache, Halle, 1876), бѣлорусская граница отнесена значительно дальше на западъ (къ западу отъ Рудниковъ, возлѣ Ейшишекъ съ востока). Но у Э. Вольтера (Zur Kunde der wilnaer litauischen Dialekte. II. Die Litauer von Ošmena. Mitteilungen der lit. liter. Geselschaft, Heft 20), наоборотъ, еще указано много мѣстъ, заселенныхъ литовцами даже къ юго-востоку отъ указанной границы, напр., въ волостяхъ Седлиской, Девенишской, Лугомовичской, Юратишской и Бакштанской. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ литовцы живутъ вперемежку съ бѣлоруссами. Отмѣтимъ островки литовцевъ къ востоку отъ Вильны по р. Лошѣ (притокъ Виліи).

ничивать бѣлоруссовъ и поляковъ значительно труднѣе, такъ какъ бѣлоруссы-католики съ интеллигентнымъ лицомъ здѣсь стараются говорить по-польски; но домашнимъ обиходнымъ языкомъ служитъ чисто бѣлорусскій, съ нѣкоторымъ лишь запасомъ полонизмовъ въ словарѣ; въ фонетикѣ полонизмовъ нѣтъ: нельзя слышать носовыхъ ą — ę, формъ неполногласныхъ, въ родѣ **głowa, krowa, broda,** вмѣсто — голова, корова, борода, шипящаго *rz*: **brzeg** вм. берегъ, *dz* вм. *ж* и *c* вм. *ч*: **miedza** вм. межа, **noc** вм. ночь, ударенія на предпослѣднемъ слогѣ. По Сувалкской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ отъ р. Нѣмана на Концёво къ Августовскому каналу; затѣмъ по системѣ канала до г. Августова и далѣе по р. Нетѣ до границы съ Гродненской губерніей. Отмѣченную границу по Сувалкской губ. лѣтомъ 1901 г. мнѣ удалось установить лично [1]). Къ такимъ же выводамъ придемъ и на основаніи книги Э. А. Вольтера: „Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи". Спб. 1901.

И въ Гродненской губерніи западными сосѣдями бѣлоруссовъ являются поляки. И здѣсь католики-бѣлоруссы въ своемъ словарѣ имѣютъ много полонизмовъ, такъ что проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ ихъ рѣчь называетъ даже бѣлорусско-польской (сравни его записи въ краковскомъ изданіи: „**Zbiór wiadomości do antropologii krajowej**", XVI и XVIII). Такъ же называетъ эти говоры и М. Федеровскій въ книгѣ: „**Lud białoruski na Rusi litewskiej**". Т. I. W Krakowie. 1897, XI—XII; у него же указываются и границы этихъ говоровъ. Съ поляками Гродненской губерніи бѣлоруссы сталкиваются въ Сокольскомъ и Бѣлостокскомъ уѣздахъ. Тутъ граница идетъ въ южномъ направленіи около Суховоли и Корицина къ западу отъ нихъ на Кнышинъ, Бѣлостокъ, не доходя до послѣдняго верстъ на 14 съ запада (Хорощъ); потомъ она идетъ на Суражъ до р. Нарева [2]). За этой рѣкою къ югу уже малоруссы.

---

[1]) Въ прежнее время бѣлоруссы жили здѣсь, повидимому, еще южнѣе: ...„по указанію мѣстныхъ дѣятелей, полоса эта идетъ еще дальше на югъ до Райгорода"; „все это населеніе называетъ себя племенемъ Русь, употребляя бѣлорусское нарѣчіе, которое можно даже встрѣтить еще южнѣе въ Ломжинскомъ уѣздѣ" (Риттихъ: Приложеніе къ матеріаламъ для этногр. Царства Польск. Спб. 1864, стр. 16).

[2]) Въ Матеріалахъ Кеппена имѣется письмо Л. Сосновскаго съ неболь-

Малорусская рѣчь представляетъ много сходства съ бѣлорусскою въ звукахъ, формахъ и словарѣ, такъ что для лицъ, не знакомыхъ научнымъ образомъ съ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ, разграниченіе бѣлоруссовъ и малоруссовъ на первый взглядъ кажется затруднительнымъ. Это затрудненіе увеличивается еще отъ того, что смѣшанные сѣверно-малорусскіе говоры иногда знаютъ *дз* вм. *д* мягкаго, *ц* вм. *т* мягкаго, *р* твердое, что̀ нѣкоторымъ кажется въ данномъ случаѣ типичной бѣлорусской чертой. Но дѣло въ томъ, что *р* твердое вм. мягкаго спорадически встрѣчается во всѣхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ; остается *дз* и *ц* мягкое вм. *д* и *т* мягкихъ, но и они не типичны, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ могутъ быть объясняемы, какъ заимствованія малоруссами у бѣлоруссовъ. Правда, малоруссы очень не любятъ дзекающаго произношенія: въ своихъ насмѣшкахъ надъ бѣлоруссами они подчеркиваютъ именно эту черту: „хиба лихо озме литвина, щобъ вінъ не дзекнувъ“.—Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію, для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ здѣсь служитъ, кромѣ чисто антропологическихъ особенностей, а затѣмъ быта, то или другое произношеніе общерусскихъ *е* и *и*, а въ связи съ ними и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣлоруссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда мягки, вслѣдствіе чего они смягчаютъ предшествующіе имъ согласные, тогда какъ у малоруссовъ эти звуки всегда тверды. Бѣлоруссъ скажетъ — ведзешъ, милы, бици, а малоруссъ — вэдэшъ, мылы, быты. Понятно, что малоруссы не знаютъ и *дз* — *ц* мягкихъ передъ общерусскими *е* — *и* и ихъ замѣнителями, но въ смѣшанныхъ говорахъ малоруссы знаютъ *дз* и *ц* мягкіе передъ

шою этнографической картой Бѣлостокской области (ср. № 474). На этой картѣ бѣлорусская граница идетъ къ югу около Суховоли и Корицина, причемъ оба они отходятъ въ польскую территорію, а Яновъ въ бѣлорусскую, потомъ прямо черезъ Хорощъ и возлѣ самой Туросни къ Нареву. Сообщеніе это однако оказывается, какъ показали мои личныя наблюденія и разспросы, далеко не точнымъ. Бѣлоруссы не только въ Суховолѣ, но и къ западу отъ нея въ д. Карповичахъ на рѣчкѣ Березовкѣ и даже далѣе (Ясвилы, Калиновка), но не достигаютъ Гоніондза, гдѣ уже только мазуры. Далѣе граница подходитъ къ самому Нареву при впаденіи въ него р. Супрасли, и отсюда все время идетъ по этой рѣкѣ, лишь къ западу отъ Бѣлостока имѣется нѣсколько мазурскихъ поселеній (Избище, Коновалы, Крушево, Панькп, Рогово).

е и *і* изъ общерусскаго *ѣ*, которые у нихъ бываютъ мягкими, напр., дзівуля, дзевчина; возможны *дз — ц* у нихъ еще на концѣ передъ стариннымъ *ь*: ходиць. Еще въ смѣшанныхъ говорахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть ли въ нихъ аканье, т.-е. произношеніе, въ родѣ в*а*да, н*я*су, или нѣтъ: акаютъ только бѣлоруссы. Такимъ образомъ, при разграниченіи бѣлоруссовъ и малоруссовъ слѣдуетъ обращать вниманіе на произношеніе общерусскихъ *е* и *и*: бѣлоруссы никогда не произносятъ ихъ твердо, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (*сэрце*, *уздэчка*, формы на *-эй* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ *злэй*). Если при этомъ еще окажется *дз — ц* мягкое и *р* твердое, то говоръ несомнѣнно бѣлорусскій, хотя бы остальныя черты и были малорусскія, напр., дифтонги *уо*, *юо*, *іе*, появленіе *у* на мѣстѣ *о* (ў нов*у*мъ) и под. Не знаю, какъ быть въ тѣхъ случаяхъ, когда есть одно только твердое *э* и притомъ лишь послѣ губныхъ *б*, *п*, *в*, *м*. Такой говоръ существуетъ въ окрестностяхъ м. Шерешова Пружан. у. Гродн. г. (ср. отвѣтъ на одну бѣлорусскую программу (№ 9), напечатанный въ „Матеріалахъ для изученія переходныхъ говоровъ"). Здѣсь въ бѣлорусскомъ говорѣ, кажется, еще только зараждаются малорусскія особенности. Твердое *э* вм. *е* изрѣдка можно слышать и въ бѣлорусскомъ говорѣ м. Любеча Городн. у. Черниг. губерніи и нѣкоторыхъ другихъ самыхъ южныхъ бѣлорусскихъ окраинахъ (обыкновенно послѣ губныхъ и лишь спорадически послѣ *д*).

Держась указанныхъ принциповъ, южную границу бѣлоруссовъ проведемъ слѣдующимъ образомъ: рѣкою Наревомъ, по Бѣльскому уѣзду Гродненской губ. до Бѣловѣжской пущи; далѣе по р. Наревкѣ она прорѣзываетъ послѣднюю[1]) до м. Шерешова[2]), а отсюда идетъ на востокъ сѣвернѣе г. Пружанъ къ

---

[1]) „Жители села Бѣловѣжа и двадцати четырехъ деревень, расположенныхъ въ центрѣ Бѣловѣжской пущи или же на ея окраинахъ;—всѣ почти бѣлоруссы". (Бѣловѣжская пуща и зубры. Очерки Ф. А. Глинскаго. Памятн. книжка Гродн. губ. на 1899 г., стр. 17—18). Сообщеніе правильное; мы сказали бы лишь, что въ центрѣ пущи и на востокѣ отъ нея бѣлоруссы. На самомъ западѣ, напр. при ст. Гайновка бѣлоруссовъ нѣтъ.

[2]) У Шейна (т. II) приводятся записи изъ м. Шерешова и Буды, но Федеровъ

р. Ясельдѣ до Картузъ-Березы; отсюда, захватывая Стрычовъ, почти параллельно варшавско-московскому шоссе направляется къ р. Щарѣ, затѣмъ по послѣдней переходитъ въ Минскую губернію. Здѣсь отъ р. Щары бѣлорусская граница идетъ приблизительно по р. Бобрику въ юговосточномъ направленіи къ м. Лунинъ недалеко отъ ст. Лунинецъ (при пересѣченіи полѣсскихъ жел. дорогъ), захватывая въ бѣлорусскую область деревни Хотынiчи, Малковичи и Дятловичи. Здѣсь, значитъ, мы заходимъ въ сѣверную часть Пинскаго уѣзда (ср. Памятную книжку виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 годъ, Спб. 1868, стр. 63 [1]), ст. Быковскаго). Далѣе, граница спускается къ р. Припяти, при чемъ иногда и къ сѣверу отъ нея попадаются малорусскія поселенія (Люденевичи), но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлоруссы даже проникаютъ на правый ея берегъ, напр. у Давыдъ-городка и особенно клиномъ въ западной части Рѣчицкаго уѣзда до границы съ Волынской губерніей. Припятью граница идетъ по уѣздамъ Мозырскому и Рѣчицкому и достигаетъ до самаго Днѣпра.

За Днѣпромъ мы уже переходимъ въ область Черниговской и Могилевской губерній. Вся Могилевская губернія населена бѣлоруссами; малорусскій элементъ сказывается лишь въ рѣчи населенія нѣкоторыхъ мѣстъ южной части Гомельскаго уѣзда; зато бѣлорусскія особенности сильно замѣтны въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи; иногда здѣсь и чистая бѣлорусская рѣчь; такъ что граница бѣлорусскихъ говоровъ, переходя за Днѣпръ изъ Минской губерніи, должна быть проведена сначала по Днѣпру къ сѣверу приблизительно до м. Любеча; отсюда на востокъ по направленію къ м. Рѣпки и далѣе къ Сѣдневу; потомъ ломанной линіей на сѣверъ почти до границы съ Могилев. губерніей; затѣмъ по границѣ уѣздовъ Новозыбковскаго и Сосницкаго и далѣе на востокъ по Новго-

скій (Lud białoruski, I т., IX, вып.) не считаетъ эти матеріалы бѣлорусскими, конечно, безъ всякаго основанія.

[1]) Свадебные обряды, вып. 1: „Возьмемъ для примѣра слово *ходить*; прошедшаго времени множественное число по-бѣлорусски говорится — *хадзили;* въ деревнѣ Хотыничахъ, первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ, говорятъ *ходзили*, въ слѣдующей деревнѣ Бобрикѣ—*ходили*, еще далѣе въ Плоскиняхъ—*ходылы*.

родъ-Сѣверскому уѣзду до р. Десны, оставляя уѣздный городъ къ югу [1]). За Десной бѣлорусскую рѣчь можно отмѣтить въ с. Юриновкѣ; далѣе граница идетъ по Деснѣ до Орловской губерніи. Малоруссы „всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ Десны вообще называютъ задесенцами и считаютъ ихъ литвинами [2]), несмотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ Сосницкаго уѣзда преобладаетъ чисто южнорусскій типъ“ [3]). Если судить по описанію этихъ говоровъ у Чубинскаго (VII, 491), они бѣлорусскіе. Конечно, въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ. (особенно въ городахъ) мѣстами слышится и малорусская рѣчь [4]).

Въ Орловской, Калужской, Смоленской, Тверской и Псковской губерніяхъ бѣлоруссамъ приходится сосѣдить съ великоруссами, больше съ южновеликоруссами. Какъ извѣстно, бѣлорусская рѣчь имѣетъ много общаго съ южновеликорусскими говорами, такъ что здѣсь опять представляется немало трудностей при разграниченіи тѣхъ и другихъ. Тутъ прежде всего слѣдуетъ различать бѣлоруссовъ по образу жизни: они селятся въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ; великоруссы поэтому и называютъ ихъ полѣхами, а мѣстность ихъ Полѣсьемъ. „Водораздѣльные лѣса стали одинаково племенною границею здѣсь (въ Орловской, Калужской и Смоленской губ.) на востокѣ Бѣлоруссіи, какъ не перестаютъ быть межою подобные же густые лѣса на югѣ, востокѣ, сѣверѣ обширнаго Бѣлорусскаго

[1]) Есть даже свидѣтельства, что бѣлорусскія особенности встрѣчаются въ сѣверной части Черниговскаго уѣзда (ср. Русск. Фил. Вѣстн., XI, 118, и Списки населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. Черниговск. губ. Спб. 1866, XXXI). Бѣлоруссы нѣкоторыхъ мѣстъ Черниговской губ. не дзекаютъ, но и не знаютъ твердыхъ согласныхъ передъ *е* и *и* (возлѣ Городни). Впрочемъ сказанное безусловно относится къ мѣстностямъ, лежащимъ къ сѣверу отъ болотъ Перистаго и Замглая; къ югу отъ нихъ иногда уже слышится э вм. *е*.

[2]) Въ Малороссіи жители Задесенской части Черниговской губерніи извѣстны подъ общимъ названіемъ „Литвиновъ“. Этимъ именемъ малороссіяне зовутъ вообще всѣхъ бѣлоруссовъ, полагая отличительными ихъ чертами—*дзеканье*, а въ одеждѣ *бѣлый цвѣтъ* и *лапти*. Признаки эти имѣютъ и черниговскіе литвины, отличаясь ими отъ коренныхъ малороссіянъ... Чистый типъ бѣлоруса является только въ полной силѣ въ уѣздахъ: Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Стародубскомъ и отчасти Городнянскомъ. (Матеріалы для географіи и статистики Черн. губ., 532, 533).

[3]) Календарь Черниговской губ. на 1887 г.; ср. А. И. Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 69, выноска.

[4]) Ср. отзывъ г-жи Косичъ въ „Живой Старинѣ“ 1901 г., кн. II.

края съ племенами малорусскимъ, литовскимъ, латышскимъ и опять великорусскимъ“ (Живописная Россія, III, 435, ст. С. Максимова). Далѣе, міровоззрѣніе и народная поэзія у бѣлоруссовъ часто не сходятся съ великорусскими; наконецъ, что́ особенно важно, у бѣлоруссовъ много словарныхъ особенностей, часто неизвѣстныхъ великоруссамъ-сосѣдямъ. Въ фонетикѣ и морфологіи можно отмѣтить слѣдующія исключительно бѣлорусскія черты: 1) *дз*—*ц* мягкіе вм. *д* и *т* мягкихъ (но иногда этихъ свистящихъ звуковъ и не бываетъ), напр., дзѣци (ср. С. Максимовъ: Обитель и житель. Древняя и новая Россія, 1876, № 8, стр. 299—300); 2) появленіе ў краткаго на мѣстѣ *у* безударнаго, стоящаго передъ согласными: ўмёръ; на мѣстѣ предлога *въ*: ўкинуў ў мѣхъ, и, что особенно характерно,—на мѣстѣ *л* въ прошедшемъ времени и нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: быў, просиў, поўны; 3) удвоеніе согласныхъ передъ *j*: Илля, свиння; 4) появленіе слоговъ *ыj*—*ij* вм. великорусскихъ *oj*—*ej*: мый, мыю, пій, шія, злый. Къ этимъ особенно существеннымъ чертамъ еще прибавимъ: 5) смѣшеніе *р* твердаго и *р* мягкаго: цара, я—рядъ (laetus); 6) появленіе *дж* вм. *ж*: гляд͡жу; 7) смягченіе *г*, *к*, *х* въ склоненіи словъ: на дузѣ, на лаўцѣ, ў стрѣсѣ; 8) множественное число при 2—4 въ мужескомъ родѣ: два ваўки́, и возможность двойственнаго при женскомъ и среднемъ родахъ: три бядзѣ, два сялѣ; 9) возможность звательнаго падежа: сынку, чалавѣче; 10) особый видъ повелительнаго со звукомъ *е* изъ стараго *ѣ* передъ окончаніемъ: хадзе́мъ, купе́ця; 11) отсутствіе именит. п. мн. ч. у словъ муж. рода на *а*: вмѣсто „пояса́“ бѣлоруссъ скажетъ „паясы́“ или „паясэ́“, вм. „лѣса́“—лясы́“ или „лясэ́“. Не стану перечислять другихъ бѣлорусскихъ особенностей, неизвѣстныхъ великоруссамъ (ихъ можно найти въ спеціальныхъ пособіяхъ по бѣлорусскому нарѣчію), такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы отличить рѣчь бѣлорусса отъ рѣчи великорусса.

Принимая во вниманіе указанныя особенности бѣлорусскихъ говоровъ, границу ихъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ Орловской губерніи можно провести приблизительно въ Труб-

чевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ по правому берегу р. Десны. Въ обоихъ этихъ уѣздахъ къ западу отъ Десны наблюдается несомнѣнно бѣлорусскій типъ: бѣлые и коричневые колпаки — валенки; у стариковъ рубахи съ широкими откладными воротниками и прямымъ разрѣзомъ посерединѣ; постройки бѣлорусскія. Но чистая бѣлорусская рѣчь въ Трубчевскомъ уѣздѣ лишь въ 2-хъ приходахъ Семецкомъ (въ 12 верстахъ отъ ст. Почепъ) и Котовскомъ, лежащихъ по р. Рожку, притоку Судости. Населенія всего около 5000. Въ Брянскомъ уѣздѣ чистые бѣлоруссы въ Акулицкой волости (Акуличи въ 35 верстахъ отъ ст. Акуличи) и отдѣленной отъ нея въ послѣднее время волости Лутенской. Здѣсь теперь пять приходовъ: Акулицкій, Мужиновскій, Воробейнскій, Лутенскій, Деньгубовскій, съ населеніемъ (по свѣдѣніямъ 1902 г.) въ 15128 чел. обоего пола [1]).

Далѣе граница бѣлорусской области переходитъ въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи. Въ „Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи. Калужская губ., ч. II. Спб. 1864. Составилъ М. Попроцкій“, стр. 183, читаемъ: „Жители Калужской губерніи говорятъ великорусскимъ языкомъ, но въ произношеніи весьма многихъ словъ жителями Масальскаго и западной части Жиздринскаго уѣздовъ замѣтно сосѣдство Бѣлоруссіи. По нѣкоторымъ оттѣнкамъ въ языкѣ и нѣкоторымъ обычаямъ, жители западной части Масальскаго уѣзда разнятся нѣсколько отъ жителей восточной его половины: первые и понынѣ слывутъ подъ именемъ *полѣховъ*, а послѣд-

[1]) До послѣдняго времени имѣлись слѣдующія свѣдѣнія о бѣлоруссахъ Орловской губерніи: Жители Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ Орловской губерніи извѣстны подъ именемъ полѣховъ (Очерки Россіи, Пассека, IV. Цитата взята у Соболевскаго: Опытъ русской діалектологіи, 15, 4 вып.). С. Максимовъ отмѣчаетъ ихъ дзеканье. (Древняя и новая Россія, 1876 г., № 8, 299 — 300, 306). Брянскій, Сѣвскій, Трубчевскій и Карачевскій уѣзды Орловской губ. относитъ къ Бѣлоруссіи де-Ливронъ (ср. Живописная Россія, III, 250). С. Максимовъ также раздвигаетъ Орловское и Калужское Полѣсье и на лѣвый берегъ Десны (Живоп. Россія, III, 432, 436). По даннымъ, имѣвшимся у Кеппена (Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ, I, 467—471) бѣлоруссами несомнѣнно населена Акулицкая волость Брянскаго уѣзда, состоящая изъ 13 селеній. „Всѣ они лежатъ въ лѣсахъ и болотахъ въ самомъ сѣверномъ углу Орловской губ., у Черниговской и Смоленской границы“. Въ 1848 году всего населенія здѣсь было — муж. пола 2533 и женскаго 2507 душъ. Часть жителей еще раньше переселилась въ Оренбургскую губернію. Приведенныя выше свѣдѣнія относительно бѣлоруссовъ Орловской губ. собраны мною лично въ послѣднюю поѣздку.

ніе подъ именемъ *полянъ*". Изслѣдованію языка западныхъ калужскихъ говоровъ посвящены три работы: академика А. А. Шахматова (Русс. Фил. Вѣстн., XXXVI), Караулова (тамъ же, XLIII) и особенно А. Никольскаго (тамъ же, XLVI, XLVII, XLIX). Разсматривая особенности языка этихъ полѣховъ, приходимъ къ заключенію, что жители самой западной части Жиздринскаго и Масальскаго уѣздовъ, дѣйствительно, бѣлоруссы, но только принявшіе немало особенностей и южновеликорусскихъ говоровъ. У нихъ между прочимъ уже нѣтъ и дзеканья и твердаго *р*. Бѣлорусскія особенности замѣтны здѣсь въ большей или меньшей степени лишь въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Деснѣ, по границѣ Рославльскаго и отчасти Ельнинскаго уѣздовъ Смолен. губерніи.

Въ Смоленской губерніи граница бѣлорусскаго племени идетъ по межѣ между уѣздами Дорогобужскимъ и Бѣльскимъ, съ одной стороны, и Юхновскимъ, Вяземскимъ и Сычевскимъ— съ другой; при чемъ большая часть губерніи населена бѣлорусскимъ племенемъ и лишь четыре восточные уѣзда (Юхновскій, Вяземскій, Сычевскій и Гжатскій) принадлежатъ южновеликорусскому нарѣчію [1]). Вообще, къ востоку отъ Смоленска по желѣзнымъ дорогамъ (которыхъ здѣсь много) бѣлорусская рѣчь уступаетъ мѣсто великорусской, какъ это удалось наблюсти мнѣ лично.

Въ Тверской губерніи бѣлорусскія поселенія съ нѣкоторыми особенностями даже сѣверновеликорусскихъ говоровъ (взаимная мѣна *ч* и *ц*) начинаются у г. Зубцова, далѣе тянутся по правому берегу Волги (Молодой Тудъ), гдѣ живутъ тудовляне, заходя иногда даже и на лѣвый ея берегъ (по р. Итомлѣ въ Ржевскомъ уѣздѣ и р. Малой Кошѣ въ Осташковскомъ [2]);

[1]) Сообщеніе С. Максимова (Живописная Россія, III, 442), что наибольшая часть Бѣльскаго уѣзда—восточная—населена великоруссами, оказывается невѣрнымъ.

[2]) Преображенскій: Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 1854, 78. Тутъ указываются бѣлоруссы еще въ Старицкомъ уѣздѣ. В. Покровскій (Историко-статистическое описаніе Тверской губ. Т. I. Тверь, 1879—1882, 8⁰, 240 + 146 + 289) о составѣ населенія губерніи замѣчаетъ слѣдующее (стр. 125): „почти всѣ они (жители) принадлежатъ къ великорусскому типу, кромѣ небольшого числа жителей Ржевскаго уѣзда (по р. Молодому Туду, близъ Смоленск. гра-

затѣмъ граница бѣлорусскихъ говоровъ подходитъ къ истокамъ Волги и Зап. Двины. Бѣлорусское дзеканье, по Далю, слышится въ Корчевѣ и Торжкѣ.

Въ восточной части Псковской губерніи бѣлоруссы не простираются дальше Зап. Двины. Затѣмъ граница бѣлорусской области идетъ по южнымъ частямъ Великолуцкаго, Торопецкаго, Опочецкаго уѣздовъ. М. Колосовъ (Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878, стр. 147, вып. 2) отмѣчаетъ бѣлоруссовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Псковской губерніи (Великолуцкій, Опочецкій [1]) и Холмскій) и даже Московской (Рузскій, Волоколамскій и Можайскій).

Вслѣдствіе разныхъ войнъ Москвы съ Литвой и Польшей бѣлоруссы нерѣдко попадали въ плѣнъ и бывали поселяемы на окраинахъ русскаго племени по сосѣдству съ инородцами; таковы, вѣроятно, ситкари на р. Сити, притокѣ Мологи, въ Ярославской губ. [2]). Въ XVIII вѣкѣ иногда выселяли бѣлоруссовъ на пожалованныя вотчины; таковы, напр., паны, бутаки, занимающіеся добываніемъ поташа изъ золы, майданнымъ промы-

ницы), говоромъ своимъ сходныхъ съ бѣлоруссами". Какъ показали мои личныя наблюденія, бѣлоруссы простираются по Туду почти до Волги, но болѣе чистая рѣчь лишь на западѣ, напр. въ Бобровкѣ, Холмецѣ, Васильевскомъ. По рѣчкѣ Итомлѣ встрѣчаются лишь отдѣльныя бѣлорусскія черты. Вообще же въ настоящее время тверскіе бѣлоруссы сильно ассимилируются съ великоруссами.

[1]) Въ этомъ уѣздѣ отмѣчаетъ бѣлоруссовъ и Максимовъ (Живоп. Россія, III, 448).

[2]) Ср. С. Максимовъ: Обитель и житель. Древняя и новая Россія 1876, № 8, 300. Акад. Шахматовъ (Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. Ж. М. Н. Пр. 1899, апр., 39) смотритъ на это населеніе иначе: считаетъ ихъ колонистами древнихъ вятичей, ассимилировавшимися съ кривичами. Интересныя справки по вопросу о поселеніяхъ бѣлоруссовъ собраны въ разныхъ мѣстахъ у Кеппена, преимущественно изъ Карамзина („Исторія Государства Россійскаго"). Такъ о плѣнныхъ литовцахъ (подъ которыми во многихъ мѣстахъ разумѣются и бѣлоруссы)—Карамз. II, 176; въ 1503 г. вел. кн. Іоаннъ III увѣдомилъ кр. хана Менгли Гирея, что онъ изъ завоеванныхъ имъ (возвращенныхъ) отъ Литвы городовъ переводитъ въ иныя мѣста всѣхъ худорасположенныхъ къ намъ жителей — Карамз. VI, 323; въ 1535 г. изъ Литвы переселились въ Россію 300 семей съ женами и съ дѣтьми (по приглашенію вел. кн. Елены)—Карамз., VIII, 42; примѣч. 66. Кеппенъ здѣсь замѣчаетъ (677): не они ли поселены въ Рязанской губерніи, гдѣ многія мѣста имѣютъ имена сходственныя съ названіями мѣстъ въ Могилев. губ.?—Русскіе въ 1563 г., разоривъ мѣста между Дубровною и Кричевымъ, берутъ въ плѣнъ множество земледѣльцевъ. Карамз. IX, 57. Литовцы витебскіе въ плѣну. Карамз. IX, 102.

сломъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи [1]). Тѣми же обстоятельствами, конечно, вызваны незначительныя поселенія бѣлоруссовъ въ Херсонской [2]) и Пензенской губ. (Живоп. Россія, III, 250). Бывали случаи и добровольныхъ переселеній въ чужія страны больше изъ видовъ экономическихъ. Таковы поселенія бѣлоруссовъ въ губ. Курской и Харьковской [3]). Въ послѣднее время бѣлоруссы въ качествѣ колони-

[1]) Ср. Б. Ляпуновъ: Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегор. губ. Спб. 1894, 13—16. отд. отт. изъ „Живой Старины".

[2]) Въ „Путевыхъ Замѣткахъ при объѣздѣ Днѣпровскаго и Мелитпольскаго уѣздовъ Таврической губ. въ 1835 году" Ив. Андреевскаго (Одесса. 1839), стр. 37, читаемъ: „Сел. *Каиры*. Общество поселянъ составлено на половину изъ малороссіянъ, великороссіянъ и частію изъ бѣлорусцевъ (литвиновъ Черниговской губ.). Такимъ образомъ поселены почти всѣ казенныя селенія восточной части уѣзда (Днѣпровскаго) къ киргизскимъ землямъ, за исключеніемъ, что бѣлорусцы находятся не болѣе, какъ въ двухъ селеніяхъ". Кеппенъ (639) приводитъ сообщеніе о бѣлоруссахъ въ четырехъ селеніяхъ Херсонскаго уѣзда (изъ общаго обозрѣнія государственныхъ имуществъ Херсонской губерніи, составленнаго барономъ Розеномъ въ 1837 году). Онъ же (644 карточка) свидѣтельствуетъ о бѣлоруссахъ въ Мелитпольскомъ уѣздѣ—Новоалександровка (Литвиновка).

[3]) Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1862 г. Курская губ." Спб. 1868, XXXVI, читаемъ: „въ Путивльскомъ уѣздѣ жителей нѣкоторыхъ селеній признаютъ переселенцами изъ Литвы и называютъ *горюнами*, потому что они „ради горя и нужды" оставили свой край: по всей вѣроятности это бѣлоруссы"... Когда я читалъ свой рефератъ: „О разграниченіи русскихъ нарѣчій" на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, проф. М. Г. Халанскій о бѣлоруссахъ Курской губ. высказался подобнымъ же образомъ. Въ Путивльскій уѣздъ „горюны" входятъ съ запада клиномъ; у нихъ нѣтъ дзеканья, но слишкомъ мягкое произношеніе *д* и *т*; есть ў и другія бѣлорусскія особенности, преимущественно въ словарѣ; бытовыя черты чисто бѣлорусскія. Стр. LI: бѣлоруссовъ показано 23000 чел. Редакція „Списка" нѣсколько сомнѣвается въ возможности такого количества бѣлоруссовъ въ Курской губерніи, хотя считаетъ невозможнымъ „допустить, чтобы приходскіе священники не умѣли различать съ точностью малороссіянъ отъ бѣлоруссовъ и великороссіянъ. Это вполнѣ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бѣлоруссы показаны отдѣльно отъ малороссіянъ и великороссіянъ". Бѣлоруссы значатся въ слѣдующихъ селеніяхъ: *Курскаго* уѣзда—Усть-Плоскомъ Колодезѣ; *Грайворонскаго*—Лаптевѣ, Коровинѣ и Красномъ Починкѣ; *Льговскаго*—Кочетномъ; *Новооскольскаго*—Протопоповкѣ, Чернянкѣ, Окуняхъ, Аделаидовкѣ; *Обоянскаго* — Новомъ, Самаринѣ, Хомутцахъ, Климовкѣ, Картамышевѣ; *Путивльскаго*—Берюхѣ, Новой слободѣ, Линовѣ, Калищахъ, Бувалинѣ, Старыхъ и Новыхъ Вирахъ; *Рыльскаго* — Толпинѣ, Гавриловкѣ, Александровкѣ и Клевени; *Суджанскаго*—Плеховѣ, Крупцахъ, Камышнѣ, Гирьяхъ и Мальцовѣ. — Бѣлоруссы кое-гдѣ оказываются и въ Харьковской губ. Проф. Багалѣй (Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Харьковъ. 1886, 79) отмѣчаетъ бѣлорусскихъ выходцевъ въ г. Сумахъ еще въ 1678 г. (3 семейства изъ Могилева и 1 изъ Полоцка). Въ „Спискѣ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1864 года. Харьковская губ." Спб. 1869, всего бѣлоруссовъ по-

стовъ-переселенцевъ попали въ многія отдаленныя мѣста Сибири и Средней Азіи. И здѣсь они остались вѣрны себѣ: селятся въ мѣстахъ, богатыхъ лѣсами и водными бассейнами. По свидѣтельству М. Ковалевскаго (Экономическій строй Россіи. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900), бѣлоруссы составляютъ $^5/_6$ населенія богатаго указанными особенностями природы Уссурійскаго края.

Такимъ образомъ, бѣлорусская рѣчь въ той или другой степени раздается въ губерніяхъ: Витебской (большая часть), Курляндской (незначительная часть), Ковенской (незначительная часть), Виленской (большая часть), Гродненской (половина), Сувалкской (одинъ уѣздъ), Минской (большая часть), Могилевской (вся губернія), Черниговской (значительная часть на сѣверѣ), Орловской (западный уголъ), Калужской (незначительная часть), Смоленской (большая часть), Тверской (незначительная часть), Псковской (незначительная часть).

Какъ можно видѣть изъ прилагаемой при семъ карты, бѣлорусскую рѣчь знаютъ слѣдующіе уѣзды (расположимъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ):

Августовскій Сувалк. г.
Бобруйскій Минск. г.
Борисовскій Минск. г.
Брянскій Орловск. г.
Быховскій Могил. г.
Бѣльскій Гродн. г.
Бѣльскій Смолен. г.
Бѣлостокскій Гродн. г.
Велижскій Витеб. г.
Великолуцкій Псков. г.
Вилейскій Вилен. г.
Виленскій Вилен. г.
Витебскій Витеб. г.
Волковыскій Гродн. г.
Гомельскій Могилев. г.
Горецкій Могил. г.
Городнянскій Черн. г.
Городокскій Витеб. г.
Гродненскій Гродн. г.
Двинскій Витеб. г.
Дисненскій Вилен. г.
Дорогобужскій Смол. г.
Дриссенскій Витеб. г.
Ельнинскій Смол. г.

казано 9967 человѣкъ. Ими населены были мѣста: въ *Ахтырскомъ* уѣздѣ—Каменецкое, Ницаха, Буды; въ *Богодуховскомъ* — Солдатское, Горловка, Матвѣевка, Горбаневка, Новософіевка, Воскресенское, Петровскій, Губаровка, Новоселье, Благодатная, Константиновка, Ковалевка, Грузская, Пріютъ, Трудолюбовка, Михайловка и Бардаковая; въ *Изюмскомъ*—Протопоповка.

Жиздринскій Калуж. г.
Зубцовскій Тверск. г.
Игуменскій Минск. г.
Иллукстскій Курлянд. г.
Климовичскій Могил. г.
Красненскій Смол. г.
Лепельскій Витеб. г.
Лидскій Вилен. г.
Люцинскій Витеб. г.
Масальскій Калуж. г.
Мглинскій Черниг. г.
Минскій Минск. г.
Могилевскій Могил. г.
Мозырскій Минск. г.
Мстиславскій Могил. г.
Невельскій Витеб. г.
Новгородъ-Сѣверскій Черн. г.
Новоалександровскій Ковен. г.
Новогрудскій Минск. г.
Новозыбковскій Черн. г.
Опочецкій Псков. г.
Оршанскій Могил. г.
Осташковскій Тверск. г.
Ошмянскій Вилен. г.

Пинскій Минск. г.
Полоцкій Витеб. г.
Порѣчскій Смол. г.
Пружанскій Гродн. г.
Ржевскій Тверск. г.
Рогачевскій Могил. г.
Рославльскій Смол. г.
Рѣжицкій Витеб. г.
Рѣчицкій Минск. г.
Свенцянскій Вилен. г.
Себежскій Витеб. г.
Сейненскій Сувалк. г.
Слонимскій Гродн. г.
Слуцкій Минск. г.
Смоленскій Смолен. г.
Сокольскій Гродн. г.
Стародубскій Черниг. г.
Суражскій Черниг. г.
Сѣнненскій Могил. г.
Торопецкій Псков. г.
Трокскій Вилен. г.
Трубчевскій Орлов. г.
Чаусскій Могил. г.
Чериковскій Могил. г.

Мы видѣли, на какомъ пространствѣ раздается бѣлорусская рѣчь. Принимая условно, что всѣ говорящіе на бѣлорусскомъ нарѣчіи бѣлоруссы, мы будемъ считать указанныя границы въ то же время предѣлами бѣлорусскаго племени.

Если теперь внимательнѣе присмотрѣться къ физической картѣ указанной мѣстности (возьмемъ, напр., „Гипсометрическую карту западной части Европейской Россіи ген. А. Тилло“), то окажется, что граница бѣлорусскаго племени, вообще говоря, на востокѣ и на сѣверѣ идетъ по водораздѣламъ рѣкъ и ихъ притоковъ, составляющихъ, съ одной стороны, бассейнъ Днѣпра (Десна съ притокомъ Болвой, Сожъ, Днѣпръ), Зап. Двины (Обша, Лучесса, Межа, Двина, Дрисса), съ другой — бассейнъ Волги и ея притоковъ (Оки, Жиздры, Угры, Вазузы), Ловати и Великой. На западѣ и на югѣ границей бѣлоруссовъ служатъ больше болота. Обыкновенно границами между народностями или племенами являются высокіе горные хребты, большія водныя пространства или же неприступныя въ другихъ отношеніяхъ мѣстности. Долина Европейской Россіи только по краямъ окаймлена такими границами: Уральскими, Карпатскими и Кавказскими горами, съ юга, сѣвера и отчасти съ запада — морями; посерединѣ же она не представляетъ замѣтныхъ естественныхъ преградъ и производитъ общее впечатлѣніе равнины. По словамъ французскаго географа Э. Реклю („Земля и люди“, V, II, 3), можно проѣхать всю Россію изъ конца въ конецъ, отъ одного моря до другого, не покидая низменныхъ равнинъ, которыя кажутся столь же гладкими, какъ поверхность океана. Это замѣчаніе вполнѣ примѣнимо и къ мѣстности, занятой бѣлоруссами. Мы не станемъ детально разсматривать ее, такъ какъ эта задача въ подробностяхъ уже выполнена въ извѣстныхъ работахъ по отдѣльнымъ губерніямъ, принадлежащихъ офицерамъ генеральнаго штаба [1]), либо статистическими комитетами (напр. по Ковенской и Витебской губ.), либо, наконецъ, другими учрежденіями, отдѣльными ли-

[1]) „Матеріалы для географіи и статистики Россіи“—по губерніямъ Виленской, Гродненской, Калужской, Ковенской, Курляндской, Минской и Смоленской.

цами и предпринимателями [1]). Даже сдѣланы довольно удачныя извлеченія почти изъ всѣхъ перечисленныхъ пособій съ разными цѣлями въ работахъ Д. Багалѣя [2]), М. Довнара-Запольскаго [3]), П. Голубовскаго [4]), В. Данилевича [5]) и др. Для нашихъ цѣлей достаточно ограничиться указаніемъ главныхъ особенностей.

Вся бѣлорусская область, будучи въ общемъ равниной, представляетъ всеже холмистый видъ. Она наполнена идущими въ разныхъ направленіяхъ отрогами среднерусской возвышенности. Начинаясь въ Новгородской губерніи подъ именемъ Алаунской или Валдайскихъ горъ и достигая не больше 150 саж., эта возвышенность проникаетъ въ разсматриваемую нами область отчасти южными и преимущественно западными отрогами. Вездѣ она и служитъ водораздѣломъ разныхъ рѣчныхъ бассейновъ. Такъ южная часть ея въ Тверской губ. раздѣляетъ бассейны Волги, Ладоги и Зап. Двины; далѣе въ Смоленской губерніи она образуетъ водораздѣлъ между Днѣпромъ, Зап. Двиной и притоками Волги. Здѣсь эта возвышенность заполняетъ большую часть губерніи, сообщая ей видъ плоской возвышенной равнины (средняя высота 100—120 саж.); такой же видъ и въ сосѣднихъ мѣстахъ Калужской и Орловской губ. Западные отроги среднерусской возвышенности идутъ сначала по Псковской, Витебской и Могилевской, а затѣмъ Минской и Гродненской губерніямъ. Здѣсь они часто имѣютъ видъ ряда параллельныхъ водораздѣловъ, идущихъ съ востока на западъ между бассейнами Ловати, Великой, Зап. Двины, Нѣмана, Припяти и Днѣпра. Наибольшей высоты эти холмы достигаютъ въ губ. Виленской (158 саж. возлѣ д. Тупишки Ошмянскаго уѣзда) и Минской (Лысая гора въ Борисовскомъ уѣздѣ,

---

[1]) Ср. Семенова: Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи; польскій Słownik geograficzny; Дембовецкаго: Опытъ описанія Могилевской губ.; Вольфа: Живописная Россія, III; Брокгауза и Эфрона: Энциклопедическій словарь—отдѣльныя губерніи и „Россія“ и др. изд.

[2]) Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ. 1882.

[3]) Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. Кіевъ. 1891.

[4]) Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ. 1895.

[5]) Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV в. Кіевъ. 1896.

161 саж., выше, нежели самыя Валдайскія горы). Въ этой послѣдней губерніи рядъ холмовъ отдѣляетъ бассейны Березины, Щары, Нѣмана и Припяти и затѣмъ, постепенно понижаясь, эти холмы на югѣ теряются въ болотистыхъ равнинахъ Полѣсья, а на западѣ, перейдя въ Гродненскую губ., они сливаются съ низменностями рѣки Вислы. Болѣе возвышенная часть Бѣлоруссіи оказывается посерединѣ ея, болѣе низменная на югѣ и западѣ. Такимъ образомъ рельефъ мѣстности и теперь и въ старину не могъ препятствовать передвиженію народностей и племенъ и не защищалъ ихъ особенно рѣшительно отъ вторженій сосѣдей.

Къ счастью обитателей Бѣлоруссіи, почти всѣ перечисленные водораздѣлы, часто представляя изъ себя котловины, изобиловали озерами, болотами, занимающими большія пространства, были покрыты вѣковѣчными непроходимыми лѣсами, изъ коихъ многіе сохраняются еще и до сихъ поръ. Вотъ эти обстоятельства во всей своей совокупности и послужили причиной того, что водораздѣлы на сѣверѣ, востокѣ и отчасти на югѣ оказались естественными границами бѣлорусскаго племени. Это обстоятельство станетъ еще яснѣе, если примемъ во вниманіе, что много вѣковъ тому назадъ, когда заселялась Бѣлоруссія, вся эта страна представляла изъ себя почти сплошной лѣсъ. Пространства были очень велики, а народу было мало; пролагать искусственные пути сообщенія было немыслимо; всякое движеніе переселяющихся племенъ и лѣтомъ и зимой возможно было только по рѣкамъ въ первобытныхъ челнокахъ или на саняхъ; на берегахъ рѣкъ начиналась и первая колонизація. Понятно, что, достигнувъ верховьевъ рѣкъ, т.-е. водораздѣла, племена останавливались передъ непроходимыми лѣсами и болотами; да и на противоположной сторонѣ водораздѣла иногда оказывались поселенія другихъ, часто враждебныхъ народовъ. Со временемъ, съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ уничтоженіемъ лѣсовъ, вслѣдствіе объединенія разныхъ племенъ и областей подъ властью одного государя, эти естественныя границы становятся болѣе или менѣе доступными; отсюда общеніе разныхъ племенъ и взаимное вліяніе ихъ.

на языкъ. Бѣлорусское племя перешло даже въ предѣлы Волги и заняло здѣсь, какъ увидимъ послѣ, болѣе привычныя ему обильныя водной стихіей мѣста.

Указанные выше отроги горныхъ возвышенностей даютъ начало почти всѣмъ рѣкамъ и потокамъ, въ обиліи прорѣзывающимъ въ разныхъ мѣстахъ Бѣлорусскую территорію. Но такъ какъ эти горные кряжи не высоки, то теченіе рѣкъ небыстрое, часто едва замѣтное (таково, напр., теченіе Припяти и ея притоковъ); присутствіе лѣсовъ и болотъ, иногда моховыхъ, является причиной обилія атмосферическихъ осадковъ, вслѣдствіе чего рѣки здѣсь до сихъ поръ отличаются значительнымъ полноводіемъ, которое особенно велико бываетъ весной, при таяньи снѣга. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на югѣ по Припяти, весенніе разливы такъ велики, что вся мѣстность во время ихъ получаетъ видъ безбрежнаго моря съ небольшими островками, бѣлорусскими деревеньками, которыя тоже нерѣдко заливаются. Послѣ прекращенія разлива насыщенныя влагой болота не менѣе затрудняютъ сношенія, вслѣдствіе чего на югѣ они и служатъ естественной границей бѣлорусскаго племени.

Главнѣйшія бѣлорусскія рѣки слѣдующія: 1) верхній Днѣпръ съ его притоками. Днѣпръ и его главнѣйшіе притоки съ лѣвой стороны: Сожъ съ Проней, Бесѣдью и Ипутемъ, Десна съ Судостью, Дубномъ, Рогомъ, Болвой и Сновью — берутъ начало въ южныхъ отрогахъ Валдайской возвышенности. Правые притоки верхняго Днѣпра: Березина со Свислочью, Друть — получаютъ начало въ западной части указанной возвышенности. Самый многоводный изъ правыхъ притоковъ, неуступающій самому Днѣпру — Припять — вытекаетъ изъ болотъ, расположенныхъ между отрогами Карпатскихъ горъ, однакоже притоки Припяти слѣва, которые полностью принадлежатъ бѣлорусской территоріи, всѣ берутъ начало въ болотахъ Минской и отчасти Гродненской губ., расположенныхъ на западной части постепенно понижающихся отроговъ среднерусской возвышенности, таковы: Птичь, Случь съ Морочью, Лань и Цна.—2) Бассейнъ Нѣмана. Въ настоящее время большая часть

бассейна Нѣмана (до рѣчки Ротничанки около Друскеникъ) тоже занята бѣлоруссами. Нѣманъ и всѣ его притоки, текущіе въ Бѣлоруссіи, получаютъ свое начало въ болотахъ, заключенныхъ параллельно идущими отрогами той же западной части среднерусской возвышенности. Нѣманъ беретъ начало въ Игуменскомъ уѣздѣ Минской губ. Главнѣйшіе притоки его съ лѣвой стороны: Уса, Уша, Сервечъ, Щара (беретъ начало въ Новогруд. у. Мин. г.), Зельвянка, Росса, Свислочъ, Лососна; съ правой: Сула, Быстрая, Ислочъ съ Березиной, Жижма, Дитва, Лебеда, Котра, Вилія съ Вилейкой (Вилія беретъ начало въ Борисов. у. Мин. г.).—3) Самой западной частью Бѣлоруссія примыкаетъ къ бассейну Вислы: притокъ Зап. Буга — Наревъ съ Супраслью и Бобромъ берутъ начало въ Гродненской губ. съ самаго западнаго края среднеевропейской возвышенности. — 4) Бассейнъ Зап. Двины. Западная Двина большею частью своего бассейна тоже принадлежитъ Бѣлоруссіи. Начало свое беретъ она на южной части Валдайской возвышенности, недалеко отъ Волги; съ продолженія отроговъ этой возвышенности на западъ берутъ начало и правые притоки Зап. Двины: Торопа, Усвятъ, Полота, Ница, Сарія; да и лѣвые ея притоки — Межа съ Березиной, Лучесой и Обшей, Каспля, Улла, Дисна — вытекаютъ изъ другихъ вѣтвей западной части той же среднерусской возвышенности. 5—7) Вслѣдствіе незначительности водораздѣловъ Зап. Двины и рѣкъ Ловати, а также Великой, бѣлоруссы распространились и по верховьямъ послѣднихъ; по той же причинѣ проникли они и на верховья Волги (р. Тудъ, М. Коша, Итомля) и на лѣвые притоки Оки (Угра, Жиздра). Такимъ образомъ область бѣлорусскаго племени является источникомъ, откуда берутъ начало четыре главныхъ рѣки Европейской Россіи (Волга, Днѣпръ, Нѣманъ и Зап. Двина) съ ихъ притоками въ верхнемъ теченіи. Отсюда же начинаются и нѣкоторые притоки Вислы. Такое удобное расположеніе рѣкъ, этихъ естественныхъ путей сообщенія, давало бы возможность бѣлоруссамъ распространяться во всѣ стороны, конечно, если бы не было къ этому другихъ препятствій. Вся эта страна изрѣзана массой мелкихъ рѣчекъ и

ручьевъ [1]), покрыта, особенно въ сѣверной части, многочисленными озерами, иногда довольно большими (въ Вилен. губ. ихъ болѣе 400, въ Витебской болѣе 2500); между озерами много болотъ, послѣднія особенно въ изобиліи попадаются въ бассейнѣ Припяти. Здѣсь обычны непроходимыя болота даже въ 500 кв. верстъ (напр., болото Гричинъ на границѣ Слуцкаго и Пинскаго уѣздовъ). Поселенія людскія среди нихъ только на наносныхъ песчаныхъ холмахъ и то въ маломъ количествѣ. Въ настоящее время многія изъ такихъ болотъ уже постепенно отходятъ въ область преданія, такъ какъ ихъ понемногу осушаютъ; однако пройдутъ еще столѣтія пока они исчезнутъ окончательно, и мѣстность приметъ болѣе культурный видъ. Теперь не рѣдкость на 5680 десятинъ не встрѣтить ниодного человѣческаго жилья (напр., возлѣ м. Турова. „Живоп. Россія", III, 343).—Рѣки и озера до сихъ поръ еще обильны всякой рыбой, а лѣса и болота—всевозможной дичью, даже такой рѣдкой, какъ кабаны, бобры и зубры.

Что касается почвы, то Бѣлоруссія лежитъ въ области дерново-подзолистыхъ почвъ, вслѣдствіе чего, кромѣ подзола, здѣсь преобладаетъ песокъ, глина, изрѣдка другія породы. Въ общемъ почва малоплодородная; черноземъ составляетъ довольно рѣдкое явленіе и больше занятъ другими племенами, напр., литовцами въ Виленской губ. („Живоп. Россія", III, 51). По болотамъ встрѣчаются торфяники, напр., въ Бѣльскомъ, Смоленскомъ, Духовщинскомъ, Порѣчскомъ уѣздахъ Смоленской губ., Рогачевскомъ, Быховскомъ и Оршанскомъ Могилевской губ., въ сѣв. части Пинскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ Минской губ., въ Сокольскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи; по сосѣдству болотъ илъ, какъ слѣдъ сильныхъ рѣчныхъ разливовъ въ прежнее время.

На всей бѣлорусской области еще до сихъ поръ встрѣчается много всякаго лѣса: сосноваго, еловаго, можжевеловаго и лиственнаго (преимущественно встрѣчаются — береза, осина, ольха, ива, верба, кленъ, дубъ, грабъ, липа и др.). Въ нѣко-

[1]) Въ Могилевской, напр., губерніи всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ болѣе 1000. „Живописная Россія", III, 333).

торыхъ мѣстахъ, какъ въ Гродненской губ., есть еще цѣлыя пущи (Бѣловѣжская). По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ („Россія“ въ Словарѣ Брокгауза и Эфрона, 252), площадь, занятая лѣсомъ въ разныхъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ, въ %-ахъ:

Вилен. г.	24,3%	всего пространства,
Витеб. г.	33%	„ „ ,
גродн. г.	25%	„ „ ,
Минск. г.	38%	„ „ ,
Могилев. г.	35,3%	„ „ ,
Смолен. г.	34%	„ „ ,
Чернигов. г.	15%	„ „ .

Изобиліе болотистыхъ мѣстъ является причиной множества пастбищъ и луговъ, часто впрочемъ малодоступныхъ не только для человѣка, но и для животнаго, такъ какъ они покрываютъ трясины (дрыгву́); послѣднія попадаются въ изобиліи въ разныхъ мѣстахъ, такъ что свѣжему человѣку, побывавшему въ Бѣлоруссіи впервые, кажется, что здѣсь процессъ творенія, состоящій въ отдѣленіи воды отъ земли, еще не завершился вполнѣ, а продолжается до сихъ поръ [1]); что грязь въ Литвѣ и Бѣлоруссіи — пятая стихія (слова, приписываемыя Наполеону I). Подобныя картины бѣлорусской природы можно видѣть на каждомъ шагу. Нѣсколько отличается холмистая мѣстность по Нѣману и его притокамъ въ Минской, Гродненской и Виленской губерніяхъ, особенно около Вильны, Гродна и въ Новогрудскомъ уѣздѣ; возвышенная мѣстность также возлѣ Смоленска. Нѣманъ и течетъ быстрѣе другихъ рѣкъ. Но вообще ландшафтъ бѣлорусскій повсюду замѣчательно однообразенъ.

Такова въ общихъ чертахъ природа Бѣлоруссіи теперь; такою же она была и при началѣ исторической жизни русскаго народа, только лѣса тогда были первобытнѣе, нетронуты рукой человѣка и покрывали почти всю мѣстность; даже въ

---

[1]) Ср. отзывъ С. Максимова: Обитель и Житель. Древняя и новая Россія, 1876, № 5, 133—134.

1812 году литовскіе лѣса, по свидѣтельству А. Бестужева (Марлинскаго), были непроходимы, какъ сибирскія пущи; рѣки въ старину были еще полноводнѣе и притоковъ у нихъ было больше; многихъ изъ теперешнихъ болотъ тогда еще не было, а на мѣстѣ ихъ стояли озера, зато многіе изъ теперешнихъ луговъ, доступныхъ человѣку и животному, и даже пахотныя поля представляли непроходимыя болота (ср. „Живоп. Россія", III, 44). А если мы перенесемся лѣтъ тысячи на двѣ съ половиной тому назадъ, ко времени Геродота, то въ южной части Бѣлоруссіи, тамъ, гдѣ теперь русло Припяти, встрѣтимся со сплошнымъ озеромъ-моремъ [1]). Понятно, почему въ Бѣлоруссіи и въ названіяхъ живыхъ урочищъ, а также населенныхъ мѣстъ обычны такія имена, какъ Брестъ (старое Берестье), Брянскъ (старое Дьбрянскъ), Сосница, Стародубъ, Ельна, Смоленскъ, Березовецъ, Замошье, Ржава и т. п., указывающія на поразившія наблюдателя особенности природы страны. Воспроизведя синкретически въ запѣвкѣ къ извѣстной былинѣ впечатлѣніе, вызванное первобытной природой страны, великорусское племя, знакомое съ Бѣлоруссіей лишь по Смоленской области, такъ характеризуетъ ее (Сборникъ Кирши Данилова, л. 88):

Высока ли высота поднебесная,
глубока глубота акиянъ море,
широко раздолье по всеи земли,
глубоки омоты непровския,
чюденъ крестъ леванидовскои,
долги плеса чевылецкия,
высокия горы сорочинския;
темны леса брынския,
черны грязи смоленския...

Указанныя особенности бѣлорусской природы послужили также несомнѣнной причиной сохраненія до сихъ поръ въ Бѣлоруссіи вѣрованія въ чертей, которыми народъ населяетъ болота, по пословицѣ: „Болота да овраги чертово житье", и мас-

[1]) Ср. между прочимъ „Извѣстія Отд. русск. яз. и слов. А. Н.", VII, кн. 4, стр. 349—352.

сы разсказовъ о проказахъ послѣднихъ особенно съ неосторожными путниками. Не меньше повѣрій относительно русалокъ, обитательницъ рѣкъ.

Таковы границы бѣлорусской области и таково физическое устройство этой страны. Если подвести итогъ всему сказанному, то выйдетъ, что менѣе всего доступна для сношеній южная граница Бѣлоруссіи, по которой проходятъ знаменитыя пинскія болота, остальныя же три стороны въ настоящее время не представляютъ препятствій къ взаимнымъ сношеніямъ; въ старину эти сношенія конечно были затруднительнѣе, чѣмъ теперь, но все же не исключали возможности взаимнаго общенія съ другими племенами. Этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что бѣлоруссы легко воспринимаютъ особенности западныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ своихъ сосѣдей; малорусскія же черты, типичныя для послѣдняго нарѣчія, какъ твердость *е* и *и*, къ бѣлоруссамъ не проникаютъ. Впрочемъ вопроса о взаимныхъ вліяніяхъ коснемся послѣ.

ГЛАВА II.

ДРЕВНѢЙШІЕ ОБИТАТЕЛИ БѢЛОРУССКОЙ ТЕРРИТОРІИ ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ПРИ НАЧАЛѢ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Бѣлоруссія — край могилъ, кургановъ, городищъ, городковъ, урочищъ, замковъ, замковищъ, — край, гдѣ чуть не на каждомъ шагу вы встрѣчаете слѣды минувшаго въ памятникахъ, сказаніяхъ, пѣсняхъ.

Киркоръ („Живоп. Россія“, III, 236).

Мы указали пространство, въ предѣлахъ котораго въ настоящее время раздается бѣлорусская рѣчь. Какъ увидимъ современемъ, и народъ, говорящій на этомъ языкѣ, принадлежитъ въ массѣ къ бѣлорусскому племени. Если отъ современнаго положенія обратимся къ прошлому, то увидимъ, что все время, начиная отъ глубокой древности, до которой достигаютъ наши лѣтописныя свидѣтельства, вся эта мѣстность была заселена русскими славянами, лишь на западѣ ея были гуще островки литовцевъ, а на сѣверѣ и отчасти на востокѣ были ближе финны. Однако лѣтописныя свидѣтельства съ полной достовѣрностью восходятъ лишь къ IX вѣку. Но что было до этого времени въ разсматриваемой мѣстности: жили ли тутъ славянскія племена или какія-либо другія, а можетъ быть эта мѣстность была и пустынна? Отвѣтить на эти вопросы для насъ крайне необходимо, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы не поймемъ тѣхъ элементовъ, которые такъ или иначе вошли въ составъ языка жившихъ здѣсь славянскихъ племенъ. Но какія въ нашемъ распоряженіи средства для отвѣта на поста-

вленные вопросы? Тутъ прежде всего данныя доисторической археологіи страны въ связи съ свидѣтельствами классическихъ и средневѣковыхъ писателей относительно нашей мѣстности и затѣмъ сохранившаяся до нашихъ временъ номенклатура живыхъ урочищъ—рѣкъ, озеръ, возвышенностей, а также названія городовъ, селъ, деревень и отчасти прозвища и фамиліи лицъ. На разсмотрѣніи этихъ данныхъ мы и должны нѣсколько остановиться.

Оказывается, что разсматриваемая нами мѣстность была обитаема изъ-поконъ вѣковъ, уже въ неолитическую эпоху, которая для нея можетъ быть установлена не позже, какъ за 1000 лѣтъ до Р. Х. [1]). Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные слѣды поселеній неолитической эпохи и неолитическія могилы [2]). Такъ въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи разсѣяно мно-

[1]) Л. Нидерле: „Человѣчество въ доисторическія времена, переводъ Ѳ. Волкова подъ редакціей Д. Анучина“. Спб. 1898, 174.

[2]) А. Спицынъ: „Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи“, нѣсколько выпусковъ. (Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Императ. Русск. Арх. Общества. Новая серія. Труды Отдѣленія русской и славянской археологіи“, т. VIII, XI; вып. I и II, Могилевская и Черниг. г., изъ VIII т., стр. 115—132; вып. IX, Смолен. г., изъ XI т., стр. 177 сл.; вып. XXIV, Минск. г., изъ XI т., стр. 289; вып. XXV, Гродн. г., изъ XI т., 294 стр. сл.; вып. XXVI, Вилен. г., изъ XI т., стр. 297 сл. Ниже ссылки дѣлаются на отдѣльные оттиски. Въ этихъ статьяхъ имѣется и подробная библіографія по разнымъ отдѣламъ. Здѣсь между прочимъ находимъ слѣдующія указанія: въ Смоленской губерніи были находимы различныя орудія изъ камня (особенно по бассейну р. Межи, притока Зап. Двины): топоры, долота, наконечники стрѣлъ, ножи, клинья, наконечники копій, но, вообще говоря, въ небольшомъ количествѣ (1 стр.). Городищъ въ Смоленской области извѣстно немало (10 стр.). Находки каменнаго вѣка въ Орловской губ. въ Брянскомъ уѣздѣ тоже невелики (стр. 10). Въ Минской губ. особенно много находокъ каменнаго вѣка сдѣлано въ Борисовскомъ уѣздѣ (значитъ, по р. Березинѣ), примыкающемъ къ богатому такими находками Двинскому бассейну. Есть онѣ также въ Бобруйскомъ уѣздѣ, значитъ, опять по Березинѣ. Есть и въ другихъ мѣстахъ, но меньше (стр. 113). Находки каменнаго вѣка въ Гродненской губ. (въ уѣздахъ Гродненскомъ, Слонимскомъ, Волковыскомъ, Бѣлостокскомъ) — немногочисленны; стоянки каменнаго вѣка имѣются по Нѣману, Нареву и Зап. Бугу (стр. 118). Стоянки каменнаго вѣка въ Вилен. губ. по Нѣману и отдѣльныя каменныя находки довольно значительны въ разныхъ уѣздахъ (стр. 21). Предметами каменнаго вѣка, особенно шлифованными орудіями Витебская губернія богата въ такой степени, что въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи (20 стр.). Объ этой же губ. см. у Е. Романова: „Матеріалы по исторической топографіи Витебской губ.“ Могилевъ. 1898, 18—23. Здѣсь указываются даже палеолитическія находки; неолитическія отмѣчаются во множествѣ мѣстъ. Ср. еще В. Даниленича: „Очеркъ исторіи Полоцкой земли“, 40—42.

жество городищъ разныхъ эпохъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даютъ и неолитическія находки, а слѣдовательно могутъ быть отнесены къ этой древнѣйшей эпохѣ (Нидерле: Человѣчество, 13, Живоп. Россія, III, 242 и слѣд.). Есть далѣе извѣстія объ открытіи свайныхъ построекъ въ припятскихъ болотахъ и у истоковъ Березины, а также въ Новогрудскомъ уѣздѣ (Нидерле, 111). Разныя орудія каменнаго вѣка, хотя чаще не въ курганахъ, попадаются повсюду въ Бѣлоруссіи (Живоп. Россія, III, 3—4, 237—238). За обитаемость этой страны въ неолитическую эпоху говорятъ и особаго устройства могилы, нерѣдко встрѣчающіяся въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ (Нидерле, 144, 146, 149, 153).

Если для подкрѣпленія данныхъ археологіи обратимся къ показаніямъ языка, свидѣтельства котораго, вообще говоря, надежнѣе археологическихъ, то окажется, что та степень культуры, которую слѣдуетъ приписать человѣчеству конца неолитической эпохи, болѣе всего соотвѣтствуетъ предполагаемой культурѣ первобытныхъ индоевропейцевъ, насколько можно возстановить ее по словамъ, общимъ всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ [1]). Отдѣльныя вѣтви индоевропейскаго народа, жившія поблизости къ цивилизованнымъ странамъ востока, напр., тѣ, изъ которыхъ впослѣдствіи явились греки, конечно очень рано перешли въ слѣдующую эпоху металловъ. За неимѣніемъ вполнѣ убѣдительныхъ данныхъ трудно однако болѣе или менѣе утвердительно сказать, кто были эти обитатели бассейна верхняго Днѣпра и Нѣмана въ неолитическую эпоху. Нѣтъ препятствій предполагать временное пребываніе здѣсь нѣкоторыхъ индоевропейскихъ племенъ, особенно, если допустить, что имъ приходилось двигаться съ востока на западъ: мѣстность эта очень удобно защищалась отъ натиска южныхъ степныхъ кочевниковъ, а многочисленныя рѣки и ихъ притоки служили удобными путями для разселенія во всѣхъ направленіяхъ. Находимые въ неолитическихъ могилахъ разсматриваемой мѣстности длинноголовые черепа, повидимо-

---

[1]) Ср. O. Schrader: Sprachvergleichung und Urgeschichte, 2-ое изд. Jena. 1890.

му, болѣе точно говорятъ въ пользу того, что здѣсь жило то племя, которое послужило прототипомъ славянъ и литовцевъ, что подтвердится, какъ увидимъ, и хронологическими соображеніями. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію многихъ изслѣдователей доисторической эпохи славянъ, древнѣйшее мѣстопребываніе послѣднихъ въ Европѣ, ихъ, такъ сказать, европейская колыбель, откуда они распространились во всѣ стороны, была мѣстность на сѣверовостокъ отъ Карпатъ — отъ Дона до Вислы, по верхнимъ притокамъ Днѣпра (Нидерле: Человѣчество, 187, 522), или скорѣе по верхнему Днѣпру и его притокамъ въ этой мѣстности къ западу, захватывая верховья Вислы (ср. карту въ книгѣ Нидерле: **Slova[illegible]rožitnosti**, 1902, 30). Какъ довольно убѣдительно дока[illegible] Л. Нидерле въ своей работѣ: „**O původu slovanů**“ (**V Praze**, 1896), славяне въ старину были въ большинствѣ случаевъ длинноголовыми и только современемъ, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ — смѣшенія съ другими націями, климата, культуры и под. — стали короткоголовыми. Въ настоящее время длинноголовость у славянъ наблюдается рѣдко: чаще всего у русскихъ, а изъ послѣднихъ наиболѣе у бѣлоруссовъ (**O původu**, 55, 57). Русскіе, особенно бѣлоруссы, отвѣчаютъ и другой чертѣ древняго славянскаго типа, устанавливаемаго, какъ увидимъ послѣ, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ писателей, именно: отличительное ихъ свойство свѣтлая комплексія — свѣтлые волосы и голубые глаза. И здѣсь наиболѣе рѣзко эти черты сказываются у бѣлоруссовъ (около 80%. **O původu**, 63). Понятна и причина, почему у бѣлоруссовъ удержались эти старинныя черты. Занятая ими страна теперь и особенно въ старину отличалась вслѣдствіе своихъ обильныхъ болотъ и лѣсовъ малодоступностью; а неудобная почва еще болѣе отвлекала отъ нея вниманіе сосѣдей; такъ что естественныя условія представляли сильный оплотъ противъ всякаго иноземнаго вторженія. Ясно, если разъ тутъ селились люди, то сама природа брала ихъ, такъ сказать, подъ свою защиту и способствовала удержанію древнихъ началъ и стариннаго типа во всей его чистотѣ. Такимъ образомъ, есть нѣкоторая воз-

можность предположить, что обитатели этой страны, по крайней мѣрѣ большей ея части, въ неолитическую эпоху принадлежали къ индоевропейскому племени, можетъ быть даже къ той ея отрасли, которая легла въ основу славянъ, болѣе чистыми представителями которыхъ въ отношеніи антропологическомъ въ настоящее время являются бѣлоруссы (Нидерле, Человѣчество, 597). Проф. Бецценбергеръ [1]) на основаніи словарныхъ данныхъ рѣшается утверждать, что литовцы жили на берегу Балтійскаго моря по меньшей мѣрѣ за 5000 лѣтъ до нашего времени. А такъ какъ западная русская вѣтвь очень сходна съ литовцами въ отношеніи антропологическомъ да и всегда жила съ ними рядомъ, то очень вѣроятно, что и въ неолитическій періодъ они жили по сосѣдству другъ съ другомъ, т.-е. приблизительно въ теперешнихъ мѣстахъ. Граница литовцевъ, быть можетъ, лишь нѣсколько болѣе спускалась къ юговостоку.

Неолитическій періодъ въ культурѣ человѣчества смѣнился эпохой металловъ. И въ это время наша страна была населена и обитаема. Это слѣдуетъ уже само собой изъ предыдущаго, но можно доказать это предположеніе между прочимъ и тѣмъ, что въ эпоху металловъ шла оживленная торговля янтаремъ, который съ береговъ Балтійскаго моря распространялся не только по Европѣ, но попадалъ даже въ Азію и Африку. Одна изъ важнѣйшихъ торговыхъ дорогъ шла между прочимъ по Нѣману и Днѣпру (Нидерле, Человѣчество, 295 — 297). По свидѣтельству древнихъ писателей (напр. Плинія) торговля янтаремъ производилась такимъ образомъ, что племена, жившія на берегу Балтійскаго моря, передавали товаръ своимъ сосѣдямъ, а тѣ слѣдующимъ и т. д. до южныхъ морей. При такомъ способѣ торговли естественно допустить, что мѣстность, по которой шла послѣдняя, была болѣе или менѣе населена. Народы, съ которыми велась эта торговля, уже

---

[1]) Ср. И. Филевича: „Отчетъ о IX археологическомъ съѣздѣ въ г. Вильнѣ“ (Журн. Мин. Н. Пр. 1894, янв., 15), а также Бецценбергера Bemerkungen къ работѣ Биленштейна, изд. 1895. Особенно интересными словами для рѣшенія указаннаго вопроса являются рѣчное названіе jûra и топографич. Jûrbork и krántas береговой обрывъ.

знали металлы. Подтверждается это нерѣдкими находками по Зап. Двинѣ монетъ древнеримскихъ, сиракузскихъ, аѳинскихъ, македонскихъ, ѳазосскихъ и др. (ср. Романовъ: Матеріалы, 25). Предметовъ бронзоваго вѣка однако здѣсь найдено мало. Въ „Обозрѣніи нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи" (стр. 114) приводится свѣдѣніе о томъ, что въ разныхъ мѣстахъ Минской губерніи найдены: мѣдные клинья, топоры, наконечники копій, мѣдныя долота, мѣдный серпъ [1]). Такъ какъ не было причинъ для сильныхъ передвиженій цѣлыхъ народовъ, то можно предположить, что въ разсматриваемой мѣстности жили тѣ же обитатели, которые населяли ее и въ неолитическую эпоху, конечно значительно подвинувшіеся въ своей культурѣ. Данныя языка позволяютъ еще съ большимъ правомъ въ жителяхъ разсматриваемой области эпохи металловъ видѣть именно славянъ. Кромѣ скотоводства, звѣреловства, охоты, земледѣлія и торговли, первобытные славяне занимались еще разными ремеслами, между прочимъ отъ южныхъ и восточныхъ сосѣдей научились они обрабатывать металлы. Поселенія ихъ бывали возлѣ водъ или дорогъ; деревни и города обводились валами и окопами, укрѣплялись деревянными заборами, или же строились въ малодоступныхъ мѣстахъ (Нидерле, Человѣчество, 528—531). Все это вполнѣ примѣнимо къ данной эпохѣ и мѣстности (ср. Живоп. Россія, III, 5, 239). Другія археологич. данныя касаются уже болѣе поздняго времени—IX—XI в. по Р. Хр.; ихъ и коснемся послѣ.

Мы подошли къ тому времени, когда относительно нашей мѣстности имѣются уже и письменныя свидѣтельства. Греческій историкъ Геродотъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Х., въ своей Исторіи (IV книга), говоря о скиѳахъ, такъ описываетъ будиновъ (гл. 108—109): „Βουδῖνοι δὲ ἔθνος ἐὸν μέγα καὶ πολλὸν γλαυκόν τε πᾶν ἰσχυρῶς ἐστι καὶ πυρρόν. Въ ихъ землѣ былъ большой деревянный городъ Γελωνός; первоначально гелоны были еллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселив-

[1]) Ср. еще Филевичъ: Девятый арх. съѣздъ. Ж. М. Н. Пр., 1894, I, 18.

шіеся среди будиновъ. Говорили они на языкѣ скиѳскомъ и еллинскомъ, будины же говорили на другомъ языкѣ и вели иной образъ жизни (Βουδῖνοι δὲ οὐ τῇ αὐτῇ γλώσσῃ χρέονται καὶ Γελωνοί οὐδὲ δίαιτα ἡ αὐτή). Будины туземцы въ этой странѣ (αὐτόχθονες), ведутъ кочевой пастушескій образъ жизни (νομάδες), питаются сосновыми шишками (φθειροτραγέουσι)... Страна ихъ изобилуетъ разнородными лѣсами. Въ обширнѣйшемъ изъ лѣсовъ находится большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ. Въ озерѣ ловятся выдры, бобры и другія животныя"... Прежде чѣмъ дѣлать заключеніе о приведенномъ отрывкѣ, нужно установить мѣсто, гдѣ жили будины, потому что въ опредѣленіи Геродота замѣчается нѣкоторая путаница [1]). Для этого, кромѣ даннаго мѣста, приведемъ еще изъ Птоломея (Географія, III, 5, 5) упоминаніе τὸ Βώδινον ὄρος, которую онъ помѣщаетъ подъ 58° долготы и 55° широты, каковыя горы, если перенести ихъ, напр., на карту Птоломея, приложенную къ книгѣ Брауна (Разысканія...), окажутся тѣми изъ отроговъ среднерусской валдайской возвышенности, которые наполняютъ Бѣлоруссію и наибольшей высоты достигаютъ въ Виленской и Минской губ. „Быть можетъ эти горы явились результатомъ теоретическаго представленія о водораздѣлѣ между бассейнами рѣкъ, текущихъ въ два противулежащія моря, южное и сѣверное" [2]). Къ тому же придемъ, если припомнимъ у того же Птоломея (III, 5, 6) Ἀμάδοκα λίμνη, черезъ которое протекаетъ рѣка Борисѳенъ, т.-е. Днѣпръ; съ послѣднимъ Птоломей, вѣроятно, спуталъ Припять и сравнилъ это озеро съ геродотовскимъ озеромъ въ странѣ будиновъ [3]). Да и у самого Городота найдемъ данныя, по которымъ будиновъ придется помѣщать именно въ данной мѣстности. Онъ разсказываетъ (IV, 51, 100, 105, 125), что за одно поколѣніе до нашествія Дарія невры (Νευροί), народъ, жившій къ

---

[1]) Ср., напр., Ѳ. Браунъ: Разысканія въ области готославянскихъ отношеній. Спб. 1899, 243—245.

[2]) Ю. Кулаковскій: Карта Европейской Сарманіи по Птоломею. Кіевъ. 1899, 21.

[3]) Ср. еще Нидерле: Starověké Zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelem na země slovanské. V Praze. 1899, 53—54.

сѣверозападу отъ истоковъ Буга (Ὕπανις) и Днѣстра (Τύρης) за скиѳской границей, вслѣдствіе размноженія змѣй въ ихъ землѣ, оставили ее и перешли въ землю будиновъ. Слѣдовательно, будины занимали сосѣднія страны, притомъ къ востоку, такъ какъ къ югу отъ невровъ были андрофаги, а къ сѣверу агаѳирсы (IV, гл. 125). Невры поселились въ области Припяти и Нѣмана (Браунъ, 82—83); да и гелоны (изъ греческихъ колонистовъ) естественнѣе всего могли жить гдѣ-либо по Борисѳену, по которому шла дорога изъ Чернаго моря въ Балтійское, чѣмъ гдѣ-нибудь на Дону или на Волгѣ. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ мѣстомъ 125 главы IV книги, гдѣ говорится, что за землею будиновъ слѣдуетъ пустыня на 7 дней пути, а за этой пустыней беретъ свое начало между прочимъ и Донъ. Значитъ, будины жили не менѣе, какъ на 7 дней пути къ югозападу отъ верховьевъ Дона (Дарій вѣдь шелъ къ сѣверовостоку), т.-е. въ области верхняго Днѣпра и его притоковъ. Невры, несомнѣнно, были славяне, жившіе къ западу отъ теперешней бѣлорусской территоріи; потѣсненные сюда, вѣроятно, движеніемъ германскихъ племенъ (змѣи) [1], они и заняли западныя области, по верхнему Нѣману и отчасти по Припяти. Такимъ образомъ выходитъ, что будины были автохтонами мѣстности по верхнему Днѣпру, Припяти, но они простирались и дальше на востокъ (Нидерле — **Starověké**, 112). Будины извѣстны и другимъ и позднѣйшимъ писателямъ (Мела, Амміанъ Марцелинъ, Плиній, Юлій Гонорій, Этикъ), и ихъ показанія не противорѣчатъ данному опредѣленію мѣста жительства этого народа. Значитъ, можно считать за достовѣрное, что будины жили именно въ указанной мѣстности. Но были ли они славяне? Есть мнѣнія (между прочимъ Томашка, Брауна, 84), что будины были финны. Впрочемъ Томашекъ (**Kritik, Sitzungsb.**, 117 B., 4) какъ будто предполагаетъ двоякаго рода будиновъ: одни сосѣди невровъ-славянъ, тоже славяне, отъ коря *вод-*, а другіе на Волгѣ; но разсужденія относительно волжскихъ будиновъ (**ib.** 19—28) недостаточно убѣ-

[1]) Томашекъ: **Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. Sitzungsberichte d. k. Akademie d. W. Phil.-histor. Kl.**, B. 117, 3—5.

дительны [1]). Мнѣ кажется, что выставленныя въ свое время Шафарикомъ [2]) доказательства и повторенныя Нидерле [3]), имѣютъ полную силу до сихъ поръ. Дѣйствительно, напр., имя „будины“ легко объясняется сопоставленіемъ со словомъ „буда“, извѣстнымъ всѣмъ славянскимъ языкамъ, а также литовскому, латышскому и др.-нѣмецк. (ср. Miklosich—Etymol. Wörterbuch). Въ Бѣлоруссіи это слово живетъ до сихъ поръ не только какъ названіе для постройки или кибитки, но и въ спеціальномъ смыслѣ — мѣста, освободившагося послѣ выжженнаго лѣса [4]), а въ землѣ будиновъ были огромные лѣса. Слово „буда“ очень распространено по всей Россіи и въ мѣстныхъ названіяхъ [5]). Суффиксъ *-инъ* также очень обыченъ въ славянскихъ названіяхъ народовъ (сербинъ, русинъ, литвинъ, мордвинъ). Самый типъ будиновъ — свѣтлоголубые глаза и свѣтлокаштановые или русые волосы (πυρρός) вполнѣ соотвѣтствуетъ тому этнографическому типу, какой представляютъ русскіе или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ бѣлоруссы [6]). Названіе рѣки, возлѣ которой они, несомнѣнно, жили— Βορυσθένης—, очень можетъ быть грецизированная Березина. Вѣроятность такого предположенія подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что островъ, находящійся при устьѣ Днѣпра—Березанъ—называется у грековъ того времени Βορυσθενίς [7]). Березина взята вмѣсто Днѣпра, такъ какъ грекамъ она была болѣе извѣстна, нежели верховье Днѣпра; значитъ, и въ разсматриваемомъ названіи опять славянское имя; тогда конечно окажется ненужнымъ зендское vouru-çtāna (Мюленгофъ)

---

[1]) „О Будинахъ и Гелонахъ мы имѣемъ противорѣчивыя показанія, на основаніи которыхъ къ какимъ-либо опредѣленнымъ заключеніямъ прійти не можемъ“. А. С. Лаппо-Данилевскій („Скиѳскія древности“. Записки Отдѣленія русской и слав. археологіи И. Р. А. Общ., т. IV, 354)—заключеніе слишкомъ рѣшительное.

[2]) Славянскія древности, переводъ Бодянскаго, I т., кн. II, 10—24.

[3]) Starověké, 112.

[4]) Ср. Обитель и Житель С. Максимова. Древн. и Нов. Россія, 1876, № 6, 139 стр.

[5]) Ср. И. Филевичъ: Исторія древней Руси. Варшава. 1896, 95.

[6]) Ср. еще Нидерле—O původu, 83, гдѣ разсматривается мѣсто изъ Прокопія, III, 14, о цвѣтѣ волосъ славянъ, охарактеризованномъ словомъ ὑπέρυθροι.

[7]) Томашекъ: Kritik, Sitzungsberichte. B. 116, S. 724.

или **baru-stena** (Браунъ, 80). Будины были кочевое племя. Дѣйствительно, заниматься земледѣліемъ въ разсматриваемой мѣстности въ то время нельзя было, а луговъ по рѣкамъ и болотамъ было немало. Разсказъ про сосновыя шишки [1]), а быть можетъ и про вшей (Браунъ), могли присочинить гелоны земледѣльцы, занявшіе лучшія мѣста гдѣ-либо къ югу отъ Припяти, пораженные нечистоплотностью своихъ кочевниковъ сосѣдей.

Не стану останавливаться на другихъ доказательствахъ славянства будиновъ, приведенныхъ у Шафарика и Нидерле, не опровергнутыхъ приверженцами ихъ финнизма; замѣчу только, что будины изъ этой страны никуда не уходили (по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ объ этомъ), а между тѣмъ уже Тацитъ въ концѣ I вѣка по Р. X. помѣщаетъ здѣсь **(quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur)** своихъ венедовъ, въ которыхъ несомнѣнно видятъ славянъ (Germania, XLVI); они, какъ и будины, ведутъ бродячій образъ жизни. Интересно объясненіе слова „венды“ изъ кельтскаго **vindos** бѣлый, каковымъ именемъ красноръжіе кельты называли русыхъ славянъ [2]). О венедахъ у Геродота (Ἐνετοί) и индахъ у Софокла, жившихъ по берегу Балтійскаго моря, гдѣ добывали янтарь, трудно сказать что-либо положительное (ср. впрочемъ А. Погодина—Изъ исторіи слав. передв., 7). Хотѣлось бы дальше упомянуть о птоломеевскихъ ставанахъ (Σταυανοί), въ которыхъ можно бы видѣть искаженіе στλαυανοί, простиравшихся съ запада на востокъ до алановъ (μέχρι τῶν Ἀλανῶν), которые жили тогда у верховьевъ Борисѳена (ср. карту при работѣ Ю. Кулаковскаго) [3]). Были при Птоломеѣ здѣсь даже города, что предполагаетъ давнишнее заселеніе этихъ мѣстъ народомъ осѣдлымъ (**Ptolem.**

---

[1]) Такъ переводится это мѣсто въ изданіи В. Латышева: Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ, Спб. 1893, 42.

[2]) Погодинъ: Изъ исторіи славян. передвиженій, 18.

[3]) Подобное же свидѣтельство о началѣ Борисѳена въ землѣ алановъ имѣется и у Маркіана изъ Иракліи Понтійской (въ IV ст. по Р. X.). τὴν χώραν ταύτην ἐπὶ πολὺ διήκοντο τῶν Ἀλανῶν Σαρμάτων ἔθνος, παρ᾽ οἷς τοῦ Βορυσθένους ποταμοῦ... αἱ πηγαὶ τυγχάνουσι (В. Латышевъ: Извѣстія древнихъ... I, 251).

Alexandr. Geograph., III, **cap.** 5, 19). Однако трудно сказать что-либо положительное въ пользу этихъ ставановъ. Съ такимъ же правомъ видитъ въ нихъ Браунъ (252) племя литовско-латышское, живущее къ сѣверозападу отъ разсматриваемой мѣстности. Кстати замѣтимъ, что на основаніи показанія Птоломея и другихъ соображеній можно притти къ заключенію, что къ западу отъ нашей мѣстности и по сосѣдству съ нею одно время жили готы, покорившiи племена, расположенныя по правому берегу Вислы [1]).

Въ нашей Начальной Лѣтописи приводятся свѣдѣнія о тѣхъ славянскихъ племенахъ, которыя при лѣтописцѣ были на Руси. Но послѣдній знаетъ и племена нерусскихъ славянъ и ихъ мѣсто жительства. Вѣроятно, у него было какое-либо югославянское письменное пособіе, или же до него дошло устное преданіе о жизни славянъ на Дунаѣ и о разселеніи ихъ по разнымъ странамъ. Лѣтописецъ не указываетъ однако, когда произошло это разселеніе, но можно думать, что онъ относилъ его къ глубокой древности: по крайней мѣрѣ, приводя извѣстную легенду объ апостолѣ Андреѣ, который конечно могъ путешествовать по Днѣпру и Волхову въ I вѣкѣ по Р. Х., въ чемъ не сомнѣвался и лѣтописецъ, онъ ведетъ его къ полянамъ на Днѣпрѣ, а затѣмъ къ новгородскимъ славянамъ; но лѣтописецъ помнитъ, что ни Кіева, ни Новгорода тогда еще не было: „имать градъ великъ быти“ (про Кіевъ), „идеже нынѣ Новъгородъ“; но „видѣхъ в землѣ словеньстѣ идущю ми сѣмо“, говоритъ ап. Андрей. Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы можемъ заключить, что и авторъ Начальной Лѣтописи держался того мнѣнія, что сейчасъ послѣ Р. Христова разсматриваемая мѣстность уже была заселена славянами, хотя прямо объ этомъ онъ и не говоритъ. Насколько вѣрно его сообщеніе о переселеніи сюда славянъ съ Дуная, трудно сказать. Очень можетъ быть, что многіе славяне и достигали Дуная и разселились отсюда на югъ и отчасти на сѣверъ; но относится ли это ко всѣмъ славянамъ, когда и какъ

---

[1]) Браунъ, 335; А. Веселовскій: Извѣстія Отд. Русс. яз. и слов. И. А. Н., V, 21—22.

они очутились на Дунаѣ, гдѣ были раньше—все это вопросы, на которые трудно дать удовлетворительный отвѣтъ. Но къ этому предмету мы еще будемъ имѣть возможность вернуться послѣ.

Писатель VI вѣка по Р. Х. Іорнандъ (**De Getarum sive Gotorum origine et rebus gestis**, c. 5) въ разсматриваемой территоріи отчасти помѣщаетъ своихъ склавиновъ, племя винидское. Дѣлая описаніе съ запада на востокъ, онъ говоритъ: **Ab ortu Vistulae fluminis per immensa spatia Venetarum (Vinidarum) natio populosa consedit; quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominantur.** Какъ это мѣсто напоминаетъ свидѣтельство нашей лѣтописи о многочисленности славянскихъ племенъ! Склавины жили по Припяти и къ сѣверу отъ нея, а анты къ югу до Чернаго моря. Современникъ Іорнанда Прокопій Кессарійскій помѣщаетъ въ нашей мѣстности тоже народы славянскаго племени, которые живутъ здѣсь, по его словамъ, искони (ἐκ τοῦ παλαιοῦ). При началѣ русскаго государства, т.-е. во второй половинѣ IX вѣка, мы находимъ здѣсь только народы славянскаго племени.

Какъ можно было видѣть изъ всего предыдущаго, приведенныя нами соображенія о доисторическихъ обитателяхъ Бѣлоруссіи имѣютъ лишь вѣроятный характеръ. Данныя археологіи въ разсматриваемой мѣстности собраны, вообще говоря, въ незначительномъ количествѣ и, какъ увидимъ послѣ, въ большинствѣ случаевъ относятся къ IX—XI вѣкамъ по Р. Х., да и кромѣ того дѣлать заключенія по нимъ въ настоящее время, когда эта наука у насъ находится еще въ зародышѣ, крайне рискованно. Что же касается свидѣтельствъ древнихъ писателей, то уже одно то, что ихъ объясняютъ часто діаметрально противоположно (напр., въ скиѳахъ видятъ иранское племя, ѳинское, монгольское), лишаетъ ихъ надлежащей доказательности; затѣмъ и наша мѣстность была извѣстна имъ только по наслышкѣ и притомъ не особенно давно. Такъ въ

Одиссеѣ (XI, 13—19) о ней имѣется слѣдующій характерный отзывъ:

Тамъ киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ...
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.

Отъ представленія объ этомъ киммерійскомъ мракѣ трудно было отдѣлаться греку. Геродотъ влилъ нѣкоторый свѣтъ въ эту страну, и послѣдующіе писатели почти 1000 лѣтъ все повторяютъ его слова. Однако Геродоту и отчасти писателямъ болѣе поздняго времени трудно было постигнуть тѣ незамѣтныя особенности въ языкѣ, которыми отличались первобытные германцы, славяне и литовцы, вообще близкіе другъ къ другу. Образъ жизни больше зависѣлъ отъ природы занятой страны, а религіозныя представленія могли быть открыты лишь при продолжительномъ и внимательномъ наблюденіи и притомъ со стороны лица вполнѣ безпристрастнаго. Все это говоритъ о томъ, что выводы о народахъ населявшихъ нашу мѣстность, на основаніи свидѣтельствъ классическихъ писателей должны быть крайне осторожны. Другое дѣло, если показанія ихъ будутъ подтверждены и другими данными, напр., названіями живыхъ урочищъ, мѣстной номенклатурой, тогда они болѣе или менѣе приблизятся къ несомнѣнности.

„Земля есть книга, гдѣ исторія человѣческая записывается въ географической номенклатурѣ“, говорилъ Надеждинъ въ 1837 году (Библіотека для чтенія 1837 г., XXII). Мѣстныя названія сохраняются въ народной памяти цѣлые вѣка, пока живетъ самый народъ, давшій ихъ; даже и другія народности, являющіяся на смѣну своихъ предшественниковъ, если онѣ не застаютъ страну пустой, удерживаютъ старыя названія, лишь нѣсколько измѣнивъ ихъ, согласно свойствамъ своего языка и народному пониманію. На эту особенность географической номенклатуры обратили серьезное вниманіе за границей и у насъ уже въ прошломъ столѣтіи и часто приходили къ очень интереснымъ выводамъ касательно доисторической эпохи той или другой народности. Въ послѣднее время въ отношеніи

интересующей насъ мѣстности примѣняли указанный способъ изслѣдованія профессора И. П. Филевичъ [1]), А. А. Кочубинскій [2]), отчасти А. Л. Погодинъ [3]). Несомнѣнно, что этимъ путемъ можно притти къ очень богатымъ выводамъ, имѣющимъ значеніе необходимости. Однако надо быть крайне осторожнымъ и строго придерживаться лингвистическихъ законовъ. Слѣдуетъ всегда исходить изъ фактовъ, а не подгонять факты къ предвзятой теоріи. Здѣсь очень возможны всякія злоупотребленія: „слово — все въ нашей власти. Оно беззащитно, и изъ него можно вымучить всякій смыслъ этимологическою пыткою", сказалъ тогда же Надеждинъ не безъ нѣкоторой правды. Но и помимо ложной и насильственной этимологіи, къ показаніямъ географической номенклатуры и по другимъ причинамъ слѣдуетъ относиться тоже съ крайней осторожностью [4]). Какъ даются эти названія? Предположимъ, какой-либо народъ приходитъ въ мѣстность совершенно пустую. Встрѣчая рѣки, горы, болота, озера, онъ даетъ имъ разныя названія, больше придерживаясь того впечатлѣнія, какое произведетъ на насъ тотъ или другой предметъ или его свойства; но, вѣдь, можетъ быть и такъ, что данный предметъ напомнитъ уже знакомую народу мѣстность, рѣку и т. п. въ странѣ, гдѣ онъ раньше жилъ; онъ и даетъ это знакомое имя новому предмету. Но предположимъ, что въ прежней мѣстности данный народъ не былъ аборигеномъ, а получилъ уже готовыя названія отъ народа другого племени; такимъ образомъ и въ новой мѣстности онъ дастъ названія, не имѣющія никакого отношенія къ его собственному языку: получатся финскія, тюркскія, германскія, литовскія названія тамъ, гдѣ никогда не жили ни финны, ни тюрки, ни германцы, ни литовцы. Можетъ быть и иное положеніе дѣла: данный народъ застаетъ въ извѣстной мѣстности прежнихъ обитателей. Тутъ онъ или живетъ рядомъ ст ними, или ассимилируетъ ихъ себѣ, или прямо

---

[1]) Исторія древней Руси. Томъ I, Варшава. 1896.

[2]) Территорія доисторической Литвы. Журналъ М. Н. Пр. 1897, I.

[3]) Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Спб. 1901.

[4]) Такого мнѣнія отчасти держится и Л. Нидерле: Slovanské starožitnosti. ilu I část 1, 26.

вытѣсняетъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ можетъ заимствовать у своихъ предшественниковъ и географическую номенклатуру, хотя можетъ давать и свои собственныя названія. Но всѣ ли заимствованныя географическія имени принадлежатъ языку предшественниковъ по данной мѣстности? Не могли ли они въ свою очередь заимствовать эти имена у своихъ предшественниковъ, или же дать такія названія, какія имъ были извѣстны по прежнему мѣсту жительства, хотя они и принадлежали языку другого народа? Будемъ, наконецъ, имѣть въ виду, что, заимствуя чужую географическую номенклатуру, народъ прежде всего старается осмыслить ее: перевести, приблизить къ своимъ звукамъ, перетолковать — все это такъ или иначе сказывается на формѣ заимствованныхъ словъ. Да и тѣ измѣненія въ языкѣ вообще, которыя происходятъ во время его продолжительной жизни, неминуемо сказываются и въ географической номенклатурѣ, часто сильно затемняя ея смыслъ.

Принявъ во вниманіе все вышеизложенное, обратимся къ разсмотрѣнію географической номенклатуры нашей мѣстности. Начнемъ съ сѣвера, съ бассейна р. Зап. Двины. Тутъ пособіемъ будетъ книга А. Сапунова: „Рѣка Зап. Двина. Историко-географич. обзоръ. Витебскъ. 1893“ и работа Ю. Трусмана: „Этимологія мѣстныхъ названій Витебской губерніи. Ревель. 1897“, которою однако слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью. Мѣстность эта замѣтныхъ возвышенностей не представляетъ: валдайскіе холмы невелики, и названія ихъ намъ неизвѣстны; поэтому все свое вниманіе сосредоточимъ на рѣкахъ, которыя, по словамъ французскаго географа Реклю, „несутъ на волнахъ своихъ исторію и жизнь народовъ“. Прежде всего имя главной артеріи — Двина. Оно не единично: въ самыхъ верхнихъ частяхъ бассейна З. Двины находимъ озеро и деревню Двинецъ, пог. Двинъ, озеро Двинье, р. Двинку; затѣмъ въ Вилію, притокъ Нѣмана, впадаетъ Двиноса или Двинка, на сѣверѣ есть Сѣв. Двина и под. (ср. Сапуновъ, 27—28). Это имя разсматриваемой рѣки впервые встрѣчается въ нашей Начальной Лѣтописи; классическая средневѣковая старина знаетъ ее подъ другими названіями,

имѣющими отношенія къ ея теперешнему имени. Лишь въ концѣ VII (по Шафарику IX) в. у географа Равенскаго, приводящаго будто бы слова готскаго философа Маркомира [1]), встрѣчается названіе, близкое къ теперешнему, именно Dina. Оно извѣстно и скандинавскимъ сагамъ (Сапуновъ, 25—26). Нѣмцы называютъ Двину—Düna. У латышей, которымъ принадлежитъ главная часть этой рѣки, она слыветъ подъ именемъ Daugawa и Duna; у южныхъ эстовъ она называется Weina-jõgi, у сѣверныхъ Tüina-jõgi (Трусманъ). Спрашивается, какъ поставить всѣ эти названія въ связь между собою? Уже при первомъ взглядѣ кажется довольно естественнымъ видѣть въ ней славянское названіе—отъ корня *двиг-*; но что такое *-на*? Суффиксъ *-на* именамъ существительнымъ неизвѣстенъ. Знаютъ его имена прилагательныя и причастія, однако форма Двина не представляетъ ни того ни другого. Это набрасываетъ тѣнь на ея славянское происхожденіе и заставляетъ видѣть въ ней перетолкованіе на славянской почвѣ какого-либо иностраннаго слова. Тутъ и напрашиваются латышское Duna и средневѣковое Dina, а также нѣмецкое Düna, *в* не безъ вліянія эстскаго Weina изъ Dweina. Изъ нихъ основнымъ должно считаться латыш. Duna. Въ послѣднемъ, быть можетъ, древнеарійскій корень don—dan, живущій въ осетинскомъ языкѣ въ смыслѣ вода, рѣка, измѣнился подъ вліяніемъ лат. dunawas небольшая незамерзающая вода [2]). При такомъ допущеніи всѣ другія собственныя имена, находящіяся въ связи съ Двина, будутъ образованіями, явившимися въ подражаніе ей въ болѣе позднее время. Изъ нихъ для насъ особенно важенъ притокъ Виліи Двиноса, въ которомъ и второй суффиксъ литовскій. Литовско-латышское названіе рѣки могло отъ устья распространиться и на ея верховье, хотя бы оно лежало и въ области другихъ племенъ. Посмотримъ, какое названіе носятъ ея притоки и притоки послѣднихъ. Остановимся на главнѣйшихъ, при чемъ притоковъ, расположенныхъ

---

[1]) Ср. „Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Ак. Н.“ 1901 г. № 4, стр. 359.

[2]) Этимологія А. А. Кочубинскаго: Территорія доисторической Литвы, 81—82.

въ области литовсколатышскаго племени, начиная отъ Друи къ западу, касаться не станемъ, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ не русскаго происхожденія (Индрица, Скайста, Эвстъ, Огеръ, Егель). Съ лѣвой стороны Двины, начиная отъ самаго верховья, имѣются притоки: Горянка, Рожанка, Рубежъ, Рудницкая, Фоминка, Усодица, Межа, Кривка, Велижъ, Плотка, Везуня, Добрѣйка, Черногость, Кривина, Туровля, Бѣльчица, Волта; съ правой стороны: Волкота, Жаберка, Городня, Дебреисовка, Фоминица, Боровня, Торопа, Жижца, Двинка, Медвѣдица, Погорѣлое, Алешки, Усвяча, Волынка, Усполъ, Сична, Оболь, Сосница, Струнка, Полота, Перханка, Махиревка, Змѣйка, Ужица — все это названія, повидимому, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и несомнѣнно славянскаго происхожденія; то же слѣдуетъ сказать и про притоки ихъ; но рядомъ съ ними, чаще вперемежку, находимъ и другія названія, уже не русскаго происхожденія. Такъ въ числѣ лѣвыхъ притоковъ имѣемъ, напр., Велесу, лит. и лат. **weles** духи усопшихъ (Трусманъ), Тросну (притокъ Межи), которую хотѣлось бы сблизить съ лит. **troskóti** ползти, хотя можно бы установить и связь съ словомъ **тръсть.** Да и сама Мёжа (ср. Е. Романова: Матеріалы, 115) не заимствованное ли слово: лат. **mež** лѣсъ (Трусманъ). Тутъ же есть притокъ Нача, встрѣчающійся и во многихъ другихъ мѣстахъ данной области (ср. Филевичъ, 128), въ которомъ трудно видѣть славянское слово (Кочубинскій не рѣшается высказаться относительно его, Трусманъ (201) ставитъ Начу въ связь съ финскими словами, обозначающими грязь, илъ, тину)[1]. Далѣе притокъ Двины Каспля, того же происхожденія, что и названіе Каспійскаго моря,—съ востока; Витьба лит. **wýtis** тонкая вѣтвь лозы. Лучеса—съ *с* передъ окончаніемъ напоминаетъ литовскія образованія. Улла—лит. **ůla** скала, лат. **ohla** мелкій камень (Кочубинскій). Ушача (Ушачь)—лит. **užiu** — **ũšti** пѣниться, также **ošiu** — **õšti** (Кочуб., 86). Повидимому, неславянскій корень и въ Дисна, хотя эта рѣка очень напоминаетъ днѣпровскую

[1]) Конечно вполнѣ славянское будетъ Ельша (не лит. **elksnis**): ср. словин. **jelša**, серб. јељша, чеш. **jelše**. Позже мы встрѣтимся съ Ольшей.

Десну. Друйка—суффиксъ славянскій, но корень чужой; по Трусману (95), фин. töyrä—большой холмъ, крутизна, обрывъ. Изъ правыхъ притоковъ неславянскаго происхожденія: Исса (притокъ Оболи); таково же Дрисса — обѣ имѣютъ чужіе корни (первая, по Трусману, = эст. iza, ф. isä — отецъ) и суффиксы; послѣдній, какъ въ чисто литовскомъ Дубисса, притокѣ Нѣмана, отъ dubùs глубокій. Сарьянка — съ русскимъ суффиксомъ, но корень уводитъ насъ на сѣверо-востокъ Евр. Россіи (ср. Семеновъ, Геогр. Сл., IV: сар-, сары-, ф. sara oja — рѣка, поросшая осокой. Трусманъ, 251). Въ виду этого и на -анка взглянемъ какъ на славянскую передѣлку финнск. -анга[1]). Дубна съ притокомъ Уша, Фейманка, Саванка—притоки несомнѣнно не русскіе, а финскіе: суффиксъ изъ -анга (ср. выше), да и сама Дубна, очень можетъ быть, того же корня, что и Дубисса, хотя народъ и производитъ ея названіе отъ тѣхъ дубовыхъ рощъ, которыя когда-то будто бы по ней росли (Сапуновъ, 48). Если принять во вниманіе всѣ приведенные факты, то можно притти къ заключенію, что теперешнее русское населеніе восточной половины Двины когда-то жило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вперемежку съ разными инородцами, передавшими свои имена рѣкамъ; въ большинствѣ случаевъ это были латыши и литовцы, что́ и вполнѣ естественно, такъ какъ имъ очень удобно было распространяться вверхъ по теченію такой многоводной рѣки, какова Двина. Кое-гдѣ, особенно по правымъ притокамъ Двины жили и нѣкоторыя финскія племена. Къ тѣмъ же выводамъ, вѣроятно, можно было бы притти и изъ разсмотрѣнія названій населенныхъ мѣстъ и отчасти прозвищъ (а также фамилій) населенія; но къ сожалѣнію по этому предмету мы не располагаемъ пособіями; лишь для Велижскаго уѣзда имѣется книга Е. Романова: Матеріалы и т. д. Могу, напр., сослаться на сдѣланное проф. Кочубинскимъ объясненіе озера и города Лепеля изъ лит. lie͂pa, лат. leepa липа или лат. l'eḣpa озерная роза (Кочуб., 83). Несо-

[1]) И. Н. Смирновъ: Пермяки. Историко-этнографич. очеркъ. Казань. 1891, 99 sq; ср. еще М. П. Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка, Казань, 1890, 78, 93.

мѣнно иноземнаго происхожденія, напр., д. Серуты Велиж. у., Сертея тамъ же, Невель городъ и озеро, Цирина Себеж. у., Черза озеро Люцин. у., Адлирная Люцин. у. и мн. др., но имѣющимися у меня средствами я не могу объяснить ихъ. Названія населенныхъ мѣстъ, по своему происхожденію, относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ названія рѣкъ, такъ какъ и поселенія были сначала при рѣкахъ, а потомъ уже въ другихъ мѣстахъ: послѣднія еще нужно было приспособить къ заселенію. Кромѣ того, названія населенныхъ мѣстъ не такъ устойчивы, какъ названія рѣкъ.

Переходимъ къ бассейну Нѣмана. Нѣманъ, больше, нежели Зап. Двина, можетъ считаться не русскою рѣкою. Даже въ настоящее время русскими заселено меньше половины всей его длины. Въ старину, какъ увидимъ современемъ, русскихъ поселеній на Нѣманѣ было еще меньше. Отсюда само собой напрашивается предположеніе, что названіе его нерусское. Дѣйствительно, современное Нѣманъ, хотя и напоминаетъ корень нѣм-, является новѣйшимъ осмысленіемъ, при томъ ороографическимъ. Въ народѣ у бѣлоруссовъ эта рѣка слыветъ подъ названіемъ Нёмонъ, род. п. Нёмна, значитъ, предполагаетъ др. русс. форму Немънъ. Форма Немонъ засвидѣтельствована и старинными актами [1]). Спрашивается, какъ объяснить это названіе? А. А. Кочубинскій („Территорія доисторич. Литвы", 78—80), исходя изъ того положенія, что Нѣманъ „архилитовская рѣка", прежде всего обратилъ вниманіе на литовскія ея названія **Nemũj** — **Nẽmunas** — **Niãmumas**; однако эти названія, не говоря уже про нѣмецкое имя рѣки при устьѣ — **Memel**, не дали ему возможности объяснить это имя. Тогда онъ обратился къ названію этой рѣки у „самыхъ консервативныхъ литовцевъ" жмудиновъ, гдѣ она слыветъ подъ именемъ **Namans** [2]). Это послѣднее названіе ставится въ связь съ устарѣлымъ лит. **namas** домъ, **namũn**, **namon** домой, съ прилагательнымъ **naminis**

---

[1]) Ср. „Географическій словарь древней Жомойтской земли XVI столѣтія, составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенскаго земскаго суда И. Я. Спрогисомъ. Вильна. 1888", 206.

[2]) Ср. Гуковскій „Ковенскій уѣздъ" 1892, 3.

домашній. Такимъ образомъ, по Кочубинскому, выходитъ, что „Нѣманъ — это рѣка *наша*, литовская по преимуществу“ (81). „Другія формы — упрощеніе и варіаціи. Славянскія — осмысленіе“ (ib.). Но правдоподобно ли такое объясненіе? Конечно славяне легко могли осмыслить и передѣлать посвоему чужое названіе, но отчего литовцы вздумали общеизвѣстное имъ слово передѣлывать до неузнаваемости? Кромѣ того, интересно рѣшить вопросъ о томъ, откуда шло это названіе: съ устья, какъ въ Двинѣ, или отъ верховьевъ? Несомнѣнно, отъ верховьевъ: при устьѣ рѣка называется иначе. Если же отъ верховьевъ, поблизости къ которымъ въ старину могли жить ятвяги, которыхъ впослѣдствіи окончательно обрусили бѣлоруссы, то почему древнѣйшее названіе сохранилось у жмудяковъ, живущихъ дальше всего отъ даннаго мѣста? Нельзя ли на дѣло взглянуть нѣсколько иначе. Не отрицая того, что Нѣманъ больше литовская, чѣмъ русская рѣка, хотѣлось бы названіе его поставить въ связь со славянскими корнями; это тѣмъ естественнѣе сдѣлать, что рѣка эта беретъ начало въ центрѣ Бѣлоруссіи (восточная часть Минской губ.; источникъ его находится въ болотистыхъ лѣсахъ Игуменскаго уѣзда близъ деревень Заболотье и Борки). Такимъ славянскимъ именемъ ея, быть можетъ, является то, которое до сихъ поръ лежитъ въ основѣ бѣлорусскаго ея названія, т.-е. Немънъ. Здѣсь въ началѣ извѣстное отрицаніе „не-“ и прилагательное „мънъ“, которое въ болѣе распространенномъ видѣ „мъногъ“ живетъ до сихъ поръ во всѣхъ славянскихъ языкахъ, а также извѣстно германскимъ: готское manags, др.-верхненѣм. manag. Такое названіе, обозначающее собственно, что рѣка невелика [1]), пришло на умъ потому, что при верховьи, на протяженіи 21 версты, до впаденія первыхъ притоковъ Лоши и Уссы, Нѣманъ очень невеликъ. Оба эти притока, по своей длинѣ и обилію воды, гораздо значительнѣе, чѣмъ Нѣманъ, въ томъ

---

[1]) Обозначеніе рѣкъ по величинѣ дѣло вполнѣ обычное: у латышей, напр., курляндская Аа называется Leepule, т.-е. большая рѣка (отъ leels и upe). Кочубинскій, 79.

пунктѣ, гдѣ они въ него впадаютъ“ [1]). Изъ бѣлорусскаго произношенія ńоmаn — ńоmŭn, допустивъ нѣкоторое осмысленіе, легко вывести и всѣ литовскіе его варіанты. Польское Niemen одинаково выводится и изъ бѣлорусскаго и литовскаго. Впрочемъ на предположенной мною этимологіи настаивать не рѣшаюсь, такъ какъ въ собственномъ имени возможны разныя осмысленія, да кромѣ того, допустимо и заимствованіе этого названія изъ какого-либо неизвѣстнаго мнѣ языка.

Что касается притоковъ Нѣмана, то лишь немногіе изъ нихъ носятъ славянскія названія. Мы разсмотримъ ихъ только до Ковна. Притоки съ правой стороны. Недалеко отъ истока его подходитъ Усса, берущая начало сѣвернѣе, въ Минскомъ уѣздѣ. Такое названіе носятъ и притоки другихъ рѣкъ въ данной мѣстности (Филевичъ, 123); кромѣ того, корень *ус-* входитъ въ составъ другихъ именъ (Усупа р. Россіенск. уѣзда, Усупъ р. Спрогисъ, 323). Очень вѣроятна этимологія этого названія отъ лит. **osis** ясень, лат. **ohsis**, при посредствѣ народныхъ формъ **ousis**, уменьш. **uselis** (Кочубин., 86). — Сула беретъ начало въ томъ же Минскомъ уѣздѣ и протекаетъ по Ошмянскому Вилен. губ. При объясненіи ея имени слѣдуетъ помнить, 1) что рѣка съ тѣмъ же названіемъ протекаетъ по Полтавской губ. и впадаетъ въ Днѣпръ („комони ржуть за Сулою“ Сл. о п. Игор.), 2) что такая же рѣка впадаетъ въ Печору [2]). Есть съ этимъ именемъ и населенныя мѣста. Проф. Кочубинскій (88) ставитъ это названіе въ связь съ лит. словомъ **sulá** березовый сокъ. Но въ виду распространенности этого имени и въ другихъ мѣстахъ, мнѣ кажется болѣе удобнымъ воздержаться отъ этого сближенія и скорѣе видѣть въ этомъ названіи славянскій корень, тотъ же, что и въ словѣ **соулѣи** лучше, **соулѣти** величаться, ср. лат. **sōl** при глаголѣ **solari**.—Березина въ Вил. губ. — названіе, несомнѣнно, славянское, но среди ея притоковъ больше съ славянскими именами

---

[1]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Минская губ. Составилъ П. Зеленскій. Ч. I. Спб. 1864, 212.

[2]) Семеновъ: Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Т. IV, 785.

есть и такіе, какъ Islочь, надалеко отъ которой, верстахъ въ 3—4, начинается Свислочь[1]), текущая въ днѣпровскую Березину (еще есть Свислочь нѣманская и припятская). Отъ Ислочи, вѣроятно, не слѣдуетъ отдѣлять и Иследзи. Всѣ эти рѣки по своей огласовкѣ напоминаютъ еще Вислу и, повидимому, тоже славянскаго происхожденія[2]).—Гавья съ притокомъ Жижмой—обѣ чисто литовскаго происхожденія: gaujà стадо, толпа; второе названіе встрѣчается и въ старыхъ актахъ (Спрогисъ, 115)[3]). Далѣе три притока какъ будто славянскіе, Дитва, Лебеда, Липичанка; но уже Котра, въ 20 верстахъ отъ Гродна, вполнѣ литовское названіе: katrà которая изъ двухъ. Видѣть малорусское „ко́тра" нельзя, такъ какъ по ея теченію никогда не жили малоруссы.—Ротничанка, быть можетъ, отъ лит. rãtas колесо. Далѣе Мереченка, Верхня, Страва—славянскія названія.

Вилія, самый большій притокъ Нѣмана, беретъ начало въ Борисовскомъ уѣздѣ Минск. губ., орошаетъ затѣмъ всю Вилен. губ. и впадаетъ въ Нѣманъ возлѣ Ковна. Какъ и самъ Нѣманъ, Вилія носитъ не одно имя. Та часть ея, которая омываетъ русскія поселенія, называется теперь Виліей (въ старину Велья, Вейля, Вѣлія и Вилія. Ср. между прочимъ у Спрогиса, 42); часть же, протекающая по литовскимъ землямъ, называется Neris, а по Гуковскому (Ковен. уѣздъ, 9)—Naris. Литовское названіе, какъ отмѣтилъ Кочубинскій (88), вполнѣ понятно—narỹs значитъ змѣйка. Но что значитъ Вилія? Проф. Кочубинскій, стараясь быть послѣдовательнымъ, выводитъ его изъ литовскаго wejù—wyti вить или wilióju—wilióti завлекать обманомъ, откуда wỹlius хитрость (Кочуб., 88). Но мнѣ кажется, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на старинное названіе, которое естественно напрашивается на связь со словомъ **велиꙗ**—большая: она больше

---

[1]) О Свислочи см. Я. Розвадовскаго: „Ze studyów nad nazwami rzek słowiańskich" (Съ+вислочь) (Almae matri Jagellonicae..., 107).

[2]) Ср. Погодинъ: Изъ исторіи слав. передвиженій, 12.

[3]) Интересно сопоставленіе съ этой рѣкой птоломеевскаго названія Γηρουῖνοί, сосѣдей невровъ, у Томашка (Kritik... Sitzungsber., B. 117, 4).

всѣхъ притоковъ Нѣмана. За славянское происхожденіе Виліи говоритъ и то, что въ числѣ притоковъ Горыни есть тоже Вилія (впадаетъ въ Горынь при г. Острогѣ) [1]. Впослѣдствіи, въ виду крайней извилистости этой рѣки [2]) назвали ее Виліей отъ слова „виться“; то же имѣли въ виду и литовцы, назвавши ее Narŷs. Не безъ вліянія было и имя главнаго города, лежащаго на ней, Вильны, отъ лит. wilnìs волна (старинное литовское названіе Вильны Wilnius).—Въ притокахъ Виліи та же смѣсь славянскихъ названій съ литовскими, что и у правыхъ притоковъ Нѣмана. Тутъ прежде всего рядъ именъ на *-ч:* Сервечъ, Нарочъ, Страчъ. Первый извѣстенъ и въ другомъ мѣстѣ — какъ лѣвый притокъ Нѣмана; встрѣчается это имя и въ лѣтописяхъ, гдѣ имѣемъ Сырьвячъ [3]). Бѣлоруссы теперь называютъ его Сэрвачъ. Всѣ эти слова по своему суффиксу отчасти напоминаютъ славянскія patronymica, но скорѣе они относятся къ литовскому языку, гдѣ *ч* изъ *t* также нерѣдко бываетъ въ суффиксѣ. Что же касается корней, то первое, хотя и напоминаетъ „сыръ“ польск. ser, однакоже, вѣрно, не сродни съ нимъ, такъ какъ мнѣ неясно, какая связь большого (вячь = вашть) сыра съ названіемъ рѣки, въ добавокъ повторяющейся въ двухъ мѣстахъ. Нарочъ, вѣроятно, сродни литовскому названію Виліи — Narŷs. Страчъ не въ связи ли съ лит. strakis пограничный камень. Всѣ остальные притоки Виліи—Жеймяна (не въ честь ли Žemýna богиня земли), Мусса, Удра (лит. udrà выдра), Уша — тоже литовскаго происхожденія; Вилейка и Ошмянка имѣютъ названіе по имени городовъ, возлѣ которыхъ онѣ протекаютъ; Вака, вѣроятно, =лит. waga — борозда, выемка.

Переходимъ къ лѣвымъ притокамъ Нѣмана. Недалеко отъ верховья—Лоша, которое А. А. Кочубинскій (88) сравниваетъ съ лит. loštù — lošti волноваться, бушевать. Уша—

---

[1]) Интересно, что въ финской области есть рѣчка Вель отъ зырянскаго вель, что значитъ „верхній“ (Веске: Сл.-фин. культур. отношенія, 9).

[2]) Ср. Матеріалы для геогр. и стат. Вилен. губ. Спб. 1861, 125.

[3]) Ср. Н. Барсовъ: Очерки русской исторической географіи [2], Варш. 1885, 296.

встрѣчается уже третій разъ (притокъ Двины и Виліи), Сервечь (о ней уже рѣчь была), Молчадь — повидимому славянское — что молчитъ. Шара или Щара; болѣе древнее названіе второе, первое — полонизація имени; начинается въ южной части Новогр. уѣзда. Кочубинскій названіе ея ставитъ въ связь съ лит. sañras, -а узкій; рѣчка, дѣйствительно, не широкая въ сравненіи съ ея длиной въ 300 в. Однако кажется страннымъ, откуда явилось *щ*; не лучше ли сравнивать это слово съ skiaurẽ рыбій садокъ. Притоки Щары носятъ славянскія названія (Вѣдьма, Липница, Мышанка). Далѣе въ Нѣманъ впадаютъ: Зельвянка — съ чисто литовскимъ названіемъ = żelwỹs зеленѣющій стволъ, Росса и Свислочь (о послѣдней уже была рѣчь). Если изъ разсмотрѣнія системы Западной Двины можно было притти къ заключеніи, что та часть ея области, которая теперь занята русскими, въ старину представляла и литовско-латышскія поселенія, то относительно бассейна Нѣмана, полагаясь на названія его притоковъ, можно притти еще къ болѣе рѣшительному выводу на этотъ счетъ: весь Нѣманъ и Вилія, кромѣ верховьевъ, а также и Щара, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ея частей, въ доисторическую эпоху и даже отчасти въ историческое время были заняты литовцами [1]).

Не дѣлая пока дальнѣйшихъ выводовъ, обратимся къ системѣ верхняго Днѣпра, рѣки по преимуществу бѣлорусской. Разсмотримъ его по главнымъ частямъ — притокамъ: Припяти, Березинѣ, самому Днѣпру, Сожу и Деснѣ.

Южная граница западной Бѣлоруссіи — Припять чисто славянская рѣка: **при-пать** [2]); да и лѣвые ея притоки, протекающіе по бѣлорусской области, — Цна, несомнѣнно представляющая сокращеніе какого-то слова (въ Договорной гра-

---

[1]) Проф. Соболевскій (Věstnik slav. star., IV, 119), ссылаясь на слав. ъ на мѣстѣ лит. *и* въ Немънъ изъ Nemunas, видитъ заимствованіе этого имени у лит. еще въ ту эпоху, когда ъ произносился какъ ŭ; значитъ, уже въ эпоху общеславянскаго единства въ Бѣлоруссіи жили славяне.

[2]) Названіе Припеть, объясняется тѣмъ, что въ Полѣсьи *я* подъ удареніемъ и внѣ его во многихъ мѣстностяхъ произносится, какъ *е*: поесъ, мнесо, екъ и т. д. (ср. Чубинскаго: Труды, VII т., во многихъ мѣстахъ).

мотѣ Дмитрія Ивановича съ Олегомъ Рязанскимъ 1381 г. Тцсна)[1]), Лань, Случь, Птичь—тоже носятъ славянскія названія лишь нѣкоторые притоки послѣднихъ, какъ Нача у Лани, Оресса и Лисса у Птичи — повидимому, литовскія имена. Изъ нихъ Оресса отъ лит. aras орелъ (Орликъ въ другихъ мѣстахъ. Погодинъ, 93), Лисса — лит. lýsė гряда. Проф. Кочубинскій (90) еще видитъ литовское названіе въ Доколкѣ, притокѣ Птичи, которую сравниваетъ съ литовскимъ dagilis щеголъ; допускается у него возможность и другихъ этимологій; однако всѣ онѣ довольно сомнительны, такъ что А. А. Погодинъ (93) не находитъ возможнымъ принять какую-нибудь изъ нихъ. Интересно принять во вниманіе притокъ Уколку въ системѣ окской Жиздры и Вытебети. Очевидно, здѣсь *у-* и *до-* приставки.

Предположеніе, что и сама Птичь получила свое имя вслѣдствіе ея птичьихъ притоковъ (Кочуб., 90—91) (а ихъ съ достовѣрностью пока можно считать только одинъ, да и тотъ впадаетъ въ нее на 206 верстѣ теченія), мнѣ кажется нѣкоторымъ увлеченіемъ. Еще могу отмѣтить одинъ малый лѣвый притокъ Припяти верстахъ въ 30 отъ Мозыря къ Днѣпру — Вить, который переноситъ насъ къ Витьбѣ. Такимъ образомъ, вообще говоря, до самой Припяти литовскія поселенія, повидимому, не простирались, но по нѣкоторымъ притокамъ ея, лежащимъ поближе къ нѣманскому бассейну, кое-гдѣ жили литовцы. Въ отношеніи раньше разсмотрѣнныхъ нами рѣкъ, выходило, что литовско-латышскія названія носили крупные рѣки, русскія же принадлежали мелкимъ, либо незначительной части рѣкъ; отсюда само собой слѣдовалъ выводъ, что литовцы въ такихъ мѣстахъ были древнѣйшими обитателями и составляли большинство; русскіе же поселились нѣсколько позже, когда главныя рѣки были уже заняты: для нихъ оставались

[1]) Цна въ бассейнѣ Припяти, но это имя очень часто встрѣчается „въ глубинѣ Велико-Россійскаго сѣвера, заселеннаго и проименованнаго первоначально Чудью“ (Ж. М. Внутр. Д. 1843 г., ч. I, 214). О распространеніи этого названія въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ у Вышняго Волочка, въ бассейнѣ Одера, см. у А. Погодина: Изъ ист. слав. передвиженій, 92—94.

только притоки. Здѣсь же русскіе живутъ по большимъ рѣкамъ, а для болѣе позднихъ колонистовъ литовцевъ остаются меньшіе притоки; лишь при устьѣ Припяти опять оказываются поселенія литовцевъ, но сюда они забрели, какъ увидимъ сейчасъ, съ Березины.

Березина беретъ свое начало въ Борис. уѣздѣ Мин. губ. При верховьи ея въ Минской, а также въ сосѣдней Витебской есть нѣсколько озеръ, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ. Таковы, напр., Берешта, находящее для себя параллель въ разныхъ мѣстахъ собств. Литвы (Спрогисъ, 22). Проф. Кочубинскій (83) съ полнымъ основаніемъ производитъ это названіе отъ лит. beršta, beršti бѣлѣть. Оз. Пеликъ (ср. у Спрогиса того же корня названія, 226)—лит. pelkė торфъ, лат. pelkis болото, лужа. Оз. Мядзёлъ (ср. у Спрогиса Мядель), быть можетъ, отъ лит. mēdis, -dzio дерево, лѣсъ (ср. у Кочубин., 84). Всѣ эти озера носятъ явные слѣды литовскаго происхожденія. То же мы увидимъ, если разсмотримъ и притоки Березины, хотя имя этой рѣки чисто славянское, какъ и другихъ Березинъ, съ которыми мы встрѣчались, напр., въ бассейнѣ Нѣмана. При самомъ ея верховьи, послѣ Пони, какъ будто славянскаго происхожденія, встрѣчаемъ Сергучъ отъ лит. sérgiu, sérgėti сторожить (Кочуб., 85), Гайну (этимологія нѣсколько неясна. Кочуб., ib.) съ притокомъ Усяжъ — того же происхожденія, что и Уса, о чемъ у насъ уже была рѣчь, и Цну; далѣе Сха звукомъ *х* выдаетъ свое славянское происхожденіе: не упрощеніе ли изъ сухá подъ вліяніемъ схнуть (**съхнѫти**). Далѣе слѣдуютъ Плиса (есть и у Нѣмана), быть можетъ, отъ лит. plyšti — трескаться, лопаться (Кочуб., 86), Рова, ср. лит. rova вода, оставшаяся на лугахъ отъ наводненія, наносъ, Бобръ—вполнѣ русское слово, но притоки его Можа, очень можетъ быть, отъ лит. mážas малый (Кочуб., 84), какъ и Мажа, впадающая въ Морочь, притокъ Случи (ср. еще Можайки въ Курляндіи и нашъ Можайскъ); далѣе, притокъ Бобра Нача (объ этомъ имени уже была рѣчь); затѣмъ въ Березину впадаютъ Уша и Усса (объ этихъ именахъ говорили раньше); Брусята славян. происхожденія; таковы же вѣрно Свислочь, Волчанка; остальные

притоки опять литовскіе: Клева лит. kliãvas, klẽvas кленъ (Кочуб., 86), Ольса, какъ и притокъ Шешувы въ Россіенскомъ уѣздѣ, а также Митвы, съ своимъ *s* указываютъ на лит. происхожденіе: не отъ alsùs ли медленный, хотя къ отмѣченному названію нѣсколько подходитъ и лат. alksnis, лит. elksnis ольха, alksne ольховникъ (Кочуб., 86). Кстати замѣтимъ, что начало Ольсы Березинской называется Дулеба. Затѣмъ слѣдуетъ Свида отъ лит. svidùs блестящій, Ола, быть можетъ, отъ лат. ała впадина (Кочуб., 87).

Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, притоки Березины почти всѣ носятъ лит. имена; отсюда мы заключаемъ, что по этой рѣкѣ славяне встрѣтили литовскія поселенія. Гр. Тышкевичъ даетъ изображенія 6 мѣдныхъ предметовъ типа двинскихъ латышскихъ и жмудскихъ могильниковъ XI в., найденныхъ въ Борис. у.[1]). Старинныя поселенія литовцевъ и латышей въ разсматриваемой мѣстности вполнѣ естественны, если припомнимъ, что древняя торговля янтаремъ отъ устья Нѣмана и Двины, занятыхъ литовцами и латышами, шла именно по Березинѣ, которая древними народами считалась, вѣроятно, и верховьемъ Днѣпра (Βορυσθένης). Имѣя въ виду сплошное литовское населеніе по бассейну Березины, мы можемъ предполагать, что и сама она представляетъ переводъ литовскаго bérżas, которое легко было понять славянамъ, но переводъ, уже сдѣланный давно, еще до Геродота, такъ какъ его Βορυσθένης ближе къ Березинѣ. Впрочемъ, быть можетъ, и на Березинѣ многія изъ литовскихъ названій рѣкъ обязаны своимъ происхожденіемъ не литовцамъ, а бѣлоруссамъ, переселившимся сюда при ихъ движеніи къ востоку изъ области Литвы.

Переходимъ къ Днѣпру. Верхній Днѣпръ полностью принадлежитъ Бѣлоруссіи; омываетъ губерніи Смоленскую, Могилевскую, отчасти Минскую и сѣверную часть Черниговской. Названіе „Днѣпръ“ извѣстно уже со временъ классической древности—Danapris—и идетъ, несомнѣнно, отъ его устья. Это

---

[1]) Ср. стр. 114—„Обозрѣнія нѣкот. губ. и областей Россіи въ археологич. отношеніи“.

названіе классическіе народы получили отъ скиѳовъ или сарматъ, племенъ, по всей вѣроятности, арійскихъ; но что можетъ значить это названіе, рѣшить трудно. Для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе притоки при верхнемъ теченіи Днѣпра. Они слѣдующіе. Съ правой стороны: Жердь—чисто славянское названіе; Соля — звучитъ нѣсколько на финскій ладъ: у пермяковъ есть јоль рѣчка [1]), у мордвы лей [2]); ср. также Солка, притокъ Сѣв. Двины, хотя есть и въ Ковен. губ. болото Солы на границѣ съ Курлянд. губ. [3]). Не слѣдуетъ, быть можетъ, забывать и русс. соль. Далѣе, Вопецъ, Вопь (птичьи имена)—слав. названія. Надва—по суффиксу *-ва* какъ будто финское (Смирновъ, Перм., 78), хотя такъ могли передѣлать славяне и лит. **naudà** нужда, печаль—теперь у бѣлоруссовъ. Березьна—съ притоками—Колесянка, Ельня, Смердячка, далѣе, Ольша, Оршица, Одровъ (ср. Одеръ), Знобилица, Дубровенка—слав. названія; Лохва—опять какъ будто финское; далѣе, Мокрянка, Родица, Тощица, Селище—слав. имена. Передъ нами большой правый притокъ Друть. При первомъ взглядѣ онъ напоминаетъ бѣлорусское друкъ—колъ, которое Миклошичъ (Etym. Wörterb., 51) ставитъ въ связь съ ц.-сл. **дрѫгъ**. Но не говоря о томъ, что не была бы ясна семазіологич. связь (хотя вспомнимъ Жердь) этихъ понятій, при такомъ предположеніи встрѣчаются и этимологич. затрудненія: откуда *тъ*? Въ виду этого приходится обратиться къ нашему прежнему источнику—литовскому языку. Тамъ находимъ **drūgtis** и **drūtis** толщина, **drugtas** и **drutas** объемистый, сильный (Юшкевичъ, Лит. слов., 352—355). Отсюда и слѣдуетъ выводить Друть, рѣчку, которая когда-то была обильна водой (ср. Семеновъ, Геогр. сл. II, 132). Правые притоки Друти—всѣ носятъ слав. имена, но въ числѣ лѣвыхъ попадаются и съ литовскими названіями: Грезля = лит. **grėžlė** дергачъ птица, Неропля—значеніе мнѣ не извѣстно. Далѣе Добысна по звукамъ какъ бы славянская рѣка, но подозрительнымъ кажется суффиксъ: не передѣлка ли

[1]) И. Н. Смирновъ: Пермяки, 81.

[2]) Смирновъ, 79.

[3]) Семеновъ: Географ. словарь, IV, 682.

это названіе литовскаго: **dàbšni** нарядная, красивая (Юшкев., 282), или **dóbsnè** ветхая одежда (хотя въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ семазіологич. связи). Наконецъ, Березина, которую мы разсмотрѣли самостоятельно, и Припять.

Съ лѣвой стороны въ Днѣпръ впадаютъ прежде всего двѣ рѣки съ суффиксами *-ма*: Вязьма и Восьма съ корнями какъ будто славянскими; однако въ виду историческихъ свидѣтельствъ, что въ эпоху заселенія этого края славянами здѣсь жили финскія племена, мы непрочь видѣть въ этихъ названіяхъ финскія слова[1]). Далѣе, Ужа, Устромъ, Лежа—съ славян. корнями, Мерея — указываетъ на Мерю, Россасенка — несомнѣнно съ окончаніемъ *-енка*, передѣланнымъ изъ финскаго *-енга* (ср. Смирновъ, 99 и слѣд.). Затѣмъ — Кропивна, Леща, Верчанка, Полна—слав. названія. Ухлясъ—въ немъ, если бы не *х*, можно бы видѣть литовское слово, передѣлку **ũglis** отростокъ, или **ũglus** растеніе. Затѣмъ, Никоновка, Боброва, Болотянка, Ржавецъ, Окра (=о-кра льдина?), Кропивня, Столбня, Пересна — славянскія названія, такъ же какъ и слѣдующія Ворона и Десна. Но тутъ же Сожъ (лѣтописный — Съжъ). Откуда такое названіе? Значеніе имени его мнѣ не извѣстно, но окончаніе его находитъ для себя аналогію въ такихъ образованіяхъ сѣвернаго края, какъ Пудожъ, или слова на *-ажъ*, *-ѣжъ* (ср. Смирн., 38 и слѣд., 81). Быть можетъ, оно представляетъ, кромѣ того, сокращеніе како-либо имени.

Сожъ—большая рѣка, поэтому разсмотримъ и нѣкоторые изъ его притоковъ. Съ правой стороны въ него впадаютъ: Горки, Лыза, Городня, Осленка, Вехра съ притокомъ Вельней, Малотовня, Черная Натопа, Волчъ, Удуга, Проня, въ системѣ которой имѣются между прочимъ притоки Бася и Вилья; далѣе, Перегонка, Добрычъ, Чечера, Липа и Уза. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе—Вельня и Вилія, уносящія насъ въ бассейнъ Нѣмана; Бася очень напоминаетъ лит. **bãsia Barfüssler** босякъ (Куршатъ, 41); Чечера — не сродни ли лит.

---

[1]) Ср. Смирновъ, о. с., 80, гдѣ приведено Усма; о суффиксахъ *-ма*, *-ва* еще у Веске, 11—12, и у Сетеле: Отчетъ о XXXVIII присужденіи наградъ гр. Уварова, 69.

čěčkà еловая шишка (ср. еще у Погодина, 101 и у Трусмана, 311). Удуга изъ лит. **ûdega** хвостъ (Кочуб., 80). Отмѣтимъ еще тезку Прони — притокъ Оки въ Рязанской губ. Съ лѣвой стороны Сожъ принимаетъ притоки: Березовку, Бѣлину, Новостянку, Сoженку, Остеръ, Лобжу, Сѣнну, Покоть, Акшинку, Бесѣдь, въ бассейнъ которой между прочимъ входятъ: Жадунка, Жадынь, Палужъ; далѣе Ипуть съ притоками Ржачъ, Очеса, Надва, Учеча, Туросна, Хоропуть; еще притоки Сожа: Уть, Терюха. Одни изъ перечисленныхъ именъ звучатъ по-славянски; другія же какъ будто литовскія, напр., Акшинка напоминаетъ лит. **akšękit** сюда, идите сюда (Юшкевичъ, Сл., 9 — 10), Жадунка, Жадынь, напоминающія нѣкоторыя урочища Мин. губ. Новогр. уѣзда (насколько это мнѣ извѣстно), быть можетъ въ связи съ литовскимъ **žãdinu** говорю, слыву, **žãdas** звукъ; даже Палужъ очень близко къ литовскому **palûšis** валяльщикъ; Учеча, вѣрно, сродни раньше разсмотрѣнной Чечерѣ; Очеса и Туросна съ суффиксомъ *-с-* приближаются къ рѣкамъ Минской губ.; Надва уже встрѣчалась среди притоковъ Днѣпра. Ипуть, Хоропуть и Уть — вѣрно родственныя названія; но что они значатъ, трудно сказать. Трусманъ (119) Ипуть ставитъ въ связь съ лит. **ypatus** — отдѣльный.

Въ настоящее время бѣлоруссы занимаютъ и часть Десны. Они живутъ по слѣдующимъ ея притокамъ: Судость, Смячъ, Лоска, Убѣдь, Мѣна, Сновь — съ правой стороны и отчасти съ лѣвой по притокамъ Денлогъ, Соложа, Сколотъ, Витьма, Аржаница, Серижъ, Болва. Изъ этихъ притоковъ Болва[1]), Серижъ и, вѣроятно, Витьма уносятъ насъ въ финскій міръ; впрочемъ послѣднее слово нельзя отдѣлять отъ Витьба: очень можетъ быть, что финны передѣлали литовское слово на свой ладъ (ср. насчетъ *-ба* — *-ма* у Смирнова, 71). Впрочемъ въ настоящее время съ лѣвой стороны Десны почти нѣтъ бѣлоруссовъ. Сновь находитъ соотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ названіяхъ селъ въ Мин. губ. Новогр. уѣзда.

Наконецъ бѣлорусскія поселенія достигаютъ бассейна Вол-

---

[1]) Ср. впрочемъ лит. **balwa** подарокъ. Трусм., 25.

ги: верховье ея у бѣлоруссовъ. Однакоже Волга—финское названіе (ср. Веске, 18—19), притокъ ея Тудъ тоже финскаго происхожденія (Веске, 10). Бѣлоруссы тутъ не живутъ сплошной массой; очевидно, они позднѣйшіе пришельцы. Не больше ихъ и въ зап. части Калужской губерніи — въ уѣздахъ Жиздринскомъ, Мещовскомъ и Масальскомъ. Эти уѣзды лежатъ въ области Оки: орошаются ея притоками Упой, Жиздрой и Угрой. Всѣ эти рѣчки имѣютъ много притоковъ [1]), изъ которыхъ остановлюсь лишь на слѣдующихъ: притоки Жиздры — Ресета, Дубна, Вытебеть, Угры — Усса, Реса, Можайка. Что обозначаютъ эти названія? Начнемъ съ Упы, которая теперь уже лежитъ внѣ Бѣлор. области (правый притокъ Оки, къ югу отъ Калуги). Достаточно незначительнаго знакомства съ литовскимъ языкомъ, чтобы узнать въ ней лит. ùpė рѣка. Въ составъ собственныхъ именъ ùpė неоднократно входитъ въ разныхъ мѣстахъ собственной Литвы (ср. Спрогисъ, 320—321: Упе, Упеле, Упелисъ и т. д.). Жиздра тоже какъ бы перенесена изъ Литвы въ Калуж. г.: въ Россіен. уѣздѣ имѣется рѣка Жиздра, есть нивы и село съ этимъ именемъ (Спрогисъ, 115). Объясняется она изъ лит. слова žiẽzdrà, žiẽzdros крупный песокъ. Угра быть можетъ указываетъ на угровъ [2]), но такое имя могли дать только русскіе. Притоки этихъ рѣкъ: Дубна (ср. притокъ З. Двины), Вытебеть (ср. Витьба), Усса (ср. раньше), Можайка (ср. Можа) — всѣ ведутъ насъ на западъ. Ресета и Реса въ связи, но что онѣ значатъ, не могу сказать.

Если теперь мы припомнимъ, какія названія рѣкъ попадались намъ къ востоку отъ днѣпровской Березины, то окажется, что здѣсь рядомъ съ большимъ количествомъ чисто русскихъ названій, кое-гдѣ, больше по среднему теченію разсмотрѣнныхъ главныхъ притоковъ Днѣпра, попадаются и литовскія. Наиболѣе ихъ на самомъ крайнемъ востокѣ бѣлорусской области (ср. еще у Погодина о Сережѣ, 93). Нѣкоторые изъ истоковъ Днѣпра и его главныхъ притоковъ къ сѣверу, а также истоки Волги имѣютъ нѣсколько и финскихъ названій. Ка-

---

[1]) Ср. Матеріалы для геогр. etc. изд. Попроцкій. Спб. 1864. Кал. г., ч. I.
[2]) А. И. Соболевскій. Жив. Стар. 1893, IV, 437.

кой выводъ можетъ слѣдовать изъ всего этого? Естественнѣе всего такой: когда указанная область начала заселяться славянами, то на сѣверѣ ея и отчасти на востокѣ [1]) кое-гдѣ пришлось столкнуться съ финнами [2]), а посерединѣ ея къ крайнему востоку (до р. Упы) кое-гдѣ были литовскіе островки. Наиболѣе было ихъ по верхней Окѣ. Однако всѣ указанныя соображенія лишь тогда могутъ быть признаны вполнѣ достовѣрными, если будутъ подтверждены и другими данными, такъ какъ литовскія, напр., названія еще не могутъ съ полной несомнѣнностью свидѣтельствовать о томъ, что здѣсь жили настоящіе литовцы: эти названія могли дать и переселившіеся сюда бѣлоруссы по памяти о подобныхъ же рѣкахъ на ихъ родинѣ, гдѣ онѣ на самомъ дѣлѣ были литовскими. Да, кромѣ того, и литовцы могли быть здѣсь болѣе поздними насельниками — современными славянамъ; они могли быть какъ-нибудь отрѣзаны отъ своей литовской прародины и въ незначительномъ количествѣ отброшены далеко на востокъ. Вспомнимъ голядь въ 1147 г. „верхъ Поротве“ Ипат. лѣт. (Соображенія о голяди у Голубовскаго, 40). Впрочемъ, какъ увидимъ послѣ, голядь могла переселиться сюда значительно позже вмѣстѣ съ радимичами. О сплошныхъ поселеніяхъ литовцевъ и латышей отъ устьевъ Двины и Нѣмана до верховьевъ Оки уже и потому не можетъ быть рѣчи, что литовцевъ было очень мало. Интересное наблюденіе отмѣчено въ „Обозрѣніи нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологич. отношеніи“ (стр. 2—3): вещи, найденныя въ смоленскихъ курганахъ (длинныхъ), по типу своему ближе всего подходятъ къ находкамъ изъ предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ Виленскаго края. Время этихъ предметовъ IX — X в. Очевидно, ли-

---

[1]) Ср. мѣстныя названія съ финскими корнями: Курьянова дер. въ Бѣльск. у. Смол. губ., Курьяново при р. Тудѣ тамъ же, Курьяны дер. въ Краснен. у., Курьянова дер. при колодцахъ въ Масальск. у. Кал. г. (Веске, 32); дер. Карманы въ Бѣльск. у., Карманово с. въ Мещов. у. (Веске, 38), Кулигина въ Сычев. у. см. губ., Кулига Мещевск., Кулиги Масальск. (Веске, 44); с. Касково Дорогоб., Каськово д. въ Мещ. и Мас. у. (Веске 54), хотя послѣднее м. б. и отъ Каська-Екатерина.

[2]) Подробнѣе о финнахъ у П. В. Голубовскаго: „Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ, 1895“, стр. 22—35.

товцевъ по сосѣдству кривичей было порядочно, если такъ сильно сказалось ихъ вліяніе на послѣднихъ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 15—16) имѣется замѣчаніе относительно того, что въ курганахъ Масальскаго уѣзда Калужской г. найдены вещи, которыя имѣютъ ближайшія аналогіи въ находкахъ на Зап. Двинѣ, Нѣманѣ и Днѣпрѣ (Кіевъ). Повидимому, эти вещи литовскаго происхожденія, хотя могли принадлежать и финнамъ, если они здѣсь были.

Если послѣ всего сказаннаго ограничиться только этими выводами, то получится, что мы потратили много времени, а пришли къ незначительнымъ результатамъ. Присмотрѣвшись внимательнѣе къ собраннымъ даннымъ, мы еще увидимъ слѣдующее: нѣкоторыя рѣки несомнѣнно литовскаго происхожденія, да и славянскія замѣчательно повторяются въ разныхъ бассейнахъ, какъ напр.:

Витъ у Припяти; Витъ у Десны, Витьба у Зап. Двины, Вытебеть у Жиздры, Витьма у Десны.

Дубна у Зап. Двины и Жиздры.

Нача у Лани, Зап. Двины, Обши, Начъ притокъ Бобра въ Борис. уѣздѣ.

Надва у Днѣпра и Ипути.

Уша у Нѣмана, Виліи, Березины, Ушача Зап. Двины.

Усса у Нѣмана, Березины, Угры.

Березина у Нѣмана, Днѣпра (тутъ еще Березна) (ср. у Филев., 99).

Вилія притокъ Нѣмана, Сожа и Горыни.

Сервечь притокъ Нѣмана и Виліи.

Свислочь притокъ Нѣмана, Припяти, Щары, Березины. Больше сходныхъ названій можно найти въ разныхъ мѣстахъ книги проф. Филевича „Ист. др. Руси“.

Перечисленныя рѣки и др., указанныя нами, повторяются только въ разсматриваемой области и лишь изрѣдка заходятъ въ другія мѣста (ср. Погодинъ, 91 и др.); значитъ, и предшественники славянъ въ данной области повсюду были одни и тѣ же, и заселена была эта страна славянами двигавшимися изъ одного общаго мѣста, кромѣ того — племенами род-

ственными. Главная масса предшественниковъ славянъ въ Бѣлоруссіи — литовцевъ и латышей — жила по Зап. Двинѣ (устье) и Нѣману и отдѣльными поселеніями простиралась, постепенно уменьшаясь, иногда небольшими островками, на югѣ до лѣвыхъ притоковъ Припяти, а на западѣ, быть можетъ, до Оки. Главная масса славянъ, составившихъ бѣлорусское племя, двинулась съ юга (съ Припяти и ея притоковъ) и запада (быть можетъ съ Зап. Буга и Нарева) сначала къ Нѣману, а отсюда до Зап. Двины на сѣверѣ и до Десны и Оки на востокѣ. Славянамъ сначала пришлось занимать въ литовской области мелкія рѣчки, а затѣмъ они потѣснили прежнихъ жителей и съ большихъ. На сѣверѣ и востокѣ были отброшены и финскія племена.

Съ половины IX вѣка по Р. Хр. мы уже имѣемъ вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о составѣ населенія бѣлорусской области. Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь свидѣтельствамъ нашей Начальной Лѣтописи. Какъ показываютъ изслѣдованія акад. А. А. Шахматова [1]), „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ первой редакціи, содержащая между прочимъ данныя историко-географическія и историко-этнографическія, явилась въ 1116 г. Такимъ образомъ извѣстія лѣтописца относятся къ самому началу XII вѣка; но они подтверждаются и другими болѣе ранними свидѣтельствами, напр., извѣстнымъ сочиненіемъ Константина Багрянороднаго († 959) „De administrando imperio“, относимымъ къ половинѣ X столѣтія, а также данными археологіи. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что показанія нашей лѣтописи могутъ быть распространены въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на время болѣе раннее, нежели IX вѣкъ. Правда, сообщенія о разселеніи русскихъ славянъ въ ней страдаютъ недостаткомъ исторической перспективы: лѣтописецъ не знаетъ, въ какомъ порядкѣ происходило заселеніе тѣхъ или другихъ областей, какія племена были близки другъ

---

[1]) „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ Энц. словарѣ Брокг. и Эфрона, т. 47, стр. 16; „О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ“, М. 1897, стр. 39.

другу по этнографическимъ своимъ особенностямъ, какова была численность тѣхъ или другихъ и т. п. [1]); но до извѣстной степени эти пробѣлы восполняются другими данными, находимыми какъ въ той же лѣтописи, такъ и въ другихъ письменныхъ памятникахъ, а также въ языкѣ народа и остаткахъ доисторич. старины.

Обращаясь къ извѣстному мѣсту лѣтописи о разселеніи славянъ, относительно разсматриваемой территоріи читаемъ слѣдующее: „Такоже и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ; *а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане* [2])". Въ другомъ мѣстѣ [3]), разсказывая о томъ, у какихъ русскихъ племенъ были самостоятельныя княжества, лѣтописецъ замѣчаетъ, что дреговичи начали держать свое княженье, „а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане. *Отъ нихъ же кривичи, иже сѣдять наверхъ Волги и наверхъ Двины и наверхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленскъ; тудѣ бо сѣдять кривичи.* Таже сѣверъ отъ нихъ". Перечисленіе народовъ, населявшихъ древнюю Русь, заканчивается у лѣтописца разсказомъ о переселеніи отъ ляховъ на Русь радимичей и вятичей [4]). „*Бяста бо 2 брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша сѣдоста Радимъ на Сѣжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася вятичи*".

Такимъ образомъ оказывается, что территорія, занятая въ настоящее время бѣлорусскимъ племенемъ, при началѣ русскаго государства была заселена слѣдующими славянскими племенами: дреговичами, жившими между Припятью и Зап. Двиной; кривичами — по верховьямъ Зап. Двины, Волги и

---

[1]) Спицынъ: „Разселеніе древнерусскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ". Жур. М. Н. Пр. 1899, авг., 305.

[2]) Лѣтопись по Лавр. списку. Изд. 3, Спб. 1897, 5—6.

[3]) Ib., 9—10.

[4]) Ib., 11—12.

Днѣпра; одна часть этихъ кривичей называлась полочанами и поселилась по р. Полотѣ; рядомъ съ дреговичами, за Днѣпромъ, по р. Сожу жили радимичи, имѣя къ востоку сосѣдей сродныхъ имъ вятичей, а къ югу сѣверянъ; послѣдніе тоже были сродни радимичамъ: по крайней мѣрѣ лѣтописецъ, описывая нравы русскихъ славянъ, соединяетъ всѣ эти три племени вмѣстѣ: „и радимичи и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣхъ, якоже всякій звѣрь"... [1]). Сосѣдями дреговичей съ юга были древляне и бужане или волыняне, а съ запада литовскія племена. Изъ перечисленныхъ русскихъ племенъ полностью вошли въ составъ бѣлорусской территоріи только дреговичи и радимичи; значительной долей — кривичи; остальныя племена только отчасти имѣли съ нею соприкосновеніе.

Остановимся теперь на племенахъ, населявшихъ бѣлорусскую область, нѣсколько подробнѣе.

Однимъ изъ самыхъ значительныхъ племенъ въ этой области являются *Дреговичи*. Лѣтописецъ, какъ уже сказано выше, помѣщаетъ ихъ между Припятью и Зап. Двиною. Болѣе точно опредѣлить ихъ поселенія можно слѣдующимъ образомъ: съ юга граница ихъ съ древлянами и волынянами шла отъ устья Припяти узкою полосою по южному берегу этой рѣки приблизительно до теперешней границы Минской губерніи съ Волынской и продолжалась почти до Зап. Буга. Отодвинуть ихъ границу за Припять заставляетъ то обстоятельство, что здѣсь имъ принадлежали города Мозырь (упоминается уже подъ 1155 г. въ Ипат. лѣт.), Туровъ (уже подъ 980 г. въ Лавр. лѣт.), Пинскъ (старый Пинескъ уже подъ 1097 г. въ Лавр. и Ип. лѣт.) и Брестъ-Литовскъ (Берестіе уже подъ 1019 г. въ Лавр. л.) [2]). Другіе города ихъ — Слуцкъ (Случескъ), Клецкъ (Клеческъ) — уже были съ лѣвой стороны бассейна Припяти.

---

[1]) Лавр. сп. лѣт.[3], 12—13.

[2]) Особенно интересно слѣдующее мѣсто лѣтописи (подъ 1097 г.), объединяющее подъ одной властью перечисленные города и устанавливающее старинную форму ихъ: „Василко... хощеть... заяти волость твою (Святополкову)—Туровъ, и Пинескъ, и Берестие, и Погорину". Лавр. сп.[3], 253.

На западѣ и сѣверозападѣ дреговичи сталкивались съ литовкими племенами, изъ коихъ нѣкоторыя вскорѣ были оттѣснены на сѣверозападъ, такъ что граница дреговичей здѣсь доходила почти до г. Дорогичина, далѣе захватывала верхнее теченіе Нѣмана (до г. Гродна) и притока его Виліи, не доходя до Вильны. Къ сѣверу отъ Виліи, по верховьямъ Березины и Днѣпра уже жили кривичи, въ области которыхъ были города Друцкъ (Дрьютескъ), Борисовъ, Логойскъ (Логожескъ), можетъ быть, Минскъ (Мѣнескъ), Изяславль [1]). Такъ опредѣляется дреговичская область примѣнительно къ тѣмъ городамъ, которые имъ принадлежали, когда, по лѣтописи (Лавр.[3], 9), дреговичи имѣли свое княженье, которое затѣмъ вошло въ составъ волостей кіевскихъ князей [2]). Слѣдуетъ однако замѣтить, что на югозападной границѣ очень рано дреговичи нѣсколько были потѣснены дулѣбами, которые въ свою очередь изъ прежнихъ своихъ жилищъ были вытѣснены волынянами (ср. Шахматовъ, Къ вопросу объ обр. р. н., 21). Другія соображенія относительно древнѣйшихъ поселеній дреговичей, основанныя на названіяхъ населенныхъ мѣстъ, нѣсколько напоминающихъ по звуку имя дреговичей, цѣнными не могутъ считаться [3]). Больше значенія имѣютъ въ разсматриваемомъ вопросѣ данныя доисторич. археологіи. Какъ показали многочисленныя изслѣдованія кургановъ IX—XI в.в. въ несомнѣнно дреговичскихъ поселеніяхъ, у этого племени практиковался особый способъ погребенія: покойника клали на поверхности земли и на немъ насыпали курганъ. Такой способъ погребенія лишь отчасти заходитъ къ югу отъ Припяти, а господствуетъ на лѣвомъ берегу этой рѣки и простирается на сѣверъ до систе-

---

[1]) Ср. В. Е. Данилевичъ: „Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV ст.“, 3. Впрочемъ есть основаніе усомниться въ принадлежности Минска и Друтьска кривичамъ. По Шахматову (Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій, 10—11) это были дреговичскіе города.

[2]) М. Довнаръ-Запольскій: „Очерки исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія“. Кіевъ, 1891, стр. 2, 44, 45 и др.

[3]) Они приведены въ извѣстной книгѣ Н. П. Барсова: „Очеркъ русской историч. географіи. Географія начальной (Несторовой) лѣтописи“[2]. Варш. 1885, стр. 124—127.

мы р. Березины включительно [1]). По теченію р. Буга, въ окрестностяхъ Дрогичина Гродн. губ. и въ Люблинской, уже курганы другого типа съ сожженіемъ труповъ [2]) Въ XI в. дреговичскіе курганы распространились значительно сѣвернѣе и дальше на востокъ (до Орши и даже на Сожъ) (ср. Спицынъ, 326). На восточной границѣ дреговичей — по Днѣпру (даже возлѣ самой Припяти)—встрѣчаются курганы больше смѣшаннаго типа съ значительнымъ количествомъ такихъ, которые, какъ увидимъ послѣ, характеризуютъ кривичское погребеніе [3]). Это можно объяснить тѣмъ, что на этой рѣкѣ сталкивались разныя русскія племена. Что касается въ частности присутствія здѣсь кургановъ кривичскаго типа, то это обстоятельство могло быть обусловлено тѣмъ, что кривичи изъ общерусской прародины двигались на сѣверъ по Днѣпру и конечно нѣкоторое время жили значительно южнѣе.

Въ указанной мѣстности дреговичи живутъ издавна; лѣтописецъ не опредѣляетъ болѣе точно время, когда они сюда пришли, не знаетъ ничего про ихъ родоначальниковъ, не объясняетъ даже происхожденія ихъ имени; онъ помнитъ только, что при началѣ Русс. государства они составляли самостоятельное княжество, что предполагаетъ извѣстную степень развитія племени и нѣкоторую давность мѣстожительства въ данной области. На это указываютъ и данныя археологическія. Мѣстность, занятая теперь Минскою губернію, гдѣ жила большая часть дреговичей, отличалась особенностями, высоко цѣнимыми древними славянами, которые, по словамъ императора Маврикія [4]), жили въ лѣсахъ, у рѣкъ, болотъ и озеръ,

---

[1]) В. З. Завитневичъ: „Къ вопросу о выработкѣ критерія для классификаціи кургановъ по типамъ". Кіевъ, 1890 г., 9; его же: „Изъ археологич. экскурсіи въ Припетское Полѣсье". Чтенія въ Общ. Нестора лѣт., IV, отд. II, 1—29; его же: „Вторая археологич. экскурсія въ Припетское Полѣсье". Чтенія, VI. Литература предмета приводится подробно у Спицына въ „Обозрѣніи нѣкотор. губ. и обл. Россіи въ арх. отношеніи", стр. 114—118.

[2]) А. Спицынъ: „Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологич. даннымъ". Ж. М. Н. Пр. 1899 г., авг., 317.

[3]) Завитневичъ: Вторая археол. экск., 35 и др. мѣста.

[4]) Стратегіи кн. XI гл. 5. Ср. еще у А. Погодина: „Изъ исторіи славян. передвиженій", 64—65.

куда доступъ труденъ. Вслѣдствіе сказаннаго понятно, почему въ территоріи нынѣшней Минской губ. такое множество городищъ (около 1000) и кургановъ (до 30,000)[1]). Ясно, что населеніе, которому принадлежали эти городища и курганы, было очень многочисленно и жило здѣсь давно. Само имя дреговичей указываетъ на давнюю связь ихъ съ данной мѣстностью. Разсказывая о разселеніи славянъ, лѣтописецъ попутно объясняетъ ихъ имена: древляне „зане сѣдоша въ лѣсѣхъ", полочане „рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота"; словомъ, славянскія русскія племена получили свои названія больше примѣнительно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они поселились. Дреговичи жили въ крайне болотистой мѣстности, гдѣ преобладали трясины—дрыгвá, драгвá, дрегвá (отъ корня *дрьг-*, что въ словѣ дрожать — бѣлор. дрыжáць). Понятно, почему ихъ сосѣди и назвали дреговичами. Болѣе близко къ „дрыгва" то названіе этого племени, какое находимъ въ Радивиловскомъ спискѣ лѣтописи, гдѣ обыкновенно дрегвичи[2]). Быть можетъ, въ древнѣйшемъ спискѣ лѣтописи и было какое-либо поясненіе при названіи дреговичей, въ родѣ: „дрегвы ради, на ней же сѣдоша", но позднѣйшимъ переписчикамъ это мѣсто было непонятно, и поэтому выпущено. Такое объясненіе имени разсматриваемаго племени обыкновенно даютъ въ настоящее время[3]). Нельзя однако скрыть того обстоятельства, что названіе „дреговичи" съ своимъ *-ичи* переноситъ насъ въ область родового быта и указываетъ на производство ихъ названія отъ собственнаго имени. Однако лѣтописецъ, который вообще любитъ разсказывать о разныхъ родоначальникахъ, въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ объ нихъ никакого упоминанія. Возможно, что *-ичи* употреблено здѣсь по аналогіи названій другихъ сосѣднихъ племенъ, каковы радимичи и вятичи. Еще обращаетъ на себя вниманіе то, что слово „дрегва" чаще встрѣчается со звукомъ *-ы-* (дрыгва),

---

[1]) Завитневичъ: „О курганахъ Минской губ." въ Календарѣ Сѣверо-Зап. края на 1890 г., издаваемомъ М. Запольскимъ, стр. 10.

[2]) Ср. Лѣт. по Лавр. сп.[3], стр. 5, вып. 25 и др. мѣста.

[3]) Ср., напр., у Первольфа: **Slavische Völkernamen. Archiv für sl. Phil. B. VII, 593.**

явившимся на мѣстѣ *-г-* въ сочетаніи *-рг-*. Возможно, что дреговичами прозвали разсматриваемое племя литовцы, ихъ всегдашніе сосѣди, у которыхъ въ языкѣ есть очень подходящій для даннаго случая глаголъ dr̃ėkti сырѣть, дѣлаться влажнымъ [1]). Впрочемъ лѣтописецъ въ передачѣ собственныхъ именъ часто допускаетъ фонетическія неточности: рѣка Припять, напр., у него вездѣ имѣетъ видъ Припеть (Лавр. сп., Ипат. и др., но въ Радивил. Припять); такимъ же образомъ вмѣсто драгвá (изъ дрогва) могло явиться дрегвá, особенно въ виду безударности *а* въ первомъ слогѣ. Но вѣроятнѣе всего, что въ этомъ названіи при *-р-* былъ гласный неявственный; по крайней мѣрѣ византійскіе писатели передаютъ этотъ слогъ различно: Δρουγουβῖται у Константина Багрянор., Δραγουβῖται, Δρογουβῖται въ житіи Димитрія Солунскаго.

Названіе дреговичи довольно распространено въ славянскомъ мірѣ. Изъ разсказовъ о чудесахъ св. Димитрія Солунскаго [2]) мы узнаемъ, что одна часть дреговичей жила въ VII вѣкѣ въ Македоніи около Солуня; сначала они были соединены съ болгарской, а потомъ сербской державой [3]). Эти македонскіе дреговичи (Δραγουβῖται) около 676 года въ сообществѣ съ другими славянами осаждали Солунь [4]). Черезъ два года дреговичи для новой войны, въ которой принималъ участіе каганъ аварскій, должны были поставить содержаніе на все войско [5]). Они умѣли вести правильную осаду, пользовались стѣнобитными машинами. Въ 685 г. во время пятой войны славянъ съ Солунемъ у дреговичей упоминаются князья [6]).

---

[1]) Только въ такомъ смыслѣ можно принять объясненіе проф. Кочубинскаго въ статьѣ: „Территорія доисторич. Литвы“, Ж. М. Н. Пр. 1897, № 1, стр. 93.

[2]) Минь: Patrologia Graeca, 116 т. То же въ сокращеніи и извлеченіи у Филарета, еп. Рижскаго: Святый великомученикъ Димитрій Солунскій и Солунскіе славяне. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Россійск., 1848 г., № 6. Переводъ отсюда въ Гласникѣ серб. учен. др. 1865 г. (т. XVIII).

[3]) Шафарикъ: Слав. древности, II т., кн. 1, стр. 213.

[4]) Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium, vol. VII. Zagrabiae, 1877, p. 284.

[5]) Филаретъ въ „Чтеніяхъ“ 1848, т. VI, 21.

[6]) Филаретъ, 32.

Другая ихъ отрасль жила во Ѳракіи по р. Драговицѣ. Они составляли цѣлую область и имѣли своего епископа (съ 879 г.), который и носилъ титулъ ἔξαρχος Θράκης Δραγοβιτίας [1]). Въ 758 г. македонскіе дреговичи (Δραγουβιτῶν ἔθνη) живутъ у Солуня [2]), а около 886 г., т.-е. во время св. Кирилла и Меѳодія, по свидѣтельству Іоанна Комменіаты, занимаются здѣсь земледѣліемъ [3]). Слѣдовательно, можетъ быть, они были одними тѣхъ славянъ, на языкъ которыхъ переведены первыя богослужебныя славянскія книги: вѣдь, святые братья, просвѣтители славянъ, естественнѣе всего на первыхъ порахъ должны были писать на томъ славянскомъ языкѣ, который былъ знакомъ имъ съ дѣтства. Наконецъ, около 946 года дреговичей мы находимъ еще въ поселеніяхъ полабскихъ славянъ [4]). Такое совпаденіе названій племенъ одного и того же народа, живущаго въ добавокъ не въ старыхъ, а новыхъ мѣстахъ, не можетъ считаться случайнымъ. Оно предполагаетъ во всякомъ случаѣ нѣкоторую ихъ связь и родство. Если держаться господствующей въ настоящее время теоріи о прикарпатско-припятской прародинѣ первобытныхъ славянъ и о разселеніи ихъ отсюда, то придется допустить, что изъ трехъ вѣтвей дреговичей самые древніе бѣлорусскіе: они вѣдь и названіе получили отъ занимаемой ими мѣстности, южные же и западные выселились отсюда [5]). А такъ какъ македонскіе дреговичи въ VII вѣкѣ являются уже довольно окрѣпшимъ племенемъ, имѣющимъ князей и епископа, то поселились они здѣсь не позже VI вѣка; а въ такомъ случаѣ бѣлорусскіе лѣтописные дреговичи сидятъ по Припяти давнымъ-давно: во всякомъ случаѣ не позже указаннаго выше предѣльнаго времени. Такимъ образомъ въ отношеніи населенія разсматриваемой части бѣлорусской территоріи мы подошли къ тому времени, на которомъ остановились раньше, разсматривая свидѣ-

---

1) Шафарикъ: Слав. древн., II т., кн. 1, стр. 362. Филаретъ, 42.

2) Monumenta spect., VII, стр. 295.

3) Шафарикъ: Слав. древн., т. II, кн. 1, стр. 368, 369.

4) Шафарикъ: Слав. древн., т. II, кн. 3, стр. 214.

5) Ср. еще у Шафарика, Слав. др., т. III, кн. 3, стр. 202, 203. Филаретъ, 26.

тельства средневѣковыхъ писателей о славянахъ, жившихъ здѣсь. Значитъ, не только начиная отъ Рождества Христова и до образованія русскаго государства, но и задолго до нашей эры бѣлорусская область по Припяти и ея притокамъ была занята славянскими племенами, и притомъ, по всей вѣроятности, одними и тѣми же.

Дальнѣйшая судьба дреговичей малоизвѣстна. При началѣ Русскаго государства они составляли самостоятельное княжество, но такое положеніе длилось, вѣроятно, немного. Когда ихъ южные сосѣди были объединены подъ властью кіевскаго князя, то и дреговичамъ пришлось подпасть подъ нее же. Да это было и естественно, такъ какъ у нихъ было нѣкоторое племенное родство съ древлянами и полянами: ихъ по крайней мѣрѣ объединяютъ археологическія находки въ курганахъ [1]). Дреговичскіе города скоро стали удѣлами кіевскаго княжества. Несомнѣнно, что уже въ X вѣкѣ дреговичи были данниками кіевскихъ князей. По словамъ Конст. Багрянороднаго (De adm. imp., IX), съ наступленіемъ мѣсяца ноября кіевскіе князья отправлялись за полюдьемъ (εἰς τὰ πολύδια) εἰς τὰς Σκλαβινίας τῶν τε Βερβιάνων καὶ τῶν Δρουγουβιτῶν καὶ Κριβιτζῶν καὶ τῶν Σερβίων καὶ λοιπῶν Σκλάβων οἵτινες εἰσὶ πακτιῶται (данники) τῶν Ῥῶς; здѣсь они проводили цѣлую зиму, а въ апрѣлѣ, по вскрытіи рѣкъ, возвращались по Днѣпру въ Кіевъ. Въ XI в. Туровъ и др. дреговичскіе города являются уже кіевскими удѣлами, какъ объ этомъ была рѣчь.

Не столь древни славянскія поселенія на лѣвой сторонѣ верхняго Днѣпра. По свидѣтельству Начальной Лѣтописи, въ IX вѣкѣ здѣсь жили *Радимичи*, а за ними Вятичи. Память о ихъ недавнемъ прибытіи въ эти мѣста во времена лѣтописца была еще такъ свѣжа, что онъ разсказываетъ даже преданіе о ихъ родоначальникахъ, при чемъ и племена эти называетъ не русскими, а ляшскими. Приходится предположить, что оба эти племени жили когда-то къ западу отъ дреговичей, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ляшскими племенами. Не ду-

[1]) Спицынъ. Ж. М. Н. Пр. 1899, авг., 319, 326—327.

маю, чтобы они дѣйствительно были ляшскаго происхожденія: языкъ ихъ чисто русскій, бытъ и поэзія тоже; одно дзеканье связываетъ ихъ съ ляхами, да и то только радимичей, но дзеканье свойственно и другимъ бѣлоруссамъ дреговичскаго и кривичскаго происхожденія; кромѣ того, оно не повсемѣстно у радимичей и несовсѣмъ совпадаетъ съ польскимъ: у поляковъ дзеканье имѣетъ нѣсколько шипящій характеръ, чего нѣтъ у бѣлоруссовъ. Кромѣ того, трудно доказать древность этого явленія. Вѣроятнѣе всего выраженіе „радимичи бо и вятичи отъ ляховъ“ (Лѣт. по Лавр. сп.[3], 11) слѣдуетъ понимать въ географическомъ смыслѣ—какъ жившіе вмѣстѣ съ ляхами. Что они были не ляхи, видно и изъ ихъ переселенія далеко на востокъ. Причиной такого переселенія было, вѣроятно, размноженіе поляковъ на средней Вислѣ, дреговичей на Припяти, волынянъ съ юга и литовцевъ съ сѣвера. По рубежу между дреговичами и кривичами разсматриваемыя племена, вѣроятно, и направились на востокъ къ Сожу и Окѣ. Съ ними, быть можетъ, двинулась на востокъ и часть литовскаго племени голяди [1]), поселившейся къ сѣверу отъ нихъ, какъ это было и на старой ихъ родинѣ. Радимичи и вятичи сближаются между собою и въ археологическомъ отношеніи: ихъ древнѣйшіе курганы представляютъ слѣды трупосожженія [2]), да и устройство ихъ кургановъ сходное (ср. Спицынъ, 316, 319) и находки въ нихъ одинаковы (ib. 332, 334). По трупосожженію ихъ курганы сходны съ тѣми, которые изслѣдованы къ западу отъ дреговичей—по теченію р. Буга въ окрестностяхъ Дрогичина Гродн. г. и въ Любл., а также Сѣдлецкой губ. (Спицынъ, 317). Вѣроятно, въ этихъ мѣстахъ и жили разсматриваемыя племена до своего переселенія на востокъ, за Днѣпръ. Въ X—XI вѣкѣ у радимичей уже рѣшительно преобладаетъ погребеніе,

---

[1]) Барсовъ: Очеркъ ист. геогр., 44, С. М. Соловьевъ: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, I. Спб. 1893, 87.

[2]) Тоже замѣчаетъ о нихъ и лѣтописецъ (Лавр. сп. лѣт.[3], 13): „И радимичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычай имяху... аще кто умряше... мертвеца сожьжаху“... Вятичи, по лѣтописцу, это дѣлили еще и при немъ; значитъ, другіе уже прекратили сожженіе. Дѣйствительно, въ радимичскихъ курганахъ въ X вѣкѣ „слѣды трупосожженій очень рѣдки“ (Спицынъ, 316).

но особенное: покойника клали выше горизонта (около 0,53 метра); ложе, подостланное подъ нимъ, состоитъ изъ золы, смѣшанной съ углемъ, безъ всякаго впрочемъ сожженія или обугленія костей. Очевидно, такой способъ погребенія лишь отчасти напоминалъ старинное сожженіе [1]).

Трудно болѣе точно опредѣлить границы старыхъ радимичскихъ поселеній въ системѣ Днѣпра. Радимичи обращали на себя очень мало вниманія лѣтописца, вѣроятно, потому, что жить имъ никогда не приходилось самостоятельно. Поэтому границы ихъ можно опредѣлять лишь приблизительно, примѣняясь къ рубежамъ ихъ сосѣдей, а также отчасти по даннымъ археологическимъ. Номенклатурныя данныя, которымъ старается придавать особенную цѣну Барсовъ (152—155), на нашъ взглядъ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ мѣстныя названія, начинающіяся съ *рад-*, въ родѣ Радогоща, Радоща, Радомка, Радчина, Радовище и т. п., имѣютъ лишь отношеніе къ корню *рад-*, но не къ названію Радимичи. Западная граница ихъ, несомнѣнно, достигала Днѣпра; на югѣ она шла ниже устья р. Сожа (но не доходя до сѣверскаго города Любеча) по водораздѣлу между Ипутью и Сновью, притоками Десны, гдѣ уже сидѣли сѣверяне [2]). На юговостокѣ радимичскія поселенія сталкивались съ сѣверскими на Деснѣ и вятичскими на Жиздрѣ, притокѣ Оки [3]). Такимъ образомъ южная и югозападная границы радимичей почти совпадали съ теперешними бѣлорусскими поселеніями. На сѣверѣ радимичи не жили дальше Мстиславля на Сожѣ; болѣе точно ихъ пограничная черта съ кривичами можетъ быть опредѣлена отъ г. Ельны на западъ до р. Днѣпра [4]). Археологическія данныя говорятъ за подобное же опредѣленіе ихъ области; только на востокѣ радимичскіе курганы спорадически попадаются даже за р. Десной [5]).

---

[1]) Ср. рефератъ Б. Антоновича. Извѣстія IX археол. съѣзда въ г. Вильнѣ 1893 г.

[2]) Д. Багалѣй: „Исторія Сѣверской земли," 13.

[3]) Ib., 13.

[4]) Голубовскій: „Исторія Смоленской земли", 51.

[5]) Спицынъ, 333.

Радимичи никогда не составляли самостоятельнаго княжества. Уже въ первыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы застаемъ ихъ платящими данъ козарамъ. Олегъ сказалъ имъ: „не давайте дани козарамъ, а давайте мнѣ", и они безпрекословно сдѣлали это: „и въдаша Ольгові по щьлягу" (подъ 885 г. Лѣт. по Лавр. сп.[3], 23). Съ ними онъ предпринималъ походъ и на грековъ въ 907 г. (ib. 29). Далѣе, почти 80 лѣтъ мы не имѣемъ объ нихъ никакихъ извѣстій; только подъ 984 годомъ помѣщенъ иронический разсказъ лѣтописца о ихъ возстаніи и усмиреніи воеводой св. Владимира, по имени Волчій-Хвостъ, при рѣчкѣ Пищанѣ. „Тѣмъ и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бѣгають»". И еще разъ лѣтописецъ припоминаетъ, что радимичи „отъ рода ляховъ" (ib., 82). Вѣроятно, уже во время лѣтописца радимичи служили предметомъ насмѣшекъ со стороны ихъ сосѣдей, какъ это продолжается и до сихъ поръ [1]). Затѣмъ радимичи сливаются съ Черниговскимъ княжествомъ, и уже въ началѣ XII в. города по р. Сожу считаются черниговскими волостями [2]).

Третье племя, легшее въ основу бѣлорусской народности, были, какъ уже объ этомъ говорилось раньше, *Кривичи*. По лѣтописи они сѣли по верховьямъ Зап. Двины, Днѣпра и Волги. Но такое обозначеніе ихъ поселеній очень неопредѣленно. Болѣе точно установливаются ихъ границы, если принять въ расчетъ тѣ города и вообще населенныя мѣста, которыя вошли въ составъ Полоцкаго и Смоленскаго княжествъ, основанныхъ полоцкими и смоленскими кривичами. Но и такое опредѣленіе племенной границы тоже страдало бы неточностями, такъ какъ, напр., въ составъ Полоцкаго княжества входили, несомнѣнно, нѣкоторыя литовскія и латышскія поселенія, а въ предѣлахъ Смоленскаго княжества приходится предполагать и финновъ; да и кромѣ того, вообще дѣленіе древнерусскаго населенія на отдѣльныя земли-волости не совпадало

---

[1]) Ср. разные анекдоты про нихъ у С. Максимова въ „Живописной Россіи", III, 438—440.

[2]) Барсовъ, 133.

съ первоначальнымъ племеннымъ его дѣленіемъ [1]). Племенныя рубежи въ прежнее время любили опредѣлять данными топографической номенклатуры, но такой способъ можетъ привести иногда къ ложнымъ заключеніямъ. Урочища съ корнемъ *крив-* врядъ ли будутъ указывать на кривичей. Конечно больше значенія имѣютъ такія названія какъ селеніе Кривичи, но и они могли возникнуть какъ-либо случайно, напр., какъ выраженіе внутреннихъ качествъ жителей, или главнаго признака извѣстной мѣстности [2]). Остаются данныя археологіи, показанія предметовъ, находимыхъ на землѣ и въ курганахъ. Но и здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду, что кривичи не автохтоны данной мѣстности, что до нихъ жили здѣсь народы литовскаго и финскаго племенъ, которые тоже находились на значительной степени развитія и вообще культуры; отъ нихъ также остались курганы и могилы. Слѣдуетъ еще помнить, что по этимъ мѣстамъ пролегали великіе пути, по которымъ шла торговля народовъ южныхъ и восточныхъ сначала съ прибалтійскимъ побережьемъ (янтарь), а затѣмъ съ скандинавскимъ сѣверомъ. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ какъ населеніе данной мѣстности могло быть смѣшанное, такъ и курганы могли сохранить слѣды разныхъ культурныхъ эпохъ. И въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемая мѣстность представляетъ очень различные курганы и слѣды разныхъ способовъ погребеній [3]), принадлежащихъ отчасти разнымъ народамъ, отчасти тѣмъ же кривичамъ, но въ разное время. По свидѣтельству лѣтописца (Лѣт. по Лавр. сп.[3], 13), кривичи сожигали своихъ мертвыхъ, а прахъ складывали въ урны. Такимъ характеромъ отличаются и курганы въ поселеніяхъ кривичей: въ нихъ находятся слѣды кострищъ, урны съ пережженными костями; кромѣ того, курганы часто обводятся канавками и обкладываются камнями; камни иногда бываютъ и въ серединѣ кургановъ [4]). При

---

[1]) Ѳ. И. Леонтовичъ: „Національный вопросъ въ древней Россіи", 7.

[2]) Голубовскій, 31—32.

[3]) Голубовскій, 17—25. Еще: „Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологич. отношеніи", 20—32 (въ вып. II), 1—10 (въ вып. III).

[4]) Подробнѣе объ нихъ у Голубовскаго, 17—25, и Спицына въ разныхъ мѣстахъ.

чемъ болѣе древніе курганы въ странѣ кривичей, общіе полочанамъ, смольнянамъ и псковичамъ, представляютъ еще одинъ особый внѣшній признакъ: они имѣютъ видъ валовъ въ длину до десяти саженъ[1]). Судя по этому признаку, мы можемъ видѣть, гдѣ впервые сѣли кривичи. Такіе курганы извѣстны возлѣ Пскова и Опочки, близъ Себежа, Сѣнна, въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ Смоленскомъ, Порѣчскомъ и Духовщинскомъ уѣздахъ, а также въ Бѣльскомъ, наконецъ въ Осташковскомъ уѣздѣ (с. Извѣдово). Остальные кривичскіе курганы имѣютъ обыкновенную полушарную форму. Они встрѣчаются въ уѣздахъ Лепельскомъ, Сѣнненскомъ, Себежскомъ, около Браслава въ Новоалександровскомъ уѣздѣ и отчасти въ сосѣднихъ мѣстахъ Вил. губ. Далѣе, курганы съ сожженіемъ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ Смоленской губ. (въ Смолен., Духовщ., Порѣч. и Бѣльск. уѣздахъ), этого же рода курганы попадаются и въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губ. на верхней Деснѣ[2]). Кривичскіе курганы XI в., болѣе поздняго типа, захватываютъ еще большую площадь: они доходятъ до Ржева и Зубцова на Волгѣ, до верховьевъ Москвы-рѣки, Угры и Жиздры, черезъ Брянскій уѣздъ идутъ къ верховьямъ Десны и Сожа; далѣе граница ихъ идетъ на Оршу, Борисовъ, Логойскъ; на западѣ и сѣверѣ курганы этого типа встрѣчаются въ Рѣжицкомъ, Себежскомъ и Невельскомъ уѣздахъ[3]). Если все сказанное перенесемъ на карту, то окажется, что вся сѣверная (начиная отъ р. Виліи) и сѣверовосточная Бѣлоруссія была заселена кривичами, и замѣчательно, что старинные рубежи этого племени, въ общемъ, кромѣ отчасти сѣвера, совпадаютъ съ теперешней этнографической чертой бѣлоруссовъ[4]).

Не противорѣчатъ выставленнымъ границамъ и данныя номенклатурныя[5]). Судя по нимъ, особенно слѣдя за назва-

---

[1]) Спицынъ, 311. Ср. еще „Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи“, 2.

[2]) Спицынъ, 311—315.

[3]) Спицынъ, 328.

[4]) Ср., напр., опредѣленіе сѣв.-зап. границы ихъ у Данилевича „Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV в.“ („Унив. Изв.“ 1896). Кіевъ. 1896, 4.

[5]) Ср. Барсовъ, 174 слѣд.

ніемъ поселеній „Кривичи", мы видимъ, что колоніи кривичей далеко распространялись и на югъ: такъ, извѣстны селенія Кривичи въ Лидскомъ уѣздѣ, Новогрудскомъ, Слонимскомъ и Рѣчицкомъ [1]). Относительно поселеній ихъ возлѣ Днѣпра рѣчь будетъ ниже.

Какъ можно видѣть изъ предыдущаго, кривичи поселились въ отмѣченной области, занявъ чужія мѣста. Но откуда они пришли сюда, и когда это заселеніе произошло? Лѣтописецъ не даетъ на это отвѣта; но несомнѣнно, что движеніе кривичей въ эту область было съ юга и произошло уже давно. Если новгородскіе славяне были тоже кривичи (въ чемъ я однако сомнѣваюсь и не могу убѣдиться доказательствами, собранными у акад. Шахматова: Къ вопросу объ образованіи р. н., 15—17), то они раньше другихъ русскихъ славянъ выдѣлились изъ общерусскаго племени, жившаго между Припятью и Карпатами, и по Днѣпру и его притоку Березинѣ двинулись на сѣверъ въ область озера Ильменя [2]). За ними произошло движеніе на сѣверъ кривичей полоцкихъ и смоленскихъ. Можно предположить, что они и жили на древнерусской прародинѣ при впаденіи р. Припяти въ Днѣпръ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить и тотъ смѣшанный характеръ кургановъ, въ указанной мѣстности, который отмѣтилъ Завитневичъ (Вторая археол. экскурсія въ припят. Полѣсье), и встрѣтившееся мѣстное названіе въ Рѣчицкомъ уѣздѣ „Кривичи", а также вообще названіе русскихъ у финновъ kriev; другое названіе venä должно быть объяснено иначе (Голубовскій, 36). Дальнѣйшее колонизаціонное движеніе кривичей было слѣдующее: съ Днѣпра они двигались по бассейну Березины, а далѣе на Двину—къ Полотѣ—полочане; отсюда къ верховьямъ Двины, на верхній Днѣпръ—Смоленскъ—и въ бассейнъ Волги (Голубовскій, 46—49). По Березинѣ, Виліи и Зап. Двинѣ кривичамъ пришлось столкнуться съ литовцами и латышами, кото-

---

[1]) Барсовъ, 169, 174, 313.

[2]) С. М. Соловьевъ (Исторія I, 47) держится противоположнаго мнѣнія, но я думаю безъ достаточнаго основанія: новгородскіе славяне живутъ возлѣ Новгорода давнымъ-давно; въ составъ ихъ могла войти и часть старинныхъ вендовъ.

рые ихъ названіе—kreevs [1]) распространили на всѣхъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что кривичи оттѣснили литовцевъ и отъ дреговичей.

Что собственно значитъ имя кривичи, трудно сказать: одни производятъ его отъ „кривичъ“ криводушный человѣкъ (Микуцкій), другіе отъ бѣлорусскаго слова „кроў“—„криви“; тогда „кривичи“ будетъ значить „родственники“ [2]). Обѣ эти этимологіи однако ничего не говорятъ для уясненія смысла названія и характера народности. Еще меньше значенія имѣетъ производство этого названія отъ Криве, литовскаго первосвященника, если только послѣдній дѣйствительно носилъ это имя (ср. рефератъ проф. А. Ѳ. Мѣржинскаго на IX археолог. съѣздѣ въ Вильнѣ 1893 г.). Если вѣрно сообщеніе, приведенное въ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева (I, 47, вып. 2) съ глухою ссылкой на Микуцкаго о существованіи лит. kirba топь, трясина (въ словарѣ Куршата этого слова нѣтъ), то производство отъ этого слова названія кривичей имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятія: кривичи будутъ означать то же, что и дреговичи; названіе могло быть дано имъ литовцами [3]), а потомъ осмыслено славянами примѣнительно къ кроў—криви́; затѣмъ отъ славянъ это названіе снова заимствовано литовцами въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. При допущеніи этого мнѣнія выйдетъ, что литовцы познакомились съ кривичами еще тогда, когда послѣдніе жили въ припятскихъ болотахъ.

Движеніе кривичей къ верховьямъ Двины, Днѣпра и Волги произошло очень рано. Не говоря уже о новгородскихъ славянахъ, которые живутъ на своихъ мѣстахъ давнымъ-давно, быть можетъ смѣнивъ венедовъ древнихъ писателей и от-

---

[1]) У Эндзелина: „Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ“ (Жив. Ст. 1899 г. II, 285) точнѣе krẽvi (чит. kriavi).

[2]) Ср. Записки Импер. Р. географ. общ. по отд. этнографіи, т. V, 1873 г., стр. 47, и Archiv für slav. Phil. B. VII, s. 594: Slavische völkernamen. Критика этого производства у Эндзелина, o. c., 286.

[3]) Намекъ на это, повидимому, имѣется и у лѣтописца: онъ называетъ сначала полочанъ; значитъ, эта русская вѣтвь не имѣла особаго имени; а потомъ прибавляетъ, что отъ нихъ произошли кривичи: а вѣдь сосѣди Полоцка литовцы.

части смѣшавшись съ ними (отсюда финское venöa), полоцкіе кривичи и смоленскіе уже въ IX вѣкѣ имѣютъ такіе выдающіеся города, какъ Полотьскъ, Смольньскъ; изъ нихъ особенно важенъ въ полит. отношеніи первый, второй извѣстенъ на первыхъ порахъ лишь какъ торговый городъ [1]). Движеніе кривичей на Зап. Двину, значитъ, произошло еще далеко до IX вѣка. Но къ этому времени до Двины уже простирались поселенія дреговичей; вслѣдствіе этого кривичамъ довелось жить съ ними вмѣстѣ и подвергаться вліянію языка послѣднихъ. Отдѣлившимся отъ нихъ смоленскимъ кривичамъ пришлось столкнуться съ подобнымъ же племенемъ радимичей и отчасти вятичей. Колонизація кривичей, несомнѣнно, была мирная; по крайней мѣрѣ лѣтописи не сохранили слѣдовъ борьбы.

Не стану останавливаться на политич. жизни кривичей, такъ какъ она подробно разсмотрѣна въ спеціальныхъ работахъ, посвященныхъ этому предмету—Довнара-Запольскаго, Голубовскаго и Данилевича; напомню только нѣкоторые факты. Полоцкіе кривичи рано были отторгнуты отъ общерусской жизни и не вошли въ лѣстницу княжескихъ удѣловъ. Причиною этого, какъ извѣстно, было то, что здѣсь правилъ родъ не кіевскихъ князей, а другой—Рогволодовъ (въ половинѣ X в.). Послѣ смерти Рогволода Полоцкое княжество досталось Изяславу Владиміровичу, сыну Рогнѣды, каковую власть онъ получилъ не по общему для всего Рюрикова дома праву участвовать во владѣніи русскою землею, а какъ отчину своей матери. Русскіе князья не переставали предъявлять своихъ притязаній на эти земли, и полоцкимъ князьямъ приходилось много воевать съ ними. Войны эти отличались великими кровопролитіями, воспѣтыми даже пѣвцомъ Слова о полку Игоревѣ: „на Немизѣ [2]) снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, по-

[1]) Ср. соображенія по этому предмету у Голубовскаго, 46—49.

[2]) Рѣчка Немига подъ тѣмъ же именемъ существуетъ на Рыбномъ рынкѣ въ Минскѣ. Но про эту ли Немигу говоритъ пѣвецъ Слова?

сѣяни костьми русскихъ сыновъ" [1]). Про полоцкихъ князей сложились было даже старины, ссылки на которыя также видимъ въ Сл. о п. Игоревѣ. Замѣчательно въ этомъ родѣ слѣдующее мѣсто про Всеслава полоцкаго: „Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути".

Смоленскіе кривичи, отдѣлившіеся отъ полоцкихъ, скоро проявляютъ стремленіе обособиться отъ своей метрополіи; но долго они не могли составить сильнаго политическаго цѣлаго. На первыхъ порахъ они заняты лишь колонизаціей верхняго Поволжья и торговлей. Въ политическомъ отношеніи Смоленскъ въ это время былъ въ полной зависимости отъ кіевскаго князя. Олегъ безъ всякаго затрудненія въ 882 г. „приде къ Смоленьску съ кривичи и прия градъ и посади мужь свои" (Лѣт. по Лавр. сп.[3], 22). Затѣмъ смоленскіе кривичи подъ начальствомъ кіевскаго князя Володимера идутъ даже противъ Полоцка (ib. 74 подъ 980 г.). Далѣе все время они являются въ распоряженіи кіевскихъ князей, и только изрѣдка проявляютъ стремленіе къ самостоятельной жизни (напр. въ 1095 г. при Давидѣ Святославичѣ); лишь въ XII в. при Ростиславѣ Мстиславовичѣ (1128—1160) Смоленская земля обособляется въ особый удѣлъ.

Такимъ образомъ, какъ можно видѣть изъ предыдущаго, въ основу бѣлорусской народности легли слѣдующія древнерусскія племена: дреговичи, радимичи и кривичи. Очень можетъ быть, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бѣлоруссы ассимилировали себѣ сѣверянъ, вятичей и даже нѣкоторыя литовскія племена, напр., ятвяговъ и голядь. Кромѣ сѣвера и сѣверовостока, гдѣ сосѣдями названныхъ племенъ были финны, легшіе въ основу бѣлоруссовъ славяне были окружены племенами индоевропейскими, точнѣе—латышами, литовцами, поляками и родственными русскими. Временное сосѣдство бывало,

---

[1]) Ср. выраженіе бѣлорусской народной пѣсни:

Ту́гою ора́на,
Слезми́ засѣва́на.

Записки И. Русс. Геогр. Общ. по отд. этн., V, 266.

повидимому, и съ другими народами. Такъ нѣкоторое время возлѣ нихъ жили готы (лѣтописные гътѣ), занявшіе однажды мѣста между Вислой, Бугомъ и Нѣманомъ (Θ. Браунъ: Разысканія въ области Гото-славянскихъ отношеній, 335: „но едва ли они достигли здѣсь... полной осѣдлости"; А. Н. Веселовскій: Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій, 21—22, „Извѣстія", 1900, № I).

ГЛАВА III.

ЯЗЫКЪ РУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ, НАСЕЛЯВШИХЪ БѢЛОРУССКУЮ ТЕРРИТОРІЮ ВЪ ДРЕВНѢЙШЕЕ ВРЕМЯ. ЗАРОЖДЕНІЕ БѢЛОРУССКИХЪ ОСОБЕННОСТЕЙ. СТАРѢЙШІЯ СЛОВАРНЫЯ ЗАИМСТВОВАНІЯ—У ФИННОВЪ И ИРАНЦЕВЪ.

Бѣлорусское нарѣчіе принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ мѣстныхъ видоизмѣненій русскаго народнаго языка. Оно важно по своимъ особенностямъ, по остаткамъ древности въ составѣ; оно важно и по обширности пространства, на которомъ господствуетъ, какъ языкъ народный... Изслѣдователи историческіе не могутъ не обратить на него вниманія столько же, какъ и филологи, и, конечно, найдутъ въ немъ немало драгоцѣнныхъ указаній для своихъ соображеній.

И. И. Срезневскій (XXXIV присужденіе Демидовскихъ наградъ).

Интересно коснуться хотя бы въ общихъ чертахъ вопроса о томъ, какими особенностями отличался языкъ перечисленныхъ племенъ въ періодъ отъ появленія ихъ на бѣлорусской территоріи до начала XII в., времени перваго нашего лѣтописца. Когда автору Начальной Лѣтописи приходится говорить о разныхъ русскихъ племенахъ, то онъ различаетъ ихъ или по мѣсту жительства (древляне, полочане), или по нравамъ и обычаямъ (вятичи, радимичи, сѣверяне), или по происхожденію (радимичи и вятичи); затѣмъ онъ группируетъ ихъ по политическому положенію (кривичи, у которыхъ городъ Смоленскъ, новгородскіе славяне), но нигдѣ онъ не касается отличій тѣхъ или другихъ русскихъ племенъ въ языкѣ: всѣ они у него „словѣнескъ языкъ в Руси" (Лавр. сп. лѣт.[3], 10), да и другія сла-

вянскія племена тоже „словѣни“ и больше ничего (ib., 5). Ясно, что лѣтописецъ, учившійся грамотѣ по церковнославянскимъ книгамъ и всегда читавшій ихъ впослѣдствіи, или вовсе не замѣчалъ особенностей въ рѣчи тѣхъ или другихъ русскихъ племенъ (конечно въ его время), или былъ съ ними мало знакомъ, такъ какъ зналъ лишь языкъ своего племени, или, наконецъ, такихъ отличій и совсѣмъ не было, либо было очень мало. Но эти соображенія останутся лишь гаданіями и для уясненія поставленнаго вопроса не дадутъ ничего. Придется инымъ путемъ взяться за рѣшеніе его.

Всѣ разсмотрѣнныя нами племена, какъ мы видѣли изъ предыдущей главы, были русскія и имѣли общія черты въ языкѣ, свойственныя всему народу. Лѣтописецъ нигдѣ не смѣшиваетъ русскихъ племенъ ни съ поляками, ни съ чехами, ни съ другими славянскими народами. Значитъ, имъ былъ свойственъ тотъ запасъ особенностей, который характеризовалъ еще единый русскій языкъ, до выдѣленія изъ народа отдѣльныхъ племенъ, а изъ языка тѣхъ или другихъ говоровъ. Но такъ какъ мы застаемъ эти племена уже давно выдѣлившимися изъ общерусскаго народа, то можемъ предположить, что и въ языкѣ ихъ ко времени написанія нашей Начальной Лѣтописи появились въ зародышѣ нѣкоторыя мѣстныя черты. Но какъ возстановить этотъ общерусскій языкъ и какъ выдѣлить первыя діалектическія особенности? Конечно самыя достовѣрныя данныя намъ представили бы памятники языка разсматриваемаго времени, но ихъ не сохранилось въ современныхъ рукописяхъ ни одного. Вслѣдствіе этого приходится обратиться къ теперешнимъ живымъ говорамъ данной мѣстности и, устранивъ тѣ ихъ особенности, которыя развились въ историческое время, путемъ сравненія этихъ говоровъ съ рѣчью остальныхъ русскихъ областей и отвлеченія общихъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ имъ, составить характеристику тѣхъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей (слѣдовало бы прибавить сюда еще синтаксисъ и словарь), которыя могутъ быть предположены для доисторической эпохи русскаго языка, прежде всего какъ недѣлимаго цѣлаго; причемъ придется слѣ-

дить, чтобы эти идеальныя формы не противорѣчили и тѣмъ положеніямъ, къ которымъ приходитъ исторія языка на основаніи показаній сохранившихся до нашего времени памятниковъ другихъ мѣстъ, изъ которыхъ древнѣйшіе восходятъ къ XI вѣку. Всегда, вѣдь, слѣдуетъ помнить, что сходныя явленія въ языкѣ могли возникать въ разныхъ говорахъ и самостоятельно, вслѣдствіе сходства причинъ, вызвавшихъ ихъ, и однообразія психическихъ условій, руководящихъ творчествомъ человѣческаго духа. — Продолжая тѣмъ же путемъ сравненіе бѣлорусскихъ говоровъ съ рѣчью ближайше родственныхъ племенъ (малорусскаго и южновеликорусскаго), и устраняя тѣ черты, которыя развились послѣ XII вѣка, мы въ состояніи будемъ отмѣтить тѣ зародыши мѣстныхъ особенностей, которыя съ присоединеніемъ болѣе позднихъ чертъ, легли въ основу современнаго бѣлорусскаго нарѣчія.

Наша работа въ указанномъ отношеніи очень облегчена существованіемъ капитальныхъ сочиненій по этому вопросу академиковъ А. И. Соболевскаго[1]) и А. А. Шахматова[2]), а также другихъ ученыхъ. Намъ поэтому не придется здѣсь вдаваться въ подробности (да и подобной цѣли въ данномъ сочиненіи не имѣется въ виду), а отмѣтить только общепринятые факты.

Если держаться указанныхъ выше пріемовъ, то относительно языка русскихъ племенъ, поселившихся въ бѣлорусской области еще до IX вѣка, можно притти къ слѣдующимъ выводамъ. Такъ какъ эти племена до своего самостоятельнаго существованія пережили общерусскую эпоху, то и языкъ ихъ, несомнѣнно, имѣлъ всѣ тѣ свойства, которыя характеризуютъ прежде всего эту эпоху. Она началась еще тогда, когда русскій языкъ представлялъ лишь одинъ изъ діалектовъ общеславянскаго языка, и закончилась во время его самостоятельной жизни, но до распаденія на отдѣльныя племена, что произо-

---

[1]) Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2. Спб. 1891.

[2]) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. Спб. 1899 (изъ Ж. М. Н. Пр., апр., 1899 г.); „Русскій языкъ“ подъ словомъ „Россія“ въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза и Эфрона (Отдѣльное изданіе „Россія“. Спб. 1900 г.) и др. работы.

шло еще далеко до IX в.; по крайней мѣрѣ существованіе племени дреговичей можно предположить, какъ мы видѣли, уже въ VI в. по Р. Хр. Отодвиженіе общерусской эпохи языка въ такую глубину даетъ намъ полное право приписать ему всѣ тѣ звуки и формы, развитіе которыхъ уже закончилось въ общеславянскую эпоху и принадлежитъ всѣмъ славянскимъ языкамъ, въ томъ числѣ и древнѣйшему изъ нихъ по своимъ памятникамъ др. ц.-славянскому. Эти *общеславянскіе* звуки и формы, унаслѣдованные разсматриваемыми говорами въ общерусскую эпоху, слѣдующіе.

Въ области гласныхъ: а) гласные *а* и *о* довольно широкіе. Въ родственныхъ языкахъ первому соотвѣтствуютъ звуки долгіе (ā, ō), а второму между прочимъ и ă; широкій характеръ этихъ звуковъ въ общерусскую эпоху можетъ быть предположенъ и на основаніи того, что такими они были въ эпоху первыхъ древнерусскихъ памятниковъ (Соболев., Лекціи², 41). Этому не противорѣчатъ и показанія ц.-слав. памятниковъ, знающихъ въ словахъ заимствованныхъ **а** только на мѣстѣ ударяемаго *а* иностраннаго: **сотона** при σατανᾶς, **оцьтъ** acetum, и показанія иностранныхъ писателей, передающихъ славянскія слова: ζάκανον **законъ**, σθλαβηνοί **словѣне** и т. п. б) Гласные *у* и *и* слоговые и неслоговые, т.-е. ў и *й*. Предположить кромѣ слоговыхъ и неслоговые *у* и *и* заставляютъ показанія родственныхъ языковъ, знающихъ, напр., на мѣстѣ славянскихъ **-ов-** и **-ьи-** сочетанія eu̯—ei̯ (ср. **сынове** изъ *sūneu̯es и **пѫтье** изъ *pontei̯es), а также свидѣтельства новыхъ славянскихъ языковъ, въ той или другой степени знающихъ билабіальное *w*, а также i̯ или развившійся изъ него *j*. Къ этому же приводятъ и данныя живыхъ русскихъ говоровъ (малор., бѣлор. и отчасти южновеликор.) и памятниковъ старины, какъ объ этомъ будетъ рѣчь послѣ. в) Гласные *е* довольно узкое и *ä* широкое, а также *ѣ*. Первые два звука представляютъ разновидности одного, имѣвшаго свойство нѣсколько смягчать предшествующіе ему согласные. Первый по своимъ особенностямъ не отличался отъ обычнаго *е* родственныхъ языковъ: въ нихъ ему обыкновенно и соотвѣтствуетъ *е*; второй звукъ

(ä) въ общеславянскую эпоху былъ извѣстенъ лишь діалектически [1]). Въ др. русскомъ этотъ послѣдній звукъ данными живыхъ русскихъ говоровъ, какъ увидимъ послѣ, можетъ быть доказанъ въ нѣсколькихъ случаяхъ. Существованіе особаго звука *ѣ* (на мѣстѣ основныхъ ē, ai-oi, равнаго, быть можетъ, i͡ē или e͡e, при чемъ одна изъ этихъ частей могла становиться неслоговой и суживаться) въ общеславянскомъ и въ общерусскомъ языкѣ не подлежитъ сомнѣнію. Память объ этомъ звукѣ живетъ до сихъ поръ не только въ разныхъ славянскихъ языкахъ, но и въ современныхъ говорахъ русскаго языка. г) Гласные *ъ* и *ь* глухіе, замѣнившіе основные индоевропейскіе ŭ и ĭ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ŏ и ĕ и отчасти другіе звуки, когда-то свойственные всѣмъ славянскимъ языкамъ, были извѣстны и общерусскому языку; при чемъ, какъ это отчасти уже было въ общеславянскомъ языкѣ, въ немъ они или приближались къ гласнымъ полнаго образованія, или же становились очень краткими и неопредѣленными. д) Отъ общеславянской эпохи въ русскій языкъ перешелъ и особый звукъ *ы*, замѣнившій въ большинствѣ случаевъ индоевропейское ū. Иногда вторичное *ы* изъ *ъ*, какъ отчасти и вторичное *и* изъ *ь*, развившееся уже на общеславянской почвѣ передъ i̯, отличались нѣкоторой неопредѣленностью звука и краткостью, что современемъ дало имъ возможность въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ замѣниться другими гласными. е) Изъ общеславянскаго языка при своемъ выдѣленіи русскій праязыкъ, вѣроятно, получилъ и носовые *о* и *е* (ѫ—ѧ), которые однако перешли въ него уже съ сильно ослабленнымъ носовымъ элементомъ; кромѣ того, и гласный звукъ ихъ былъ уже нѣсколько иной: *о* узкое и *ä* широкое; съ такимъ характеромъ носовые гласные діалектически могли явиться уже въ концѣ жизни славянскаго праязыка.

Въ области согласныхъ отъ общеславянской эпохи русскій праязыкъ унаслѣдовалъ а) *р*, *н*, *л* чистые и смягченные (палатализованные), когда имъ приходилось соединятся съ *j*;

---

[1]) Ср. А. А. Шахматовъ: Общеславянское ä. Извѣстія Отд. русск. яз. и сл. И. А. Н., т. VI, кн. 4, 272 и слѣд.

б) задненебные *к*, *г*(*g*); *х*, *h* — послѣднiй звукъ дiалектически въ произношенiи нѣкоторыхъ лингвистическихъ единицъ, а также вообще въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ формахъ (напр. род. на -*оhо*); в) зубные *д*, *т*, *з*, *с*. Послѣднiе (*з* и *с*), а также сложный зубной *ц* могли быть и мягкими (палатальными), если они получались путемъ смягченiя *г*, *х* и *к* (бозѣ, стрѣсѣ, рѣцѣ). г) Небные смягченные *ж*, *ч*, *ш* на мѣстѣ *г*, *к*, *х*, когда имъ приходилось соединяться съ *j* или гласными передняго ряда (умягчительными); *ж* и *ш* получались также на мѣстѣ сочетанiй *зj* и *сj*. д) Губные *б*, *п* и зубногубной *в* чистые; смягченными они бывали только тогда, когда за ними слѣдовалъ *л* мягкiй (люблѭ, куплѭ, ловлѭ). *В* могъ чередоваться съ ў, или точнѣе билабiальнымъ *w*, когда ему приходилось, напр., послѣ задненебныхъ *г*, *к*, *х* стоять передъ гласными губными (гвоздь, квокчеть, хворость). е) Русскому праязыку была свойственна и общеславянская дiалектическая черта — упрощенiе группъ *дл* и *тл* въ *л* (палъ, плелъ), а также *дн* и *тн* въ *н* (вѧнѫти, освьнѫти).

Формы словообразованiя, склоненiй и спряженiй въ большинствѣ случаевъ отъ общеславянской эпохи перешли и въ русскiй праязыкъ и продолжали здѣсь жить. Такъ между прочимъ отъ общеславянскаго языка древнерусскiй получилъ а) переходное смягченiе задненебныхъ въ формахъ склоненiй, что затѣмъ перешло и въ нѣкоторые его говоры, напр. западнорусскiе и южнорусскiе; въ нихъ это смягченiе держится до сихъ поръ (дузѣ, руцѣ, стрѣсѣ); б) форму звательнаго, которая современемъ была утрачена сѣверными и восточными русскими говорами и опять-таки удержалась у западноруссовъ и южноруссовъ до нашего времени; в) двойственное число именъ существительныхъ, въ настоящее время удержавшееся въ имен. и вин. п. жен. и средн. рода именъ существительныхъ, а также въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ формахъ главнымъ образомъ у малоруссовъ и бѣлоруссовъ (дзвѣ назѣ, сялѣ, дзвѣсцѣ, плячыма, очыма и т. д.); г) судя по показанiямъ сербскаго, словинскаго и отчасти болгарскаго языковъ, общеславянскому языку въ 1-мъ лицѣ мн. ч., кромѣ *мъ*, было извѣстно

еще *мо*. Это послѣднее перешло и въ древне-русс. языкъ и по распаденіи его на говоры удержалось опять въ западнор. и южнорусс. говорахъ (спимо́, дамо́); въ бѣлорусскихъ говорахъ оно не возобладало: чаще формы на *-м* изъ основн. *-мъ*. д) Общерусскій языкъ отъ праславянскаго унаслѣдовалъ и повелительное съ суфф. *ѣ*, типа „несѣмъ“; въ однихъ говорахъ оно скоро утратилось, но въ западнорусск. и южнорусскихъ продолжаетъ жить до сихъ поръ, распространившись даже на основы съ *и* (ходземъ). е) Въ древнерусскій яз. перешли и старинныя формы дат. и мѣст. множеств. на *-ьмъ*, *-ьхъ* у основъ на ї и *-ъхъ* (а можетъ быть и *-охъ*: Соболев. Очерки, 115), *-омъ* и *-ѣхъ* отъ основъ на ĭ и ŏ. До сихъ поръ они въ значительной степени удержаны бѣлоруссами (госцёмъ, госцёхъ, сынохъ, ворoцѣхъ, паномъ) и малоруссами. Нѣкоторыя морфологическія явленія на общерусской почвѣ подверглись самостоятельному развитію и перерожденію.

На почвѣ *древнерусскаго праязыка* развились слѣдующія черты, характеризующія всѣ современныя и древнерусскія нарѣчія и говоры: а) полногласіе. Основныя славянскія сочетанія or̥ — ol̥, er̥ — el̥ на почвѣ прарусскаго языка измѣнились въ томъ отношеніи, что развили послѣ себя изъ слогового согласнаго передъ слѣдующимъ согласнымъ звукъ гласный, сходный съ тѣмъ, который предшествовалъ согласному (борода, голова, берегъ, железа́). б) Основныя славянскія сочетанія ъ̯r̥ — ъ̯l̥, ь̯r̥ — ь̯l̥ послѣ утраты слогового характера согласныхъ *r* и *l* усилили слогообразующую роль предшествующихъ имъ неслоговыхъ глухихъ и такимъ образомъ перешли въ ъr — ъl, ьr — ьl (търгъ, вълна, сърна, жьлтъ). Должно быть очень рано въ подражаніе явленіямъ, разсмотрѣннымъ въ п. *а*, и здѣсь послѣ *r* и *l* развились въ нѣкоторыхъ случаяхъ вторичные глухіе (скърьбь, мълънии, съмьрьть), — такъ называемое второе полногласіе, извѣстное старѣйшимъ памятникамъ древнерусскаго языка и отчасти живущее въ отдѣльныхъ словахъ до сихъ поръ (Собол. Лекціи², 27—30). в) Глухіе *ъ* и *ь* полученные, какъ сказано было раньше, изъ общеславянскаго языка, уже во время общерусской эпохи въ слогахъ ударя-

емыхъ приблизились къ гласнымъ чистымъ *о* и *е* (сонъ, день); въ слогахъ же безударныхъ и конечныхъ перестали быть слоговыми и пошли по пути къ утратѣ. Если глухіе стояли и въ слогахъ предшествующихъ, то въ случаѣ получались группы, неудобныя для произношенія, въ этихъ слогахъ глухіе могли обращаться въ *о* и *е* (топотъ, мъртвеца). Дольше удерживался глухой характеръ въ сочетаніяхъ *ър — ъл*, *ьр — ьл*, какъ объ этомъ говорилось въ предыдущемъ пунктѣ. г) Носовые **ѫ** и **ѧ**, которые перешли въ русскій праязыкъ уже съ сильно ослабленнымъ носовымъ элементомъ, въ теченіе общерусской жизни стали вполнѣ чистыми гласными *у* и *а* (руку, часть, пять). По памятникамъ можно даже совершенно точно опредѣлить время, не позже котораго произошла утрата носовыхъ: это половина X в. У Константина Багрянороднаго приводятся названія днѣпровскихъ пороговъ Βερούτζη, т.-е. вьручи = д. ц.-сл. **вьрѫшти**, Νεασήτ, т.-е. неясыть = ц.-сл. **неѩсыть**, въ каковыхъ слоги съ юсами передаются гласными чистыми (ср. Собол. Лекціи², 19 — 20). Это было уже время по распаденіи русскаго языка на говоры, хотя въ немъ еще и продолжались общерусскія явленія. д) На почвѣ русскаго же праязыка начальное *е* въ нѣсколькихъ словахъ (единъ, елень, есень, есетръ, езеро, ельха) замѣнилось посредствомъ *о* (одинъ, олень, осень, осетръ, озеро, ольха). Переходной ступенью отъ *е* (всѣ эти слова предполагаются въ общеславянскомъ съ *е*, а на *je*) къ *о* было, вѣроятно, *ö* [1]). е) Въ области согласныхъ прежде всего завершился переходъ сочетаній *dj* и *tj* въ *ж* и *ч*, начавшихъ смягчаться еще въ общеславянскую эпоху, при посредствѣ д̑ж̑д̑ и т̑ш̑т̑, (вижу, свѣчу). ж) Вслѣдствіе тѣснаго сближенія въ произношеніи согласныхъ и слѣдующихъ за ними гласныхъ произошло усиленіе непереходнаго смягченія согласныхъ (палатализаціи) зубныхъ (*т*, *д*, *с*, *з*, *р*, *л*, *н*), не стоявшихъ передъ *j*, а лишь передъ *и*, а затѣмъ, въ подражаніе ему, и передъ *ь*, *е*, *ѣ*, **ѧ**. Лишь согласные губные *б*, *п*, *в*, *м*, бывшіе въ концѣ словъ передъ *ь*, если въ другихъ формахъ тѣхъ же словъ имъ

[1]) Ср. А. А. Шахматовъ: Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава. 1893, 11 sq.

не приходилось стоять передъ *и*, обыкновенно изъ полумягкихъ обращались въ твердые (столомъ изъ столомь, въ томъ вм. въ томь). На развитіе мягкихъ согласныхъ, несомнѣнно, оказала вліяніе и аналогія смягченныхъ шипящихъ и свистящихъ. Нѣкоторые согласные, съ другой стороны, какъ заднеебные *г*, *к*, *х*, а также губный *в*, уже по природѣ своей были лабіальными, т.-е. выговаривались при такомъ растворѣ рта, какой необходимъ для произношенія гласныхъ преимущественно лабіальныхъ *о* и *у*. Въ подраженіе этимъ согласнымъ, и другіе въ соединеніи съ *о* и *у*, а также съ ж, *ъ*, лабіализировались. Впослѣдствіи такое твердое лабіализированное произношеніе согласныхъ распространилось на всѣ вообще сочетанія согласныхъ съ непалатализированными гласными. Эта палатализація и лабіализація согласныхъ произвела большія измѣненія въ области гласныхъ и согласныхъ, приходящихъ въ непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ. Гласные, предшествующіе смягченнымъ согласнымъ, стали нѣсколько ўже, по крайней мѣрѣ не пошли по пути расширенія; это особенно замѣтно сказалось на *е* изъ основного є и ь въ извѣстныхъ случаяхъ. Лишь одно *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ послѣ мягкаго согласнаго подъ удареніемъ стало широкимъ ӓ: jестӓ. Послѣ *j*, *ж*, *ч*, *ш* и въ серединѣ словъ діалектически рано явились ӓ даже передъ смягченнымъ согласнымъ (жӓлѣзо, пшӓница), изъ чего современемъ развилось въ нѣкоторыхъ говорахъ чистое *а*. Передъ лабіализированными согласными, а затѣмъ и вообще передъ твердыми, то же *е* изъ основного є и ь больше подъ удареніемъ перешло въ ӧ: вм. jего, чему, женъ, денъ (изъ дьнъ) явились jӧго, чӧму, жӧнъ, дӧнъ. Особенно замѣтны эти явленія при *л* лабіализированномъ твердомъ, ставшемъ на мѣстѣ *l* чистаго: какое-либо meḷko на русской почвѣ измѣнилось въ мӧлко, а затѣмъ въ мӧлоко — молоко; какое-либо vьḷkъ измѣнилось сначала въ вълкъ, далѣе въ вълкъ (позже волкъ).

Отъ общеславянской эпохи русскій праязыкъ получилъ, повидимому, и удареніе на тѣхъ слогахъ, на которыхъ въ большинствѣ его говоровъ оно держится до сихъ поръ. На его

почвѣ лишь утратилась долгота гласныхъ и разное качество ударенія.

Въ области формъ на почвѣ русскаго праязыка развились слѣдующія характерныя особенности: а) род. ед., имен. и вин. мн. жен. р. мягк. различія на *ѣ* (землѣ, новоѣ, моѥѣ). То же было и въ вин. множ. муж. р. мягкаго различія (конѣ). Въ отмѣченныхъ формахъ былъ особый *ѣ* болѣе поздняго происхожденія; начало ему впрочемъ діалектически уже было положено въ общеславянскую эпоху, такъ какъ эти образованія извѣстны и нѣкоторымъ другимъ славянскимъ языкамъ. б) Вытѣсненіе формы именит. въ муж. и жен. р. во множеств. числѣ формой винительнаго (столы, добрыѣ и т. д.). Формы прилаг. на *ыѣ*—*іѣ* распространяются и на сред. родъ и замѣняютъ старинныя *-ая*—*-яя*. То же и въ мѣстоименіяхъ (тѣ вм. та). в) Сложное склоненіе именъ прилагательныхъ, которое уже въ общеславянскую эпоху не вездѣ представляло формы именныя, соединенныя съ мѣстоименными, на почвѣ общерусскаго праязыка подверглось дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Такъ утрачены всѣ нестянутыя формы косвенныхъ падежей; остались лишь именит. всѣхъ чиселъ, вин. жен. р. ед. ч. и отчасти род., дат. и мѣстный ж. р. ед. ч.; далѣе, сильно распространились формы мѣстоименныя въ род., дат. и мѣстномъ един. ч. муж. и средняго рода (нового—синего, новому—синему, новомъ—синемъ). г) Въ общерусскомъ праязыкѣ въ формахъ спряженія были всѣ тѣ образованія, которыя характеризовали и общеславянскій языкъ и древнѣйшаго его представителя д. ц.-славянскій. Въ сравненіи съ послѣднимъ не было въ рус. праязыкѣ только аористовъ безпримѣтнаго и типа **нѣсъ**; 2-ое и 3-ье лицо аориста безпримѣтнаго примкнуло къ тематическому аористу на **-охъ**; въ формахъ имперфекта *ѣ* уподоблялся слѣдующему *а*, и получалось сочетаніе *аа*—*яа*, скоро стянувшееся въ одно *а*—*я* (бяахъ—бяхъ, печаахъ—печахъ). д) Отъ общеславянской эпохи въ рус. языкъ перешло и окончаніе 2 л. ед. *-шь* (несешь) при *-си* у глаголовъ съ основами на согласные (даси). е) Въ 3 л. ед. и мн. настоящ. времени отъ праславянскаго же языка русскій унаслѣдовалъ

-ть съ полумягкимъ *т* (несеть, несуть, ѥсть); отъ праславянской эпохи въ русскій языкъ перешло и окончаніе 3 л. ед. ч. настоящаго времени безъ суффикса, но только у основъ на -е (несе, напише). ж) Причастіе настоящаго времени и въ твердомъ различіи оканчивалось на *а* (ида, река, мога); зарожденіе этого явленія діалектически можно отнести къ эпохѣ праславянской, такъ какъ слѣды подобныхъ образованій знаютъ, напр., языки чешскій и сербскій. з) Въ концѣ общерусской жизни произошли и нѣкоторыя общія перемѣны въ синтаксисѣ: форма вин. п. у словъ муж. рода, обозначающая названія лицъ, окончательно была вытѣснена формой родит. падежа. Это же сказалось и на вытѣсненіи мѣстоименной формы вин. *и* посредствомъ *его*. Начало этому явленію діалектически, вѣроятно, было положено еще въ общеславянскую эпоху. и) Въ эту же пору начинается утрата имперфекта и аориста и замѣна ихъ посредствомъ прош. времени на *-лъ* съ глаголомъ ***есмь***. і) Теперь же было положено начало утратѣ формъ настоящаго времени ***есмь.... суть*** въ составномъ сказуемомъ.

Съ такими особенностями выдѣлились говоры, вошедшіе со временемъ въ составъ бѣлорусскаго нарѣчія, изъ общерусскаго языка. Остальныя черты развились, несомнѣнно, уже во время ихъ *отдѣльной жизни*. На первыхъ порахъ онѣ представляли дальнѣйшее, больше своеобразное, развитіе тѣхъ особенностей, которыя діалектически въ зародышѣ были въ общерусскомъ языкѣ.

Историческое изученіе особенностей древнерусскихъ говоровъ показываетъ, что однѣ изъ новыхъ чертъ появляются въ языкѣ отдѣльныхъ древне русскихъ племенъ, другія свойственны цѣлымъ группамъ ихъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ племена соединялись, вѣроятнѣе всего, по родовой близости, отчасти по близости географическаго ихъ положенія. Какъ мы помнимъ, данныя доисторической археологіи въ древнѣйшую эпоху сближаютъ въ одну группу, съ одной стороны, дрего-

вичей съ древлянами и полянами (Спицынъ, 319), съ другой—археологич. данныя XI в. объединяютъ радимичей съ вятичами и сѣверянами (Спицынъ, 332, 334). Поляне, волыняне и древляне легли въ основу малорусскихъ говоровъ, а вятичи и сѣверяне южновеликорусскихъ. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшую эпоху западнорусскія племена переживали нѣкоторыя явленія языка сообща съ племенами южнорусскими, а также съ тѣми, которыя положили начало южновеликорусскимъ говорамъ. Близкое общеніе радимичей и дреговичей было все время: когда радимичи жили къ западу отъ дреговичей, во время ихъ движенія на востокъ и наконецъ послѣ того, какъ они поселились на востокѣ. Оба эти племени въ разсматриваемое время по языку, вѣроятно, ничѣмъ не отличались или различались въ незначительныхъ мелочахъ. Въ эпоху общерусской жизни и сейчасъ по распаденіи русскаго праязыка на говоры дреговичи и радимичи жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ польскими племенами и конечно могли съ ними пережить нѣкоторыя общія явленія. Третья вѣтвь, вошедшая въ составъ бѣлорусской народности—полоцкіе и смоленскіе кривичи, несомнѣнно, отличались отъ дреговичей и радимичей; но и они передъ своимъ движеніемъ на З. Двину, а оттуда къ Смоленску жили по сосѣдству съ полянами, древлянами и дреговичами, и поэтому нѣкоторыя явленія языка могли пережить вмѣстѣ; затѣмъ они поселились поблизости къ дреговичамъ и радимичамъ, занявшимъ мѣста отъ нихъ къ югу; постоянно были съ ними въ сношеніяхъ, вслѣдствіе чего опять развивали тѣ черты языка, которыя діалектически получили начало еще въ концѣ общерусской жизни. Тѣ кривичи, которые раньше двинулись къ сѣверу, уже примкнули къ новгородскимъ славянамъ, а затѣмъ въ качествѣ колонизаторовъ на востокѣ встрѣтились съ вятичами и сѣверянами и вмѣстѣ съ ними переживали нѣкоторыя явленія въ языкѣ, не имѣющія отношенія къ бѣлорусскимъ особенностямъ. Такимъ образомъ при дальнѣйшемъ изложеніи, разсматривая зарожденіе тѣхъ или другихъ бѣлорусскихъ особенностей въ языкѣ, намъ придется указывать, вмѣстѣ съ кѣмъ западнорусскія племена переживали эти

особенности; нѣкоторыя изъ нихъ окажутся развившимися и исключительно на западнорусской почвѣ. И здѣсь мы ограничимся разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ чертъ въ языкѣ, которыя развились до XII—XIII ст., до времени, когда началось объединеніе западнорусскихъ областей подъ властью литовскихъ князей, послѣ чего всѣ три племени стали жить болѣе тѣсною жизнью и, окончательно прекративъ свое самостоятельное существованіе, положили начало собственно бѣлорусской народности.

Сѣверозападнымъ русскимъ племенамъ, еще въ эпоху общей жизни, а затѣмъ по выдѣленіи въ самостоятельныя отрасли, приходилось жить въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ польскими племенами. Зап. Бугъ и его притокъ Наревъ содѣйствовали этому сближенію. Естественно, что эти племена (разумѣю радимичей и дреговичей) могли пережить нѣкоторыя общія явленія въ языкѣ вмѣстѣ съ сосѣдями—поляками. А. А. Шахматовъ къ числу такихъ чертъ относитъ бѣлорусское дзеканье и твердость *р* („Къ вопросу объ образ. р. н.“, 10, „Россія“, 575). Хотя бѣлорусское дзеканье и цеканье и отличается отъ польскаго (нѣтъ шипящаго характера) и хотя судьба *р* мягкаго въ бѣлорусскомъ нѣсколько иная, нежели въ польскомъ (тоже нѣтъ шипящаго характера), однако можно допустить нѣкоторую долю польскаго вліянія въ указанныхъ бѣлорусскихъ явленіяхъ. На первыхъ порахъ, до болѣе тѣснаго сближенія съ Польшей послѣ XIV в., вліяніе поляковъ на западнорусскія племена въ отношеніи звуковъ *д* и *т* мягкихъ сказалось въ томъ, что они передъ извѣстными гласными (*и*, *ь*, *е*, *ѣ*, ѧ) получили слишкомъ мягкій характеръ, ставъ передне-небными, но еще не перешли въ такіе звуки, какіе мы встрѣчаемъ на мѣстѣ ихъ теперь, т.-е. слишкомъ мягкіе дз и *ц*. Западнорусскіе памятники долго не обозначаютъ ихъ, хотя всегда употребляютъ *з* и *ц*, явившіеся на мѣстѣ смягченныхъ *г* и *к*. Когда мнѣ приходилось передъ варшавскими учеными поляками произносить слова съ бѣлорусскими свистящими мягкими дз и *ц* (напр. дзѣци), то они и теперь не слышали здѣсь знакомыхъ имъ звуковъ, а лишь слишкомъ мягкіе *д* и *т*. Кстати

замѣчу, что бѣлорусское произношеніе *д* и *т* мягкихъ мнѣ нерѣдко приходилось слышать у московскихъ уроженцевъ, не говоря уже о петербургскихъ (подробнѣе о дзеканьи послѣ).

Что касается утраты частью бѣлорусовъ *р* мягкаго, то конечно здѣсь можно бы видѣть вліяніе сосѣдей поляковъ. На дреговичахъ это вліяніе продолжалось и послѣ, оттого у нихъ твердое *р* повсемѣстно. Черезъ дулѣбовъ и древлянъ оно отчасти распространилось на сѣверномалорусскіе говоры. Очень можетъ быть, что послѣ паденія татарскаго ига вмѣстѣ съ отхлынувшими изъ Полѣсья малороссами, спасшимися сюда во время татарщины, попали въ сѣверныя области Волыни и Кіевщины и нѣкоторыя отрасли дреговичей. Радимичи рано ушли отъ сосѣдства съ поляками, вслѣдствіе этого у нихъ твердость *р* и не развилась вполнѣ: до сихъ поръ существуетъ колебаніе—то твердый *р* на мѣстѣ мягкаго, то мягкій на мѣстѣ твердаго. Школа и сосѣдство великоруссовъ въ послѣднее время содѣйствуютъ возстановленію правильнаго употребленія у нихъ *р*. Тому, что у западнорусскихъ племенъ не развился *р* шипящій (ř, rz), аналогію имѣемъ въ чешскомъ языкѣ (знающемъ ř) и его нарѣчіи словацкомъ (не имѣющемъ шипящаго r). Однако мнѣ кажется, что и въ данномъ случаѣ вліяніе польскаго языка не несомнѣнно[1]). Поляки довольно легко усваиваютъ мягкій *р*, тогда какъ, напр., для западныхъ бѣлоруссовъ, сосѣдей поляковъ, этотъ звукъ почти непреодолимъ. Твердый *р* вм. мягкаго часто знаютъ и памятники др. ц.-слав. языка; исключительно твердый *р* извѣстенъ сербскому и отчасти словинскому языкамъ; отсюда мы можемъ притти къ заключенію, что твердость *р* одна часть русскихъ племенъ пережила еще въ общеславянскую эпоху вмѣстѣ съ нѣкоторыми югославянскими діалектами. Припомнимъ дреговичей возлѣ Солуня. Однако эта діалектическая славянская черта, несомнѣнно, болѣе поздняго происхожденія, развилась уже послѣ того, какъ смягченный *р* обратилъ *о* въ *е* въ какомъ-нибудь нерѥ и подобныхъ словахъ.

[1]) Такого же мнѣнія и проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (Ж. М. Н. Пр. 1903, апр., 318).

По распаденіи русскаго праязыка на отдѣльныя части, въ послѣднихъ (больше въ цѣлыхъ группахъ) сначала продолжали развиваться *тѣ особыя черты, основанія для которыхъ діалектически были положены еще въ общерусскую эпоху*. Сюда въ разсматриваемыхъ нами западнорусскихъ говорахъ относятся:

а) Появленіе звука *г* = *h* во всѣхъ случаяхъ (а не только въ отдѣльныхъ формахъ). Этотъ звукъ наша группа говоровъ пережила вмѣстѣ съ другими среднерусскими говорами (дреговичи, радимичи, вятичи, сѣверяне) и южнорусскими (древляне, волыняне, можетъ быть поляне и др.). Доказательствомъ этого служатъ показанія современныхъ бѣлорусскихъ, южновеликорусскихъ (кромѣ смѣшанныхъ) и малорусскихъ говоровъ. Въ пользу того, что южноруссы уже въ X вѣкѣ знали *h*, говоритъ извѣстное мѣсто изъ Константина Багрянороднаго (De administr. imp., 9): καὶ κατέρχονται εἰς τὸν ἕτερον φραγμὸν τὸν ἐπιλεγόμενον Ῥωσιστὶ μὲν Οὐλβορσί, Σκλαβινιστὶ δὲ Ὀστροβουνίπραχ, ὅπερ ἑρμηνεύεται τὸ νησίον τοῦ φραγμοῦ. Также и пятый порогъ у него называется Βουλνηπράχ. Въ обоихъ случаяхъ πραχ несомнѣнно **прагъ**; значитъ, **г** произносилось сходно съ χ. То же, несомнѣнно, было и у ближайше родственныхъ среднерусскихъ племенъ. Позаимствовать такое произношеніе у югославянскихъ племенъ Конст. Багрянородный не могъ, такъ какъ они знали **г** = g. Такое заключеніе не противорѣчитъ тому выводу исторіи русскаго языка, по которому первоначально русскому языку свойственъ былъ звукъ *г* = g (ср. Собол., Лекціи², 45). Древній лѣтописецъ писалъ вм. Hakun, Акунъ, вм. Gunarr, Гунаръ, такъ какъ такое чтеніе онъ находилъ въ своихъ пособіяхъ новгородскаго происхожденія, гдѣ жили русс. славяне, произносившіе *г*, какъ g. Да кромѣ того, въ Кіевѣ, лежавшемъ на великомъ водномъ пути „изъ Варягъ въ Греки", при постоянномъ передвиженіи князей и при сборномъ характерѣ ихъ дружины могли въ старину уже говорить на смѣшанномъ нарѣчіи, не предкѣ нынѣшняго малорусскаго [1]).

[1]) А. А. Шахматовъ: Къ вопросу объ обр. р. н., 24—25.

б) Болѣе сильное произношеніе слоговъ ударяемыхъ, сравнительно съ общерусскимъ, и вслѣдствіе этого болѣе слабое произношеніе слоговъ безударныхъ. Эта особенность, кромѣ западнорусскихъ, свойственна была и восточной части среднерусскихъ говоровъ. Ослабленіе безударныхъ слоговъ сказалось въ томъ, что гласные *а*, *о*, *е*, *ö*, *ä* безударные стали произноситься при недостаточно энергичной дѣятельности органовъ рѣчи, часто становясь гласными неполнаго образованія; вслѣдствіе этого стало возможно сближеніе между ними: *а* и *о* совпали въ одномъ и томъ же звукѣ ӑъ; *е*, *ö*, *ä* совпали въ томъ же звукѣ, но съ предшествующею мягкостью согласнаго. Та или другая степень явственности этихъ звуковъ зависѣла еще отъ положенія ихъ въ отношеніи ударенія, о чемъ рѣчь можетъ быть при разсмотрѣніи „аканья", явившагося слѣдствіемъ указаннаго паденія безударныхъ слоговъ. Въ такомъ видѣ зарожденіе „аканья" можно отнести еще до XII в., „когда восточная вѣтвь среднеруссовъ и въ политическомъ и культурномъ отношеніи начала отдѣляться отъ западныхъ вѣтвей этого племени" [1]). Однако современное бѣлорусское аканье развилось значительно позже (около XIV в.).

в) Отчасти въ связи съ паденіемъ безударныхъ слоговъ, отчасти вслѣдствіе того, что уже древнерусскому языку въ извѣстныхъ случаяхъ былъ свойственъ *у* въ неслоговомъ употребленіи, очень рано развилось въ западнорусскихъ говорахъ ў, ставъ на мѣстѣ *у*, бывшаго въ началѣ слова въ слогѣ безударномъ передъ согласными, а также на мѣстѣ *в* передъ согласными и на концѣ словъ; отсюда и смѣшеніе предлоговъ *у* и *въ*. Это явленіе западнорусскіе говоры переживали отчасти вмѣстѣ съ восточной половиной среднерусскихъ говоровъ, а главнымъ образомъ вмѣстѣ съ южнорусскими. Вѣроятно, вслѣдствіе склонности въ извѣстныхъ случаяхъ общерусскаго языка къ билабіальному *w*, ў неслоговое (на письмѣ смѣшеніе *у* и *в*) было извѣстно и говору смоленско-полоцкихъ кривичей: по памятникамъ его можно прослѣдить уже съ начала XIII вѣка (договоръ Смол. съ Ригою 1229 г. и др. памят-

[1]) Шахматовъ: Къ вопросу объ образованіи р. н., 25.

ники). Вотъ, значитъ, одна изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ точекъ соприкосновенія въ рѣчи кривичей и западнорусскихъ племенъ.

г) Глухіе *ъ* и *ь* въ слогахъ безударныхъ, уже сильно ослабленные въ общерусскую эпоху, теперь въ отдѣльныхъ русскихъ говорахъ окончательно утратились, при чемъ *ь* въ большинствѣ случаевъ, если тому не препятствовали другія обстоятельства, оставилъ по себѣ мягкость согласнаго. Въ слогахъ ударяемыхъ *ъ* и *ь* замѣнились посредствомъ *о* и *е;* то же иногда происходило и въ слогахъ безударныхъ, если получалась группа, неудобная для произношенія. Лишь одно положеніе въ западнорусскихъ говорахъ и южнорусскихъ уже въ древнѣйшую пору языка развило особую замѣну глухихъ. Имѣю въ виду такіе случаи, какъ **кръвакъ, дръжати, блъха, сльза** и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ **ъ и ь** вслѣдствіе своей безударности тоже выпадали, но звуки *р* и *л*, находясь въ серединѣ согласныхъ, вторично вокализовались, обращаясь въ р̥ и л̥, изъ чего уже развивались слоги *ры*—*лы*, *ри*—*ли* (съ довольно неопредѣленными гласными): бѣлор. крыва́вы, дрыжа́ць, блыха́, слиза́, трываць. Сдѣлать такое предположеніе заставляетъ насъ существованіе до сихъ поръ слоговыхъ р̥—л̥ въ подобныхъ случаяхъ въ тѣхъ славянскихъ языкахъ, которые знаютъ сонанты: ср. сербск. кр̏вав̑, чеш. **krvavý**, **slza** и др., а затѣмъ спорадическое существованіе слоговыхъ въ нѣкоторыхъ угрорусскихъ говорахъ: вѣдь нельзя иначе понять слѣдующихъ словъ И. И. Срезневскаго, относительно угрорусскаго нарѣчія: „обращая вниманіе на выговоръ, наблюдатель замѣчаетъ употребленіе правильное глухихъ гласныхъ: *ъ* и *ь* при ихъ соединеніи съ *р:* дръва,... кръвавый,... тръвати,... хрьстити... Иногда же мѣсто глухого звука заступало *и*, не смягчающее согласной: ...блиха, ...дрива, ...jаблико...“ [1]). Таково же у лемковъ крстити, трстина, Трстяна [2]). Существова-

---

[1]) Русь Угорская. Отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка. Рефератъ въ Геогр. Общ. 29 сент. 1851 г., стр. 13.

[2]) А. Кочубинскій: Отчетъ о занятіяхъ славянскими нарѣчіями. За время отъ 1 авг. 1874 по 1 февр. 1875 (Записки Импер. Новоросс. университета, т. 18, стр. 231). То же еще раньше у Я. Головацкаго: Cesta po halické a uherské Rusi (Časopis muz. Kr. Česk. 1842, стр. 59).

ніе слоговыхъ r̥ и l̥ въ разныхъ памятникахъ южнорусскихъ можетъ быть доказано уже въ половинѣ XII в., а въ западнорусскихъ въ XIII (Соболевскій, Лекціи[2], 55). Нѣсколько сходная судьба была въ западнорусскихъ говорахъ и старинныхъ сочетаній изъ согласнаго + *ъr*, *ъl*, *ьr*, *ьl* + согласный, если на глухіе не падало удареніе: глухіе пропадали, а r—l становились слоговыми и развивали уже передъ собой звуки *ы*—*и* довольно неопредѣленные: дзиржáць, чырвóнцы, чирвоне (въ рук. XV в. Спб. Публ. б. Q, I, № 391), миргáць, килбасу. Въ малорусскомъ подобная замѣна не привилась, будучи вытѣснена аналогіей большинства формъ съ *о*: коубасá. Разсматриваемое явленіе можно бы дополнить еще случаями появленія *и* передъ *р*—*л* на мѣстѣ старинняго сочетанія **ръ**, **рь** + согл., **лъ**, **ль** + согл., напр. иржа вм. ръжá, ильну вм. льну и под., но древность всѣхъ подобныхъ образованій доказать по памятникамъ не возможно: самые старые примѣры относятся къ XVI в. (ср. мое сочиненіе: Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи, 225).

д) Еще отъ общеславянскаго языка древнерусскій унаслѣдовалъ особые *ы* и *и*, какъ уже объ этомъ была рѣчь, развившіеся изъ древнихъ *ъ* и *ь*, стоящихъ передъ j̥. Эти *ы* и *и* въ древнерусскомъ были неполнаго образованія и довольно неопредѣленны; вслѣдствіе этого у разныхъ потомковъ русскаго праязыка они получили неодинаковыя замѣны. Западнорусскіе говоры въ данномъ случаѣ дѣйствовали въ одномъ направленіи съ южнорусскими, развивъ здѣсь вполнѣ явственные *ы* и *и*, что особенно обнаружилось въ случаѣ ударяемости ихъ: слѣп*ы́й*, зл*ы́й*, кр*ы́ю*, ш*и́ю*, нал*и́й*, п*и́й* и т. д. То же и въ малорусскомъ. Не представляютъ отступленій такія случаи какъ соловей, гусей, такъ какъ въ нихъ *е* ударяемое на мѣстѣ *ь* обыкновеннаго глухого (ср. род. соловья); на появленіе *е* изъ *ь* въ род. множ. ч. оказали вліяніе такія формы, какъ гусёхъ, также людзей при людзёхъ и т. п. Эта черта западнорусскихъ говоровъ подтверждается самыми древними памятниками. Въ восточныхъ бѣлор. говорахъ вм. *ый*—*ій* въ нѣкоторыхъ образованіяхъ, между прочимъ въ именит. ед., со вре-

менемъ, какъ увидимъ послѣ, подъ вліяніемъ замѣны указанныхъ древнихъ сочетаній въ восточной половинѣ среднерусскихъ говоровъ посредствомъ *ой—ей* явилось *э́й—е́й*.

е) Разсматривая явленія общерусскія въ области согласныхъ, мы уже видѣли, что въ др. русскомъ языкѣ сказалось стремленіе къ болѣе тѣсному единенію гласныхъ и согласныхъ. По этой же причинѣ во всѣхъ др. русскихъ говорахъ обнаружилось стремленіе къ замѣнѣ слоговъ *кы*, *гы*, *хы*, состоящихъ изъ соединенія задненебныхъ согласныхъ (твердыхъ) съ гласнымъ средняго ряда *ы*, слогами *ки*, *ги*, *хи*. Въ послѣднихъ согласные стали средненёбными палатализованными, а вслѣдствіе этого и *ы* болѣе приспособился къ нимъ, перейдя въ *и*. Однако въ западнорусскихъ говорахъ этотъ переходъ происходилъ очень медленно, такъ что слоги *кы*, *гы*, *хы* держались довольно упорно даже до XVI в.

ж) Сѣверному и отчасти сѣверовосточному отдѣлу современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ привилась одна чуждая черта—именно смѣшеніе *ч* и *ц* (чарство, мацыха). По стариннымъ памятникамъ новгородскаго говора эту особенность можно прослѣдить уже съ XI в. Она была общей у кривичей смоленскихъ и полоцкихъ, а также у новгородскихъ славянъ. Очевидно, въ глубокой древности въ сѣвернорусскихъ говорахъ произошло совпаденіе *ч* и *ц* въ одномъ звукѣ, вѣроятно, сходномъ съ современнымъ польскимъ *ć*, а затѣмъ изъ этого звука развились вторично *ч* и *ц*, но не всегда на старыхъ мѣстахъ.

з) Въ области морфологіи, въ частности въ склоненіи именъ, уже въ общерусскомъ языкѣ началось смѣшеніе основъ и возобладаніе въ распредѣленіи словъ по склоненіямъ категоріи рода. Это продолжалось и при началѣ отдѣльной жизни др. русскихъ племенъ. Такъ прежде всего оказали большое вліяніе однѣ на другія основы на -ŏ и на -ŭ, а затѣмъ основы на -ịŏ и на -ĭ; стали, напр., обычными родительные п. ед., въ родѣ: сына, гостя, мѣстн. ед. на *у*: въ лѣсу, на берегу, род. мн. на *овъ* и *ей*: столовъ, полей и т. д. Примѣры подобныхъ случаевъ встрѣчаемъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ.

Основы на согласные, какъ камы, небо, слово и др. вытѣснены основами на гласные.

и) Въ 3 л. ед. и мн. ч. глаголовъ въ окончанiи *-тъ* согласный вполнѣ сталъ мягкимъ, какъ это произошло въ восточной части среднерусскихъ говоровъ и отчасти у южноруссовъ. Конечно рядомъ съ этимъ окончанiемъ въ единственномъ числѣ употреблялись и формы безъ суффикса. Формъ съ твердымъ *т* западнорусскiе говоры не знаютъ.

Теперь разсмотримъ такiя *явленiя*, развившiяся въ древнѣйшую пору на почвѣ западнорусскихъ говоровъ въ связи съ сосѣдними говорами, *для которыхъ основанiй въ древнерусскомъ языкѣ положено не было.*

I. Явленiя общiя западнорусскимъ и южнорусскимъ (малорусскимъ) говорамъ.

а) Обращенiе звука *л* твердаго, стоящаго передъ согласными и на концѣ словъ въ ў (воўкъ, йшоў). По стариннымъ памятникамъ это явленiе можно прослѣдить, начиная лишь съ XV в., но на самомъ дѣлѣ оно зародилось очень рано: еще во время общей жизни южнорусскихъ и западнорусскихъ племенъ, если только зародыши этого явленiя дiалектически не могутъ быть отнесены и въ болѣе отдаленный перiодъ (припомнимъ сходное явленiе у сербовъ; по памятникамъ впрочемъ у нихъ переходъ *ъў* изъ *ъл* въ *у* можетъ быть доказанъ только съ XIII в.). Въ настоящее время у бѣлоруссовъ этотъ переходъ является физiологич. необходимостью: твердаго *л* многiе изъ нихъ рѣшительно не могутъ произнести. Древнiе писцы, несомнѣнно, наблюдали произношенiе *л* въ извѣстномъ положенiи, какъ ў, но не рѣшались передавать его посредствомъ ў или *в*, такъ какъ этому мѣшала аналогiя другихъ формъ тѣхъ же словъ съ *л*, стоящимъ передъ гласными.

б) У западнорусскихъ и южнорусскихъ племенъ развилось уже въ старину и значительное отвердѣнiе звуковъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, можетъ быть не въ такой степени, какъ у сосѣднихъ восточнорусскихъ племенъ, у которыхъ *ж* и *ш* стали совершенно твердыми. У западнорусскихъ племенъ они не дѣйствовали лабiализирующимъ образомъ на предшествовавшiй

имъ *ŏ*, который и перешелъ въ е (одзе́жа). По памятникамъ однако отвердѣніе шипящихъ можно отмѣтить лишь начиная съ XIV: до тѣхъ поръ явныхъ признаковъ ихъ твердости указать нельзя (Собол., Лекціи[2], 118). Опять-таки въ древнѣйшую пору (до XII в.) можетъ быть было положено лишь начало указанному отвердѣнію, а вполнѣ завершилось оно въ болѣе позднее время.

в) Теперь же было положено начало для звука *дж* въ нѣкоторыхъ глагольныхъ формахъ (ви́джу, ра́джу) и отчасти у именъ (урождáй). Хотя подобное сочетаніе на мѣстѣ основного *dj*, по аналогіи измѣненія *tj* въ *ч*, можно бы предположить уже для общерусскаго языка, однако въ виду рѣшительнаго свидѣтельства древнѣйшихъ русскихъ произведеній въ пользу *ж* изъ *dj*, придется допустить, что у западноруссовъ и южноруссовъ въ сочетаніе *дж* звукъ *д* зашелъ по аналогіи большинства формъ тѣхъ же словъ, имѣющихъ одно *д*. Древнѣйшіе писцы обозначали это явленіе рѣдко и довольно неумѣло—посредствомъ *жч*, при томъ лишь въ случаяхъ, когда этому *дж* еще предшествовалъ звукъ *ж*: дъжчь Галицк. Ев. 1144 г., изчену въ разныхъ памятникахъ, дъжчѣвнымъ Псалт. 1296 г. и т. д. Случаи одного *дж* попадаются лишь въ позднихъ памятникахъ.

г) Хотя удвоеніе согласныхъ на мѣстѣ группы изъ согл. + j + гласный и можетъ быть діалектически отнесено въ глубокую древность (Шахматовъ. „Россія", 573), однакоже вполнѣ оно развилось уже по распаденіи русскаго языка на говоры на почвѣ западнорусскихъ и южнорусскихъ діалектовъ, при томъ не раньше, какъ послѣ полной утраты безударныхъ глухихъ; столкновеніе согласнаго съ j и было возможно въ большинствѣ случаевъ лишь по устраненіи ь, который мѣшалъ этому соединенію (зе́лле изъ ꙁєлье, свиння́ изъ свиньꙗ). Удвоенный согласный могъ сливаться въ одинъ, примѣры чего въ памятникахъ встрѣчаются уже съ XIV в. Примѣры удвоенныхъ согласныхъ въ старинныхъ памятникахъ вообще попадаются довольно поздно—въ XVI в., когда значительно ослабѣла традиціонная связь съ прежней орѳографіей.

д) Рано произошло въ западнорусскихъ и южнорусскихъ говорахъ и окончательное отвердѣніе губныхъ на концѣ словъ, а также въ положеніи передъ j (семъ, бъю, пъю, голубъ). Передъ *е* и *и* въ серединѣ словъ губные у бѣлоруссовъ остались мягкими, тогда какъ у малоруссовъ современемъ они и здѣсь отвердѣли. Передъ *я* изъ **ѧ** (мъјасо, пъјать) у бѣлоруссовъ отвердѣніе существуетъ лишь діалектически и относится къ болѣе позднему времени. Въ западнорусскихъ памятникахъ обозначеніе отвердѣвшихъ губныхъ дѣлается лишь съ XVI в.

е) Вѣроятно, рано произошла и утрата слогового характера звукомъ *и*, если ему приходилось стоять внѣ ударенія передъ согласными (йм́я), а также послѣ гласныхъ (дава́й). Такое предположеніе для разсматриваемыхъ говоровъ тѣмъ вѣроятнѣе, что очень рано въ подобномъ же положеніи переcталъ быть слоговымъ другой аналогичный звукъ *у*; только писцы хоть отчасти могли обозначать это явленіе при *у*, такъ какъ въ ихъ распоряженіи было написаніе *в*, при *и* же *ј* у нихъ не было. Лишь окончательное исчезновеніе начальнаго *й* въ нѣкоторыхъ словахъ въ малор. и бѣлор. начинаетъ обозначаться съ XV вѣка.

ж) Въ морфологіи уже до XII в. западноруссы и южноруссы пережили утрату древнерусскихъ причастій на *а — я*, замѣнивъ ихъ неизмѣняемыми формами на *учи* (*ючи*)—*ачи* (*ячи*): несучи, хвалячи, нерѣдкими въ старинныхъ памятникахъ; *а—я* изрѣдка попадается въ бѣлорусскомъ до сихъ поръ (якъ мога́, опсыпя́ся).

II. Кромѣ явленій въ языкѣ, пережитыхъ западноруссами вмѣстѣ съ южнорусскими племенами въ древнѣйшую эпоху, есть и такія особенности, которыя развились на почвѣ западнорусскихъ говоровъ вмѣстѣ съ восточной частью среднерусскихъ и даже отчасти съ сѣвернорусскими говорами. Раздѣлять эти черты на двѣ группы я не стану, такъ какъ въ древнѣйшую пору сѣверные кривичи и восточные вятичи и сѣверяне имѣли постоянныя сношенія какъ съ сосѣдними дреговичами и радимичами, такъ и между собою. Къ числу такихъ

чертъ, общихъ съ языкомъ племенъ, легшихъ современемъ въ основу великоруссовъ, относятся слѣдующія:

а) Ослабленіе энергіи при произношеніи согласныхъ звуковъ, очутившихся въ концѣ словъ послѣ окончательной утраты глухихъ, слѣдствіемъ чего явился переходъ голосовыхъ въ безголосные (сат, Бох). Впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи отдѣльные согласные (*д*, *з*, *ж*) произносятся и въ изглашеніи довольно энергично. По памятникамъ переходъ конечныхъ голосовыхъ въ безголосные можно прослѣдить съ XIII в. (Собол., Лекц.[2], 108), но произошло оно, несомнѣнно, раньше, хотя и не повсемѣстно въ одно время. У малоруссовъ оно не закончилось еще до сихъ поръ.

б) Звукъ *ц*, равный общерусскому *ц* (а не изъ т̑), въ среднерусскихъ и сѣвернорусскихъ говорахъ рано отвердѣлъ во всѣхъ случаяхъ; то же и въ западнорусскихъ говорахъ (цэркоў). По памятникамъ впрочемъ это отвердѣніе рѣшительно можетъ быть прослѣжено лишь съ XIV в. (Собол., Лекц.[2], 119).

в) Всѣ среднерусскіе говоры и сѣвернорусскіе, вопреки южнорусскимъ, сохранили умягчительность *е* и *и*, свойственную этимъ звукамъ уже въ общерусскомъ языкѣ; вслѣдствіе этого согласные, соединяющіеся съ ними, кромѣ отвердѣвшихъ къ этому времени *ж*, *ш*, *ц*, а у западноруссовъ также *ч* и *щ*, становились мягкими. У южноруссовъ смягченные согласные къ этому времени (XII в.), вѣроятно, уже пошли по пути отвердѣнія.

г) Звукъ *е* передъ согласными, отвердѣвшими впослѣдствіи, напр. передъ *ц*, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣйствовала аналогія родственныхъ образованій, получилъ широкій характеръ (ӓ) и не перешелъ въ ӧ—о (коне́ц, несе́м, прыне́сло; ў́ме́рла—все бѣлор. формы). По памятникамъ это явленіе прослѣдить невозможно, какъ отчасти и обратное явленіе—обращеніе *е* въ *о*(*ё*).

д) Во всѣхъ среднерусскихъ говорахъ произошло измѣненіе *ӧ* изъ *е* и *ь* передъ согласнымъ твердымъ, первоначально только лабіализированнымъ, подъ удареніемъ въ *о* съ предыдущей мягкостью согласнаго (*ё*), а послѣ отвердѣвшихъ соглас-

ныхъ и безъ нея, а внѣ ударенія, какъ объ этомъ уже была рѣчь раньше, въ *а—я*. Уже древнѣйшіе памятники знаютъ слѣды этого перехода (Собол., Лекц.², 59 и слѣд.). Зависимость этого явленія отъ ударенія возможно однако прослѣдить лишь со времени появленія въ памятникахъ слѣдовъ аканья.

е) Наконецъ во всѣхъ среднерусскихъ говорахъ была одинаковая судьба древняго *ѣ*: оно рано совпало съ *е*. Уже въ памятникахъ XII в. это совпаденіе выражается въ смѣшеніи написаній *е* и *ѣ*. То же было и въ сѣвернорусскихъ говорахъ. Но такъ какъ судьба замѣнителей *е* и *ѣ* неодинакова (на мѣстѣ *ѣ*, напр., не является *о*(*ё*)), то мы можемъ заключить, что появленіе *о*(*ё*) на мѣстѣ *е* произошло раньше полнаго совпаденія *ѣ* и *е*. Съ другой стороны, такъ какъ аканье простирается и на *е* изъ *ѣ*, то мы въ правѣ думать, что это послѣднее явленіе произошло послѣ совпаденія *ѣ* и *е*, и развилось оно у *ѣ* не при посредствѣ *ӧ—о* безударныхъ, а при посредствѣ *ӓ*.

Таковы черты, которыя развились въ западнорусскихъ говорахъ въ эпоху послѣ ихъ выдѣленія изъ общерусскаго языка и до объединенія западныхъ племенъ подъ властью литовскихъ князей. Нѣкоторыя изъ указанныхъ чертъ начали только зарождаться и окончательно выразились послѣ, другія же успѣли въ этотъ періодъ вылиться въ вполнѣ законченную форму. Оказывается, что всѣ главнѣйшія особенности современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ въ большей или меньшей степени сложились не позже XIII вѣка. Въ большинствѣ особенностей бѣлорусское нарѣчіе является прямымъ носителемъ общерусскихъ чертъ.

Въ древнѣйшую же эпоху жизни бѣлорусскаго нарѣчія, какъ языка нѣкоторыхъ русскихъ племенъ, и еще раньше — какъ члена недѣлимаго русскаго языка, въ него начинаютъ заходить и чужія слова, прежде всего отъ ближайшихъ сосѣдей финновъ и отчасти скиѳскихъ племенъ.

Какъ можно было видѣть изъ предыдущихъ главъ, столк-

новенія съ *финнами* были не на большой территоріи, да и народъ этотъ по своей культурѣ мало чѣмъ отличался отъ русскихъ сосѣднихъ съ нимъ племенъ, такъ что въ древнѣйшую пору и заимствованій отъ него сдѣлано очень мало. Здѣсь больше было обратное вліяніе особенно при началѣ русскаго государства: кривичи бѣлорусскіе и новгородскіе, а также псковскіе больше сами оказывали вліяніе на нихъ, чѣмъ и объясняется масса заимствованныхъ финнами у русскихъ словъ [1]). У финновъ бѣлоруссы, насколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ пособіямъ [2]), въ разное время сдѣлали незначительное количество заимствованій. Таковы, напр.:

азародъ (азяродъ, озередъ) переплетъ на столбахъ, сдѣланный для просушки хлѣба. По словамъ Шёгрена (Матер., X, 145), взято изъ вот. зурод стогъ.

вѣхоть пучекъ мочалки, сѣна, соломы для мытья посуды, — слово, по свидѣтельству Протопопова (Матеріалы, VIII, 126) и Даля (словарь), очень распространенное и на сѣверѣ. Веске (116—117) ставитъ въ связь съ фин. вихта мочалка, вѣникъ, эст. вихт, которое въ свою очередь давно заимствовано финнами у нѣмцевъ (др.-нѣм. **quësta**, ср.-нѣм. **quëste**). Однако заимствованіе русскими этого слова у финновъ подлежитъ большому сомнѣнію, такъ какъ вѣхоть извѣстно и другимъ славянамъ (ср. **Miklosich, Etymol. Wörterbuch**, **vêch**-, 388).

коржъ некислый хлѣбъ сухой, по Микколѣ, изъ фин. **kyrsä** (**Finnisch-Ungarische Forschungen**, II, 73).

котýхъ курятникъ,—слово извѣстное и великорусскимъ говорамъ въ смыслѣ плохого хлѣва. Шёгренъ (Мат., X, 154)

---

[1]) Сошлюсь въ доказательство выставленнаго положенія, напр., на извѣстную работу Микколы: „**Berührungen zwischen den westfinnischen und slawischen Sprachen.**“ Helsingfors, 1893; здѣсь и библіографія предмета.

[2]) М. П. Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890. — Я. К. Гротъ: Слова областного словаря сходныя съ финскими (въ „Филологическихъ разысканіяхъ“ и „Мат. для ср. и объясн. слов. и грам.“).—А. М. Шёгренъ: Матеріалы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ со словами языковъ сѣверныхъ и восточныхъ („Мат. для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики.“ Спб. 1854), и др.

сравниваетъ съ фин. **kota** плохой, грязный домъ. Карловичъ (**Słownik wyrazów...**, 288) думаетъ, что это слово изъ нѣмецкаго провинц.: **kot, köthe, „budka, chatka"**,—почти тотъ же взглядъ, что былъ высказанъ и Миклошичемъ (**Die Fremdwörter in den slav. Spr.**, 101), производившимъ его изъ средне-нѣм. **kote**.

лемѣшка кушанье изъ муки (извѣстно и другимъ русскимъ говорамъ)—фин. **liemi**, чер. лем похлебка (Шёгр. Мат., X, 157, Веске, 122). Вторая часть, очевидно, поставлена въ связь со словомъ „мѣшать".

лындать праздношататься (въ разныхъ видахъ извѣстно и другимъ говорамъ). Веске (108) ставитъ въ связь съ эст. лонът вялый, лонтама, лондата или лонтима, лонътида медленно итти и под.

ляпать шлепать, хлопать, бухать, говорить некстати. Веске (104) сближаетъ съ фин. **läpätä** шумѣть крыльями, хлопать, зап.-черемисск. **lapajam** падать въ грязь и др.

мулить, мулять тереть, надавливать, жать. Извѣстно, кромѣ бѣлоруссовъ, еще въ нѣкоторыхъ другихъ русс. областяхъ (юж., ряз.), а также сербамъ, но нѣсколько въ другомъ значеніи (**Mikl. Wrb., 204**). Веске (103) сопоставляетъ его съ фин. **muljuta** придавливать, прижимать, эст. **muljuma** давить и под.

неводъ слово, извѣстное и другимъ славян. языкамъ и даже Остромирову евангелію и Супр. рук. Я. К. Гротъ (Матер. для слов. и грам., III, XXII, 350) ставитъ его въ связь съ фин. **neuwot**, что значитъ—орудіе, снарядъ, снасть. Если это слово заимствовано, то оно взято у финновъ, повидимому, въ эпоху общей славянской жизни. Вообще оно очень древняго происхожденія и извѣстно также лит., латыш., древненѣм., румын. и армянскому.

парканъ заборъ изъ бревенъ фин. **porkkana**, эст. **porkan** (Шёгренъ, Мат., X, 145). Слово это есть и у поляковъ, а также извѣстно средненѣмецкому языку: **parkam spatium inter fossam et fossatum. Die Fremdwörter, 116.**

с е л я в а, лит. **selawa, salawa,** извѣстная рыба, по Веске (22), того же происхожденія, что и финское салакка.

с е р м я́ г а, извѣстное полякамъ (**sierm**ię**ga**) и лит. (**serm**ė**ga**), повидимому изъ финскаго: суффиксъ *-га*: мордов. **sermig** (Горяевъ: Сравн. этимологич. словарь русс. яз. Тифлисъ, 1896, 357). По Дюканжу слово персидское, извѣстное также средневѣковому греч. и лат. языкамъ (ср. Маценауеръ: **Cizí sl., 304**).

т у р и т ь гнать, извѣстное въ разныхъ мѣстахъ, по Веске (102), изъ фин. **turjuttaa** трясти, гнать, прогонять. Съ нѣкоторыми видоизмѣненіями извѣстно оно и другимъ фин. племенамъ.

т о р к а т ь среднее между толкать и дергать, по Веске (102), изъ финскаго, гдѣ есть **turkata** толкать. Впрочемъ такъ какъ это слово извѣстно и другимъ славянскимъ языкамъ (**Miklos. Etym. Wrb., 354**), то лучше видѣть въ немъ варіантъ славянскаго же корня *тлък-*.

х м е л ь. Миклошичъ (**Et. Wrb., 87**) и Брюкнеръ (**Ciwil. i j**ę**z.**, 25) производятъ изъ финскаго, гдѣ есть **humala**. Но слово это извѣстно и др. славянскимъ языкамъ и даже неславянскимъ. Очень подробно разсмотрѣно оно у Карловича (**Słownik wyrazów etc., 96**), который полагаетъ, что названіе это вмѣстѣ съ растеніемъ пришло съ востока черезъ скиѳовъ. Ср. зенд. **haoma**.

Миккола (**Finnisch-slavische Beziehungen**, 72. **Finnisch-ugrische Forschungen, II, 1902**) слѣды корелъ въ Бѣлоруссіи видитъ въ названіи извѣстнаго мѣстечка Новогрудскаго уѣзда Минск. губ. К о р е л и ч и, и въ неизвѣстномъ мнѣ названіи разбойника въ лѣсу—к о р ѣ л ы й. — Прибавимъ отъ себя, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи толпа называется „м о р д в о й“. Это же слово иногда служитъ ругательнымъ.

Такимъ образомъ словъ финскаго происхожденія въ бѣлорусскомъ нарѣчіи немного; кромѣ того, относительно финнизма нѣкоторыхъ изъ нихъ является большое сомнѣніе. Нельзя не обратить также вниманія и на то, что всѣ перечисленныя слова въ той или другой степени извѣстны и великорусскимъ

говорамъ, а иногда и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, такъ что они могли быть взяты изъ финскаго, если только можетъ быть рѣчь о заимствованіи, въ эпоху общерусской, а то и, быть можетъ, общеславянской жизни.

Еще меньше насчитываютъ въ русскомъ языкѣ старыхъ *иранскихъ* заимствованій, перешедшихъ и въ бѣлорусское нарѣчіе и отчасти удержавшихся только въ послѣднемъ. Нѣкоторыя слова подобнаго рода извѣстны и другимъ славянскимъ языкамъ и, значитъ, заимствованія ихъ сдѣланы еще въ общеславянскую эпоху. Но какимъ путемъ иранскія слова перешли къ славянамъ? Послѣ всего сказаннаго нами раньше относительно сосѣдей русскихъ племенъ въ доисторическую эпоху отвѣтить на поставленный вопросъ не трудно: иранскія слова взяты отъ скиѳовъ или при посредствѣ ихъ [1]). Таковы, напр., слова:

богъ и производныя отъ него, др. инд. **bhaga-**, зенд. **baγa-**, др. перс. **baga**. На основаніи словъ для обозначенія „бога" въ литов., греч., лат., нѣм. мы ожидали бы у славянъ другого названія. Ср. еще Брюкнеръ: **Ciwilizacja i język**, 25.

жерства дресва, зенд. **zarstva.**

собака, зенд. **çpaka**, н. перс. **sabah.**

топоръ, перс. **tabar.**

хата ст.-перс. **kata**, новоперс. **kad, kadah**=домъ. Карловичъ, **Słownik**, 94. Ср. еще у якутовъ названіе землянки хōт или хāт (Живая Старина, 1891, III, 114).

---

[1]) Но въ этомъ сомнѣвается Томашекъ (**Kritik... Sitzungsber., B. 117, 6**).

ГЛАВА IV.

ОБЪЕДИНЕНІЕ ВСѢХЪ БѢЛОРУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ ПОДЪ ВЛАСТЬЮ ЛИТВЫ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ВЫРАБОТКА „БѢЛОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ“ И „БѢЛОРУССКАГО ЯЗЫКА“. ЗАИМСТВОВАНІЯ ИЗЪ ЛИТОВСКАГО И ЛАТЫШСКАГО ЯЗЫКОВЪ.

. . . Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи . . .

Слово о полку Игоревѣ.

Я писаръ земскій маеть порꙋскꙋ литерами и словы рꙋскими вси листы выписы и позвы писати а не иншимъ езыкомъ и словы...

Литовскій статутъ 1588 г.

Мы разсматривали разныя измѣненія въ языкѣ, развившіяся у западнорусскихъ *племенъ*, въ связи съ племенами южнорусскими, сѣвернорусскими, а также восточнорусскими. Племенной періодъ въ жизни русскаго народа однако въ скоромъ времени уступилъ мѣсто періоду *областному*. Полное упроченіе этого періода завершилось уже ко времени жизни автора нашей Начальной Лѣтописи. Говоря о событіяхъ своего времени, онъ уже больше не упоминаетъ старинныхъ племенъ, а называетъ города Полоцкъ, Туровъ, Смоленскъ, какъ центры областной жизни. Въ нихъ сталкивались часто представители разныхъ племенъ, входившихъ въ составъ области; тутъ же жила пришлая дружина князя. Частыя войны

давали много рабовъ и плѣнныхъ, а нашествія разныхъ южныхъ кочевниковъ производили значительныя передвиженія народныхъ массъ. Все это содѣйствовало усиленному обмѣну разныхъ особенностей въ языкѣ, усвоенію чужихъ чертъ и сглаженію своихъ рѣзкихъ отличій.

Изъ болѣе позднихъ передвиженій въ западнорусскихъ областяхъ отмѣтимъ движеніе на югозападѣ въ область дреговичей ихъ сосѣдей дулѣбовъ, древлянъ и бужанъ, тѣснимыхъ съ юга сосѣдними племенами, которые и занимаютъ здѣсь уголъ почти до р. Нарева. Вѣроятно, нѣкоторое движеніе древлянъ въ область дреговичей произошло и послѣ нашествія татаръ, когда всѣ южнорусскія племена принуждены были потѣсниться къ сѣверу: дреговичи, жившіе и къ югу отъ Припяти, перешли на лѣвую ея сторону, а при верховьи ея даже нѣсколько отступили и отъ лѣваго берега. Это движеніе южнорусскихъ племенъ въ область дреговичей содѣйствовало теперь и затѣмъ послѣ удержанію въ бѣлорусской рѣчи тѣхъ особенностей, которыя общи ей съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Въ область радимичей и отчасти въ страну смоленскихъ кривичей подъ напоромъ татаръ двинулась часть населенія изъ черниговосѣверскихъ удѣловъ. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что разсмотрѣнное время было временемъ принятія и утвержденія христіанской религіи. Появляется необходимость въ письменности; вслѣдствіе необработанности мѣстнаго нарѣчія языкомъ книжнымъ и богослужебнымъ становится языкъ первыхъ церковныхъ книгъ, слѣдовательно языкъ церковнославянскій, только съ нѣкоторыми оттѣнками русскаго извода. Образцомъ такого языка служатъ поученія Кирилла, еп. Туровскаго (1171 — 1182 г.). Конечно вліяніе богослужебнаго языка больше простиралось на рѣчь книжную, разговорной же народной рѣчи коснулось въ очень незначительной степени.

Областная жизнь въ древней Руси достигла сильной степени развитія въ періодъ удѣльно-вѣчевой. Этотъ періодъ пережила и западная Русь; началось сближеніе кривичей съ дреговичами и радимичами; послѣднихъ также съ сѣверянами и вятичами. Но произошли два событія, которыя совершенно

измѣнили установившійся ходъ жизни мѣстныхъ племенъ, сливъ ихъ въ одну народность — бѣлорусскую. Эти событія были — выступленіе воинственной Литвы на историческое поприще и татарскій погромъ, совершенно ослабившій восточную Русь, и безъ того уже истерзанную неурядицами удѣльновѣчевого періода.

Изъ западнорусскихъ областей прежде всего испытали на себѣ власть литовскихъ князей кривичскія земли: въ Полоцкѣ литовскій кн. Мингайло упоминается уже въ 1181 г., хотя и послѣ этого въ немъ обыкновенно бывали русскіе князья. Или припомнимъ, какими мрачными красками уже пѣвецъ Сл. о полку Игоревѣ описываетъ набѣги литовцевъ. Иногда литовскіе князья и добровольно приглашались русскими. Общеніе съ литовцами особенно усилилось, когда съ конца XII в. на западѣ явился общій врагъ въ лицѣ ливонскаго ордена. При Рингольдѣ (1226 — 1240) подъ властью Литвы видимъ, кромѣ Полоцка, еще Витебскъ, Оршу и даже часть Смоленской области. Впрочемъ окончательно стали эти области въ зависимость отъ Литвы нѣсколько позже. Съ половины XIII вѣка и дреговичскія области одна за другой подпадаютъ подъ власть Литвы, особенно послѣ того, какъ Кіевъ, утративъ сначала свою гегемонію среди русскихъ княжествъ, ослабленный татарскими погромами, окончательно палъ. Именно, Миндовгъ (1235—1263) завоевалъ дреговичскій Новгородокъ (нынѣшній Новогрудокъ), Слонимъ, Волковыскъ, Гродно. Но особенно усилилъ литовское государство русскими владѣніями Гедиминъ (1315 — 1340), при которомъ вся Бѣлоруссія, кромѣ самой сѣверовост. части была подъ властью Литвы. При Ольгердѣ (1340 — 1377) литовскія владѣнія уже достигаютъ Волги и заключаютъ въ себѣ многія смоленскія земли. Движеніе Литвы и подвластныхъ имъ русскихъ племенъ съ этого времени направляется къ югу и востоку: литовскіе князья являются въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Путивлѣ и даже Курскѣ [1]).

[1]) Исторія постепеннаго подпаденія русскихъ областей подъ власть Литвы обстоятельно изложена въ книгѣ „Бѣлоруссія и Литва. Историч. судьбы сѣверозападнаго края, изд. П. Н. Батюшкова. Спб. 1890", а также въ раньше (стр. 66) приведенной работѣ Даниlевича, стр. 128—176.

Такимъ образомъ къ концу XIV вѣка подъ властью Литвы объединились всѣ западнорусскія области въ предѣлахъ старыхъ дреговичскихъ и радимичскихъ поселеній. Мало того, съ ними тѣсно срослись области полоцкихъ и отчасти смоленскихъ кривичей, а съ юга и востока у Десны—черниговскихъ сѣверянъ. Центромъ новой государственной западнорусской и совмѣстно литовской жизни стала Вильна, а основой прочнаго литовскаго государства явились главнымъ образомъ западнорусскія племена. Вильна стягиваетъ вокругъ себя постепенно всѣ русскія области, не подпавшія подъ власть усилившейся къ этому времени Москвы, а культурное вліяніе новой литовскорусской народности налагаетъ на нихъ свои явные слѣды. Это новое государство только въ незначительной своей сѣверозападной части было литовскимъ, во всѣхъ же остальныхъ областяхъ оно стало чисто русскимъ. Русскія области, вошедшія въ составъ его, потеряли свою политическую самостоятельность, но вмѣстѣ съ этимъ въ скоромъ времени онѣ избавились и отъ постоянныхъ войнъ и кровопролитій, сопровождавшихъ княжескія междоусобія. Въ нихъ начинается эпоха болѣе или менѣе мирнаго культурнаго развитія, чему много способствовали какъ свобода отъ татарской зависимости, страшнымъ гнетомъ тяготѣвшей надъ восточной Русью, такъ и вообще человѣчное отношеніе къ русскимъ литовскихъ князей. Мало того, необразованные литовцы, берущіе верхъ на войнѣ своею грубой силой, въ духовномъ отношеніи окончательно подпали власти покореннаго народа: перенимаютъ нажитую имъ цивилизацію, постепенно усваиваютъ его языкъ, а затѣмъ и религію. Уже при Ольгердѣ литовское правительство находитъ необходимымъ признать русскій языкъ оффиціальнымъ; за правительствомъ слѣдуетъ и высшее литовское общество.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ произошло объединеніе всѣхъ западнорусскихъ племенъ и выработка одного общаго имъ языка. Съ этого времени кладется прочное начало той русской народности, которая извѣстна до сихъ поръ подъ именемъ *бѣлорусской*. Самый языкъ ея, уже вполнѣ сло-

жившійся къ этому времени въ главныхъ особенностяхъ, можетъ быть названъ *бѣлорусскимъ*. Слѣды вошедшихъ въ составъ его говоровъ сказываются только по окраинамъ: на сѣверѣ и сѣверовостокѣ замѣтны нѣкоторыя особенности кривичскихъ говоровъ, на югѣ малорусскихъ.

Такимъ образомъ начало литовскаго господства въ западнорусскихъ областяхъ можетъ быть охарактеризовано, какъ періодъ образованія бѣлорусской народности и ея языка. Послѣ мы увидимъ, что современемъ бѣлорусское вліяніе въ Литвѣ сильно парализовалось польскимъ, однакоже побѣждающая сила все-таки оставалась за языкомъ бѣлорусскимъ. „Бѣлорусская народность наложила свой языкъ на большую часть другихъ представительныхъ народностей, съ языкомъ грамоту, съ тѣмъ и другимъ міръ воззрѣній, а съ симъ посредствующимъ проводникомъ всѣ прочія самобытно цивилизующія начала: на домашнюю бесѣду, на общественную рѣчь, на письмо всѣхъ гражданскихъ и даже государственныхъ дѣлъ, на первыя училища, на слово и пѣснопѣніе церкви [1]).

Ко времени литовскаго господства, можетъ быть независимо отъ него, относится и появленіе термина „Бѣлая Русь“, замѣнившаго прежнія племенныя названія, которыя вслѣдствіе передвиженій и смѣшенія народностей уже конечно утратили свое значеніе. Въ прекрасной справкѣ по этому предмету, принадлежащей акад. В. И. Ламанскому, напечатанной въ „Живой Старинѣ“ за 1891 г., вып. III, стр. 245—250, находимъ всѣ нужныя данныя. Оказывается, что это названіе литовской Руси ранѣе всего встрѣчается у писателей сосѣднихъ нѣмецкихъ племенъ и у поляковъ. Такъ южнонѣмецкій поэтъ Петръ Сухенвиртъ, жившій во второй половинѣ XIV и началѣ XV вѣка, воспѣвая похожденія разныхъ нѣмецкихъ рыцарей, ѣздившихъ въ Пруссію и Ливонію биться съ Литвою и Русскими, неоднократно говоритъ о Бѣлой Руси. Напр., въ стихотвореніи о Фридр. Крейцнекѣ († 1360) онъ разсказываетъ, какъ послѣдній былъ въ Пруссіи,

---

[1]) П. Безсоновъ: Бѣлор. пѣсни, стр. I.

Darnach gên Weizzen-Reuzzen.

Почти тѣми же словами разсказывается и о похожденіяхъ другихъ рыцарей, бывшихъ въ Бѣлой Руси (**Weissen Reuzzen**). Польскій писатель XIV в., Янъ Чарнковскій, оставившій любопытныя записки о своемъ времени, говоря подъ 1382 г. объ отношеніяхъ Кейстута къ Ягайлѣ, замѣчаетъ, что за годъ передъ симъ Ягайло съ матерью былъ заключенъ in quodam castro Albae Russiae, Poloczk dicto [1]). Такія же названія встрѣчаемъ и въ XV в. Такъ, напр., въ письмѣ изъ Пруссіи къ чешскому королю 1412 г. читаемъ: „...**so haben der von Polan und herczog Wytawt mit den von Pleschkow und den weisen Rewsen sich voreinet**... [2]). Подобныя же названія въ письмахъ времени Витовта читаемъ отъ 1413 г. и 1442 г. [3]). Во всѣхъ перечисленныхъ мѣстахъ о Бѣлой Руси говорится, какъ о чемъ-то вполнѣ извѣстномъ, всѣмъ понятномъ. Отсюда естественно слѣдуетъ заключеніе, что это названіе было общеизвѣстнымъ, живымъ народнымъ выраженіемъ, издавна употребительнымъ. „Съ вѣроятностью можно полагать, что оно древнѣе вѣка Ольгердова и даже Гедиминова, что оно существовало и въ концѣ и даже половинѣ XIII в.“ (Ламанскій. Жив. Стар., 245). Такъ называлъ себя, вѣроятно, русскій народъ на Литвѣ, а можетъ быть такъ его прозвали и сосѣди [4]). Во всякомъ случаѣ въ оффиціальной литовской терминологіи князь, а затѣмъ король назывался только русскимъ, напр., въ грам. 1516 г. „Жикгимонтъ божою милостью король польский, великий князь литовский, руский, княжа пруское, жомоитский и иныхъ“. Но московская Русь, по присоединеніи нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ областей, тотчасъ же присоединила къ царскому титулу и Бѣлую Русь [5]). Такъ, по свидѣтельству

---

[1]) Bielowski. Mon. hist. Pol., II, 719.

[2]) Prochaska. Codex epistolaris Vitoldi. Cracoviae. 1882. P. 245.

[3]) Ib. 262. Ср. еще „Новое Время“ № 8960.

[4]) Только не литовцы и латыши. У первыхъ бѣлоруссы называются Gudaĭ (Куршатъ, Словарь, 139), у вторыхъ Guds, Бѣлоруссія Guddu ſemme (Stenders Lexikon, 377). Странное названіе. Повидимому, память о готахъ, жившихъ одно время къ югу отъ литовцевъ и къ западу отъ бѣлоруссовъ; ихъ мѣста заняли затѣмъ бѣлоруссы.

[5]) Карамзинъ, вопреки Татищеву, нигдѣ не находилъ имени Бѣлой Россіи до времени Іоанна III (до 1462 г.). Карамз. VI, прим. 598. Іоаннъ въ титулѣ своемъ на-

Котошихина, „А пишетца та титла: всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ—не изстари, вновѣ, при нынѣшнемъ царѣ (Алекс. Мих.)... Бѣлая Россія — Бѣлорусцы, которые живутъ около Смоленска и Полотцка и в ыныхъ городѣхъ". Со времени Алексѣя Михайловича въ разныхъ документахъ, дѣйствительно и находимъ подобную формулу, напр., въ одной челобитной 1696 г. (нашъ „Очеркъ палеогр.", 489) читаемъ: „Великому государю царю ї великому князю Петру Алеѯѣевичю, всеа великїя ї малыя ї бѣлыя Россиї самодержцу"... Въ настоящее время простой народъ въ Бѣлоруссіи не знаетъ этого названія. На вопросъ: кто ты? простолюдинъ отвѣчаетъ—русскій, а если онъ католикъ, то называетъ себя либо католикомъ, либо полякомъ; иногда свою родину назоветъ Литвой, а то и просто скажетъ, что онъ „тутэйшій" (**tutejszy**)—здѣшній, конечно противополагая себя лицу, говорящему по-великорусски, какъ пришлому въ западномъ краѣ.

Но какъ появился терминъ „Бѣлая Русь" и что онъ можетъ значить? Разныя соображенія по этому предмету читаемъ въ замѣткѣ А. А. Потебни „Бѣлая Русь", помѣщенной въ „Жив. Стар." 1891 г. (III в., 118—119) и въ разборѣ ея у В. И. Ламанскаго (ib., 245—250). При объясненіи этого термина обыкновенно выходятъ изъ такихъ выраженій, какъ нижеслѣдующее: „Продалъ есми... дворъ свой на Досланѣ улицы, на бѣломъ мѣстѣ не тягломъ". Купчая Вяж. м. 1583 г. [1]). Здѣсь „бѣлый", несомнѣнно, означаетъ „вольный", „свободный". Въ такомъ же смыслѣ „бѣлый свѣтъ" — вольный міръ, „бѣлый царь" — вольный, независимый царь; въ этомъ смыслѣ и Бѣлая Русь, какъ непокоренная татарами, какъ свободная Русь (Драгомановъ). Въ смыслѣ вольной Руси, бѣлой поляки въ XVI вѣкѣ называютъ и великую Русь: „**Ruś pod kniaziem Moskiewskim Biała Rusią nazwano, a tę, która do**

именовалъ Московскую Русь Бѣлой Россіею, т.-е. великою или древнею. Еще Карамз. XI, пр. 199 (о самозванцѣ). О внесеніи въ росс. титулъ наименованія в. князя Литовскаго, Бѣлой Россіи, Волынскаго и Подольскаго. Указъ 1655 г. Собр. гос. грам. III, 537 № 183.

[1]) Матеріалы для словаря И. И. Срезневскаго, I, 219.

Polski należała — Czarną" (**Gwagnin, Linde, Ruś**). Однако, какъ это очень вѣско доказываетъ В. И. Ламанскій, западная Русь въ эпоху литовскаго владычества была нисколько не свободнѣе восточной, поэтому указанное объясненіе къ ней непримѣнимо. О своихъ догадкахъ по интересующему насъ вопросу уважаемый академикъ обѣщалъ высказаться въ слѣдующемъ выпускѣ „Живой Старины", но къ сожалѣнію мы нигдѣ не нашли отвѣта по затронутому вопросу. Мнѣ кажется, что не лишено значенія въ данномъ случаѣ ходячее объясненіе эпитета „Бѣлая Русь" по внѣшнему виду бѣлоруссовъ: въ большинствѣ случаевъ они одѣваются въ бѣлыя свитки или бѣлые кожухи, носятъ бѣлыя магерки (шапки). Такіе костюмы удержались до сихъ поръ, особенно въ восточной части Минской и въ Могилевской губерніи; въ старину такая одежда была повсемѣстной. У малоруссовъ и великоруссовъ преобладаютъ другіе цвѣта. Въ этомъ случаѣ будетъ аналогія въ Червонной Руси и въ Черной. Еще слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что господствующій типъ бѣлоруссовъ — крайніе блондины съ голубыми или свѣтлосѣрыми глазами. Народныя названія по внѣшнему виду дѣло очень обычное: припомнимъ „Чудь бѣлоглазую", „Сорочину долгополую" въ былинахъ, или геродотовскихъ меланхленовъ.

Вопреки мнѣнію В. И. Ламанскаго (248 стр.), я думаю, что названіе „Бѣлая Русь" явилось не раньше терминовъ „Великая Русь", „Малая Русь", а послѣ нихъ и въ подражаніе имъ. Этимъ объясняются и рѣдкіе случаи включенія „Бѣлой Руси" въ „Великую" (Жив. Стар. 1891, III, 249) или въ „Малую" (ib., 118).

Часть Бѣлоруссіи изрѣдка у старинныхъ писателей, а иногда и въ позднѣйшихъ ученыхъ сочиненіяхъ называется „Черной Русью" (ср. Живоп. Россія, III, 13, 170, 250. Чубинскій: Труды экспедиціи, VII, 496). Границы Черной Руси опредѣляются очень произвольно: то къ ней относятъ только нѣсколько приходовъ Лидскаго и Новогр. уѣздовъ, то сильно расширяютъ это понятіе, распространяя названіе „Черная Русь" на всю югозападную Бѣлоруссію, то, наконецъ, къ

Черной Руси относятъ ту область древней Бѣлоруссіи, откуда собственно бѣлоруссы вытѣснены (отъ Волынской губ. до Огинскаго канала и р. Нарева. Чубинскій, 497). И этотъ терминъ встрѣчается у иноземныхъ писателей уже въ половинѣ XV в. у Фра Мауро: **Rossia bianca, Rossia Negra, Rossia rossa.** Есть основаніе предполагать существованіе этого термина и раньше (Ламанскій. Жив. Ст., 250). Происхожденіе названія „Черная Русь“ также, вѣроятно, находится въ связи съ черными кафтанами жителей указанныхъ мѣстъ. И послѣднее названіе народу неизвѣстно, да и въ наукѣ оно не привилось, что и естественно, такъ какъ оно не охватываетъ какого-либо племенного цѣлаго, а покрывается либо тою народностью, которая носитъ названіе бѣлорусской, либо, какъ у Чубинскаго, малорусской (сѣверными ея областями).

Въ эпоху литовскаго владычества выработались окончательно и особенности бѣлорусскаго нарѣчія, какъ онѣ сохраняются до сихъ поръ въ устахъ народа. Прежде всего вполнѣ завершилось образованіе тѣхъ чертъ, которыя разсмотрѣны нами раньше, а затѣмъ нѣкоторыя особенности появились вновь. Связь Бѣлоруссіи съ частью Малороссіи и въ эпоху литовскаго господства продолжалась непрерывно; отсюда развитіе нѣкоторыхъ чертъ совмѣстно съ малоруссами. Но и связь съ южновеликорусскими говорами не прекращалась какъ потому, что часть восточныхъ среднерусскихъ племенъ была подъ властью литовцевъ, такъ и потому, что вслѣдствіе татарскаго гнета нѣкоторыя восточнорусскія племена перешли въ область бѣлорусскую. Наконецъ, нѣкоторыя черты выработались исключительно къ бѣлорусской почвѣ.

Къ числу особенностей, пережитыхъ въ разсматриваемое время бѣлоруссами *вмѣстѣ съ малоруссами*, принадлежатъ:

а) Въ области ударенія—частный переносъ ударенія съ предлога на зависящее отъ него имя: по лѣ́су, подъ нóги, на вѣ́теръ и т. д. Въ причастіи на *-лъ*, вопреки старинѣ, удареніе не мѣняется по родамъ: ў́мёръ, ўмéрла, ўмéрло, аддáў, аддáла,

адда́ло и т. д. Въ сложныхъ образованіяхъ съ предлогомъ удареніе не переходитъ на предлогъ: падня́ў, падня́ла, падня́ло и т. д. Что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ у бѣлор. и малоруссовъ позднѣйшее уклоненіе отъ старины, видно изъ показаній, напр., языка сербскаго, который въ этомъ случаѣ отражаетъ то же явленіе, какое наблюдается и въ великорусскихъ говорахъ (Р. Ѳ. Брандъ, Акцентологія, 56 и слѣд.).

б) Въ области фонетики отмѣтимъ развитіе приставочныхъ *в* и *г*, появившихся передъ *о* и *у*, а иногда и въ другихъ случаяхъ: во́сянь, ву́лица, гаўца́, гужи́ и т. д. По памятникамъ приставку *в* можно прослѣдить уже съ XIII в. въ галицко-волынскихъ произведеніяхъ (Собол. Лекц.², 114); въ западно-русскихъ она наблюдается значительно позже (волтаря, да воднаго XV в. Рук. И. публ. б., Q. I, № 391), равно какъ и приставочное *г*, самые ранніе случаи котораго относятся къ XVI в. (въ переводахъ Скорины).

в) Уже древнерусскій языкъ утратилъ сложное склоненіе именъ прилагательныхъ, замѣнивъ, напр., формы на *-ыимъ -ыихъ*, *-ѣемъ* и т. д. формами стянутыми. Нестянутыми остались въ един. числѣ имен. пад. всѣхъ родовъ, вин. п. жен. р., имен. мн. Въ болѣе позднюю пору общей жизни малорусс. и бѣлоруссовъ начавшееся давно стяженіе окончаній распространилось и на эти послѣднія формы. Явились до́бры, до́бра, до́бро, до́бру, до́бры. Одно лишь удареніе указываетъ на то, что подобныя формы не именныя (ср. мой „Обзоръ з. и ф. б. р.“, 119).

г) Глаголы съ основами на *-е-*, при насуффиксномъ удареніи, въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ стали предпочитать окончаніе безсуффиксное; то же было и въ малорусскомъ нарѣчіи. Глаголы съ суффиксомъ *-и-* удерживали *-цъ* (несе, носиць). Однако современемъ и эти послѣдніе глаголы начали подражать образованіямъ съ суффиксомъ *-е-*, и явились формы, въ родѣ: ки́пе, хо́дзе и т. д. Впрочемъ эта черта въ бѣлорусскомъ нарѣчіи имѣетъ мѣстный характеръ. Въ старыхъ памятникахъ подобныя образованія встрѣчаются уже въ XV в.: свѣтча вм. свѣтче—свѣтчиць Рук. И. Публ. б. № 391.

д) Будущее описательное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣло-

руссіи начало образовываться такъ же, какъ и у малоруссовъ, съ помощью глагола „иму“: рабйциму, спа́цьмешь и т. д. Эти образованія, несомнѣнно, развились изъ такихъ старинныхъ, какъ „не имуть ти створити“ Жит. Ѳеодосія XII в. въ Успен. сб. и др.; въ нихъ только глаголъ „имѣти“ утратилъ свою знаменательную роль и получилъ служебное значеніе.

е) Исключительно на малор. и бѣлорусской почвѣ развилось вытѣсненіе стариннаго двойственнаго въ муж. родѣ при 2, а въ подражаніе ему и при 3 — 4 и замѣна его множ. числомъ: два браты́. Подобное употребленіе въ малорусс. памятникахъ уже съ XIV вѣка: два хресты Галиц. гр. 1393. Въ бѣлорусс. памятникахъ такіе примѣры встрѣчаются попозже.

ж) Общимъ у бѣлоруссовъ и малоруссовъ является различеніе во множ. ч. винит. и род. падежей у наименованій одушевленныхъ предметовъ, но не лицъ: пасу валы́, каро́вы, ѣмъ ра́ки и т. п.; на птицѣ Четья 1489, призови дѣвице іѣ.

з) Употребленіе при сравнительной степени предлога *за*: меньши за мяне.

и) Смѣшеніе отчасти фонетич., отчасти синтактическое предлоговъ *съ* и *изъ* въ одномъ *из—з*, наблюдаемое во всѣхъ старинныхъ западнорусскихъ памятникахъ. Появленіе *одъ* вм. *отъ* не безъ вліянія предлога *подъ*: одъ акна́, малор. відъ те́бе.

і) Наконецъ, общей чертой малоруссовъ и бѣлоруссовъ является распространеніе мѣстоименнаго корня *як-* при великорусскомъ как-: якъ, яки́.

Вотъ и всѣ особенности, которыя пережиты языкомъ бѣлорусскимъ вмѣстѣ съ малорусскимъ. Такихъ особенностей оказывается порядочное количество. Оно и естественно: западнорусскія племена жили вмѣстѣ съ южноруссами не только въ эпоху слѣдовавшую непосредственно по распаденіи общерусскаго языка, но и послѣ, можно сказать, все время. Литовское владычество очень рано съ Бѣлоруссіи распространилось и на малорусскій югъ, вслѣдствіе чего не было никакихъ препятствій къ взаимному общенію этихъ двухъ народностей. Мы уже видѣли, что вслѣдствіе натиска съ юга кочевыхъ племенъ, особенно татаръ малоруссы рано начали двигаться къ

Припяти и даже за Припять. Это движеніе продолжалось и послѣ прекращенія литовскаго господства. Слѣды этого движенія можно прослѣдить даже въ XVI в. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь уже слышится малорусская рѣчь, въ XVI в. акты пишутся еще на чистомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Сказанное относится, напр., къ дѣловому языку Подляшья и южной части Гродненской губ. [1]). Постояннымъ общеніемъ съ малоруссами слѣдуетъ объяснять и нѣкоторыя словарныя заимствованія бѣлоруссовъ у малоруссовъ, напр., гульта́й, джга́ць, іо́дкій, киндзю́къ, клу́нки, кры́га, манту́лы, пантолы́къ, човхи́рка, шуга́й и др. слова. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ словъ могли впрочемъ развиться или быть заимствованы изъ одного и того же источника и самостоятельно въ обоихъ нарѣчіяхъ.

Въ періодъ литовскаго господства продолжали развиваться, хотя и въ меньшемъ объемѣ, явленія, роднящія бѣлоруссовъ *съ среднерусскими* племенами.

а) Во многихъ мѣстахъ восточнобѣлорусскихъ говоровъ изъ сочетанія *-ый* съ *ы* неполнаго образованія, больше въ окончаніи словъ, развивается *-эй*: малад́эй; въ это *-эй* иногда обращается и то *-ой*, въ основѣ котораго лежитъ старинное *-оѭ*: ста́рэй ба́бэй. Повидимому, на этотъ переходъ указываютъ встрѣчающіеся въ старинныхъ зап.-русс. памятникахъ написанія съ *ои* — *еи* вм. ожидаемыхъ *ыи* — *іи*; конечно, такіе случаи не часты.

б) Такъ же, какъ въ великорусскихъ говорахъ, произошло тѣсное сближеніе твердаго и мягкаго различія склоняемыхъ словъ, выразившееся въ томъ, что основы на мягкіе согласные въ большинствѣ случаевъ приняли окончанія, свойственныя твердымъ основамъ. Такъ явились, напр., въ подражаніе какому-нибудь „столы“, имен. мн. „кони“ вм. стариннаго „конѣ“ (которое въ свою очередь зашло изъ вин. п.), въ твор. ед. кон-о́м, какъ стол-о́м, ўс-о́йу, какъ тою, мой-о́, какъ то и т. д. По стариннымъ памятникамъ смѣшеніе основъ можно прослѣдить издавна: *и* вм. *ѣ* очень обычно въ XIII в. (Собол., Лекц.[2],

[1]) Ср. Головацкій: Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ. Вильна, 1888 г.

166); *-ём*, *-ёю* конечно долго нельзя указать, такъ какъ писцы не умѣли обозначать *ё*.

в) Вмѣстѣ съ великорусскими говорами бѣлорусское нарѣчіе, хотя и не въ значительной степени, развило глагольный суффиксъ вида многократнаго *-ыва-*, *-ива-* вм. стариннаго *-ова-*, *-ева-* (загáрнывацъ, разлáмывацъ). Въ бѣлорусскихъ памятникахъ впрочемъ этотъ суффиксъ начинаетъ встрѣчаться очень поздно: єдывали, выгонивали XV в. Рук. Публ. б. № 391; рядомъ съ нимъ въ этомъ же памятникѣ обыкновенно встрѣчается *ава* (ср. мою работу: Западнорусскій сборникъ XV в. ..., 57).

Развитіе въ бѣлорусскомъ нарѣчіи указанныхъ великорусскихъ чертъ, какъ и раньше разсмотрѣнныхъ особенностей, въ эпоху литовскаго владычества зависѣло отъ того, что связь съ великоруссами не прекращалась. Не говоря уже о тѣхъ изъ нихъ, которые на юговостокѣ вошли въ составъ литовскихъ владѣній, постоянное общеніе было со смоленскими, полоцкими и псковскими кривичами. Мы видѣли, какъ далеко къ югу простирались уже встарину ихъ поселенія въ земляхъ дреговичей и радимичей; теперь дреговичи сильно подвинулись къ сѣверу и начали ассимилировать себѣ кривичей; но въ то же самое время они, несомнѣнно, и сами переживали многія особенности, свойственныя языку кривичей. Слѣдствіемъ этихъ передвиженій и взаимныхъ вліяній было то, что уже очень рано смоленско-полоцкіе кривичи, несомнѣнно родственные новгородскимъ славянамъ (смѣшеніе *ц* и *ч*), постепенно утрачивали сѣвернорусскіе особенности и прививали своему языку бѣлорусскія черты [1]).

Изъ явленій, которыя развились въ болѣе позднее время, уже послѣ окончательнаго подпаденія Бѣлоруссіи подъ власть Литвы, *на ея собственной почвѣ*, коснемся немногихъ.

а) Тутъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе своеобразное измѣненіе въ нѣкоторыхъ говорахъ, больше явив-

---

[1]) Ср. А. И. Соболевскій: „Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII — XV вѣкахъ“. Русск. Филол. Вѣстн., XV, а также мою работу: „Особенности письма и языка рукописнаго сборника XV в., именуемаго лѣтописью Авраамки“. Варш. Унив. Изв., 1899 г., № III.

шихся въ прежнихъ поселеніяхъ кривичей, звуковъ безударныхъ *а—о*, *я—е—ѣ* посредствомъ *ы* и *и*, иногда довольно неявственныхъ, при томъ въ нѣкоторой зависимости отъ гласнаго звука, находящагося въ ударяемомъ слогѣ (гылывá, но гылáвѣ, нислá, но няслѝ и т. п.). Въ этомъ случаѣ есть нѣкоторое сходство съ нашимъ литературнымъ произношеніемъ, точнѣе—съ московскимъ смѣшаннымъ говоромъ. По стариннымъ памятникамъ эту особенность можно прослѣдить уже начиная съ XIV в. (Соболевскій, Лекціи[2], 82). Въ связи съ безударностью гласныхъ, а также съ характеромъ губныхъ согласныхъ и нѣкоторыми другими причинами находится появленіе *у* вм. *о* (Бугурóдзица, пупá и под.). Это *у*, находящее для себя аналогію въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ (Собол., Лекц.[2], 67), конечно совершенно другого происхожденія, нежели *у* въ закрытомъ слогѣ на мѣстѣ *о* въ старинныхъ памятникахъ галицко-волынскихъ (уже съ XII—XIII в.).

б) Въ эпоху самостоятельной жизни бѣлоруссовъ продолжалась утрата подвижности ударенія въ склоненіи именъ (воук — воукѝ, воўкóў и т. д., дачкá—дачкý, на зямлю́ и т. д.).

в) Къ самостоятельнымъ бѣлорусскимъ явленіямъ относятся и такія морфологическія образованія, какъ валэ́, жанкé, вос травэ́ и под., въ которыхъ *э — е* вытѣсняетъ *ы — и*, быть можетъ, по памяти о старинномъ *ѣ* въ мягкомъ различіи, въ которомъ это окончаніе діалектически существуетъ до сихъ поръ (въ Гродн. губ.).

г) Въ глаголахъ вида многократнаго вм. *-ывае-*, *-ивае-* появляется болѣе краткое окончаніе *-уе-*, *-ае-*: выговаруецъ, абарачаитца и под.

Другихъ мелкихъ особенностей касаться не станемъ.

Изъ предыдущаго можно видѣть, что въ эпоху зависимости Бѣлоруссіи отъ Литвы окончательно выработались особенности, характеризующія бѣлорусское нарѣчіе. Это было время наибольшаго его развитія: бѣлорусское нарѣчіе окончательно подавило языкъ литовскій, ставъ не только разговор-

нымъ языкомъ у русскихъ, но и оффиціальнымъ у литовцевъ. Даже простой литовскій народъ заимствуетъ изъ него массу словъ, нѣкоторые суффиксы и даже фонетическія особенности. Обширные списки такихъ словъ и другихъ бѣлорусскихъ особенностей, привившихся яз. литовскому и латышскому, приведены въ извѣстныхъ трудахъ Карловича, Брюкнера, Эндзелина и др. [1]). У нихъ же, а также въ другихъ работахъ отмѣчаются и заимствованія въ словообразованіи (суффиксы **-ba, -da, -kis, -tva, -nyčia** и нѣк. др. Брюкнеръ, 160—161); заимствованія, какъ уже сказано, простирались, что́ въ языкахъ бываетъ очень рѣдко, и на фонетику. Не останавливаясь на другихъ

---

[1]) Главными пособіями при изложеніи нижеслѣдующаго отдѣла для насъ служили сочиненія:

а) Яна Карловича: „O języku litewskim“. Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiejętności. T. II. W Krakowie, 1875, стр. 135 — 376. Въ этой работѣ, кромѣ историческаго очерка изученія литовскаго языка со стороны польскихъ и другихъ ученыхъ, дается краткая характеристика языка во всѣхъ отношеніяхъ, при чемъ обращается вниманіе и на слова, заимствованныя литовцами у поляковъ и бѣлоруссовъ (krewickie), а также на очень немногія заимствованія славянами у литовцевъ (стр. 324).

б) Александра Брюкнера: „Die slavische Fremdwörter im litauischen“. Weimar. 1877. Эта книга тоже посвящена заимствованіямъ литовцевъ и латышей изъ славянскихъ языковъ, но есть въ ней мѣста, гдѣ говорится и о заимствованіяхъ отъ литовцевъ (стр. 23, вын. 18 и 19, и стр. 201). Кое-что по интересующему насъ вопросу можно найти и въ его же книгѣ: „Cywilizacja i język“. Warszawa. 1901.

в) Э. А. Вольтера: „Einfluss Westrusslands auf Litauen vor dem 12. Jahrhundert“. Mitteilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft. II, 5. Heidelberg. 1886. Его же: „Lituanismen der russisch-litauischen Rechtsprache“. Mitteilungen, IV, 1. 1894, стр. 49—61. Въ первой статьѣ для насъ интересны лишь тѣ свѣдѣнія, которыя помѣщены на стр. 308—309 въ выноскѣ. Вопросъ о вліяніи литовцевъ на бѣлоруссовъ интересовалъ г. Вольтера и въ 1887 г., когда онъ помѣстилъ въ „Памятной книжкѣ Виленской губерніи“ замѣтку объ изученіи литовскаго языка и племени. Здѣсь интересенъ 15-й вопросъ: Употребляются ли въ бѣлорусскомъ нарѣчіи слова: науда, маргель, кумстъ, митуєъ, паршукъ, дайлида, резгине, гульне?

г) І. Микколы: „Litauische Lehnwörter im slavischen“. Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Dr. Ad. Bezzenberger und Dr. W. Prellwitz, XXI. Göttingen, 1895, стр. 118—121.

д) А. Л. Погодина: „Lituanica“. Archiv für slav. Philologie, XVII, стр. 633—635. Здѣсь идетъ рѣчь о литовскихъ словахъ, объясненныхъ въ одномъ изъ старинныхъ азбуковниковъ.

е) І. Эндзелина: „Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ“. Живая Старина, 1899 г., III, стр. 285—312. Къ вопросу о заимствованіяхъ бѣлоруссовъ у латышей и литовцевъ здѣсь имѣетъ отношеніе лишь выноска на стр. 287, да нѣкоторыя отдѣльныя разсужденія въ разныхъ мѣстахъ.

ж) Сюда слѣдуетъ присоединить еще нѣкоторыя данныя, находящіяся въ Отче-

заимствованіяхъ фонетики, отмѣтимъ нерѣдкое у литовцевъ (преимущественно у юговосточныхъ) дзеканье: во многихъ мѣстахъ смягченные *d* и *t*, особенно стоящіе передъ *e* и *i*, произносятся, какъ *dź* и *ć*, напр., **Dzievas** (богъ) вм. **Dēvas**, **žalcis** (змѣя) вм. **žaltis**, **kaść** (рыть) вм. **kasti** (ср. Карловичъ, 315, Брюкнеръ, 64, Куршатъ: **Grammatik**, § 118, Вольтеръ: **Mitteilungen**, IV, Радзюкинасъ: **Dzuki. Wisła**, XIV, 1900 г., 42—54).

Разсматривать вліяніе бѣлорусскаго нарѣчія или вообще русскаго языка на литовскій и латышскій мы не станемъ, такъ какъ это не составляетъ нашей задачи. Для насъ болѣе интересны обратныя заимствованія у литовцевъ и латышей со стороны бѣлоруссовъ. Эти заимствованія то же были, хотя и въ незначительной степени, несмотря на то, что происходили они все время добрососѣдской жизни этихъ племенъ [1]). Нѣкоторыя изъ такихъ словъ въ настоящее время уже неизвѣстны бѣлоруссамъ. Таковы а) нѣкоторыя слова, употреблявшіяся въ западнорусскихъ юридическихъ памятникахъ (ср. Вольтеръ, **Mitteilungen**, IV, 49—61):

брогъ стогъ лит. **brágas** и **barãgas**. Слово это до сихъ поръ живетъ лишь въ польскомъ **bróg** для означенія крыши на четырехъ жердкахъ надъ стогами.

велдомый: люди велдомые—крѣпостные люди—въ связи съ лит. глаголомъ **veldéti**, **paveldéti** наслѣдовать.

дякло подать, пошлина (ср., напр., Акты, издаваемые Вилен. комисс., XVII, 522), лит. **důklė** (Брюкн., 23, Вольт., **Mitteil.**,

---

тахъ 2 Отдѣленію Академіи Наукъ покойнаго Ст. Микуцкаго и

з) въ соч. Ант. Мацнауера: **Cizí slova ve slovanských řečech. V Brně. 1870.**

Словарями пришлось пользоваться:

и) Ф. Миклошича: „**Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen**". Wien. 1886.

і) Епископа Карла Ульманна: „**Lettisches Wörterbuch**". **Riga. 1872.**

к) Фридриха Куршата: „**Wörterbuch der litauischen Sprache**". **Halle. 1883.**

л) А. Юшкевича: „Литовскій словарь съ толкованіемъ словъ на русскомъ и польскомъ языкахъ". Вып. I. Спб. 1897.

[1]) Этотъ отдѣлъ уже раньше былъ предметомъ одной нашей статейки: „Къ вопросу о вліяніи литовскаго и латышскаго языковъ на бѣлорусское нарѣчіе" (Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Θ. Фортунатову. Варш. 1902 = Русск. Фил. В., 1903 г., т. XLIX).

IV, 58); *дя-* вмѣсто ожидаемаго *до-*, вѣроятно, подъ вліяніемъ „дяковать". Утвержденіе Носовича (Словарь, 134), что дзя́кло въ смыслѣ хлѣбной подати употребляется изрѣдка до сихъ поръ, подлежитъ провѣркѣ.

жибинтяи лица, поставлявшія отопленіе и освѣщеніе для Полоцкаго Двора, лит. **žibintėjas, žibintojis**, находящіяся въ связи съ словами: **žibintis, žiburỹs** все, чѣмъ свѣтятъ.

кетвиртайни мѣра поля, четверть, лит. **ketvirtáinis.**

койминцы: „то суть люди наши отчизные, непохожіе койминцы, купленные" (Акты, изд. Вил. ком., XVII, 100—101)—крестьяне, живущіе не въ дворѣ вотчинника, а отдѣльнымъ домомъ (ib., 527), въ околицахъ. Этому слову, по мнѣнію Вольтера (51), должно соотвѣтствовать **kaiminetis, kaiminečei**: ср. **kiẽmas** деревня, **kièminéti** ѣхать, итти черезъ деревню.

меделанскіе псы въ Лит. Статутѣ (Брюкнеръ: „**Cywilizacja i język**", 110), передѣлано изъ польскаго **medjolańskie** (взятаго въ свою очередь изъ итальянскаго) подъ вліяніемъ лит. корня *med-*: **medẽjas** охотникъ, **medinis** дичь, **medžiũju** охочусь (ср. еще **Pamiętnik liter.**, I, 1902, 152).

мезлево, мезлева, мезлевщина подать отъ коровъ лит. **mezliavà.** Подробный разборъ этого образованія у Вольтера, **Mitteil.**, II, 308, и IV, 56—57.

отметъ паро́вое поле, паръ. лит. **atmetis, atmata,** латыш. **atmats.** Ссылка дѣлается на Вольтера, такъ какъ у Куршата и Юшкевича приведенныя слова употребляются въ другомъ значеніи.

пентиницкіе пенези, пошлина съ дровосѣковъ, „посокерщина". По мнѣнію Вольтера, „пентиницкій" стоитъ въ связи съ лит. **pente** обухъ (**Axtkopf**), тупой топоръ, лат. **piets.**

ройтиники „конокормцы", лошадиные пастухи и воспитатели, лит. **raitinįkai.**

б) Слова, помѣщенныя въ числѣ иностранныхъ въ старинныхъ азбуковникахъ [1]). Нѣсколько изъ нихъ съ успѣхомъ

[1]) Нѣкоторыя изъ нижеприведенныхъ словъ имѣются и въ азбуковникѣ, напечатанномъ у Сахарова: Сказанія русскаго народа, т. II, Спб. 1849.

объяснено литовскимъ и латышскимъ языками въ замѣткѣ А. Л. Погодина (**Archiv f. slav. Phil.**, XVII). Таковы, напр.:

д о н о с ъ хлѣбъ лит. **dűna, -nos** печеный хлѣбъ.

к в м с ъ князь. Погодинъ сравниваетъ это слово съ лит. **kungs** князь. Измѣненіе *н* въ *м* произошло, быть можетъ, подъ вліяніемъ заимствованнаго бѣлоруссами у литовцевъ же слова к у м с т ъ ладонь, лит. **kùmstė** кулакъ; тогда „квмсъ“ вышелъ бы „державцей“.

м е й с е хлѣбъ латыш. **majze** хлѣбъ.

Другія заимствованныя бѣлоруссами слова, хотя и не вышли изъ употребленія, но встрѣчаются очень рѣдко, лишь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, діалектически. Таковы:

а л е́ с ъ топь, зыбкое мѣсто, болото (ср. Романовъ: Матеріалы по историч. топографіи Витебск. губ., 115, Велиж. у.; Словарь Носовича — ссылки на Бобруйск. и Новогр. уѣзды), латышск. **alohts** = **awohts** источникъ, ключъ.

а р у́ д ъ закромъ, напр., въ пѣснѣ (Словарь Носовича, 8):

Да великія скирты на гумнѣ,
Повные аруды у клѣци.

Брюкнеръ и Эндзелинъ считаютъ лит. **arűdas**, лат. **arűds** заимствованными изъ бѣлорусскаго, но я не представляю, какой славянскій корень могъ бы быть въ этомъ словѣ: не думаютъ ли объ **оржды͡є** дѣло, тогда по-бѣлорусски въ началѣ было бы приставочное *в* или *г*, да и значеніе не подходило бы; кромѣ того, „арудъ“ у бѣлоруссовъ встрѣчается очень рѣдко, обыкновенно „засѣкъ“. Не въ связи ли это слово съ литовскимъ **arti**? Возможно также, что литовцы или латыши заимствовали а р у д ъ у кого-либо другого, а у нихъ уже взяли бѣлоруссы.

а т а́ р и ц а частица земли, засѣянная работникомъ въ свою пользу, несомнѣнно, въ связи съ лит. **átaras** борозда съ края нивы. Отъ глагола „ора́ць“ пахать произойти не могло, такъ какъ *о* здѣсь было бы подъ удареніемъ.

б а р и́ ц ъ, напр., въ пѣсенномъ выраженіи (Словарь Носовича, 15):

Дарице, не барице;
Коротки свитки, померзли лытки.

Это слово очень напоминаетъ лит. **bárti** журить, бранить. Носовичъ впрочемъ объясняетъ „барицъ“, какъ „медлить“.

ва́нчосъ, ва́нчесъ дубовый брусъ, употребляемый для корабельнаго строенія. Спрогисъ ставитъ это слово въ связь съ латыш. **vanzis (vantscha)** балка для привязыванія якоря, лит. **vančos** (ср. Вольтеръ, **Mitteil.**, IV, 55).

вы́пса: „не слухай ты гэтого выпсу“. Носовичъ (92) производитъ это слово отъ „песъ“ и объясняетъ, какъ „хрычъ“. Но очень напрашивается сопоставленіе съ литовскимъ глаголомъ **vypsaũ, vypsóti** стоять или сидѣть съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица.

га́лицъ возбуждать желаніе, га́ленне сильное желаніе; оба слова въ связи съ лит. **galiù, -ėti** мочь, быть въ состояніи.

галу́за шалунъ — не въ связи ли съ лит. **galvožys** карликъ; интересно сопоставить съ нимъ еще лит. **galatà** обманщикъ. Носовичъ (108) сравниваетъ это слово съ „галы“ ягодицы, **testiculi**, но и это слово небѣлорусское; не знаю, можно ли его сопоставить съ нѣм. **Galle**, какъ это сдѣлано въ **Słownik**'ѣ **języka polsk.** Карловича etc. I, 797. Нѣтъ ли въ лит. подходящаго слова? (ср. выше галицъ).

ге́рбовацъ брезгать въ Витеб. губ. (ср. Шейнъ: „Матеріалы для изученія быта и яз.“, III т., 35) нельзя не поставить въ связь съ лит. **gerbiu, -pti** почитать, хвалить. Заимствованіе словъ съ противоположнымъ значеніемъ дѣло возможное въ языкѣ (ср. бѣлорус. „благи́“ дурной, плохой, при ц.-слав. **благъ**). Вѣроятно, сюда не относится польское **gierebować** отчаливать, которое **Słownik**... (826) не прочь произвести отъ нѣмецкаго выраженія **kehr'ab**. У Романова („Бѣлор. сборн.“, VI, 413 Чаусск. у.): „ты уже нами не гребуешъ“ — со звукомъ *е* послѣ плавнаго.

гни́бицъ, погни́бицъ довести до нищеты — лит. **gnýbiu, gnýpti** общипывать пальцами, клещами и т. п.

грýца толченый ячмень для крупы, лит. **grūča** крупа, каша; при чемъ послѣднее, вѣроятно, въ связи съ нѣм. **Grütze**.

гýдзиць, згýдзиць поносить, пригýживаць находить недостатки, повидимому, въ связи съ лит. **gůdinu, gůdįti** кого-либо духовно наставливать, возбуждать, образовывать. Не знаю, какъ смотрѣть на старое, восходящее къ XIII в. **гоудити**, въ которомъ Миклошичъ (**Lex. pal.-sl.-gr.-lat.**, 149, 321), кажется, видитъ замѣну **коудити** и сравниваетъ съ лит. и лат. корнемъ **skaud** **dolere**. Корень *куд-* въ словѣ „прокýда“, „прокýдникъ“ тоже извѣстенъ бѣлоруссамъ и притомъ всѣмъ, тогда какъ *гуд-* (не = **гжд-**) извѣстенъ лишь кое-гдѣ.

гýльня: мастеръ въ гулни своеи Ф. Скорина XVI в. (ср. Владимировъ: „Докторъ Ф. Скорина“, 300) изъ лит. **gulimà kamarà** спальня, при глаголѣ **gulinéju, -éti**.

дабá да вотъ, лит. **dabá** больше еще.

далигóйда пѣсенный припѣвъ, состоящій изъ лит. **dalìs** доля, судьба, и **gaĩdau** мой любезный.

дзогáць стучать, здзóгаць разбиць, дзóга кто ходитъ шумно, изъ лит. **dzàkoti** итти бѣж[illegible]мъ.

доўбуры́ зап.-бѣлор. „Сѣножатки мижъ полей“, изъ лит. **dauburỹs**. Я. Розвадовскій. (**Materyały i prace komis. językowej**, I, 220).

дойли́дъ зодчій, строитель: кузнецъ и доилида, мастеръ доилидъ, доилидска дела, Скорина (Владимировъ, 300); встрѣчается „доилидъ“ и въ актахъ XVI в. (ср. Акты, изд. Вил. ком., XVIII, указатель); изрѣдка это слово можно слышать и теперь, напр., въ пѣснѣ, записанной въ Сѣнн. у Мог. г. (Шейнъ: Матер. I, I, 164):

Тамъ и три далиды церкву рубили.

Какъ это уже отмѣчено многими (Брюкнеръ, 23, Вольтеръ, **Mitteil.**, IV, 53, Владимировъ), это слово = лит. **dajlýdė**.

доробъ, доробка коробъ, коробка. По Микуцкому (ср. также Брюкнеръ, 24), слова эти въ связи съ литов. **darbis, durbis** дупло; здѣсь конечно будетъ только перетолкованіе обычныхъ „коробъ, -ка“. Къ сожалѣнію, этихъ словъ нѣтъ ни у Куршата, ни у Юшкевича.

жуда́ нужда, печаль, скорбь (слово довольно распространенное на западѣ Руси: ср. Словарь русс. яз., сост. II Отд. А. Н., II, 600), повидимому, сродни лит. **žudaĩ, žudýti** умерщвлять.

ка́нькала попрошайка лит. **kañkalas** колокольчикъ (Брюкн., 24). Великорусское „канючить", отъ „каня" **milvus**, сюда не относится.

клипъ : во́клипъ (в-о-клипъ) верхомъ, безъ сѣдла, несомнѣнно, въ связи съ лит. **klypstù, klỹpti** во время ходьбы изгибать ноги криво.

кни́бицъ надоѣдливо просить, лит. **knyƀau, -ƀyti** обременять, тѣснить. Приводя изъ Ширвида это слово, Брюкнеръ (95) видитъ заимствованіе литовцами у бѣлоруссовъ; но для меня совершенно неясно бѣлорусское слово: быть можетъ, литовцы заняли это слово у кого-нибудь другого, а у нихъ взяли бѣлоруссы.

кумстъ см. при квмсъ (стр. 127; ср. Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 309).

ку́рпы особаго рода башмаки, лит. **kùrpė**, лат. **kurpe** (ср. Миккола въ **Beiträge**, 120—121, гдѣ и литература предмета, а также у Эндзелина: Жив. Ст., 309); не знаю только, гдѣ въ Бѣлоруссіи это слово извѣстно.

ла́лынщикъ волочебникъ. По объясненію Потебни (Веснянки, 20), изъ лит. **łałauninks**.

ма́рги, ма́ргель имя быка (Лидск. и Ошм. у.) изъ лит. **márgis** черный быкъ (Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 309). Ма́ргелъ известковый камень (Словарь Носовича, 280), равное нѣмецкому **Mergel**, сюда, конечно, не относится.

ми́лта особое овсяное кушанье (Ошмян. и Вилен. у.) литовск. **mìltai** овсяный кисель (Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 309).

мирсъ: сымаго́ якъ бы́ццымъ по мирсъ (чит. по́мирсъ) біре́цъ (Шейнъ: Матер., III, 233, Витеб.), страхъ, доводящій до обморока [1]). Ср. лит. **mirksaũ, mirksóti** сидѣть съ полуоткрытыми глазами, или быть можетъ—**mìrštu, mir̃ti** умирать.

---

[1]) Если только у Шейна въ этомъ мѣстѣ не опечатка какая-нибудь.

митусиць мутить, мѣшать, тревожить, лит. **mita, mitas** крыло въ сѣти (ср. Куршатъ, **Wörterb.**, 259); вѣроятно, есть болѣе подходящее лит. слово этого корня, по крайней мѣрѣ Вольтеръ, какъ это отмѣчено выше (стр. 124), спрашиваетъ: употребляется ли въ бѣлор. *митусъ?*

наўда́, ноўда польза Лид. у. (Вольт., **Mitteil.**, II, 309), Гродн. у.: зъ ихъ нема ніякой ноўды (Шейнъ, Матер., III, 81); печаль: што табѣ за на́ўду прывязли (**ib.**, 478, Новогр. у.)—всѣ изъ лит. **naudà** польза, имущество.

примнъ, при́менъ хозяйственная постройка: никотораго примна не далъ, 1541 г. (Акты, изд. Вил. ком., XVII); сѣни: бо́рздзенько пошла́ ў при́менъ (Шейнъ, Матер., III, 265); лит. **priénumis, priémena, priénamė** (Вольт., Mitteil., IV, 50).

пу́тра кислая каша, малорусское путря, лит. и латыш. **putra**, взятое, должно быть, у финновъ (Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 308, гдѣ приводится мнѣніе Потебни).

раўге́ня родъ некислаго тѣста, особое кушанье—кулага, лит. **ráugas** закваска, **raugìnė** горохъ съ кислымъ тѣстомъ.

ре́я овинъ въ Гродн. губ. и отчасти Минск. Микуцкій сравниваетъ съ лит. **reje**, но Брюкнеръ (125) въ лит. словѣ видитъ заимствованіе.

ры́чка, рыку́нья скотница уже въ актѣ 1565 г. (Акты, изд. Вил. к., XVII в., 546) лит. **rikunia** фермерша, **rykauti** управлять, прусск. **rikys** (Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 308).

рымсциць, ры́мщу, выжидать, терпѣть, уры́мсциць выдерживать боль, лит. **rìmstu, rìmsti** спокойно переносить (ср. еще Брюкнеръ, 24).

талыза́ць таскать, бить, лит. **talziti**, по Микуцкому, въ чемъ Брюкнеръ (144) однако видитъ заимствованіе изъ бѣлорусскаго, но быть можетъ напрасно: ср. латыш. **talſiht**, лит. **talàžyti, tàlažūti**.

текуне́цъ бѣглецъ, встрѣчающееся въ старыхъ памятникахъ (Вольтеръ, **Mitteil.**, IV, 52), при лит. **tekunas**, мнѣ кажется, лишь случайное совпаденіе, такъ какъ бѣлоруссы имѣютъ свое ўцека́ць убѣгать отъ корня *тек-*.

швéля бревно при лит. švēlis, взятомъ въ свою очередь изъ нѣм. **Schwelle**.

Наконецъ, перечислимъ слова, взятыя бѣлоруссами изъ латышскаго и литовскаго языковъ и извѣстныя въ той или другой степени во всей бѣлорусской области. Сюда относятся:

бóнда хлѣбъ печенный (буондачка. Федеровскій: **Lud białor.**, II, 21), выслуженная доля земли (въ старыхъ памятникахъ). Вольтеръ (**Mitteil.**, IV, 56) ставитъ его въ связь съ лат. **bandos** (мн. ч.) или **bandi**, лит. **bą́da** стадо скота, присѣвокъ (ср. еще Эндзелинъ: Жив. Ст., 299).

бры́нда и бры́нды, платье, выпачканное снизу и пооборванное, какъ бы обшитое бахрамой; бродяга (Носовичъ); бры́ндацъ таскаться. Очень напоминаютъ лит. **brįndos** (мн. ч.) оборки на чепцѣ, платьѣ, **brįdū́ti** обшивать оборками.

бужени́на свинина, больше копченая (слово встрѣчается чаше въ великорусскихъ говорахъ) при лит. **budyti** коптить (ср. Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 308), гдѣ приводится мнѣніе по этому предмету Потебни).

бурча́цъ ворчать, лит. **burkū́ti** ворковать.

вала́ндацца возиться, суетиться (слово больше великорусское) при лит. **vałandà** короткое время (Вольт., **Mitteil.**, II, 308, гдѣ ссылка на Потебню).

вéнцеръ особаго рода сѣть для ловли рыбы, прусск. **wenteге**, лит. **ventaris, ventaras, venteris**. Брюкнеръ (152) думаетъ, что это слово взято литовцами у поляковъ; но какъ полагаетъ Миклошичъ (**Etymolog. Wörterb.**, 381) и Эндзелинъ (Жив. Ст., 300); естественнѣе допустить заимствованіе у литовцевъ: у послѣднихъ это названіе распространено повсемѣстно.

вили́цъ обманывать, кривить, лит. **vy̑lius** обманъ, **viliòti** обманывать. Великорусское „вилять“?

воропа́й, эпитетъ коровая, обозначаетъ жениха, напр.:

Ахъ ты, короваю-воропаю,
Часто ў клѣци бываешъ,
Сцежки-дорожки пытаешъ.

По объясненію Потебни (Русск. Ф. В., IV, 165—167), отъ лат. **wérpajs** и **wérpejs** прядильщикъ. Не ясно только, видить ли здѣсь Потебня заимствованіе, или только родство.

вóрса, ворсъ волосъ на сукнѣ, лит. **varsa**. Ср. **Matzen. C. Sl.**, 371.

гúрса трава въ пшеницѣ лит. **dìrsė** (Брюкнеръ, 24).

дзéгоцъ деготь—Миккола (**Beitr.**, 119) вполнѣ основательно производитъ изъ лит. **degùtas**, отъ корня *deg-* горѣть, который въ славянскихъ языкахъ измѣнился въ ***geg-**, жег-.

дул-: одуловатый дряхлый, по Микуцкому, изъ лит. **dúlis** древесная гниль; сюда же относятся глаголы: **dùlįnti, dulnéti** (ср. Брюкн., 24).

ды́ли-ды́ли звукоподражательное междометіе для обозначенія игры на скрипкѣ, напр., въ пѣснѣ:

> Ды́ли-ды́ли, скрыпачка,
> А ў нуорцы лисачка,
> А ў лисицы нуовы двуоръ,
> Тры паненки на выбуоръ.
>
> Федеровскій: **Lud białoruski**, II, 7.

То же въ старыхъ интермедіяхъ (ср. Морозовъ: Очерки изъ исторіи рус. драмы, 72, по рук. И. Публ. б. разноязычн. Q. XIV. 30). Трудно не поставить этого звукоподражанія въ связь съ лит. **dùlįnti** тереть, шаркать, **dìlti** убывать отъ тренія. „Дыли“ впервые могло явиться у литовцевъ, а отъ нихъ зайти къ бѣлоруссамъ и полякамъ.

ёўня овинъ: але еще въ евню того жита не кладено было, 1541 г.; **éўя**: а клуня и зъ евьею, 1556 г. (Акты, изд. В. к., XVII). Слово это, существующее до сихъ поръ, вполнѣ основательно выводится изъ лит. **jaùja** (ср. Вольтеръ, **Mitteil.**, IV, 49). Отсюда и названіе м. Евье. Русское „овинъ“ восточнаго происхожденія: сѣв. тюрк. **auen**.

жвиръ дресва, лит. **žvìrždas, žvìrgždas, žvìras**, латыш. **zvirgzde**; Брюкнеръ (158, 190) литовскія и латыш. слова считаетъ заимствованіемъ, но Эндзелинъ (304) думаетъ, что „нѣтъ никакого основанія считать эти литовско-латышскія слова заимствованными“.

клеба́ня, клеба́нія домъ священника (рѣже взятое изъ польскаго яз. плеба́нія) — лит. **klebonė**, **klebonija** домъ священника, **klebõnas** священникъ. Согласно съ Аппелемъ (Рус. Ф. В., III, 221), вопреки мнѣнію Брюкнера (94), допускаю заимствованіе изъ литовскаго, а не наоборотъ, такъ какъ въ бѣлор. нарѣчіи нѣтъ подходящихъ корней, тогда какъ у литовцевъ есть глаголъ **klebù, -bė́ti**. Подъ вліяніемъ этого глагола литовцы и осмыслили соотвѣтствующія польскія слова.

клу́ня сарай въ родѣ гумна изъ лит. **klũnas, klonas**, лат. **kluns** (ср. Вольтеръ, **Mitteil.**, IV, 49; Эндзелинъ, 306).

клы́пацъ хромать лит. **klypstù, klỹpti** во время ходьбы обычно изгибать ноги (ср. во́клипъ, стр. 130).

коу́шъ ковшъ изъ лит. **káušas**, каковое слово, по соображеніямъ Микколы (120), отъ литовцевъ проникло къ финнамъ и германцамъ.

кре́сло сѣдалищная часть крестьянскихъ портковъ; для обозначенія мебели у бѣлоруссовъ это слово встрѣчается довольно рѣдко, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ одного заговора (Романовъ: „Бѣлор. сб.", V, 55): „Золотникъ золотый, стань на своемъ мѣсти, на золотомъ кресли, на батьковымъ соснованіи, на маткинымъ порождэніи" [1]). Ему соотвѣтствуетъ лит. **krė́slas**, лат. **krêsls**. Карловичъ (316) видитъ въ этихъ словахъ только родственное соотвѣтствіе; Брюкнеръ (97) предполагалъ заимствованіе литовцами у поляковъ; но какъ убѣдительно доказываетъ Миккола (120), слѣдуетъ видѣть заимствованіе со стороны славянъ у литовцевъ (ср. еще Эндзелинъ, 301).

куль снопъ соломы, прилаг. кулёвый, по Карловичу (324) взято у литовцевъ: ср. **kulis Brandkorn.**

кумпя́къ или кунпя́къ окорокъ, лит. **kum̃pis** (Вольтеръ, **Mitteil.**, IV, 49).

лайда́къ плутъ, бездѣльникъ, согласно съ мнѣніемъ Маце-

---

[1]) Впрочемъ и здѣсь „кресло" часть тѣла, которая прикрывается кресломъ портковъ; золотникъ, матица, старинное **дѣна**, извѣстная женская болѣзнь. Ср. М. И. Соколовъ: „Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками". Москва. 1894, стр. 2 sq.

науера (С. S., 235), Потебни, Вольтера (**Mitteil.**, II, 308) и Эндзелина (292), въ виду *-ай-* будемъ выводить изъ лит. **laj-dõkas**, лат. **laidaks** или **laiduks**.

п а́ к л я, п а́ к у л л е изъ лит. **pãkulos** (мн. ч.), лат. **pakulas** (ср. Миккола, 121, Эндзелинъ, 292).

п а р ш у́ к ъ (напр., у Федеровскаго: „**Lud białoruski**", II, 14, 336) и п а р с ю́ к ъ (напр., у Романова: „Бѣлор. сборн." III, 8, 39, 243) кабанъ, лит. **par̃šas**. Такого же взгляда держится и Вольтеръ (см. выше стр. 124).

п у́ н я сарай для сѣна или соломы, лит. **punė**, лат. **punis**. Брюкнеръ думаетъ наоборотъ.

р е́ д з г и н ы и р е́ з г и н ы (оба слова со звукомъ g), Могил. р ѣ́ з в и н ы (Словарь Носовича, 570), снарядъ для ношенія сѣна (ср. мой рисунокъ во II т. „Матеріаловъ" Шейна, 247, вын.), изъ лит. **rẽzgis, rezgìnės** (Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 309).

р у́ п и ц ъ заботитъ, р у п л и́ в о с ц ъ, лит. **rupùs** озабоченный, **rūpìnti** (ср. Брюкнеръ, 23, Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 309).

с в и́ р о н ъ амбаръ, встрѣчающееся и въ старыхъ актахъ, напр., 1556 г. (ср. Акты, изд. В. к., XVII), лит. **svirnus** и **svirna** спальня, клѣть. Брюкнеръ (24) не рѣшается сказать, кто у кого заимствовалъ; но у бѣлоруссовъ это слово единично, тогда какъ у литовцевъ есть еще подобныя образованія (ср. Куршатъ: **Wörterbuch**, 418).

с л и́ в е н ъ слѣпая змѣя, лит. **slibinas, slykunas** (Брюкнеръ, 24); ср. глаг. **slykstu, slykti** дремать. У бѣлоруссовъ, очевидно, нѣкоторая передѣлка вслѣдствіе осмысленія слова.

с т а д о́ л а конюшня при постояломъ дворѣ. По довольно убѣдительнымъ доводамъ Эндзелина (Жив. Стар., 298—299), „русскіе (и нѣмцы) заимствовали это слово у латышей (или литовцевъ), а не наоборотъ": лит. **stádolė**, латыш. **stadala**, образов. отъ глагола ***stadît** (ср. **stadini** и **statit**) останавливать.

т о р п ъ извѣстнымъ образомъ сложенные на гумнѣ снопы, лит. **tárpas** (ср. Брюкнеръ, 201, Вольтеръ, **Mitteil.**, II, 309).

ш а ш о́ к ъ хорёкъ лит. **šeškas**, лат. **seskis** (Вольтеръ, **Mitteil.**, IV, 59).

шу́ло столбъ, вѣроятно, взято у литовцевъ, у которыхъ имѣется šũlas, заимствованное у нѣмцевъ: Säule; у послѣднихъ взяли и поляки: szuło (ср. Вольтеръ, Mitteil., II, 309, вын.). Интересно впрочемъ сравнить съ санскр.: „шу̂ла" колъ (Петровъ: Матеріалы для объяснительнаго словаря и грамматики р. яз., VI, 92).

яндо́ва особаго рода кружка (у бѣлоруссовъ малоизвѣстна) лит. indauje, iñdas (Миккола, 120).

янтарь (теперь вытѣсненное изъ языка простонародья польскимъ bursztyn) лит. gentãras, также jentãras и gintãras (Брюкнеръ, 23). Соображенія Карловича (364—365) о заимствованіи его изъ греч. ἤλεκτρον не возможно допустить, такъ какъ янтарь шелъ отъ литовцевъ къ грекамъ, а не наоборотъ, да и соотвѣтствіе въ звукахъ было бы очень отдаленное.

Еще въ двухъ словахъ видятъ заимствованіе изъ литовскаго: 1) ты́чка, тычко́мъ, тычма́ при лит. tyčiá, tyčiomis (Брюкнеръ, 23), но здѣсь, по моему мнѣнію, лишь случайное совпаденіе, такъ какъ бѣлорусскія выраженія, несомнѣнно, отъ корня *тык-*; 2) узво́ръ, край поля (въ старыхъ грамотахъ) при литовскомъ užvaras (Вольтеръ, Mitteil., IV, 50), но это слово легко распадается на уз-в-ор-ъ, т.-е. *ъз-ор-ъ—вспаханная часть поля; *в* передъ *о* звукъ вставленный у бѣлоруссовъ.

Есть, наконецъ, нѣсколько словъ, относительно которыхъ нельзя рѣшительно утверждать, что они заимствованы изъ лит. языка; быть можетъ, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ лишь общій источникъ; однако сходство ихъ съ разными литовскими словами положительно бросается въ глаза. Таковы, напр.:

бадзя́га бродяга при лит. bádas голодъ, bádvėsė умирающая съ голоду.

гузъ тупой конецъ въ снопѣ, лит. gùzas, при польск. guza.

дуба́съ большой ножъ, пол. dubas, лит. dúbas (Юшкев. 356) растворъ для выдѣлки кожъ.

жлока́цъ, жлоктацъ съ жадностью пить, лит. žliùkti мочить.

жлу́кта ушатъ для моченья бѣлья, лит. **žliùktas**. Ср. еще Жив. Ст., 1899, III, 309.

іо́зда непосѣда при лит. **joju, joti** ѣхать.

кво́лицъ слабѣть и лит. **kwolyti** почитать.

ку́даса мятель, лит. **kudas** слабый; впрочемъ здѣсь, можетъ быть, тотъ же корень, что въ словѣ „кудесъ".

ли́било снарядъ для приманки раковъ, отъ лит. **liba** собиратель.

литова́цъ паять, литовка спайка отъ лит. **lètũti** паять, которое въ свою очередь, вѣроятно, взято отъ нѣмцевъ: **löthen**.

лу́ста, лустка кусокъ хлѣба, лит. **lustas**. Но, быть можетъ, и тѣ и другіе заимствовали у кого-либо третьяго.

пе́льки (рѣдко) грудь, лит. **pélkė** проломъ. прорубь

ска́ба заноза, клинъ; ребра. Лит. **skabėti** рѣзать, **skabus** острый. Послѣднее слово (ребро) изъ польск. **schab**.

со́котъ крикъ курицы, лит. **sõkti** орать, кричать.

чери́цъ плодить, лит. **čerė́ti** чародѣйствовать.

Число бѣлорусскихъ заимствованій у литовцевъ и латышей можно бы значительно увеличить, если бы прибавить сюда еще прозвища, фамиліи и названія живыхъ урочищъ на теперешней бѣлорусской территоріи, но я не имѣю матеріала для сужденія этого рода.

Не знаю, можно ли указать какія-либо морфологическія заимствованія со стороны бѣлоруссовъ у литовцевъ и латышей: быть можетъ, ихъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснять такія образованія, какъ нудо*сно* (въ лит. *-sn-* въ суффиксѣ очень обычно), дзиво́*сы*, выкрута́*сы*. Не думаю, чтобы можно было говорить о заимствованіяхъ фонетическихъ. Возможно лишь, что близость литовскаго языка поддерживала такія сочетанія, какъ *-ир-*, *-ил-* вм. общерусскихъ *-ер-*, *-ел-* изъ основныхъ славянскихъ -ьr̥-, -ьl̥- въ образованіяхъ, въ родѣ: чирво́ны, дзиржа́цъ, килбаса́ и т. д.

Дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго, мы видимъ, что бѣлоруссы заняли у литовцевъ и латышей около 36 словъ общераспространенныхъ и около 54 словъ, извѣстныхъ только отчасти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отчасти лишь въ старинныхъ

памятникахъ. Слова эти больше обозначаютъ предметы, относящіеся къ земледѣлію, рыбной ловлѣ, къ обыденной жизни, и очень немногія касаются умственныхъ интересовъ человѣка. Тогда какъ, если мы разсмотримъ слова, взятыя литовцами и латышами у бѣлоруссовъ, то ихъ окажется огромное количество, и касаться они будутъ всѣхъ сторонъ жизни человѣка. Это и естественно: Литва, какъ мы видѣли, всегда находилась въ умственной и вообще духовной зависимости отъ Руси, а затѣмъ отъ Польши, откуда и шли къ ней разныя названія культурныхъ предметовъ вмѣстѣ съ самими произведеніями.

ГЛАВА V.

БѢЛОРУССЫ ВМѢСТѢ СЪ ЛИТОВЦАМИ ПОДЪ ВЛАСТЬЮ ПОЛЬШИ. НАПЛЫВЪ РАЗНЫХЪ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ ВЪ БѢЛОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася простому несъвершенному лядскому писанію, сего ради въ различныа ереси впадоша, не вѣдуще въ Богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка.

Окружное посланіе 1592 г.

Западная часть среднерусскихъ племенъ всегда соприкасалась съ поляками; нѣкоторыя изъ нихъ, по свидѣтельству нашей Начальной Лѣтописи, даже, какъ мы видѣли, выселились изъ ляховъ. Уже a priori можно предположить, что при посредствѣ такихъ племенъ возможна была передача нѣкоторыхъ особенностей польскаго языка въ западную Русь. Но во время литовскаго господства произошелъ цѣлый рядъ событій, которыя особенно тѣсно сблизили бѣлорусскую народность съ польскою. Общеніе западной Руси съ Польшей начало усиливаться со времени извѣстнаго брака литовскаго князя Ягайлы съ Ядвигой, польской королевой (1386 г.). Съ этого времени поляки часто посѣщаютъ Литву и присматриваются къ государственной и общественной жизни послѣдней. На первыхъ порахъ они оказываютъ незначительное вліяніе въ разсматриваемыхъ областяхъ: каждое государство живетъ самостоятельною жизнью и имѣетъ свое особое туземное упра-

вленіе. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе сильнымъ становится наплывъ поляковъ въ Литву, распространеніе ихъ обычаевъ и знакомство съ языкомъ. Вліяніе ихъ особенно возросло послѣ разныхъ законодательныхъ мѣръ, напр., акта Городельскаго (1413 г.), грамоты Владислава (1443 г.) и др., направленныхъ къ уравненію въ правахъ подданныхъ Литовскаго государства съ поляками. Появившіеся въ Литвѣ сеймы, магдебургское право, призывавшіе къ государственной жизни высшій и средній—городской классы общества,—все это заставляло обратить особое вниманіе на языкъ, главный проводникъ общественныхъ интересовъ. Понятно, что для сеймовъ и ратушъ не могъ быть подходящимъ языкъ богослужебныхъ книгъ, какъ уже раньше онъ оказался неудобнымъ въ Зап. Руси, какъ отчасти и въ Восточной для грамотъ и актовъ: нужно было прибѣгнуть къ языку народному; а такъ какъ въ немъ многихъ терминовъ для выраженія новыхъ понятій не было, то пришлось брать ихъ изъ другихъ языковъ, и прежде всего изъ польскаго или при посредствѣ его изъ западныхъ, такъ какъ съ нимъ были знакомы, вслѣдствіе частыхъ общеній съ Польшей, высшій и отчасти средній классы. Общеніе литовской Руси съ поляками особенно усилилось послѣ извѣстной Люблинской уніи (1569 г.), когда Литва приняла въ себя обильный притокъ польской шляхты, говорившей по-польски, и особенно іезуитовъ, которые сейчасъ же послѣ своего прибытія въ Литву стали заводить польскія школы [1]). Теперь польское вліяніе уже не ограничивалось одною литовской знатью и городскимъ сословіемъ, а распространилось и на простой народъ, особенно, когда къ интересамъ сеймовъ и городского управленія присоединились еще религіозные, пропагандированіе церковной уніи, которая и была введена въ 1596 г. на соборѣ въ Брестѣ. Съ усиленіемъ польскаго элемента въ Литовской Руси, послѣ введенія церковной уніи, болѣе успѣшно распространяется здѣсь и польскій католицизмъ, который особенно сильно вліялъ на простой народъ въ дѣлѣ сообщенія его язы-

[1]) Ср. И. И. Лаппо: „Великое княжество литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія“, т. I. Спб. 1901, 499—503.

ку польскихъ элементовъ. Не могло удержать бѣлорусскаго населенія отъ вліянія польскаго языка и православное духовенство, а затѣмъ уніатское престижемъ языка церкви, который наложилъ свой сильный отпечатокъ на языкъ восточной Руси: оно было мало знакомо съ послѣднимъ вслѣдствіе своей почти поголовной необразованности или ополяченія. И высшее духовенство мало чѣмъ отличалось отъ низшаго: оно больше заботилось о мірскихъ удобствахъ и развлеченіяхъ, нежели о своей духовной паствѣ. Даже монастыри, которые въ древней Руси всегда были разсадниками просвѣщенія, въ Литвѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ (Супрасльскаго, Виленскаго Троицкаго, Св.-Духова), также въ большинствѣ случаевъ находились въ запустѣніи. Мы имѣемъ немало современныхъ свидѣтельствъ въ этомъ родѣ какъ со стороны враговъ русскихъ, такъ и со стороны ихъ самихъ. Припомнимъ, напр., какъ изображаетъ въ этомъ отношеніи тогдашнее западнорусское духовенство извѣстный іезуитъ П. Скарга [1]): **iuż go** (церковнославянскій языкъ) **teraz prawie nikt doskonale nie rozumie. Bo tey na świecie nacyey niemasz, ktora by im tak, iako w księgach iest, mowiła; a swych też reguł, grammatyk y kalepinow do wykładu niema, ani iusz mieć może. Y stąd popi waszy, gdy co w Słowieńskim chcą rozumieć, do Polskiego się vdać po tłumactwo muszą; abo więć tylo vsty a w czytaniu loktormi są. I inney szkoły chyba na czytanie nie maią. Y to ich wszytkiey nauki na wszytki duchowne stany doskonalstwo!"** Русскіе такъ или иначе возражая противъ книги Скарги, этихъ его обвиненій даже не опровергали. Да и сами они не лучше аттестуютъ свое духовенство. Въ окружномъ посланіи 1592 года [2]) читаемъ: „Ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка, и вси человѣцы приложишася простому несъвершенному лядскому писанію, сего ради въ различныа ереси впадоша, не вѣдуще въ Бого-

---

[1]) П. Скарга: O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem. Trzecia część, rozdział 5. Русская историч. библіотека, издаваемая археографической комиссіей. Томъ VII. Спб. 1892 г., стр. 486.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, т. IV, 42.

словіи силы совершеннаго [грамматическаго словенскаго языка“. Указаніе на подобное же отношеніе къ церковнославянскому языку и на увлеченіе польскимъ находимъ и у такого дѣятеля, какъ Василій Тяпинскій („зъ ихъ посредкоу русинъ ихъ имъ своеи рѕси оуслоугѕючии“), который въ предисловіи къ напечатанному имъ на западнорусскомъ языкѣ Евангелію [1]) говоритъ: „вжо некоторие и писмом се своим. а злаща в слове бжемъ встыдают. А на остатокъ што может быти жалоснеиша што шкарадша. иж и тые што се межи ними зовут дховными и ѕчители, смѣле мовлю намнеи его не вмеют, намнеи его вырозѕмени не знают, ани се в нем цвичат. але и ани школы коу наѕце его нигде не мают. зачим в польскіе, або в иные писма за такою неволею, немало и оу себе и дети не без встыдоу своего, бы се одно почули немалого заправоуютъ“. —Забота о поддержаніи православной вѣры, какъ и народности русской, вслѣдствіе упадка духовной власти, переходитъ въ руки лицъ свѣтскихъ, патроновъ церквей, преимущественно магнатовъ и братствъ, поддерживаемыхъ среднимъ классомъ — мѣщанами. Конечно естественно, что эти свѣтскія лица не могли стоять за церковнославянскій языкъ, а скорѣе содѣйствуютъ обработкѣ языка народнаго, при чемъ, незамѣтно для себя, наполняютъ его элементами рѣчи польской и языка латинскаго. Такъ, напр., кн. Острожскіе—ходатайствуютъ передъ королемъ за права православныхъ, не щадятъ средствъ для поднятія религіознаго и умственнаго состоянія Западной Руси, печатаютъ въ 1581 году въ Острогѣ полную церковнославянскую библію, но въ то же время свои грамоты издаютъ не на церковнославянскомъ языкѣ; прекрасно владѣютъ польскимъ языкомъ, находя его болѣе понятнымъ. Получивъ, напр., отъ Курбскаго славянскій переводъ бесѣды І. Златоуста, князь Константинъ Острожскій находитъ необходимымъ, для лучшаго пониманія, перевести ее вновь по-польски. „Пишешь, ваша милость“, говоритъ Курбскій: „ажъ бы ихъ лѣпшаго ради выразумѣнія, на польщизну преложити далъ“

[1]) Кіевская Старина 1889 г., январь, приложеніе, сообщеніе П. В. Владимирова.

(Сказанія Курбскаго, 1842 г., 254: Листъ до Константина Острожскаго).

Такимъ образомъ, даже тѣ классы общества, отъ которыхъ болѣе всего должна была итти поддержка русскому языку въ отношеніи его чистоты, во многихъ случаяхъ сами прибѣгали къ польскому и незамѣтно для себя наводняли русскую рѣчь всякаго рода полонизмами. Послѣдніе особенно обильнымъ потокомъ полились въ нее и отъ того, что въ составъ высшаго класса западнорусскаго общества современемъ вошло много польской шляхты, говорившей конечно по-польски. Принявъ въ себя много элементовъ польскаго языка и сдѣлавшись вслѣдствіе этого очень искусственнымъ и уродливымъ литературный западнорусскій языкъ сталъ на пути постепеннаго его вытѣсненія польскимъ языкомъ. Вскорѣ западнорусская аристократія и стала говорить по-польски, особенно послѣ того, какъ она приняла католицизмъ; дворянству часто подражало духовенство, а чиновничество даже въ судебно-административной практикѣ стало употреблять польскую рѣчь, особенно послѣ 1696 года, когда сеймъ сдѣлалъ постановленіе о томъ, что: „**Pisarz powinien po Polsku, a nie po Rusku pisać**“ (Vol. leg. изд. Огрызки. Спб. 1860, т. V, f. 863, p. 418), устраняя тѣмъ прежнее постановленіе Литов. Статута 1588 г. (стр. 122): „А писаръ земъски маєтъ порвскв литерами и словы рвскими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншимъ єзыкомъ и словы“. При такомъ положеніи дѣла что же могло статься съ языкомъ низшаго класса, съ народнымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ? Естественно, простой народъ прислушивался къ рѣчи дворянства, администраціи, духовенства, отчасти школы, незамѣтно для себя воспринималъ чужія слова, строй рѣчи, а иногда даже и звуки. Слѣдуетъ удивляться, что въ народной бѣлорусской рѣчи, дошедшей до насъ, полонизмовъ еще не такъ много, какъ можно бы ожидать, наблюдая хотя бы литературную западнорусскую рѣчь XVII—XVIII столѣтій; наиболѣе полонизмовъ въ словарѣ и менѣе всего въ звуковомъ составѣ языка.

Разсмотримъ эти полонизмы.

А. Въ словарь.

Сюда войдутъ и слова иностранныя—нѣмецкія, итальянскія, французскія и т. д., взятыя въ бѣлорусское нарѣчіе при посредствѣ польскаго языка. Нѣмецкія слова отчасти могли быть позаимствованы и самостоятельно у нѣмцевъ, такъ какъ бѣлоруссы иногда соприкасались съ ними непосредственно; кой-какія слова могли зайти отъ нѣмцевъ къ бѣлоруссамъ и черезъ посредство евреевъ, о чемъ рѣчь послѣ.

1. Собственно польскія слова заимствованы въ бѣлорусское нарѣчіе лишь слѣдующія.

а) Общеупотребительныя, или довольно распространенныя:

абецáдло у катол. азбука, начатки какой-либо науки, польск. **abecadło**.

абó, абóжъ или, развѣ, лишь вслѣдствіе одинаковаго образованія совпадаютъ съ польскимъ **abo**, **aboż**, такъ какъ або извѣстно и древнему западнорусск. языку (ср. гр. 1377, 1388—„Матеріалы“ И. Срезневскаго).

абы́ только бы, тоже лишь вслѣдствіе одинаковаго образованія совпадаетъ съ польск. **aby**, такъ какъ оно встрѣчается и въ др.-русск. памятникахъ (Рад. лѣт., грам. 1351 и др. Матер. Срезнев.).

áжбы такъ что, чтобы, лишь одинаково образовано съ польскимъ **ażeby**; въ видѣ ажбы оно уже извѣстно Смол. грам. 1229 г.

áльбо или, польск. **albo**.

áцю дѣтск., польск. **aciu**, отсюда глаголъ поáцицъ поблагодарить.

атъ ну вотъ, при польск. **at**, можетъ быть, лишь одинаково съ послѣднимъ образовано.

бáва промедленіе, забава, польск. **bawa**.

багнó и бáгна болото, польск. **bagno**, лит. **bagná**. Казембекъ (Мат. I, 25) сравниваетъ его съ персидскимъ багнá. Быть можетъ, это слово и общаго индоевропейскаго происхожденія, а возможно, что и заимствовано у поляковъ, хотя

допустимо и обратное предположеніе. Ср. еще Мацен. C. Sl., 17.

барщъ борщъ, какъ показываетъ *-ар-*, изъ польск. **barszcz**.

бачицъ видѣть, польск. **baczyć** уже въ Флор. пс.

брáма ворота, польск. **brama**.

брудъ, брýдный, грязь, грязный, польск. **brud, brudny**.

быдло скотъ, польск. **bydło**.

вáпна известь, польск. **wapno**.

вильгóта сырость, польск. **wilgota**.

глей илъ, польск. **glej**.

гручóлы железы, польск. **gruczoły**.

гузъ наростъ, польск. **guz**.

егóмосцъ господинъ, польск. **jegomość**.

жáдный, жóдный, жáдзенъ ни одинъ, польск. **żaden**.

жвáвый рѣзвый, польск. **żwawy**.

жебрáкъ нищій, польск. **żebrak**.

зухъ, зуховацца, франтъ, франтить, прозýхъ (рѣдко), острякъ, польск. **zuch**.

зы́чицъ, жи́чицъ одолжать, вызы́ка одолженіе, призы́чицъ присовѣтовать, въ связи съ польск. **życzyć**.

келзáцъ взнуздывать, польск. **kiełzać** отъ **kieł** зубъ. На заимствованіе, повидимому, указываетъ сочетаніе *ке-*. Но, можетъ быть, здѣсь заимствованіе бѣлоруссами съ востока, а поляки взяли это слово у бѣлоруссовъ.

кобéта женщина, польск. **kobieta**; хотя, быть можетъ, и нѣтъ заимствованія, если оно отъ **кобь** (ср. **Słownik języka polskiego, ułożony pod redakcją Karłowicza, Kryńskiego i Niedźwiedzkiego**, II, 383). Въ послѣднее время пущено въ обиходъ мнѣніе о заимствованіи поляками этого слова у финновъ.

кýндыль, кóндалъ, кýндалъ, прозваніе собаки, польск. **kundel**.

лáтвый ловкій, польск. **łatwy**.

ликъ, личи́цъ, ли́чба имѣютъ соотвѣтственныя слова и въ польскомъ: **lik, liczyć, liczba**, хотя врядъ-ли они оттуда за-

имствованы. Извѣстны они малоруссамъ и нѣк. др. славянамъ.

литовацъ милосердствовать, польск. **litować, lutować**; *і* не безъ вліянія **litanie** = греч. λιτανεία.

мáра призракъ, польск. **mara**.

ментýзъ налимъ, польск. **mętuz**.

мóтузъ шнурокъ, польск. **motuz**.

моцъ сила, крѣпость, польск. **moc**.

ницовáцъ выворачивать на изнанку, польск. **nicować**.

пáдла,-ло, падаль, польск. **padło**.

пархъ жидъ, пáрхи шелуди, польск. **parch**.

паскýда нечистота, польск. **paskuda**.

пáха мышка, польск. **pacha**.

пильновáцъ караулить, польск. **pilnować**.

покýта покаяніе, польск. **pokuta**.

присмáки сласти, польск. **przysmaki**.

прýхнуцъ гнить, порохнѣть, подъ вліяніемъ польск. **próchnieć**.

рыдэлъ особаго рода лопата, поль. **rydel**.

скáрга жалоба, польск. **skarga**.

склепъ погребъ, польск. **sklep**.

скýра, польск. **skóra**, но обычнѣе шкура.

смáжицъ жарить, пол. **smażyć**.

смокъ и цмокъ змѣй въ сказкахъ, польск. **smok**.

спрытный ловкій, польск. **sprytny**. Линде производитъ отъ франц. **esprit**, но безъ основанія; правильнѣе у Миклошича отъ „прыть"; въ виду послѣдняго, можетъ быть, и заимствованія у поляковъ нѣтъ.

стýжка лента, польск. **wstążka**. Слово это однако только отчасти сходно съ польскимъ; вполнѣ совпадаетъ оно съ чехослов. **stužka**; естественно предположить, что это названіе и занесли коробочники словаки, обыкновенно называемые „венграми".

тáрка тёрка, польск. **tarka**.

трвáцъ, трывáцъ терпѣть, пребывать, держаться, польск. **trwać**

трымáцъ держать, польск. **trzymać**.
трóхи немного, польск. **trocha**.
хапáцъ хватать, польск. **chapać**, хáптусъ взятка.
цы́ркацъ лить по каплѣ, польск. **cyrkać**—звукоподражательное, можетъ быть и бѣлорусскимъ.
шáрпацъ дергать, скрести, польск. **szarpać** (не заимствованіе ли изъ нѣм. **schärben**?).
шатковáцъ шинковать, польск. **szatkować**.
шипши́на шиповникъ, польск. **szypszyna**.
шлюбъ вѣнчаніе, польск. **ślub**.
шматъ кусокъ, много, польск. **szmat**.
штýрхацъ толкать, польск. **szturchać**.
щикáцъ, вы́щикацъ срывать, польск. **szczykać**.

б) Заимствованія изъ польскаго менѣе употребительныя, больше извѣстныя бывшимъ дворовымъ или шляхтѣ.

азáжъ развѣ, польск. **aaż**.
анивéзъ никакъ, польск. **aniweź**.
байбóсъ—бáйбусъ высокорослый, польск. **bajbas**.
бáчностъ осторожность, польск. **baczność**.
безéцный безчинный, польск. **bezecny**.
вáбицъ манить, польск. **wabić**.
вáспанъ, вáшецъ, польск. **wacpan**, **waszeć**.
вéльбицъ хвалить, польск. **wielbić**.
взгáрда презрѣніе, польск. **wzgarda**.
витáцъ навѣщать, здороваться, польск. **witać**.
волáцъ звать, польск. **wołać**.
вóмпицъ сомнѣваться, польск. **wątpić**.
гáмбицъ оскорблять, польск. **hańbić**. Это слово извѣстно и малор.; *h* у поляковъ, быть можетъ, указываетъ на обратное заимствованіе.
гáмзацъ медленно ѣсть, польск. **gamzać** говорить; оба слова, быть можетъ, разнаго происхожденія.
ганéбно неприлично, польск. **ganiebnie**.
дзы́ба идущій на цыпочкахъ, польск. **dzyba**, **cyba**, отсюда и общебѣлорусское дзыбáтый.

дощéнту окончательно, польск. doszczętu.

дри́вицъ бредить, содри́вицъ солгать шутя, польск. drwić.

ды́лда, ды́рда длинноногая, польск. dyłda.

е́котъ пронзительный стонъ, éнкатъ, польск. jękot.

éнза дерзкій, вѣроятно, въ связи съ польск. jędza = Яга.

зана́дра воротъ у рубахи, польск. zanadrze.

зграй, незгра́й неряха отъ слова zgraja.

кавéнчицца возиться, польск. kawęczyć się.

кара́скацца пристать, привязаться, польск. karaskać. Впрочемъ допустимо и обратное заимствованіе.

келъ зубъ, клыкъ, польск. kieł, kła.

крéвкосцъ ломкость, польск. krewkość.

ку́кса кисть руки безъ пальцевъ, пол. kuks, kuksa.

лацна́цца свести знакомство, несомнѣнно, въ связи съ łacnу.

леда́икъ тошно, польск. lędajek.

лудзи́цъ издѣваться, польск. łudzić.

лэ́пскій хорошій, похвальный, польск. łebski отъ łeb. Подэ́пску хорошо.

малимо́нка = маримо́нка прихотливая женщина, польск. marymonczyk отъ Marymont подъ Варшавой, гдѣ была въ старину земледѣльческая школа (Słownik, II, 890).

ма́ртвицъ приводить въ оцѣпенѣніе, польск. martwić.

ма́рчицъ изнурять тоскою, вѣроятно, не равно marczyć, происходящему отъ marzec, а образовано отъ mara.

мо́спанъ, польск. mospan, сокращенное изъ miłościwy pan.

мысли́вецъ охотникъ, польск. myśliwy.

нема́ль вѣроятно, польск. niemal.

нехлю́я неряха, польск. niechluja.

пахо́локъ крестьянскій парень, польск. pachołek.

пи́льно очень, польск. pilno, pilnie.

пискля́ цыпленокъ, польск. pisklę.

плюга́вый мерзкій, польск. plugawy.

по́врозъ веревка, польск. powróz.

по́сполъ совмѣстно, польск. pospołu.

поста́цъ лицо, польск. postać.

посѣда́ць овладѣвать, польск. **posiadać.**
потá й тайно, польск. **potaj.**
потсци́во почтительно, польск. **poczciwe, pocciwe.**
пречъ прочь, польск. **precz.**
пріемно пріятно, польск. **przyjemnie.**
прина́мни однако, вѣдь, польск. **przynajmniej.**
притóмный находящійся въ здравомъ умѣ, польск. **przytomny.**
прóдокъ предокъ, польск. **przodek.**
просцира́дло простыня, польск. **prześcieradło.**
прóша пожалуйста, польск. **proszę.**
пстричóкъ или пстри́чка щелчокъ, польск. **pstrzyczek.**
пустэ́льня пустыня, образовано отъ польск. **pustelny.**
пы́ска пощечина, отъ польск. **pysk.**
пы́ха гордость, польск. **pycha.**
пэ́ўне, пы́ни вѣроятно, польск. **pewnie.**
скелзъ наискось, польск. **skiełzem** криво.
скна́ра скупой, польск. **sknara, sknera.**
скорýпа кора, польск. **skorupa.**
скромъ заячій жиръ, польск. **skrom.**
слóта слякоть, польск. **słota**; сюда же относится слю́та.
сна́дно выгодно, польск. **snadnie.**
сови́то вдвойнѣ, польск. **sowito, sowicie.**
сродокъ средство, польск. **środek.**
стрéнчиць устраивать, польск. **stręczyć.**
сха́дзка сходка, польск. **schadzka.**
тлумъ шумъ, польск. **tłum** толпа.
хандóжиць чистить, польск. **chędożyć.**
хлюстъ извѣстная игра въ карты, польск. **chlust.**
ци́жба тьма, польск. **ciżba.**
цнóта честность, польск. **cnota.**
шалъ бѣшенство, отсюда общебѣлорусское шалéный бѣшеный, польск. **szalony.**
ша́та богатая одежда, польск. **szata.** Ср. еще у Маценауера, C. Sl. 80.
шихъ порядокъ, польск. **szych** мишура.

шмэръ шумъ, польск. **szmer.**
шуя́ дрянь, сволочь, польск. **szuja.**
ще́кацьлаять, польск. **szczekać.**
щентъ конецъ, польск. **szcząt.**
щу́ра мышь, польск. **szczur.**

Число заимствованій со стороны бѣлорусской шляхты у поляковъ можно бы увеличить еще болѣе (здѣсь разсмотрѣны слова, имѣющіяся у Носовича), такъ какъ нѣкоторыя лица изъ нихъ вообще пересыпаютъ свою рѣчь полонизмами, но всѣ такія слова не имѣютъ никакого отношенія къ бѣлорусскому народному языку; послѣдній, какъ можно видѣть изъ п. *a*, позаимствовалъ у поляковъ чисто польскихъ словъ лишь около 65. Число этихъ заимствованій, конечно значительно увеличится, когда сюда мы прибавимъ слова, взятыя народной рѣчью черезъ польскій языкъ у другихъ народовъ.

2. Слова иностранныя, зашедшія въ бѣлорусское нарѣчіе при посредствѣ польскаго языка [1]).

а) Общеупотребительныя слова или довольно распространенныя.

аéръ польск. **ajer** изъ тюрк. **égir** (**Denkschr.**, XXXVII, 34).
акуратъ или нѣсколько передѣланное на бѣлорусскій ладъ— якура́тъ точь-въ-точь, пол. **akurat** изъ лат. **accurate.**
аркýшъ листъ бумаги, пол. **arkusz** изъ лат. **arcus.**
арендáръ арендаторъ, пол. **arendarz** изъ ср.-лат. **renda— renta** отъ лат. **reddere.**
арéштъ арестъ, поль. **areszt** изъ ср.-лат. **aresta.**

---

[1]) Пособіями, кромѣ извѣстныхъ словарей С. Б. Линде (**Słownik języka polskiego**), Я. Карловича, А. Крынскаго и В. Недзвѣдзкаго (**Słownik jęz. p. Warszawa, 1900—1903**), Ф. Миклошича (**Etymologisches Wörterbuch**), служили:

1) **Wyrazy niemieckie w języku polskim pod względem językowym i cywilizacyjnym. Gabrjel Korbut (Prace Filolog., IV, 345—560).**

2) **Ciwilizacja i język. Aleksander Brückner.**

3) **Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia, używanych w języku polskim. Jan Karłowicz. Kraków. 1894, 1897.**

4) **Die Fremdwörter in den slawischen Sprachen. Franz Miklosich (Denkschriften d. Kaiserl. Akademie d. Wissenschaften. Filosophisch-hist. Classe. B. XV).**

5) **Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. F. Miklosich (Denkschriften..., XXXIV, XXXV, XXXVII, XXXVIII).**

армáта и гармáта пушка, поль. armata—harmata изъ лат. armata.

бáкиръ: на бакиръ на-бекрень, пол. nabakier изъ н.-нѣм. bak ker' (Карлов., 25).

балéя большая лохань для мытья бѣлья, пол. baleja, balja изъ н.-нѣм. Balje.

бáлька—бэ́лька балка, пол. belka изъ н.-нѣм. Balken.

баля́сы, баля́ски, точеные столбики, перила, пол. balas,-sy, изъ италь. balaustro, которое въ свою очередь изъ лат. или греч. (Карлов., 26).

бáнда толпа, пол. banda изъ итал. banda.

бары́ла боченокъ, пол. baryła изъ франц. baril, ср.-лат. barillus.

блáзенъ глупъ, поль. błazen изъ чешск. blázen.

бóхонъ коровай хлѣба, пол. bochen изъ нѣм. Bache (Карловичъ, 58).

брáга гуща, остающаяся послѣ выварки водки, извѣстный напитокъ, пол. braha изъ нѣм. Brühe (Мацен., C. Sl., 20).

браковáцъ, пол. brakować отъ brak изъ нѣм. Brack.

бры́жи кружева, извѣстнымъ образомъ сшитыя, пол. bryży изъ нѣм. Brīse, Preis, Preise (Карлов., 69).

брукъ камен. мостовая, пол. bruk изъ нѣм. Brücke.

брушты́нъ и бурушты́нъ янтарь, пол. bursztyn изъ нѣм. Bernstein.

бры́ка, бры́чка, пол. bryka, bryczka, быть можетъ, изъ народнаго нѣм. Barutsche, Birutsche, которое въ свою очередь изъ ср.-лат. birota (Карлов., 69).

брылъ особаго рода шляпа, козырекъ, пол. bryl въ связи съ ит. ombrella.

бýлка бѣлый хлѣбъ, пол. bułka изъ нѣм. Beule (ср. Карловичъ, 75, Брюкнеръ: C. i jęz., 44, Мацен., 123).

бýся, бýськи поцѣлуй, поль. busia, buzia, buziak изъ тюрк. bus (Denkschr., XXXVIII, 91).

вáга вѣсъ, пол. waga изъ ст. в.-нѣм. Wāga.

вáрта караулъ, пол. warta изъ нѣм. Warte.

вáртый стоющій, пол. wart изъ нѣм. wart.

вони́ты, вонитова́цъ рвота, рвать, пол. **womity, womitować** изъ лат. **vomere**; въ бѣлорусскомъ перемѣна *м* на *н* подъ вліяніемъ „вонъ“.

во́рчикъ, польск. **orczyk** изъ нѣм. **Ortscheit.** Миклошичъ (**Denkschr.**, XXXVIII, 7) допускаетъ возможность и восточнаго происхожденія: **orček, urček, určuk.**

во́цэтъ, поль. **ocet** изъ лат. **acetum.**

вѣ́жа башня, пол. **wieża**, которое, вѣроятно, неславян. слово.

гакъ крюкъ, пол. **hak** изъ нѣм. **Hac' ...**

га́лы ягодицы, пол. **gały** изъ нѣм. **G...e.**

галя́съ черные орѣшки, пол. **galas** изъ лат. **galla.**

га́ндэлъ торговля, мѣна, пол. **handel** изъ нѣм. **Handel.**

га́рдый спесивый, пол. **hardy** изъ чеш. **hrdy.**

гвалтъ крикъ, пол. **gwałt** изъ нѣм. **Gewalt**, при посредствѣ евр. **giewáłt.**

ге́бэлъ, пол. **hebel** изъ нѣм. **Hobel.**

герцъ, ге́рцикъ знатокъ, плутъ, прогé рцывацъ проматывать, польское старое **herc, harc**, изъ нѣм. **her zu. Słownik**, II, 16.

го́монъ шумъ, говоръ, пол. **gomon**, сканд. **gaman** веселость. Гротъ. Мат. для объясн. сл. и грам., VIII, 118.

гра́баръ землекопъ, пол. **grabarz** изъ нѣм. **Gräber.**

грунтъ почва, пол. **grunt** изъ нѣм. **Grund.**

гу́льтай и гульта́й черезъ поляковъ (**hultaj**) или прямо отъ малоруссовъ. Но къ послѣднимъ оно зашло съ востока. Ср. Карловичъ. **Słownik wyrazów etc.**, 218.

дахъ крыша (не соломенная), пол. **dach** изъ нѣм. **Dach.**

дежа́ (дзежа́), пол. **dzieża.** Карловичъ (144) ставитъ въ связь съ народ. нѣм. **Döse**, а также **Dose.** Такого же взгляда и Брюкнеръ. **C. i jęz.**, 68.

дра́бы кости, пол. **drab**, нѣм. **Treppe**, прежн. **Trappe.**

дротъ проволока, пол. **drut** изъ **drot**, нѣм. **Draht.**

друкъ, друка́ръ, друка́рня печатня, набойная и т. д., пол. **druk, drukarz, drukarnia**—всѣ изъ нѣм. **Druck.**

дзя́ковацъ благодарить, передѣлка пол. **dziękować**; поляки,

по Брюкнеру (С. i jęz., 45), образовали свое слово подъ вліяніемъ нѣм. **danken** и чешск. **děkovati**.

едва́бъ шелкъ, пол. **jedwab** изъ чешск. **hedváb** (а это изъ ср. в.-нѣм. **Gotawebbi**).

жартъ шутка, пол. **żart** изъ н.-нѣм. **Schert**.

жегна́ць крестить, пол. **żegnać** изъ стар. нѣм. **segan**, которое въ свою очередь изъ лат. **signare**.

каба́тъ особая одежда, пол. **kabat**, слово восточнаго происхожденія, перс. кабā; *t* подъ вліяніемъ ср. латин. **capatus**— одѣтый въ „сара". Карловичъ, 237; Жив. Стар. 1899 г., III, 192. Миклошичъ (**Denkschr.**, XXXVIII, 60) сравниваетъ съ **kavad**.

ка́валъ, кава́локъ, пол. **kawał, kawałek** изъ н.-нѣм. **Kavel**; ср. еще Брюкн. С. i jęz., 70.

ка́ливо одно зерно, одно растеніе. Предполагается заимствованіе изъ пол. **kaliwo**, а не изъ югослав. и ц.-слав. коли́во (греч. κόλυβον) въ виду *á*.

ка́хля, ка́фля изразецъ, пол. **kachel, kafel** изъ нѣм. **Kachel**.

ква́пицъ возбуждать желаніе, охоту, ква́пицца съ жадностью смотрѣть на что-л., пол. **kwap', kwapić,** въ связи съ чеш. **kvap** мелкое перье и нѣм. **Quabbe**. Карловичъ, 332.

ке́ска кошелекъ, пол. **kieska** изъ турецк. **k'ésé**.

кирма́шъ ярмарка, пол. **kiermasz** изъ нѣм. **Kirmess** или **Kirchmesse**. Шегренъ, Мат. X, 153.

кирова́цъ править, поворачивать, пол. **kierować** изъ нѣм. **kehren**.

кише́нь, -е́ня карманъ, поль. **kieszeń**; по Миклошичу (**Denkschriften,** XXXV, 109), того же происхожденія, что и „кеска" изъ **k'ésé**.

клёкъ жизненная сила, пол. нар. **klok, klag** изъ румын. Карловичъ, 275.

клёцки, пол. нар. **kloski**, литер. **kluski** изъ нѣм. **Klösschen**. Это слово могло быть заимствовано бѣлоруссами и прямо отъ нѣмцевъ.

клю́бы тиски, пол. **kluba** изъ нѣм. **Kloben**.

кля́мка защёлка, пол. **klamka** изъ нѣм. **Klinke**

ко бе́рецъ, ко бе́лецъ коврикъ, пол. **kobierzec**; о происхожденіи послѣдняго слова см. у Карловича, 283.

ко́ўдро, ко́лдра одѣяло, пол. **kołdra** изъ нѣм. **Kolter**, итал. **coltra**.

комо́ра клѣть, пол. **komora**, греч. *καμάρα*, лат. **camara**.

ко́ноўка, кружка, **konewka** изъ нѣм. **Kanne**.

кора́ли ожерелье, пол. **koral** изъ лат. **corallium**, греч. **κοράλλιον**. Гдѣ это слово извѣстно въ видѣ „кра́ля“, тамъ заимствованіе изъ народнаго великорусскаго (на востокѣ) или изъ чешскаго отъ „венгровъ“ (на югозападѣ; ср. стр. 169).

коштова́цъ сто́итъ, пробовать, пол. **kosztować** изъ нѣм. **kosten**, ср. лат. **costare** вм. **constare**.

кра́ма лавка, пол. **krama** изъ нѣм. **Kram**.

кра́ты и гра́ты (съ g) рѣшетка, пол. **kraty** изъ ср. лат. **crata**.

кро́ква стропило, пол. **krokiew**, народн. **krokwa**, изъ ср. в.-нѣм. **Chraco**. Карловичъ, 313—314.

ку́белъ бочка съ крышкой, пол. **kubeł** изъ нѣм. **Kübel**, которое въ свою очередь изъ лат. **cupa** бочка.

ку́ля пуля, пол. **kula**, ср. герм. **Kūle**, шв. **kula**. Ср. еще Мацен., С. sl., 52.

ку́рта, ку́ртка, пол. **kurta**, **kurtka** изъ тур. **k'ürté** (Миклошичъ) или лат. **curtus** (Słownik, II, 645).

кута́съ кисть, пол. **kutas** изъ тур.-татар. **quthâs**. Мацен. (53) считаетъ это слово литовскимъ.

ку́фа большая бочка, пол. **kufa** изъ нѣм. **Kufe**.

ланцу́гъ цѣпь, пол. **łańcuch** изъ нѣм. **Lehnzug**. Ср. Брюкнеръ, С. i język., 63.

ла́та извѣстнымъ образомъ обтесанная жердка, пол. **łata** изъ нѣм. **Latte**.

ле́йцы вожжи, пол. **lejce** изъ нѣм. **Leitseil**.

ли́ня веревка на паромахъ, пол. **linja** изъ н.-нѣм. **Line**, взятаго въ свою очередь изъ лат. **linia**.

лихта́ръ, лихта́рня, подсвѣчникъ, фонарь, пол. **lichtarz**, изъ нѣм. **Leuchter**.

ло́кшины макаронъ, пол. **łokszyny** изъ тур. **lakšé**.

лямова́цъ, облямова́цъ, облямоўка обшивка краевъ одежды тесмой, пол. **lamować** изъ франц. **lame**, лат. **lamina**.

ма́гли (съ g) катокъ, пол. **magle** изъ нѣм. **Mangel**.

ма́йстэръ мастеръ, пол. **majster** изъ нѣм. **Meister**.

маля́ръ красильщикъ, пол. **malarz** изъ нѣм. **Maler**.

марге́лка извѣстная шапка, у поляковъ только діалектически — **margiełka, margiel**, и вѣроятно, въ бѣлорусскихъ областяхъ; но, несомнѣнно, оно въ связи съ нѣм. **Margelmütze**.

ма́ргелъ известковый каменъ, пол. **margel** изъ нѣм. **Mergel**.

ма́ры погребальныя носилки, пол. **mary** изъ нѣм. **Bahre**.

матэ́рія матерія, гной изъ раны, пол. **materja**, лат. **materia**.

махлева́цъ лгать, пол. **machlować** изъ нѣм. **Mächler** (**Słownik**, II, 838). В. Григорьевъ (Матер., I, 20) выводитъ его изъ арабск. „махль" обманывать.

ми́ля, пол. **mila** изъ в.-нѣм. **Mîle**. Хотя эта мѣра длины извѣстна и другимъ русс. нарѣчіямъ, но обыкновенно считаютъ на версты, тогда какъ у бѣлоруссовъ, какъ и поляковъ, преобладаетъ счетъ на мили и части мили.

ми́на выраженіе лица, пол. **mina** изъ франц. **mine** или италь. **mina**.

млынъ мельница, пол. **młyn** изъ нѣм. **Mulin**, а нѣмцы взяли его у итальянцевъ — **mulino**.

мару́да медлительность, пол. **maruda**. Въ **Słownik**'ѣ (II, 889) и у Линде производится отъ франц. **maraudeur**, но, вѣроятно, безъ достаточнаго основанія.

му́ляръ печникъ, пол. **mularz** изъ нѣм. **Maurer**.

му́сицъ, мусъ, при́мусъ, быть должнымъ и т. д., пол. **musić, mus** изъ нѣм. **müssen, Muss**.

му́рза замарашка, пол. **murza**, въ связи съ муринъ арапъ — **murzyn** отъ **maurus**.

муръ каменное строеніе, пол. **mur** изъ лат. **murus**.

мяркова́цца совѣтоваться, пол. **miarkować się** изъ нѣм. **merken** не безъ вліянія **miara** (ср. Брюкнеръ, C. i jęz., 71, **Słownik**, II, 942).

не́шпоръ вечерня, пол. **nieszpor** изъ нѣм. **Vesper**, основаннаго на лат. **vesper**.

нитова́ць паять, пол. **nitować** изъ нѣм. **nieten**.
ны́рка почка, пол. **nyrka** и **nerka** изъ нѣм. **Niere**.
обса́цъ и обца́съ каблукъ, пол. **obcas** изъ нѣм. **Absatz**.
обцугі́ клещи, бѣлорусская передѣлка польскаго **obcęgi**, взятаго изъ нѣм. **Hufzange**.
окуля́ры очки, пол. **okulary** отъ лат. **oculus**.
орча́къ и о́рчикъ, пол. **orczyk** изъ нѣм. **Ortscheit**.
па́ля свая, пол. **pal** изъ ср. в.-нѣм. **Pâl**, быть можетъ въ связи съ лат. **palus**.
пара́люшъ параличъ, пол. **paraliż** изъ греко-лат. **paralyticus**.
пара́хвія приходъ, пол. **parafia**, передѣлка лат. **parochia**.
па́церъ, па́церка молитва, ожерелье, чётки, пол. **pacierz**, **paciorek** — всѣ отъ „**Pater noster**“.
пи́лка мячъ, пол. **piłka** изъ лат. **pila**.
пля́йстэръ пластырь, пол. **plaster** изъ нѣм. **Pflaster**.
пля́ма пятно, пол. **plama**, по Мацен. (278), изъ франц. **blâme**.
пляцъ, пол. **plac** изъ нѣм. **Platz**.
пончо́ха чулокъ, пол. **pończocha** изъ ср. в.-нѣм. **Buntschuoch** (Корбутъ, 371); иначе смотрѣлъ на дѣло Карловичъ (O języku litewskim, 324), выводившій это слово изъ литовскаго языка.
прасова́ць гладить, пол. **prasować** изъ нѣм. **pressen**.
пра́ца трудъ, пол. **praca** изъ греч. **πράσσω** (но какимъ путемъ произошло заимствованіе?).
про́ба опытъ, пол. **próba** изъ нѣм. **Probe**.
про́варъ и бро́варъ пивоваренный заводъ, пол. **browar** при **browarnia** изъ нѣм. **Brauerei**.
протэ́са церковная хоругвь. Вѣроятно, передѣлка пол. **procesja** изъ лат. **processio**.
пу́шка коробка, пол. **puszka** изъ ст. в.-нѣм. **Buhsa**.
пытэль особаго рода мельница, пол. **pytel** изъ ст. в.-нѣм. **Biutel**.
ра́да совѣтъ, пол. **rada** изъ нѣм. **Rath**, ст. сакс. **Râd**.
разы́нка изюмъ, пол. **rozynka** изъ нѣм. **Rosine**.
ра́инне совѣтъ, ра́ицъ и производныя; польск. **raić** происходитъ отъ **rajca** изъ **rad'źca**, а это послѣднее отъ **rada** = нѣм. **Rath**.

ратýнокъ помощь, пол. **ratunek** изъ нѣм. **Rettung**.
раховáцца считаться, пол. **rachować się** изъ нѣм. **rechnen**.
рéшта остатокъ, пол. **reszta** изъ нѣм. **Rest**.
рыштýнокъ подмостка, рыштовáць, пол. **rynstunek** изъ нѣм. **Rüstung**.
сагáнъ чугунный горшокъ, пол. **sagan** изъ турецк. **sagan catinum**.
сквáрка кусочекъ поджареннаго сала, пол. **skwarek** изъ нѣм. **Schwarte**. Значительное уклоненіе отъ оригинала произошло вслѣдствіе вліянія слова „варъ“ жаръ („сквара“ жаръ).
скúба ломоть хлѣба, пол. **skiba** изъ н.-нѣм. **Skeebe** (**Scheibe**), исл. **skifa**.
скрúня сундукъ, пол. **skrzynia** изъ лат. **scrinium**.
слимáкъ улитка, пол. **ślimak**, представляющее нѣкоторое осмысленіе лат. **limax**.
спúца, напр., въ колесѣ, пол. **śpica** изъ ср. верхне-нѣм. **Spitze**.
стольмáхъ столяръ, пол. **stelmach** изъ нѣм. **Stellmacher**; въ связи съ этимъ словомъ находится и „столёвáне“, пол. народное **stolowanie Stollengerüste**, „столюги“.
стрихъ линія, извѣстный способъ покрытія соломой, стрихáръ кровельщикъ, пол. **strzych**, **strzycharz** изъ нѣм. **Strich**.
сýфитъ потолокъ, пол. **sufit** изъ ит. **soffito**.
трáфицъ, трáпицъ попасть, пол. **trafić** изъ нѣм. **treffen**.
тýзинъ дюжина, пол. **tuzin** изъ нѣм. **Dutzend**.
тынкъ штукатурка, пол. **tynk** изъ в.-нѣм. **Tünche**.
тэрнэнты́на скипидаръ, пол. **terpentyna** изъ нѣм. **Terpentin**, въ основѣ котораго греч. **τερεβινθίνη**.
фалшъ ложь, пол. **fałsz** изъ нѣм. **falsch**, лат. **falsus**.
фáска бочка, пол. **faska** изъ нѣм. **Fass**.
фурмáнъ — хурмáнъ кучеръ, пол. **furman** изъ нѣм. **Fuhrmann**. Сюда же относится фурманка.
холя́ва голенище, пол. **cholewa**, быть можетъ изъ лат. **caliga** (**Słownik**, I, 291).
цалёýка доска въ дюймъ толщины, пол. **calowka** отъ нѣм. **Zoll**.
цвекъ—цвикъ гвоздь, пол. **ćwiek** изъ нѣм. **Zweck**, значившаго въ прежнее время гвоздь.

це́баръ ушатъ, пол. **ceber** изъ нѣм. **Zober, Zuber.**

цыбу́ля лукъ, пол. **cebula** изъ ср. в.-нѣм. **Z(w)ibolle**, которое въ свою очередь изъ лат. **caepulla.**

цытво́ръ, цытва́ръ, пол. **cytwor, cytwar**, ср. в.-нѣм. **Zitwar** изъ арабскоперс. **zedwār.**

цэ́гла кирпичъ, пол. **cegła** изъ нѣм. **Ziegel**, лат. **tegula.**

че́покъ, пол. **czepek** изъ ср. лат. **cappa.**

ша́бля сабля, пол. **szabla** изъ нѣм. **Sabel, Säbel.**

ша́ли, шальки вѣсы, пол. **szala, szalka** изъ нѣм. **Schale.**

шанова́ць уважать, пол. **szanować** изъ ср. в.-нѣм. **schônen.**

ша́нцицъ, шанцова́ць счастливиться, пол. **szańcować**; несомнѣнно, въ связи съ нѣм. **Schanzen.**

ша́танъ сатана, пол. **szatan** изъ нѣм. **Satan**, а быть можетъ тур. **šajtan.** Въ основѣ всѣхъ конечно евр. **satan.**

ша́фа шкапъ, пол. **szafa** изъ н.-нѣм. **Schaff**, а это изъ ср. лат. **scaphium**, греч. σκάφιον.

шва́геръ существующее рядомъ съ „дѣверъ", пол. **szwagier** изъ нѣм. **Schwager.**

ше́легъ извѣстная монета (1/8 коп.), пол. **szeląg**, нѣм. **Schilling.**

ше́льма плутъ, пол. **szelma** изъ нѣм. **Schelm.**

ши́ба оконное стекло, пол. **szyba** изъ нѣм. **Scheibe**, ср. в.-нѣм. **Schîbe.**

ши́нка окорокъ, пол. **szynka** изъ нѣм. **Schinken.**

шинкъ, шинка́рь, шинка́рка, кабакъ и т. д., пол. **szynk, szynkarz, szynkarka** изъ нѣм. **Schenke, Schenker.**

шкло стекло, пол. **szkło, śkło**, старое заимствованіе изъ готск. **stikls.**

шко́да потеря, жаль, прешко́да помѣха, пол. **szkoda** изъ ст. в.-нѣм. **Scado, Schade.**

шлякъ кайма, шляхъ большая дорога, пол. **szlak** изъ нѣм. **Schlich.**

шля́хта и производныя, пол. **szlachta** изъ ст. нѣм. **Slahta** (Мацен., 82).

шмельцъ, шмальцъ гусиный жиръ, пол. **szmelz, szmalc** изъ нѣм. **Schmelz.**

шнуръ веревочка, пол. **sznur** изъ нѣм. **Schnur.**

шпи́лька булавка, пол. śpilka изъ нѣм. Spille.
шпунтъ затычка, пол. szpund изъ нѣм. Spund.
шрамъ, пол. szram изъ нѣм. Schramme.
шротъ дробь, пол. szrót изъ нѣм. Schrot.
шру́ба винтъ, пол. śruba изъ нѣм. Schraube.
шта́ба желѣзная полоса, пол. sztaba изъ нѣм. Stab.
шту́ка фокусъ, штука́рь, пол. sztuka изъ нѣм. Stück.
я́тка мясная лавка, пол. jatka, быть можетъ изъ нѣм. Hütte (Корбутъ, 436).

Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ здѣсь словъ попали въ бѣлорусское нарѣчіе и не при посредствѣ польскаго языка, а прямо отъ нѣмцевъ или изъ еврейскаго жаргона. Это особенно можно сказать относительно словъ, касающихся торговли и ремеслъ плотничьяго и кузнечнаго такъ какъ эти области находились главнымъ образомъ въ рукахъ евреевъ.

б) Слова менѣе употребительныя или совершенно неизвѣстныя народной рѣчи; распространены они больше въ католической Бѣлоруссіи и главнымъ образомъ среди бѣлорусской шляхты. Нѣкоторыя въ настоящее время и въ устахъ шляхты встрѣчаются рѣдко; прежде они были въ употребленіи въ іезуитскихъ и уніатскихъ училищахъ.

абсолю́ція католическое разрѣшеніе отъ грѣховъ исповѣдающагося, пол. absolucja, лат. absolutio.
аванту́ра удивительное происшествіе, польск. awantura изъ франц. aventure.
австе́рія въ языкѣ шляхты — гостиница, пол. austerja изъ ит. osteria.
автэнтыкова́ць юридич. свѣрять съ подлинникомъ, пол. autentykować, которое представляетъ глагольное образованіе отъ взятаго какимъ-то путемъ греч. αὐθεντικός.
адама́шка извѣстнаго рода шелковая матерія, пол. adamaszka, adamaszek изъ тюрк. demeške.
аза́рдникъ задорный, новообразованіе отъ польскаго azard, взятаго въ свою очередь чуть ли не у французовъ (hasard).

Карловичъ, 208. „Аза́рникъ“ — примѣненіе къ великорусскому „озорни́къ“.

азу́ка проворный, умный, пол. **azuka** особая одежда; здѣсь метафорич. употребленіе; изъ ср. лат. **casaca**. Это слово мнѣ совершенно неизвѣстно.

акави́тка водка, пол. **okowita** изъ лат. **aqua vitae**.

аксами́тка огородная гвоздика, пол. **aksamitka**, образованіе къ **aksamit** изъ новогр. **ἐξάμιτον**.

а́кторъ, акто́рка, актъ, актёръ и т. д., пол. **aktor** и т. д. изъ лат. **actor**.

але́кцыя выборъ, пол. **elekcja** изъ лат. **electio**.

альта́на мезонинъ, бесѣдка, пол. **altana** отъ лат. **altus**.

амбара́съ хлопоты, пол. **ambaras** изъ франц. **embarras**.

арца́бы шашки, пол. **warcaby** изъ чешскаго **vrhcaby**, которое въ свою очередь изъ ср. нѣм. **Worfzabel**.

ба́еръ рыбій садокъ, пол. **bajor** изъ нѣм. **Weiher** (Корбутъ, 431).

ба́кшта башня, гауптвахта, пол. **baszta** черезъ чешск. **bašta** изъ ср. лат. **bastia**.

бамби́за неуклюжій, пол. **bombiza** изъ ср. лат. **bombizare**.

банкру́тъ плутъ, пол. **bankrut** изъ фр. **banqueroutte**.

ба́рва особая одежда, пол. **barwa** въ связи съ чеш. **barva** и нѣм. **Farbe**.

безкво́тный безпроцентный; произведено отъ „квота“ = пол. **kwota** и ср. лат. **quota**.

берловый х. пушный хлѣбъ, пол. **berłowy**; *е*, повидимому, указываетъ на заимствованіе у чеховъ.

би́ндасъ великанъ и би́ндусъ лѣнтяй, пол. **bindas** изъ нѣм. **Bindaxt**.

бламъ мѣхъ, пол. **błam** изъ нѣм. **Flamme** (Корбутъ, 429).

бля́еръ форма, пол. рѣдкое **blajer** вѣроятно изъ нѣм. (Słownik, I, 162).

бунтъ связка, пол. **bunt** изъ нѣм. **Bund**.

бу́рка, пол. **burka** изъ ср. лат. **burra** шерсть.

бэ́стыя ругат., пол. **bestja** изъ лат. **bestia**.

вали́за чемоданъ, пол. **waliza** изъ франц. **valise**.

вандро́вацъ путешествовать, пол. wędrować изъ нѣм. wandern.

ванéнка деревянная лохань, пол. wanienka отъ wanna изъ нѣм. Wanne.

ва́поры капризы, пол. wapory изъ лат. vapor, франц. les vapeurs.

ва́рхалъ шумъ, пол. warchał изъ ср. в.-нѣм. Warch; срав. діалектич. Farkel. Корб., 430.

виншова́цъ поздравлять, пол. winszować изъ нѣм. wünschen.

войтъ, пол. woit изъ ср. в.-нѣм. Voit.

вы́желъ извѣстная порода собакъ, пол. wyżeł, которое въ свою очередь тоже заимствовано (Миклошичъ, Etym. Wrtb., 398), венг. vizsla.

гми́на, ми́на выраженіе лица, пол. mina изъ нѣм. Miene.

гру́ба особаго рода печь, пол. gruba изъ нѣм. Grube.

гу́нка — гу́ня, пол. gunia изъ ср. латин. gunna (Брюкн. C. i jęz., 44; ср. еще Мацен., C. Sl., 32).

густъ вкусъ, пол. gust изъ лат. gustus.

дзи́да легкое копье, пол. dzida изъ тюрк. džida.

имбры́чекъ чайникъ, пол. imbryczek изъ тюрк. ebrek.

и́ршицъ оторачивать, объиршенный окаймленный мѣхомъ, отъ польскаго ircha изъ ср. в.-нѣм. Irah, н.-нѣм. Irch изъ лат. hircus козелъ.

ке́лихъ, кели́шекъ, чаша, рюмка, пол. kielich, kieliszek изъ нѣм. Kelch, взятаго изъ лат. calix.

кепъ дуракъ, ке́пики шутки, пол. kiep, kiepek изъ венг. kep.

кили́мъ коверъ, пол. kilim изъ тур. kilim.

коцъ шерст. одѣяло, пол. koc изъ нѣм. Kotze.

кре́нкацъ стонать, кренкъ хрипѣніе, пол. народ. krękać, kręk изъ нѣм. kränken.

кре́ска замѣтка, пол. kreska изъ нѣм. Kreis.

куба́нъ взятка, пол. kuban, повидимому, изъ румынскаго cu bani — съ деньгами. Карловичъ, 319.

кучба́й особая ткань, пол. kuczbaj, передѣлка нѣм. Kotze, Kutze + Baje. Карлов., 284.

лотръ распущенный человѣкъ, пол. łotr изъ лат. latro.

ля́кса понос, пол. **laksa** изъ лат. **laxare**.

ля́мецъ войлокъ, народн. пол. **lamiec** изъ ср. в.-нѣм. **līm** (**Słownik**, II, 680).

ля́рва уродливая женщина, непотребная женщина, пол. **larwa** изъ лат. **larva**.

мантачъ плутъ, пол. **mantacz, matacz** изъ франц. **menteur**?

митре́нга препятствіе, пол. **mitręga** изъ ср. в.-нѣм. **Mitterunge**.

нату́ра природа, пол. и лат. **natura**.

нитъ желѣзный болтъ, пол. **nit** изъ нѣм. **Niet**.

облядры шлея у хомута, пол. **obladra** изъ нѣм. **Oberleder**.

ока́зыя случай, пол. **ocazja** изъ лат. **occasio**.

око́номъ экономъ, пол. нар. **okonom** изъ греч. οἰκονόμος.

ондына́рія, ордына́рія продовольствіе, выдаваемое натурой, пол. **ordynarja** отъ лат. **ordinarius**.

ѳхмистры́ня ключница, пол. **ochmistrz, -yni** изъ нѣм. **Hofmeister**.

о́шустъ плутъ, пол. **oszust**, въ связи съ нѣм. **suchen**, н.-нѣм. **söken**; того же корня пол. **szukać**.

пала́нтъ извѣстная игра въ мячъ, пол. **palant**; не знаю, откуда взято.

палта́цы или палца́ты дуэль, пол. **palcat** жезлъ, чешск. **palcat**.

па́плицъ медленно работать, па́пля медлитель, пол. **paplać, papla**, заимствованіе съ осмысленіемъ: ит. **babbolare**, англ. **babble**.

плю́дры брюки, пол. **pludry** изъ нѣм. **Pluderhosen**.

пра́ктыка опытъ, практика, пол. **praktyka**; несомнѣнно, въ связи съ греч. πρᾶξις.

прокура́тъ хитрецъ, пол. **prokurat** изъ лат. **procurator**.

рабова́цъ грабить, рабу́нокъ и т. д., пол. **rabować** изъ нѣм. **rauben**.

ра́птомъ нечаянно, пол. **raptem** отъ лат. **raptus**.

ра́цыя способъ, основаніе, пол. **racja** изъ лат. **ratio**.

рушты́нокъ движимость того же происхожденія, что и „рыштунокъ“ (см. стр. 157).

саéта тонкое сукно, пол. **saja, sajeta** изъ ит. **soja**.

скваáпа жадность, пол. **skwapa**, см. „квапиць".

слибизоваáць читать по слогамъ, пол. **sylabizować** изъ нѣм. **sillabisiren** отъ гр.-лат. **syllaba**.

сцизóрикъ перочинный ножъ, пол. **scyzoryk** изъ фр. **cisoir**.

спижáрня кладовая, пол. **spiżarnia** отъ нѣм. **Speise** кушанье, **Speisekammer**.

стабноваáцъ строчить, пол. **stebnować** изъ нѣм. **steppen**.

стосóвно, обыкновенно—нес-о несоотвѣтственно, пол. **stosowny** отъ нѣм. **stossen**.

сы́зма, сызмáтыкъ прозваніе православныхъ со стороны католиковъ, пол. **schizma, schizmatyk** изъ греч. σχίσμα.

тапчáнъ широкая скамейка, пол. **tapczan** изъ тюрк. **tapčan**.

тáрча щитъ, пол. **tarcza** изъ ср. в.-нѣм. **Tarze, Tarsche**, нов. в.-нѣм. **Tartsche** (Корб., 479), а это изъ ср. лат. **targia**.

тасéмка тесёмка, пол. **tasiemka** изъ тур. **tasma**.

фэстъ—хвэстъ храмовой праздникъ, пол. **fest** изъ лат. **festum**.

фи́га—хви́га (оба съ г=g) плодъ финика, кукишъ, пол. **figa** изъ ср. в.-нѣм. **Figa**, въ основѣ котораго лат. **ficus**.

халýга ветхая изба, пол. **chałupa**, которое, въ свою очередь, тоже представляетъ заимствованіе (**Słownik**, I, 269).

цугýндеръ плутъ, взысканіе, допросъ, пол. **cuhunder** изъ нѣм. **zu Hunden**, образовано въ подражаніе „агýндеръ" (см. ниже: еврейское вліяніе).

цы́мбалъ, цы́мбуръ употребляется въ переносномъ смыслѣ: великовозрастный человѣкъ, стебель растенія, а буквально: колокольчикъ, пол. **cymbał** изъ греч. κύμβαλον; въ такомъ же значеніи и „цымбуръ", пол. **cymbar** изъ тур. **čénbér**.

цэ́ра цвѣтъ лица, пол. **cera** изъ лат. **cera**.

чопъ особаго рода чанъ, пол. **czop** изъ нѣм. **Zapfen**. Ср. еще **Karłowicz. Słownik wyrazów etc.**, 115—116.

шáльберъ плутъ, шальберицъ, пол. **szalbierz** и т. д. изъ нѣм. **Salbader, salbadern**.

шарáги вѣшалка, пол. **szaragi, szragi** изъ нѣм. **Schragen**.

шахровáць плутовать, обманывать, пол. **szachrować** изъ нѣм. **schachern**.

швабъ голландецъ, воришка, швáбиць воровски хватать, должно быть бѣлорусское образованіе отъ **szwab** изъ нѣм. **Schwabe**.

шкарпéтка носокъ, пол. **szkarpetka** и **skarpetka**, по Линде, изъ итальянскаго.

шлифъ, шлифовáць, пол. **szlifa, szlifować** изъ нѣм. **Schleife, schleifen**.

шóпа шкапъ, пол. **szopa** изъ нѣм. **Schoppen**.

шóры упряжь, пол. **szor, szory** изъ нѣм. **Geschirr**.

шпáциръ прогулка, пол. **szpacer, spacer** изъ нѣм. **Spacier-(gang)**.

шпегъ шпіонъ, пол. **śpieg** изъ нѣм. **Spech** (Линде). Сюда же относится „вы́шпеговаць“—узнать черезъ лазутчиковъ.

шпикъ, пол. **śpik** изъ нѣм. **Speck**.

шпэ́тный дурной, пол. **szpetny** изъ нѣм. **spöttisch**.

штыфтъ гвоздь, пол. **sztyft** изъ нѣм. **Stift**.

шубрáвецъ шалунъ, пол. **szubrawiec**, прежн. **szubarga** изъ нѣм. **Sauborg** (Корб., 510).

щéрба трещина, пол. **szczerba**, н.-нѣм. **Skerbe, Scherbe**.

юргельтъ плата, пол. **Jurgield** изъ нѣм. **Jahrgeld**.

Бѣлорусская рѣчь въ настоящее время слышится на большомъ пространствѣ, при чемъ въ однихъ мѣстахъ она соприкасается съ польскимъ языкомъ, а въ другихъ съ великорусскимъ и малорусскимъ нарѣчіями. Несомнѣнно, наибольше полонизмовъ въ западной Бѣлоруссіи, а также въ рѣчи мѣщанъ въ городахъ и шляхты въ небольшихъ имѣніяхъ. Въ обычной же народной рѣчи полонизмовъ въ словарѣ, какъ мы видимъ, сравнительно немного. Еще меньше полонизмовъ можно замѣтить у нихъ —

Б—въ фонетикѣ, въ звукахъ.

Въ числѣ заимствованій собственно изъ польскаго языка мы отчасти встрѣчали слова, имѣющія отступленія въ сторону

польскаго языка и въ передачѣ существенныхъ чертъ русской фонетики. Въ записяхъ народныхъ произведеній, а изрѣдка и въ живой рѣчи попадаются слова съ *дз* и *ц* (пол. dz и c) на мѣстѣ русскихъ *ж* и *ч* изъ основныхъ *dj*, *tj*, какъ походзае, уродзай (ср. мой „Обзоръ зв. и ф. бѣл. р.“, 74), схадзка, или моцъ, моцный, цудъ, обѣцанка, овоцъ. Но все это только отдѣльныя слова—полонизмы, и фонетической черты—замѣны *dj* и *tj* хотя бы въ какой-либо группѣ словъ черезъ *dz* и *c* бѣлорусскому нарѣчію они не привили.

Въ заимствованныхъ изъ польскаго же языка словахъ встрѣчается и *ар* вм. ожидаемаго *ор* изъ основн. славянскаго ъ̑р̥ (взга́рда, ма́ртвицъ, пархъ, ска́рга), а также *ил* вм. *ол* изъ ь̑л̥ (вильгота, пильновацъ), но опять-таки все это лишь въ отдѣльныхъ словахъ и не стало обязательнымъ закономъ хотя бы для малой группы русскихъ словъ.

Нечего и говорить про полногласіе: вездѣ въ той или другой степени отражается русская старина. Опять лишь въ заимствованныхъ словахъ бываютъ полонизмы (продокъ = пол. przodek, крулевацъ — królować, хлопецъ — chłopiec). Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ нерѣдко попадается отъ разныхъ словъ польская огласовка (вроны, глову, ва гродзѣ, млодый, дрогій— „Обзоръ“, 62). Но на всѣ такіе случаи опять-таки можно смотрѣть, какъ на полонизмы съ цѣлью придать, по мнѣнію народа, болѣе благородный колоритъ своей простой рѣчи; съ другой стороны можно объяснять ихъ и какъ явленія, развившіяся вторично на бѣлорусской почвѣ вслѣдствіе пропуска одного изъ безударныхъ гласныхъ.

Не стану касаться болѣе рѣдкихъ единичныхъ полонизмовъ, состоящихъ въ появленіи *е* на мѣстѣ основнаго *ъ*, или *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго на мѣстѣ основного *ѣ*. Передъ нами два явленія, которыя на первый взглядъ рѣшительно сближаютъ бѣлорусское нарѣчіе съ польскимъ языкомъ: имѣю въ виду а) *дзеканье* и *цеканье* и б) *твердость р*.

На первое явленіе можно смотрѣть двоякимъ образомъ: или какъ на заимствованіе изъ польскаго, или же какъ на явленіе, развившееся въ бѣлорусскомъ нарѣчіи самостоятельно.

Развитіе дзеканья подъ вліяніемъ польскаго языка для меня въ прежнее время (1893 г.) казалось очень возможнымъ. Въ работѣ: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣл. рѣчи“ (стр. 236) я полагалъ, что возникновеніе этой черты, вѣроятно, обошлось не безъ вліянія польскаго языка. Если русскій языкъ вообще по своимъ примѣтамъ въ нѣкоторомъ отношеніи представляетъ переходную ступень отъ югозападныхъ слав. языковъ къ сѣверозападнымъ, то бѣлорусское нарѣчіе въ этотъ отношеніи представляетъ самыя выдающіяся черты сходства съ сѣверозападными славянскими языками. Одного я не представлялъ себѣ ясно, когда и какъ происходило вліяніе поляковъ въ отношеніи этой черты на бѣлоруссовъ. Мнѣ только казалось, что дзеканье явилось значительно раньше XVI вѣка, когда въ памятникахъ попадаются уже несомнѣнные случаи этой черты. Тутъ я конечно не былъ согласенъ съ мнѣніемъ акад. А. И. Соболевскаго, который полагалъ, что „приблизительно въ XVI в. начался переходъ въ западныхъ говорахъ... мягкихъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*“ (Лекціи [2], 251). Въ томъ же духѣ, но въ совершенно иномъ освѣщеніи представилъ дѣло акад. А. А. Шахматовъ въ своихъ извѣстныхъ работахъ: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“ (Спб. 1899) и „Русскій языкъ“ въ словарѣ Бр. и Эфр. („Россія“, Спб. 1900). Тутъ онъ высказываетъ тотъ взглядъ, что западная вѣтвь среднерусскихъ говоровъ (родоначальница бѣлор. нарѣчія) въ весьма отдаленную эпоху, находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ польскими говорами, пережила вмѣстѣ съ ними нѣсколько общихъ явленій—дзеканье и потерю мягкости *р* (Русс. яз., 569, 575). Особенно близкими къ польскимъ племенамъ были радимичи и вятичи, которыхъ и лѣтописецъ выводитъ изъ ляховъ (Къ вопросу, 8, 9, 10). Такимъ образомъ, какъ будто оказывается, что эта черта и не заимствована у поляковъ, а лишь пережита вмѣстѣ съ ними сосѣдними русскими говорами. Однако эти говоры, какъ русскіе, вѣроятно не имѣли особенной склонности къ ней, и выходитъ, какъ будто заимствовали ее у поляковъ, по крайней мѣрѣ развили ее подъ вліяніемъ поляковъ.

При допущеніи выставленныхъ мнѣній нельзя однако умолчать о слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) Современное бѣлорусское дзеканье и польское не сходны между собою (какъ объ этомъ я уже имѣлъ случай говорить раньше): бѣлорусскіе *дз* и *ц* мягкіе рѣшительно не имѣютъ того шипящаго характера, которымъ характеризуются польскіе указанные дифтонги; такимъ образомъ, быть можетъ; причины, вызвавшія это усиленное смягченіе *д* и *т*, и самый способъ ихъ умягченія были неодинаковы и слѣдовательно не могли переживаться въ одно и то же время. 2) Какъ показываютъ новѣйшія болѣе обстоятельныя изслѣдованія бѣлорусскихъ говоровъ, дзеканье свойственно далеко не всей бѣлорусской области: юговостокъ и отчасти востокъ не знаютъ его, а вѣдь это и есть область радимичей и вятичей (съ сѣверянами), относительно которыхъ болѣе всего извѣстно, что они пришли отъ ляховъ. 3) Кромѣ того, сосѣдями поляковъ въ Галицкой землѣ, да и по Бугу и отчасти по лѣвымъ притокамъ Нѣмана (Щара) были малоруссы. Отчего они не пережили вмѣстѣ съ поляками дзеканья? Отчего у поляковъ не заимствовали этой черты ихъ ближайшіе западные единоплеменники чехи и словаки? 4) Письменные памятники западной Руси, которые вообще довольно точно передаютъ разные полонизмы и даже особенности народной рѣчи, напр., твердость *р*, до XV вѣка не представляютъ никакихъ слѣдовъ дзеканья; а вѣдь писцы слышали и малорусское твердое произношеніе *д* и *т* и могли сравнивать его съ польскимъ выговоромъ, гдѣ *дз* и *ц* уже въ древнѣйшихъ памятникахъ находятъ то или другое выраженіе. 5) Дзеканье, сходное съ бѣлорусскимъ, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восточной Руси; относительно однихъ изъ такихъ мѣстъ можно предполагать, какъ мы видѣли изъ первой главы, бѣлорусскую колонизацію (ср. 17 стр.), но относительно другихъ (Казанская губ., Нижегородская, Уральская область и, быть можетъ, Ярославская г.)[1]) такого предположенія сдѣлать нельзя. Ясно, что

[1]) Ср. „Опытъ русс. діалектологіи“ Соболевскаго, Спб. 1897, стр. 41, Казан. у., Чебоксарскій у., 44, Боровицк. у., 56, Поситье, 57, Юрьевскій у, Влад. г., Ардатов. Ниж. г.

здѣсь дзеканье развилось самостоятельно [1]). 6) Подъ вліяніемъ сосѣдей малоруссовъ и великоруссовъ легко устраняется свистящій характеръ бѣлорусскихъ мягкихъ *д* и *т*, тогда какъ поляки въ своей рѣчи строго держатся своихъ шипящихъ *dź* и *ć*.

Послѣ всего сказаннаго, мнѣ сдается, не трудно придти къ заключенію, что въ бѣлорусскомъ дзеканьи нельзя видѣть польскаго вліянія. Оно развилось самостоятельно, несомнѣнно уже очень давно, однако врядъ ли раньше того времени, когда у малоруссовъ произошло отвердѣніе согласныхъ, т.-е. быть можетъ въ XIII—XIV вѣкѣ. Распространеніе польскаго вліянія въ послѣдовавшее за тѣмъ время лишь поддерживало это явленіе, вытѣсняя мягкое, но не свистящее произношеніе *д* и *т* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно еще было. Съ прекращеніемъ польскаго вліянія во второй половинѣ XIX вѣка постепенно утрачивается у бѣлоруссовъ и дзеканье.

Насчетъ твердаго *р*, которое, несомнѣнно, поддерживалось польскимъ вліяніемъ, но не было заимствовано у поляковъ, рѣчь уже была у насъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 95).

Случаевъ польскаго вліянія на морфологію живой рѣчи я не знаю; врядъ ли они есть и въ синтаксисѣ.

Другое дѣло литературная рѣчь стараго западнорусскаго языка. Тутъ полонизмовъ во всѣхъ областяхъ масса, особенно много ихъ въ словарѣ. Дѣло иногда доходитъ до того, что польская рѣчь только переписывается русскими буквами; и такая русская рѣчь легко можетъ быть переложена на польскую. Даже въ такихъ переводахъ, какъ псалтыри, текстъ которыхъ былъ болѣе или менѣе извѣстенъ народу по-церковнославянски, встрѣчается порядочно полонизмовъ: считая съ сомнительными случаями, около 16% всего количества словъ [2]). Впрочемъ массы полонизмовъ встрѣчаются главнымъ образомъ въ неудачныхъ переводахъ; въ сочиненіяхъ самостоятельныхъ и особенно въ грамотахъ, актахъ, судныхъ книгахъ число полонизмовъ не особенно велико.

---

[1]) Подобнаго же мнѣнія держится и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (Ж. М. Н. Пр., 1903 г., апр., 318).

[2]) Ср. мое сочиненіе „Западнорусскіе переводы псалтыри“ etc., стр. 133—159.

Въ старой западнорусской литературной рѣчи обычны полонизмы также и въ фонетикѣ, морфологіи и особенно синтаксисѣ; подробностей здѣсь касаться не стану, такъ какъ онѣ у меня разсмотрѣны въ спеціальныхъ работахъ.

Отмѣчая словарные полонизмы у бѣлоруссовъ, иногда можно было наблюдать нѣсколько странное явленіе: польскіе носовые передаются черезъ *у* и *а*, встрѣчается звукъ г = h, а не g. Въ одномъ мѣстѣ (см. стужка) я уже высказалъ свое мнѣніе по этому поводу: подобныя особенности зашли отъ *чеховъ*, но—какимъ путемъ? Сношенія съ чехами въ старой Литвѣ были, но, несомнѣнно, очень незначительныя. Нѣкоторые ученые, какъ Головацкій [1]), находятъ чешское вліяніе въ западнорусскихъ грамотахъ и актахъ, но, какъ увидимъ современемъ, безъ достаточнаго основанія; другіе, какъ Мацеёвскій [2]), утверждаютъ даже, что Ягайло, сдѣлавшись польскимъ королемъ, сталъ говорить по-чешски, т. к. по-польски не умѣлъ. Но какъ отмѣтилъ уже въ свое время Первольфъ [3]), здѣсь только недоразумѣніе: Ягайло говорилъ, несомнѣнно, по-русски, да и въ грамотахъ и актахъ „сходство только племенное славянское, тѣмъ болѣе, что западнорусскія нарѣчія во многомъ очень близки къ нарѣчіямъ чехо-словенскимъ." Другое дѣло, когда въ началѣ XV в. въ Литвѣ начались сношенія съ гусситами. Другъ и сподвижникъ Гусса Іеронимъ Пражскій былъ въ Литвѣ и въ Вильнѣ въ 1413 г. и произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе на знать. Сношенія съ гусситами продолжались и послѣ, вслѣдствіе чего ихъ ученіе быстро распространялось въ Западной Руси; съ гусситами, несомнѣнно, нашли доступъ сюда и чешскія книги. Нѣкоторые западноруссы съ чисто просвѣтительными цѣлями посѣщаютъ чешскія земли. Такъ, напр., извѣстный докторъ Фр. Скорина селится

---

[1]) Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ..., стр. 41 и слѣд.

[2]) W. A. Maciejowski: Pamiętniki o dzieiach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, т. I, стр. 349.

[3]) „Славяне"... III, ч. II, стр. 161, выноска.

въ Прагѣ и тутъ занимается переводомъ священнаго писанія на западнорусскій языкъ, причемъ главнымъ пособіемъ для него служитъ чешская библія 1506 г. Ясно, что на такихъ лицъ и на ихъ произведенія чешскій языкъ оказывалъ немалое вліяніе. Но всѣ эти обстоятельства лишь въ очень незначительной степени могли такъ или иначе отразиться въ языкѣ народномъ. Бóльшее вліяніе на него оказывали и оказываютъ (въ последнее время въ незначительной степени) многочисленные „венгры", словаки торговцы, которые, напр., въ шестидесятыхъ, семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія, да, вѣроятно, и раньше, до развитія желѣзныхъ дорогъ въ Зап. Краѣ заходили даже въ самые захолустные уголки Бѣлоруссіи.

Говоря о разныхъ вліяніяхъ на бѣлорусское нарѣчіе, нельзя умолчать и о вліяніи со стороны *евреевъ*. Поселенія евреевъ въ Литовскомъ государствѣ начались давнымъ давно. Въ половинѣ XIV вѣка евреи были уже старыми жителями Бреста-Литовскаго, Гродна, Трокъ, вслѣдствіе чего въ 1388 г. князь Витовтъ даетъ имъ жалованную грамоту, въ которой говорится, что она есть изложеніе тѣхъ привилегій, которыми издавна пользуются евреи; эти привилегіи затѣмъ подтверждаются другими литовскими и польскими государями и заносятся въ статуты. Значитъ, евреевъ уже при самомъ началѣ существованія Литовскаго государства было немало. Сначала они селились въ городахъ и королевскихъ имѣніяхъ, а потомъ — въ имѣніяхъ знатной шляхты и наконецъ мелкой. Занимались они и земледѣліемъ и торговлей, откупами и ремеслами и всякими другими промыслами. Особенно много евреевъ нахлынуло въ Литов. государство послѣ извѣстной Люблинской уніи, когда литовская шляхта была уравнена въ правахъ съ польской и, не спрашивая ничьего согласія, могла открывать въ своихъ имѣніяхъ торги, ярмарки, обращать селенія въ города. Среди шляхты литовской распространяется воззрѣніе о несовмѣстимости съ званіемъ благороднаго какихъ-либо другихъ занятій, кромѣ военныхъ, и о зазорности занятія

торговлею и ремеслами. Для послѣднихъ цѣлей въ имѣнія и привлекаются евреи; занимаются они еще откупами и ростовщичествомъ. Число ихъ постепенно возрастаетъ, такъ что въ 1792 г. число евреевъ въ Литвѣ, по изслѣдованію Бершадскаго (Литовскіе евреи. Спб. 1888 г., 2), простиралось до 250000 душъ обоего пола. Затѣмъ это число все болѣе и болѣе растетъ, такъ что въ настоящее время въ Бѣлорусской области ихъ больше 2 милліоновъ.

Такое количество чуждаго населенія не могло не оказать вліянія и на языкъ народа, тѣмъ болѣе, что оно всегда имѣло съ нимъ непосредственное столкновеніе, особенно, когда евреи современемъ разбрелись и по деревнямъ въ качествѣ продавцовъ напитковъ въ питейныхъ заведеніяхъ („корчмахъ", „заѣзжихъ домахъ" и под.). Какія же особенности языка евреи привили бѣлоруссамъ? Бершадскій (Лит. евр., 395) утверждаетъ, что „языкъ, на которомъ говорили литовскіе евреи — русскій". Но это только lapsus mentis. Если евреи сами пишутъ жалобы по-русски, если они просятъ, чтобы ихъ привилегіи переводились на русскій языкъ, то это лишь для того, чтобы удобнѣе было вести судебные процессы; отдѣльныя лица, конечно, знали по-русски. Но у себя дома они говорили на томъ языкѣ, на какомъ они говорятъ и теперь, т.-е. на жаргонѣ еврейско-нѣмецкомъ, развившемся изъ восточно-франконскаго и отчасти болѣе южнаго нѣмецкаго діалекта среднихъ вѣковъ при помощи еврейскаго языка [1]). Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ тѣхъ заимствованій, которыя выше выставлены, какъ полонизмы, зашли въ бѣлорусскую рѣчь отъ евревъ; возможно даже, что и въ польскую рѣчь многія изъ нихъ попали отъ евреевъ же. Но вообще говоря, отъ евреевъ бѣлоруссы заимствовали очень мало. Это происходитъ отъ того, что свой жаргонъ евреи употребляютъ только въ разговорѣ между собою, какъ нѣкотораго рода тайный языкъ, съ бѣлоруссами же всегда стараются говорить на народномъ языкѣ; да кромѣ того, и простой народъ, вслѣдствіе

---

[1]) Главнымъ пособіемъ при дальнѣйшемъ изложеніи служитъ ст. Л. Винера: „Еврейско-нѣмецкія слова въ русскихъ нарѣчіяхъ". Живая Старина за 1895 г., № I.

недружелюбнаго отношенія къ евреямъ, не склоненъ дѣлать у нихъ тѣ или другія заимствованія.

Отъ евреевъ взяты, напр., слова:

ава́й, аво́й изъ ай-вай нѣм. aj-weh.

агу́ндеръ собачій сынъ, евр.-нѣм. a hund, a hund der.

балабо́съ балабо́ста про евреевъ: хозяинъ, хозяйка. Соотвѣтствующее еврейское слово у Винера, 59.

балаго́ла, балагу́ла огромная крытая еврейская повозка, евр.-нѣм. balagóle.

ба́ху́рка, ба́ху́ръ, бахуро́къ дитя, любовница, любовникъ, bacher—bocher нѣм. слово, перенятое у евреевъ.

бенёха нѣсколько значеній, между прочимъ—нянька, балующая ребенка, отъ евр. benjochid—единственный сынъ.

бейзехалэ́ймусъ плохой конецъ, бѣда изъ евр.-нѣм. bejse chaleimes.

бо́рохъ, бо́рухъ грязный, какъ жидъ. Употребленіе въ качествѣ нарицательнаго собств. имени Борухъ, очень распространеннаго у евреевъ.

бэ́бухи внутренности, евр. подушки. Чему соотвѣтствуетъ, не знаю. Есть у поляковъ—bebech.

га́манъ презрѣнный человѣкъ, отъ собств. имени Аманъ, евр. Homen.

гарми́даръ страшный шумъ. Передѣлано евреями нѣм. her nieder. Карловичъ. Słownik wyrazów..., 205.

гимо́ры (съ g) хитрость, отъ евр.-нѣм. gemore часть Талмуда, содержащая толкованія.

гой прозваніе христіанъ евреями изъ евр.-нѣм. goj.

даба́ра пустословъ, евр. daber.

дзи́бацъ, ци́брицъ красть отъ нѣм. Dieb черезъ евреевъ. Носовичъ. Маценауеръ (150) приводитъ производныя отъ дыбати, которыя имѣютъ значеніе тайно итти; они находятся въ связи съ гот. thiubjô тайно и съ нѣм. dieben.

каба́лы пасьянсъ изъ евр. kabbālāh мистич. толкованіе теологіи.

кага́лъ еврейское дух. общество, толпа, евр. kahał.

капца́нъ оборвышъ, выпачканный, евр.-нѣм. kabzen собирать милостыню.

кошеръ чистая пища, допускаемая къ употребленію евреями; отсюда кошерный, коше́рицъ—все относительно евреевъ, евр. kāšer.

ку́гелъ изв. кушанье еврейское, евр.-нѣм. kugel то же, что нѣм. Gugelhupf.

кум-ге́ръ, кумаге́ръ приглашеніе итти, изъ евр.-нѣм. kumaher, нѣм. komme her.

ма́херъ: шахеръ-махеръ, обманщикъ, плутъ, евр.-нѣм. macher. „Махлевацъ“ конечно сюда не относится.

маца́ еврейскіе пасхальные опрѣсноки, евр.-нѣм. maze.

нэ́мацъ воровать отъ нѣм. nehmen черезъ евреевъ.

пэ́йсахъ пасха евр., отсюда пэйсахо́вка водка, приготовленная для пасхи, евр. pejsach.

пэйсъ пучекъ волосъ на вискахъ у евреевъ изъ евр. pejes.

ра́бинъ раввинъ, евр. rebe.

раздаба́ра говорунъ, бѣлорусское новообразованіе къ даба́ра, см. раньше (стр. 172).

ребо́хи плутовскіе доходы изъ евр.-нѣм. rewach прибыль; *б* зашло подъ вліяніемъ „рабовацъ“.

слимаза́рникъ пачкунъ отъ евр.-нѣм. schlimasel злая судьба. Въ бѣлорусскомъ скорѣе новообразованіе съ осмысленіемъ.

та́лесъ извѣстная еврейская мантія, евр.-нѣм. tales.

трефъ нечистое, евр.-нѣм. trejf нечистый по закону, отсюда стрефицъ.

фанабе́рія и производныя отъ евр.-нѣм. fajne красивый и berje хватъ, мастеръ.

фа́рфоли извѣстное еврейское кушанье, евр.-нѣм. farfel.

хала́ пшеничная булка, извѣстнымъ образомъ спеченная, евр.-нѣм. chale.

хавру́съ товарищество, евр.-нѣм. chawruse.

цымасъ извѣстное кушанье, евр.-нѣм. zimes.

ша́басъ, ша́башъ евр.-нѣм. schabes.

ша́херъ (махеръ) плутъ, нѣм. воровское изъ еврейскаго sachern покупать, обманывать. Глаголъ „шахирить" шарить.

Такимъ образомъ еврейскія заимствованія касаются лишь еврейскаго быта и обихода въ обширномъ смыслѣ слова, а общаго характера не имѣютъ. Лишь цибрицъ, кабалы, капцанъ, шахеръ-махеръ, слимазарникъ, фанаберія, хаврусъ имѣютъ общее употребленіе.

Страшный *татарскій* погромъ, разразившійся надъ восточной и южной Русью, только отчасти коснулся нѣкоторыхъ восточныхъ и отчасти сѣверо-восточныхъ окраинъ западной Руси; вслѣдствіе этого она не испытала на своемъ языкѣ того вліянія, которое въ словарной части замѣтно въ Московской Руси. Однакоже нельзя сказать, чтобы татарское, или точнѣе тюрко-татарское вліяніе совершенно-таки не коснулось западной Руси, а затѣмъ Литвы. Татары, хотя и не въ роли побѣдителей, были извѣстны и здѣсь. Нѣсколько тысячъ татарскихъ плѣнныхъ было поселено въ Литовскомъ государствѣ еще при Витовтѣ. Бѣлоруссы постоянно были въ сношеніи съ малоруссами, которые непосредственно сталкивались съ народами тюрко-татарскаго племени; въ подобномъ же положеніи были и поляки по отношенію къ办 켜 쳐 уграмъ и отчасти туркамъ. Все это естественно способствовало тому, что нѣсколько тюрко-татарскихъ словъ могло попасть и въ бѣлорусское нарѣчіе. Нѣкоторыя восточныя слова отъ разныхъ кочевниковъ могли зайти въ бѣлорусское нарѣчіе изъ общерусскаго языка еще и до прихода татаръ, даже, быть можетъ, до образованія русскаго государства. Далѣе, они могли быть занесены еще и цыганами, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ м. Мирѣ Новогрудскаго у. Минской губ., жили большими массами и имѣли даже своего короля. Наконецъ, восточныя заимствованія могли зайти въ бѣлорусскую рѣчь и послѣ возсоединенія западныхъ областей съ восточными въ XVIII столѣтіи уже изъ рѣчи великорусской.

Вотъ эти слова [1]):

андара́къ юбка, больше шерстяная, въ разныхъ мѣстахъ, однако не общебѣлорусское названіе. Слово это извѣстно также полякамъ и литовцамъ (**andarokas—indarokas**). Обыкновенно ставятъ въ связь съ нѣм. **Unterrock**; однако въ виду того, что слова того же происхожденія извѣстны южнымъ славянамъ, да и діалектически великоруссамъ, лучше видѣть здѣсь заимствованіе съ востока: **ȧntéri**, **ȧntare̥** и т. д. **Miklosich: Die türkischen Elemente...**, **Denkschriften**, XXXIV, 248, XXXVII, 5.

небажа́, -жа́та, пріятель, любезный, небо́жъ, небожата племянникъ (ср. Матеріалы для изученія бѣлор. гов., № 12, 88 стр.). Хотя эти слова и напоминаютъ „богъ", однако не менѣе они сходны и съ тюркскимъ бажа, баджа своякъ: Казембекъ, Матер. I, 25.

ба́йда, свая, байда́нъ земля, оставленная для пастбища, байдо́сить бить, сжить со свѣту. Не въ связи ли съ тур. **majdān** площадь?

ба́кацъ многословить, тюрк., **bak**, **baka** (**Denkschr.**, XXXVII, 9). Сюда, вѣроятно, относится и старое польское **bakać**, и бѣлор. и великор. баку́лы (Даль², I, 41), извѣстное и народнымъ польскимъ говорамъ, съ производными: обаку́ливацъ, обаку́ла обманщикъ.

баку́нъ худшій сортъ табаку, тур.-мадьяр. **bago. Matz.**, 102.

баламу́тъ забавникъ, обманщикъ. Хотя подобное слово извѣстно полякамъ, чехамъ, литовцамъ и латышамъ, однако Академическій словарь (102), выводитъ его изъ монгольскаго, гдѣ оно значитъ шаловливый. Ср. еще **Denkschr.**, XXXVII, 9—10.

богаты́ръ въ старину обозначало силача, а теперь только

---

[1]) При написаніи этого отдѣла я пользовался главнымъ образомъ слѣдующими пособіями: а) трудами разныхъ ученыхъ въ „Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики", изд. II Отд. А. Н. Спб. 1854; б) Миклошича: „**Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen**" (**Denkschriften etc. Philosoph.-hist. Cl.**, т. 34, 35, 37 и 38); в) раньше названными работами Маценауера (**C. sl.**), Брюкнера (**Ciw. i ję̨z.**) и извѣстными словарями. Подробный указатель сочиненій по данному предмету имѣется въ **Denkschriften**, XXXVIII, 191—194.

богатаго человѣка. Миклошичъ (Die tür. El., Denkschr., XXXIV, 254, и XXXVII, 9) выводитъ изъ bahadeͦr, монг. baghatur.

ба ры́ шъ выгода, тоже въ малор., тюрк. bareͦš.

балаба́нъ болтунъ и извѣстная фамилія, тур. balâbân. Петровъ, Матер. VI, 83. Mikl., Die türk. El., Denkschr., XXXIV, 255, XXXVII, 10.

буга́й быкъ, тюрк. bûghâ. В. Григорьевъ, Матер. I, 16. Казембекъ ib. 34. Mikl., Denkschr., XXXIV, 267 (buga). Сюда, вѣроятно, относится—буга́нъ скотникъ домовой.

буза́ подо́нки. Извѣстно и полякамъ (buza) и литовцамъ (bùza и bujza жидкая кашица. Юшк. 247). Тур. buza. Ср. Mikl., Denkschr., XXXIV, 269. Можетъ быть, отсюда произведено забуза́ницъ—привести въ замѣшательство.

була́ный татар. Брюкн. Ciwilizacja i język., 131.

булдава́, булава́ татар. (тюрк.) bulava.

бу́селъ—бусый тюркск. buz-boz. Миклошичъ (Denkschr. XXXVII, 16) однако не считаетъ возможнымъ подобное сопоставленіе. Ср. еще „Извѣстія“, VII, за 1902 г., № 2, ст. Меліоранскаго.

во́геръ (чит. vogier) жеребецъ, мал. огеръ, пол. ogier, тюрк. ajgeͦr. Mikl., Denkschr, XXXIV, 243. Сюда же, вѣрно, относится воге́ра хватъ.

гаплю́къ, гапли́къ крючекъ. Казембекъ (Матер. XXIX, 385) сближаетъ это слово съ тюрк. корнемъ ткапмакъ, хотя слова, буквально соотвѣтствующаго по формѣ нашему образованію, онъ не знаетъ.

гарбу́зъ тыква, перс. хэрбюзэ, хэрбюзъ. Казембекъ. Матер. XXIX, 386.

гойда́цца качаться на качеляхъ тюр. hajdé вверхъ.

дуда́ тюрк. düdük' (Denksch. XXXVII, 31).

ду́рень, пол. dureń, тюр. duran.

джу́пло цыганская ногайка—слово цыганское?

ё́лупъ дуракъ, извѣстно и малоруссамъ, изъ татарскаго.

каба́нъ тюрк. kaban. Обычнѣе впрочемъ у бѣлоруссовъ „вепрукъ“ и „парсюкъ“.

кайданы́, кандалы́, тур. kajd, kajda. Mikl. Die t. El., 322. Брюкнеръ, C. i jęz., 130. Мацен. (193) припоминаетъ и ср. лат. candela.

калита́ мѣшокъ особаго рода, тюрк. kaltá мѣшокъ на поясѣ. В. Григорьевъ. Матер. I, 18. Mikl. Die t. El., 324.

калѣ́ка перс. k'alak'. Могло быть заимствовано и не черезъ татаръ.

кандзю́хъ кишки, брюхо, киндзю́къ, извѣстно и малоруссамъ. Восточнаго происхожденія?

канчу́къ, извѣстно мал. и полякамъ (kańczuk), тур. kamče, kančý. Mikl. Denkschr., XXXIV, 325.

капка́нъ сѣть, тюрк. kapkan.

капта́нъ кафтанъ, тур. qaftān., араб. kaftán. Matzen., 3.

капшу́къ, мал. капчукъ, татар. кабчук. Березинъ Матер., XXI, 325, тур. kapčuk.

коўпа́къ колпакъ, пол. kołpak, тюр. kalpak.

комя́га корыто, есть въ малорусскомъ (комяга́) и польскомъ старомъ и народн. (komięga, komiaha — послѣднее конечно отъ бѣлоруссовъ), татар. kemi, kimi лодка. Мацен. (211) однако обращаетъ вниманіе на -ęg-, которое, повидимому, указываетъ на герм. -ing.

коча́нъ, напр. капусты, тюрк. kočan.

кубари́ взятки передѣлка изъ хабаръ, тюр. χabér?

ку́кла завитки во ржи съ цѣлью колдовства, кукла, тюр. kukla.

курга́нъ тюрк. kurkhané.

литавръ, лит. lietauras (Brückn. Die sl. Frem., 23). Миккола (Beiträge zur Kunde der indog. Sp., XXI, 118) не признаетъ литовскимъ; по всей вѣроятности оно восточнаго происхожденія, или передѣлка какого-либо греч. слова.

лю́лька трубка, извѣстно малор. и полякамъ, изъ перс. lula. Шегр. Мат. X, 158.

постолы́ особый видъ лаптей, пол. postoły, изъ тюрк. postal; извѣстно и другимъ народамъ (Denkschr., XXXV, 144).

разбазы́рѣць разбаловаться, въ основѣ перс. bāzār.

рахма́ный кроткій, спокойный, извѣстное и др. нарѣчіямъ,

а также польскому языку, изъ тюрк. **raḥman**, араб. **rachmân misericors**.

т а г а́ н ъ треножникъ, обычнѣе впрочемъ „триножакъ", изъ сѣв. тюрк. **tagan** (**Denkschr.**, XXXVIII, 44). Маценауеръ (34) сравниваетъ его съ греч. τήγανον.

т о в а́ р ъ рогатый скотъ тюрк. **tovar.**

т о́ р б а мѣшокъ, тюрк. **torba.**

т у т у́ н ь табакъ изъ тур. **tütün.**

у ч к у́ р ъ шнурокъ для стягиванія штановъ, тюрк. **učkür**[1]).

х а р ч ъ пища, прокормленіе, тюрк. **χardž.**

х о д з я́ и н ъ хозяинъ, тюрк. **χodža** господинъ.

ч а́ й к а лодка, тоже и въ малор., отъ тур. **kaik** (Мацен., 80). Миклошичъ (**Denkschr.**, XXXV, 162) ставитъ это слово подъ тур. **šajka.**

ч е р г а́ очередь, по всей вѣроятности, тюрк. **čérgé**, имѣющее впрочемъ нѣсколько иное значеніе (Микл. **Etym. Wrb.**, 33). Точнѣе говоря, „череда" измѣнилось въ „черга" подъ вліяніемъ похожаго тюркскаго слова.

ч у г а́ й армякъ изъ тур. **čoha** сукно, венг. **csuha.**

ч у г у́ н ъ чугун. горшокъ изъ тюрк. **čujén.**

ш а́ п к а тур. **šabka.**

Можно указать еще нѣсколько иностранныхъ словъ, которыя невсегда яснымъ для меня путемъ въ разное время зашли въ бѣлорусское нарѣчіе отчасти при посредствѣ общерусскаго и даже общеславянскаго языковъ, напр.

А. Отъ *кельтовъ:*

б о т ъ сапогъ, ср. лат. **bota**, вѣроятно, отъ кельтск. **bottas** башмакъ. Маценауеръ, C. sl., 117.

т ы н ъ, т ы н о́ к ъ, з а т ы н и́ ц ъ, старое заимствованіе у кельтовъ: др. ир. **dun** замокъ, городъ, кельт.-**dunum** (**Lugdunum**); извѣстно и языкамъ германскимъ. Ср. Гротъ. Матер. III, 46; Шафар. Слав. древн., I, кн. II, 206; Мацен. C. sl., 85; Брюкн. C. i język., 14.

---

[1]) Мнѣніе Карловича (O języku litewskim, 324), выводившаго это слово изъ литов. языка, не можетъ быть принято.

Б. Отъ *грековъ:*

ка́дка, каду́шка—бѣлорусское новобразованіе изъ стараго славянскаго кадъ, взятаго изъ греч. **κάδος**, лат. **cadus**.

кила́ грыжа. Это темное слово, повидимому, изъ греч. **κήλη**. Извѣстно оно и др. языкамъ. Ср. Миклош. E. **Wrb.**, 158.

кменъ—кминъ тминъ, пол. **kmin**, мал. кминъ изъ греч. **κύμινον**.

крини́ца родникъ, извѣстное и нѣкоторымъ другимъ слав. языкамъ, изъ греч. **κρήνη**. Ср. еще Шегренъ. Матер. X, 154.

макъ изъ греч. **μήκων**.

ола́дка оладья изъ греч. **ἐλάδια** отъ слова **ἔλαιον**.

хау́ту́ры поминки по усопшемъ изъ греч. **χαρτουλάριον** поминальный списокъ умершихъ. Поляки заимствовали свое **chałtury-chautury** у бѣлоруссовъ (**Słownik**, I, 269).

чабо́ръ въ виду отсутствія носового взято не у поляковъ (**cząber**); происходитъ оно отъ греч. **θύμβρος**.

В. Изъ *латинскаго* (больше средневѣковаго латинскаго):

байстру́къ незаконнорожденный — передѣлка на западнорусской почвѣ ср. лат. **bastardus** (XI в.) Ср. Карловичъ, **Słownik**, 37—38).

бульба картофель, лит. **bùlbė**, польск. нар. **bulba** изъ латин. **bulbus**.

коляда́, ко́ля́ды извѣстный праздникъ изъ лат. **calendae**.

котъ изъ лат. **catus**. См. Мацен. C. **sl.**, 46.

ягня́ барашекъ изъ лат. **agnus**.

Г. Отъ *румынъ:*

бука́тка печеный хлѣбъ, рум. **bucata**.

Д. У какихъ-то народовъ восточной Европы, по Брюкнеру (C. i język., 23), у *даковъ-фракійцевъ* еще въ общеславянскую эпоху взято коно́пли. Ср. также Миклош. **E. Wrb.**, 127.

Е. Отъ *готовъ* и другихъ *германскихъ народовъ въ разное время:*

бе́рка березовый сокъ витеб. изъ нѣм. **Birke**.

б о́ н д а р ъ нѣм. (Fass)binder.

б о́ ч к а старое заимствованіе у нѣмцевъ: ст. верх.-нѣм. batahha, совр. Bottich.

г н и́ д а, исл. nyt, гот. gnett, дат. gnid. Собиновъ. Матер. т. 2, IX, 139.

г у р о́ к ъ огурецъ изъ нѣм. Gurke. Шегр. Матер. X, 149.

к н у т ъ гот. hnuto, шв. knut. Мацен., 43.

к о ц ё л ъ заимств. еще въ общеслав. эпоху изъ гот. katils.

к р у́ п ы крупа—старое, вѣроятно, общеславянское заимствованіе изъ нѣм. Graupe. Брюкн. С. i język., 44.

к у л ь г а́ ц ь хромать, при малор. кульгати, пол. kulhać отъ к у́ л я костыль = нѣм. Keule палка.

л а́ п и к ъ лоскутъ, л а́ п и ц ь класть заплаты, швед. lapp, нѣм. Lappen. Шегренъ, Матер. X, 156.

м е ч ъ гот. meki; ср. Ляпуновъ. Изслѣдов. о языкѣ Син. сп. 1-ой Новг. лѣт., 70.

п а́ с м а швед. pasma мотокъ. Гротъ. Матер. III, 41.

п и л а́ гот. fila. Брюкн. С. i język., 26.

р е м е́ н ъ старое заимствованіе у нѣмцевъ: ст. вер.-нѣм. riumo, Ср. Брюкн. С. i język., 44.

с т а л ъ, нѣм. Stahl.

Другія заимствованія, больше общеславянскія и общерусскія, списокъ которыхъ немалъ, разсмотрѣны у Маценауера: „Cizí slova“.

ГЛАВА VI.

ВОЗСОЕДИНЕНІЕ БѢЛОРУССІИ СЪ ОБЩЕРУССКОЙ ЖИЗНЬЮ. КОЛИЧЕСТВО БѢЛОРУССОВЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ И ИХЪ НАРОДНЫЕ ГОВОРЫ.

Соловейко, родный брацикъ мой,
А зезюлька, родна сестронка мнѣ:
Чи не были вы ў моей сторонѣ?
Чи не тужиць моя матка по мнѣ?
—„Тужиць, плаче, убиваецца,
Што дзень, ночь, сподзѣваецца“.
Еще бо я не родзилася,
Лиха доля прикоцилася;
Еще бо я ў пелюшкахъ лежала,
Лиха доля за ноженьки дзержала;
Еще бо я коло лаўки ходзила,
Лиха доля за рученьки водзила.

Изъ бѣлор. народной пѣсни.

Историческая, народная тяга западной Россіи къ восточной сказывалась въ многочисленныхъ случаяхъ даже тогда, когда эта западная Россія находилась подъ чужою властью, — литовской, польской, и шла, повидимому, въ совершенно противоположную сторону... Можно сказать со всею справедливостью, что въ строеніи русскаго государства, русскаго языка и русской литературы трудились всѣ русскіе, и съ востока и съ запада. Отъ того это строеніе и вышло такимъ большимъ и такимъ крѣпкимъ.

М. Кояловичъ: Чтенія по ист. зап. Россіи.

Находясь подъ властью Литвы, западная Русь окончательно объединилась во второй половинѣ XVI вѣка съ Польшей и тѣмъ была поставлена во враждебное отношеніе къ Руси Московской; однако этимъ не были совершенно уничтожены внутреннія связи между названными частями русскаго народа: духовное общеніе, а иногда и внѣшнія отношенія хотя и въ слабой степени поддерживались. О взаимномъ родствѣ

напоминали даже, какъ это ни странно, войны, которыя очень часто велись сначала между Литвой и Русью, а затѣмъ между Польшей и Русью, особенно въ XVII вѣкѣ. Съ самаго же начала образованія Литовскаго государства сюда нерѣдко устремлялись русскіе бѣглецы, по всей вѣроятности начиная отъ татарской эпохи и до послѣднихъ дней самостоятельнаго существованія Речи Посполитой. Особенно часты бывали побѣги изъ Москвы во времена Ив. Грознаго, Бориса Годунова и въ послѣдовавшую затѣмъ эпоху самозванцевъ. Бѣжали въ Литву лица, недовольныя московской властью, а также разные раціоналисты — еретики жидовствующіе и преимущественно при Никонѣ и послѣ него раскольники. Выселеніе послѣднихъ въ Литву было особенно значительно. Селились они главнымъ образомъ въ губ. Могилевской (Вѣтка), Витебской, Сувалкской и кое-гдѣ въ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ они были хорошіе плательщики податей, то польскія власти не преслѣдовали ихъ; лишь послѣ возсоединенія Бѣлоруссіи съ имперіей начали предприниматься противъ нихъ разныя репрессаліи. Несмотря однако на всѣ мѣры, направленныя противъ нихъ, число великоруссовъ-раскольниковъ въ западной Руси оказалось значительное. Въ 1881 году въ разныхъ уѣздахъ Могилевской губерніи ихъ числилось 16.753 человѣка [1]), въ 1902 году 28.516 чел. [2]), а въ прежнее время, напр. въ 1735 году [3]) количество ихъ доходило до 40.000. Въ Витебской губерніи въ 1894 г. единовѣрцевъ было 5,486 чел., старообрядцевъ 86.149 душъ, всего 91,635 человѣкъ [4]). Въ Сувалкской губерніи великоруссовъ, изъ которыхъ большинство раскольники, по свѣдѣніямъ 1888 года было около 6.000 чел. [5]). Есть въ незначительномъ количествѣ раскольники и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи (въ Вил. губ. 24.193, въ Мин. губ. 16.825, не говорю уже о Ковенск. губ. гдѣ ихъ въ 1902 г. было 27.506. Ср. „Виленскій Календарь“ на 1903 г.).

---

[1]) Дембовецкій: Опытъ описанія Могилевской губерніи, I, 665.
[2]) „Могил. Губ. Вѣдомости“ 1903 г. № 52, часть неоффиціальная.
[3]) Демб.: Опытъ опис., I, 659.
[4]) Романовъ: Матеріалы по исторической топографіи Витебской губ., 60.
[5]) Вольтеръ: Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губ., Спб. 1901, 308.

Съ конца XVII вѣка началось постепенное возсоединеніе съ восточной Россіей литовско-русскихъ областей. Уже по Андрусовскому договору 1667 г., подтвержденному актомъ вѣчнаго мира 1686 года, къ Москвѣ переходитъ Смоленское воеводство съ г. Невелемъ, Себежемъ и Велижемъ, а также Черниговское воеводство. Впрочемъ остальныя области еще болѣе ста лѣтъ были подъ властью Польши и соединились съ общерусской жизнью лишь послѣ извѣстныхъ раздѣловъ Польши. Въ 1772 году къ Россіи отошли воеводства Мстиславское, Могилевское, часть Полоцкаго и часть Минскаго — область, лежащая къ сѣверовостоку отъ Зап. Двины и къ востоку отъ Витебска, р. Березины и Днѣпра (первый раздѣлъ Польши). По второму раздѣлу 1793 года Россія получила среднюю часть сѣверозападнаго края по г. Двинскъ, захватывая затѣмъ въ русскую область Минскъ, Несвижъ и до Пинска. Третій и послѣдній раздѣлъ 1795 г. возсоединилъ съ Россіей остальную часть Бѣлоруссіи, лежащую въ губерніяхъ Гродненской, Виленской и Ковенской. Лишь небольшая часть бѣлоруссовъ, жившая около Бѣлостока и къ западу отъ Нѣмана въ Сувалкской губ., около 40.000 человѣкъ, нѣкоторое время оставалась за Пруссіей, но и они затѣмъ въ XIX вѣкѣ соединилась съ своей общей родиной.

Возсоединеніе бѣлоруссовъ съ общерусской жизнью, а послѣ церковнаго акта 1839 г. и съ церковью было причиной усиленія великорусскаго элемента въ западныхъ областяхъ. Особенно сильный приливъ русскихъ началъ въ край сдѣлался послѣ польскаго возстанія 1863 года, когда разыгравшіяся на аренѣ Бѣлоруссіи политическія событія заставили русскихъ вспомнить о своемъ забытомъ дѣтищѣ. Устройство освобожденныхъ крестьянъ, насажденіе просвѣщенія при посредствѣ народной школы, общая воинская повинность — требовали новыхъ и новыхъ приливовъ разныхъ дѣятелей изъ внутренней Россіи. Все это, начиная съ бѣжавшихъ сюда раскольниковъ и оканчивая администраціей и школой послѣдняго времени, не могло не отразиться и на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Оно постепенно теряетъ чуждые ему западные элементы, осо-

бенно заимствованія изъ польскаго языка, замѣняя ихъ общерусскими словами. Этотъ процессъ замѣтно совершается на нашихъ глазахъ. Такъ восточная и сѣверная окраины Бѣлоруссіи сильно поддались великорусскому вліянію: бѣлорусскія особенности сказываются здѣсь часто лишь въ отдѣльныхъ словахъ. Или возьмемъ „Словарь бѣлорусскаго нарѣчія“ И. И. Носовича, вышедшій 34 года тому назадъ (1870 г.) и зарегистрировавшій главнымъ образомъ заимствованія изъ польскаго; въ настоящее время для молодыхъ бѣлоруссовъ онъ представляетъ, съ одной стороны, множество непонятныхъ словъ, какъ вышедшихъ уже изъ употребленія, а съ другой—не имѣетъ многихъ словъ, которыя теперь въ ходу. Слова, общія съ русскими литературными, не вошли въ него по принципу. Языкъ церкви, а также довольно архаическая рѣчь раскольниковъ съ богатымъ запасомъ церковнославянщины стали прививать бѣлорусской рѣчи и элементы церковнославянскіе, которые почти совсѣмъ утратились въ ней за время литовскаго и польскаго господства. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, достаточно хотя бы бѣгло просмотрѣть „Бѣлорусскій сборникъ“ Е. Р. Романова, составленный изъ записей, сдѣланныхъ главнымъ образомъ въ Могилевской и Витебской губерніяхъ, гдѣ и раскольниковъ много, да и давность общей русской жизни бо́льшая. И что особенно странно, славянизмы попадаются здѣсь иногда даже въ фонетикѣ (ср. нерѣдкія у Романова— отвѣща́въ, цилиса́ (тѣлеса), градъ, чадо, пярста́мъ, млады́, не говоря уже о такихъ чистыхъ великоруссизмахъ, какъ, напр., возлю́бленный, пріукра́сной, распра́шавацъ, дзѣстви́цялно, нельзя́, потъ сохране́ніемъ, пло́щадзъ, дзе́ньги, зави́сицъ, явля́етца, пожа́луста, ду́ра, ле́нты, шкапъ, сце́клы, прови́зія, сунду́къ, даляко́, тяпе́рыча, учицеля́, приказа́ли, обядзи́цялно, юношъ, господа́ и т. д. См. мой отзывъ въ Ж. М. Н. Пр. 1902 г., окт., 421). Въ такомъ состояніи оказалась бѣлорусская народность и ея языкъ на порогѣ XX столѣтія, когда приняты мѣры къ окончательному сравненію ея съ господствующимъ классомъ населенія.

Прежде чѣмъ итти дальше, намъ слѣдуетъ еще вернуться къ самому началу. Мы видѣли, какую площадь занимаютъ въ настоящее время бѣлоруссы; знаемъ въ общихъ чертахъ ихъ историческую судьбу, составъ языка и отчасти народности; знакомы съ сосѣдями. Для вполнѣ рельефной обрисовки современнаго положенія бѣлоруссовъ остается еще коснуться статистическихъ данныхъ относительно населенія западныхъ губерній вообще, количества собственно бѣлоруссовъ, какъ народности, количества ихъ по вѣроисповѣданіямъ и по отношенію къ живущимъ вмѣстѣ съ ними другимъ народностямъ. Къ сожалѣнію, большинство данныхъ этого рода намъ придется брать изъ вторыхъ рукъ. Въ основу будутъ положены свѣдѣнія переписи 28 января 1897 года, насколько послѣднія обнародованы. Мы беремъ нижеслѣдующія цифры изъ Энциклопедич. словаря Брокгауза и Эфрона, а также изъ „Виленскаго Календаря" на 1903 г., статистическія данныя котораго обыкновенно основываются на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ, и изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ. Другія пособія укажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Всего населенія въ бѣлорусскихъ губерніяхъ:

Названіе губерній	По переписи 1897 г. обоего пола			Къ 1 янв. 1903 г.
	въ городахъ	въ уѣздахъ	всего въ губерніи	всего въ губерніи
Виленская	201.867	1.390.045	1.591.912	1.751.565
Витебская	219.070	1.283.846	1.502.916	1.620.541
Гродненская . . .	252.015	1.365.844	1.617.859	1.678.000
Минская	228.186	1.927.937	2.156.123	2.426.357
Могилевская . . .	147.864	1.560.177	1.708.041	1.918.069
Смоленская . . .	121.383	1 429.685	1 551.074	1.671.074
Всего . .	1,170.385	8.957.534	10.127.925	11.065.606

Приведенныя цифры оченъ неточны и нуждаются въ поправкахъ.

Виленская губ., кромѣ бѣлоруссовъ, населена еще литовцами, въ городахъ большею частью евреями, имѣетъ незначительный процентъ татаръ, поляковъ и великоруссовъ-раскольниковъ. Слѣдуетъ поэтому отнять число этихъ постороннихъ

народностей. Однако количество лишь нѣкоторыхъ мы можемъ опредѣлить болѣе или менѣе точно. Именно: „великоруссовъ-раскольниковъ“ по „Вилен. Календарю“ 1903 г. 24.193. Евреями можно посчитать $^3/_4$ населенія городовъ и большихъ мѣстечекъ, всего около 244.637 чел. Литовцы занимаютъ почти весь Трокскій уѣздъ—около 200.000, половину Виленскаго—около 70.000, около $^1/_3$ Свенцянскаго и Лидскаго — приблизительно 115.000; есть еще литовцы кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ губерніи—около 15.000. Такимъ образомъ всего литовцевъ почти 400.000—больше 25%, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и территоріи, занятой ими. Отнимемъ еще около 3.300 караимовъ и около 3.000 другихъ народностей, и всего бѣлоруссовъ въ *Виленской* губерніи окажется 1.751,565 — 675.130 = *1.076.435* человѣкъ.

Въ Витебской губерніи изъ общаго количества населенія слѣдуетъ отнять прежде всего латышей, которые занимаютъ почти 3 уѣзда, т.-е. Двинскій, Рѣжицкій и почти весь Люцинскій — около 497.120 чел., далѣе великоруссовъ-старообрядцевъ (раскольниковъ и единовѣрцевъ), которыхъ въ бѣлорусскихъ уѣздахъ оказывается (по свѣдѣніямъ 1894 г. у Романова: Матеріалы etc.) 13.691 чел.; евреевъ въ тѣхъ же уѣздахъ было 109.477; нѣмцевъ (лютеране) 5.969; татаръ-магометанъ около 200 чел.; всѣ эти инородные элементы (129.017) за 9 лѣтъ до 1903 г. значительно возрасли; прибавивъ приростъ населенія Витебской губерніи (1,53%) за 9 лѣтъ 17.766, получимъ небѣлоруссовъ около 643.903 [1]). Такимъ образомъ бѣлоруссовъ въ *Витебской* губерніи окажется 1.620.541 — 643.903 = *976.638* человѣкъ.

Въ Гродненской губерніи только половина всего пространства населена бѣлоруссами. Кромѣ того, здѣсь въ городахъ много евреевъ (около $^3/_4$) и отчасти нѣмцевъ; есть на западныхъ окраинахъ поляки. Вслѣдствіе сказаннаго изъ общей цифры населенія Гродненской губ. въ 1897 году прежде все-

---

[1]) Въ „Вилен. Кал.“ 1903 г. цифры небѣлоруссовъ другія, такъ какъ имѣются въ виду всѣ уѣзды губерніи, именно: раскольниковъ — 87.103, евреевъ — 168.048, протестантовъ-нѣмцевъ и отчасти латышей—39.948, магометанъ—2.119.

го исключимъ $^3/_4$ населенія городовъ и мѣстечекъ въ количествѣ 189.010. Затѣмъ выдѣлимъ населеніе небѣлорусскихъ уѣздовъ (безъ городовъ) въ количествѣ около 650.000. Такимъ образомъ бѣлоруссовъ въ *Гродненской* губ. по свѣдѣніямъ 1897 г. окажется 1.617.859 — 839.010 = 778.849. Прибавивъ сюда приростъ (1,63%) за 5 лѣтъ 82.791, получимъ всего *861.640* человѣкъ.

Въ Минской губ. очень большое количество слѣдуетъ отдѣлить на евреевъ — болѣе 363.504: кромѣ, можно сказать, сплошного городского населенія, они еще въ многочисленныхъ мѣстечкахъ; далѣе въ уѣздахъ не бѣлорусскихъ — Пинскомъ и меньшей части Мозырскаго — около 290.000 чел., великоруссовъ-раскольниковъ 16.825, нѣмцевъ-протестантовъ 6.085 и татаръ-магометанъ 4.874. Такимъ образомъ всего бѣлоруссовъ въ *Минской* губерніи 2.426.357 — 671.288 = *1.755.069* человѣкъ.

Количество бѣлоруссовъ въ Могилевской губерніи можно опредѣлить, принявъ въ расчетъ цифры, опубликованныя въ № 52 „Могил. Губ. Вѣд." за 1903 г. Если изъ общаго числа населенія губерніи отнимемъ великоруссовъ - раскольниковъ 28.516 чел., евреевъ 230.197, цыганъ около 1,500, нѣмцевъ-протестантовъ 6.292, татаръ-магометанъ 268 чел., единовѣрцевъ 193 чел., кое-гдѣ великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ-шляхту, то окажется, что бѣлоруссовъ въ *Могилевской* губерніи 1.918.069 — 268.000 = *1.650.069* человѣкъ.

Количество бѣлорусскаго населенія Смоленской губерніи довольно точно опредѣляется въ „Обзорѣ Смоленской губ. за 1901 г." Смоленскъ. 1902 г. (всеподданнѣйшій докладъ губернатора). Здѣсь въ бѣлорусскихъ уѣздахъ, за исключеніемъ городскаго населенія, показано 920.042 чел. Если прибавить сюда за два года приростъ населенія (1,51%) — 27,784, то получимъ бѣлоруссовъ въ *Смоленской* губерніи *947.826* человѣкъ. Это число довольно близко къ дѣйствительности, такъ какъ и въ городахъ есть бѣлоруссы, но, съ другой стороны, и великоруссы имѣются по селамъ въ бѣлорусскомъ районѣ, особенно около желѣзныхъ дорогъ. Эта цифра не далеко будетъ

отъ той, которою опредѣлялось число бѣлоруссовъ въ Смол. губ. въ 1860 г. (1.122.000). Ср. Живоп. Россія. III, 442. Статья С. Максимова. Число бѣлоруссовъ въ Смолен. губ. конечно понемногу уменьшается.

Какъ было сказано въ первой главѣ, поселенія бѣлоруссовъ названными мѣстами не ограничиваются. Такъ мы имѣемъ ихъ въ зап. части Масальскаго и Жиздринскаго уѣздовъ Калужской губ. Не считая городского населенія, указанные уѣзды имѣютъ всего жителей 410.292 чел. Отдѣливъ на долю бѣлоруссовъ хотя бы $^1/_{10}$, получимъ всѣхъ бѣлоруссовъ въ *Калужской* губерніи — *41.029* чел.

Въ *Ковенской* губерніи, населенной главнымъ образомъ литовцами, нѣмцами, евреями, къ бѣлоруссамъ относятся почти всѣ православные и лишь немного католиковъ; православныхъ по „Виленскому Календарю" на 1903 г. 44.124; къ нимъ присоединимъ изъ Красногорской, Слободской волости и другихъ мѣстъ (ср. стр. 6—7, выноска) болѣе 15.000 католиковъ-бѣлоруссовъ. Такимъ образомъ всего ихъ окажется до *60.000* человѣкъ, почти $^1/_3$-ья часть населенія Новоалександровскаго уѣзда, что соотвѣтствуетъ и территоріи, занятой бѣлоруссами.

О количествѣ бѣлоруссовъ Иллукстскаго уѣзда *Курляндской* губерніи имѣются у насъ довольно точныя свѣдѣнія: православныхъ бѣлоруссовъ по свѣдѣніямъ 1902 г. было 5.981 чел. и католиковъ до 15.000, всего *20.981* чел.

Довольно неопредѣленны наши свѣдѣнія о количествѣ бѣлоруссовъ въ *Орловской* губерніи. Бѣлоруссы, несомнѣнно, есть здѣсь хотя и въ незначительныхъ остаткахъ въ уѣздахъ Брянскомъ и Трубчевскомъ. Въ Акулицкой и Лутенской волостяхъ въ 1902 году бѣлоруссовъ было 15.128 чел. Въ Семецкомъ и Котовскомъ приходахъ около 5.000. Если на долю бѣлоруссовъ отнести хотя бы $^1/_8$ негородского населенія названныхъ уѣздовъ, то всѣхъ бѣлоруссовъ здѣсь окажется около *38.484* человѣкъ.

Въ Псковской губерніи вслѣдствіе смѣшанныхъ говоровъ трудно точно провести границу между великоруссами и бѣлоруссами, но южныя части уѣздовъ Великолуцкаго, Торопецка-

го и Опочецкаго, несомнѣнно, бѣлорусскія. Отнеся на долю бѣлоруссовъ хотя бы $^{1}/_{8}$ часть этихъ уѣздовъ, не считая городского населенія, получимъ въ *Псковской* губ. всѣхъ бѣлоруссовъ около *42.400* чел.

Въ *Сувалкской* губ., по матеріаламъ, изданнымъ Вольтеромъ („Списки насел. мѣстъ Сув. губ.“ Спб. 1901 г.), всего бѣлоруссовъ *22.390* чел. Это по свѣдѣніямъ 1888 г., но можно думать, что и теперь ихъ столько же, такъ какъ здѣсь вообще сильно ополяченіе бѣлоруссовъ. По свѣдѣніямъ 1864 г. (Риттихъ: Прибавленіе къ матер. по этногр. Цар. Польскаго, 16) бѣлоруссовъ было здѣсь 23.759 чел.

Данныхъ, на которыхъ можно бы обосновать свои сужденія о современныхъ бѣлоруссахъ *Тверской* губерніи, мы тоже не имѣемъ. Поэтому удовольствуемся сообщеніями прежняго времени (Живоп. Россія, III, 445, гдѣ перепечатаны свѣдѣнія 1854 г. изъ книги Преображенскаго: „Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи“), по которымъ всѣхъ бѣлоруссовъ Тверской губ. до *125.000*. Естественный прироств населенія покрылся, несомнѣнно, обрусѣніемъ ихъ. Полагаю, что и такого количества ихъ не наберется.

Въ Черниговской губерніи почти весь Городнянскій, Новозыбковскій, Суражскій, Мглинскій, Стародубскій и часть Новгородъ-Сѣверскаго уѣздовъ населены бѣлоруссами. Выдѣливъ въ этихъ уѣздахъ все городское населеніе, какъ состоящее въ большинствѣ случаевъ изъ евреевъ и малоруссовъ, не принявъ также въ расчетъ населенія части Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, мы получимъ всѣхъ бѣлоруссовъ въ *Черниговской* губерніи около 755.787. Выдѣливъ отсюда еще 55.787 на разные неопредѣленные говоры (переходные), получимъ чистыхъ бѣлоруссовъ *700.000* человѣкъ.

Если теперь свести воедино всѣ разсмотрѣнныя данныя, то окажется, что къ 1903 году бѣлоруссовъ было въ —

Виленской губ.	1.076.435
Витебской губ.	976.638
Гродненской губ.	861.640

Калужской губ.	41.029
Ковенской губ.	60.000
Курляндской губ.	20.981
Минской губ.	1.755.069
Могилевской губ.	1.650.069
Орловской губ.	38.484
Псковской губ.	42.400
Смоленской губ.	947.826
Сувалкской губ.	22.390
Тверской губ.	125.000
Черниговской губ.	700.000
Всего . .	8.317.961

Если принять во вниманіе, что почти вездѣ мы старались брать лишь минимумъ и не посчитали бѣлоруссовъ, выселившихся изъ своей родины въ Сибирь и др. мѣста,—то всѣхъ бѣлоруссовъ въ настоящее время придется считать около 8½ мил.

Большинство бѣлоруссовъ по религіи православные, но въ западныхъ окраинахъ имѣются и католики; однако точно опредѣлить цифру послѣднихъ при имѣющихся пособіяхъ не возможно, такъ какъ, напр., въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Витебской и отчасти Гродненской въ составъ католическихъ приходовъ входятъ, кромѣ бѣлоруссовъ, еще литовцы, латыши и поляки. Для соображеній мы все-таки перепечатаемъ таблицу населенія по вѣроисповѣданіямъ изъ „Вилен. Календаря“ за 1903 г., поправивъ лишь цифру Могил. губерніи.

Губерніи	Православнаго.	Раскольниковъ.	Р.-католиковъ.	Протестантскаго.	Армяно-грегоріанск.	Іудейскаго.	Магометанскаго.
Виленская . .	432.090	24.193	1.017.939	2.879	10	247.937	3.913
Ковенская . .	44.124	27.506	1.180.822	60.682	4	305.477	1.693
Гродненская .	892.206	—	419.871	11.409	—	305.885	2.274
Минская. . .	1.747.950	16.825	241.480	6.085	—	363.504	4.874
Витебская . .	913.543	87.103	386.925	39.948	1	168.048	2.119
Могилевская .	1.594.046	28.516	58.546	6.292	108	230.197	268

Въ губерніяхъ Калужской, Орловской, Псковской, Смоленской, Тверской и Черниговской почти всѣ бѣлоруссы православные; въ Курляндской и Сувалкской въ значительномъ большинствѣ католики. Въ Виленскомъ Учебномъ Округѣ въ 1903 г. учащихся было: православныхъ 70%, католиковъ 24,9%, остальныхъ исповѣданій 5,1%.

Переходимъ къ вопросу *о бѣлорусскихъ говорахъ*. Мы видѣли, на какомъ большомъ пространствѣ разбросаны бѣлоруссы, и какія племена вошли въ составъ ихъ. Естественно, что въ разныхъ мѣстахъ бѣлорусская рѣчь, будучи въ основныхъ чертахъ одной и той же, въ подробностяхъ неодинакова.

Нѣкоторое различіе, наблюдаемое въ бѣлорусскихъ говорахъ, бросалось въ глаза уже первымъ изслѣдователямъ этого нарѣчія, и такъ или иначе они старались группировать ихъ. Однако, чтобы подобную группировку произвести правильно, нужно было имѣть для этого необходимыя данныя, которыя можно почерпнуть только изъ непосредственнаго знакомства съ нарѣчіемъ. Сборники народныхъ произведеній большею частью не наблюдаютъ строго діалектическихъ различій. Такимъ образомъ оставался лишь личный опытъ наблюдателя или подготовительные матеріалы цѣлаго ряда изслѣдователей. Въ „Обзорѣ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“ (М. 1886 г.), 13—17, я остановился только на формѣ 3 л. ед. ч. (*-е* или *-ець*) и лишь отчасти привлекъ другія черты. Очень важную особенность при рѣшеніи вопроса о бѣлорусскихъ говорахъ — твердость или мягкость *р* — я выпустилъ изъ виду, такъ какъ, не располагая въ 1884 г. подходящими пособіями, не зналъ о томъ, что сѣверовосточнымъ бѣлорусскимъ говорамъ свойственно *р* мягкое. Иначе взглянуть на дѣло заставили новые матеріалы, изданныя въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ Е. Р. Романова, и теоретическая статья о бѣлорусскихъ говорахъ въ предисловіи къ 3-му выпуску (Витебскъ, 1887 г., стр. XIV — XVI). Тутъ замѣтно стремленіе внести порядокъ въ распредѣленіе говоровъ Могилевской губерніи. Развитіемъ данныхъ,

собранныхъ въ указанной книгѣ, и дополненіемъ ихъ свѣдѣніями по Витебской губерніи служитъ другая книга Романова: „Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи“ (Могилевъ, 1898). Здѣсь (стр. 67—76) отмѣчается три группы бѣлорусскихъ говоровъ Витебской губерніи и распространеніе ихъ въ сосѣдней Могилевской. По наблюденіямъ г. Романова, а также г-жи З. Радченко („Гомельскія народныя пѣсни“. Спб. 1888. Записки И. Геогр. Общ., XIII, вып. II, стр. IX), разные говоры Могилевской губерніи имѣютъ сходные и въ Черниговской. Послѣдніе довольно обстоятельно разсмотрѣны въ VII томѣ „Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западнорусскій край“ Чубинскаго, стр. 483—492 и ниже записи изъ разныхъ мѣстъ. Въ этомъ томѣ „Трудовъ“ и въ другихъ мѣстахъ приводятся данныя по полѣсскимъ бѣлорусскимъ говорамъ (лежащимъ къ сѣверу отъ Припяти). Однако у Чубинскаго часто не отличаются южные полѣсскіе говоры отъ сѣверныхъ, вслѣдствіе чего не всегда можно имѣть вѣрное понятіе о южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ. Значительно помогаетъ намъ разобраться въ вопросѣ о югозападныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, а также о западныхъ собраніе М. Федеровскаго: „Lud białoruski“ (Краковъ, 1897, 1902); здѣсь, кромѣ изданія матеріаловъ, имѣются еще и теоретическія замѣтки о западнобѣлорусскомъ нарѣчіи (ср. т. II, XIX—XXVIII). Много собрано фактическаго матеріала для сужденія о бѣлорусскихъ говорахъ въ извѣстномъ „Опытѣ русской діалектологіи“ А. И. Соболевскаго. Разныя наблюденія по западнымъ бѣлор. говорамъ сдѣланы и мною во время поѣздокъ по Гродненской и Сувалкской губерніямъ (ср. Р. Ф. В., XXXV, 220—221, и XLVI, 275—279) въ прежнее время и особенно истекшимъ лѣтомъ (1903 г.) по разнымъ мѣстамъ Бѣлоруссіи. У А. А. Шахматова („Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“. Спб. 1899, изъ Ж. М. Н. Пр., напр. стр. 56—58) сдѣланы попытки исторически обосновать раздѣленіе бѣлорусскаго нарѣчія на говоры.

Пользуясь указанными пособіями и наблюденіями, мы

приходимъ къ заключенію, что разные бѣлорусскіе говоры отличаются другъ отъ друга въ слѣдующихъ отношеніяхъ: а) въ той или другой степени твердости *р*, б) въ качествѣ смягченія основныхъ *д* и *т*, стоящихъ передъ умягчительными гласными, в) въ удержаніи въ неизмѣнномъ видѣ или же въ смѣшеніи основныхъ русскихъ *ч* и *ц*, г) въ приставкѣ передъ начальнымъ *о* и отчасти *у* звуковъ *в* или *г* = *h*, д) въ томъ или другомъ видѣ замѣны основныхъ *а—о—е*, въ той или другой степени и качествѣ аканья, е) въ употребленіи дифтонговъ или отсутствіи ихъ, ж) въ употребленіи 3 л. ед. числа на *-ць* — *-ть*, или безъ этого окончанія (на *-е*); иногда вмѣсто этихъ окончаній бываетъ *-ти*, з) въ признакѣ возвратнаго и отчасти страдательнаго залога *ся* или *са*. Другія черты въ разсматриваемомъ вопросѣ не имѣютъ рѣшающаго значенія.

Если въ указанныхъ отношеніяхъ разсмотрѣть бѣлорусскую рѣчь разныхъ мѣстностей, то получится слѣдующее. Все бѣлорусское нарѣчіе прежде всего распадается на двѣ большія группы говоровъ, смотря по тому, употребляется ли только одно твердое *р* (вмѣсто общерусскаго *р* и *р́*), или же и твердое и мягкое, какъ и въ рѣчи литературной, при чемъ мягкое *р́* иногда становится и на мѣсто ожидаемаго *р* твердаго. Границу между этими говорами можно провести приблизительно слѣдующимъ образомъ: начавъ отъ Корсовки (станція С.-Пб.-Варш. ж. д.) къ юговостоку — около Себежа, Городка, Витебска, Горокъ, Чаусъ, Пропойска, черезъ р. Бесѣдь къ границѣ Черниговской губ., здѣсь почти по границѣ Гомельскаго уѣзда къ Новозыбкову и далѣе на юговостокъ до границы бѣлорусской области. Такимъ образомъ получается двѣ группы бѣлорусскихъ говоровъ: западная, или точнѣе — югозападная — твердоэрая и сѣверовосточная — мягкоэрая. Въ той и другой группахъ можно отмѣтить слѣдующіе говоры. Начнемъ съ группы югозападной, какъ заключающей всѣ типичныя бѣлорусскія особенности.

Если отъ м. Пропойска Могил. губерніи провести нѣсколько ломанную линію на западъ къ Днѣпру, а затѣмъ по этой рѣкѣ подняться почти до Могилева, а дальше въ с.-зап. на-

правленіи до границы Сѣнненскаго уѣзда съ Минской губ. и затѣмъ итти на западъ, южнѣе г. Борисова и далѣе, захватывая отчасти даже Минскій уѣздъ, затѣмъ подняться на сѣверъ къ г. Докшицамъ, а отсюда по направленію къ Свенцянамъ до Бѣлорусской границы, — то съ юга и запада мы очертимъ область, сѣверовосточная граница которой нами уже проведена раньше, а сѣверозападная совпадаетъ съ границей бѣлорусскаго племени, представляющую говоры наиболѣе акающіе: *о* и *е* безударные здѣсь обращаются во всякомъ положеніи въ *а* и *я*; сильно развито дзеканье и цеканье (вм. д̑ и т̑ всегда д̑з и ц̑); *р* во всѣхъ случаяхъ бываетъ только твердое; 3-ье лицо глагола оканчивается только на *-ец̑* и *-иц̑*; отсутствіе ц̑ можетъ быть лишь въ областяхъ пограничныхъ на югѣ и на с.-з., напр. около Себежа, гдѣ можно слышать—берё, бу́дё; *-ся* съ *с* мягкимъ. Этотъ говоръ назовемъ *сильноакающимъ твердоэрымъ*. Если имѣть въ виду не всю совокупность выставленныхъ примѣтъ, а лишь сильное аканье, то отмѣченную границу въ Могилевской губерніи придется опустить почти до Гомеля, Рогачева, въ Минской губерніи до Игумена и Минска и затѣмъ продолжить ее по направленію къ г. Вилейкѣ и Свенцянамъ.

Отличительныя особенности всѣхъ остальныхъ говоровъ, лежащихъ отъ указанной группы къ югозападу, это умѣренное аканье, переходящее даже на малороссійской границѣ въ оканье; говоръ этотъ характеризуется отсутствіемъ въ 3-мъ лицѣ ед. ч. глаголовъ съ основами на *-о* — *-е*, особенно подъ удареніемъ, окончанія *-цъ* — *-тъ*. Здѣсь можно отмѣтить слѣдующіе подговоры.

Чисто-бѣлорусскій умѣренно акающій. Если начать отъ Новозыбкова и вести границу на западъ по южнымъ частямъ Гомельскаго уѣзда, Бобруйскаго, Слуцкаго, Новогрудскаго на Слонимъ, Волковыскъ и далѣе на сѣверозападъ до устья Ротничанки (Друскеники), а затѣмъ по сѣверозападной границѣ бѣлорусскаго племени, то мы болѣе или менѣе точно опредѣлимъ границу этихъ говоровъ. Отличительный ихъ признакъ— умѣренное аканье, состоящее въ томъ, что въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія къ началу и непосредственно стоящихъ за

ударяемыми, но не конечныхъ открытыхъ возможно появленіе неударяемыхъ *о* и *е*. Въ южныхъ частяхъ вмѣсто нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно появленіе закрытыхъ *о* и *е*, приближающихся къ *у* и *ю*, а въ слогахъ ударяемыхъ въ тѣхъ же мѣстахъ спорадически, повидимому, попадаются дифтонги. Вторая черта этой группы—отсутствіе *-цъ* въ 3-мъ лицѣ ед. ч. послѣ *е*; глаголы съ основами на *-и* имѣютъ *-цъ*, въ другихъ случаяхъ оно является только спорадически (есцъ, дасцъ и еще кое-гдѣ). Къ востоку отъ Минска даже и вмѣсто *-иць* бываетъ *-е* (ки́пе). Дз и ц мягкіе въ полной силѣ; вездѣ *р* твердое, окончаніе глагола *-ся—се*, но *-ца*; передъ *о* обычная приставка *в*, хотя вмѣсто *в* основного въ началѣ словъ иногда *h* (горабе́й при верабе́й).

Область, опоясывающая длинной лентой съ юга и запада указанную группу говоровъ, занята рѣчью, которая можетъ быть названа бѣлорусско-полѣсскою. Она не во всѣхъ частяхъ одинакова. Общій признакъ этихъ говоровъ—еще болѣе слабое аканье, чѣмъ въ предыдущей группѣ: на границѣ съ малорусской рѣчью часто совсѣмъ не бываетъ аканья; нерѣдкое сжатіе (закрытость) безударныхъ и даже ударяемыхъ *о* и *е*, состоящее въ томъ, что они переходятъ въ *у* и *ю*; нерѣдкое появленіе дифтонговъ на мѣстѣ ударяемыхъ *о — е — ѣ*, сказывающееся въ томъ, что *о — е* произносятся слишкомъ лабіально, иногда даже съ явнымъ передъ ними ṷ (ў), а *ѣ* слишкомъ палатально, иногда даже съ предшествующимъ ему i̯. Почти повсемѣстно въ этихъ говорахъ извѣстно *-са*, отсюда говорящихъ такимъ образомъ называютъ „са́калами“, хотя „ся́канье“ постепенно вытѣсняетъ это произношеніе. Въ качествѣ приставочнаго звука здѣсь обычно h: *гоўца́*, *гове́съ*. Нерѣдки формы въ дательномъ падежѣ на *-ови* и особенно *-еви* даже у словъ твердаго различія (жерабце́ви). Всѣ эти говоры, конечно, знаютъ только *р* твердое и 3-ье л. ед. ч. на *-е* и *-и́цъ*, *-и́тъ*. Другія особенности извѣстны отдѣльнымъ мѣстностямъ. Такъ группа, занимающая уѣзды—югъ Гомельскаго, Городнянскій—не всегда знаетъ дзеканье: въ нихъ слишкомъ мягкіе д и т. Звуки *о — е* и даже *а—я* произносятся слишкомъ закрыто,

какъ *у—ю, б—ё*; въ 3-мъ л. вм. *и́ть—ўть* иногда бываетъ *и́ти—ўти*. Говоры, лежащіе дальше къ западу, уже знаютъ дзеканье. Очень обычно въ этихъ говорахъ, что отчасти можно было видѣть и въ группѣ умѣренно акающихъ бѣлорусскихъ говоровъ, появленіе *е* вмѣсто *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго. По самымъ южнымъ окраинамъ нерѣдко можно наблюдать послѣ губныхъ звукъ *э* вм. *е*. Для образованія будущаго времени довольно обычно употребляется глаголъ *иму*.

Самая западная часть этихъ говоровъ, лежащая къ сѣверозападу отъ Бѣлостока, Соколки, Гродна, къ западу отъ Нѣмана, изобилуетъ полонизмами въ словарномъ отношеніи и иногда даже въ морфологіи (будущее, въ родѣ „буду просіў“).

Сѣверовосточная половина Бѣлорусской рѣчи, какъ уже было отмѣчено, характеризуется мягкостью *р* на мѣстѣ общерусскаго мягкаго *р*. Но въ областяхъ, прилегающихъ къ твердоэрому поднарѣчію, нерѣдко можно наблюдать *р* мягкое и на мѣстѣ основного русскаго *р* твердаго (я—рядъ **laetus sum**). Вся эта область отличается сильнымъ паденіемъ безударныхъ гласныхъ, состоящимъ въ томъ, что, кромѣ обычной замѣны *о* и *е* посредствомъ *а* и *я*, здѣсь возможны еще въ извѣстномъ положеніи на мѣстѣ ихъ *ы—и* и гласные вообще неопредѣленные. 3-ье лицо гл. обыкновенно не отбрасываетъ *-цъ—тъ*, иногда не бываетъ этихъ окончаній лишь въ самыхъ южныхъ говорахъ. Въ южныхъ и восточныхъ частяхъ указаннаго пространства свистящій характеръ смягченныхъ д и т сильно ослабѣваетъ, такъ что почти незамѣтно бѣлорусскаго дзеканья. Однако всѣ говоры восточной части Бѣлоруссіи должны быть посчитаны бѣлорусскими, а не южновеликорусскими или малорусскими вслѣдствіе особенностей, описанныхъ нами въ 1-ой главѣ (стр. 13—14). Напомню здѣсь, что въ бѣлорусскую группу выдѣляютъ ихъ и словарныя отличія.

Вся сѣверовосточная половина бѣлорусскихъ говоровъ распадается на двѣ группы: цокающую и нецокающую. Цокающая обнимаетъ бѣлорусскія части Псковской и Тверской губ., сѣверъ Смоленской и сѣверовостокъ Витебской. Въ другихъ

мѣстахъ цоканье можно наблюдать лишь спорадически. Южную границу этихъ говоровъ приблизительно можно провести къ югу отъ Духовщины, Порѣчья, черезъ Суражъ на З. Двинѣ, возлѣ Невеля (къ югу отъ него) и къ сѣв. отъ Себежа. Выдающаяся особенность этой группы, какъ уже сказано, взаимная мѣна *ч* и *ц*; изрѣдка наблюдается здѣсь и другая сѣверновеликорусская черта — смѣшеніе дательнаго и творит. п. во множ. числѣ, а въ един.—род. и дат. п. (отъ землѣ, при рѣки Двины, къ огнянной рякѝ). Въ отношеніи замѣны безударныхъ гласныхъ— сильное развитіе употребленія *ы* даже въ слогѣ предударномъ; отсутствіе отвердѣнія *р*; д̓ — т̓ и д̓з̓ — ц̓, послѣднее чаще.

Остальная область занята нецокающимъ говоромъ. Въ общемъ онъ уже охарактеризованъ: *р* мягкое не только вм. общерусскаго смягченнаго *р*, но въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ твердому произношенію, иногда и вмѣсто *р* твердаго (гораздо, старяться — особенно въ словахъ малоупотребительныхъ въ народной рѣчи), 3 л. на *-тъ* — *-цъ*, появленіе *ы* вм. *а* — *о* безударныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; окончаніе *эй* вм. *ой* лит. рѣчи именъ прилагательныхъ (молодэ́й, воронэ́й) довольно распространенное въ разныхъ мѣстахъ и заходящее даже въ нѣкоторыя западныя области; дзеканье, ослабѣвающее по направленію къ востоку и югу; интересно наблюденіе В. Добровольскаго (Смоленскій этнографич. сборникъ, I, 18—19): „порой *д* и *т* только приближаются къ *ц*; является звукъ, не передаваемый транскрипціей — дрожащій — не *дз* и не *ц*, но не *д* и не *т*“; приставочное *в*.

КЪ КАРТѢ БѢЛОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

На прилагаемой при семъ лингвистической картѣ нанесены разсмотрѣнные выше бѣлорусскіе говоры. Сплошной красный цвѣтъ показываетъ сильное аканье въ соединеніи съ другими чертами; этотъ говоръ основной бѣлорусскій. Остальные говоры обозначаются штрихами, разстоянія между которыми становятся больше тамъ, гдѣ аканье слабѣе. Направленіе штриховъ въ югозападныхъ говорахъ къ югу, въ сторону малоруссовъ, такъ какъ въ этихъ говорахъ больше сходства съ малорусскимъ нарѣчіемъ. Самый западный уголъ изобилуетъ полонизмами, и направленіе штриховъ въ сторону поляковъ. Въ сѣверовосточной части линіи идутъ на сѣверовостокъ, къ сѣверновеликорусскому нарѣчію; на востокѣ штрихи указываютъ на близость къ южновеликорусскимъ говорамъ. Во всей сѣверовосточной Бѣлоруссіи извѣстно и *р* мягкое, въ замѣнѣ безударныхъ гласныхъ часто бываютъ *ѣ—и*; для обозначенія этихъ особенностей здѣсь употреблены болѣе тонкіе штрихи.—Конечно, лучше было бы дать не одну лингвистическую карту, а нѣсколько, напр., по количеству основныхъ чертъ бѣлорусскаго нарѣчія (ср. стр. 193), но это стоило бы очень дорого, да и распространеніе тѣхъ или другихъ особенностей еще не достаточно изучено.

Г Л А В А У11 .

ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ЖИВОГО БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА И НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

Жатва рубо мьнога, а дьлатель мало.

Нам предстоит теперь изложить вопрос о постепенном ознакомлении интеллигентного общества с живым белорусском наречием и об изучении его сначала любителями, а затем и представителями науки с целями чисто филологическими. Указывать причины и побуждения, вызвавшие подобное изучение, нам не придется, так как эта работа с успехом выполнена уже более десяти лет тому назад в книге А. Н. П ы п и н а : "История русской этнографии", т. 1У, Белоруссия и Сибирь. Спб. 1892 г. Я останавлюсь ,главным образом на перечислении сочинений, в которых затронуто этнографическое изучение Белоруссии в отношении народного языка; рассмотрю издания народных произведений и постараюсь дать хотя бы общую их характеристику в отношении их пригодности для знакомства с народным языком. И в этом отношении наша работа значительно облегчается разными библиографическими пособиями, во главе которых поставим труд В. М е ж о в а : 1/ "Русская историческая библиография. Указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800-1854 г. включительно". 3 тома. СПБ. 1892-1893. Литва и Белоруссия здесь занимают №№ 5793 -5823 (1 т. стр. 277-278); особенно много полезных указаний в Ш томе, где рассматривается этнография; 2)"Библиографический указатель вышедших в 1859 году в России книг и статей по части географии, топографии, этнографии и статистики ". СПБ. 1861. Со второго тома издание носит заглавие:"Литература русской географии, этнографии и статистики". Рассматривается географич. и этнографич. литера-

В этом издании перечислены не только отдельные исследования по белорусской этнографии, очень немногочисленные, но также отмечены и газетные статьи и даже незначительные заметки.-После знакомства с трудами Межова ничего нового нельзя найти в работе А. А. Котляревского: Древняя русская письменность" (Фил. Зап. 1879-1880 и 2 изд. в Сборн. Отд. Русс. яз. и слов. , L т. СПБ., 1895), но зато в ней имеется оценка более важных работ, чего естественно совершенно нет у Межова. -Решительно ничего нового для интересующего нас предмета, кроме лишь новых ошибок и недосмотров, не дают работы П. Черневского:" Указатель материалов для изучения северо-западного края в археологическо-этнографическом отношении."СПБ. 1882 и (Пенкиной)"Полесье. Библиографические материалы по истории, географии, статистике, этнографии и экономическому состоянию Полесья". СПБ. 1883.- Некоторое продолжение указанных библиографических работ имеется в книгах С. Б а л т р а м а й т и с а " Сборник библиографических материалов для географии, этнографии и статистики Литвы". СПБ. 1891 (из Запис. И. Русс. Геогр. Общ. по отд. этнографии,т.XX1, вып. 1). Книга касается главным образом литовцев. Имеет некоторое отношение к рассматриваемому вопросу и статья А. С м о р о д с к о г о : " Библиографический указатель сочинений, статей и заметок, касающихся предметов археологии в самом обширном значении слова по Минской губернии". (Труды предварительного комитета 1X археологического с"езда в Вильне, а также Памятная кн. Мин. губ. на 1894 г.). Из отдельных статей , непосредственно касающихся библиографии по этнографии и языку Белоруссии, отметим:

Е. Радимича (Романова): „Что сдѣлано по изученію Могилевской губерніи и что еще предстоитъ сдѣлать“. Мог. Губ. Вѣд. 1898, №№ 15, 16, 21. Тутъ же отмѣтимъ: „Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Могил. Г. В. съ 1839 по 1866 г.“ (Отдѣльный оттискъ изъ Могил. Г. В. за 1865 г.). Продолженъ онъ Романовымъ до 1898 г.: „Указатель статей неоф. ч. Мог. Губ. Вѣд. съ 1839 по 1898 г.“ Могил. 1899, 4°, 29. Дается краткій очеркъ изученія Могилевской губерніи. *А. Ельскаго*: „Słówko o materyałach, służących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej“. Chwila. 1886, №№ 17—23. Съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями та же статья перепечатана въ изданіи: „Wielka encyklopedya powszechna ilustrowana“. Т. VIII, 1892, стр. 646—663: „Białoruska literatura i bibliografia“; „Białoruski język“; „Białoruś“. Благодаря прекраснымъ указателямъ, немало интересныхъ для насъ данныхъ библіографическаго характера можно извлечь изъ слѣдующихъ работъ, не имѣющихъ къ намъ прямого отношенія: *Е. Якушкина*: „Обычное право. Матеріалы для библіографіи обычнаго права“. Вып. I. Ярославль. 1875. Вып. II. Ярославль. 1896. Здѣсь не только приводятся заглавія разныхъ статей, особенно касающихся свадебныхъ обрядовъ, но и дается краткое содержаніе этихъ статей. *Ѳ. Леонтовича*: „Исторія русскаго права. Вып. I. Литература исторіи русскаго права“. Варш. 1902.

Всѣ библіографическія данныя, которыя содержатся въ перечисленныхъ сочиненіяхъ, а также разныхъ другихъ работахъ, такъ или иначе касающихся быта и языка бѣлоруссовъ, нами провѣрены, разсмотрѣны и повозможности оцѣнены. *Что не имѣетъ никакого отношенія къ языку, ниже не упоминается.*

Первыя зачатки этнографическихъ изученій Бѣлоруссіи относятся къ началу XIX столѣтія. Еще въ концѣ XVIII вѣка, ~~какъ извѣстно~~, Бѣлоруссія возсоединилась съ Россіей, однако, ~~можно сказать~~, до половины XIX вѣка она все еще находилась въ польской опекѣ; поэтому и первое изученіе ея началось со стороны поляковъ. Вызвано оно было общимъ

романтическимъ увлеченіемъ народностью, зашедшимъ съ запада, но на первыхъ порахъ ничего выдающагося въ отношеніи Бѣлоруссіи не дало. Однако тогдашніе русскіе ученые и такихъ работъ по изученію бѣлоруссовъ не имѣли и поэтому довольствовались переводомъ польскихъ статей. Если иногда и судили о бѣлоруссахъ самостоятельно, то ихъ заключенія были очень поверхностны и вообще маловажны. Изложу первыя попытки изученія бѣлорусскаго племени по годамъ.

Древнѣйшая этнографическая характеристика одной бѣлорусской мѣстности между прочимъ и въ отношеніи языка относится къ 1786 году; принадлежитъ она перу *Андрея Мейера*, составившаго „Описаніе Кричевскаго графства“ Могил. губ., подареннаго Потемкину послѣ присоединенія восточной Бѣлоруссіи въ 1772 году. Рукопись описанія хранится въ Казан. университетѣ; описана А. Артемьевымъ въ „Лѣтописяхъ занятій археогр. комиссіи“ 1876—1877 г., VII в., отд. III, стр. 19—22. Издана вполнѣ Е. Романовымъ въ Мог. Губ. Вѣд., а также въ сборникѣ: „Могилевская старина“. Вып. II. 1901 г. Могилевъ губ., стр. 88—137. Это описаніе очень разностороннее. Что касается этнографическихъ свѣдѣній, то и имъ удѣлено нѣкоторое мѣсто: имѣется, напр., упоминаніе празднества Купалы, обрядности на Юрья. Такъ какъ эти упоминанія одни изъ древнѣйшихъ, то приведу ихъ полностью (стр. 89 у Романова): „Всѣхъ чаще въ пѣсняхъ бѣлорусскихъ крестьянъ упоминается Купало. Наканунѣ Иванова въ іюнѣ мѣсяцѣ дня собираются изо всей деревни бабы и дѣвки на поле, и раскладывая наономъ огонь, чрезъ оный перескакиваютъ, притомъ поютъ слѣдующія изъ нѣкоторой пѣсни строчки:

Гдѣ купалась, ночевала?
Ночевала у Ивана,
А купалась у Купала.

Св. Георгія почитаютъ бѣлорусскіе крестьяне за покровителя волковъ. Они въ празднуемый въ честь его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ день въ поле выносятъ многіе въ кускахъ хлѣбы, которые ставя подъ кусты или на деревьяхъ оставляя, слѣдующія слова приговариваютъ: Св. Юрій, св. Юрій! паси нашихъ овецъ!“

Приведенныя записи очень наивныя и неточныя, но все же онѣ цѣнны, такъ какъ свидѣтельствуютъ о непрерывности миѳическихъ преданій у бѣлоруссовъ отъ древнихъ временъ и до сихъ поръ. Такимъ же характеромъ отличаются и записи суевѣрій (стр. 92, 93, 110). Сдѣлана даже попытка охарактеризовать бѣлорусское нарѣчіе описываемаго графства (90 стр.): „Сходствующія Кричевскихъ и Хотимскихъ жителей съ россійскими обряды и обыкновенія совершенно оказываютъ первое ихъ происхожденіе, да и великороссійскій языкъ между ими столь мало преобразенъ, что исключая нѣкоторыхъ занятыхъ отъ поляковъ нарѣчій, произношенія *а* и *о* на *е* и на *я*, прибавленія при вопрошеніяхъ частицы *чи* и перемѣны *с* на *з*, другихъ существительныхъ перемѣнъ въ немъ кажется и не примѣтно“. Конечно, отмѣчая эти мелочи, существенныхъ мѣстныхъ отличій натуралистъ А. Мейеръ и не замѣтилъ.

Слѣдующія по древности записи бѣлорусскихъ народныхъ произведеній сдѣланы въ 1800—1802 году и изданы въ сообщеніи *И. Шидловскаго*: **„Obrzędy weselne ludu wieyskiego w gubernii Mińskiey, w powiecie Borysowskim, w parafii Haieńskiey, obserwowane w latach 1800, 1-szym i 2-gim z niektóremi piosnkami i ich zwyczayną nótą“**, помѣщенномъ въ журналѣ **„Tygodnik Wileński“** 1819 г., т. VII (стр. 1—18, 81—104). Въ **„Tygodnik'ѣ“** фамилія автора не упомянута. Объ ней узнаемъ изъ перепечатки этой статьи въ книгѣ гр. Тышкевича: **Opisanie powiatu Borysowskiego** (о чемъ послѣ). Но ни у Тышкевича, ни въ **„Tygodnik'ѣ“** нѣтъ нотъ, передающихъ мотивы пѣсенъ. Послѣднія помѣщены при перепечаткѣ этой статьи въ книгѣ Голэмбёвскаго: **Lud Polski**; перепечатаны онѣ и мною въ „Отчетѣ о первомъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова“. Зап. Имп. Ак. Н. по Ист.-Фил. Отд. IV, 1 (1899 г.), стр. 8—9. Статья Шидловскаго перепечатана у Шейна (Матеріалы, I, ч. II, 126—142) въ русскомъ переводѣ и транскрипціи пѣсенъ; жаль только, что лицо, переводившее эту статью для „Матеріаловъ“ Шейна, пользовалось не оригиналомъ статьи (въ **„Tygodnik'ѣ“**), а ея перепечаткой у Тышкевича. Вслѣдствіе этого у Шейна оказалось много неточностей, объясня-

емыхъ особенностями изданія Тышкевича. Въ статьѣ Шидловскаго бѣлорусскія пѣсни приводятся въ переводѣ, оригиналы даются лишь въ выноскахъ. Запись, состоящая изъ 8 пѣсенъ и нѣсколькихъ отдѣльныхъ бѣлорусскихъ выраженій, даетъ, вообще говоря, очень цѣнный матеріалъ для сужденія о сильно акающемъ бѣлорусскомъ говорѣ. У Шейна бѣлорусской рѣчи довольно не кстати приданъ полуфонетическій характеръ (устранено аканье); есть даже пропуски (въ № 3 на стр. 132: самъ сёмъ паяжджая) и искаженія (въ № 3 вмѣсто вишнёвы должно быть — вишнёў, въ № 7 вм. зіяйяця д. б. зъяйця, въ № 8 вм. будзець д. б. будзишь).

Довольно курьезный отзывъ о бѣлоруссахъ имѣется въ книгѣ: „**Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in beynahe fünfhundert Sprachen und Mundarten... von** ***Johann Christoph Adelung.*** **Berlin. 1806.** Говоря о нарѣчіяхъ русскаго языка, Аделунгъ замѣчаетъ о говорѣ бѣлорусскомъ (стр. 631), что жители губерній Полоцкой, Смоленской и Минской, кажется, не принадлежатъ ни къ велико-, ни къ малоруссамъ, скорѣе же всего, составляютъ различный отъ славянъ народъ.

Къ началу XIX вѣка относится „Сборникъ бѣлорусскихъ заговоровъ 1805—1819 г.", составленный помѣщикомъ *Далецкимъ.* О немъ рѣчь ниже (см. Е. Романовъ).

Ал. Ир. Левшинъ въ „Письмахъ изъ Малороссіи" (Харьковъ. 1816 г., 147 и 148) такъ отзывается о городнянскомъ нарѣчіи Черниг. г.: „Остается сказáть нѣсколько словъ о твердости здѣшняго нарѣчія. Свойство сіе ощутительно бываетъ и у тѣхъ, которые отвыкли отъ языка малороссійскаго, но не могли измѣнить произношенія.—Въ заключеніе скажу, что большая часть жителей здѣшнихъ смѣшана съ литовцами, а потому ихъ и называютъ прочіе малороссіяне литвинами". Очевидно, малорусса-наблюдателя поразило здѣсь твердое произношеніе *р* и отсутствіе сжатыхъ гласныхъ на мѣстѣ *о* и *е*.

О работахъ *Линде* и *Сопикова,* появившихся въ это же время и касающихся стараго западнорусскаго нарѣчія, а также относительно отзывовъ объ этихъ работахъ въ „Вѣстникѣ

Европы" 1816 г., ч. XC, рѣчь будетъ послѣ. Тутъ развѣ отмѣтимъ, что въ это же время извѣстный профессоръ-критикъ *Каченовскій* пустилъ въ оборотъ терминъ „руській" для названія западнорусскаго языка: „перевожу (польское **ruski**): руськой языкъ, чтобы не смѣшивать съ нашимъ русскимъ; сей послѣдній у поляковъ называется въ просторѣчіи московскимъ, а на письмѣ россійскимъ; подъ руськимъ же разумѣютъ они употребляемый жителями губерній: минской, кіевской, волынской и подольской" (Вѣстн. Евр. 1816 г., ч. XC, стр. 122). Этотъ терминъ у насъ не привился, но зато въ полномъ ходу у галицкихъ русскихъ относительно малорусскаго нарѣчія.

Лишь для полноты библіографіи слѣдуетъ еще назвать относящуюся къ этому времени статью: *Uwaga* **nad osobliwszym lekarzem w powiecie Nowogrodzkim (Pamiętnik Warszawski,** VI, 1816 г., 355, 357—363). О знахарѣ Антошкѣ. Малоинтересная вещь.

Очень важной въ свое время казалась статья, помѣщенная въ „**Dziennik**'ѣ **Wileńsk**'омъ" за 1817 г., т. VI, стр. 396—408, *Маріи Чарновской*, подъ заглавіемъ: „**Zabytki mitologii słowiańskiey w zwyczajach wieyskiego ludu na Białej Rusi dochowywane**". Статья эта въ свое время дважды печаталась въ русскомъ переводѣ, больше въ извлеченіи, съ сокращеніями, въ „Вѣстникѣ Европы" 1818 г., ч. 102 (53—56, 111—119), подъ заглавіемъ: „Остатки славянскаго баснословія въ Бѣлоруссіи", и въ „Сѣверномъ Архивѣ" 1822 г., т. IV (463—473). Переводъ сдѣланъ *А. Глебовичемъ* и носитъ заглавіе: „Эфологія, или наука о нравахъ и обыкновеніяхъ. Сочин. дѣвицы Черноцкой". Разъ она была перепечатана и по-польски въ книгѣ Голэмбёвскаго: **Lud Polski** (стр. 12—13, 268—269). По заявленію автора статьи, описаніе составлено подъ вліяніемъ инструкцій гр. Разумовскаго относительно собираній народныхъ произведеній, имѣющихъ значеніе даже для ученыхъ. Записи сдѣланы въ Чериковскомъ уѣздѣ Могилевской губ., въ имѣніи Губенщизна (15 верстъ отъ Черикова). Статья эта, дѣйствительно, сообщала нѣкоторыя новыя данныя, касающіяся обычаевъ и вѣрованій бѣлоруссовъ; кое-что имѣетъ цѣну и

до сихъ поръ. Изложеніе содержанія этой статьи съ приведеніемъ пѣсенъ и нотъ сдѣлано нами въ „Отчетѣ о первомъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова“, 3—7.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, приведемъ здѣсь нѣсколько отзывовъ о составѣ и происхожденіи бѣлорусскаго нарѣчія, отчасти объ его особенностяхъ, принадлежащихъ разнымъ тогдашнимъ ученымъ. Митрополитъ *Евгеній* (*Болховитиновъ*) въ письмѣ къ П. Кеппену отъ 1 окт. 1820 г. высказываетъ свое мнѣніе о русскихъ нарѣчіяхъ. Подъ п. 4 читаемъ: (Діалектъ) „Бѣлорусскій, съ XIV вѣка образовавшійся въ Полоцкѣ и въ Смоленскѣ изъ смѣшенія славено-русскаго языка съ польскимъ и литовскимъ, по причинѣ завладѣнія Смоленска и Полоцка литовскими великими князьями. Но начало сего языка старѣе въ Литвѣ у поселившихся тамъ славено-руссовъ“. Словесно (въ іюнѣ 1821 г.) тотъ же Евгеній сообщилъ Кеппену: „Бѣлорусской былъ языкъ двоякой, книжной и народной. Книжной перешелъ и въ Кіевъ, для книгъ же; но тамъ народной языкъ и донынѣ польско-славянской. Но бѣлорусской (т.-е. начиная отъ Смоленска, къ Минску, и вообще въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ — Витебской и Могилевской) — народной языкъ былъ и есть Московско-Польскій съ выговоромъ Литовскимъ“ [1]). Польскій и литовскій (бѣлорусскій) элементы въ западнорусскомъ нарѣчіи особенно бросались въ глаза митр. Евгенію, конечно, по сравненію съ тогдашнимъ славено-россійскимъ литературнымъ языкомъ.

Въ „Трудахъ Общества Любителей Россійской словесности“, М. 1820, ч. 20, стр. 227—229, приводится небольшой списокъ „словъ, употребляемыхъ жителями г. Жиздры“; большинство изъ нихъ бѣлорусскія.

К. Калайдовичъ въ статьѣ: „О бѣлорусскомъ нарѣчіи“ (Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества Любителей Россійской словесности при Имп. Москов. университетѣ, 1822 г., ч. I, кн. 1, 67—80) касается стараго западнорусскаго нарѣчія (о чемъ рѣчь послѣ), но и относительно живого бѣло-

[1]) Ср. П. К. Симони: „Мнѣніе митрополита Евгенія о русскихъ нарѣчіяхъ“. „Извѣстія“, I (1896), 396—399.

русскаго нарѣчія имѣются нѣкоторыя сужденія. Такъ здѣсь (75—80) дается краткій словарикъ больше заимствованныхъ словъ; вѣрно отмѣчена главная особенность бѣлорусской рѣчи: „Отличительною примѣтою бѣлорусскаго выговора есть какое-то *дзеканье* и мягкость въ произношеніи болѣе замѣтная въ частомъ употребленіи полугласной *ь* вмѣсто твердаго выговора“. Подъ послѣдней чертой слѣдуетъ разумѣть мягкость согласнаго *т—ц* въ 3 л. ед. и мн. ч., а также мягкость согласныхъ при удвоеніи (весельля). Въ приводимыхъ словахъ иногда невольно отмѣчаются существенныя звуковыя особенности (ср. написаніе „*с*статокъ“ скотъ, стр. 79). Въ концѣ статьи имѣется замѣчаніе: „Намѣреніе, руководствовавшее меня въ написаніи статьи сей, состояло въ томъ, дабы обратить на столь важный предметъ вниманіе самихъ бѣлорусцевъ, которые вѣрнѣе и лучше могутъ изслѣдовать свое нарѣчіе и помощію онаго объяснить древній языкъ нашихъ памятниковъ“.

Въ „Вѣстникѣ Европы 1828 г., ч. 159, №№ 5—6 (стр. 75—92) помѣщена статья *К. Фалютынскаго*: „Народные праздники, увеселенія, повѣрья и суэвѣрные обряды жителей Бѣлоруссіи“. Она довольно слабая и малоинтересная, но все же заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ въ то время и подобныхъ статей не было.

Въ родѣ этой статьи и работа кандидата *Мухлинскаго* (съ польскаго): „Праздники, забавы, предразсудки и суевѣрные обряды простаго народа въ Новогрудскомъ повѣтѣ Литовско-Гродненской губерніи“, помѣщ. въ Вѣстникѣ Европы 1830 г.. ч. 172. Смѣсь, стр. 147—153, 271—276. Статья содержитъ въ себѣ массу всякихъ бредней и вслѣдствіе этого имѣетъ мало значенія; нѣкоторый интересъ для исторіи Свитязи.

Тутъ же упомянемъ о раньше названной книгѣ *Голэмбёвскаго*: „Lud polski, jego zwyczaje, zabobony“. W Warszawie. 1830. Здѣсь имѣются только перепечатки указанныхъ нами статей Шидловскаго и Чарновской.

Двѣ бѣлорусскія пѣсни съ искаженіями напечатаны въ „Молвѣ“ 1835 г.: „Бѣлорусская пѣсня. Доставлена *К. К.*“ —

изъ Полоцкаго уѣзда (въ т. 9 № 21, стр. 339—341, и т. 10 № 50, стр. 367—369).

По матеріаламъ, собраннымъ въ тридцатыхъ годахъ, составлена книжка *А. Рыпинскаго*, одного изъ польскихъ эмигрантовъ того времени: „**Białoruś. Kilka słów o poezyi prostego ludu téj naszéj polskiéj prowincii; o jego muzyce, śpiéwu, tańcach etc.**“ Paryż. 1840. Не стану дѣлать подробнаго разбора этой книжки, такъ какъ онъ уже имѣется у Пыпина (IV, 41—44), да, кромѣ того, мнѣ придется еще коснуться ея послѣ. Здѣсь только отмѣчу, что для сужденія о бѣлорусскомъ языкѣ она даетъ много интереснаго матеріала: тутъ наряду съ искусственными имѣются и народныя пѣсни, напр., свадебныя, волочебныя [1]), дѣтскія [2]), пословицы—правда все это большею частью въ отрывкахъ и въ непріятномъ тенденціозномъ освѣщеніи.

Интересный отзывъ о старомъ западнорусскомъ языкѣ и о живомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи читаемъ въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ *Плюшара* (т. VIII, Спб. 1837 г., стр. 568—569), подъ словами „Бѣлорусскій или Руській языкъ“: „Подъ этимъ названіемъ стали въ недавнее время разумѣть тотъ варварскій языкъ, которымъ писали Скорина, Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ и др. духовные писатели, образовавшіеся подъ вліяніемъ Польши: эта смѣсь, болѣе или менѣе плотная, польскихъ выраженій и словъ съ русскими ... Поляки называютъ эту тарабарщину русскимъ языкомъ, т.-е., ни польскимъ, ни московскимъ ... Эта варварщина неправильно названа Бѣлорусскимъ языкомъ, тѣмъ болѣе, что языкъ, употребительный на Бѣлой Руси и въ Литвѣ между простымъ народомъ не имѣетъ никакого сходства съ такъ названнымъ бѣлорусскимъ язы-

---

[1]) Wałaczèbniczki wałaczyli sia...

[2]) Напр., Чижикъ:

— Czyżyk, czyżyk! hdzie ty byû?
— Za rekoju — wodku piû!—
Wypiû czarku, wypiû dźwie:
Zaszumieła û hаławiè!...
Wypiû czarku druhuju:
Wybraû dzieukû—lubuju!!!...

комъ. (*Дм. Ив. Языковъ*). Настоящій языкъ бѣлорусскій есть весьма любопытный памятникъ, который наши ученые должны бы тщательно изучать, потому что онъ много объясняетъ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ филологіи нашего языка можно назвать отцемъ великороссійскаго нарѣчія. Это, вѣроятно, тотъ самый языкъ, которымъ говорили въ Псковѣ и Новѣгородѣ при варягахъ. Устраненный благовременно отъ вліянія монголизма и доселѣ не испытавшій воздѣйствія великороссійскаго нарѣчія, онъ сохранилъ во многихъ отношеніяхъ свой старинный видъ и характеръ, и менѣе претерпѣлъ отъ формъ польскаго языка, нежели думаютъ". Во второй половинѣ этого отзыва, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, много правды.

Мих. Максимовичъ въ разныхъ своихъ работахъ нѣсколько разъ касается бѣлорусскаго нарѣчія: мѣста, занимаемаго имъ среди другихъ русскихъ нарѣчій, а также другихъ славянскихъ языковъ. Такъ въ книгѣ „Откуда идетъ русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ старинньмъ писаніямъ русскимъ", Кіевъ, 1837 г., имѣется между прочимъ такое дѣленіе русскихъ славянъ: „между Восточными или Русскими Словенами я различаю: 1. Руссовъ Сѣверныхъ, къ коимъ принадлежатъ Великоруссы или собственно такъ называемые нынѣ Русскіе и Бѣлоруссы; 2. Руссовъ Южныхъ или Украино-Галицкихъ". Въ „Исторіи древней россійской словесности", кн. первой, Кіевъ, 1839 г., стр. 97 и 106, Максимовичъ видитъ въ бѣлорусскомъ нарѣчіи отдѣльный языкъ, занимающій средину между великорусскимъ и малорусскимъ. Тутъ же (стр. 126—128) излагаются особенности бѣлорусскаго языка. Интересующія насъ статьи Максимовича перепечатаны въ собраніи его сочиненій.

Въ это же время вышла одна изъ лучшихъ старыхъ статей по русскому языку, написанная по-нѣмецки *М. Надеждинымъ:* **Mundarten der russischen Sprache** (**Jahrbücher der Literatur. Wien.** 1841, т. XCV, 181—240), представляющая рецензію на книгу Копитаря: **Hesychii Glossograpdi discipulus et ἐπιγλωσσιστής Russus in ipsa Constantinopoli sec.** XII—

XIII. Авторъ этой статьи, который уже и раньше хотя и вскользь касался бѣлорусскаго нарѣчія (ср. Европеизмъ и народность, въ отношеніи къ русской словесности. „Телескопъ", ч. XXXI. Москва. 1836, Отд. Соврем. Лѣтописи, стр. 39), пытается на историческихъ основахъ опредѣлить соотношеніе русскихъ нарѣчій. По его мнѣнію первоначально существовало два нарѣчія: понтійско-русское (малорусское) и балтійско-русское (бѣлорусское), раздѣленныя рѣками Припятью и Сожемъ. Сначала эти племена сильно враждовали между собою, а впослѣдствіи стали высылать на востокъ своихъ колонистовъ, отъ смѣшенія которыхъ и образовался великорусскій народъ (стр. 222—226). Въ настоящее время такое освѣщеніе образованія русскихъ нарѣчій конечно не можетъ быть принято, какъ это отчасти можно было видѣть изъ предыдущихъ главъ; однако указаніе на бо́льшую древность поселеній племенъ западнорусскихъ и южнорусскихъ къ югу отъ Припяти можетъ считаться вполнѣ научнымъ. Правильно отмѣчено въ общемъ въ этой статьѣ и распространеніе бѣлоруссовъ (224), а также значеніе изученія бѣлорусскаго нарѣчія (225). Извлеченіе изъ статьи Надеждина было сдѣлано затѣмъ и на русскомъ языкѣ *П. Савельевымъ*: „Объ отличительныхъ признакахъ и нарѣчіяхъ русскаго языка, по системѣ Надеждина" (Журн. Мин. Нар. Просв. 1857 г. ч. XCII № 2, отд. 2, стр. 302—314). Другія свѣдѣнія объ этой статьѣ у П. Симони: Русс. яз. въ его нарѣчіяхъ и говорахъ, 17—18. Противъ статьи Надеждина въ „Jahrbücher" особенно вооружился *Шевыревъ* („Москвитянинъ" 1848 № 1, 103—107).

За серьезной статьей Надеждина какъ то неловко упоминать отзывы о бѣлорусскомъ нарѣчіи, принадлежащіе перу Греча и Булгарина. Въ „Сѣв. Почтѣ" 1840 г. № 19, стр. 74, *Н. Гречъ* о языкѣ „Библіотеки для чтенія" отзывается такъ: „Тяжелый, неправильный, не-русскій слогъ ея началъ примѣтно сбивать съ толку молодыхъ и даже немолодыхъ писателей, которые, не видя возраженій со стороны людей безпристрастныхъ, полагали, что на введеніе этого Бѣлорусскаго нарѣчія послѣдовало уже общее согласіе". Эта случай-

ная замѣтка Греча вполнѣ согласуется съ тѣмъ смутнымъ представленіемъ о бѣлорусскомъ нарѣчіи, которое сказывается въ его замѣчаніи о послѣднемъ въ „Опытѣ краткой исторіи русской литературы“. Спб. 1822, 15, и въ „Русской грамматикѣ“. Спб. 1826 г., стр. 29, во 2-мъ изд.—„Пространная русс. гр.“ Спб. 1830, 30. Въ грамматикѣ онъ между прочимъ говоритъ: (Языкъ) „Руській, или Бѣлорусскій, составленный изъ словъ церковно-славянскихъ, польскихъ, латинскихъ, въ сочиненіяхъ, печатавшихся въ провинціяхъ подвластныхъ тогда Польшѣ, также въ твореніяхъ духовныхъ особъ, образовавшихся въ томъ краю“. Такой-же составъ, повидимому приписываетъ онъ и живому бѣлорусскому нарѣчію; по крайней мѣрѣ, на стр. 37, онъ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакого замѣчанія, а только говоритъ: „Къ западу отъ Москов. губ., въ Смоленской, начинается нарѣчіе бѣлорусское, простирающееся по всей Бѣлоруссіи и Литвѣ до Нѣмана“.

Въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1841 г. № 183, стр. 731, *Ѳ. Булгаринъ* такъ выражается о бѣлорусскомъ нарѣчіи: „Тотъ языкъ, который я называю бѣлорусскимъ, польскіе историки и филологи называютъ руськимъ. Этотъ ъ послѣ буквы *с* составляетъ у насъ разницу между народнымъ языкомъ Русскимъ и Руськимъ или Литовскимъ. Но въ существѣ нарѣчіе, которымъ писались дипломатическіе акты въ Литвѣ, Бѣлорусское“. Ср. мнѣніе Каченовскаго (стр. 205).

Въ „*Литературной Газетѣ*“ 1842 г. помѣщены двѣ замѣтки, дающія нѣкоторыя матеріалы для сужденія о бѣлорусскомъ бытѣ и языкѣ: 1) Праздникъ Дзядовъ въ Бѣлоруссіи. *М. П.* (№ 3, стр. 58). Нѣсколько строкъ, но съ бѣлорусскими выраженіями. 2) Свадьба у бѣлорусскихъ крестьянъ (№ 7, стр. 150). Замѣтка въ одинъ столбецъ, съ пѣснями и бѣлорусскими выраженіями.

Передъ нами *Павелъ Іосифъ Шафарикъ*. Бѣлорусскаго нарѣчія онъ уже коснулся въ своей книгѣ: **Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826**, стр. 141, § 13, гдѣ идетъ рѣчь о нарѣчіяхъ русскаго языка. Но представленіе здѣсь о бѣлоруссахъ довольно спутанное.

То же повторено безъ всякихъ перемѣнъ и во второмъ изданіи 1869 г. въ Прагѣ. Совершенно иначе, уже вполнѣ научно представлено дѣло въ его „Славянскомъ народописаніи": **Slowansky Národopis. W Praze. 1842.** Въ русскомъ переводѣ *Бодянскаго* (М. 1843) бѣлорусское нарѣчіе занимаетъ страницы 27—30. Послѣ опредѣленія границъ бѣлорусской территоріи перечисляется 15 примѣтъ бѣлор. нарѣчія, которыми отличительныя черты его почти вполнѣ исчерпываются; хотѣлось бы только большей систематичности въ изложеніи. Затронутъ даже вопросъ о бѣлорусскихъ говорахъ и о памятникахъ стараго западнорусскаго нарѣчія. При всей своей неполнотѣ и недостаткахъ этотъ очеркъ Шафарика для своего времени былъ очень важнымъ научнымъ вкладомъ въ русскую діалектологію.

Свѣдѣнія Шафарика дополняются очень важной для своего времи статьей, отчасти имѣющей цѣну и до сихъ поръ: „*Сѣверозападный край* имперіи въ прежнемъ и въ настоящемъ видѣ" (Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ. 1843, ч. I, 207—241, 382—449).

Пятый десятокъ XIX столѣтія далъ, кромѣ упомянутыхъ теоретическихъ статей по бѣлорусскому нарѣчію и этнографіи вообще, еще нѣсколько довольно цѣнныхъ произведеній, содержащихъ въ себѣ народныя пѣсни, разсказы, разговоры. Первое мѣсто между ними принадлежатъ разсказу *П. Кушина*: „Гецыки" („Москвитянинъ", 1843 г., ч. IV № 8, стр. 383—412). „Гецыками" прозываютъ бѣлоруссовъ сѣверной части Витебской губерніи, откуда взято содержаніе для разсказа, сосѣди великоруссы за произношеніе „это" какъ „гето" и *ч* какъ *ц*. Въ выноскѣ къ заглавію сказано: „За этотъ разсказъ Шафарикъ, Срезневскій, Прейсъ, Бодянскій, будутъ усердно благодарить Москвитянина, найдя здѣсь вѣрное описаніе Бѣлорусскаго нарѣчія, какого у насъ не бывало, вмѣстѣ съ образцами"... Дѣйствительно, въ разсказѣ, дающемъ нѣсколько очень вѣрныхъ картинъ изъ бѣлорусскаго быта временъ крѣпостничества, написанныхъ къ тому же занимательно, приведено нѣсколько точно даже съ удареніями записанныхъ бѣлорусскихъ

пѣсенъ („Горѣлица, горѣлица, да ты висялу́ха“ [388] [1]), „Якъ душа̀ съ цѣламъ разстава́лася“ [393], „Ци ня ду́дка была́,— о́хъ я́!“ [394], „Калита́ братъ, калита́ друхъ! [ib.], „Лида ду́ли, лида ду́! [395], „Лю́даръ, лю́даръ, людаши́! [ib.], „Дзя́цька сядзи́ць, пи́пку ку́рицъ“ [396], „Да цаго́жъ ты, Магду́ся сядзѣ́ла?“ [405], „Прида́нацки сіостры“ [407], „Князь маладый!“ [ib.]), выраженій и подчасъ довольно длинныхъ разговоровъ.

Къ этому времени относится статья *Ign. Chr...* „**Rzut oka na poezję ludu Białoruskiego**“ (**Rubon**, V, **Wilno**. 1845, стр. 35—77). Здѣсь приводятся и народныя произведенія.

Въ другомъ тогдашнемъ альманахѣ: „**Lud i czas**“. **Wydawca** *January Filipowicz* (**Wilno**. 1845) напечатано: „**Kilka słów o podaniach gminnych**“ (185—193) и „**Wesele w okolicach naddźwińskich**“ (193—211). Въ обѣихъ статьяхъ приводятся и бѣлорусскія пѣсни. Записи недостаточно удовлетворительныя.

Нѣсколько замѣтокъ по бѣлорусскому быту съ записями народныхъ произведеній имѣется въ „Маякѣ“: „Бѣлорусскій танецъ съ припѣвомъ“. *А. Овичъ* (1844, т. 13, 94—95). „Бѣлорусскія поговорки“. *В. Васильевъ* (1844 г., т. 15, Смѣсь, стр. 29)—30 поговорокъ, да и тѣ сильно подправлены; для языка имѣютъ мало цѣны. Продолженіе въ 1845 г. (т. 22, стр. 58, и т. 23, стр. 144). „Волшебныя яблоки“ *Эгилевскій* (1844 г., т. 15, стр. 17—27, т. 16, стр. 76—80). „Неблагодарный мужикъ“. „Хороводъ“. „Коляда“. „Заговариваніе больныхъ зубовъ“ его же (1844 г., т. 17, стр. 41—49).

Безусловно первое мѣсто среди собраній бѣлорусскихъ народныхъ произведеній, явившихся въ разсматриваемое время занимаютъ небольшіе сборнички *Яна Чечота*. Не стану касаться біографическихъ свѣдѣній объ этомъ писателѣ и его дѣятельности на поприщѣ собиранія народныхъ произведеній: все это обстоятельно разсмотрѣно у Пыпина (IV, 45—55); напомню только, что изъ его книжечекъ очень много черпали

---

[1]) Та же пѣсня въ польской транскрипціи у *Барщевскаго*: „**Kilka pieśni białoruskich**“ (**Rocznik literacki**, 1843); тутъ же мелодія къ ней написанная *А. Абрамовичемъ*.

разные позднѣйшіе собиратели бѣлорусскихъ народныхъ произведеній, часто даже безъ упоминанія источника, откуда они брали печатаемые матеріалы. Такъ много взяли у Чечота, какъ увидимъ послѣ, Киркоръ въ „Этнографическомъ сборникѣ“ вып. III, Корева въ описаніи Виленской губерніи, Шпилевскій, Дмитріевъ, Крачковскій и Шейнъ. У послѣднихъ двухъ дѣлаются и ссылки на Чечота. Чечоту принадлежитъ шесть книжечекъ народныхъ произведеній. Однако въ большей части ихъ даются не подлинныя пѣсни, а польскія подражанія имъ и переводы. Подлинныя бѣлорусскія пѣсни содержатся лишь въ двухъ книжкахъ Чечота: 1) „**Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno. 1844**“; здѣсь сначала (стр. 1—47) идутъ польскіе переводы бѣлорусскихъ пѣсенъ, а потомъ (стр. 49—74) даются „**perwotworne piosnki wieśniacze z nad Niemna**“ уже на бѣлорусскомъ нарѣчіи (всего 20 №№). Пѣснямъ предпослано маленькое замѣчаніе о произношеніи бѣлорусскихъ словъ (объ удареніи, о двугласныхъ и т. п.). При пѣсняхъ, напечатанныхъ здѣсь безъ перевода, указано, гдѣ можно найти и переводъ: ссылка на другія книжки, изданныя имъ же. Со стр. 74 по 129 помѣщены искусственныя бѣлорусскія пѣсни составленія самого Чечота, что однако не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ послѣдующихъ бѣлорусскихъ этнографовъ (Крачковскій) приводить эти пѣсни, какъ народныя. 2) „**Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno. 1846**“. Особенно интересенъ послѣдній томикъ, содержащій на себѣ и подпись собирателя (XXXIV стр.). Здѣсь 100 пѣсенъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи, словарикъ менѣе понятныхъ словъ, нѣкоторые особенности чисто бѣлорусскаго словоупотребленія (**Niektóre idiotyzmy krewickie**), бѣлорусскія пословицы (**Przysłowia krewickie**) — 130 №№, народныя примѣты и поговорки относительно праздниковъ, 40 поговорокъ разнаго рода; наконецъ, въ предисловіи дается характеристика бѣлорусскаго нарѣчія. Послѣдней онъ предпосылаетъ невольное замѣчаніе о томъ, что на его памяти (значитъ, въ концѣ XVIII ст.) „**sta-**

ruszkowie panowie między sobą mówić lubili" этимъ языкомъ, которымъ при немъ говорятъ только съ простымъ народомъ (V). Мѣсто бѣлор. нарѣчія среди другихъ опредѣляется такимъ образомъ: **Dialekt krewicki pośredniczy między polskim, rossyjskim i ukraińskim. Ukraiński ... w budowie swojej i iloczasie podobniejszy do polskiego, krewicki do rossyjskiego"** (VII). Лишь по дзеканью бѣл. нар. приближается къ польскому. Характеристика бѣлорусскаго нарѣчія сдѣлана даже значительно обстоятельнѣе, нежели у Шафарика. Отмѣчены особенности не только фонетическія, но даже и морфологическія, при томъ такія рѣдкія, какъ двойственное число у словъ женскаго и средняго рода (**dźwie rucē, dźwie nazē**). Въ предисловіи же идетъ рѣчь о бѣлор. ореографіи и сообщаются историколитературныя свѣдѣнія о собранныхъ пѣсняхъ. Вообще въ этомъ томикѣ очень много цѣнныхъ свѣдѣній, не утратившихъ своего значенія до сихъ поръ.

Современникъ Чечота *Янъ Барщевскій*, уроженецъ Витебской Бѣлоруссіи, оставилъ нѣсколько этнографическихъ очерковъ своей родины. Но они существенно отличаются отъ изданій Чечота, изображавшаго главнымъ образомъ принѣманскую Бѣлоруссію. Чечотъ даетъ только пѣсни, безъ описанія обрядовъ и всякихъ другихъ комментаріевъ; Барщевскій пѣсни приводитъ лишь изрѣдка, а все свое вниманіе сосредоточиваетъ на беллетристическомъ описаніи Бѣлоруссіи, куда народныя бѣлорусскія сказанія, народная рѣчь и пѣсни попадаютъ лишь изрѣдка; да и жизнь, изображаемая у Барщевскаго, больше касается бѣлорусской шляхты, нежели народа. Для знакомства съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ нѣкоторое значеніе имѣютъ его слѣдующія работы: **Szlachcic Zawalnia, czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach. Poprzedzone krytycznym rzutem oka na Literaturę Białoruską przez Romualda Podbereskiego. Petersburg.** 1844—1846. 4 томика. 16°. I—XLIV+96, II—114, III—92, IV—72. Предпосланная критическая статья *Подберезскаго* имѣетъ въ виду не только бѣлорусскую искусственную литературу (о чемъ у насъ рѣчь нослѣ), но и писателей польскихъ о Бѣлоруссіи. По матеріаламъ,

собраннымъ и отчасти составленнымъ Барщевскимъ, написана статья въ „Rocznik'ѣ Literack'омъ, wyd. przez *Rom. Podbereskiego*“ (Petersburg. 1843) —Szkic północnej Biało-Rusi. Статья эта Я. Барщевскаго. Тутъ же „Kilka pieśni białoruskich“ (всего 3: „Kukawała ziaziula u sadoczku“, „Ach czymże twaja dziewеńka hałouka zaniata“, „Ach tyż, maja wiesiołucha...“). Какъ видно изъ выноски (стр. 202), Подберезскому было представлено много бѣлорусскихъ пѣсенъ, но въ изданіи его не оказалось мѣста для ихъ напечатанія.

Въ той же книгѣ „Rocznik'а“ напечатано: „Kilka melodyj ludu białoruskiego, spisanych i ułożonych z towarzyszeniem fortepianu przez *Antoniego Abramowicza*“. Тутъ ноты и пѣсни: а) Kukawała ziaziulka..., б) Żyu, byu, nielubiła..., в) Oj ty maja harelica..., г) Da czymże twaja dziewеńka...

Въ свое время работы Барщевскаго пользовались успѣхомъ у поляковъ и отчасти у русскихъ, что видно изъ перевода его статей: „Очеркъ сѣверной Бѣлоруссіи. Воспоминанія изъ посѣщенія родныхъ странъ Яна Барщевскаго“. Переводъ *Л. К.* („Иллюстрація“ 1846 г., т. II № 10, стр. 147 150). Довольно интересное описаніе съ пѣснями и рисунками: игра на дудѣ и пляска возлѣ корчмы.

Въ той же „Иллюстраціи“ и должно быть лицами, причастными къ Барщевскому, помѣщены еще двѣ замѣтки о бѣлоруссахъ: „Бѣлорусская сватьба“. *Ром. Друцкій-Подберезскій* (1848 № 1, 6—8) — съ пѣснями, и „Образецъ поэзіи бѣлоруссовъ“ (1848 № 36, 190—191)—два искусственныхъ стихотворенія на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Къ этому же времени относится и книга, составленная подъ руководствомъ гр. *Евст. Тышкевича*: „Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach i t. d. Wilno. 1847“. Посвященіе Л. А. Перовскому, министру внутреннихъ дѣлъ, подписано словами: Mam honor zostawać jaśnie wielmożnego pana najniższym sługą Eustachy Hrabia Tyszkiewicz,

Marszałek Powiatu Borysowskiego. Въ русскомъ переводѣ это сочиненіе имѣется только въ рукописи Виленской публичной библіотеки № 300 по описанію Ф. Добрянскаго: „Описаніе Борисовскаго уѣзда въ статистическомъ, хозяйственномъ, промышленно-торговомъ и медицинскомъ отношеніи. Съ присовокупленіемъ свѣдѣній о нравахъ, пѣсняхъ, пословицахъ и одеждѣ простого народа, предразсудкахъ, вѣрованіяхъ и проч.“ Переводъ съ польскаго. 1848 г., 244 л. Книга эта, очень замѣчательное явленіе въ этнографической литературѣ времени половины XIX столѣтія, не потеряла своего значенія и теперь. Въ ней, кромѣ свѣдѣній чисто статистическаго характера, помѣщено еще очень много любопытныхъ данныхъ относительно обрядовъ и сопровождающихъ ихъ пѣсенъ, народнаго чародѣйства, суевѣрій, примѣтъ; тутъ имѣется и порядочное собраніе пословицъ. Подобно сборничкамъ Чечота, и **„Opisanie powiatu Borysowskiego“** Тышкевича дало много матеріала для послѣдующихъ собирателей, напр. для Носовича (безъ ссылокъ на Тышкевича), Киркора (Этнографич. сборн., вып. III), Крачковскаго и другихъ. Наконецъ Шейнъ въ своихъ „Матеріалахъ“ цѣликомъ переводитъ и перепечатываетъ главы, касающіяся свадебнаго обряда, конечно, какъ и всегда, съ значительными искаженіями.

Послѣ появленія такихъ хорошихъ по своему времени изданій, каковы перечисленныя работы Чечота и Тышкевича, странно встрѣчать слѣдующій отзывъ о бѣлорусскомъ нарѣчіи притомъ со стороны человѣка выросшаго въ Бѣлоруссіи, разумѣю протоіерея *Григоровича*: „Нарѣчіе западнорусское, называемое иначе Бѣлорусскимъ, употребляется жителями Бѣлой Россіи, Литвы, Волыни, Подолія, Полѣсья, Покутья и въ областяхъ нынѣшней Австрійской Галиціи, начиная отъ Зап. Двины и Днѣпра, по Вислѣ, Бугу, Днѣстру и за горами Карпатскими. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ народъ говоритъ на немъ, разумѣется, съ большею или меньшею примѣсью то языка польскаго, то малороссійскаго нарѣчія, и притомъ съ различными отмѣнами, какъ въ формахъ грамматическихъ, такъ и въ самомъ выговорѣ словъ“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1849 г.

№ 21). Еще отмѣтимъ его планъ бѣлорусскаго словаря, напечатанный въ сокращеніи въ Отчетѣ II Отд. Акад. Н. за 1848 г., а вполнѣ въ „Страникѣ“ 1861 г., т. II, 303—338.

Описаніе бѣлорусской свадьбы съ пѣснями изъ неизвѣстной мнѣ мѣстности имѣется въ книгѣ *А. Терещенка*: „Бытъ русскаго народа“. Ч. II. Спб. 1848 г., 460—472. И слѣдующая статья тамъ же — „Свадьба литовская“ — тоже бѣлорусская свадьба.

Лишь для полноты библіографіи упомянемъ о незначительномъ и поверхностномъ очеркѣ *В. Верещагина*: „Бѣлоруссы“ („Лучи“, 1850 г. № 2, 95—102).

Прежде чѣмъ перейти ко второй половинѣ XIX столѣтія, коснемся еще общаго вывода, къ которому пришелъ относительно бѣлорусскаго нарѣчія *И. И. Срезневскій*, пользуясь данными предшествовавшаго его изученія. Уже въ „Обозрѣніи главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1845 г., ч. XLVIII, отд. II) онъ отмѣчаетъ великорусское нарѣчіе съ поднарѣчіемъ Бѣлорусскимъ. Болѣе ясно ту же мысль формулируетъ онъ въ „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій“. Спб. 1849. Во 2-мъ изд. 1887 г., стр. 36. Тутъ отличительной чертой бѣлорусскаго нарѣчія онъ считаетъ „цвяканье“ [1]), но думаетъ, что по этой примѣтѣ, встрѣчающейся и въ великорусскихъ говорахъ, нельзя считать бѣлорусскую рѣчь за особое нарѣчіе. Не увеличиваютъ этой возможности и другія черты, какъ смѣшеніе *у* и *в*, выговоръ *г* какъ *h* и т. п., такъ какъ по Срезневскому, все это можно встрѣтить и въ великорусскихъ говорахъ. „Вообще до сихъ поръ не отмѣчено въ Бѣлорусскомъ говорѣ ни одной такой черты, которая бы не повторилась хотя гдѣ-нибудь въ Великой Руси. Вотъ почему, кажется, гораздо правильнѣе Бѣлорусскій говоръ считать мѣстнымъ говоромъ Великорусскаго нарѣчія, а не отдѣль-

---

[1]) Терминъ взятъ у *В. К. Тредьяковскаго* (Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Россійскімъ объ Ортографіі старінной і новой..., 1748 г., стр. 387), который употребляетъ его въ другомъ смыслѣ: обозначаетъ имъ цоканье — употребленіе вм. *ч* звука *ц*: „цасто за часто, цепецъ за чепецъ“.

нымъ нарѣчіемъ. Въ Бѣлорусскомъ есть, конечно, много особыхъ словъ, непонятныхъ каждому Великоруссу; но и всякій другой говоръ богатъ ими". Насколько это мнѣніе, повторенное затѣмъ А. А. Потебней, правильно, смотрите въ нашемъ „Обзорѣ зв. и ф. бѣл. рѣчи", стр. 156—158.

Какъ можно было видѣть изъ предыдущаго очерка, лучшія работы по бѣлорусской этнографіи принадлежали полякамъ. Хотя онѣ и очень немногочисленны, но во всякомъ случаѣ цѣнны и отчасти не потеряли своего значенія до настоящаго времени. Съ 50-хъ годовъ появляются болѣе или менѣе выдающіяся работы по бѣлорусской этнографіи и на русскомъ языкѣ, на первыхъ порахъ бывшія, правда, въ очень близкой зависимости отъ польскихъ трудовъ. Причиной этого подъема въ изученіи Бѣлоруссіи было нѣсколько обстоятельствъ, случившихся именно въ разсматриваемое время. Такъ уже съ 40-хъ годовъ въ большинствѣ бѣлорусскихъ губерній заводятся Губернскія Вѣдомости, издаются памятныя книжки, которыя, кромѣ статистическихъ, преслѣдовали также этнографическія цѣли. Еще въ 1847 году Императорскимъ географическимъ Обществомъ были разосланы программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Вотъ главныя рубрики одной изъ такихъ программъ, напечатанной въ Смолен. Губ. Вѣд. 1853 г. № 45 (стр. 359—365): I наружность, II языкъ, III домашній бытъ, IV особенности общественнаго быта, V умственныя, нравственныя способности и образованіе, VI народныя преданія и памятники. Подобная же программа въ это же самое время была издана и Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ (ср. „Памятники и образцы народнаго языка и словесности", 1—4). Наконецъ, въ это время оказались и сравнительно болѣе подготовленныя лица, иногда впрочемъ довольно своеобразно понимавшія задачи этнографическаго изученія, какъ Шпилевскій, о которомъ рѣчь нѣсколько ниже.

Древнѣйшими по времени основанія были Виленскія, Витебскія, Гродненскія (съ 1838 г.) и Могилевскія (съ 1839 г.) Губернскія Вѣдомости. Въ разсматриваемое время въ нихъ яви-

лись слѣдующія статьи: „Праздникъ дзядовъ въ Бѣлоруссіи“. *М. Пелвчъ* (Могил. Г. В. 1841, къ № 45, 254—255) — небольшая замѣтка съ бѣлорусскими выраженіями. „Сватьба бѣлорусскихъ крестьянъ“. *Ник. Гольинскій* (Мог. Г. В. 1841 г., къ № 47, 275—277)—есть и пѣсни, но записаны не всегда точно. „Бѣлорусскіе нравы. Богатая коляда“. Учен. *Игн. Каменко* (Витеб. Г. В. 1846 г., № 1, 1—2). Разсказывается и анекдотъ про похищеніе лошади, тутъ же пѣсенка. „Загадки (употребительнѣйшія въ Могилевскомъ уѣздѣ)“ (Могил. Г. В. 1849 къ №.9). Въ нѣкоторыхъ загадкахъ допущены поправки на великорусскій ладъ. „Дзяды“. *П. З**** (Быховскаго уѣзда) (Могил. Г. В. 1849 къ № 17, 283—284) — есть и пѣсни; нѣкоторыя, какъ увидимъ послѣ, искусственныя. „Бѣлорусскія пословицы“. Сообщены Новобыховскимъ протоіереемъ *К. Мальчевскимъ* (Могил. Г. В. 1850 г. №№ 40—42, 45 и др.). Тутъ же имѣется объясненіе пословицъ. Записи въ общемъ хорошія, только иногда безъ нужды стоитъ *ѣ* вмѣсто *е*. Расположены въ алфавитномъ порядкѣ. „Бѣлорусскія имена мужскія и женскія“ (Мог. Г. В. 1850 къ № 46). Всего 68 именъ: обыкновенныя церковныя въ народномъ произношеніи.

Только для послѣдовательности упомянемъ о работѣ *Ромуальда Зенькевича*: „Piosenki gminne ludu pińskiego“. Ковно. 1851. Не говоря уже о томъ, что записи здѣсь очень скверныя: полонизмы встрѣчаются не только въ отдѣльныхъ словахъ, но и цѣлыми строками,—и бѣлорусскаго здѣсь почти ничего нѣтъ, иногда только дзеканье. Впрочемъ по содержанію пѣсни, дѣйствительно, бѣлорусскія. Не лучше и болѣе раньнія записи, помѣщенныя въ Atheneum 1847, ч. IV, 146—186. На основаніи матеріаловъ главнымъ образомъ Зенькевича составлена статья *М. Карпинскаго*: „Говоръ пинчуковъ“ (Русс. Фил. Вѣстн. 1888 г., XIX, 45—54), не имѣющая прямого отношенія къ бѣлорусскому нарѣчію, но могущая быть нѣкоторымъ пособіемъ при его изученіи, тѣмъ болѣе, что она и написана по поводу моего „Обзора зв. и ф. бѣлор. рѣчи“ съ цѣлію сдѣлать въ немъ нѣкоторыя поправки.

Продолжимъ перечисленіе матеріаловъ для изученія язы-

ка по мѣстнымъ провинціальнымъ органамъ печати. „Объ изученіи народнаго языка въ Черниговской губерніи“. *А. Д. Тулубъ*, учитель Черниг. гимназіи. Черн. Губ. В. 1851 № 21. Стр. 191: „приближаясь еще къ Деснѣ изъ Кіева или Нѣжина, вы услышите въ народѣ произношеніе бѣлорусское: поуйдемъ, во-усемъ, ничогоусинька, сорокоувка и другія“. Стр. 191—192: ...„много ли мы знакомы съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, кромѣ свойствъ произношенія — буквъ *о* какъ *у*, *д* какъ *дз*, *т* какъ *ц*?“ Свои замѣтки по бѣлорусскому нарѣчію Тулубъ продолжаетъ и въ слѣдующемъ году: „Матеріалы для языка Черниговской губ.“ (Черн. Г. В. 1852 № 26, 280—283). Тутъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи приведены 4 сказки, при чемъ 2 даже разбиты на стихи. Но какъ видно изъ примѣчанія: „должно произносить *ѣ* нѣсколько какъ *и* (*ъйе*), *е*—тверже, почти какъ *э*, *е* мягко (*йе*), *ы* и *и* нѣсколько мягче русскаго *ы*,“— приведенные матеріалы, очевидно, принадлежатъ сѣверномалорусскимъ говорамъ.

„Щедрецъ“. *И. Гашкевичъ* (Могил. Г. В. 1852 къ № 11, 198—200). Тутъ имѣются и пѣсни, записанныя правильно; какъ странность орѳографіи отмѣтимъ лишь употребленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ вмѣсто *е* буквы *ѣ*.

„Святочныя забавы въ Могилевской губерніи“. *Ф. Подобѣдъ* (Мог. Г. В. 1852 къ № 6). Имѣются и пѣсни, записанныя правильно. Его же статья: „О бѣлорусской народности“ (Мог. Г. В. 1862, № 22)—довольно слабая.

„Коляда“ (Мог. Г. В. 1852 къ № 4)—вещь малоцѣнная. Подобное же описаніе обычая колядовать и въ Вилен. Г. В. того же времени (1852 къ № 14, 53—55).

Библіографію за 1852 г. закончилъ указаніемъ 1) „Путевыхъ замѣтокъ и впечатлѣній по Московской и Тверской губ.“ *Іос. Бѣлова*. Москва. 1852 (книжка вообще не важная); 2) извѣстной статьи *В. Даля*: „О нарѣчіяхъ русскаго языка“. Спб. 1852. О бѣлорусскомъ нарѣчіи разбросано нѣсколько замѣчаній въ разныхъ мѣстахъ; наибольше въ п. 7. Смоленское нарѣчіе (стр. LXVIII—LXX по изданію этой статьи въ „Толковомъ словарѣ живаго великор. языка“. 1880 г.); 3) замѣ-

токъ, касающихся бѣлорусскаго нарѣчія *Голотузова* въ „Программѣ для публичнаго акта въ Митавской гимназіи“. 1852 г.

Въ „Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1853 г. помѣщены очень интересныя статьи *П. Шестакова*: „Смоленскій говоръ“ (№№ 45 и 46) и „Духовщинское подрѣчіе“ (№ 50). Въ первой между прочимъ находимъ на стр. 354: особенности языка смоленскихъ простолюдиновъ (мѣна *ч* и *ц*: червь, семицка, черковь; дзеканье: дзиво, цётка, суцьба; смѣшеніе *у* и *в*: у куфню, вывчилъ; ў вм. *л*: узяу; приставка *в*: восень, вагонь; звукъ *г* = *h*: гора; произношеніе безударнаго *а* какъ *ы*: пыжалуста; *е* какъ *я*: ня цябѣ; форма іонъ; *хв* вм. *ф*: Хведоръ, Тимохвей; *ф* вм. *х*: куфня; нѣкоторыя отдѣльныя мелочи: кукшинъ вм. кувшинъ, нельга, корабъ, журавъ; указывается много отличій въ удареніяхъ); на стр. 356: особенности языка, общія всѣмъ смольнянамъ (*г* = *h*, *ы* вм. *о* безъ ударенія, смѣшеніе *у* и *в* и др.); стр. 366: провинціальныя смоленскія слова, дающія намъ понятіе о бытѣ народа; стр. 370: пословицы, стихи и разсказы — очень интересныя свѣдѣнія. Во второй статьѣ (стр. 398—407) дается довольно обстоятельная характеристика Духовщинскаго говора (смѣшеніе *ч* и *ц*: пецка; дзеканье: дзѣло, глядзи, цѣло, цябѣ; смѣшеніе *в* и *у*: вдався; приставочное *в*: воблакъ, воки, смѣшеніе предлоговъ *изъ* и *съ*: з ніоба, з міодомъ, зъѣхацъ; *хв* вм. *ф*: хвигурный, *я* вм. *е*: чалнокъ; *и* вм. *ѣ*: на печки, лисавей вм. лѣсовой; *й* вм. *и*: зайгрався; удвоеніе согласныхъ: зелле, подонне; нерѣдкое употребленіе *ей* вм. *ой*: якей, лисавей, самей пани; въ глаголахъ форма — дасцё 2 л. мн. ч.). Со стр. 400 идетъ словарь, разсказы и пѣсни.

Къ этому же году относится появленіе цѣлаго сборника бѣлорусскихъ пѣсенъ *Е. П.* „Народныя бѣлорусскія пѣсни“. Спб. 1853. Къ сожалѣнію, всѣ пѣсни напечатаны въ великорусской транскрипціи; лишь кое-гдѣ попадаются бѣлорусскія слова; вслѣдствіе этого для сужденія о языкѣ сборникъ никакой цѣны не имѣетъ.

Отмѣтимъ тутъ еще одну рукопись, имѣющую отношеніе и къ бѣлорусскому нарѣчію: „Краткій сборникъ простонародныхъ словъ, преимущественно Новоржевскаго, Островскаго,

Порховскаго и Псковского уѣздовъ Псковской и Осташковскаго Тверской губерній. Собралъ окончившій курсъ Псковской губ. гимназіи *Ив. Ил. Карповъ*". Спб. 1853 г. Въ 3-хъ переплетахъ на 601 л. Библ. Акад. Н. 17. 10. 16. Бѣлорусскія слова есть, но ихъ очень мало.

Краткій бѣлорусскій словарь напечатанъ *С. Соколовымъ* въ Могил. Г. В. за 1854 г., подъ заглавіемъ: „Собраніе бѣлорусскихъ словъ" (№№ 44—50). Передача звуковъ правильная.

Въ Москов. Вѣд. 1854 г. (№№ 148—153) появилась очень интересная статья *Адама Висковскаго*: „Бѣлоруссія". Этнографическій очеркъ. Здѣсь говорится и о бѣлорусскихъ звукахъ и о говорахъ; имѣются пѣсни и др. записи.

Дополненіемъ къ раньше названной сдатьѣ Шестакова служитъ замѣтка *К. Широкова*: „Смоленскій говоръ" (Смол. Г. В. 1854 къ № 2). Статья теоретическая; перечисляются особенности: *я* вм. *е* безударнаго, *цъ* вм. *тъ* и *ть* въ окончаніяхъ глаголовъ, гортанное *г*, *у* вм. *в*, *хв* вм. *ф*. „Уѣзды Гжатскій, Сычевскій, Бѣльскій, Ельнинскій говорятъ подрѣчіями, изъ которыхъ каждое имѣетъ свои отличительные признаки". Дальше отмѣчается удвоеніе согласныхъ: бялле, Видянне, болванне, рукодѣлле. „Въ Бѣльск. и Смолен. уѣздахъ я слышалъ въ родит. един. ч. сербское окончаніе *ога*: у тога высокога дуба, якога тамъ бѣса я видзѣу?" Окончаніе это конечно не имѣетъ связи съ сербскимъ, а просто безударное *о* въ слогѣ открытомъ перешло въ *а*. „Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ здѣсь, какъ и многихъ другихъ случаяхъ, *ч* переходитъ въ *ц* — цуешь, дзядзька". „Предлогъ *возлѣ* — длѣ, злѣ, дли". Приведены и примѣры рѣчи въ пѣсняхъ, загадкахъ и поговоркахъ.

Почти ничего нѣтъ для языка въ замѣткѣ: „Иванъ Купало". *И. И-нъ* (Смол. Г. В. 1854 № 3).

Нѣкоторое количество лингвистическихъ данныхъ имѣется въ статьяхъ *Ѳ. Богуславскаго*: „Народное преданіе о ручьѣ «Буковище» въ с. Юриновкѣ Новгородсѣверскаго уѣзда" (Черн. Г. В. 1854, № 15) и „Село Юриновка въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ (Черн. Г. В. 1855, №№ 19—21). Въ первой статьѣ есть указаніе на дзеканье, но и *ѣ* изрѣдка

вм. *и*, булъ. Во второй объ языкѣ замѣчено (стр. 159): „Его трудно опредѣлить съ точностью; есть слова и выраженія чисто русскія, бѣлорусскія, малороссійскія, польскія и многія другія“. Со стр. 163 излагаются обычаи и обряды, имѣются пѣсни. Очень интересныя данныя. Многіе малоруссизмы по всей вѣроятности объясняются тѣмъ, что записыватель (Богуславскій) воспитывался въ Черниговской дух. семинаріи и былъ, вѣроятно, малорусскаго происхожденія

Какъ курьезъ, отмѣчу здѣсь сужденіе о бѣлорусскомъ нарѣчіи представителя тогдашней учености академика *Ив. Давыдова*, высказанное въ изданномъ Академіей наукъ „Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка“, 3 изд., Спб. 1854. На стр. 480 здѣсь такое утвержденіе: „Отъ Москвы на западъ высокій говоръ, или аканье, постепенно усиливается, и, принимая еще нѣсколько другихъ особенностей, переходитъ въ нарѣчіе Бѣлорусское, которое вовсе не терпитъ звука *о*, замѣняя его, безъ ударенія, звукомъ *а*, съ удареніемъ же — звукомъ *у* или *уы*. Буква *а* съ удареніемъ почти сдваивается: хаадзи́цъ (ходить), *г*(*h*)аару́шка (горка); столъ произносится сталъ, стулъ или ста́у; волкъ — ваукъ, вуыкъ, и проч.“ Повидимому, кто-нибудь подшутилъ надъ академикомъ, или онъ не понялъ того, о чемъ ему какой-либо малосвѣдущій человѣкъ сообщалъ, а порыться въ разныхъ матеріалахъ, которыхъ въ академической библіотекѣ къ тому времени было немало, не хотѣлось. Болѣе здравыя сужденія у него же находимъ о старомъ западнорусскомъ нарѣчіи (ср. стр. 19, 2 b; 20, 3 b).

Къ пятидесятымъ годамъ относится и дѣятельность извѣстнаго въ свое время беллетриста *П. М. Шпилевскаго* (оцѣнка его у Пыпина, IV, 72—75). Мѣстный уроженецъ, проведшій дѣтство въ одномъ изъ бѣлорусскихъ захолустій, онъ очень хорошо зналъ бѣлорусскій бытъ и, при лучшемъ состояніи этнографической науки, могъ бы дать немало цѣнныхъ матеріаловъ для его характеристики. На самомъ же дѣлѣ его статьи носятъ беллетристическій характеръ; въ нихъ авторъ довольно легко относится къ тѣмъ или другимъ обрядамъ и обычаямъ, такъ что, читая его статьи, нельзя быть вполнѣ увѣ-

реннымъ въ правдивости сообщеній. Многія пѣсни, кромѣ того, заимствованы у Чечота или изъ книги Тышкевича, безъ ссылокъ на эти труды (Пып., IV, 75—76). Какъ увидимъ ниже, есть нѣсколько работъ у Шпилевскаго и чисто этнографическихъ. Несмотря на перечисленные недостатки, и изъ чисто беллетристическихъ трудовъ Шпилевскаго, при осторожномъ и умѣломъ пользованіи, можно извлечь немало интереснаго. Послѣдующіе собиратели, напр., Шейнъ, находили возможнымъ дѣлать заимствованія и у Шпилевскаго (ср. Матеріалы etc., I т., 1 ч., стр. 140—142, 146—149). Изъ работъ Шпилевскаго, дающихъ матеріалы и для языка, отмѣтимъ слѣдующія: „Бѣлорусскія народныя повѣрья". *П. Древлянскій* (псевдонимъ) (въ прибавленіяхъ къ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г., кн. I, 4—25; кн. IV, 85—125; 1852 г., Литерат. прибавленія, № 3 (декабрь), 1—32, уже съ фамиліей Шпилевскаго); „Народныя пословицы, съ объясненіемъ происхожденія и значенія ихъ" (Москвитянинъ, 1852, ч. 4 № 16, авг., кн. 2, 125—136). То же подъ заглавіемъ: „Бѣлорусскія пословицы. Сборникъ П. Шпилевскаго" (Извѣстія Ак. Н. по Отд. Русс. яз. и слов., т. II, 1853 г., приложеніе, 173—192, = Памятники и образцы народнаго языка и словесности). При изданіи сдѣлано примѣчаніе: „Г. Шпилевскій держался въ своемъ сборникѣ правописанія не того, что г. Носовичъ, стараясь сохранить во всѣхъ мелочахъ выговоръ народный". Дѣйствительно, его фонетическая передача очень точная для сильно акающаго говора. Пословицы его вышли и отдѣльной книгой (Спб. 1853) „Изслѣдованіе о вовколакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій" (Москвитянинъ, 1853, т. 2, № 5, мартъ, кн. 1, 1—30); „Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю" (Современникъ, 1853 г., № 6, от. II, 75—98; № 7, отд. II, 1—26, и № 8, 39—110; 1854 г., т. 48 от. II, 1—58; 1855 г., т. 52 отд. II, стр. 1—62). „Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ" (Пантеонъ, 1853 г., т. 8, № 4, смѣсь, 71—96; т. 9, № 5, 1—20; № 6, 1—34; т. 10, № 7, 15—56; 1854 г., т. 15, № 5, 21—44; № 6, 47—68; 1856 г., т. 25, № 1, 1—30; т. 26, № 3, 1—28).

Изложеніе вездѣ литературнымъ языкомъ въ беллетристической формѣ; бѣлорусскія пѣсни и выраженія иногда въ очень ограниченномъ количествѣ, а иногда въ значительномъ числѣ. Вообще для сужденія о языкѣ можно найти здѣсь немало интереснаго. „Къ волочебникамъ въ Витебской губерніи“ (Русс. Дневникъ, 1859 г. № 101). „Мозырщина. Изъ путешествія по западнорусскому краю“ (Архивъ историч. и юридич. свѣдѣній о Россіи, 1859 г., кн. 3, отд. II, 1—49). Съ именемъ П. Шпилевскаго есть и нѣсколько рукописей въ Библіотекѣ Академіи Наукъ: „Бѣлорусскія пѣсни П. Шпилевскаго“ F. на 2 л. Матер. Бѣлор. 3; „Словарь бѣлорусскаго нарѣчія, составленный П. Шпилевскимъ“ (1845 г.). F. на 69 л. Послѣ предисловія имѣется грамматическій очеркъ бѣлорусскаго нарѣчія, а затѣмъ словарныя данныя; „Замѣтки бѣлорусца о бѣлорусскомъ языкѣ“ (Спб. 1853). F. на 22 л. Статья довольно поверхностная, но не безполезная; имѣется обзоръ главнѣйшихъ фонетическихъ особенностей; есть и матеріалы для словаря. Обѣ рукописи подъ шифромъ 1. 4. 49—50.

Въ изданіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ разсматриваемаго времени помѣщено нѣсколько очень цѣнныхъ матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію, принадлежащихъ перу уже забытаго филолога-самоучки *С. П. Микуцкаго.* Если его работы по сравнительному языковѣдѣнію, вслѣдствіе его неподготовленности, не имѣютъ никакой цѣны, то его наблюденія по бѣлорусскому нарѣчію, съ которымъ онъ былъ знакомымъ съ дѣтства, очень цѣнны. Изъ его работъ въ этомъ родѣ мнѣ извѣстны: „Бѣлорусскія пѣсни и загадки, записанныя въ Витебской губерніи, въ имѣніи Зябки Дрисенскаго уѣзда“ (Памятники и образцы народнаго языка и словесности. II тетр. 1853 г., 235—242). Какъ видно изъ рукописи Библіотеки Академіи наукъ (Арх. Изв. Пам. 24), эти пѣсни записаны дѣвицей *Изабеллой Игн. Гласко* и только сообщены и по всей вѣроятности редактированы Микуцкимъ; загадки имѣются только въ рукописи. Въ рукописи сохранились и „Бѣлорусскія волочебныя пѣсни, собранныя С. Микуцкимъ“. F. на 4 лист. Матер. Бѣлор. 4, „Бѣлорусскія слова

Сборникъ С. П. Микуцкаго" (Матер. для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики русс. яз. и др. слав. нарѣчій. II т. 1854 г., 176—192). Слова расположены въ алфавитномъ порядкѣ и поясняются, кромѣ перевода, еще отрывками изъ народныхъ пѣсенъ. „6-ой Отчетъ кандидата Станислава Микуцкаго" (Извѣстія Имп. Акад. Н. по Отд. р. яз. и словесности, IV, 1855 г., 87—112). Къ бѣлорусскому нарѣчію имѣютъ отношеніе только стр. 110—112: границы бѣлорусскаго племени; объясненіе названія дреговичей (отъ дрягва́), кривичей (отъ кривой). Отличительныя особенности бѣлорусскаго нарѣчія: говоръ кривичей (цокающій) и дреговичей. Признаки отмѣчены довольно правильно.

Начиная съ 1853 года Императорское Географическое Общество начало обнародывать отвѣты, полученные имъ на программы, разосланныя еще въ 1847 году, въ особомъ сборникѣ, носившемъ названіе: „Этнографическій сборникъ, издаваемый Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ". Въ первыхъ трехъ выпускахъ этого сборника есть интересныя статьи и по бѣлорусской этнографіи, содержащія матеріалы для характеристики народнаго быта и языка. Таковы — въ 1-мъ выпускѣ (Спб. 1853 г.) статья свящ. *Разумихина*: „Село Бобровки и окружный его околотокъ Тверской губ. Ржевскаго уѣзда" (235—282). Здѣсь, кромѣ данныхъ для характеристики языка, имѣемъ и матеріалы, изображающіе народный бытъ тверскихъ бѣлоруссовъ (обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей, при свадьбахъ, при похоронахъ и нѣкоторые другіе). Обо всемъ говорится вкратцѣ, но за то сообщаются свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ дотолѣ неизвѣстныя. Въ томъ же выпускѣ помѣщена статья проф. Литовской семинаріи *И. Юркевича*: „Остринскій приходъ Виленской губ. Лидскаго уѣзда" (283—293)—также дающая кое-какія свѣдѣнія по западнорусскому быту и языку. Во II-мъ выпускѣ Этнографическаго сборника помѣщена очень интересная статья: „Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ" (111—268), касающаяся больше сѣверной части Бѣлоруссіи. Въ основѣ этой обширной статьи лежитъ этнографическое описаніе народнаго быта, сдѣ-

данное *Н. Анимелле*, но оно дополнено разными сообщеніями, поступавшими въ И. Географическое Общество съ 1848 по 1850 г. Тутъ находимъ, напр., свѣдѣнія о привѣтствіяхъ, о сидѣніи за столомъ, о крестинахъ, свадьбахъ у православныхъ и католиковъ бѣлоруссовъ; описаніе обрядовъ сопровождается соотвѣтствующими пѣснями и привѣтствіями. Далѣе описываются похороны и поминки. Есть описаніе обычаевъ и при другихъ случаяхъ, напр., при пожарахъ. Особый отдѣлъ составляетъ описаніе обрядности при народныхъ праздникахъ, а также при жнивѣ и толокѣ. И здѣсь вездѣ имѣются пѣсни. Въ заключеніе предлагаются суевѣрія и примѣты, а также приводится нѣсколько поговорокъ. Эта статья во всѣхъ отношеніяхъ интересная. Жаль только, что уже давно не имѣется въ продажѣ этого выпуска Этнографическаго сборника. Въ III-мъ выпускѣ также находимъ двѣ интересныя статьи по быту сельскаго населенія. Это а) „Замѣтки о западной части Гродненской губерніи" безъ имени автора (кажется *Куклинскаго*, стр. 47 — 114) и б) „Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію" *А. Киркора* (115 — 276). Въ первой статьѣ, кромѣ историческаго очерка страны, дается описаніе и „быта современнаго", при чемъ подъ бытомъ разумѣется собственно языкъ: описаній обрядовъ и обычаевъ нѣтъ. Объ нихъ впрочемъ можно судить по приводимымъ здѣсь пѣснямъ. Статья Киркора уже даетъ обстоятельный очеркъ между другими народностями и быта бѣлорусскаго населенія Виленской губерніи. Тутъ описаны обряды при рожденіи, свадьбѣ, похоронахъ, поминкахъ умершихъ; тутъ же описаніе народныхъ празднествъ, а также полевыхъ работъ съ сопровождающими ихъ обрядами и пѣснями; есть краткія свѣдѣнія о народной медицинѣ и лѣкаряхъ-знахаряхъ; описываются народныя игры съ приложеніемъ сопровождающихъ ихъ пѣсенъ. Наконецъ немало отведено мѣста и народнымъ преданіямъ. Съ 193 страницы статья представляетъ сырые матеріалы: Словарь бѣлорусско-кривичанскаго нарѣчія, представляющій при ближайшемъ разсмотрѣніи простую перепечатку русскими буквами **Słownika wyrazów krewickich** изъ сборника Че-

чота 1846 г. (стр. 64—68). Далѣе (стр. 201—223) слѣдуютъ „Пѣсни жителей Виленской губерніи кривичанскаго племени", также перепечатанныя изъ Чечота (ib. 17—32, 46—62), безъ указанія источника, откуда онѣ взяты. Заимствованіе ихъ изъ Чечота подтверждается не только буквальнымъ сходствомъ, а также порядкомъ расположенія, но даже особымъ способомъ обозначенія неслогового ў посредствомъ ý въ подражаніе Чечотовскому латинскому ú. Перепечатка сдѣлана довольно механически: Киркоръ помѣстилъ даже въ числѣ народныхъ пѣсенъ стихотвореніе самого Чечота „Да милыхъ мужычкоý" (№ 43, стр. 222; у Чечота 1846 г., № С, стр. 62):

Да и яжъ вамъ памагу	Da i jaż wam pamahū
Пѣсѣньку спѣваци;	Piēsieńku śpiewaci;
Дай яжъ мижи вами ýзросъ	Da-j jaż miży wami úzros
При бацьку и маци.	Pry baćku i maci.
И мнѣ Боý [1]) на свѣцѣ даý	I mnie Вон na świecie daú
Горо гороваци;	Horo harawaci;
Штобъ лѣпись [2]) я васъ любіý	Sztoby lepsz ja was lubīū,
И ýмѣý спагадаци.	I úmieú spahadaci.
Ой штожъ вы напѣли тутъ	Oj sztoż wy napieli tut,
Да якого дзива? и т. д.	Da jakoho dziwa! и т. д.

У Киркора вслѣдствіе умолчанія объ источникѣ, а также невнимательнаго отношенія къ нему, допущена нѣкоторая мистификація или лучше—подлогъ. „Piosnki krewickie z nad Niemna" Чечота, записанныя около Щорсъ, стоящихъ на Нѣманѣ въ Минской губ. или въ прежнее время въ Гродненской, отнесены къ пѣснямъ Виленской губерніи. Впрочемъ незначительная часть пѣсенъ, находящихся у Киркора, не имѣется у Чечота и въ другихъ извѣстныхъ мнѣ собраніяхъ. Онѣ, быть можетъ, собраны и самимъ Киркоромъ. На стр. 234—239 напечатаны пословицы, также взятыя у Чечота, безъ указанія источника (ср. у Чечота, 1846 г., стр. 106—120). Свадебныя пѣсни (стр. 239—272), опять-таки безъ указанія источника, перепечатаны русскими буквами изъ Opisania powiatu Bory-

[1]) Чит. Богъ; неправильно прочитано Вон.

[2]) Чит. лѣпшь. Какъ и въ другихъ случаяхъ, корректурная небрежность.

sowskiego (стр. 289—345). И здѣсь перепечатка часто довольно небрежная, напр. у Тышкевича читаемъ: Tatkawa n i u k a da nie ulekajsie = Таткава н і ў к а да не улекайсе, а у Киркора: „Таткова *нюка* да не улекайсѣ“. Всѣ эти пѣсни изъ Борисовскаго уѣзда Минской губ., но онѣ названы пѣснями Виленской губерніи. Описаніе обрядовъ отъ пѣсенъ устранено. Имѣя въ виду такое безцеремонное обращеніе съ чужими пѣснями, можно думать, что такъ же отнесся Киркоръ и къ описаніямъ обрядовъ, хотя у него собрано и достаточно этого рода матеріала.

Дѣятельности Киркора намъ пришлось бы коснуться еще значительно позже, когда бы шла рѣчь объ изданіи „Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общей редакціей *П. П. Семенова*“. Т. III, ч. 1. Литовское Полѣсье; ч. 2. Бѣлорусское Полѣсье. Спб. 1882. Изданіе Вольфа. Почти всѣ статьи III тома „Живоп. Россіи“ написаны *Киркоромъ*. Но уже при своемъ появленіи онѣ не соотвѣтствовали 80-мъ годамъ XIX столѣтія. Проводимые въ нихъ взгляды и научный аппаратъ не поднимались дальше 50—60 годовъ; поэтому и естественно отмѣтить эту книгу здѣсь. Для нашихъ цѣлей въ данномъ случаѣ не имѣютъ значенія статьи археологическія и историческія, а только тѣ данныя, которыя могутъ такъ или иначе освѣтить бѣлорусское нарѣчіе, а въ этомъ отношеніи III т. „Жив. Россіи“ даетъ очень мало матеріала (ср. стр. 249 и слѣд., 277 и слѣд., 317 и слѣд.): это большею частью заимствованія у другихъ, переданныя обыкновенно неточно. Киркоръ 80-хъ годовъ остался тѣмъ же самымъ, какимъ былъ и въ 60-хъ. Еще отмѣчу работу Киркора, отчасти вошедшую въ „Жив. Россію“: „Этнографическіе очерки Сувалкской губерніи“ (Памятная книжка Сувалкской губ. на 1873 г.); на стр. 99—102 дается описаніе сувалкскихъ бѣлоруссовъ и приводится нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ (ср. еще у Пыпина, IV, 72, 169—171).

Изъ мелочей конца 50-хъ годовъ отмѣтимъ: „Свадьба на Полѣсьѣ“ (Кіевскій Телеграфъ, 1859 г., №№ 20, 25). Статья интересная и касается больше Бѣлоруссіи; тутъ же пѣсни.

„О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ у крестьянъ Бѣлорусскаго племени, населяющихъ Смоленскую губернію.“ *В. Невѣровича* (Памятная книжка Смоленской губ. на 1859 г., 123—203). Записи хорошія; вездѣ имѣются и пѣсни. Многое перепечатано у Шейна въ „Матеріалахъ“ (I т. 1 ч., 53—55, 126, 131, 185—187, 189—191, 199; I т. 2 ч., 395, 456—481).

„Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ“ *В. Варенцова.* Спб. 1860. На стр. 207 — 239 — бѣлорусскіе стихи. Записи очень хорошія.

Въ это же время, вѣроятно, собраны нѣкоторые матеріалы по бѣлорусскимъ говорамъ *О. М. Бодянскимъ*, хранящіеся въ рукописяхъ въ Библіотекѣ Общества исторіи и древн. россійскихъ при Моск. университетѣ (ср. Чтенія въ Общ. И. и Др. за 1898 г. № 3, смѣсь, 4). Таковы—о нарѣчіи Смоленскомъ; бѣлорусскія пѣсни, собранныя *Войниловичемъ* въ Слуцкомъ уѣздѣ; о языкѣ смоленскихъ поселянъ неизвѣстнаго автора; слова, употребляемыя въ Смоленской губерніи, записанныя студентомъ *Майхровскимъ*; энеида, переложенная съ малороссійскаго на смоленскій языкъ *Ровинскимъ*; цѣнные матеріалы изъ Могилевской губерніи, доставленные *Гнатовскимъ*.

До шестидесятыхъ годовъ сдѣланы записи и собранія, поступившія въ 1900 и 1901 годахъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Императ. Академіи Наукъ: а) Областныя слова Смоленской губерніи Красненскаго уѣзда. F. на 2 листахъ. Обл. сл. 159; б) Собраніе словъ, употребляемыхъ въ просторѣчіи въ городѣ Рославлѣ (Смолен. губ.) и уѣздѣ онаго. Учителя рославльскаго уѣзднаго училища *М. Арбузова*. 4°. На 8 листахъ. Обл. сл. 160; в) О говорѣ крестьянъ села Хохлова Смолен. уѣзда. F. на 2 листахъ. Обл. сл. 161. Въ 1-мъ собраніи имѣется немало бѣлорусскихъ словъ; во 2-мъ только бѣлорусс. слова; въ 3-мъ содержатся не безполезныя замѣчанія по бѣлорусскому нарѣчію.

Переходя къ шестидесятымъ годамъ, остановимся на одномъ рядѣ изданій, которому основаніе положено еще въ 50-хъ годахъ. Въ 1857, 1858 и 1859 годахъ генеральнымъ штабомъ были разосланы инструкціи и программы для изученія губер-

ній сѣверозападнаго края въ отношеніи статистики и географіи. Полученные въ отвѣтъ на эти программы матеріалы и изданы были потомъ въ нѣсколькихъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: „Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба". Въ нѣкоторыхъ томахъ этого изданія имѣются и матеріалы, характеризующіе народный бытъ и языкъ. Первой по времени книгой, интересной въ этомъ отношеніи, является „Виленская губернія" *А. Коревы*. Спб. 1861. Тутъ (на стр. 609—638) въ отдѣлѣ—частный и гражданскій бытъ мѣстнаго населенія—имѣются и матеріалы для характеристики быта бѣлоруссовъ и языка („Обряды славянскаго племени"). Слѣдуетъ только пожалѣть, что это описаніе не представляетъ ничего новаго, будучи выдержками изъ раньше отмѣченной статьи Киркора, который въ свою очередь свои свѣдѣнія заимствовалъ у другихъ, главнымъ образомъ у Чечота и Тышкевича. Этотъ свой недостатокъ сознаетъ и самъ составитель книги: „Всѣ эти сочиненія имѣютъ важныя достоинства, знакомящія съ частнымъ бытомъ мѣстнаго населенія губерніи, а потому мы здѣсь ограничимся извлеченіемъ болѣе любопытныхъ мѣстъ изъ этихъ описаній, а остальное предоставляемъ любознательнымъ читателямъ и любителямъ этнографическихъ изслѣдованій, для знакомства въ этомъ отношеніи съ краемъ, обратиться къ вышепоименованнымъ сочиненіямъ. Все нами здѣсь сказанное объ этомъ предметѣ было бы только повтореніемъ того, что уже давно представлено на судъ публики" (стр. 610). Лучшаго отношенія къ дѣлу и нельзя было ожидать отъ лица, которое не знало даже, къ какому племени относятся бѣлоруссы; со словъ тогдашнихъ польскихъ этнографовъ авторъ говоритъ о „кривичанскихъ славянахъ", противополагая ихъ русскимъ, да повидимому не отожествляя ихъ и съ бѣлоруссами: „Славяне, населяющіе Виленскую губернію, кромѣ выходцевъ изъ велико-Россіи—великороссіянъ, раздѣляются на бѣлоруссовъ, черноруссовъ и кривичей" (стр. 290). Это недомысліе наглядно выражено и въ этнографической картѣ Вил. губ., приложенной къ Описанію.

Въ слѣдующемъ году вышли изъ серіи „Матеріаловъ" —

„Курляндская губернія“ *Орановскаго* — для насъ книга малополезная — и „Смоленская губернія“ *М. Цебрикова*. Спб. 1862 г. Какъ и въ предыдущей книгѣ, и здѣсь разсматриваются этнографическія черты быта и народной поэзіи смоленскихъ бѣлоруссовъ (ср. стр. 125—127, 258—316). Бѣлорусскіе матеріалы для языка часто излагаются вмѣстѣ съ великорусскими, вслѣдствіе чего при пользованіи приходится относиться къ нимъ съ осторожностью. Кромѣ того, бѣлоруссы вездѣ представляются въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ.

Значительно интереснѣе данныя о бытѣ бѣлоруссовъ находимъ въ томѣ „Матеріаловъ“, содержащемъ „Гродненскую губернію“ *П. Бобровскаго*. Спб. 1863, ч. I. Въ этомъ томѣ (на стр. 621—652, 808—844) дается не мало интереснаго и притомъ новаго матеріала для характеристики быта русскаго населенія Гродненской губерніи. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только бѣлоруссовъ, то отсюда слѣдуетъ исключить все, что касается малорусскаго племени и отчасти жителей малорусскаго Полѣсья. Впрочемъ описаніе собственно обрядовъ, суевѣрій, предразсудковъ бѣлоруссовъ Гродн. губерніи и матеріалы для сужденія о языкѣ занимаютъ здѣсь немного мѣста (стр. 820—832, 838—842). При описаніи свадьбы кое-что, вѣроятно, заимствовано у Киркора. Отъ него взятъ и странный способъ при перепискѣ кирилловскимъ шрифтомъ польскихъ записей бѣлорусской рѣчи передавать польское *ie* посредствомъ *ѣ* (зѣличко, даѣ, дагадайцѣся, яѣцъ, вѣсильнаго и т. д. вмѣсто зеличко, дае, дагадайцеся, яецъ, весильнаго и т. д.), при чемъ и такая условная постановка *ѣ* проведена очень непослѣдовательно (зачина*е*цся, вес*іе*льечко, добры*е* и т. д. изъ тѣхъ же записей: ср. стр. 828—829). Попадаются и корректурныя грубыя погрѣшности (*др*овичаго вм. яловичаго).

„Матеріалы“, касающіеся Минской губерніи („Минская губернія“ *И. Зеленскаго*. 2 части. Спб. 1864), составленные, вообще говоря, очень обстоятельно, почему-то не даютъ характеристики народныхъ вѣрованій, обычаевъ, предразсудковъ; нѣтъ поэтому въ разсматриваемомъ изданіи и матеріаловъ для

языка; лишь кое-гдѣ въ обоихъ томахъ попадаются народныя поговорки и пословицы.

Въ томъ же году вышелъ томъ „Матеріаловъ", касающійся Калужской г. („Калужская губернія" *М. Попроцкаго*. Спб. 1864, 2 части). Здѣсь во II ч. (стр. 183—186) между прочимъ напечатаны „Мѣстныя слова". Имъ предпослано замѣчаніе: „Жители Калужской губерніи говорятъ великорусскимъ языкомъ, но въ произношеніи весьма многихъ словъ жителями Масальскаго и западной части Жиздринскаго уѣздовъ замѣтно сосѣдство Бѣлоруссіи". Дѣйствительно, многія изъ напечатанныхъ словъ оказываются сходными съ бѣлорусскими (напр., боты, гребля, гуторить, дежа, дуже, зля-для и др.); тутъ же отмѣчено смѣшеніе *у* и *в*, формы, въ родѣ—іонъ ѣдя.

Въ слѣдующемъ году вышли и „Матеріалы" по Черниговской губерніи *М. Домонтовича*. Спб. 1865 г. Тутъ о составѣ населенія читаемъ между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: „Въ Малороссіи жители задесенской части Черниговской губерніи извѣстны подъ общимъ названіемъ „литвиновъ". Этимъ именемъ малороссіяне зовутъ вообще всѣхъ бѣлоруссовъ, полагая отличительными ихъ чертами—дзѣканье, а въ одеждѣ—бѣлый цвѣтъ и лапти. Признаки эти имѣютъ и черниговскіе литвины, отличаясь ими отъ коренныхъ малороссіянъ" (532). „Чистый типъ бѣлорусса является только въ полной силѣ въ уѣздахъ: Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Стародубскомъ и отчасти Городнянскомъ" (533).

Тутъ мѣсто упомянуть о собраніи разныхъ матеріаловъ, больше рукописныхъ, для этнографической карты бѣлорусскаго племени, сдѣланномъ извѣстнымъ академикомъ *П. Кёппеномъ*; описано собирателемъ въ письмѣ къ Кунику 1861 г., напечатанномъ въ Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg, т. III. 1861, стр. 506—511: Über die von P. v. Köppen gesammelten russischen Sprachproben. Доступными пользованію публики эти матеріалы стали только въ послѣднее время: 3 тома F, подъ общимъ заглавіемъ на корешкѣ переплетовъ: „Свѣдѣнія о русскихъ нарѣчіяхъ". Тутъ особенно интересны отвѣты настоятелей церквей разныхъ испо-

вѣданій еще 1827 г. изъ губерній Виленской, Ковенской, Курляндской и Минской. Ему же принадлежитъ 3 экземпляра неизданнаго этнографическаго атласа (1 въ библіотекѣ Государя Императора, 2-ой въ Академич. б. и 3-ій въ библіотекѣ Геогр. Общества) (ср. Bulletin, III, 510, вын.).

Три бѣлорусскихъ пѣсни напечатаны у *Ѳ. И. Буслаева*: „Историческая христоматія". М. 1861, стр. 1623—1624. Пѣсни доставлены Безсоновымъ. Тутъ же и краткая характеристика нарѣчія.

„Бѣлорусскія повечорки" (этнографическій эскизъ) (Калейдоскопъ, 1862 г., № 27, стр. 421—424, съ иллюстраціей). Для языка мало матеріала.

„Путевыя письма" *Якушкина* (Основа 1862, № 1=Сочин. Якушкина). Кое-что о говорахъ Черниговской губерніи.

„О гродницкомъ нарѣчіи". *Леся—ій* (Основа, 1862, августъ, стр. 46). Рѣчь идетъ о городнянскомъ нарѣчіи.

„Мартъ мѣсяцъ у Бѣльскихъ крестьянъ Смоленской губ." *Нил. Синявскій* (Смол. Г. В., 1862 № 15). Приводятся бѣлорусскія выраженія и даже пѣсенки. Его же: „Апрѣль мѣсяцъ у бѣлорусскихъ крестьянъ Смоленской губ." (Смол. Г. В. 1862, № 24). Есть пѣсни и причитанія на Радуницу.

Съ 1863 года изученіе Бѣлоруссіи становится особенно интенсивнымъ и производительнымъ. Причиной этого было польское возстаніе, избравшее для себя ареной между прочимъ и западный край. И западная дипломатія, хотѣвшая было вмѣшаться въ славянское семейное дѣло, и русскія правящія сферы и русское общество и даже многіе представители интеллигенціи западнаго края, сбитые съ толку этнографическими изысканіями нѣкоторыхъ польскихъ ученыхъ и тѣхъ русскихъ этнографовъ, которые повторяли ихъ, не ясно представляли себѣ этнографическій составъ края. Пришлось доказывать, что западный край есть русскій по громадному большинству населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ православный; пришлось точно опредѣлить въ немъ количество бѣлоруссовъ и напомнить исторію постепеннаго ихъ забвенія. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ тогдашніе патріотическіе журналы и газеты и на-

полнены массой статей, доказывающихъ отмѣченныя положенія; выходятъ и отдѣльныя изданія, преслѣдующія тѣ же цѣли. Мы не станемъ перечислять статей въ этомъ родѣ, такъ какъ главнѣйшія изъ нихъ отмѣчены у Пыпина (гл. V и VI), да, кромѣ того, не всѣ изъ нихъ и соотвѣтствуютъ нашей цѣли—указанію памятниковъ съ матеріалами для языка. Мы разсмотримъ литературу, касающуюся а) границъ бѣлорусскаго племени и б) содержащую данныя для сужденія о языкѣ.

Къ изданіямъ перваго рода слѣдуетъ отнести два этнографическихъ атласа Эркерта и Риттиха: *Эркерта*—на французскомъ языкѣ: „**Atlas éthnographique des provinces. habitées en totalitées ou en partie par les Polonais**". Спб. 1863, и по-русски: „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи". Спб. 1864, съ атласомъ. Эркертъ, какъ отличительный признакъ для разграниченія бѣлоруссовъ и поляковъ, выставляетъ религію. Естественно, онъ вызвалъ возраженія и замѣчанія со стороны спеціалистовъ: *П. Бобровскаго*: „Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племенного разграниченія славянъ западной Россіи?" (Русс. Инвалидъ, 1864, №№ 75 и 80), *М. Кояловича*: „О разселеніи племенъ западной Россіи" (Русс. Инвалидъ, 1863, № 114, 486—488, День, 1863 № 20); его же: „Взглядъ г. Эркерта на Зап. Россію" (Русс. Инвалидъ, 1864 № 174).—Атласъ *Риттиха*: „Атласъ народонаселенія западнорусскаго края по исповѣданіямъ". Составленъ при Министерствѣ внутр. дѣлъ въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ. Спб. 1864. При этомъ еще вышла: „Карта народонаселенія Августовской и Люблинской губерній по исповѣданіямъ и племенамъ". Спб. 1865. Атласъ Риттиха составленъ на основаніи болѣе достовѣрныхъ данныхъ, нежели атласъ Эркерта, и поэтому онъ вызвалъ полное сочувствіе заинтересованныхъ лицъ: ср. *М. Кояловича*: „Объ этнографическомъ атласѣ Западныхъ губерній" (Русс. Инвалидъ, 1863 № 268). Его же: „Объ этнографической границѣ между Россіей и Польшей" (Русс. Инвал. 1864, № 78, о томъ же въ Спб. Вѣдомостяхъ 1864, № 77) — публичная лекція о бѣлоруссахъ Авгу-

стовскаго и отчасти Сейненскаго уѣзда. Тутъ же пѣсня; перепечатанная съ разными искаженіями Риттихомъ (Прибавленіе къ матер. для этногр. Цар. П., 16). Въ концѣ рѣчь о мазурахъ и малоруссахъ. Разныхъ мелочей, касающихся этнографическаго состава западнаго края, приводить не станемъ. Отмѣтимъ лишь: „Свѣдѣнія объ археологическихъ, этнографическихъ и другихъ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ въ Западн. краѣ, въ теченіе 1865 — 1866 гг.“ (Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общ. 1866 г., отд. 2-ой, 208—210).

Разсмотримъ работы этого времени, дающія матеріалы по языку. Прежде чѣмъ перейти къ болѣе солиднымъ сборникамъ, отмѣтимъ мелочи.

„По поводу письма бывшаго ученика Минской гимназіи, помѣщичьяго сына (о языкѣ простого народа Минской губ.) учитель одной изъ западныхъ гимназій“ (День, 1863, № 28). Приводится между прочимъ нѣсколько фразъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи изъ Мелешковичъ и Мацицъ Слуцкаго уѣзда. Доказывается, что бѣлорусское нарѣчіе ближе къ великорусскому, чѣмъ къ польскому языку.

„Мѣстныя суевѣрія и предразсудки (изъ записокъ сельскаго священника)“. Протоіерея *Плакида Янковскаго* (Литов. Епарх. Вѣд. 1863 г. №№ 21 и 22, стр. 810—815, 854—864). Для языка очень мало. „Изъ Гродно“ (Спб. Вѣдомости, 1864 г. № 188). Приводятся двѣ пѣсни, но обѣ малорусскія; только съ другою цѣлью приведена для сравненія одна бѣлорусская пѣсня изъ Чечота.

„О народныхъ пѣсняхъ Минской губерніи (въ литературномъ отношеніи)“. Статья *А. С.* (Вилен. Вѣстн. 1864, № 131). Только 3 пѣсни, да и тѣ, вѣроятно, поддѣльныя: № 1 „Былъ на Руси черный богъ“, № 2 „Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка“, № 3 „Ой колибъ, коли | Москали пришли“. № 1 помѣченъ Несвижемъ, № 2 — Пинскомъ, № 3 — Мозыремъ (Исторія этихъ и др. подобныхъ пѣсенъ у Пыпина, IV, 123). То же перепечатано въ „Вѣстникѣ Западн. Россіи“ 1865 г. № 7 (янв.), 423 — 426.

„Свадебные обряды крестьянъ Себежскаго уѣзда“. *Н. По-*

ливенъ (Вит. Г. В. 1864 № 3). Къ сожалѣнію, пѣсни даются въ переводѣ на литературный языкъ.

„Мѣстныя русскія народныя сказки" (Гродн. Г. В. 1864 № 44). Обѣ записаны въ Гродн. уѣздѣ. Бросается въ глаза *са* (пытаўса, уперциса) и форма сзѣмъ = зъзѣмъ (съѣмъ).

„Мѣстныя народныя русскія пѣсни" (Гродн. Г. В. 1864 № 45). Бѣльскаго уѣзда, больше малорусскія.

„О значеніи пословицъ и поговорокъ и о Бѣльскомъ мѣстномъ нарѣчіи". *Н. Ельчаниновъ* (Смолен. Г. В. 1864 № 28, стр. 113—115). Тутъ же: „Краткій сборникъ мѣстнаго крестьянскаго нарѣчія въ Бѣльскомъ уѣздѣ" — всего 2 столбца. Статья очень неважная.

„Сельскіе очерки. Село Нѣжковъ". *Ст. Бекаревичъ* (Могил. Г. В. 1864, №№ 31, 33, 45). „Сельскіе очерки. Свадебный обрядъ у крестьнъ въ приходѣ с. Нѣжкова Могилевскаго уѣзда". Статья С(в). *С(т). Б(екаревича)* (Могил. Г. В. 1865, № 13). Въ послѣдней статьѣ имѣются недурныя записи пѣсенъ.

„Обычаи и обряды крестьянъ Себежскаго уѣзда при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ". *Ѳ. Серебренниковъ* (Памятная книжка Витебской губ. на 1865 г., 75—93). Описаніе съ пѣснями. Перепечатки сдѣланы у Шейна (Матеріалы, т. I, ч. 2, 629).

„Свадебные обычаи и обряды простонародья въ Борисовскомъ уѣздѣ". *Ш(умо)вичъ* (Мин. Г. В. 1865, №№ 22—29, 35—37, 39 и 41—44). Передѣлка или точнѣе — перепечатка изъ книги Тышкевича „Opisanie powiatu Borysowskiego", но безъ ссылокъ на него.

„Нѣчто о повѣрьяхъ Бѣлорусцевъ Полоцкаго уѣзда" (Вѣстн. Зап. Россіи, 1865, № 6 (декабрь), 270—274).

„Вертепъ въ Могилевѣ" (Могил. Г. В. 1866, № 4). Интересное описаніе съ пѣснями, конечно искусственными (о чемъ рѣчь послѣ).

„Очерки бѣлорусскаго Полѣсья". *И. Эремичъ* (Вѣстн. Зап. Россіи, т. III, №№ 8 и 11, Отд. 4, стр. 95—117). Вышли и отдѣльной книжкой (Вильна. 1868). Цѣннаго для языка мало.

Тутъ же отмѣтимъ нѣсколько статеекъ *Григ. Кулжинскаго*. „О сборникѣ западнорусскихъ пословицъ и поговорокъ“ (Гродн. Г. В. 1866, № 41, и Вил. Г. В. 1866 г., № 84) — о предполагаемомъ изданіи. „Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ касательно Зап. Россіи“ (Гродн. Г. В. 1867, № 22 — просьба о сообщеніи этнографич. свѣдѣній. „О духовныхъ простонародныхъ пѣсняхъ сѣв.-зап. края (Мин. Г. В. 1868 г., № 35) — имѣются и пѣсни, между которыми есть и искусственныя.

Особенности бѣлорусскаго нарѣчія въ это время научнымъ образомъ изложены въ извѣстномъ изслѣдованіи *А. Потебни*: „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій“. Воронежъ. 1866 г. (Оттискъ изъ Филол. Записокъ 1865 г., вып. I и II — III). Особенности нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ, стр. 71 — 73. Относительно бѣлорусскаго нарѣчія Потебня держится взгляда И. И. Срезневскаго, что „въ бѣлорусскомъ говорѣ нѣтъ ниодной звуковой черты, которая бы не повторилась хотя гдѣ-нибудь въ Великой Россіи“. Всѣ случаи разногласія бѣлорусской рѣчи съ великорусскою и сходства съ малорусскою онъ объясняетъ заимствованіями. Ср. разборъ этого мнѣнія у меня въ „Обзорѣ зв. и формъ бѣл. р.“, 156 — 158.

Первымъ крупнымъ собраніемъ бѣлорусскихъ народныхъ произведеній въ это время является: „Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ“. Изд. ред. „Виленск. Вѣстника“. Вып. I. Вильно. 1866. 8°. CXVIII + 300 стр. Подъ предисловіемъ подписанъ *П. Гильтебрандтъ.* Этотъ сборникъ сначала прилагался къ „Виленскому Вѣстнику“ №№ 25 — 229. Здѣсь помѣщено 300 пѣсенъ, 151 пословица и 53 загадки. Большинство матеріала доставлено учениками Молодечнянской учительской семинаріи. Какъ эти ученики были изъ разныхъ мѣстъ западнаго края, такъ и произведенія, доставленныя ими, очень различнаго характера и достоинства. Собственно бѣлорусскихъ пѣсенъ оказывается менѣе половины; есть пѣсни чисто малорусскія и изъ областей со смѣшаннымъ населеніемъ. Попали сюда и пѣсни завѣдомо

поддѣльныя (№№ CXVIII, CXX, VI, CXVI), печатавшіяся впрочемъ уже неоднократно и въ другихъ изданіяхъ; редакція пѣсенъ неудовлетворительная во всѣхъ отношеніяхъ: видимо редакторъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Нельзя не согласиться съ разборомъ этого изданія, сдѣланнымъ *Н. Костомаровымъ* (въ Вѣстн. Ев. 1866 г., т. IV, отд. 3, 19—22), который говоритъ: „хотя большая часть пѣсенъ и дѣйствительно записаны отъ народа, но многія изъ нихъ переправлены, подправлены, приправлены, и поэтому остается желать, чтобы народныя произведенія западнаго края впредь являлись въ такихъ сборникахъ, которые бы могли служить матеріаломъ и для науки". Подобнымъ же образомъ отзывается о сборникѣ и *Безсоновъ* (Бѣлорусскія пѣсни, XLIX—L). Обряды описываются лишь изрѣдка и вкратцѣ, въ извлеченіи изъ Шпилевскаго; даже взглядъ на область бѣлорусскаго нарѣчія здѣсь не совсѣмъ правильный.—Изъ отзывовъ о сборникѣ Гильтебрандта, кромѣ отмѣченныхъ, укажемъ еще въ „Голосѣ", 1866 г. Передовая статья въ № 319; въ „Отечественныхъ запискахъ" 1866 г. т. 169, № 23, отд. 2, 203—208; въ „Журн. Мин. Н. Пр." 1867 г. № 1 стр. 1—217 (ст. *О. Миллера*).

Значительно меньше собрано бѣлорусскихъ пѣсенъ *Н. Руберовскимъ*, но онѣ неизмѣримо цѣннѣе только что разсмотрѣнныхъ. Руберовскому принадлежатъ: „Бѣлорусскія народныя пѣсни" (Вилен. Вѣстн. 1867 г., №№ 75, 76, 77). Тутъ всего 20 номеровъ пѣсенъ, но онѣ на чисто бѣлорусскомъ нарѣчіи. „Свадебные обряды крестьянъ Минскаго уѣзда" (Вил. Вѣстн. 1868 г., № 8 = Мин. Губ. В. 1869 г. № 31). Тутъ главнымъ образомъ описаніе обрядовъ и всего 2 отрывка пѣсенъ. „Бѣлорусскія пѣсни" (Вил. Вѣстн., 1868 г., № 36). Здѣсь всего 6 номеровъ пѣсенъ безъ указанія мѣста записи. Пѣсни—бѣлорусскія, хотя почему-то нѣтъ *дз* и *ц*.—Насчетъ этого же Руберовскаго читаемъ въ „Матеріалахъ" П. В. Шейна (т. I, ч. I, стр. 583), что имъ уступленъ Шейну въ концѣ 60-хъ годовъ рукописный сборникъ пѣсенъ, записанныхъ главнымъ образомъ отъ татарокъ Минской губерніи. По частямъ эти пѣсни и напечатаны въ разныхъ мѣстахъ обоихъ изданій Шейна.

Тутъ слѣдуетъ коснуться дѣятельности одного безпритязательнаго собирателя шестидесятыхъ годовъ, оставившаго немало изданій печатныхъ бѣлорусскихъ произведеній, *М. Дмитріева.* Какъ можно видѣть, изъ одной рукописи Имнер. Академіи Наукъ: „Алфавитный указатель особенныхъ словъ и выраженій, извлеченныхъ изъ пѣсней и сказокъ крестьянъ Новогрудскаго уѣзда. Составленъ ... старшимъ учителемъ Новогрудскаго дворянскаго училища М. Дмитріевымъ [1858 г.]. F на 15 листахъ. Матер. Малор. 35",—собиранія Дмитріева начались еще въ 50-хъ годахъ, но въ печати его матеріалы появляются лишь съ 60-хъ годовъ. Имъ напечатаны: „Свадебный обрядъ въ деревняхъ Новогрудскаго уѣзда" (Мин. Губ. В. 1861, № 15 (Лавришевъ), 16, = Вил. Вѣст. 1861 г., №№ 20 и 26). „Описаніе похоронъ и дзядовъ въ Новогр. у. Мин. губ." (Мин. Г. В. 1867 г., № 9; то же въ „Памятной книжкѣ Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г.). „Обряды и обычаи западнорусскихъ крестьянъ" (Гродн. Г. В. 1867 г., №№ 30—40, 42—43): 1. заручины и свадьба (30—32), 2. похороны (33), 3. дзяды (33), 4. прикладзины (34), 5. радаўница (34), 6. стаўрускіе дзяды или семка (34), 7. народныя праздненства, игры и забавы (34), 8. праздникъ Купалы (34), 9. купальныя пѣсни (35), 10. куцьця (36), 11. каляды (37), 12. вечеринки или святые вечера и игрища (38), 13. пѣсни на вечеринкахъ или святыхъ вечерахъ (38), 14. игры на св. вечерахъ. Женитьба Цярешки (38), 15. игры на св. вечерахъ. Падушечка (38), 16. дожинки (39), 17. обыкновенныя игры и забавы (40), 18. суевѣрія и предразсудки (40), 19. средства отъ болѣзней (40), 20. колдовство, первая вѣдьма или чаровница; волшебныя средства (42), 21. предразсудки. Предсказанія; пословицы и поговорки (43). Два послѣдніе пункта въ Гродн. Г. Вѣд. помѣщены безъ фамиліи Дмитріева и съ особымъ заглавіемъ: „Нравы и обычаи западнорусскаго народа". „Пѣсни западнорусскаго народа" (Гродн. Г. В. 1868 г. №№ 23—28, 30—36). Эта же статья перепечатана въ Памятной книжкѣ Гродненской губ. на 1869 г. (всего 83 страницы). Вездѣ пѣсни больше изъ Минской губ. „Сказки за-

падно-русскаго народа“ (Гродн. Г. В. 1868 г. №№ 37—39). Двѣ послѣднія статьи вышли и отдѣльно: „Опытъ собранія пѣсенъ и сказокъ крестьянъ сѣверо-западнаго края“. Гродно, 1868 г. 16°, 189 стр. Далѣе, Дмитріеву принадлежитъ: „Нѣсколько свѣдѣній о домашнемъ бытѣ крестьянъ сѣверо-западныхъ губерній“ (Вилен. Вѣстн. 1869 г. № 122). Свѣдѣнія касаются больше Минской губ. Очень интересное описаніе быта съ названіями разныхъ предметовъ по-бѣлорусски. Перепечатку изъ разныхъ его статей представляетъ „Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края“. Вильно. 1869 г. 8°. Содержаніе: Пѣсни (1—145 стр.): I любовныя, II семейныя, III солдатскія, IV разгульныя, V пѣсни въ разныя времена года, VI пѣсни, передѣланныя изъ великорусскихъ, VII пѣсни, заимствованныя изъ Малороссіи, VIII различныя. Сказки (146—178 стр.). Обряды и обычаи (179—258): заручины и свадьба; похороны, дзяды, прикладзины и т. д., какъ раньше. Суевѣрія и предразсудки (258—264). Сказки, собранныя Дмитріевымъ, попали и въ собраніе Аѳанасьева: „Народныя русскія сказки“. Въ 3-мъ изданіи 1897 г., I, стр. 5, 15, 116, 142, 289; II, стр. 24, 185, 195, 304, 308. Всѣ матеріалы, напечатанные Дмитріевымъ, не отличаются особенными достоинствами. Большинство пѣсенъ почерпнуто изъ очень сомнительныхъ источниковъ, если только онѣ не составлены самимъ Дмитріевымъ. Врядъ ли можно гдѣ-либо въ Новогрудскомъ уѣздѣ услышать многія изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя отмѣчены у него ссылкой на Новогрудокъ. Насколько можно судить о нихъ по языку, большинство изъ нихъ записано отъ отставныхъ солдатъ или отъ новогрудскихъ кухарокъ и поэтому представляетъ сильную примѣсь, съ одной стороны, великорусскаго элемента, а съ другой польскаго. Самая редакція текста очень неудовлетворительна и неисправна въ корректурномъ отношеніи (ср. отзывъ Е. Романова: Бѣлорусскій сборникъ, I—II, стр. III—IV). Впрочемъ всѣ эти неисправности изслѣдователю-бѣлоруссу сразу бросаются въ глаза и, по устраненіи ихъ, сборникъ Дмитріева можетъ оказаться очень полезнымъ, особенно бла-

годаря тому, что авторъ его, по выраженію Безсонова (LV), „не мудрствуя много и лукаво“, записывалъ такъ, какъ слышалъ, придерживаясь фонетическаго письма (конечно не научнаго), которое почему-то казалось Безсонову исполненнымъ ошибокъ. Много изъ Дмитріева перепечатано въ „Матеріалахъ“ Шейна.

Послѣ указанія болѣе выдающихся работъ разсматриваемаго времени отмѣтимъ нѣкоторыя мелочи. „Бѣлорусская свадьба Себежскаго уѣзда Витеб. губерніи“. ***Владисл. Быковскій*** (Памятн. кн. Витеб. губ. на 1867 г.). Его же статья „Свад. обряды и пѣсни въ Пинскомъ уѣздѣ Мин. губ.“ (Пам. кн. Вил. ген.-губ. на 1868 г.); здѣсь, кромѣ полѣсскихъ пѣсенъ, есть и бѣлорусскія; на стр. 63 приведена цѣнная замѣтка о южной границѣ бѣлор. племени, уже отмѣченная нами раньше; „О праздникѣ Купалы“, „Праздникъ куста“ (тамъ же).

„Свадебные обряды крестьянъ Гродн. губерніи“ (Вилен. Вѣстникъ, 1867 г., № 103). Статейка интересная, съ пѣснями, несомнѣнно бѣлорусскими; только для обозначенія *е* умягчительнаго почему-то взято *ѣ* (дайцѣ, мѣдзвѣдзю и под.).

„Обряды погребенія въ Игуменскомъ уѣздѣ“. ***П. Валюковичъ*** (Мин. Г. В. 1867 г., № 12). Перепечатано у Шейна: „Матеріалы“, I, ч. II, 534.

„Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстиславск. уѣздѣ“. ***И. Сердюковъ*** (Могил. Г. В. 1867 г., №№ 50—52; 1868 г. №№ 14, 17, 23—30, 33—35, 40 и 41). Описаны свадьба (съ пѣснями) и похороны. Отчасти перепечатано у Шейна: „Матеріалы“, I, ч. II, 629.

„Этнографическіе очерки Гродненской губ.“ ***А. Славутинскій*** (Вилен. Вѣстн. 1867, №№ 119 и 120). Содержаніе: Ночь на Ивана Купала въ Гродн. у. Легенда о падшемъ духѣ. Легенда объ Іовѣ праведномъ. Стрига (домовой). Мара. Его же: „Бѣлорусская пѣсня — Въ мѣстечку Берестечку“ (С.-Петерб. Газета, 1868 г. № 39). Запись сдѣлана въ м. Верцелишкахъ Гродн. уѣзда. Начало:

Въ мѣсцечку Бересцечку чуць навина:
Наша панна Маруленька сына радзила...

„Замѣтка о г. Борисовѣ и его уѣздѣ“. *П. К.* (Памятная книжка Вилен. генералъ-губернаторства на 1868 г.). Статья этнографическая довольно слабая; приводимыя бѣлорусскія выраженія неточны.

„Бѣлорусскія пѣсни, собранныя въ Борисовскомъ уѣздѣ *Д. Булгаковскимъ* (Минск. Губ. В. 1868 г. № 23). Волочебныя пѣсни, всего 6 №№. Его же сборникъ полѣсскихъ пѣсенъ, подъ заглавіемъ: „Пинчуки. Этнографическій сборникъ“, составленный въ 70-хъ годахъ, явился въ печати лишь въ 1890 г. (Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этн., XIII). Для знакомства съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ онъ не имѣетъ прямого отношенія; кромѣ того, собранный матеріалъ и изданъ не вполнѣ точно (ср. Журн. М. Н. Пр. 1896, май, критич. отд., 156, а также отзывъ Д.-Запольскаго въ Этнограф. Обозр. XI, 1891, 207—210).

„Народныя пѣсни Гродненской губ. Волковыскаго уѣзда (м. Свислочь). *И. Пригоровскій* (Гродн. Г. В. 1868 г. №№ 17 и 18). Всего 11 №№. Дзеканье почему-то отсутствуетъ.

„Очерки нравовъ Борисовскаго уѣзда“. *В. Соколовъ* (Мин. Г. В. 1869 г., № 2). Съ одною пѣсней про избраніе войта.

„Виленскій сборникъ“, т. I, Вильна, 1869 г. Издалъ *Кулинъ*. Содержитъ нѣсколько этнографическихъ статей: Крачковскаго (о ней послѣ), Ставровича и др. Кое-что полезное можно найти и для языка.

„Опытъ историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій о сѣверозападномъ краѣ“. *Ѳ. Ставровичъ*. Вильна. 1870, перепечатка его статеекъ, явившихся раньше въ Вилен. Сборникѣ и Памятныхъ книжкахъ: Лабори, с. Спорово, Черная Весь, м. Бездѣжъ — статей этнографическихъ, малоцѣнныхъ для языка.

Много матеріала и для сужденія о бѣлорусскомъ нарѣчіи, больше взятаго изъ прежнихъ изданій, разбросано въ разныхъ мѣстахъ „Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу“ *А. Аѳанасьева*. М. 1865 — 1869. О бѣлорусскихъ сказкахъ въ собраніи Аѳанасьева см. стр. 242.

„Встрѣча новаго года въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской

губ.“ *П. Марковскій* (Мог. Г. В., 1870 г., № 6). Изъ Вилен. Вѣстника. Матеріалъ неважный, хотя есть и рацея.

Не знаю, къ какому времени слѣдуетъ отнести нѣкоторые рукописные матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ. Во всякомъ случаѣ они собраны не позже 70-хъ годовъ: „Бѣлорусскія слова, собранныя въ м. Горкахъ Могилев. губ. Оршан. у.“ F. на 4 листахъ. Мат. Бѣлор. 6.

„Наблюденія надъ языкомъ простого народа, живущаго въ Гродненской губ. на восточной сторонѣ отъ г. Гродно въ разстояніи 10 верстъ“, съ приложеніемъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ. На верху 1-го листа надпись: *Петра Рафаловича*. F. на 4 листахъ. Мат. Бѣлор. 5.

„Областныя слова, употребляемыя въ Сураж. уѣздѣ Черниг г., собранныя штатнымъ смотрителемъ Суraж. уѣзднаго училища“. На послѣднемъ листѣ подпись *Иванъ Манжосъ*. 4°. 10 листовъ. Матер. Малор. 40. Всѣ слова бѣлорусскія.

„Собраніе и объясненіе областныхъ словъ, употребляемыхъ въ Черниговъ. губ. по Стародубскому уѣзду“. Учит. русс. яз. Стародуб. уѣзднаго училища... *Петръ Гармашъ*. F, на 2 листахъ. Мат. малор. 41. Всѣ слова бѣлорусскія и въ транскрипціи бѣлорусской.

„Областныя слова г. Погара [Черниг. г.]“. Учит. русс. яз. *Д. Ястребовъ*. F. на 1 л. Мат. Малор. 42. Бѣлорусскія слова, но записаны не всегда удовлетворительно.

Къ началу 70-хъ годовъ относится появленіе одного изъ лучшихъ крупныхъ сборниковъ бѣлорусскаго творчества, составленнаго *П. Безсоновымъ*. Впрочемъ собираніе произведеній бѣлор. народной поэзіи и изданіе ихъ со стороны Безсонова относится еще къ 60-мъ годамъ. Уже въ изданныхъ имъ „Калѣкахъ перехожихъ“ (Москва. 1861—1864) напечатано, и притомъ вполнѣ удовлетворительно, 24 бѣлорусскихъ духовныхъ стиха больше изъ Смоленской и Могилевской губ. (вып. I—III, стр. 41, 61, 118, 499, 595, 680, 682, 744, 759, 767, 775; IV, 20, 108, 109, 182; V, 100, 101, 108, 165, 167, 230, 232; VI, 258, 307—отмѣчены только тѣ пѣсни, которыя при явныхъ ц.-славянизмахъ заключаютъ и бѣлорусскіе элементы);

я не упоминаю о стихахъ изъ Полѣсья, представляющихъ больше перепечатку изъ сборника Зенькевича. Да и тотъ сборникъ, о которомъ ниже рѣчь, былъ составленъ давно и готовъ былъ къ печати въ концѣ 1863 года, какъ это можно видѣть изъ замѣтки Безсонова: „Объ изданіи памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества“ (День, 1863, № 45). Къ этому времени у собирателя было уже около 500 пѣсенъ, чисто народныхъ, кромѣ дополненій изъ старыхъ рукописей. Затѣмъ Безсонову пришлось быть на службѣ въ Западномъ краѣ до 1866 г.; въ это время тоже продолжалось его собирательство какъ лично, такъ и черезъ сотрудниковъ, такъ что число пѣсенъ возросло до громадныхъ размѣровъ. Московское Общество Любителей Россійской словесности, изъявившее желаніе издать сборникъ Безсонова еще въ 1863 году, теперь приступило къ исполненію своего рѣшенія, слѣдствіемъ чего явились: „Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта“. М. 1871. Составъ и судьбу своего сборника Безсоновъ самъ подробно излагаетъ въ обширномъ предисловіи къ нему, написанномъ не безъ нѣкоторыхъ увлеченій; здѣсь же указано и отношеніе его сборника къ предыдущимъ трудамъ по бѣлорусской этнографіи. Изъ этого предисловія можно видѣть, что въ основѣ сборника лежатъ пѣсни, доставленныя мѣстными уроженцами еще въ 30-хъ годахъ извѣстному собирателю *П. В. Кирѣевскому*. Пѣсни эти были записаны польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами. На долю Безсонова выпалъ редакторскій трудъ, который онъ, вообще говоря, выполнилъ довольно добросовѣстно. Это тѣмъ легче было ему сдѣлать, что, будучи на службѣ въ Западномъ краѣ, онъ непосредственно могъ познакомиться съ мѣстной стариной, народнымъ бытомъ и языкомъ. Къ сожалѣнію, изданіе бѣлорусскихъ пѣсенъ Безсонова оборвалось на I-мъ выпускѣ, заключающемъ только 181 пѣсню, но зато онѣ исключительно обрядовыя. Куда дѣвались остальныя собранныя имъ пѣсни, мнѣ не извѣстно. Изданіе пѣсенъ сопровождается подробнымъ описаніемъ обрядовъ и обычаевъ; жаль только, что это описаніе соединено съ

собственными объясненіями ихъ, въ большинствѣ случаевъ довольно сомнительнаго достоинства. Къ недостаткамъ сборника слѣдуетъ еще отнести то, что въ немъ нѣтъ строгаго разграниченія между пѣснями чисто бѣлорусскими и тѣми, которыя записаны въ Полѣсьѣ (слѣдуетъ исключить изъ бѣлорусскихъ пѣсенъ №№ 38—43, 49, 57, 61, 97, 114—119, 122, 124; ср. замѣчаніе М. Карпинскаго въ Русс. Фил. В. XIX, 45—46). Что касается сохраненія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія въ изданіи Безсонова, то въ этомъ отношеніи сборникъ его далеко не безукоризненный. Устраняя полонизмы, авторъ нерѣдко налагаетъ на пѣсни великорусскій отпечатокъ; вездѣ видимъ сохраненіе „мягкихъ" гласныхъ послѣ *р*, не находимъ удвоенныхъ согласныхъ, которые получаются въ бѣлорусскомъ нарѣчіи изъ согласнаго + j передъ гласнымъ, и т. п. Встрѣчаются даже нерѣдко домышленія издателя, часто не согласныя съ духомъ бѣлорусской рѣчи, напр., окончанія глаголовъ на ***-ямъ, -яця*** и т. д. Явились всѣ эти недостатки, несомнѣнно, какъ результатъ того колебанія, о которомъ самъ Безсоновъ говоритъ въ сборникѣ на стр. XI: „Чтобы установить правописаніе нынѣшняго шрифта съ нѣкоторыми необходимыми оттѣнками для вѣрности нарѣчію и для легкаго доступа нашей литературѣ, въ этомъ прошло у насъ съ полгода за обсужденіемъ и провѣркою нѣсколькихъ образцовъ, нѣсколько разъ мною составленныхъ и передѣланныхъ". Очевидно, если образцы съ полгода составлялись и передѣлывались Безсоновымъ, то языкъ ихъ немало пострадалъ. Часть предисловія къ сборнику (LIX—LXXXI) касается между прочимъ и особенностей бѣлорусскаго нарѣчія. Въ этой замѣткѣ Безсоновъ совершенно правильно отмѣчаетъ разницу между бѣлорусскими свистящими мягкими д̑з и ц̑, для передачи которыхъ онъ уже въ „Калѣкахъ перехожихъ" употребилъ д̄ и т̄, и польскими полушипящими dź и ć (LXVI), но безъ всякаго основанія распространяетъ мягкость *р* на всю Бѣлоруссію (LXI). Еще однимъ очень важнымъ недостаткомъ отличается этотъ сборникъ — отсутствіемъ указанія мѣстностей, откуда заимствованы пѣсни. Авторъ хотѣлъ, повидимому, приложить такой ука-

затель къ концу всего собранія. Судя по языку, можно думать, что многія пѣсни относятся къ восточной и южной Бѣлоруссіи.

Къ концу 60-хъ и началу 70-хъ годовъ относится очень толковая статья по бѣлорусской этнографіи свящ. *Іоанна Бермана*, сначала напечатанная по частямъ въ „Вил. Вѣстникѣ", а затѣмъ въ „Запискахъ И. Р. Геогр. Общества": „Порядокъ народнаго время исчисленія по праздникамъ и чествованіе ихъ въ сѣв.-зап. Руси" (Вил. Вѣстн. 1869, №№ 6, 7, 12, 19, 34 и 39), „Наблюденія нашего сѣверозападнаго крестьянства относительно погоды и урожая" (Вил. В. 1870, №№ 130 и 132), „Календарь по народнымъ преданіямъ въ Воложинскомъ приходѣ Виленской губ. Ошмянскаго уѣзда" (Записки, V, 1873 г.), 1—44 стр. Статья помѣчена 1867 г. Есть бѣлорусскія выраженія и пѣсни.

Въ 1871 году вышла статья свящ. *Н. Дорогунцова*: „Село Попова-гора". Этнографическій очеркъ (Черниговъ. Г. В. 1871 г., №№ 20—22, и Записки Черн. Губ. Стат. Комитета 1872 г. кн. 2, стр. 1—26). Попова-гора въ 60 верстахъ отъ своего уѣзднаго города Суража. Приводятся разсказы, пѣсни и пословицы на бѣлор. нарѣчіи. Въ записяхъ кое-гдѣ допущены неточности.

Въ 1872 году вышло обширное изданіе: „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ русскимъ Географическимъ обществомъ. Югозападный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя *П. П. Чубинскимъ*. Спб. 1872. I—VII т. Въ этомъ трудѣ, посвященномъ собственно малорусскому нарѣчію, собрано попутно немало интересныхъ матеріаловъ и для сужденія о бѣлорусскихъ говорахъ. Такъ въ VII томѣ описываются говоры: Мозырскій, Слонимско-Пинскій и Заблудовскій (496—501); Черниговскіе бѣлорусскіе говоры — Мглинскій (538), Городнянскій (538), Межевичская волость Слонимскаго уѣзда Ґродн. г. (594), Мозырскіе говоры (594—598); въ этомъ же томѣ имѣется характеристика малорусскихъ говоровъ, пограничныхъ съ бѣлорусскими; есть также карта малорусскихъ и

отчасти бѣлорусскихъ говоровъ; вообще имѣется много разныхъ интересныхъ для языка свѣдѣній. То же слѣдуетъ сказать и про нѣкоторые изъ другихъ томовъ; въ нихъ особенно много матеріала для характеристики говоровъ переходныхъ, но съ бѣлорусскими особенностями, именно изъ Мозырскаго уѣзда: м. Давидъ-городокъ: IV, 68 № 10; 79 № 42; 279 № 703; 286 № 725; 330 № 877 Г; 367 № 1015 В; 425 № 1217 Б. С. Михалково: IV, 216 № 484 В; 238 № 548; 242 № 572; 243 № 574 В; 257 № 635 В; 292 № 741; 333 № 884; 377 № 1051; 383 — 384; 402 № 1115 Д; 407 № 1156; 418 № 1204 В; 423 № 1212; 424 № 1214 Е; 426 № 1227; 427 № 1229; 435 № 1267; 439 № 1287; 440 № 1297; 441 № 1300 А; 442 № 1306; 445 № 1318; 446 № 1329; 447 № 1330; 457 № 1362; 459 № 1371; 649 — 655. С. Скородно: III, 366 № 89; V, 980 № 69 И. М. Туровъ: IV, 221 № 498 В; 223 № 501 Д; 227 № 514 А; 440 № 1293; 442 № 1308. Мозырскій уѣздъ: V, 1109 № 13 Б.

Въ языкѣ всѣхъ отмѣченныхъ пѣсенъ однако больше малорусскихъ, нежели бѣлорусскихъ особенностей.

Въ переходныхъ говорахъ отъ бѣлорусскихъ къ полѣсскимъ (Давидъ городокъ Мозыр. уѣзда) при обычной твердости *е* и *и* и другихъ малор. особенностяхъ появляется иногда *дз* и *ц* мягкіе передъ *і* изъ *ѣ* (дзітокъ) или вторичнымъ изъ *и* (йціме). Еще: путаціме (спрашиватъ будетъ), баценько, мацери, дзітятко (Чуб. IV, 68 № 10; 286 № 725); росці, рубайце, седзівъ (Чуб. IV, 79 № 42); ци, бежиць, звениць, цещеньки, ходзиць, шамжиць, дрожиць (Чуб. IV, 279 № 703); нагреці, дзевойку оглядзеці (Чуб. IV, 330 № 877 Г); завиваціся (Чуб. IV, 367 № 1015 В); леці, упадзі (Чуб. IV, 425 № 1217 Б). То же въ Михалковѣ того же уѣзда.

Тутъ же отмѣтимъ: Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо - статистич. экспедиціи Геогр. Общества въ зап.-русскій край“, составленный *Ч. Багенскимъ*, подъ редакціей *Е. Ѳ. Будде* (Ученыя Записки Казан. Университета, 1900 г., декабрь).

Въ разсматриваемое время начали являться въ печати и статьи по бѣлорусской этнографіи *Ю. Крачковскаго:* „Очерки

быта западно-русскаго крестьянина“ (Вилен. Сборникъ, т. I (1869 г), стр. 160—209; „Народное празднованіе Юрьева дня въ Западной Россіи“ (Вилен. Вѣстн. 1872 г., № 12); „День Ивана Купала въ Западной Россіи“ (Вил. Вѣстн. 1872 №№ 34 и 35); „Нѣкоторые обычаи и повѣрья западноруссовъ во время косьбы и жатвы“ (Вил. Вѣстн., 1872 №№ 51 и 52). Всѣ эти статьи съ добавленіями были затѣмъ объединены въ книгѣ: „Бытъ западнорусскаго селянина“. М. 1874 г. (изъ Чтеній въ Общ. ист. и др. Росс. 1873 г., кн. 4), 8⁰, 212. Какъ показываетъ само заглавіе, книга эта исключительно посвящена изображенію быта западнорусса во всѣхъ его отрасляхъ, начиная отъ событій семейныхъ и оканчивая земледѣльческими работами. По полнотѣ и обстоятельности сообщеній эта статья можетъ быть сравнена развѣ съ отмѣченной раньше работой Анимелле о бытѣ бѣлорусскихъ крестьянъ (Этногр. сб., II), которую она превосходитъ большей занимательностью изложенія. Статья составлена и изъ новыхъ матеріаловъ, доставленныхъ ея автору впервые, и изъ перепечатки нѣкоторыхъ старыхъ, но всегда съ указаніемъ источника, а также мѣста записи. Такъ здѣсь находимъ заимствованія изъ сборниковъ Гильтебрандта, Зенькевича, Чечота Тышкевича, Бобровскаго, Коревы, Дмитріева. Всѣ эти заимствованія приведены кстати; видимо авторъ хорошо знакомъ съ предметомъ, о которомъ онъ трактуетъ въ своей статьѣ. Жаль только, что бытъ чисто бѣлорусскаго населенія не вездѣ отличается отъ быта пинчуковъ и даже малоруссовъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно приводимыхъ пѣсенъ.

Къ 1873 г. относятся еще: „Суевѣрные обряды простонародья Западнаго края“. Статья *О. Б—вскаго* (Русскій Міръ, 1873, №№ 342, 343): купала, дзяды, кутья, коляды. Есть бѣлорусскія пѣсни и слова.

„Бетлейки“. *Григ. Кулжинскій* (Душеполезное чтеніе, 1873; 12, т. 3, 442 — 450) — краткое описаніе бетлеекъ безъ пѣсенъ; вещь неважная. Его же (Гр. К—аго): „Сцены изъ бѣлорусскаго быта“ (Вилен. Вѣстн. 1873, № 115): Кейфъ, въ селѣ Любоничи, буки нема, делехторъ, въ корчмѣ, ко-

стромичъ и ярославлецъ, на отдыхѣ. Сцены на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

Замѣтки *М. Родевича*: „Изъ бѣлорусской жизни“ (холера) (Москов. Вѣд. 1873, № 171—этногрифическій очеркъ; для языка кое-что есть, но мало. Хохликъ“ (Русскій міръ 1873 г., 319—320)—для языка имѣется также мало.

Къ 60-мъ и 70-мъ годамъ относится плодовитая дѣятельность на бѣлорусскомъ поприщѣ одного мѣстнаго уроженца, близко знакомаго съ народнымъ бытомъ и языкомъ *Ив. Носовича* (оцѣнку этой дѣятельности см. у А. Пыпина, IV, 148—153; біографія въ рукописи изложена его сыномъ: „Біографія И. И. Носовича, составленная В. Носовичемъ“. Библіотека И. Академіи Наукъ: 26, 5, 107; напечатана біографія П. В. Шейномъ въ „Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и словесности Академіи Наукъ“ 1900 г. (т. V), 956—968). Всѣ его сочиненія имѣютъ отношеніе къ бѣлорусскому быту и языку. Первое мѣсто между ними несомнѣнно, принадлежитъ словарю: „Словарь бѣлорусскаго нарѣчія“. Спб. 1870. Собиратъ матеріалы для словаря Носовичъ началъ еще съ 1848 года („Извѣстія“ V, 963) и для этого при всякомъ случаѣ записывалъ бѣлор. слова, пѣсни, пословицы и т. п. произведенія, и уже въ 1861 г. его словарь въ рукописи былъ готовъ и представленъ на конкурсъ къ полученію Демидовской преміи, но въ печати онъ явился лишь въ 1870 году. Въ составъ словаря вошло болѣе 30,000 словъ. Если разсмотрѣть ихъ составъ внимательно, то окажется, что среди нихъ недостаетъ очень многихъ бѣлорусскихъ словъ (хотя бы—ма́ци, дзиця́, кошо́лка и т. д.), не говоря уже о томъ, что не перечислены слова общія бѣлорусскому нарѣчію съ великорусскимъ и малорусскимъ; въ словарѣ много лишнихъ словъ, совершенно неизвѣстныхъ бѣлорусскому народу, а явившихся гдѣ-либо среди бѣлорусской шляхты, воспитывавшейся въ іезуитскихъ училищахъ и духовныхъ уніатскихъ (гавстъ, пэза, адыстаръ, вота, каналька и т. д.) [1]).

[1]) Подобнаго рода словъ, при разсмотрѣніи въ предыдущемъ (стр. 159—164) разныхъ заимствованій въ бѣлорусскомъ, какъ на самомъ дѣлѣ въ настоящее время не существующихъ, я и не касался.

Редакція словаря могла бы быть значительно лучше, на что уже обратилъ въ свое время вниманіе Безсоновъ (LVI—LVII). Для орѳографіи принято полуэтимологическое письмо, но оно какъ полумѣра не удовлетворитъ ни чистыхъ филологовъ, ни историковъ литературы. Такъ, съ одной стороны, въ словарѣ вездѣ правильно проведено дзеканье и цеканье, но съ другой— вм. ў вездѣ *в*, всюду литературное разграниченіе твердаго и мягкаго *р;* гласные безударные сохранены безъ измѣненія. Правда, въ словарѣ существуютъ знаки: ˘ „для означенія пониженія гласной или сокращенія гласныхъ *и* и *у;* облеченный знакъ (^) для выраженія подъема или повышенія гласной (предисловіе, 2). Но въ дѣйствительности надъ *и* и *у* почти не встрѣчается знака краткости (˘), а видимъ его надъ другими гласными; надъ разными же гласными находимъ и ^. Болѣе точное опредѣленіе, какъ читать гласные, отмѣченные этими знаками, мы имѣемъ въ предисловіи къ пословицамъ Носовича, помѣщеннымъ въ Сборникѣ Отд. р. я. и сл., XII т., стр. V—VI. Тамъ мы читаемъ, что ^ надъ *о* означаетъ переходъ его въ *а*, надъ *е* и *ѣ*—переходъ въ *я;* ˘ надъ *а* и *о* означаетъ переходъ ихъ въ *ы* и *у* (неявственные—„сквозьзубные"), надъ *е* и *ѣ* переходъ ихъ въ *и*. Какъ это было уже отмѣчено въ статьѣ о говорахъ, въ разныхъ мѣстахъ бѣлорусской рѣчи различно измѣняются безударные *о* и *е* въ одномъ и томъ же словѣ, такъ что въ словарѣ всѣ почти слова пришлось бы приводить вдвойнѣ съ тѣми или другими знаками, а иногда и втройнѣ. Этого у Носовича мы конечно не находимъ, не знаемъ также, имѣетъ ли слово повсемѣстное употребленіе или только областное и какъ оно въ данной области произносится. Даже если предположить, что словарь передаетъ особенности одного какого-либо говора, то и тогда мы замѣтимъ въ немъ крайнюю непослѣдовательность. Раскроемъ любую страницу словаря, напр. хоть 150—151; здѣсь мы читаемъ: ĕ г о́ м о с ц ь (jegomość—господинъ), е л к а́ в о (горько), ê л ч ѣ́ ц ь (становиться горькимъ). Всѣ эти три слова имѣютъ вначалѣ безударный *е*, который звучитъ во всѣхъ словахъ или какъ *ja* или какъ *ju*, а между тѣмъ въ каждомъ словѣ этотъ звукъ изобра-

женъ особымъ знакомъ, или даже въ одномъ и томъ же корнѣ: ёгô м о́ с ц е в ъ и е г о м о́ с ц и н ъ—какая тутъ разница?— Еще отмѣтимъ нѣкоторые матеріалы собранные и отчасти изданные Носовичемъ по бѣлорусской лексикографіи: „Собраніе бѣлорусскихъ словъ по алфавиту". 4°, на 56 л. (рукопись биб. И. Акад. Н. 1. 1. 1—2); „Объясненія къ бѣлорусскимъ пословицамъ и поговоркамъ" (Матеріалы для сравнит. и объяснит. словаря и грамматики. Изданіе 2 Отд. Акад. Н. Спб. 1854, т. I, 103—107); „Лексическій указатель къ Сборнику бѣлорусскихъ пословицъ Носовича" (Сборн. Отд. р. яз. и слов. А. Н., т. XII [1875 г.], стр. 205—232); „Дополненія къ бѣлорусскому словарю" (Сборникъ Отд. р. яз., XXI [1881 г.] № 6). Отзывы о словарныхъ матеріалахъ Носовича—И. С р е з н е в с к і й: Разборъ сочиненія И. Носовича: Алфавитный указатель старинныхъ словъ, извлеченныхъ изъ „Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи", изданныхъ въ 1853 г. (Отчетъ о VIII присужденіи наградъ графа Уварова). Этотъ указатель тоже вошелъ въ словарь 1870 г. И. Срезневскій: „Разборъ словаря бѣлорусскаго нарѣчія г. Носовича". (Отчетъ о XXXIV присужденіи Демидовскихъ наградъ). Здѣсь изложена исторія составленія бѣлорусскихъ словарей и достоинства словаря Носовича. М. Ш а п и р о: „Словарь Носовича". Отзывъ въ „Филолог. Запискахъ" (1873 г. I, 1—20).

Собирая матеріалы для своего словаря, Носовичъ, естественно, остановилъ свое особое вниманіе на пословицахъ, какъ лучшемъ подтвержденіи значенія того или другого слова. Уже въ 1852 году имъ былъ представленъ въ Отд. р. яз. и слов. Ак. Н. сборникъ пословицъ (999 №№) съ объясненіями, который и былъ напечатанъ въ прибавленіи къ „Извѣстіямъ" и отдѣльно: „Бѣлорусскія пословицы и поговорки". Спб. 1852. Впослѣдствіи запасы пословицъ увеличивались и еще печатались нѣсколько разъ (въ Запискахъ И. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. I, 1867, стр. 251—485: „Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ"; дополненіе къ сборнику, помѣщенному въ I т. „Записокъ" въ „Запискахъ Геогр. Общ." т. II, 225—381); лучшее въ отношеніи полноты изданіе въ Сбор-

никѣ Отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. XII: „Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ". Спб. 1874. Сюда вошли какъ пословицы, собранныя самимъ Носовичемъ, такъ и позаимствованныя изъ другихъ собраній, быть можетъ даже великорусскихъ сборниковъ, при чемъ онѣ были лишь подправлены на бѣлорусскій ладъ. Въ концѣ сборника 130 загадокъ. Въ отношеніи языка пословицы и загадки собранія Носовича одинаковой цѣнности съ словаремъ.

Собираніе Носовича простиралось и на пѣсни. Ему принадлежатъ: „Бѣлорусскія пѣсни" (Записки Имп. Р. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. V, Спб. 1873 г., 45—280). Въ научномъ отношеніи его пѣсни имѣютъ еще меньше значенія, чѣмъ раньше разсмотрѣнные труды. При нихъ обыкновенно нѣтъ указанія мѣста записи и лица записывавшаго. Описаніе обрядовъ и повѣрій сдѣлано очень поверхностно. Самыя пѣсни при ближайшемъ знакомствѣ оказываются часто заимствованными изъ прежнихъ собраній, напр. Чечота и Тышкевича, при чемъ, быть можетъ, не непосредственно у нихъ, а черезъ Киркора. (Ср. свадебн. пѣсни. Записки, V, 175—231; есть и др. мѣста сходства, напр. 80 стр. В). Указаній на заимствованія въ сборникѣ не сдѣлано. Редакція перепечатанныхъ пѣсенъ не вездѣ правильная; иногда допускаются измѣненія правописанія и даже исправленія въ самомъ текстѣ. Нѣкоторыя пѣсни завѣдомо искусственныя произведенія, имѣющія значеніе для характеристики языка, но не народнаго быта (ср. Записки, V, стр. 70 №№ 1 и 2, стр. 71 № 4, стр. 76 № 15, стр. 86 и др.). Относительно всѣхъ изданій Носовича можно высказать общее заключеніе, что они даютъ много для морфологіи и синтаксиса (особенно пословицы), но для фонетики вообще представляютъ ненадежный матеріалъ. Еще отмѣтимъ два рукописныхъ труда Носовича, хранящихся въ библіотекѣ Акад. Н.: 1) Опытъ краткаго филологическаго наблюденія о бѣлорусскомъ нарѣчіи. 4°, на 42 листахъ (1. 1. 1—2), очень интересныя наблюденія надъ языкомъ съ приложеніемъ образцовъ искусственной бѣлорусской рѣчи. Образцы отчасти вошли въ печатный бѣлорусск. сборникъ Носовича. 2) Бѣло-

русскія сказки. Отрывокъ. Въ листъ, на 11 листахъ. Мат. Бѣлор. 2.

Продолжимъ библіографію 70-хъ годовъ.

„Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борисов. уѣзда“, Св. *Сим. Нечаевъ* (Мин. Еп. Вѣд. 1874, № 7, 227—232). Перепечатки отсюда у Шейна („Матеріалы“, I т. 2 ч., 521—523; II т., 510).

„Укладъ“. Свящ. *А. Троицкій.* (Литов. Еп. Вѣд. 1875, стр. 69, 95, 153, 158, 298; 1876 г., стр. 74, 83, 117, 136). Свадебные обряды. Есть кое-что и для языка, но очень мало и искажено.

„Вѣрованія и обряды жителей Могилевской губерніи — бѣлоруссовъ“. *В.* и *А. Зеньковичъ.* Дост. *П. С. Ефименко* Извѣстія Общества Люб. естествознанія, т. 28, стр. 26—33).

„Свадебные обряды въ Морочскомъ приходѣ Мозырскаго уѣзда“. Свящ. *М. Юхневичъ* (Мин. Г. В. 1877, №№ 23, 24, 26). Чистое бѣлорусское нарѣчіе; напилиса.

Съ 1877 по 1895 г. выходило въ Краковѣ изданіе: „**Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie**“. Т. I—XVIII. По старой памяти о принадлежности Бѣлоруссіи бывшей Речи Посполитой польскіе этнографы въ отмѣченномъ изданіи помѣстили нѣсколько статей, подчасъ довольно цѣнныхъ, и по бѣлорусской этнографіи и языку (о нихъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ).

„**Pieśni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska**“. *П. Быковскій* (Zbiór wiadomości, II, 260—285). Приводятся и бѣлорусскіе обряды и пѣсни.

„Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка“. *М. Колосов.* Варш. 1878. Въ заключеніи книги идетъ рѣчь о соотношеніи русскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и о мѣстѣ бѣлорусскаго.

Изданія *Р. Попова:* „Очерки Бѣлоруссіи“ (Мирской вѣстникъ, 1875 г., № 12, стр. 35 — 74, и отдѣльно. Спб. 1876); „Бѣлоруссы“. Этнографическій очеркъ (Природа и Люди, 1878, № 3, 1—30). Повтореніе предыдущей статьи съ картинками.

„Бѣлоруссія и бѣлоруссы“. Чтеніе для войскъ и народа. М. 1879. Все—этнографическіе очерки, но есть и образцы рѣчи.

Къ разсматриваемому времени вполнѣ установилась и редакція сравнительной грамматики славянскихъ языковъ *Фр. Миклошича:* „**Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen**“. Здѣсь во всѣхъ томахъ въ малорусскомъ отдѣлѣ идетъ рѣчь и о бѣлорусской рѣчи: **Lautlehre² 1879. S. 425—459; Stammbildungslehre 1875** (въ разныхъ мѣстахъ); **Wortbildungslehre² 1876. S. 249—285.** Въ русскомъ переводѣ: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ перевелъ Н. Шляковъ подъ ред. Р. Брандта. М. 1887, стр. 341—394; бѣлорусская часть редактирована мною (ср. вын. [1] на 341 стр.).

„Нѣкоторые суевѣрные обычаи и предразсудки прихожанъ м. Петрикова Мозырскаго уѣзда“. Свящ. *Д. Пашинъ* (Мин. Епарх. Вѣд. 1880 г., № 3, 58—63).

„Этнографическій очеркъ м. Семежева“. Свящ. *Ф. Сцепура* (Мин. Епарх. В. 1880, № 16, 360—372).

„О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Оздамичскаго прихода“. Свящ. *Ѳ. Чистяковъ* (Мин. Еп. В. 1880 г., № 20, 431—442).

„Очерки сельскаго населенія Бѣлоруссіи“. Корреспонденція изъ Витеб. уѣзда *А. Х.* (Русская Рѣчь, 1880 г. № 6, 83—100).

Семидесятые годы закончимъ указаніемъ научной статьи по бѣлорусскому нарѣчію: „О бѣлорусскомъ нарѣчіи“ *К. Аппеля* (Русс. Филол. Вѣстникъ, III (1880 г.), 197—224). Статья составлена лишь на основаніи печатныхъ источниковъ: Бѣлор. пѣсенъ Шейна, Безсонова и Носовича; его же сборника пословицъ и словаря. Статья дѣльная, но не различающая особенностей отдѣльныхъ бѣлорусскихъ говоровъ. Разборъ этого сочиненія, сдѣланный И. Бодуэномъ-де-Куртенэ, въ „Фил. Зап.“ 1880 г.

На границѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ поставимъ работы двухъ довольно плодовитыхъ этнографовъ — Сементовскаго и Васильевой. *П. Сементовскій* редактировалъ „Памятную книжку Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г.“ Спб. 1868,

въ которой помѣщено нѣсколько цѣнныхъ статей по бѣлорусс. этнографіи (Быковскаго, Дмитріева, К. Н.). Ему же принадлежитъ: „Этнографическій обзоръ Витебской губ.“ (Витеб. Губ. В. 1872 г. №№ 24 — 35 и 41). Статья для своего времени очень хорошая: есть и списки населенныхъ мѣстъ. Изъ нихъ видно, что бѣлоруссы живутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Двинскаго, Рѣжицкаго и Люцинскаго уѣздовъ (139 стр.). Тутъ же имѣются и матеріалы для сужденія о говорахъ Витебской губерніи: „Въ уѣздахъ, ближайшихъ къ великорусскимъ губерніямъ, именно въ Велижскомъ и Невельскомъ, говоръ бѣлоруссовъ весьма мало отличается отъ великорусскаго нарѣчія; Себежскій замѣчателенъ перемѣной буквы *ч* на *ц*, *о* и *е* на *а* ... Говоръ себежскихъ бѣлорусцевъ до того отличенъ отъ говора другихъ мѣстностей, что жителей этого уѣзда народъ дразнитъ прозваніемъ цвякуновъ. Бѣлорусцы Люцинскаго уѣзда употребляютъ въ разговорѣ *ая* вм. *аю*: дая, закладая вм. даю, закладаю. ... Буква *г* у себежскихъ крестьянъ православнаго исповѣданія выговаривается большею частью, какъ польское g, а у католиковъ, какъ польское h. ... Въ Городокскомъ уѣздѣ иногда буквой *ш* замѣняютъ букву *с*; вмѣсто *ч* и *т* употребляютъ *ц*, а вмѣсто *ф* — *х*“ (Вит. Губ. Вѣд. 1872 г. № 24, 131 — 132).

Его же „Бѣглый статистическій очеркъ природы и населенія Витебской губерніи“ (Памятн. кн. Витеб. губ. на 1881 г., стр. 94 — 142) — статья не изъ важныхъ.

А. Я. Васильевой принадлежитъ нѣсколько записей, напечатанныхъ больше въ „Мин. Губ. Вѣдомостяхъ“, именно: „Свадебные обряды въ районѣ Грабовской волости Мозырскаго уѣзда“ (Мин. Г. В. 1877, №№ 32 — 34). Языкъ чисто бѣлорусскій, только почему-то нѣтъ *дз* и *ц*, въ чемъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть вліяніе общепринятой орѳографіи; впрочемъ въ № 34 есть *дз* и *ц*, но проведены не достаточно послѣдовательно. „Крестьянскія поминки въ Мозырскомъ уѣздѣ“ (Мин. Г. В. 1877, № 45). Для языка мало. „Рождественскіе праздники у крестьянъ Мозырскаго уѣзда“ (Мин. Г. В. 1878, № 5) — съ бѣлорусскими пѣснями. „Замѣтка, какъ проводятъ весну

крестьяне Минской губ.“ (Мин. Г. В. 1878, № 27). Бѣлорусскія пѣсни весеннія въ слѣдующей замѣткѣ: „Весеннія пѣсни и обряды въ деревняхъ Мозырскаго уѣзда“ (Мин. Г. В. 1878, № 50). „Легенды и повѣрья въ Минской губ. (Мин. Г. В. 1879, №№ 9—11)—изъ Мозырскаго и Бобруйскаго уѣздовъ. „Замѣтка о бытѣ крестьянъ Мозырскаго уѣзда“ (Мин. Г. В. 1879, №№ 17 и 18). Содержаніе: пища, одежда, музыка и поэзія. Помѣщено 6 пѣсенъ изъ Копаткевичевской, Петриковской и Грабовской волостей. „Село Бесѣдки Мозырскаго уѣзда“ (Мин. Г. В. 1879 г., №№ 29 и 31). Бесѣдки въ 21 верстѣ отъ м. Копаткевичъ. Приводятся на чисто-бѣлорусскомъ нарѣчіи очень интересныя пѣсни. Въ концѣ игры (золото, рѣдька, кума, журавель). Другія статьи Васильевой, помѣщенныя въ „Вил. Вѣстникѣ“ (1880, № 246, 1881, № 30 и № 191, 1885 № 7) чисто этнографическія, для языка не имѣющія цѣны.

Въ 80-хъ годахъ явились статьи и замѣтки:

„Памятники народнаго творчества въ Минской губ., собранные *А. М. Булгаковымъ*“ (Вил. Вѣстн. 1881 г., №№ 144, 145, 146, 148, 149, 151). Изъ Мозыр. уѣзда 2 пѣсни, изъ Игумен. 2, Бобруйск. 1, Мин. 1, Слуцкаго 1 (Черный богъ), Рѣчицк. 1 (Ой колибъ москали пришли) и еще нѣсколько, отчасти поддѣльныхъ (всего 40 №№). Въ отношеніи языка записи ненадежны.

„Къ вопросу о пьянствѣ“. *В. Тиминскій* (Вил. Вѣстн. 1881, № 232). Съ пѣсней изъ Чечота. Его же: „Волостной сходъ“ (Вил. Вѣстн. 1882, № 258). Много бѣлорусскихъ выраженій. То же отчасти наблюдается и въ другихъ статьяхъ Тиминскаго, здѣсь мною не упоминаемыхъ. Когда есть большія собранія, о ничтожныхъ крупицахъ можно и умалчивать.

„Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego“. Dr. *W. Dybowski* (Zbiór wiadomości, V, [1881], 3—23). Звуки бѣлорусскіе въ общемъ переданы правильно за исключеніемъ безударныхъ гласныхъ, гдѣ немало непослѣдовательности. Его же: Zagadki białoruskie z gub. Mińskiej (Zbiór wiadomości, X [1886], 157—168).

„Изъ деревни. Сценки“. *В. П.* (Вил. Вѣстн. 1882, № 40)—

съ бѣлорусскими выраженіями. Подобные очерки есть и въ Вѣстникѣ за 1883 г., но бѣлорусскихъ словъ очень мало, поэтому я и не пречисляю ихъ.

Въ разсматриваемое время явилось и одно крупное собраніе матеріаловъ, характеризующихъ бѣлорусскій бытъ и языкъ, именно этнографическая часть въ „Опытѣ описанія Могилевской губерніи..., составленномъ по программѣ и подъ редакціею... *А. С. Дембовецкаго*". Могилевъ на Днѣпрѣ. 1882 г. Въ 1-ой книгѣ этого трехтомнаго описанія въ отдѣлѣ о населеніи Могилевской губ. (стр. 173—599, 607—653) дается масса интереснаго матеріала, характеризующаго народный бытъ: описаніе празднованія главнѣйшихъ явленій изъ жизни простолюдина, какъ—свадьбы, родинъ и крестинъ, похоронъ и поминокъ, а также нѣкоторыхъ народныхъ праздненствъ и занятій —свѣчи, колядъ съ играми во время послѣднихъ, толоки; тутъ же описаніе повѣрій, народныхъ примѣтъ; наконецъ, приводится крестьянскій календарь по мѣсяцамъ. Всѣ эти описанія сопровождаются иллюстраціями изъ народныхъ пѣсенъ, поговорокъ и повѣрій и заканчиваются обширнымъ пѣсеннымъ сборникомъ—до 500 нумеровъ. Пѣсни расположены по слѣдующимъ 4-мъ группамъ: колядныя и вообще распѣваемыя зимою, весеннія, лѣтнія и пѣсни, которыя поются во всякое время года — на свадьбахъ, вечеринкахъ, а также духовные стихи. При пѣсняхъ вездѣ указана мѣстность, гдѣ онѣ записаны. Всѣ пѣсни вновь собранныя, не перепечатанныя изъ прежнихъ изданій. Даже въ фонетическомъ отношеніи записи довольно удовлетворительныя; жаль только, что при редактированіи всѣмъ пѣснямъ сообщены особенности одного говора. Все сказанное касается описанія быта и пѣсенъ, записанныхъ среди крестьянъ. Но и въ отдѣлѣ о мѣщанахъ также находимъ немало интереснаго въ бытовомъ отношеніи. Тутъ между прочимъ описанъ „вертепъ", въ которомъ даются представленія народныхъ мистерій. Есть описаніе масленицы, великаго поста, Пасхи, Радоницы и др. дней. Описаны также обряды и обычаи при свадьбахъ, рожденіи и крестинахъ, а также при похоронахъ. Вообще относительно этого собранія, несмотря на

нѣсколько сдержанные отзывы критики (напр. у Е. Романова: „Бѣлор. Сборн.“, I—II, VII), слѣдуетъ сказать, что оно, хотя и составилось изъ записей, полученныхъ оффиціальнымъ путемъ, отличается многими несомнѣнными достоинствами, ставящими его значительно выше многихъ крупныхъ изъ раньше разсмотрѣнныхъ собраній. Менѣе надежны эти матеріалы конечно въ отношеніи языка.—Cryptadia сборника Дембовецкаго изданы отдѣльно въ ограниченномъ количествѣ и не для публики.

Бѣлорусскія народныя произведенія изъ разныхъ мѣстъ имѣются и у *А. Смирнова*: „Сборникъ древнерусскихъ памятниковъ и образцовъ народной словесности“. Варш. 1882, стр. 192—208. Здѣсь все перепечатки изъ прежнихъ изданій даже съ точнымъ сохраненіемъ ихъ орѳографіи.

„Нѣсколько замѣтокъ на третій томъ изданія книгопродавца Вольфа, подъ заглавіемъ „*Живописная Россія*“ (Могил. Г. В. 1883 г., №№ 52, 68, 75, 76 и т. д.). Возраженіе противъ Деливрона, причисляющаго часть Калужской и Орловской г. къ Бѣлоруссіи: населеніе здѣсь уже чисто великорусское. Виды бѣлоруссовъ и ихъ одежды не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Приводятся Могилевскія пѣсни разнаго рода и интересныя поговорки.

„Проводная или голодная кутья. Очеркъ изъ бѣлорусской простонародной жизни“ (Вил. Вѣстн. 1884, № 15). Много бѣлорусскихъ названій.

„Славянскія нарѣчія“. Лекціи *В. Григоровича.* Варш. 1884 (изъ Русс. Фил. Вѣстн. XI т.), Бѣлорусское нарѣчіе (129—131 въ Фил. Вѣстн.). „Рано поставленный между Ляхами,... народъ бѣлорусскій сохранилъ въ своемъ языкѣ и нѣкоторыя свойства языка сосѣднихъ съ нимъ племенъ: поэтому неудивительно будетъ, если мы найдемъ въ немъ свойства и великорусскаго языка и польскаго и малорусскаго. Но мы найдемъ въ немъ также одно свойство исключительно ему принадлежащее: это превращеніе *е* въ ы: негодный—ныгодный“... Вообще не видно обстоятельнаго знакомства съ бѣлор. нарѣчіемъ. Приведена 1 бѣлор. пѣсня.

„Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ.“ *И. Недешевъ* (Русс. Фил. Вѣстн. 1884 г., XII, 1—54). Отзывъ о немъ А. И. Соболевскаго въ „Журн. Мин. Н. Пр.“, 1885, іюнь. Статья посвящена исторіи языка (поэтому о ней рѣчь послѣ), но дается очеркъ и современнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Границы опредѣлены по старымъ, слишкомъ неудовлетворительнымъ пособіямъ. Главнѣйшія же особенности взяты готовыми изъ статьи Апшеля. Разграниченія особенностей по бѣлорусскимъ говорамъ не сдѣлано.

„Фонетика русскаго и древнецерковнославянскаго языка“. *П. Романовичъ.* Спб. 1885. Бѣлорусское нарѣчіе на стр. 7.

Съ 1886 года началъ выходить „Минскій Листокъ,“ въ которомъ напечатано немало разнаго этнографическаго матеріала (содержаніе до 1893 г. въ „Этногр. Обозр.“ XXI [1894], 231—233). За послѣдніе годы болѣе или менѣе интересныхъ матеріаловъ для языка нѣтъ.

„Троицынъ день.“ *А. С.* (Мин. Лист. 1886 г. № 18). Есть и бѣлорус. пѣсни, но мало.

„Вовкулакъ, полѣсская легенда.“ *Ив. Чичикъ* (Мин. Лист. 1887 г. № 19). Есть и бѣлорусс. выраженія.

„Воззрѣнія бѣлоруссовъ на праздненства Пасхи.“ *А. Б.* (Мин. Лист. 1886 г. № 27)—съ пѣснями. „Очеркъ положенія женщины въ крестьянской средѣ Бѣлорусскаго края“ его же (Мин. Лист. 1886 г., № 39, 40, 42). Много интересныхъ бѣлорусскихъ выраженій.

„Изъ научной поѣздки въ Бѣлоруссію.“ *Н. Янчукъ* (Мин. Лист. 1886 г., №№ 71 и 73; 1887 г., №№ 2, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 16, 19, 21, 70, 89). Статья этнографическая и археологическая. Съ № 9 идетъ рѣчь и о языкѣ: о бѣлорусскихъ говорахъ; но врядъ ли дѣло обстоитъ такъ, какъ это представлено въ статьѣ. Есть и пѣсни (№ 10). Статья эта отчасти послужила матеріаломъ для другой: „По Минской губерніи (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 г.)“ (Труды этнографич. отдѣла Имп. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, кн. IX,—Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго на-

селенія Россіи, вып. I. М. 1889 г., стр. 57—112). Во II-ой главѣ (со стр. 68) этнографич. наблюденія: характеръ страны; костюмъ; языкъ и т. д. Тутъ же отмѣчается существованіе дифтонговъ на мѣстѣ *ѣ*, *о*, *ё* (іе, уо, юо). „Такое произношеніе въ Минской губ. я слышалъ въ уѣздахъ: Игуменскомъ, Минскомъ, Слуцкомъ и Бобруйскомъ; но опять-таки я долженъ замѣтить, что къ сѣверу, къ востоку и отчасти къ юговостоку эта особенность постепенно исчезаетъ;... въ Борисовскомъ, Рѣчицкомъ уѣздахъ, а также на восточной окраинѣ Бобруйскаго уѣзда слышится уже прямо *ѣ* (е), *о*, *ё*" (69). Въ III главѣ пѣсни, собранныя отчасти черезъ посредство другихъ, всего 158 №№. Въ фонетическомъ отношеніи записи далеко не точны. Къ книгѣ приложены и ноты.

Въ 1888 году вышло довольно крупное собраніе: „Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія)" ***Зинаиды Радченко***. (Записки Имп. Русс. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. XIII, вып. II). 8°, XLIII+265+III. Введеніе и 676 пѣсенъ и 83 пословицы. Отзывы Е. Романова въ Этногр. Обозр., II, 180—188, и Мурко въ „**Archiv für sl. Ph., XII.** Всѣ пѣсни записаны самой собирательницей, съ дѣтства знакомой съ бѣлорусской рѣчью; ею же сдѣлана характеристика населенія указанной мѣстности, его поэзіи и языка. Послѣдняя статья для насъ очень интересна. Собирательница указываетъ слѣдующія отличія гомельскаго говора (кромѣ общебѣлорусскихъ, кое-гдѣ мы ихъ дополняемъ): отсутствіе дзеканья и цеканья, аканье, спорадическое появленіе *и* въ окончаніи 3-го лица множ. ч. глаголовъ (ены́ скачути, пѣю́ти и т. п.), отсутствіе окончанія *-тъ* въ 3 л. ед. ч. у глаголовъ съ основой на *-и*, которые не имѣютъ ударенія на окончаніи *-и́тъ*, развитіе *j* послѣ губныхъ вмѣсто ихъ мягкости (скрыньятъ 14, мьятой 47, завьяжу 56), глагольныя формы на *-домъ* вм. *-демъ* (идомъ) и *-комъ*, *-гомъ* вм. *-чемъ*, *-жемъ* (потͅкомъ 11, запрягомъ 56); смягченіе *dj* въ *дж*; очень обычный переходъ *а* съ предыдущей мягкостью согласнаго въ *е* и еще нѣкоторыя особенности. Выставленныя теоретич. положенія, къ сожалѣнію, не всегда оправдываются текстомъ пѣсенъ: редакція ихъ во многихъ

случаяхъ заставляетъ желать многаго. Настоящія бѣлорусскія черты часто приходится выискивать такъ же, какъ въ старинныхъ рукописяхъ, лишь въ опискахъ и недосмотрахъ редакціи. Напр. гдѣ настоящее бѣлорусское произношеніе: въ зеле*на*го, высок*а*го 26, или въ высок*о*го, широкого 22? Романовъ (Бѣл. Сб. III, стр. XIV) приписываетъ этому говору совершенную твердость звука *р*; у Радченко вездѣ мягкое *р* на своемъ мѣстѣ; во всемъ сборникѣ мы отыскали лишь нѣсколько формъ, ускользнувшихъ отъ вниманія собирательницы съ твердымъ *р* (коравыхъ, дыравыхъ 67, кудрами 90, горую 96, карыми 128, круку 177, горкая 206, наняла бы писаря—писарамъ не вѣру 214). Есть много и другихъ редакціонныхъ неточностей, вслѣдствіе которыхъ можно составить о гомельскомъ говорѣ неправильное понятіе. Но пѣсни сборника Радченко не теряютъ своего историко-литературнаго значенія.

„Народныя бѣлорусскія сватьбы въ Ошмянскомъ уѣздѣ Виленской губ.“ *С. И. Карскій* (Вил. Вѣстн. 1888 г. №№ 104, 106, 109, 112, 120, 122, и отдѣльно. Вильна 1888 г. 16°, 72). Описаніе свадьбы съ бѣлорусскими словами и пѣснями; послѣднія впрочемъ больше въ отрывкахъ. Его же: „Внѣшній бытъ бѣлоруссовъ въ Виленской губерніи“ (Вил. Вѣстн. 1891, №64). Есть пѣсня и бѣлорус. выраженія. „Экономическій бытъ бѣлоруссовъ Вилен. г.“ (ib. № 78)—имѣются только бѣлорусскія слова. „Пасха у бѣлоруссовъ Вилен. губ.“ (ib. №№ 110, 112)—много пѣсенъ.

„Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie“ (въ уѣздахъ Виленскомъ, Лидскомъ, Трокскомъ, Свенцянскомъ и Новогрудскомъ). *Я. Карловичъ* (Zbiór wiadomości, XI и XII, 1889 г.). Для языка статья почти не имѣетъ цѣны, такъ какъ сказки даются въ польскомъ пересказѣ и лишь кое-гдѣ, но очень рѣдко приводятся бѣлорусскія выраженія; кромѣ того, пересказываются тутъ не только бѣлорусскія, но и литовскія сказки.

„Podania białoruskie, zebrane przez *Władysława Weryhę*, poprzedzone wstępem przez *Jana Karłowicza*. Lwów, 1889. 16°. 77. Собраніе сдѣлано въ Лидскомъ уѣздѣ Вил. губ. (окрестности Новаго Двора и Острины). Въ предисловіи, написан-

номъ Карловичемъ, разсматривается вопросъ объ отношеніи бѣлорусскаго нарѣчія къ великорусскому и малорусскому, а также объ отличительныхъ особенностяхъ бѣлорусскаго нарѣчія главнымъ образомъ по моей книгѣ: „Обзоръ зв. и формъ бѣлор. рѣчи". Бѣлорусскія сказки напечатаны сводной латиницей, фонетически. Но мнѣ кажется, что неправильно переданы безударные гласные: вездѣ слишкомъ однообразное аканье, чего въ Лидскомъ уѣздѣ конечно нѣтъ. — Его же: „Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie Lidzkim gubernii Wileńskiej w r. 1885 spisane przez *W. W.*" (Zbiór wiadomości, 1889, XIII, 84—103).

„Ludzie i kwiaty nad Niemnem". *E. Orzeszkowa* (Wisła, 1888, II, 1—15, 675—703; 1890, IV, 1—31; 1891, V, 235—250). Дается интересное описаніе царства растительнаго (конечно не всего), при чемъ мѣстныя названія удержаны безъ перемѣны. Имѣются и народныя пѣсни.

„О врачебныхъ растеніяхъ, дикорастущихъ въ Витебской губерніи и употребляемыхъ населеніемъ ея въ домашней народной медицинѣ". *А. Антонова* (Памятная книжка Витеб. губерніи на 1888 г.). Статья интересная между прочимъ для бѣлорусскаго словаря.

Географическое, сельскохозяйственное и этнографическое описаніе Себежскаго и Невельскаго уѣздовъ" (Памятная кн. Витеб. губ. на 1888 г., 15—90). Со страницы 40 по 59 излагаются обряды и обычаи; приводятся даже пѣсни, интересныя для сужденія о бѣлорусскихъ говорахъ (смѣшеніе *ч* и *ц*).

„О бѣлорусскихъ колядкахъ" замѣтка *Ящурржинскаго* (Кіевская Старина 1889 г., февр., 477—485). Приводится и нѣсколько бѣлорусскихъ пѣсенъ изъ прежнихъ изданій.

„Два заговора изъ Чериковскаго уѣзда" (Могилев. Г. В. 1889 г. № 2 и Этногр. Обзор. I, 161—162). Заговоръ отъ змѣя, заговоръ отъ ужа. Поправка къ этимъ записямъ въ № 4.

„Игры бѣлоруссовъ Смоленской и Могилев. губ." (Бессар. Г. В. 1889 г. № 5; Могил. Г. В. 1889 г. № 4; то же въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ): игры въ лучъ, ящеръ, чортъ, шило.

„Суевѣрья бѣлоруссовъ" (Могил. Г. В. 1889 г. № 18).

11 заговоровъ и заклинаній (то же въ Этнограф. Обозр. I, 162—163).

„Образцы бѣлорусскаго нарѣчія разныхъ мѣстностей, доставленные *П. Авенаріусомъ*" (Сборникъ Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Н., т. XLVI, Спб. 1890). 8 страницъ: 1. отрывокъ изъ сказки Пушкина о рыбакѣ и рыбкѣ въ сравнительномъ переводѣ на бѣлорусское нарѣчіе разныхъ уѣздовъ: Слонимскаго, Бѣлостокскаго, Минскаго, Бѣльскаго, Кобринскаго и Владимиръ-Волын. Всѣ пересказы неудовлетворительные и малоцѣнные. Имѣется еще 1 сказка изъ Бѣлостокскаго уѣзда и 3 пѣсни изъ Слонимскаго и Борисов. уѣздовъ. Въ отношеніи языка интереснѣе сказка.

„Витебская губернія. Историкогеографическій и статистическій обзоръ". Вып. I. Исторія. Природа. Населеніе. Просвѣщеніе. Составленъ по программѣ и подъ редакціей Т. С. князя *В. М. Долгорукова.* Витебскъ 1890. Отзывъ въ „Этногр. Обозр." XXII. Изданіе довольно неудачное; для изученія языка не даетъ почти ничего интереснаго.

„Этнографическіе очерки: I. Бѣлорусская свадьба въ Слободской волости Новоалександровскаго уѣзда; II. жатва у бѣлоруссовъ; III. купалка (купаллё)" *И. К.* (Ковен. Г. В. 1890 г., №№ 31, 33, 35, 39, 45). Есть и пѣсни, но мало; среди купальскихъ пѣсенъ помѣщена щедровка.

„Заклинанія". *Я. К.* (Могил. Г. В. 1890 г. № 46). Всего 7; изъ разныхъ уѣздовъ; записи хорошія.

Въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ" помѣщено нѣсколько статей *В. Грачева*: „Обычаи и повѣрья на Благовѣщеніе въ Смол. губ." (1890 г. № 35). Статейка неважная, но приведена одна бѣлор. пѣсенка. „Народные обычаи и повѣрья въ недѣлю св. Пасхи въ Смол. губ." (1890, № 37). Про волочебниковъ и пѣсни про нихъ, но немного. „Радоница. Обычаи и повѣрья въ Смолен. г." (1890 г. № 39). Маленькая замѣтка, но съ бѣлорусскими выраженіями. „Семикъ" (1890 г. № 55). „Обычаи при зажинаніи въ Духовщинскомъ уѣздѣ" (1890, № 78). Послѣднія двѣ статьи малоцѣнныя.

„Нѣсколько словъ къ вопросу объ этнографической гра-

ницѣ между литовскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ Новоалександровскаго уѣзда Ковен. губ.“ (Памятн. кн. Ков. губ. на 1890 г.).

„Особенности говора деревни Новоселокъ-Затрокскихъ (Трокскаго уѣзда Вилен. губ.)“. *К(ачановскій Вл.)* (Вѣстникъ Славянства, 1890 г. V). Статья составлена по матеріалу, изданному мною въ „Русс. Фил. Вѣстн.“, о чемъ рѣчь послѣ.

Съ конца 80-хъ годовъ и до сихъ поръ на поприщѣ изученія бѣлорусскаго быта и языка немало потрудился *М.В. Довнаръ-Запольскій.* Кромѣ своихъ обычныхъ занятій по бѣлорусскому праву и исторіи (этихъ трудовъ мы касаться не станемъ), онъ удѣляетъ также время и этнографіи. Ему принадлежатъ слѣдующія работы этого рода: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни“. Кіевъ. 1888. Мал. 8⁰. II + 38. Брошюра написана по даннымъ Мозырскаго и Рѣчицкаго уѣздовъ. „Записывая пѣсни, мы старались во всей строгости удержать фонетическое начертаніе“, говоритъ авторъ въ предисловіи (II). Въ приведенныхъ здѣсь болѣе, чѣмъ 33-хъ пѣсняхъ, дѣйствительно, замѣтно стараніе удерживать особенности бѣлорусской фонетики (не знаю только, насколько она соотвѣтствуетъ Рѣчицкому и Мозырскому говорамъ), однако кое-гдѣ есть и погрѣшности объясняемыя невниманіемъ автора и по всей вѣроятности типографскими затрудненіями (на клѣ*ти* 14, ў лета̀н*і*и 15, подво̀ръейка ib., абра̀ццю вм. абро̀цьцю 30, вельм*а* вм. вельм(о)и ib., *с*тянѣ 31, ишлій дзѣвачки вм. ишли й дзѣвачки 34, пл*и*ве 37; особенно много колебаній въ передачѣ у (ў, у́, у̀, у̑): дзѣу́ка 36, жоу́таго ib., замазау̑ся ib., со̀у̑нце ib., гуляу̑ 37); часто не поправлены или по крайней мѣрѣ не оговорены явные великоруссизмы (эй т р о н у ў коня падъ рабры 37, тарапися 38, или цѣлое двустишіе великорусское:

Ай да варацися, дружокъ Иванюша мой,
Ай да варацися, мой другъ, назадъ... 37).

Кое-гдѣ неправильно подѣлены пѣсни на стихи (14, послѣдній стихъ и далѣе, 20, первый стихъ).—Въ слѣдующемъ году подъ редакціей М. Запольскаго вышелъ: „Календарь Сѣверо-Западнаго Края на 1889 годъ“. Москва 1889. Здѣсь помѣщены к-

сколько статей, имѣющихъ отношеніе и къ бѣлорусскому нарѣчію: „Бѣлорусское нарѣчіе“—указаны главныя особенности бѣлорусскаго нарѣчія, какъ онѣ изложены у меня въ „Обзорѣ“, значитъ, безъ различенія по говорамъ. Кстати, цеканье здѣсь смѣшано съ цоканьемъ (стр. 87). Далѣе, здѣсь отрывки изъ „Гапона“ Дунина-Марцинкевича (о чемъ послѣ), „Изъ жизни“ — разсказъ изъ народной жизни почти весь на чистомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи, переданномъ вообще правильно, даже съ дифтонгами въ нѣкоторыхъ случаяхъ. „Народныя пѣсни“. „Редакція... не дѣлала разбора между пѣснями, несомнѣнно принадлежащими бѣлорусскому творчеству и пѣснями заносными (напр. передѣлки изъ великорусскихъ и малорусскихъ пѣсенъ)“—всего 20 №№. Пѣсни изданы вообще плохо съ непослѣдовательной орѳографіей. Однѣ записаны въ Рогачевскомъ уѣздѣ, а другія въ Смоленской губ. гг. Н. Л. Шаховымъ и Маріей Ф. Далѣе слѣдуютъ 2 искусственныхъ стихотворенія и очеркъ „Пасха въ Бѣлоруссіи“, записанный въ Слуцк. уѣздѣ Мин. губ. — съ бѣлорусскими выраженіями и пѣснями. Въ календарѣ на 1890 г. лингвистическихъ матеріаловъ уже нѣтъ.— „Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ. 1. Говоръ Ново-Сверженской волости Минскаго уѣзда“ (Живая Старина, 1893, I, 3—19). Отзывъ объ этой статьѣ Качановскаго въ „Вѣстн. Славянства“ 1894 г. (IX, 132—135). Въ Новосверженской волости Д.-Зап. отмѣчаетъ дифтонги на мѣстѣ ударяемыхъ *о* и *ѣ* въ слогахъ закрытыхъ (͡уо, ͡іе); „звуки *о* и *у*, *і* и *е* настолько тѣсно сливаются, что представляютъ одинъ звукъ — дифтонгъ, слышимый въ одной мѣстности рѣзче, въ другой весьма близко подходящій, а иногда и совсѣмъ превращающійся въ чистый *о* и *е*“ (4). Вообще вопросъ о разныхъ бѣлорусскихъ дифтонгахъ, можетъ быть и несуществующихъ здѣсь, изложенъ очень сбивчиво. Матеріалы по языку помѣщены и въ другихъ книжкахъ Живой Старины (1893, II, 283—296; III, 419—425; 1894, I, 108—114). Сюда же относится его статейка: „Значеніе этнографическаго изученія Гродненской губерніи“ (Гродн. Г. В. 1893 г. № 61 и отдѣльно. Гродна. 1893. 16°, 11). Приложена краткая программа для собиранія особенностей народ-

ныхъ говоровъ Гродн. губерніи. — Свою дѣятельность по бѣлорусскому нарѣчію Д.-Запольскій началъ съ разсмотрѣнія бѣлорусскихъ свадебъ. Этого же вопроса онъ касался и послѣ нѣсколько разъ: „Сватовство и дружина жениха въ бѣлорусской свадьбѣ“ (Мин. Лист. 1892, № 57); „Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ. Этнографическій этюдъ“ (Гродн. Г. В. 1893 г., №№ 48, 49, 55, 56, 57 и 58, а также отдѣльно. Гродна. 1893, 16⁰, II + 69). Въ этой статьѣ лишь нѣкоторые отрывки пѣсенъ, взятые у Зенькевича съ особенностями бѣлор. нарѣчія (ср. стр. 16, 43 отд. оттиска. Кстати на 43 стр. „лилѣцимежъ“, „мѣцимежъ“ должны имѣть въ окончаніи -шъ). „Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ“ (Этнографич. Обозрѣніе XVI [1893], XVII [1893], XIX [1893]). Вездѣ есть и бѣлорусскія пѣсни, больше въ отрывкахъ. „Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи“ (Мин. Лист. 1894, № 80). Болѣе крупный сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ, касается Полѣсья: „Бѣлорусское Полѣсье. Вып. I. Пѣсни Пинчуковъ“. Кіевъ. 1895 (оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1895 г.). 8⁰, XXVIII + 205 съ картой. Отзывы объ этомъ изданіи Е. Ляцкаго (Этногр. Обозр., XXVI (1895), 153—160) и мой (Журн. Мин. Нар. Пр. 1896, май, 155—159). Этотъ сборникъ, касающійся собственно пѣсенъ и языка пинчуковъ, по какому-то недоразумѣнію приводитъ и чисто бѣлорусскія пѣсни: с. Красная Воля Лахвин. волости Мозыр. у. (141—147), Лашанской вол. Гродн. уѣзда (148—155). Кромѣ того, и въ предисловіи имѣются матеріалы, касающіеся и бѣлор. говоровъ (XXV—XXVII). — Почти нѣтъ матеріала для языка въ статьѣ Д.-Запольскаго по обычному праву крестьянъ Мин. губ. (Этн. Обозр. 1897 г. № 1 и 2).

Подобно Довнару-Запольскому, издавшему календарь съ бѣлорусскими матеріалами, и *А. Слупскій* выпускалъ въ теченіе двухъ лѣтъ „Сѣверо-Западный календарь“ на 1892 и 1893 г. (Минскъ, 1891 и 1892) съ приложеніемъ Альманаха Сѣв.-Зап. Календаря со статьями и стихотвореніями отчасти на бѣлор. нарѣчіи, отчасти же съ бѣлорусскими выраженіями.

О стихотворной (искуственной) части ихъ рѣчь послѣ. Здѣсь только отмѣтимъ народные матеріалы. Въ календарѣ на 1892 г. „Народный календарь“ (1—22, ср. у Дембовецкаго); „Страшное заклинаніе. Бытовой очеркъ“ (25—33)—масса народныхъ выраженій. Въ календарѣ на 1893 г. народныхъ произведеній нѣтъ.

Съ начала 90-хъ годовъ и до сихъ поръ кое-что удѣляетъ бѣлорусской этнографіи вполнѣ основательно ознакомившійся съ предметомъ *Е. А. Ляцкій*. Ему принадлежатъ: „Представленія Бѣлорусса о нечистой силѣ“ (Этногр. Обозр. VII [1890]) —есть кое-что и для языка. „Изъ области заговоровъ“ (Мин. Лист. 1892 г., № 95) — есть и бѣлорусскія выраженія. „Болѣзнь и смерть по представленіямъ бѣлоруссовъ“ (Этногр. Обоз. XIII—XIV [1892], 23—41)—есть и матеріалы для языка. „Матеріалы для народнаго снотолкователя. Минская губ. (Этногр. Обозр. XXXVI [1898], 139—149). „Нѣсколько замѣчаній къ вопросу о пословицахъ и поговоркахъ“. I—V. Спб. 1897 (изъ „Извѣстій“ Отд. р. яз. и сл. А. Н., II т., 745—782). Настоящая работа, кромѣ чисто литературной стороны, важна еще и для языка, такъ какъ содержитъ въ себѣ много хорошихъ примѣровъ народной рѣчи. Наконецъ ему принадлежитъ порядочный сборничекъ бѣлорусскихъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ (2022 №№): „Матеріалы для изученія творчества и быта бѣлоруссовъ. I. Пословицы, поговорки, загадки“ (изъ Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1898 г. и отдѣльно. М. 1898. 8°. VIII+63). Это изданіе даетъ очень цѣнные матеріалы для характеристики бѣлорусскаго нарѣчія въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губ. Между прочимъ тутъ вездѣ въ слогахъ закрытыхъ подъ удареніемъ дифтонгъ уо (буог, нуос). Пословицы изданы фонетическимъ письмомъ.

Изъ предыдущаго очерка библіографіи можно было видѣть, что менѣе всего матеріаловъ встрѣчалось по бѣлорусскимъ говорамъ Смоленской губерніи. Этотъ недостатокъ прекрасно восполненъ хорошими сборниками неутомимаго мѣстнаго этнографа *В. Н. Добровольскаго*. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: „Смоленскій этнографическій сборникъ“. Ч. I.

Спб. 1891 (изъ Зап. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., XX т.), XXVII+716; ч. II. Спб. 1894 (ib. XXIII), IV+443; ч. III. Спб. 1894 (ib.), III+137; ч. IV. Москва. 1903 (Записки, XXVII), XVI+720. Первый томъ содержитъ разсказы о народной жизни и изъ народной жизни, изложенные на народномъ языкѣ: разсказчиками выступаютъ лица изъ народа. Тутъ же сказки. Во второмъ томѣ даются разнаго рода пѣсни, причитанія, съ изложеніемъ соотвѣтствующей обрядности; очерки семейныхъ нравовъ. Третій томъ содержитъ пословицы. Въ четвертомъ томѣ—обряды и обрядовыя пѣсни, бытовыя, историческія, духовные стихи, игры. Этнографическая работа, по мнѣнію Добровольскаго, съ внутренней стороны, должна быть „отображеніемъ народнаго міросозерцанія, а съ внѣшней представлять точную передачу народнаго говора со всѣми оттѣнками и оборотами народной рѣчи". Эти черты вполнѣ отражаются на разсматриваемыхъ сборникахъ. Слѣдуетъ только помнить, что въ нихъ приводятся матеріалы со всей Смоленской губерніи, а бѣлорусскіе говоры занимаютъ хотя и большую часть ея, но лишь западную; поэтому, прежде чѣмъ извлекать изъ извѣстнаго произведенія особенности языка, нужно справляться, гдѣ оно записано. Въ I-мъ томѣ этнографическому матеріалу предпосланы статьи чисто филологическаго характера: „Замѣтка къ изслѣдованію «Различія говоровъ Смоленскаго нарѣчья»", „Особенности Смоленскаго нарѣчья" и „Матеріалы для словаря и теоріи ударенія" (3—44). И въ нихъ бѣлорусскіе говоры не строго отличаются отъ великорусскихъ. Еще при пользованіи сборниками Добровольскаго слѣдуетъ имѣть въ виду замѣчаніе 126 (стр. 18—19) относительно дзеканья и цеканья, которое вообще въ сборникѣ не отмѣчается. Какъ достоинство „Смоленскаго этнографическаго сборника" нужно отмѣтить и то, что всѣ матеріалы записаны самимъ собирателемъ. Особенно хорошо выдержано обозначеніе измѣненій въ области гласныхъ. Можно поставить въ вину автору недостаточную систематичность въ расположеніи собранныхъ матеріаловъ; для языка впрочемъ это не имѣетъ особеннаго значенія. Желательно было бы, чтобы авторъ выпустилъ еще

красной характеристикой разсматриваемаго сборника въ этомъ отношеніи могутъ служить слова самого Шейна (Записки, V, 830, отд. от. 546): „За достовѣрность и подлинность всѣхъ названныхъ здѣсь (т.-е. въ его сборникѣ) матеріаловъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ погрѣшностей со стороны ихъ звуковаго изображенія, я вполнѣ ручаюсь“. Слѣдовательно, самъ собиратель допускаетъ въ своемъ трудѣ возможность погрѣшностей при передачѣ звуковъ, и мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ ихъ на каждомъ шагу. Большинство ошибокъ объясняется стремленіемъ записывающихъ пѣсни поддѣлаться подъ грамматическое написаніе, слѣдствіемъ чего является та замѣчательная непослѣдовательность въ письмѣ, какую мы встрѣчаемъ часто не только въ одной и той же пѣснѣ, но даже въ одной и той же строкѣ (см. напр. № 541 до*се*цъ и до*сы*цъ и мн. др.). Какъ недостатокъ книги отмѣтимъ еще стремленіе составителя придать ей большіе размѣры, вслѣдствіе чего сюда попало кое-что лишнее, напр. въ словарикъ цѣлый рядъ общерусскихъ словъ, въ пѣсни колядскія ненародныя рацеи (ср. Р о м а н о в ъ: Бѣлор. сборн., I—II, стр. V—VI). Несмотря однако на всѣ перечисленные недостатки „Бѣлорусскія пѣсни“ Шейна (1873 г.) въ свое время да еще и теперь могутъ считаться однимъ изъ лучшихъ собраній произведеній бѣлорусской народной поэзіи.

Но отмѣченный сборникъ важенъ и въ другомъ отношеніи. Выходъ его въ свѣтъ и особенно программы, разосланныя собирателемъ въ массѣ экземпляровъ, много содѣйствовали изученію и собиранію бѣлорусскаго этнографическаго матеріала, результатомъ чего явились какъ позднѣйшіе сборники Шейна, такъ и отчасти труды другихъ лицъ. Уже къ концу печатанья своего сборника 1874 г. Павелъ Васильевичъ имѣлъ матеріала почти на цѣлый другой томъ (Записки Геогр. Общ., V, 929); но этимъ онъ не ограничился. Въ 1877 г. обращается онъ въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности съ предложеніемъ отправиться для дальнѣйшаго собиранія памятниковъ бѣлорусской народной словесности. Отдѣленіе охотно приняло предложеніе Шейна и оказало ему всякое содѣйствіе въ

собирательскихъ трудахъ какъ въ эту поѣздку, такъ и въ слѣдующія, предпринимавшіяся имъ неоднократно. Запасшись содѣйствіемъ управленія учебнаго округа, одобреніемъ архіереевъ, поддержкой начальниковъ губерній, Шейнъ постарался побывать во многихъ мѣстахъ, а еще по-больше завести разныхъ знакомствъ, особенно изъ среды учебнаго персонала и учащихся. Всюду онъ распространялъ свои программы [1]), записывалъ самъ и побуждалъ своихъ знакомыхъ записывать для него разные матеріалы, отмѣченные въ программахъ, знакомился съ разными провинціальными собраніями и изданіями. Результатомъ этихъ собираній было то, что въ Академію Наукъ было представлено Шейномъ матеріала болѣе, нежели на три тома. Съ 1887 года по 1902 вышло 4 большихъ книги (всего болѣе 2545 страницъ), подъ заглавіемъ: „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверозападнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ". Т. I, ч. I. Спб. 1887. Т. I, ч. II. Спб. 1890. Т. II. Спб. 1893. Т. III. Спб. 1902 (Отдѣльные оттиски изъ 41, 51, 57 и 72 томовъ „Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Ак. Наукъ"). Но и эти 4 книги не исчерпываютъ всего имѣвшагося у собирателя матеріала, такъ какъ при своихъ поискахъ онъ, кромѣ словесныхъ народныхъ бѣлорусскихъ произведеній, не упускалъ изъ виду разыскиваніе и собираніе этнографическихъ данныхъ изъ области Полѣсья, пограничнаго съ Бѣлоруссіей, а также сосѣдящаго съ Волынью. — Содержаніе трехъ разсматриваемыхъ томовъ вкратцѣ слѣдующее: I т., I ч. — изображеніе бытовой и семейной жизни бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Обряды: родины и крестины (стр. 3—18). Пѣсни крестинныя (20 №№, стр. 18—29). Пѣсни колыбельныя и дѣтскія (15 №№, стр. 29—36). Рождественскіе праздники, святки (стр. 37—44); обрядности сочельниковъ (стр. 44—

[1]) Первая программа, подъ заглавіемъ „Просьба" была напечатана еще въ 1867 г. (ср. Записки, V, 824—828, вып.). Затѣмъ она перепечатана въ Ковен. Г. В. за 1878 г. № 11; послѣднее ея изданіе вышло въ январѣ 1889 г. подъ заглавіемъ: „О собираніи памятниковъ народнаго творчества для издаваемаго Академіей Наукъ Бѣлорусскаго сборника г. Шейна". Это воззваніе напечатано отъ имени Академіи Наукъ, при чемъ въ него вошла и программа самого Шейна.

55). Пѣсни колядныя: объясненіе ихъ названія (55—56). Самыя пѣсни (64 №№, стр. 56—98). Колядныя игрища и пѣсни. Женитьба Терешки (стр. 99—110), лучъ (стр. 110—111), ящеръ (111—112), чортъ (112—114), шило (114—115). Пѣсенъ, относящихся сюда, 15. Обычаи масленичные (115—116). Масленичныхъ пѣсенъ 7. Шильный понедѣльникъ (122—125). Пѣсни весенніе (15 №№, стр. 125—132). Пѣсни великодныя (133—136), №№-овъ пѣсенъ 23 (136—165). Обряды и пѣсни въ Юрьевъ день (165—170). Повѣрья и примѣты (тамъ же). №№-овъ пѣсенъ 19 (стр. 171—184). Духовъ день и Св. Троицы. Завиваніе вѣнковъ; духовскія пѣсни (184—195, №№ 24). Русальная недѣля; русалки (196—199, 1 пѣсня). Пѣсни петровскія (200—201, №№ 3). Толока и пѣсни толочанскія (201—212, №№ 18). Обычаи, повѣрья и суевѣрья на Ивана Купалу (213—236, №№ 29). Жниво: обряды и пѣсни (237—240). Пѣсни жнивныя (240—256, №№ 34), ярныя (во время жатвы яровыхъ посѣвовъ) (257—263, №№ 12). Дожинки или обжинки. Обряды и пѣсни (263—288, №№ 39). Пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточныя и разгульныя. А. Пѣсни любовныя (289—355, №№ 96). Б. Семейныя (356—450, №№ 122). Пѣсни бытовыя. А. Рекрутскія (451—470, №№ 27). Б. Солдатскія (471—494, №№ 31). Пѣсни шуточныя и разгульныя. А. Шуточныя (494—527, №№ 40). Б. Разгульныя: дударскія (531—534, №№ 3), пьяницкія (535—538, №№ 7), плясовыя и припѣвки (539—569, №№ 139). Примѣчанія и приложенія (578—584). На четырехъ послѣднихъ страницахъ въ качествѣ прибавленія присоединены мелодіи нѣкоторыхъ пѣсенъ крестинныхъ, масленичныхъ, волочобныхъ, весеннихъ, троицкихъ, дожиночныхъ, бесѣдныхъ, рекрутскихъ, шуточныхъ, дударскихъ. Кромѣ того, въ этой книгѣ имѣется два указателя—одинъ, въ формѣ оглавленія всѣхъ пѣсенъ (VII—XX), другой—указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни. Оказывается, что записи „Матеріаловъ" Шейна уже въ 1 части I тома обнимаютъ всю бѣлорусскую область, хотя и не въ одинаковомъ процентномъ отношеніи изъ той или другой мѣстности. Тутъ даны записи изъ губерній Виленской (Виленскій,

Вилейскій, Дисненскій, Лидскій, Ошмянскій, Свенцянскій уѣзды), Витебской (Витебскій, Городокскій, Дриссенскій, Лепельскій, Полоцкій уѣзды), Гродненской (Бѣлостокскій, Волковыскій, Гродненскій, Пружанскій, Слонимскій уѣзды), Ковенской (Ново-Александровскій уѣздъ), Курляндской (около Иллукста), Минской (Бобруйскій, Борисовскій, Игуменскій, Минскій, Мозырскій, Новогрудскій, Рѣчицкій, Слуцкій уѣзды), Могилевской (Быховскій, Гомельскій, Горецкій, Оршанскій, Рогачевскій, Сѣнненскій, Чаусскій уѣзды), Смоленской (Бѣльскій, Духовщинскій, Рославльскій, Порѣчскій, Смоленскій уѣзды). Указатель не ограничивается однимъ перечисленіемъ мѣстностей по уѣздамъ, но даже отмѣчены деревни, гдѣ сдѣлана та или другая запись. — Томъ I, ч. II. Этой частью заканчивается лирическая поэзія бѣлорусса; именно, она заключаетъ: 1) обряды свадебные (стр. 1—501) и 2) обряды погребальные и поминальные, голошенія или причитанія надъ покойниками (503 697); кромѣ того, примѣчанія и приложенія (699 — 708); рисунки коровая изъ нѣкоторыхъ мѣстностей (3 №№) и ноты (23 №№). Первый отдѣлъ содержитъ, кромѣ 43 самыхъ подробныхъ описаній свадебныхъ обрядовъ изъ разныхъ мѣстностей Бѣлоруссіи, изложенныхъ отчасти на бѣлорусскомъ нарѣчіи, еще 902 свадебныя пѣсни, сопровождающія описаніе того или другого обряда. Такого обилія свадебныхъ пѣсенъ нельзя найти ни въ одномъ сборникѣ. Во второмъ отдѣлѣ имѣется: 1) описаніе обрядовъ погребальныхъ изъ 19 мѣстностей (507—579), описаніе примѣтъ, предвѣщающихъ смерть (579—582); 2) обряды поминальные: а) поминки частныя (изъ 6 мѣстностей, стр. 582—593), б) поминки общія—дѣды (изъ 23 мѣстностей, стр. 593—629); 3) причитанія (№№ 95, стр. 631—700): по мужѣ (23 №№); по дитяти (10 №№); по взросломъ сынѣ (2 №№); плачъ по дочкѣ (6 №№); по взрослой дочери (3 №№); плачъ по матери (16 №№); плачъ по отцѣ (20 №№); по дѣдушкѣ (1 №); по бабушкѣ (1 №); по братѣ (3 №№); по сестрѣ (2 №№); по свекру (2 №№); по свекрови (2 №№); по теткѣ (1 №); по чужестранцѣ (2 №№). Обряды и пѣсни, кромѣ того, что расположены по отдѣламъ, еще размѣщены по губерніямъ,

вслѣдствіе чего у читателя образуется не только представленіе о томъ, при какой обстановкѣ совершается извѣстный обрядъ, но и какія особенности онъ имѣетъ въ той или другой мѣстности; равнымъ образомъ наглядно представлены и сгруппированы различныя лингвистическія данныя изъ губерній — Витебской, Минской, Могилевской, Гродненской, Виленской, Смоленской, Тверской (Ржевскій уѣздъ), Черниговской (Суражскій уѣздъ). Особенно важны матеріалы изъ послѣднихъ губерній, являющіеся въ бѣлорусскихъ сборникахъ, можно сказать, впервые. — Томъ II уже содержитъ эпическую поэзію. Тогда какъ въ I томѣ при разныхъ лирическихъ произведеніяхъ даются обширныя описанія, касающіяся по преимуществу обрядовъ, сопровождающихъ пѣніе тѣхъ или другихъ стиховъ, во II томѣ такихъ объясненій очень мало. Оно и понятно: сама эпическая поэзія даетъ массу цѣннаго матеріала для характеристики народнаго быта. Впрочемъ, и во II томѣ находимъ также очень интересныя описанія, напр., привѣтствій, пожеланій, божбы, ругани, или нѣкоторыхъ знахарей, нищихъ-старцевъ. — Сборникъ распадается на три отдѣла: въ I-мъ (1—500 стр.) даны сказки, анекдоты, преданія, воспоминанія, пословицы, поговорки, загадки; во II отдѣлѣ (501 — 558)—привѣтствія, пожеланія, божба, проклятія, ругань, заговоры, заклинанія; въ III отдѣлѣ (559—680)—духовные стихи, вирши религіозно-нравственнаго содержанія, молитвы. Наконецъ (681—715), находимъ примѣчанія и дополненія. Первый отдѣлъ содержитъ а) разнаго рода сказки: изъ міра животныхъ (34 №№), миѳическія и бытовыя (118 №№); б) анекдоты (40 №№); в) легенды (49 №№); г) преданія (45 №№) — о церквахъ, чудотворныхъ иконахъ, колоколахъ, кладахъ, заколдованныхъ людяхъ и животныхъ, о разныхъ мѣстностяхъ, камняхъ, погребахъ, разбойникахъ; д) воспоминанія и разсказы о быломъ (18 №№)—о пребываніи французовъ, о іезуитахъ, о польскомъ возстаніи, о панахъ, холерѣ и т. п.; е) пословицы и поговорки (195 №№); ж) загадки (149 №№), при чемъ нѣкоторыя въ нѣсколькихъ варіантахъ. Во второмъ отдѣлѣ находимъ а) привѣтствія и пожеланія (35 №№), божбу и клятву

(23 №№), проклятія (30 №№), ругань (21 №№); б) заговоры (70 №№)—противъ лѣшаго, домового, дворового, отъ шума, противъ русалки, отъ наносовъ, противъ залома, дурного глаза, отъ сглаза новорожденнаго, отъ уроковъ, противъ криксы и плаксы, кровотеченія, отъ зубной боли, болѣзни горла, колотья, противъ волоса, лихорадки, отъ рожи, чирьевъ, противъ боли въ крестцѣ, отъ перепоя, укушенія змѣи, бѣшенства, при выгонѣ скота въ поле, противъ чемера—болѣзни лошадей, червей, когда у коровъ пропадаетъ молоко, заговоръ ружья, во время ѳохоты, для разстройства свадьбы, для укрѣпленія свадьбы. Здѣсь, кромѣ того, помѣщены свѣдѣнія о знахаряхъ и шептунахъ. Третій отдѣлъ содержитъ разнаго рода духовные стихи: о богатомъ и Лазарѣ, объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ, про св. Варвару, Цмока (отрывокъ изъ стиха о Георгіи Храбромъ), про Василія Пустынника, плачъ Адама, на Вознесеніе, про св. Дороту, про грѣшную дѣву (самарянку), сонъ Богородицы, на разставаніе души съ тѣломъ, о страшномъ судѣ, „евангелистую“ пѣснь, стихъ относительно избавленія души христіанской, о Бомболеѣ, костельную пѣснь, о десяти заповѣдяхъ, вирши и псальмы духовнаго содержанія (всего въ III отдѣлѣ 62 №№). Кромѣ того, даны довольно подробныя свѣдѣнія о бѣлорусскихъ старцахъ-нищихъ. Тóму предпосланы: предисловіе, въ которомъ собиратель касается упрековъ, направленныхъ противъ него, въ томъ, что нѣкоторыя записи получены оффиціальнымъ путемъ; далѣе слѣдуетъ оглавленіе - указатель напечатанныхъ матеріаловъ (VII—XIV) и наконецъ—указатель мѣстностей, откуда доставлены матеріалы для настоящаго тома. — Ко всѣмъ 3-мъ книгамъ приложены указатели опечатокъ. — Томъ III-ій, вышедшій уже послѣ смерти автора († 14 авг. 1900 г.), содержитъ въ себѣ больше чисто этнографическіе матеріалы: описаніе жилища, одежды, пищи, занятій; препровожденіе времени, игры, вѣрованія, обычное право; чародѣйство, колдовство, знахарство, лѣченіе болѣзней, средства отъ напастей, повѣрья, суевѣрья, примѣты и т. д. Описанія всѣхъ указанныхъ предметовъ сопровождаются указаніемъ бѣлорусскихъ терминовъ и техническихъ словъ вообще, а также цѣ-

лыми выраженіями и даже разсказами на народномъ языкѣ. Кое-гдѣ приводятся и бѣлорусскія пѣсни (ср. стр. 105, 116, 124—129, 133—139, 150—151, 155, 158—162, 170—172, 179—180, 183—185, 187, 193, 200—201, 208, 212—217, 235—237, 325, 388—389, 395, 397—426, 428—481). Этотъ томъ даетъ меньше для фонетики и морфологіи языка, но зато изъ него можно извлечь много интереснаго матеріала для словаря, воспользовавшись для этого хотя бы составленнымъ мною указателемъ, приложеннымъ къ книгѣ.— Не стану вдаваться въ подробное разсмотрѣніе „Матеріаловъ" Шейна, такъ какъ это уже сдѣлано мною въ отзывѣ[1]) о нихъ, помѣщенномъ въ „Отчетѣ о первомъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова" (Записки Импер. Акад. Наукъ по Ист.-фил. Отд. т. IV [1899 г.], № 1, 1—85), здѣсь отмѣчу только нѣкоторыя обстоятельства.

Какъ и при составленіи перваго своего сборника, и теперь Шейнъ пользовался содѣйствіемъ своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ. Но въ „Бѣлор. пѣсняхъ" на долю собирателя выходило большинство пѣсенъ, въ „Матеріалахъ" же самому Шейну принадлежитъ лишь нѣсколько болѣе 4% всѣхъ записей, при чемъ въ послѣднихъ 3-хъ книгахъ самому собирателю почти ничего не принадлежитъ. Многое, кромѣ того, перепечатано изъ прежнихъ изданій большею частью рѣдкихъ (Тышкевича, Чечота, Подобѣда, Шпилевскаго, Невѣровича, Киркора, Анимелле, Куклинскаго, Разумихина, Дмитріева, Сердюкова, Серебренникова, Бобровскаго, Валюковича, Нечаева, изъ 1-го сборника самого же Шейна, Носовича, Пашина, Чистякова, Дембовецкаго, Демьяновича, Могил. Губ. Вѣд. 1866 г., Бермана, Памятн. кн. Смол. губ. на 1859 г.). Кое-какіе матеріалы доставлены волостными писарями, будучи вытребованы оффиціальнымъ путемъ (О способѣ собиранія этимъ путемъ ср. отзывъ Романова въ „Вит. Г. В." за 1890, № 33).

Имѣя въ виду разнообразную подготовку сотрудниковъ

[1]) Другіе отзывы: Янчука въ Мин. Листкѣ за 1887 г. № 62, Карловича въ журналѣ Wisła, II, 235—236—съ указаніемъ неправильностей нѣкоторыхъ записей въ фонетич. отношеніи; въ Этногр. Обозр. 1890 г., VI, 178—182; XX—отзывъ Богданова. Мои разборы, напечатанные въ Журн. Мин. Н. Пр. 1887 г. окт., 1890 ноябрь, 1894 апр., вошли затѣмъ въ указанный отчетъ. Всѣ томы вызывали и др. отзывы.

Шейна и вслѣдствіе этого неодинаковую степень достоинства собранныхъ ими матеріаловъ, мы понимаемъ, какъ трудны были обязанности редактора по приведенію ихъ въ надлежащій порядокъ и въ отношеніи сообщенія имъ одинаковой орѳографіи. Въ общемъ эти задачи выполнены Шейномъ довольно удовлетворительно (см. мой отзывъ, 30—35); здѣсь разсмотримъ только, насколько удовлетворительно принятая собирателемъ орѳографія передаетъ особенности бѣлорусской рѣчи. Въ этомъ отношеніи существуютъ слѣдующіе пріемы: или народныя произведенія передаются совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ они хранятся въ устахъ народа, т.-е. записываются и печатаются строго фонетически; или, съ удержаніемъ главнѣйшихъ чертъ народныхъ говоровъ, сохраняется орѳографія историческая; или, наконецъ, орѳографіи придается единообразный видъ съ удержаніемъ лишь лексическихъ и синтактическихъ особенностей народныхъ говоровъ, а также отчасти морфологическихъ. Перваго рода орѳографія возможна тогда, когда лица, записывавшія народныя произведенія, были въ достаточной степени знакомы съ народной рѣчью и умѣли правильно передать ее посредствомъ письма. Такія записи особенно интересны для знакомства съ языкомъ народа. Почти такое же значеніе имѣютъ и записи второго рода, особенно если редакція умѣло и строго послѣдовательно соединяетъ фонетическіе пріемы письма съ исторической орѳографіей. Тутъ возможны, конечно, и условныя написанія, требуется только, чтобы они были строго послѣдовательны. Наконецъ, третій пріемъ для языка имѣетъ менѣе всего значенія, но онъ очень удобенъ въ чисто литературномъ отношеніи, такъ какъ облегчаетъ знакомство съ народными произведеніями для лицъ, не знающихъ мѣстныхъ говоровъ. Этого способа изданія народныхъ произведеній удобнѣе всего держаться въ томъ случаѣ, когда записи не отличаются послѣдовательностью, а самъ редакторъ не имѣетъ возможности провѣрить ихъ на мѣстѣ записи. — Обращаясь къ орѳографіи, которой придерживается въ изданіи разсматриваемыхъ „Матеріаловъ“ Шейнъ, находимъ, что онъ слѣдуетъ второму способу обнародованія этнографи-

ческихъ произведеній. Такъ у него вездѣ есть *ѣ*, *ъ* и *ъ*; даже удержано *о* безударное, обыкновенно произносимое иначе; согласные голосовые передъ безголосными оставлены безъ перемѣны. Если строго послѣдовательно держаться такого, такъ сказать, условно-фонетическаго письма, то изданіе народныхъ произведеній въ научномъ отношеніи будетъ вполнѣ удовлетворительно. Разсматривая изданіе Шейна, находимъ слѣдующіе недостатки: 1) въ отношеніи передачи общерусскаго безударнаго *о*. Въ предисловіи къ I т. 1 ч. Шейнъ заявляетъ, что „неударяемое *о*, произносимое во всей области бѣлорусской рѣчи, какъ *а*“, онъ „оставилъ безъ измѣненія въ его этимологической неприкосновенности, какъ это принято въ литературномъ языкѣ“. Но такое утвержденіе относительно всей бѣлорусской рѣчи — явное заблужденіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло дѣйствительно такъ и обстоитъ. Но какъ уже давно замѣтили С. П. Микуцкій (Отчеты II отд. Имп. Ак. Наукъ о филологическомъ путешествіи по Западнымъ краямъ Россіи. Тетрадь II. 1865 г., стр. 37) и И. И. Носовичъ (Бѣлорусскія пословицы, помѣщенныя въ Сборн. Отд. рус. яз. и сл. Акад. Н., т. XII, стр. V), а также какъ приходилось наблюдать намъ самимъ (ср. наши „Обзоръ звуковъ и формъ бѣл. рѣчи“, §§ 73, 80, 81, 82, 85; „Къ исторіи зв. и ф. бѣл. рѣчи,“ 174—179), та или другая замѣна бѣлорусскаго безударнаго *о* мѣняется по мѣстностямъ, завися главнымъ образомъ отъ большей или меньшей близости къ ударяемому слогу; такъ что иногда слышится и *о* безударное, и *ы* очень часто, и даже *у*. Да и у самого Шейна род. падежи прилагательныхъ на *-ого* вѣдь не даромъ же пишутся обыкновенно черезъ *-ого*, а не *-аго*, хотя они и не стоятъ подъ удареніемъ; попадаются, правда, и ничѣмъ не оправдываемыя отступленія (ср. I т. 1 ч., 22: маленького и маленькаго; I т. 2 ч., 224: боскаго слова и гаю зеленого). Съ другой стороны, иногда попадаются случаи, вопреки выставленному положенію, замѣны безударнаго *о* и совпавшаго съ нимъ *а* безударнаго другими гласными. Довольно часто на мѣстѣ его попадается *ы*, напр.: I т. 1 ч., 19: посеродъ двора́ дый Ивановаго, Ива́н*ы*чка, строг*ы*й (твор. пад. женск. рода); I т.

1 ч., 81: ра́дыстъ, зылоты́мъ, мылодо́й и т. д. Такая замѣна *о* безударнаго посредствомъ *ы* безударнаго даже въ одной и той же пѣснѣ не представляетъ явленія постояннаго и устойчиваго, а носитъ характеръ совершенно случайный. Есть случаи замѣны такого *о* посредствомъ *у* и даже посредствомъ дифтонговъ, напр. I т. 1 ч., 19: годува́ть, а случаевъ съ дифтонгами много въ разныхъ записяхъ изъ южной Бѣлоруссіи. Можно даже указать немало примѣровъ написанія съ *а* безударнымъ на мѣстѣ *о*, объясняемыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, своеобразнымъ пониманіемъ морфологическаго строенія слова. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ: I т. 1 ч., 21: Игнат*а*чку, ib. 79: пойд*а*мъ, ib. 81: ў чист*а*мъ (чистомъ?) поли, зор*а*чки ib. 82; ib. 174: гус*а*чки, ib. 234: дзяўчин*а*ньцы, дзяўчин*а*нько, богат*а*и матки, ib. 317: т*а*бѣ, н*а*вого; I т. 2 ч., 20: с*а*бѣ, ib. 204: Выскочил*а* маленьк*ая* маленя́, | Указал*а* дороженьку до села... вмѣсто: выскочило маленькое маленя, указало..., потому что „маленя́," -я́ци средняго рода, какъ дзиця́, дзѣўча́ и под.; ib. 225: пол*а*вицею—половиной, ib. 227: присп*а*рай, т*а*чили, I т. 1 ч., 62: трое курей пѣл*а*; впрочемъ, судя по риѳмѣ къ нему (вороты скрыпѣли), можно ду́мать, что здѣсь опечатка вм. пѣли, ib. 160: т*а*рпа́ми, ib. 258 № 289: п*а*пырь и попырь папоротникъ и множество другихъ подобныхъ случаевъ. Принимая все сказанное во вниманіе, можно видѣть, что выставленное выше положеніе Шейна относительно безударнаго *о* невѣрно и въ его изданіи не выдержано. 2) Совершенно аналогичной съ передачей безударнаго *о* должна быть и передача *е* (=є, ь и даже ѣ). Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, будучи безударнымъ, *е* подвергается почти такимъ же измѣненіямъ, какъ и *о*, только имѣетъ передъ собою мягкій согласный или *j*, а послѣ *р* въ нѣкоторыхъ говорахъ и шипящихъ оно вполнѣ совпадаетъ съ *о*. Между тѣмъ у Шейна относительно *е*—другая система: собиратель вездѣ старается передавать замѣнителей этого звука безъ всякихъ отступленій: „*е* безъ значка сверху ¨ безъ исключенія вездѣ произносится, какъ латинское *е*" („Отъ собирателя" I т. 1 ч., VI). Но и здѣсь на самомъ дѣлѣ далеко не находимъ такой выдержанности. Во-первыхъ,

основное положеніе, сейчасъ приведенное, въ своей формулировкѣ представляетъ нѣкоторое недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что *е* бѣлорусское въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно произносится, ничѣмъ не отличается отъ *е* великорусскаго, т.-е. оно всегда умягчительное, никоимъ образомъ не похожее на латинское *е*; съ послѣднимъ совпадаетъ *е* въ Полѣсьи, но вѣдь полѣсскіе говоры далеко не бѣлорусскіе. Такимъ образомъ, напр., если бы кто сталъ читать дзѣдулечка, пойдз*е*мъ, сокочиц*е* (I т. 1 ч., 109—110), *яе*, *племени*, *безъ* (I т. 2 ч., 69), очнуўс*е*, мин*е*, пан*е*нка, зъв*е*рху и т. д. (II т., 80) съ *е*=лат. *е*, т.-е. съ *э*, тотъ допустилъ бы грубую ошибку. Во всѣхъ такихъ случаяхъ *е* умягчительное. Что касается въ частности безударнаго *е*, то оно передается у Шейна посредствомъ *е*, *я*, *и*, что и на самомъ дѣлѣ бываетъ въ бѣлорусской рѣчи. Однакоже нельзя съ полной увѣренностью сказать, чтобы факты, приводимые въ разсматриваемомъ сборникѣ, вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности: попадается немало противорѣчивыхъ случаевъ. Возьмемъ I т. 1 ч., 19 стр. (запись самого Шейна). Съ одной стороны: терёмъ, тер*е*ми́, телятокъ, держáть, т*е*ря́ть; съ другой—тябé, л*я*ни́вый. Или ib., 23: ч*е*р*е*зъ боръ, пом*е*жъ ты́хъ, ц*е*клá рѣченька и т. д., но бер*а*жи́стая, зъ вуцянятами, с*я*лезéночка. Или I т. 2 ч., 393: Бож*е*, Демъя́нъ, столы дубовы*е*; скацерци браныя, явства сахáрны*я*, си́н*я*, си́н*я*го. Или II т., 387: два ч*е*ловѣка и два ч*а*ловѣка, неспасенны*я* души и н*я*добрые людзи. Или ib. 389: п*е*р*е*ночевацъ и ч*и*лавѣкъ справ*я*дли́вый, ц*я*пéрешнимъ и т. д. Тутъ же слѣдуетъ упомянуть о томъ, что часто смѣшиваются на письмѣ *е*, *ѣ* и даже *э*; послѣднее особенно послѣ *р* и *ц*: рѣц*ѣ* № 7 и рацэ № 8 I т. 1 ч., 23, клеци (клѣти) I т. 1 ч., 58 № 38, на сырой хво*е* садзіў двое I т. 1 ч., 60, пріѣхала коляда ў вéчере I т. 1 ч., 83, терема и терэма I т. 1 ч., 183.—3) „*Ц* и *з* передъ *е* произносятся почти всегда мягко, какъ бы передъ *ѣ* или іотированнымъ ѥ“ (Отъ собирателя , I, 1, V). Вслѣдствіе такого замѣчанія Шейнъ на письмѣ обыкновенно не различаетъ такихъ написаній, какъ *ц*еремъ I т. 1 ч., 20, *ц*екла ib. 23, на ку*ц*ѣ ib. 26 и т. д. и поли́*ц*ѣ ib. 30; *ц*ерквы ib. 75, *ц*еркви ib. 79, сер*ц*е

ib. 20, сон*це* ib. 26, ра*цѣ* ib. 86, между тѣмъ какъ въ первой группѣ словъ вездѣ *ц* мягкое изъ общерусскаго *т* мягкаго, во второй же группѣ *ц* твердое, какъ и въ общерусскомъ, изъ *ц* основного. Въ подобномъ же положеніи находится дѣло и въ написаніяхъ съ *р*, которое въ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ твердо и лишь на востокѣ и по сѣвернымъ окраинамъ мягко. Дѣло впрочемъ нисколько не пострадало бы, если бы относительно такого произношенія *р* была сдѣлана оговорка; но ея нѣтъ, а въ самомъ изданіи рядомъ напр. съ *е*, *ѣ*, *и*, *ю*, *я* послѣ *р* встрѣчаемъ нерѣдко *э*, *ы*, *у*, *а*: черезъ р*ѣ*чка бр*ы*ла I т. 1 ч., 18, тер*ё*мъ ib. 19, черезъ р*э*чаньку ib. 20, стар*э*йся ib. 21, гр*ю*чицъ и Гр*и*гор*ы*вичъ ib. 22 № 6, р*ѣ*цѣ и посвар*ы*лася, бер*а*жистая, чер*е*зъ и чир*а*зъ, р*ы*ка́ ib. 23 и т. д., тер*е*ма и тер*э*ма ib. 183. Почти только твердыми звуками бываютъ въ бѣлорусскомъ еще согласные *ж*, *ш*, *ч*, *щ*. Съ ними дѣло обстоитъ болѣе послѣдовательно, т.-е. послѣ нихъ обыкновенно пишется *и* вм. *ы*, *е* вм. *э*, *ъ* вм. *ъ*; однако и здѣсь иногда бываютъ отступленія. Укажемъ, напр., хоч*ы*цъ, рогоч*ы*цъ I т. 1 ч., 25, несуч*ы*, кажуч*ы*, идзеш*ъ* ib. 26, ш*ы*ци ib. 127 и т. д. рядомъ съ обычными: ш*і*юцъ, смяш*и*цъ, наш*и* ib. 149, пытаюч*и*, играюч*и* 151 ib., пощ*и*пали ib., любиш*ь* ib. и т. д. 4) Въ области согласныхъ особенно выдающейся чертой бѣлорусскаго нарѣчія является употребленіе *ц* и *дз* мягкихъ вмѣсто *т* и *д* мягкихъ. Въ этомъ отношеніи большею частью находимъ правильную орѳографію, хотя нерѣдкость также встрѣтить и непослѣдовательность: написанія съ *т* и *д* мягкими и *ц*-*дз* часто даже въ одной и той же пѣснѣ. Напримѣръ: въ пѣсняхъ, записанныхъ самимъ Шейномъ, обыкновенно *т* и *д*: побей*те*, повѣшь*те* I т. 1 ч., 19, ляж*ить*, и*деть*, *т*исовая ib. 20—21, но непослѣдовательно: *ц*екла, плуве*цъ*, ву*ц*яняточки, *дз*ѣточки ib. 23—всѣ записи изъ одной и той же Могилевской губерніи. Или ib. 73: поѣ*дз*имъ, *дз*ѣтки и т. д. рядомъ съ моло*ди* (трижды), если только послѣднее слово не представляетъ нерѣдкаго въ разсматриваемыхъ матеріалахъ смѣшенія *а* и *и* даже въ записяхъ самого собирателя. Еще: *т*ябе при заби*цъ*, *ц*емнымъ I т. 1 ч., 93, *т*ереми, ма*ти*, но *ц*еши*цъ*, *ц*еремъ, *д*ѣ *дз*ѣла ib.

171—172 (запись самого Шейна), *дзѣдька* ib. 421 id. и т. II, 6, *лисття*, но кую*цъ*, ищу*цъ* ib. 462, тре*тт*iю, ча*т*вертую, но жани*ци*, пусь*ци*, *цябе* ib. 468 (запись самого Шейна). Тутъ же слѣдуетъ отмѣтить одну ороографическую странность въ записяхъ ученика Свислочской учительской семинаріи Ермоловича изъ д. Заполья Слонимскаго уѣзда Гродн. губ. У него вездѣ употреблено *ц* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ слышится *дз*. По поводу этой ороографической особенности сдѣлано даже Шейномъ такое примѣчаніе: „Этотъ оригинальный способъ изображенія *дз*, такъ консеквентно выдержанный во всей записи, можетъ, по нашему мнѣнію, служить не лишнимъ соображеніемъ при разсужденіи объ означенномъ характерномъ звукѣ бѣлорусскаго нарѣчія“ (60 стр. II т.). Но это лишь графическій пріемъ: въ принятой нашей азбукѣ нѣтъ особаго знака для звука *дз* (ѕ), произносимаго вполнѣ слитно, совершенно аналогично *ц*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи особенно звонко, какъ бы *дзз*...; поэтому лицо, непривычное къ выраженію этого звука, имѣющее въ азбукѣ лишь аналогію въ *ц*, и нашло возможнымъ передавать его посредствомъ *ц*: *цвѣ*, бу*це*, хо*ци*ла, о*ци*нъ, *ценъ*, о*це*жа, лю*цей*, угля*цѣ*ли и т. д. 60—61, зло*цѣй*, сѣ*ци*цъ (сидитъ), ве*це*, *цѣ*шъ (дзѣшъ=гдѣ же) и т. д. 148—149. Интересно, что для *ц=т* здѣсь тоже *ц*: прихоци*цъ* и т. п., хотя одинъ разъ *тц*: лецят*цъ* (глядятъ) 149. Также несомнѣнно графическая особенность записывавшаго, а не звуковое явленіе, въ употребленіи *тз* вмѣсто *ц* изъ *т* мягкаго (въ легендѣ подъ № 231, стр. 416—419 т. II) въ такихъ словахъ, какъ бѣдность*тзя*, зват*тзъ*, иду*тзъ*, ба*тз*юшку, дзи*тз*ёнка, идзе*тзъ* и т. д. Съ физіологической точки зрѣнія *тз* совершенно невозможно: его нельзя иначе прочесть, какъ *дз* или *тс*. 5) „оу, уо и іе— произносятся какъ дифтонги—однимъ открытіемъ рта“ (Отъ собирателя, I т. 1 ч., VI). Въ этомъ положеніи болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, для насъ кажется существованіе дифтонга оу на мѣстѣ общерусскаго *о*. Я убѣжденъ, что въ записи, а затѣмъ и въ печать это оу зашло лишь по ороографическому недоразумѣнію. Является этотъ дифтонгъ лишь въ записяхъ изъ

Подлѣсья Слуцкаго уѣзда Минской губ., при чемъ въ пѣсняхъ, напечатанныхъ раньше, уо, а начиная съ № 253 (I т. 1 ч.) уже является оу: Іоунъ, поуйдзяце I т. 1 ч., 242, дроубны ib. 247, боуръ, моуй ib. 248 и т. д. Лѣтомъ 1898 г. я нарочно предпринималъ поѣздку въ Подлѣсье и тамъ, дѣйствительно, произношенія съ дифтонгомъ оу не слыхалъ.

Таковы неточности, допущенныя Шейномъ въ передачѣ главнѣйшихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Но и помимо ихъ встрѣчается множество разныхъ орѳографическихъ недосмотровъ, отчасти введенныхъ въ опечатки (списокъ которыхъ приложенъ къ каждой книгѣ), отчасти же незамѣченныхъ издателемъ и при окончательномъ пересмотрѣ сборника. Вотъ еще нѣсколько болѣе выдающихся погрѣшностей: I т. 1 ч. черезъ рѣчк*а* 18, но черезъ рѣчк*у* 19 (одинъ и тотъ же №), ли́пничку и лы́пничку 63, хоцъ коник*у* збуду, хоцъ коник*а* збуду 71, я молод*а* (1 разъ) и я молод*и* (3 раза) 73, сынъ Бо*жій*, храмъ Бо*жжи*, желѣзны тынъ 136—137 № 136, ў *тымъ*, на то*мъ* 140, ужин*и*ста и ужин*а*ста 148, ў цёмн*о*мъ лѣсѣ, ў чи*стымъ* поли 399, *с*вѣтъ неўдалая жана (4 раза) и *з*вѣтъ не*у*далая жена (1 разъ, запись самого Шейна) 404. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сборника безъ нужды введено ю, употребляющееся при томъ безъ всякой послѣдовательности: щыгюлъ вылета*е* 518, верэбюйка пол*е*цѣў, пюршая, ячм*е*нь, бесёда и т. д. 519; новоро*ждэн*ному 7, ишоў кумъ по *салу* (сялу?) 24, звонѧѣй 26, свинки пасьщи 35 (вм. пасвици), табач*ни* рожокъ (табачки) 31, ор*о*цъ 38, вын., оддацъ *на* крошцы вм. па крошцы 48, капусты съ макомъ 50 (мясомъ?), ў новуой *св*цёнцэ (вм. исцёпцэ), ў новуой клеци бѣлы *к*усты качае 58 (хусты), госьикъ рядомъ съ госьцикъ 59, изъ жменьк*а*—мѣрка 60 (жменки), вороново коня 64, „ў тоя времячко“ въ риѳму „подъ окошечко“ 68 (вм. ожидаемаго „подъ оконячко“), свою дзѣванькu мижъ дзѣво*ч*ахъ возьму 83, ме*н*ися тябе забицъ 93 (мѣлися), вискочи*лъ* рядомъ съ вискочи*въ* 94, три к*о*ски сала 97 (куски), за... свіечку=запали с.=зажги 98, пришўоши 120 (пришоўши), зимую возочкў, вясную чоўночку 126 в. зиму ю (=у=въ) возочку и т. д., съ гоборам*я* лапци знесла 127 (г-ми), по дзеся*ш*-

кѣ вм. д-ткѣ 141, по межахъ ходзіў да *усыгша* росіў 145 вм. жыта, какъ видно изъ слѣдующей строки: „зародзіў жыта пану господару“; пяцьдзесятъ подводъ да *коныгвозниць* 145 (вм. копы возиць); несомнѣнно не дифтонги, а польская орѳографія въ пѣснѣ № 144 (стр. 150) записанной въ Минскомъ уѣздѣ; ў чатверт*ы* вокно 152, процв*иаи*ць 158, выро*ш*ки ib. (вм. в.—стки), Юры ѣдзиць на *вымъ* конѣ 171, дочъку и дочку 172, мой свёкорк*и* 179, ў ксамиц*а* рядомъ съ ў ксамиц*и* 188, ни въ рѣшецѣ воды, ни въ нелюбомъ душ*а* 193, идзець яна, молод*ы*, воды плачучи 207, овя*сé*цъ 260 (вм. овесецъ), призываютъ на помощь во*лхв*овъ, медвѣдей, лисицъ... 266 (вм. волковъ), дай шоў 274 (вм. да йшоў), *Из*орсовской волости 503 вм. Щор-й, наша пан*а* 288 (вм. пани). Какъ можно видѣть изъ послѣдняго и другихъ подобныхъ примѣровъ, довольно часто употребляется *и* вм. *а* и наоборотъ. I т. II ч.: сцюдзинь 3 стр. и сцюдзѥнь 5, побрацимо укормила 35 (вм. побрацимоў к—ла), дурнѣйць въ риѳму разумѣиць 37, спласкали (вм. спляскали 80, раздзишъся 81, жалосьц*а*й 103 (вм. ж—цяй), н*й*дзѣ вм. нейдзѣ (=нигдѣ) 238; пѣсня № 2 (стр. 350—351) имѣетъ ту орѳографическую особенность, что въ ней предлогъ *въ* вездѣ изображенъ въ видѣ *в*ʼ (съ паэркомъ): а вʼ середу вʼ квасъ клали; ѣзтя 350 (ѣшьте) и т. д.—II т. Критика перваго тома „Матеріаловъ“ (ср. Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., октябрь, и 1890 г., ноябрь) поставила на видъ неточность многихъ записей въ фонетическомъ отношеніи; поэтому собиратель при печатаніи 2-го тома былъ внимательнѣе въ этомъ отношеніи; однакоже вполнѣ удовлетворительно выполнить эту задачу было очень трудно главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что не всѣ сотрудники Шейна были одинаково подготовлены къ точнымъ записямъ. Поэтому и здѣсь встрѣчаются иногда разные недосмотры; Якши*н*ской волости вм. Якшицкой III стр., выраженіе „гляди же“ передано посредствомъ гледзи*шъ* и гледзижъ 1—2 (для избѣжанія недоразумѣнія слѣдовало по крайней мѣрѣ отдѣлить шъ=жъ), „ти будашь мине, котокъ, за ходяина?“ и тамъ же: „*у* мине *есть* ходяинъ“, тамъ же: „у миня вже *ё* ходяинъ“ 3, за*я*цъ и за*и*цъ ib., ни хочу пѣ*ш*чу ходзиць,

вѣроятно, вмѣсто пѣ*шшу* (пѣшью) 7—8, увыдзѣў вм. увидзѣў 122, одобраў у Климк*и* вм. у Климка́ 124, показал*оса* вм. показалася 125, оддам*ы* ib. (вм. оддамо́), шкод*о* ib. (вм. шкода), вынўў ib. (вм. выняў), по*д*лазили 127 (вм. поўлазили), продаюць жиды *усё мяккую* одзёжу 131 (вм. ўсялякую), „яна *ни* мене чисто заштурхала" вм. „яна мине ч. з." 141, , бач*ь*ў 154 (вм. бачіў—бачыў), рыкац*е* 473 (вм. рыкаци), хлѣба 475 (вм. хлѣва), живуч*у* 476 (вм. живучи), не заўся (г) ды́ 479 (вм. не заўсягды́), не тки ib. (вм. не ткни), заигрѣхъ ib. (вм. за игрѣхъ), прима*п*кій 480 (вм. примацкій), съцюдзи*к*о 482 (съцюдзино́), ни познала, что подлога у мяне *за шкло* 485 (вм. за шкла, т.-е. изъ стекла), смал*и* 515 (вм. смалы), „ожаніўся чарвякъ зъ *дзявяцую* жонками" (вм. зъ дзявяцую—девятью), 554, „коли ты горѣлку якъ воду *пешъ*" 561—562 (вм. пъешъ) и т. д. — Недосмотры и типографскія погрѣшности въ бѣлорусскихъ словахъ III тома мною указаны въ приложенныхъ къ нему опечаткахъ. Вотъ еще нѣсколько опечатокъ: 61: пр*о*менъ вм. применъ, 68: Га*ц*есю вм. Гапусю, 70: вм. 30 ф. сала д. б. 3 ф. сланины, 74: *банд*лики вм. биндалики, 87: Ко*пціо*вщизна вм. Концовщизна, 89: люд*за*ў вм. людцо́ў, 532: при „Рагóйжъ" вопросительнаго знака не нужно.

Перечисленные недостатки сказываются какъ въ записяхъ самого Шейна, такъ и въ матеріалахъ, доставленныхъ другими лицами. Интересно бы опредѣлить, какіе изъ этихъ недостатковъ принадлежатъ собственно редакціи и какіе корреспондентамъ. Но не имѣя ихъ рукописей, не возможно отвѣтить на этотъ вопросъ. Впрочемъ, въ „Матеріалахъ" Шейна даны перепечатки изъ нѣкоторыхъ собраній, уже раньше увидѣвшихъ свѣтъ. Кромѣ того, нѣкоторыя записи прошли и черезъ мои руки. Вотъ сравнивая эти матеріалы въ томъ видѣ, въ какомъ они были раньше и въ какомъ явились впослѣдствіи у Шейна, мы и можемъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ орѳографіи разсматриваемаго изданія. Во всѣхъ этихъ матеріалахъ, напечатанныхъ часто довольно удовлетворительно въ фонетическомъ отношеніи, Шейнъ ввелъ однообразную орѳографію, особенно замѣнилъ *а* изъ *о* безударнаго посред-

ствомъ *о*. Далѣе, въ перепечаткахъ пѣсенъ, изданныхъ польской ороографіей, онъ нашелъ нужнымъ ввести ѥ для передачи *іе*, что въ русской ороографіи уже составляетъ ничѣмъ не оправдываемую причуду; вдобавокъ это ѥ и проведено крайне непослѣдовательно. Я уже приводилъ подобные случаи изъ записей оригинальныхъ; здѣсь для примѣра укажу нѣсколько непослѣдовательностей изъ перепечатокъ: I т. 1 ч., 517: нѥвели́ки, збира*е*, іb. мѥ*ле*, замѥта́*е*, на вѥсѥлли йгра*е* и т. д.; I т. 2 ч., 69: н*е* хвалисѥ, горосѥ, плем*е*ни, 70: идз*е*ць, нясѥць, н*е*хай не застанусѥ, 103: грэбѥн*е*цъ, 117: н*е* улекайсѥ и т. д.

Кромѣ того, при перепечаткахъ допущено не мало отступленій отъ оригиналовъ и другого рода, при чемъ одни изъ такихъ отступленій являются удачными поправками оригинала, другія же ничѣмъ не оправдываются, изобличая часто недостаточно внимательное отношеніе редактора къ своему дѣлу. Иногда замѣчаются пропуски отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ стиховъ. Приведемъ примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго.

а) Поправки въ печатныхъ матеріалахъ, быть можетъ, вполнѣ раціональныя:

I т. 1 ч., 107.	У Киркора:	Ой найду я на горо́дзѣ На дзявоцкимъ хороводзѣ, Рыбачку лапаючи. . .
	У Шейна:	Ой пойду я по горо́дзѣ. . .
Ib.	У Киркора:	Няйдзиця на орѣшачки. . .
	У Шейна:	Няйдзиця по орѣшачки. . .
I т. 1 ч., 108.	У Киркора:	Або васъ што спугаиць, Ня нуждая дай сердца маиць!
	У Шейна:	Ня ўсяки дай сердца маиць!
I т. 2 ч., 77.	У Тышкевича:	Pa kieszeniach pakłali; Ach ciamnie pryszło, U kieszeni ciesta padyszło.
	У Шейна:	По кѥшеняхъ поклали, Ахъця мнѣ прышло. . .
Ib., 78.	У Тышкевича:	żena hoża. . . hłoż*e*. . .
	У Шейна:	жена гожа. . . глож*а* (риема).
I т. 2 ч., 89.	У Тышкевича:	Drużko! drużko! nie waroczaj mianie, Ja nie kałoda tabie.

Kab ja kałoda,
U barub leżała:
Kab ja biaroza,
Na miażyb stajała.

У Шейна: Дружко, дружко, не ворочай мянѥ,
Я не колода табѣ, я ня бяроза табѣ:
Кабъ я колода, ў бору бъ лежала. . . .

I т. 2 ч., 95. У Тышкевича: U sabotu kasu czesała. . . .
У Шейна: Ў суботу косу чесала. . . .

Ib., 108. У Тышкевича: Ciapier ja sieła miż szypszyniczku,
Miż krapiuki,—żyżka krapiuka
Pażyhać budzieć. . . .

У Шейна: Цяпѥръ я сѣла мижъ шыпшыничку,
Мижъ шыпшыничку, мижъ крапїўки,
Жижка крапїўка—пожигаць будзець. . . .

Ib., 117. У Тышкевича: Da ja hawaryła: sakały latuć! . . .
Ja twaryła szto miesiac uschodzić. . . .

У Шейна: Да я говорыла: „соколы лятуць!“ . . .
Говорыла я, што мѣсяцъ ўсходзицъ.

Можно указать и еще нѣсколько подобныхъ удачныхъ поправокъ, особенно въ повтореніи словъ или цѣлыхъ стиховъ (ср. ib. 101 № 87 ступицъ, 110 № 109 оўсяные зубы, 121 № 136 и не соловѥки щебечуцъ).

б) Еще было бы вполнѣ раціонально въ записяхъ, переписанныхъ съ польскаго, сдѣлать поправку суффикса *-эчка* на *-ачка*, или по орѳографіи Шейна на *-очка*: суффиксъ *-эчка* бѣлорусскому нарѣчію неизвѣстенъ. Въ этомъ случаѣ Шейнъ польское *-eczka* иногда даже передаетъ просто черезъ *-ечка*, вслѣдствіе чего получается не польское и не бѣлорусское окончаніе. Сказанное относится и къ суффиксу *-эк* вмѣсто ожидаемаго *-ок*, а также *-энька* или обыкновенно у Шейна *-енька* вмѣсто ожидаемаго *-онька*. Примѣры:

I т. 1 ч., 398: маменька при польск. mameńka,
Ib., 432: лахчынэчки, ручэчки,
Ib., 518: голо́венька,
I т. 2 ч., 69: татэчку, дудэчки,
Ib., 71: подаречки, Янечку, подарекъ, горэлэчку.

Иногда однако рядомъ съ подобными явными полонизмами находимъ и поправки:

I т. 2 ч., 74: Горэлочки захоцѣла,
Горэлочки, акавитэчки,
Для мяне працовитэчки,
Горэлочки тащанэчки....
Ib., 87: Ўстаньцıe дзѣвечки,
Бярыцıe щоточки,
Чашыце головочки!

Въ польскомъ оригиналѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ конечно *е*.

в) Большинство однако случаевъ несходства передачи напечатанныхъ матеріаловъ у Шейна скорѣе могутъ быть объясняемы какъ простые недосмотры или непониманіемъ текста. Таковы, напр., случаи:

I т. 1 ч., 107: Я вышію кошуличку вм. вымаю (вымою);

Ib., 173 въ окончаніяхъ словъ почему-то употреблено *-и* вм. *-а* оригинала:

Этногр. сборн. II, 233.	Шейнъ, Матер. I т. 1 ч., 173.
У чи́стамъ по́ли стадо́ланька,	Ў чистомъ поли стадоланьки,
У стадо́лыньцы карчо́манька,	Ў стадолыньцы корчоманьки,
У карчо́маньцѣ крава́тунька,	Ў корчоманьцѣ кроватуньки,
На крова́ци сьлична пане́нка,	На кроваци сьлична паненька,
па́нна Га́нна....	Слична пане́нька, панни Ганно.

I т. 1 ч., 334: якъ милого обуджаци вм. обудзици;
— 398: чужая сторона—тугою ора́на слёзми засѣявана вм. засѣя́на;
— 431: Хамицки ў той часъ не жаніўсе вм. той часъ (винит. времени безъ предлога);
— 544: гэта дай на снѣгъ вм. гэта да й ня снѣгъ;
— 569: хлопцы мине не любяць—„мине“ лишняя прибавка.

I т. 2 ч., 70: крыницой сьцюдзиней водзицы передача польскаго: krynicoj ściudzionej wadzicy;
— 71: ня дзяры бора вм. бору;
— 74: пıeрсьцьнями вм. персьценьми (pierścieńmi);
заступь вм. зступъ (zstup);
— 75: кудзıeрками вм. кудзёрками (kudziorkami);
господынечка вутка вм. вудка (wódka);
— 76: наша Агатка вм. нашая А. (naszaja A.);
ў хатэчки трэсечки лятуць вм. ў хаточку;
— 78: ўсѣ людзıe дзивуюцся вм. дзивюцься (dziwiuć sia);
— 84: Боже мой, Боже вм. ай Боже жъ мой, Боже;
— 85: да прыѣдзıeцıe и вы вм. прыйдзецежъ (przyjdziecież);
— 86: близкіе и дальняе вм. дальные (dalnyje);

I т. 2 ч., 87: той свѩнцовой хацѣ вм. święconej (полонизмъ);
— 88: трёшнику вм. траяка (trojaka);
выкупіў вм. выкупляў (wykuplau);
— 92: „мой выше, мой выше“ вм. мой вышшы (wyższy);
мѣна короваевъ вм. мѣняне короваёў;
— 93: кулаками объ столъ биць, вм. кубками (kubkami);
— 94: дзякую табѩ, цѩсцянка, вм. тасцянка (tascianka);
— 96: слёзки зъ боръ кацилисѩ вм. зъ горъ (z hor);
— 97: коли Богъ пущаў вм. кабъ (kab);
пошли солоўя.... до милого татэчку вм. па милага;
соловѩйку пошлю вм. соловейка п. (salawiejka);
радъ бы я ўстаць до свояму дзицяци порадочекъ даци вм. радъ бы я ўстаць да свойму дзицяци порадочекъ даць;
— 98: Ustała Agatka u niadzielu rana.
Maliła sie Bohu, Bohu molitca,
Tatku kłanitca u nożki niziuteczka.... передано:
Ўстала Агатка ў нядзѣльку рано,
Молиласѩ Богу. Богу молитца
Только кланитца ў ножки низюшэчко....

Эта допущенная переписчикомъ путаница, принятая на слово, заставила даже въ выноскѣ предложить поправку и притомъ неудачную.

I т. 2 ч., 101: скочыла Агатка зъ лаўки до лаўки вм. с. А. зъ лаўки далоў-ки (z łauki dalouki долой);
— 102: большы братъ (№ 90) вм. сватъ;
— 105: звѣнчаў нашые дзѣци вм. звезаў н. д.;
— 108: прыходзиць къ ей лебязь вм. прыляцѣў;
— 109: прыѣхала Янэчка вм. прыѣхаў;
— 110: прыбраў, какъ лябёдку вм. п. якъ л.;
— 111: зъ нядзѣли по понядзѣлокъ вм. на понядзѣлокъ;
— 112: знимуць.... молодую лускавицу вм. залатую л.;
— 114: табѣ прыгожуся вм. адгажуся;
— 116: яго яблоками кормили вм. ягодками (jahodkami);
— 117: татова ніўка вм. таткова н. (tatkowa);
— 123: зними покрывало сушы вм. з. п. не сушы;
— 131: великія пропоины вм. в. запоины; тутъ же вм. „Да попросюць Т.“ д. б. „Да просюць, папросюць Т.“ (такъ въ журналѣ Tygodnik Wileński, VII);
— 133: на торгу бываў вм. на торгу я бываў;
зговоромъ вм. змовинами (zmówinami — obrady);

I т. 2 ч., 134: на полу вм. на по́лѣ;
— 141: мое краски зянуць вм. зьяюць (въ „Tygodnik'ѣ“); за кого кпила вм. зъ кого (z kaho kpiła);
— 370: тамъ же мнѣ свяжуць вм. т. ж. мнѣ ручки с., на іого.... зъ іого вм. на іого.... на іого; дво͡уръ, сто͡улъ вм. дворъ, столъ (Бобров., I, 831);
— 483: „нутка, зватушка любезный, прошу водку моей кушатсь, да моихъ ряци́въ добрыхъ слушатсь“ вм. н., з. любезнай! пращу водки маей к., да маихъ ряцо́въ д. злушатсь“ и много другихъ неточностей;
— 485: баслави Боже вм. басла Божа;
— 486: расплацься, молодзитсь вм. моладицъ;
— 489: ягода зъ ягодой сокатсили вм. сакатсилася;
— 490: далёко вм. даляко, видзѣли вм. видзили;
— 492: роднэй матушки вм. р. мае́й м.; на подкняжемъ плаштя вм. на подкняжимъ п.;
— 493: казной расцитаўся вм. разщитаўся;
— 494: спасибо Хведоровъ вм. спасиба Хведарацъ.
II т., 477: ни-ни вм. не-не (№ 71);
— 479: ня люби вм. не люби (№ 111);
— 482: ўзяла погань моць вм. моцъ (uziała pohań moc).

г) Иногда по недосмотру пропущены цѣлые стихи. Примѣры:

I т. 1 ч., 141—142 (что можетъ быть уже сдѣлано Шпилевскимъ):

Радаўница статакъ зипасъгваюць,
Святы Юры Божжы посолъ....
Святая Прачыстая папа́ры мѣшаець
И жъгта засьваець, а другая ей памагаець....
Святыге Громницыг съвѣчыг пасвецаюць.

— 516 № 636: Полюбіўшися, пожаніўся,
Пажаніўшися, пасваріўся.

I т. 2 ч., 74 № 12, 6 стрк.: Пѣсьнями весяленьками.
— 76, 1 стрк.: Пѣсня въ то время, какъ сажаютъ въ печь коровай.
— 82 № 31, 9 стрк.: Хочець ёнъ паѣхаць.
— 87 № 41: опущенъ конецъ пѣсни:

Ходзиць, паходзиць маладая дзѣвачка,
На новымъ ganку садзиць, пасадзиць сваихъ
Дзѣвачекъ на бѣлыхъ лаўкахъ,
Пакуль прыѣдзець Яначка зъ дружынкой,

Ёнъ васъ разгониць, ёнъ васъ разгониць,
А мине зъ собой возьмець.

I т. 2 ч., 115 № 122, 7 стрк.: На начь пущайце.
— 116 № 125, 6 стрк.: Нѣгдзѣ яго на былиначцѣ садзили.
15 стрк.: Нѣгдзѣ яго пиражками кармили.
— 118 № 129, 9—10 стрк.: Атчыни, мамачка, вяршочекъ,
Вязёмъ нявѣхну зъ каршошекъ.
— 132 № 3, 14 стрк.: Самъ сёмъ паяжджая.

д) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не мѣшало бы устранить нелѣпую орѳографію оригинала, какъ въ I т. 2 ч., стр. 367—374, гдѣ находимъ такія написанія, какъ *зѣличко*, догадайц*ѣ*ся, ц*ѣ*сця, идз*ѣ*, мен*ѣ* молодую, дайц*ѣ*, в*ѣ*сј*ѣ*л*ѣ*, ц*ѣ*б*ѣ*, солов*ѣ*йка н*ѣ* щэб*ѣ*тала и т. д. Во всѣхъ этихъ словахъ *ѣ* употреблено для обозначенія *е* умягчительнаго, для чего въ другихъ мѣстахъ сборника и пишется *е*. Не было никакой надобности удерживать въ этомъ случаѣ орѳографію Бобровскаго и Киркора, разъ она не выдержана въ другихъ отношеніяхъ, напр., въ передачѣ безударнаго *о*.

Къ числу достоинствъ хорошей редакціи пѣсенъ и другихъ нáродныхъ произведеній относится постановка удареній въ словахъ. Въ этомъ отношеніи редакція Шейна также заставляетъ желать многаго. Однако значительная доля вины падаетъ здѣсь не на редактора, а на его многочисленныхъ корреспондентовъ, вѣроятно не проставлявшихъ въ своихъ записяхъ удареній. Но за то всецѣло падаетъ вина на Шейна за опущеніе удареній въ перепечаткахъ, напр. изъ Чечота, Этнографическаго сборника и др. изданій. Ср., напр., приведенное нами выше мѣсто изъ I т. 1 ч., 173 Шейна и Этногр. сборн. II, 233.

Изъ всего сказаннаго самъ собою слѣдуетъ тотъ выводъ, что пользоваться „Матеріалами“ Шейна для цѣлей лингвистическихъ можно только мѣстнымъ бѣлорусскимъ уроженцамъ, хорошо знакомымъ съ народною рѣчью, да и имъ слѣдуетъ извлекать изъ нихъ разныя данныя съ большою осмотрительностью.

Но было бы однако несправедливымъ утверждать, что

разсматриваемые „Матеріалы“ Шейна имѣютъ мало значенія для изученія языка. Если ими пользоваться умѣло и осторожно, какъ это дѣлаетъ, напр., академ. А. И. Соболевскій (Опытъ русской діалектологіи. Спб. 1897 г., стр. 76, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99), то также можно извлечь изъ нихъ не мало интереснаго, особенно въ отношеніи морфологіи, синтаксиса и словаря. Приведу примѣры въ подтвержденіе всего сказаннаго. Въ отношеніи фонетики встрѣчаемъ, напр., такіе случаи: пл*у*вець, I т. 1 ч., 23 стр. №№ 7 и 8 Оршан. и Витеб. у., вол*у*ў, дом*у*ў, подв*уо*даньки, гар*ie*лочку, дор*уо*жка, п*уо*йдзе, бес*ie*да ib. 27—28 № 18 Слуцк. у., зац*ил*á (=затяла) ib. 32 Леп. у., по*т*ъ столомъ, по*т*ъ печь ib. 35—36 Гомель, д*уо*бровою ib. 57 № 37 Мозыр. у., ў нов*уо*мъ ib. 58 № 38 ib., радуй*са*, радуй*са* зямля! Сынъ Божи народіў*са*! ib. 59 № 39 ib., зробило*со* море; зробила*са* рэчка ib. 59 № 39 ib., г*уо*сьцика ib., в*у*шеў (вышелъ) ib. 60 № 40 ib., к*у*валиха рядомъ съ к*ы*валёвъ ib. 62 Чаусс. у., на т*уо*мъ сельцэ, тр*уо*хъ ib. 95 Мозыр. у., пе*р*ъ*р*я ib. 110 Борис. у., ск*уа*ць (сковать) ib. 111 Смол. губ., дзѣ*у*шки ib. 117 ib., лемеши *и*страць ib. 154 № 148 Леп. у., завороваиць ib. (= заорываетъ), тро*ў*ка, муро*ў*ка ib. 161, 162 Борис., *я*горъ (яворъ) ib., кр*у*с*у*алася ib. 188 № 184 Порѣч. Смол. г., свякр*оу*шки ib. 196 Бѣльск. Смол. губ., перапл*у*ли ib. 228 № 235 Горецк. у., *сó*дзе ib. 228 № 237 Борис. у., на цисовой ко*р*ваци ib. 257 Орш. у., бондар*ý*уна ib. 433 № 532 Слуцк. у., за *и*грѣхъ II т., 479, ма*т*ары ib. 152, 153 и др. съ твердымъ *т*, что нерѣдкость въ разныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, изъ формы матэры; зробіўса *а*ще мудрэе ib. 633, гдѣ „аще“ предполагаетъ „още“; употребленіе послѣ губныхъ *у* вм. *ы*: м*у*, в*у*, б*у*йстрый, перезв*у* III т. 392—426 Рѣчиц. и т. д.—А вотъ болѣе рѣдкіе случаи въ морфологіи: дзицяц*ю* носиць I, ч. 1, 24; краск*амъ* заросло ib. 36 Гом. у.; тýом*а*со ib. 56 (станемъ таиться) Мозыр. у.; светэ Рожество ib. 58 № 37 ib.; не знайд*а*мъ Бога, то знайд*а*мъ пана ib. 59 № 40 ib.; пойд*а*мъ до яе ib. 79 № 74 Рѣчиц. у.; ёнъ *табе* згў*бя* ib. 97 Рогач. у.; сукинымъ сын*ó*мъ ib. 97 Рогач. у. (дат. п. мн. ч.); зарѣзаў кор*оў* (корову) ib. 114 Мозыр. у.; самъ Богъ хó-

дзе, жито ро́дзе ib. 145 № 138 Борис. у.; плусци*ць* (инфинит. плыть) ib. 179 Борис. у.; а чаго вы стоицё ня заслан*инькіе* ib. 206 Чаусс. у.; ў чистом*у* полю ib. 275 Свислочь Гродн. г.; двѣст*о* ib. 449; чаго жъ мы будзимъ тутъ сядзѣць, плыв*ома* лутша на той бокъ мора ib. 17 (конечно, вмѣсто плывомо, равно какъ и въ слѣдующемъ примѣрѣ: „Ну, садзисъ на мене и полеци*мо* ib. 33); быў у старыка *одзинъ лошадзъ*—дужа стары ib. 22; уже *нимашака* его ib. 149 (уже его нѣтъ), гдѣ „нимашака“ образовано совершенно аналогично, какъ и ёсцека (ср. „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи“, 159—155); той выс*о*ніў гол*оў* черезъ окно ib. 149, гдѣ „голоў“ предполагаетъ „головъ“, т.-е. образовано въ подражаніе такимъ словамъ, какъ любовь; вмѣсто есть — *есць* иногда находимъ *е*: *е* воронецъ ib. 487; *е* на свѣця Кася ib. 490, также *ё*: вже ё ходяинъ ib. 3; ѣхавъ *пане* ў красномъ жупанѣ ib. 493—представляетъ форму звательнаго въ роли именительнаго; забыў*ся* ib. 495 въ значеніи забылъ; *ць* (т.-е. ће) ib. 517 форма вин. п. тебя, вѣроятно, подъ вліяніемъ польскаго cię; *мъ* ib. 534 (дат. п.) — новообразованіе не безъ вліянія, вѣроятно, стариннаго **ми**; *мо* ib. 534 форма сокращенная вм. „можетъ“ (быть) и т. д.; засмуціўся *пане господару* I т. 1 ч. 151 № 145; ў горо́дзѣ (дочка) *рожа* со́дзе ib. 228 № 237.—Еще отмѣтимъ нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ въ отношеніи синтактическомъ: въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ непонятное намъ употребленіе какой-то частицы *е* (напр., I т. 1 ч., стр. 56—57):

Дай пошла жъ ена дай дорогою. . . .
Дай сустрэкае Паўла зъ Петромъ:
„Ой, Паўле, Петро, слуги Божіе!
„Чи не бачили сына моего?“
Е Пауле каже: „дай не бачили“.
Е Петро каже: „дай не туоймасо“. . . .
Е тамъ стояла жидска школа,
Дай взели Христа, дай замучили. . . .
Е шупшинкою дай потперезали,
Е ожинкою ручки звезали. . . . и т. д.

Или (ib. 59 № 39):

Е ў аднэ оке́нцэ—ясно слонцэ свѣцицъ. . . .

Или (ib. 60):

Е чимъ же тыхъ госьцей дай частоваци....

Всѣ примѣры изъ Мозырскаго уѣзда. Нѣчто подобное мнѣ встрѣтилось въ одной западнорусской рукописи XVI вѣка, именно въ „Аристотелевыхъ Вратахъ“ Вилен. Публ. биб. (№ 272 по описанію Добрянскаго): ѥбо и несотворено. ѥбо нѣ никто развей бга. ѥбо добро єго є злѡ є... 4 л. Какъ объяснить это явленіе, я не знаю. Вотъ еще нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе замѣчательнаго употребленія словъ въ предложеніи: дели сына я *двору* ни вернусь, у мяне сынку ў дворѣ господарю I т. 1 ч., стр. 62 № 44 Чаусс. у.; дели дочки я *двору* вярнуся ib.; (ёнъ) засмѣяўши пошоў ib. 231 № 242 (вм. засмѣяўшись); звательный падежъ употребленъ въ роли приложенія (ib. 231 № 243):

Што ты, боро, ни шумёнъ...
Въ мяне, *боро*, пташекъ нѣтъ....;

ты, калина, суши *боишъ*, охъ я суши не бояла ib. 342 № 407; залѣсъ на дуб*а*, сѣвъ подъ дуб*а* II т. 3, тогды собѣ сячи дзерав*а* ib. 28; бобинка тоды *росьци*, *росьци*, доросла до крыши ib. 7; якъ *итци*—дыкъ *итци*... ажъ бачу—одзинанцыць пчолъ ляцицъ ib. 244—245; послѣ предлоговъ *по* и *на* наблюдается употребленіе родительнаго падежа вмѣсто дательнаго и мѣстнаго: по воды плывецъ ib. 474, на вербы растуць 482 ib., на сосны липа стоицъ 498 ib. и др. — Въ отношеніи словарномъ собраніе Шейна даетъ также очень много цѣнныхъ матеріаловъ. Напр., въ одной пѣснѣ, записанной въ Сѣнненскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи (I т. 1 ч., 164), читаемъ: Тамъ и три *далиды* церкву рубили... Оказывается, что слово *далидъ* — *дайлидъ*, литов. dajlýdė, зодчій, строитель, плотникъ, встрѣчающееся и въ старинныхъ западнорусскихъ произведеніяхъ, извѣстно не только западнымъ бѣлорусскимъ областямъ, но и восточнымъ (см. стр. 129). И другое старинное слово *гнюсъ* также находитъ отраженіе въ разсматриваемыхъ матеріалахъ: гэта вода да есть гнюсна II т. 611; обыкновенно „гнюсъ“ выводятъ изъ чешскаго hnis (Владиміровъ: Докт. Ф. Скорина, 270), а отсюда уже всѣ образованія этого корня съ *ю*, но,

какъ показываетъ приведенное выше выраженіе, *ю* свойственно въ подобныхъ словахъ и живой рѣчи. Еще отмѣтимъ: *охрасьци* II т. 547 вм. охранить; *гучныя* родзины ib. 28 (= славныя; ср. нашу работу: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи". Варшава, 1893, стр. 115); *коувбъ* ib. 69—точнѣе коўбъ — коўбухи — внутренности; тотъ же корень, что и въ словѣ „колбаса", то-есть **клъб**-; *побрались* ib. 5 въ смыслѣ поженились и т. д.

За Шейномъ естественно вести рѣчь объ этнографѣ, бывшемъ одно время самымъ выдающимся его сотрудникомъ, *Н. Я. Никифоровскомъ*. Уже въ первомъ своемъ бѣлорусскомъ сборникѣ, помѣщенномъ въ „Запискахъ Имп. Р. Геогр. общества по отдѣленію этнографіи" за 1873 г., т. V,—Шейнъ, говоря о своихъ сотрудникахъ, такъ отзывается о Никифоровскомъ (стр. 829): „Онъ своимъ зрѣлымъ воззрѣніемъ на окружающую среду и своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ этнографическимъ разысканіямъ рѣзко выдается изъ цѣлаго сонма сельскихъ и другихъ учителей разныхъ наименованій. Я твердо увѣренъ, что такихъ честныхъ дѣльныхъ людей немало на Бѣлой Руси". Дѣйствительно, если внимательно присмотрѣться ко всѣмъ бѣлорусскимъ сборникамъ Шейна, то значительная доля записей въ нихъ окажется принадлежащими перу Никифоровскаго. Для первыхъ 3-хъ книгъ „Матеріаловъ" онъ доставилъ 60 довольно объемистыхъ записей, а въ 4-ой (III-ій т.) почти пятая часть занята записями Никифоровскаго. Всѣ его сообщенія отличаются обстоятельностью и интересомъ. Не менѣе интересны и важны въ научномъ отношеніи и его собственные труды. Таковы:

1) Очерки простонароднаго житья—бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. Витебскъ. 1895. 8⁰. VIII + 552+CLIV (изъ Витеб. Губ. Вѣд. за 1894—1895 г.). Въ этой работѣ авторъ задается цѣлью представить пищу, одежду и жилище витебскаго бѣлоруса съ относящимися къ нимъ посторонними предметами, при чемъ имѣетъ въ виду не теперешнюю жизнь, мало чѣмъ отличающуюся отъ жизни сосѣдей небѣлоруссовъ, а жизнь прежнюю дореформен-

ную. „Свѣжій обозрѣватель настоящей жизни . . . да вспомнить со мною, что за 33 приблизительно года передъ симъ текущая обиходность далеко не была такою: тщедушный землячокъ продовольствовался мякиннымъ хлѣбомъ, или половинникомъ, запивалъ первою подручною водой, изрѣдка острымъ квасомъ, одѣвался въ разную домотканку, нашивалъ почти безсмѣнные лозовики на ногахъ, грузный треухъ и колпакъ на головѣ, рѣдкія радости и сплошное горе переживалъ въ мрачной, курной хаткѣ, гдѣ въ то же время ютилъ подростающее поколѣніе житейскихъ пособниковъ, начиная отъ собственныхъ дѣтей и кончая будущимъ сальникомъ (кабаномъ), подателемъ шубки, молочка, или тутъ же выращивалъ того малорослаго „бычанка“, на которомъ впослѣдствіи то вспахивалъ и убиралъ поле, то подъ дуговою и шлейною запряжкою галопировалъ въ ближайшій городъ или мѣстечко... Эту именно обиходность, повидимому, круто ушедшую въ даль, я желалъ бы возстановить (пишетъ въ предисловіи авторъ, стр. I—II) предъ современнымъ обозрѣвателемъ быта простолюдина, того быта, про который не то иронически, не то страдальчески онъ частенько повторялъ слѣдующее излюбленное сказаніе: Пришёвъ Богъ до тэй до пе́клы, ды й пыта̀итца у дъябла: якъ ту́тыцька ма́исця, чёрцюхно́? — Няшто Госпыди, якъ-ни-якъ мадѣ́ишь (перебиваешься съ горемъ пополамъ)... такъ са́мо й наша жиццё: якъ-ни-якъ мадѣишь!“... Такое изображеніе для насъ особенно интересно. По предметамъ обиходности такъ же, какъ и по языку, мы безошибочно можемъ судить о разныхъ историческихъ наслоеніяхъ въ жизни бѣлорусса; выдѣливъ послѣднія, мы можемъ опредѣлить и настоящій его типъ. Авторъ, какъ постоянно вращавшійся въ бѣлорусской деревнѣ, прекрасно знаетъ народную жизнь и языкъ; все это обнаруживается и въ изложеніи его книги: вездѣ обстоятельность, доходящая до эпическихъ подробностей; живость изображенія; любовь къ описываемымъ предметамъ и явленіямъ, не доходящая однако до тенденціозной преувеличенности: хорошія и дурныя стороны изображаемой жизни выставляются безпристрастно. Разные описываемые предметы называются своими

бѣлорусскими именами, съ сохраненіемъ мѣстнаго произношенія, что очень важно для составленія словаря бѣлорусскаго нарѣчія, не говоря уже о фонетикѣ и морфологіи, хотя и для послѣднихъ также есть не мало матеріала, особенно въ примѣчаніяхъ (ср., напримѣръ, въ приложеніи стр. I, XII, XX, XXVIII и др.). Мы бы хотѣли еще встрѣтить побольше рисунковъ въ текстѣ, но помѣщеніе ихъ, по словамъ автора, „превышаетъ наличную возможность“ (предисловіе, III).

Чтобы хоть нѣсколько познакомиться съ содержаніемъ этой интересной книги, приведемъ вкратцѣ ея оглавленіе: А) *Пища.* Хлѣбныя изготовленія, стра́вы и ва́ривы, скырыма́цина, дыба́вы и дыкла́ды, ласо́ники и пыласу́нки, хлѣбъ въ печеньѣ и употребленіи; существенныя требованія стряпни, стряпуха; сроки ѣды; образъ ѣды; питье и питейные предметы; столовая посуда; варе́вная посуда и прира́ды; консервная посуда, молочная посуда, питейная посуда; „на заѣ́дки и запивки“. Б) *Одежда.* Мужская одежда, женская одежда; мужская и женская обувь, мужскіе и женскіе прибо́ры (уборы); дорожные и случайные приборы; складица и схо́вы; столовое и спальное бѣлье; прядильные матеріалы передъ прядивомъ; нитка; сно́ва (основа), навивка на ставъ (станъ), тканье, обработка ткани; рабочіе предметы при ткани, одеждѣ, обуви и украшеніяхъ; творцы одѣ́цця, обу́цця и приборывъ; крэ́вчики, шевчики; „на наки́дки“. В) *Жилище.* Передъ хаткой, хатка снаружи, хатка снутри; сѣнки и исцёпка, или при́зба, прійзба; хлявы́ (скотникъ, обора, дянникъ); клѣць и повклѣць, токъ, рига, ре́я; пуня и клуня; ла́зня (баня); загорожи; „звыпь то́го“. Г) *Окружающіе предметы.* Въ хаткѣ, сѣнкахъ и исцёпкѣ; предметы освѣщенія; подручные рабочіе инструменты; въ хлѣву; въ возовнѣ; сбруя и упряжъ; въ остальныхъ усадебныхъ строеніяхъ; въ саду и огородѣ; у пчалинцу; на пашнѣ, на покосѣ; въ лѣсу: лѣсные дары; при водѣ; на рыболовлѣ; на охотѣ; тамъ же нынѣ.

2) Простонародныя примѣты и повѣрья. Суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собралъ въ Витебской Бѣлоруссіи Н. Я. Никифоровскій. Ви-

тебскъ. 1897. 8°, X + 308 + 30. (Изъ „Витеб. Губ. В.“). И эта книга составлена съ такою же обстоятельностью и знаніемъ дѣла, какъ и предыдущая. Вотъ ея содержаніе: А. Дитя „одъ спычатку“ до конца „блазноцтвы“; тутъ же о дѣтскихъ болѣзняхъ и лѣченіи ихъ. Б. Молодые люди обоего пола; брачущаяся чета (наставленіе женихамъ и невѣстамъ; гаданья молодежи, сватовство, между „пярснёмъ и вянцомъ“, вѣнецъ, свадьба). В. Будничная жизнь дома и внѣ дома (чесанье зудящихъ мѣстъ человѣческаго тѣла, остальныя органическія проявленія, обыденныя дѣйствія и явленія, при ѣдѣ и питьѣ, приготовленіе хлѣба и кушаній, съѣстные запасы, стряпня, домашнія работы, полевыя работы, приключенія и встрѣчи, „гоˊродъ и городнина“, садъ и садовыя растенія, лѣсныя деревья и простѣйшія растенія въ лѣсу, „сяли́ба“ и хозяйственныя постройки). Г. Животныя, ископаемыя и явленія природы (лошади, коровы и волы, овцы, свиньи, собаки, кошки, куры, гуси и прочія домашнія животныя, общее о домашнихъ животныхъ, болѣзни и лѣченье домашнихъ животныхъ, „буйноя звяррё и звярю́шки“, „птахи и пту́шки“, рыбы, гады, насѣкомыя, камни, времена года и дня, явленія природы, небесныя тѣла. Д. Святочная жизнь дома и внѣ дома (первая коляда и дни Рождества Христова, новогодняя коляда и Новый годъ, крещенская коляда и Крещеніе, общее о рождественскихъ святкахъ, послѣдующіе зимніе праздники и чтимые дни, весенніе праздники и чтимые дни, лѣтніе праздники и чтимые дни, осенніе, первозимніе праздники). Е. Къ вечеру— не рано: болѣзни, старость, всяческія недомоганія и кончина человѣка („усцярёги дѣли хворобы“, „ча́ры, насланнё, хворо̀бы“, „трасца — ни хвороба“, „смяро̀тныи хворо́бы“, смерть чаровника, „мрецъ, нябощикъ“, „дяды“). Ж. Дополнительныя (смѣшанныя) сказанія. Таково содержаніе книги. Въ ней дано 2307 примѣтъ и повѣрій; кромѣ того, въ приложеніи обстоятельно объяснено 390 словъ и выраженій. Такое количество сообщеній особенно поразительно, если имѣть въ виду трудность ихъ записыванія, такъ какъ нѣкоторыя повѣрья здѣсь тождественны съ заговорами, а послѣдніе, по мнѣнію на-

рода, теряютъ свою силу послѣ ознакомленія съ ними другихъ лицъ. Да и съ повѣрьями, которыя въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ суевѣрій, теперь немногіе знакомы. Если просмотримъ даты, когда какая запись сдѣлана, то окажется, что авторъ собиралъ ихъ, начиная съ 1860 года, въ теченіе болѣе 30 лѣтъ.

Какъ и предыдущая книга, и данный сборникъ содержитъ массу интереснаго матеріала и для сужденія о бѣлорусскомъ нарѣчіи Витебской губерніи. Только въ обѣихъ книгахъ, какъ и въ другихъ трудахъ Никифоровскаго, не обозначается дзеканье и цеканье, котораго иногда и на самомъ дѣлѣ не бываетъ въ разсматриваемомъ районѣ.

3) Третья крупная работа Никифоровскаго, быть можетъ еще не оконченная: „Очерки Витебской Бѣлоруссіи". По главамъ содержаніе ея слѣдующее: I. Старцы (Этногр. Обозр., XII, 1892 г.); II. Дуда́ръ и Музы́ка (ib., XIII—XIV, 1892); III. Пособники жихара (ib. XVII, 1893); IV. Подданные пособники (ib. XX, 1894); V. Питущія и пропойцы (ib. XXXI, 1896); VI. Игры и игроки (ib. XXXIV, 1897); VII. Бабы або жонки (ib. XXXVII, 1898); VIII. Сбягі́, про́чки, во́нки, ухода́лы (ib. XL — XLI, 1899). И эти Очерки отличаются всѣми достоинствами двухъ разсмотрѣнныхъ уже книгъ и тоже даютъ много матеріала для сужденія о языкѣ, особенно о словарной его части.

Изъ небольшихъ работъ Никифоровскаго, также имѣющихъ отношеніе къ бѣлорусскому нарѣчію, отмѣтимъ: 4) Матеріалы для народнаго снотолкователя (Витеб. губ.) (Этногр. Обозр., XXXVI, 1898, стр. 133—139); 5) На почвѣ простоты вѣры (бытовая картинка) (Витеб. Г. В. 1898, №№ 11 и 12); 6) Простонародныя загадки. Собралъ въ Витеб. губ. Н. Я. Никифоровскій (Памят. кн. Витеб. г. на 1898 г., 309 — 343; отзывъ о нихъ Е. Ляцкаго въ Этногр. Обозрѣніи 1898 г. кн. XXXVIII, 196—197). Обѣ послѣднія статьи вышли и отдѣльными брошюрами. Не упоминая другихъ мелкихъ статей и замѣтокъ Никифоровскаго, помѣщавшихся въ Вит. Губ. Вѣдомостяхъ (напр. 1894 г. № 27, 1897 № 139, 1898 № 88 и др.), от-

мѣчу еще 7) его чисто теоретическую статью по бѣлорусскимъ говорамъ части Витебской губерніи, представляющую отвѣтъ на Бѣлорусскую программу, изданную Отдѣленіемъ русс. языка и словесности Академіи Наукъ (№ 18 „Матеріаловъ для изученія бѣлорусскихъ говоровъ". Спб. 1900, стр. 129—153). Въ отвѣтъ на разные вопросы программы здѣсь приводятся не отдѣльныя слова, а цѣлыя фразы, при томъ самыя типичныя. Въ концѣ очерка данъ образецъ рѣчи: Эпизодъ изъ отечественной войны 1812 г. — Отзывы о работахъ Никифоровскаго, напечатанные въ разныхъ журналахъ и газетахъ, очень сочувственные, но не даютъ ничего существеннаго и важнаго.

Однимъ изъ плодовитѣйшихъ современныхъ бѣлорусскихъ этнографовъ, уже болѣе 25-ти лѣтъ трудящимся на этомъ поприщѣ, является неутомимый *Е. Р. Романовъ*[1]). Уже въ 1876 г. имъ былъ составленъ „Опытъ словаря бѣлорусскаго нарѣчія" и частію, въ рукописи, представленъ въ И. Академію Наукъ. Отзывъ объ этомъ трудѣ сдѣланъ былъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ (ср. Библіогр. указ. трудовъ Ром., 1, и Сборникъ Отд. р. яз. и сл. т. XX, 1880 г., V въ протоколахъ). Академія рекомендовала издать этотъ трудъ въ видѣ дополненія къ словарю Носовича; словарь этотъ возвращенъ автору и остался неизданнымъ. Составленіе словаря заставило г. Романова обратиться къ собиранію народныхъ произведеній, вошедшихъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ другими матеріалами въ разные его труды. Главный изъ этихъ трудовъ, составившій имя его автору, несомнѣнно, „Бѣлорусскій Сборникъ". Томъ первый. Губернія Могилевская. Вып. I и II. Пѣсни, пословицы, загадки. Кіевъ. 1886. 8°. VI ненум.+XI+469. Вып. III. Сказки. Витебскъ. 1887. 8°. IV ненум. + XVIII + 444. Вып. IV. Сказки космогоническія и культурныя. Витебскъ. 1891. 8°. V+220. Вып. V. Заговоры, апокрифы и духовные стихи. Витебскъ. 1891. 8°. XV+450. Вып. VI. Сказки. Могилевъ. 1901. 8°. IV+528. Указанный трудъ выходилъ на про-

---

[1]) Въ нижеслѣдующемъ изложеніи пользуемся „Библіографическимъ указателемъ трудовъ Е. Р. Романова. 1876—1901". Могилевъ Губернскій. 1901 (изъ „Могил. Г. Вѣд." 1901 г., №№ 88, 89 и 92).

странствѣ 15 лѣтъ; вслѣдствіе этого первые выпуски значительно отличаются отъ послѣдующихъ, на что и слѣдуетъ обратить вниманіе при разборѣ ихъ. Обстоятельнѣйшій отзывъ о первыхъ 5 выпускахъ сдѣланъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ „Отчетѣ о пятомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго“. Спб. 1895 (Приложеніе къ LXXV т. Зап. Ак. Н. № 4), стр. 129—231. 6-ой выпускъ разсмотрѣнъ мною въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1902 г., октябрь (Два новыхъ сборника бѣлорусскихъ сказокъ“); о другихъ рецензіяхъ отчасти упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Разсмотримъ подробнѣе отдѣльные выпуски.

I—II вып. Послѣ предисловія, въ которомъ разсматриваются сборники, предшествовавшіе книгѣ Романова (Гильтебрандта, Дмитріева, Носовича, Шейна „Бѣлор. пѣсни“, Радченко, Дембовецкаго), а также дѣлаются нѣкоторыя разъясненія относительно этого выпуска, даются пѣсни — семейныя, чумацкія, разбойничьи, арестантскія, рекрутскія, военныя, любовныя, дѣтскія, юмористическія, припѣвы, веснянки, толочныя, купальскія, жнивныя; пословицы; загадки; пѣсни свадебныя; дополненія къ разнымъ отдѣламъ. При разсмотрѣніи сборника и при сравненіи его съ предшествовавшими изданіями подобнаго рода сразу бросаются въ глаза нѣкоторыя несомнѣнныя его достоинства: 1) богатство содержанія; ни одинъ сборникъ изъ предшествовавшихъ ему не представляетъ такого количества матеріала: въ немъ напечатано 1210 пѣсенъ, 757 пословицъ и 451 загадка; 2) записываніе пѣсенъ въ большинствѣ случаевъ самимъ авторомъ сборника, родившимся и выросшимъ въ Бѣлоруссіи среди народа, — обстоятельство очень важное, особенно если имѣть въ виду, что самъ собиратель очень близко знакомъ съ бѣлорусскими говорами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидны и выдающіеся недостатки перваго сборника Романова: 1) Отсутствіе всякой системы въ расположеніи частей сборника, что́ весьма неудобно при обиліи въ немъ матеріала (ср. замѣчаніе по этому поводу г. Истомина въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1886 г., май). Повидимому, авторъ торопился печатаніемъ этого выпуска и не успѣлъ достаточно упорядо-

чить его. Впослѣдствіи и самъ собиратель сознал этотъ недостатокъ и высказалъ по этому поводу свое сожалѣніе въ предисловіи къ I выпуску (VIII—IX). 2) Нѣкоторыя пѣсни, повидимому, не бѣлорусскаго происхожденія. Приведу хотя и нѣсколько преувеличенный отзывъ въ этомъ отношеніи проф. Сумцова: „Пѣсни, за весьма немногими исключеніями, представляютъ искаженія, обрывки и обломки малорусскихъ и великорусскихъ, краткія, малосодержательныя, часто весьма грубыя и по распредѣленію представляютъ мѣшанину и хаосъ“ (Отчетъ, 136). 3) Пѣсни часто неправильно подѣлены на стихи: иногда по нѣскольку стиховъ печатается въ одной строкѣ. Сдѣлано было это поэтому, что, „при печатаніи были направлены большія усилія къ соблюденію строжайшей экономіи“, какъ заявляетъ самъ собиратель (X). Правда, соблюдая экономію, все же можно было устранить этотъ недостатокъ, взявъ большій форматъ и печатая въ два столбца (ср. Пыпинъ, IV, 163) или же, по крайней мѣрѣ, употребляя вертикальныя черточки для раздѣленія строкъ. 4) По нашему мнѣнію, есть и неправильно записанные стихи (ср. Журн. М. Н. Пр. 1887, окт., 321). 5) Отсутствіе знаковъ ударенія въ словахъ. Постановку ударенія въ текстахъ народной поэзіи слѣдуетъ признать дѣломъ очень важнымъ; кромѣ того, что этимъ способомъ мы можемъ установить точный взглядъ на построеніе народнаго стиха, мы еще принесемъ посильную лепту въ общеславянскую акцентологію, для которой русская разномѣстная акцентовка, находящаяся въ замѣчательномъ соотношеніи съ сербскою и словинскою, очень важна. 6) Наконецъ, нельзя сказать, чтобы въ немъ и особенности бѣлорусскаго нарѣчія вездѣ передавались правильно. Такъ въ сборникѣ для передачи ᴜ̯ употреблено два начертанія: въ серединѣ и началѣ словъ ў, а въ концѣ *в* (ў поли, заўдала, ударився — всѣ на 3 стр., ў кого, крэўчика, ўвознавъ 13, любовъ и т. п.). Неопытный читатель можетъ такъ же взглянуть на подобное конечное бѣлорусское *в*, какъ и на великорусское, т.-е какъ на *ф*, чего на самомъ дѣлѣ никогда не бываетъ. Окончаніе словъ иногда еще страдаетъ тѣмъ, что послѣ губныхъ и шипящихъ часто стоитъ *ъ*, какъ бы для обо-

значенія мягкости согласнаго, чего на самомъ дѣлѣ тоже нѣтъ (ср. дочь 13, идешъ ib., поповичъ ib., любовь 2, домовъ ѣду 15 и под.). Напрасно не обозначенъ и свистящій характеръ *д* и *т* мягкихъ (гуляти, молодецъ 65, буди, болить 91 и т. д.); не выдержано и обозначеніе твердости *р* (деве*р*ъё, но звѣ*р*ъе 18); замѣчаются разныя неточности и въ обозначеніи другихъ согласныхъ (поха*ж*авае — побу*дж*авае 3, иссушили — изжурила вм. ижжурила 5, не боисься — ня 'тмолишься 10, подожджи — дождесься 16 и т. д.). Такая же непослѣдовательность и въ передачѣ безударныхъ гласныхъ (жана, табѣ, но почала́ стогна́ти, яе, но легла, нелюбый, здоровъя въ риѳму споноровъе 1 и т. д.). Въ слѣдующихъ выпускахъ передача особенностей бѣлорусскаго нарѣчія становится все болѣе и болѣе точной, равнымъ образомъ больше обращается вниманія и на выборъ, а также сортировку матеріала. Еще отмѣтимъ нѣкоторыя рецензіи къ I — II в. С. Вольскаго въ журн. Wisła, II, 212 — 215; Янчука въ Минск. Листкѣ 1886 г., № 30; Мурко въ Archiv für sl. Phil., XII, 540 — 557. Книги Романова касается статья: „Мотивы бѣлорусскихъ пѣсенъ". С. М. Г — гъ. Мин. Лист. 1886, № 31.

Вып. III и IV—сказки. Въ предисловіи къ III вып. читаемъ: „въ общемъ гг. рецензенты снабдили собирателя многими весьма цѣнными указаніями, значительно облегчившими его трудъ". Дѣйствительно, собиратель хорошо ознакомился съ существующими собраніями великорусскихъ и малорусскихъ сказокъ; вслѣдствіе этого имѣлъ возможность выдѣлить въ бѣлорусскомъ болѣе или менѣе оригинальное отъ заимствованнаго; въ ходячихъ международныхъ сюжетахъ отличены параллели; да и въ расположеніи сказокъ, какъ увидимъ замѣтна попытки держаться извѣстной системы. И въ отношеніи языка видно значительное усовершенствованіе и опредѣленность. Такъ въ предисловіи (стр. XIV — XVI) авторъ дѣлится съ читателями собранными имъ свѣдѣніями о говорахъ Могилевской губерніи; отмѣчается три говора, отличительныхъ чертъ которыхъ Романовъ касается потомъ еще и въ другой работѣ (о чемъ рѣчь ниже). Въ другомъ мѣстѣ предисловія (XII) вы-

сказанъ совершенно правильный взглядъ относительно того, что языкъ сказокъ „вмѣщаетъ въ себѣ не всѣ лексическія богатства бѣлорусскаго нарѣчія. Причина та, что казанникъ, видя передъ собою незнакомаго „бариня", хотя и обращающагося съ нимъ запросто и даже говорящаго „понаську", всегда старается говорить языкомъ болѣе высокимъ по его мнѣнію". Вслѣдствіе этого въ нихъ заходятъ великорусскія слова. — За предисловіемъ слѣдуютъ самыя сказки: 27 №№ сказокъ животнаго эпоса, 95 №№ сказокъ миѳическихъ, 29 №№ сказокъ бытовыхъ и одинъ библейскій стихъ, касающійся исторіи ветхаго завѣта, начиная отъ Адама. Въ IV вып. 148 легендъ, по терминологіи Романова, сказокъ космогоническихъ и культурныхъ. Какъ отмѣтилъ проф. Сумцовъ, и сказки неправильно сгруппированы и невсегда подходящимъ образомъ названы. Для сужденія о языкѣ это, конечно, безразлично; да и для сужденія о сюжетахъ сказокъ существеннаго значенія не имѣетъ, такъ какъ въ III вып. дается „указатель къ миѳическимъ сказкамъ" (369—377), правда не достаточно полный, а въ IV вып. — подробное оглавленіе. III-ій выпускъ представляетъ еще то достоинство, что къ нему приложенъ указатель мѣстностей, гдѣ сдѣланы записи (442 — 443). Больше послѣдовательности и въ самихъ записяхъ.

V-ый вып. содержитъ 824 №№ заговоровъ; апокрифы 24 №№: загадки царя Давыда по старой рукописи (о чемъ послѣ), нѣсколько (12) редакцій сна Богородицы, листъ Іисуса Христа въ нѣсколькихъ редакціяхъ, о двѣнадцати мукахъ, о двѣнадцати пятницахъ, бесѣда трехъ святителей, царь Максиміанъ — вертенное представленіе, звѣзда; духовные стихи — 72 №№; молитвы 32 №№, новѣйшіе стихи 14 №№; старообрядческіе стихи 18 №№. Въ этомъ выпускѣ особенно цѣннымъ является собраніе заговоровъ, равнаго которому по количеству еще не было въ русской наукѣ; распредѣленіе заговоровъ, какъ и другихъ произведеній тоже довольно хаотическое, объясняемое только тѣмъ, что собиратель не зналъ заранѣе точнаго количества тѣхъ средствъ, какія могли быть въ его распоряженіи для печатанья собранія. Что касается точности въ передачѣ

особенностей бѣлорусскаго нарѣчія, то этотъ выпускъ похожъ на III — IV; замѣтимъ лишь, что первыя 120 страницъ печатались безъ наблюденія автора (Предисл. VIII, выноска).

VI-ой выпускъ, не составляя самостоятельнаго отдѣла въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ Романова, служитъ продолженіемъ тѣхъ матеріаловъ, которые помѣщены въ III и IV выпускахъ. Въ немъ напечано 57 сказокъ, большинство которыхъ изображаетъ миѳическихъ богатырей („осилковъ“), совершающихъ разные сверхъ-естественные подвиги (больше убивающихъ чужеземныхъ чудовищъ-силачей: змѣевъ-цмоковъ, Кощея, Бабу-Ягу), а иногда добывающихъ диковинныя рѣдкія вещи (жаръ-птицу, тусли-самогуды и т. п.), чаще необычайную красавицу. Большинство сказокъ въ общемъ является новостью въ сравненіи съ тѣмъ, что имѣется въ III — IV выпускахъ. Но что касается отдѣльныхъ сюжетовъ, развивающихся въ нихъ, то они повторяютъ темы, уже извѣстныя изъ великорусскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ сказокъ, только часто бываетъ нѣсколько иная обстановка и вообще новая комбинація обстоятельствъ. Послѣ отзыва проф. Н. Ѳ. Сумцова о первыхъ двухъ выпускахъ сказокъ, собранныхъ г. Романовымъ, намъ остается мало говорить о настоящемъ выпускѣ: онъ имѣетъ тѣ же достоинства и не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, отмѣченныхъ г. Сумцовымъ. Насомнѣнныя его достоинства — прекрасныя записи отъ вполнѣ надежныхъ разсказчиковъ. Сказки очень велики по объему: нѣкоторыя занимаютъ до 24 страницъ убористой печати (ср. № 5). Дѣйствіе вездѣ излагается очень полно; даже въ сказкахъ съ знакомымъ содержаніемъ много новыхъ эпизодовъ, такъ что если и выступаютъ уже извѣстныя лица, но подвиги ихъ въ иномъ родѣ, при другой обстановкѣ. Нѣкоторыя сказки и легенды представляютъ и новые сюжеты, напр., сказки о Премудромъ Соломонѣ (ср. Журн. М. Н. Пр. 1902 г., окт., 412—418).

Разсматривая VI вып. „Бѣлорусскаго Сборника“ Романова, нельзя ограничиться только его литературнымъ значеніемъ. Собиратель большинство сказокъ (74%) записалъ самъ, да и остальныя (26%) или записаны подъ непосредственнымъ

его наблюденіемъ, или доставлены вполнѣ надежными лицами. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ настоящее собраніе очень цѣнно и для характеристики языка извѣстной мѣстности, особенно если выдѣлить въ нихъ тѣ великоруссизмы, которые нерѣдко здѣсь попадаются (ср. Ж. М. Н. пр. 1902, окт., 421). Слѣдуетъ пожалѣть, что въ разсматриваемомъ выпускѣ мало чисто фонетическихъ записей. Одного № 17-го, записаннаго болѣе или менѣе фонетически, для всесторонняго сужденія о языкѣ мало. Неударяемыя *о* и *е* не вездѣ въ Бѣлоруссіи читаются „по-русски“ (предисловіе, II), т.-е. не во всѣхъ случаяхъ одинаковая степень аканья. Слѣдовало изъ каждаго уѣзда хотя бы по одной сказкѣ (или болѣе или менѣе значительной части ея) записать фонетически. Никакой пестроты не было бы, какъ нѣтъ ея и теперь, хотя всѣ согласные (впрочемъ не безъ отступленій) переданы фонетически; *дз* и *ц* мягкіе удачно обозначены, по системѣ Безсонова, посредствомъ *д* и *т* съ надписною чертой (д̄, т̄); да и гласные часто передаются фонетически (*у* вм. *о*, *э* вм. *о* и т. под.).

Лингвистическій матеріалъ I—V выпусковъ „Бѣлорусскаго Сборника“ Романова мною въ значительной степени использованъ въ работѣ: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи“, Варшава, 1893, стр. 173—309 (=Русс. Фил. Вѣстн. 1892 г., XXVIII, 229—235; 1893 г., XXIX, 57—107; XXX, 1—81). Какъ образцы цѣннаго матеріала изъ VI выпуска, отмѣчу нѣсколько примѣровъ, хотя и больше случайныхъ.

Въ области *гласныхъ*—случаи 1) появленія *а* вмѣсто безударныхъ *ъ* и *и* (отвердѣвшаго вторично); стар*а*ка 40, ч*а*сло 41 Горецк., мяне удáр*а*шъ 49 ib., ёнъ лѐхк*а*мъ ударомъ лошадзъ ударивъ 50 ib., разн*а*ми скѝдаваютца звярыми 51 ib., спраш*а*ваецъ 53 ib., п*а*татца 110 Черик., пошли пȁр*а*тца 119 ib., пос*а*лаецъ 310 ib., с*а*грацъ 376 Мстисл., нацыпавъ разн*а*хъ (плодовъ) 379 Климов., б*а*ла 381 ib., на мóг*а*лку 470 Сѣнн. 2) Появленія *а* вм. *е* безударнаго въ началѣ словъ: *а*сли (если) 327 Орш. 3) Появленіе *у* вм. безударнаго о (=**о**, **ъ** и **є** послѣ шипящихъ): обн*у*ч*у*вавъ 1 Чаусск., п*у*г*у*дуватца 27 Черик., разыск*у*вать 348 ib., ск*у*вавъ (при сковали) 45 Горецк.,

*у*тэтый = отъ (вотъ) этый 61 Гомельск., вярёвк*у*ю разьмѣрили 73 Климов., ставъ уж*у* просйтца 123 Мстислав., благ*у*сл*у*венію 255 ib., к*у*рчевъя 355 ib., вин*у*вать ib., по ет*у*му п*у* мосту 378 ib., тих*у*, мой жарабокъ 440 Сѣнн., царевна тройк*у*ю по горыду прикàтьитца 465 Климов., стрѣциць зъ музук*у*ю 469 ib. 4) Это же *у* является также вм. *а* безударнаго, совпавшаго съ *о* безударнымъ: комн*у*тку 354 Мстисл., ёнъ вырв*у*въ 147 Клим., поглядзитк*у* 37 Горецк.; той же участи подверглось и *а* вторичное изъ *ѣ* безударнаго: стр*у*чая (= встрѣчаетъ) 340 Быхъ. 5) Есть нѣсколько случаевъ, когда *у* имѣемъ на мѣстѣ *ы* и *и* (отвердѣвшаго вторично): общимъ съ малорусскимъ будетъ *у* въ б*у*ло 9 Гом., ср. 470 Сѣнн.; другіе случаи: муж*у*кѝ 91 Горецк., муз*у*кую 469 Клим., в*у*ходзиць 26 Черик. Въ трехъ послѣднихъ примѣрахъ, очевидно, та же особенность, которую отмѣтилъ А. И. Соболевскій въ „Опытѣ русской діалектологіи“ на стр. 88. 6) Вмѣсто ударяемаго великорусскаго и отчасти бѣлорусскаго *о* часто имѣетъ *э*; особенно обычно *э* на мѣстѣ ударяемаго *ы* въ группѣ *ыj* изъ основного *ы* неполнаго образованія передъ *j*; послѣ задненебныхъ вм. *э* конечно бываетъ *е*: тэй бо́льшій пошовъ 32 Черик., класъ тэй 40 Горецк., тэй коваль (рядомъ съ „той дурачокъ“) 325 Рогач., однэю рукой 40 Горецк., по 'днэй итази 42 ib., друг*е́*ю (рукою) 393 Сѣнн., тэя дво́рныя усе́рдзилися 30 Черик., як*е́*я дровы 147 Клим., Орш., браты тэя поѣхали 255 Мстисл., бацька изъ маткой стар*э*я 288, браты тэя злэя духи искушаюць 466 Клим., мошэньники вы так*е́*я 464 ib. 7) Появленіе *и* вм. *о* подъ вліяніемъ разныхъ причинъ: *и*пять 41 Горецк. (перетолкованіе слова, заимствованнаго изъ великорусскаго), *и*стриця, на*й*стрили 357 Мстисл., ажн*и* вм. ажно 136 Сѣнн.

Въ области *согласныхъ* отмѣтимъ, напр., слѣдующіе случаи: 1) Смѣшеніе *ч* и *ц* въ сѣверовосточныхъ областяхъ, встрѣчающееся иногда и въ другихъ мѣстахъ: у своё *ч*арство 236 Сѣнн., *ч*арськихъ 400 Чаусск., сястри*ц*ки 164 Город., мучи*ц*ки 312 ib. 2) Смѣшеніе *ж* и *з*: у жы*ж*ни своёй 17 Гом., колодзи*ж*у 255 Мстислав. Впрочемъ, въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ это явленіе не сходно съ подобнымъ въ псковскихъ

говорахъ. Зарзала 50 Горецк.=основ. сл. **ръзати**. 3) Замѣны основной группы *дj*: рож*дж*онъ (рядомъ съ рождзёнъ) 39 Горецк., приваⷣ*дж*ующь 30 Черик., на купца поход*ж*ъ 309 ib.; вліяніе литературной рѣчи: ми*ж*да субо́й 15 Гом., ср. 44 Горецк., 91 ib., осу́жданъ 44 ib. 4) Очень обыченъ въ нѣкоторыхъ могилевскихъ говорахъ пропускъ *j* между гласными: ёнъ призыв*аа* 15 Гом., выпив*аа*, отвящ*аа*, пригон*яа* 19 ib., т*аа*, котор*аа* 51 Горецк., пожыр*аа* 61 Гом., коп*ѣа*чку 82 Быx., погул*я̀а*мъ 215 Гом., тая можа ти ня зн*аа*, т*уу* спросить 217 Гом., ёнъ выним*аа* совсимъ сыр*оа* 341 Быx. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропускается *j* вторичный изъ *ж*: ёнъ к*аа* (=каже) 8 Гом., м*о́е*цъ (=можетъ быть) 30 Черик., 44 Горецк., ёнъ отвящая: м*оо* такъ 205 Гом. Пропускъ *j* въ началѣ слова:... ня ѣли, *а*къ тутъ намъ дали 43 Горецк. 5) Пропускъ разныхъ согласныхъ: стручая 340 Быx. (вм. встрѣчаетъ), дзѣюшкинъ (=дѣвушкинъ) 454 Сѣнн., лядѣти 60 Гом., полятитка (=поглядика) 325 Рогач., ли вм. дли—для: заказавъ ли сябе обѣдъ 4 Чаусск., пріяжджають къ вору (=двору) 102 Гом., поняй (=погоняй) 61 Гом., къ табѣ оявимся 82 Быx. 6) Приставка *в* передъ *о* и *у*: у вотца, вумныи 254 Мстисл., увыйшли у лѣсъ у вогромный 342 Быx. Интересно: дали яму хвацеру ўвы вдовы 71 Клим., Въ словахъ „ох*в*оцитца“, „на х*в*оту“ 70 Клим. вставочное *в* объясняется народной этимологіей. 7) Повидимому, отъ старины удерживается твердость согласныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ: молодзѐцк*ы*мъ голосомъ, ѐтак*ы*хъ 40 Горецк. Вторичное отвѐрдѣніе: кры*л*цо 26 Черик. Вторичное умягченіе: хто разъища 348 Черик., куролевсьтво 15 Гом. 8) Случаи однородности звуковъ: на куриной но́зцы 289 Орш. (=носцы), мизъ со́бку 380 Клим. (=мисъ с.), *иж*ъ жаной 326 Рог.

Какъ примѣры болѣе рѣдкихъ случаевъ въ области *склоненій* отмѣтимъ: 1) Смѣшеніе основъ у именъ сущѐствительныхъ: сынъ Пётр*а* 18 Гом., повырвавъ гвозды 237 Сѣнн., дакъ моѐ чад*ы* нема̀ 14 Гом., по разному им*ю* давъ 286 Орш., получыли вы яко-нибудь повѣст*я* 15 Гом., уходзиць у нейкое у царств*я* 136 Сѣнн., горшокъ капуст*и* 316 Город., на одзинъ сажан*ъ* 288 Орш. 2) Перемѣна рода и склоненія: свой мечъ.

етой мечи, свою мечъ 18 Гом., сказавъ своёй слузѣ 19 ib. уловлю я ету (=ето) коцёшка и зъѣмъ яго живого 4 Чауск. 3) Особенности въ падежахъ: поѣхавъ ёнъ подъ дуб*а* 301 Черик.; сын*овѣ* мое любимыя 26 ib, було у яго тры сын*овѣ* 470 Сѣнн., яны не кобылицы, да зъмяйѣ 397 ib., ну, господа сват*овѣ* 284 Чауск.; употребленіе дат. п. вм. твор.: абарацилисъ сызымъ вуткамъ 150 Город., залились яны буйнымъ, горючимъ слезамъ 164 ib., усыпавъ трёмъ пальцамъ мучицки 312 ib.; творит. на -*ы*: изъ намы 40 Горецк., зъ им*ы* 41 ib., дванадцацим*ы* потпругам*ы* 363 Орш.; звяр*ы*ми 51 Горецк.; мѣстный на -*охъ*: на вусохъ дзяржиць 119 Чериков., на тыхъ дубохъ 280 Чауск., я по грибохъ ходзила ды заблудзила 393 Сѣнн. 4) У прилагательныхъ род. п. ед. ч. жен. р.: гэтак*ія* красив*ыя* у свѣци нема 293 Орш. 5) Разныя особенности у мѣстоименій и числительныхъ: якъ гора менѣ було 24 Гом., мижда субой 15 ib., мижда соби 44 Горецк., яни (=они) 91 ib., у одные (род. ед. ж. р.) мужа 322 Рогач., и не спали яны усее ночь 300 Черик., отъ двёхъ смяртей 13 Гом., твоихъ двёхъ сястёръ 322 Рогач.

Въ области *спряженій* отмѣтимъ: 1) Особенности въ образованіи основъ: спрашаваемъ 27 Черик., скидаваютца 51 Горецк., ёнъ погулюецъ у дому 44 ib., спрашіецья 29 Черик., спрашіецъ 44 Горецк., спрашіитъ 70 Клим., выстріився 74 ib., своихъ мужовъ знуджіимъ (=утруждаемъ) 255 Мстисл. 2) Настоящее время. *3 л. ед. ч.*: ё у яго сямикрылная лошадь 9 Гом., якій бывъ, такій и ё 14 ib., уси ёсь 296 Орш., отъ ицицъ дальше (=вотъ идетъ онъ дальше) 51 Горецк.; ёнъ говора, живе 7 Гом., спрашуя 8 Гом., мяне ўцѣша, бача 82 Бых., царъ проѣждавъ и виджа 101. *1 л. мн. ч.*: вывядомъ 15 Гом., мы могомъ уѣхать, сюды принясомъ 19 ib., верномся 252 Могил. *3 л. мн. ч.*: яны у комлаты ускакуять 205 Гом., яны поўзлажавали жалудьдя ѣсть да й пяюти тамъ 325 Рогач., зъѣхалися умѣсто ўси и гуворати Ворону 209 Гом: 3) Давнопрошедшее: я крэпко ужасно бывъ уснувъ 51 Горецк. 4) Причастія: ёнъ голося якъ яго мога 325 Рогач., отслужомши годъ 298 Черик.

Но особенно много въ разсматриваемомъ выпускѣ разнаго *синтактическаго* матеріала; приведу нѣсколько примѣровъ: и поѣхавъ ёнъ подъ дуба подъ етаго 301 Черик.; царъ проѣждавъ и виджа ета притча, што на 'дномъ коню усямёхъ пашутъ 101 Гом.; сказавъ: господа, вы вышлитя... Господа отвястила 18 Гом.; ужэ ўси народы съ цэрквы попошли 318 Рогач.; сьмяютца коло мяне 288 Орш., ср. 362 ib., 412 Чаусск.; тогды пріѣхали яны дома 366 Орш.; на вочахъ пасѐтъ (=слѣдитъ за нимъ) 237 Сѣнн.; росъ не по годахъ, да по часахъ, да по минутахъ 340 Быx.; слыхо̀мъ було слыхаць, а цяперъ и у глазы видаць 342 ib.; я ёсь одзинъ у доми 42 Горецк.; а есьмъ Микита 386 Сѣнн.; пошли у лазьню у гэту 119 Черик.; супруга ягоная (=его) 152 Город.; ну, якъ ици, дыкъ ици—потходзиць 49 Горецк.; отъ ѣдзецъ. Якъ ѣхацъ, дыкъ ѣхацъ—узьѣзжжаецъ на чистое поля 47 Горецк.; якъ бѣхчи, дыкъ бѣхчи —узбѣгаецъ ёнъ 238 Сѣнн.; самъ поѣхавъ къ отцу. Мацъ помёрши, только три дни ни засьпѣвъ 318 Город.; не запилновали—и стохъ украдзено 287 Орш.; мо́ецъ, я ци не допытаюсь рячей у яго 30 Черик.; тоды ёнъ уже, скушно яму̀ стало тамъ,—ли жа пройци̇тца, ли жа прокаци̇тца хочетца 2 Чаусск.; лошадзь—разинувъ ротъ на еты снопы. Тольки проглыци̇ць—казакъ Михайла хвацивъ яѐ за грыву 49 Горецк.; што мы и сколькі живемъ на свѣци, ну еткаго кушаньня ня ѣли, акъ тутъ намъ дали 43 Горецк.; служба ня будзецъ цижала: у мяне ўсяго трохъ кобылицъ пасциць троя судокъ 52 Горецк.; яны дальше удвойнѣ, чимси учора были 54 ib.; ѣдучи имъ по дорози, захоцѣлося спаць Ялени и Ивану царевичу 5 Чаусск.; я ўловивъ, сѣно ядучы (=поймалъ, какъ она ѣла сѣно) 288 Орш.; бросивши гусьли, самъ наўходака̀ 309 Черик.; попавъ мужичка худачка на поли оручи̇ 426 Сѣнн.; вы бо́льшай семъдзесятъ лѣтъ мѣсяця 37 Горецк.; набивъ усякія зьвирины бисъ конца 70 Климов.

Въ предисловіи къ VI выпуску, гдѣ излагается причина запоздалаго выхода его въ свѣтъ, между прочимъ читаемъ: „Собранные мною матеріалы еще не исчерпаны". Очень желательно, чтобы и они увидѣли свѣтъ и притомъ въ скоромъ

времени: если бы они были даже не вполнѣ новы въ литературномъ отношенiи, то все же они окажутся цѣнными для языка, особенно если будутъ изданы съ соблюденiемъ характерныхъ чертъ бѣлорусскаго нарѣчiя. Напечатать ихъ можно по частямъ хотя бы въ неоффицiальной части редактируемыхъ г. Романовымъ „Могилевскихъ Г. Вѣдомостей". Во всякомъ случаѣ будемъ надѣяться, что имѣющiяся записи не погибнутъ для науки.

Остальныя работы Романова разсмотримъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1) „Опытъ бѣлорусскаго народнаго снотолкователя" (Этнографическое Обозр. 1889, III, 54—72, и отдѣльно). Здѣсь приведено около 540 толкованiй. По замѣчанiю Сумцова, „въ этнографическихъ трудахъ Романова, напечатанныхъ въ Этнографическомъ Обозрѣнiи, обнаруживаются новыя и крупныя достоинства ... обстоятельный комментарiй къ собраннымъ матерiаламъ и, главное, серiозное и внимательное отношенiе къ нимъ, выразившееся въ старательномъ разборѣ и систематическомъ распорядкѣ ихъ при изданiи" (Отчетъ, 230—231).

2) „Лоповщина" (Вит. Г. В. 1889, № 83).

3) „Объ изученiи дѣтскихъ бѣлорусскихъ игръ" (Вит. Г. В. 1890, № 93).

4) „Кара въ сто лѣтъ. Бѣлорусская легенда. Переложилъ Радимичъ". Вит. 1894 (изъ Вит. Г. В. 1894, №№ 73—78, 81). Въ серединѣ разсказа имѣются хорошо записанныя бѣлор. народныя пѣсни (стр. 10—14, 19—20, 27—28).

5) „Изъ мiра русскихъ народныхъ преданiй. Милостивый Осипъ, или милости хочу, а не жертвы. Быль, изложилъ Е. Радимичъ". Вит. 1896 (изъ Вит. Г. Вѣд. 1896, №№ 13—23, 26—33). Въ разсказъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ вставлено немало бѣлорусскихъ выраженiй и пѣсенъ народныхъ и искусственныхъ.

6) Нѣсколько замѣчанiй о разныхъ бѣлорусскихъ особенностяхъ въ отвѣтѣ на проектъ „Бѣлорусской программы" въ „Матерiалахъ для изученiя бѣлорусскихъ говоровъ". Вып. I.

Спб. 1897, стр. 3 — 5 (изъ „Извѣстій Отд. р. яз. и словесности“).

7) „Бѣлорусскіе тексты вертепнаго дѣйства“. Могилевъ. 1898, 16°, 50 (изъ Мог. Г. В. 1898, №№ 45, 46, 49—52). Тутъ полностью напечатана вертенная драма „Царь Иродъ“, служащая дополненіемъ къ подобной же драмѣ („Царь Максиміянъ“), напечатанной въ V вып. „Бѣлор. Сборника“. Языкъ драмы не вездѣ чисто бѣлорусскій. Литературной стороны этого произведенія коснемся въ другомъ мѣстѣ.

8) „Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи. Уѣздъ Велижскій“. Могилевъ, 1898. 8°. 308, съ 4 картами. Эта работа первоначально явилась въ „Памятн. кн. Витеб. г. на 1898 г.“ съ значительными искаженіями, подъ заглавіемъ: „Очерки Витебской губерніи, Велижскій уѣздъ“. Въ IX главѣ этой работы (67 — 76 стр.) имѣется характеристика народныхъ бѣлорусскихъ говоровъ Витебской губ.; говоры эти ставятся въ связь съ сосѣдними Минской, Могилевской и Смолен. губерній, о чемъ у насъ уже была рѣчь раньше.

9) „Сборникъ бѣлорусскихъ заговоровъ начала XIX в.“ (Могил. Г. В. 1900 №№ 19, 20, 22, 29, 30). Романовъ нашелъ рукопись 1805 — 1819 г. съ бѣлорусскими заговорами, записанными въ Мстиславскомъ уѣздѣ помѣщикомъ Далецкимъ. Всѣхъ заговоровъ 34; изъ нихъ 32 касаются пчеловодства и 2 отъ сглазу. Это одна изъ древнѣйшихъ записей бѣлорусскихъ народныхъ произведеній. Жаль только, что въ названной статьѣ не указаны основанія, почему рукопись приписывается Далецкому и относится къ 1805 — 1819 году. Палеографическія особенности рукописи, мелькомъ указанныя у Романова, довольно странны: „ε и ъ пишутся одинаково“ — такой особенности я не знаю въ скорописи великорусской, малорусской и бѣлорусской; что касается появленія ъ и ь въ серединѣ между согласными, то эта черта переноситъ насъ въ XVI—XVII в. западнорусскаго письма, когда такой орѳографическій пріемъ господствовалъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ Романовымъ, что первоначальный текстъ заговоровъ написанъ въ эпоху отдаленную. Прибавимъ отъ себя,

что переписывался онъ нѣсколько разъ лицами изъ разныхъ русскихъ племенъ: сначала великоруссомъ (свят*ово* Зосима 7, не ч*аво* ib., *цево* ты и где увидешъ ib., *сево* 8, свят*аво* ib., играет*ъ* 9 и т. д.; страницы обозначены по изданію въ „Могил. Старинѣ“), потомъ бѣлоруссомъ (пр*ы*говор*ы*тъ, говор*ы* 7, мо*е* пчолы ib., цар*ъ* ib., въ *в*улей 8, жи*ж*ни 9, зелезныхъ отъ земъли до небеси в тры чына медныхъ, да тры чына зялезныхъ 11 и т. д.); прошелъ этотъ текстъ и черезъ руки малорусса (в*и*пускаю, пос*и*лаю, на разн*ия* твет*и*, пов*и*ше и т. п.); послѣдній писецъ зналъ и польскую орѳографію: это видно изъ способа обозначать смягченные согласные (дліа, взіатъ, свіанъцоной, миоду, въсіо, вылетіатъ 11).

10) Статьи по археологіи, исторіи, этнографіи, древней географіи Могилевскаго края, напечатанныя въ Губ. Вѣд. за 1898—1901 г., собраны Романовымъ вмѣстѣ и изданы въ двухъ сборникахъ, подъ заглавіемъ „Могилевская Старина“. Вып. I. Могилевъ 1900 г., вып. II. Могилевъ 1901. Нельзя не одобрить этого въ высшей степени полезнаго изданія, такъ какъ статьи Губерн. Вѣдомостей большею частью пропадаютъ безслѣдно для ученаго міра.

11) Въ „Могилевскихъ Г. В.“ за 1902 г. (№№ 70, 71, 72, 74, 76, 79, 80, 81, 83, 85 и 86) Романовъ напечаталъ „Матеріалы для изученія говоровъ Могилевской губерніи. С. Высокое Оршанскаго уѣзда“ (перепечатано въ „Живой Старинѣ“ 1902 г., III—IV в., 413—428). Въ началѣ статьи и въ заключеніи ея (№№ 70 и 86) дѣлается очеркъ могилевскихъ бѣлорусскихъ говоровъ и въ частности говора с. Высокаго. Затѣмъ въ очень хорошихъ записяхъ напечатано 27 примѣтъ и повѣрій, 9 толкованій сновъ, 205 пословицъ, 100 загадокъ, 4 скороговорки, 2 заговора, 10 причитаній, 8 родинныхъ и крестинныхъ пѣсенъ, 10 колыбельныхъ и дѣтскихъ, 30 свадебныхъ пѣсенъ и 10 сказокъ, изъ которыхъ девять животнаго эпоса и одна бытовая. Большая часть записей сдѣлана *I. П. Миткевичемъ-Далецкимъ*.

Грандіозный трудъ по бѣлорусской этнографіи задуманъ въ послѣднее время *М. Федеровскимъ*, подъ заглавіемъ „Lud

białoruski na Rusi Litewskiej. Materyały do etnografii słowiańskiej, zgromadzone w latach 1877—1891 przez Michała Federowskiego". Tom I. Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. W Krakowie. 1897. 8°, XX + 509. Tom II. Baśne, przypowieści i podania ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Część I. Baśne fantasyczno-mityczne. W Krakowie. 1902. 8°, XXXII+370. Tom III. Część II. Tradycye historyczno-miejscowe, oraz powieści obyczajowo-moralne. W Krakowie. 1903. 8°. V+314. Изданіе дѣлается на средства Краковской Академіи Наукъ.

Трудъ Федеровскаго касается западной группы бѣлорусскаго племени, менѣе всего извѣстной въ этнографіи и лингвистикѣ и менѣе всего доступной для изученія русскому изслѣдователю, въ виду преобладанія въ этой области католическаго населенія, далеко не дружелюбно относящагося къ заѣзжему православному. Населеніе западной Бѣлоруссіи съ незапамятныхъ временъ живетъ среди болотъ, непроходимыхъ пущъ, вдали отъ культурныхъ центровъ, во всемъ строго слѣдуя завѣтамъ сѣдой старины, или, какъ самъ народъ выражается, всегда идя „слѣдамъ за дзѣдамъ"; вслѣдствіе этого первобытное народное міровоззрѣніе до сихъ поръ здѣсь сохранилось въ такой чистотѣ, въ какой рѣдко можно встрѣтить его въ другомъ какомъ-либо уголкѣ, населенномъ русскими славянами. По наблюденію Федеровскаго, рѣдкое народное вѣрованіе, записанное у малоруссовъ или у сосѣднихъ поляковъ, не найдетъ своего отраженія и у разсматриваемыхъ бѣлоруссовъ. Попавши въ 1877 году въ эти мѣста, Федеровскій сразу замѣтилъ, что благодатнѣе нивы для этнографическихъ наблюденій и изученій и ожидать нельзя. Познакомившись возможно обстоятельнѣе съ мѣстнымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, онъ рѣшилъ записывать все, что ни попадется подъ руку; это тѣмъ легче было сдѣлать ему, что, живя въ деревнѣ, всегда приходилось сталкиваться съ народомъ, бесѣдовать съ нимъ; наблюдая обычаи и нравы, проникать въ тайники мысли, замѣчать племенныя отличія, что особенно легко было сдѣлать лицу, прибывшему изъ другой отдаленной мѣстности. Перекочевывая до-

вольно часто съ мѣста на мѣсто, Федеровскій изъѣздилъ западную Бѣлоруссію вдоль и поперекъ, всюду изучая осѣдлое населеніе, преимущественно въ уѣздахъ Сокольскомъ, Слонимскомъ, Волковыскомъ Гродненской губерніи, захватывая даже югозападныя оконечности Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи. Всѣ записи и наблюденія Федеровскій велъ самъ непосредственно, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ обращаясь за справками къ надежнымъ лицамъ. Собирательскіе труды увѣнчались полнымъ успѣхомъ: матеріала набралось на 10 томовъ, включая сюда и дополненія къ бѣлорусскому словарю Носовича (Wstęp, IX—X).

Вотъ содержаніе вышедшихъ томовъ. I т. Послѣ вступленія, въ которомъ собиратель характеризуетъ въ общихъ чертахъ западнобѣлорусскую народность и даже ея языкъ, а также свое собирательство, приводится списокъ работъ на русскомъ и польскомъ языкахъ, касающихся того же предмета; все это составляетъ введеніе. Затѣмъ весь томъ, содержащій народныя вѣрованія, воззрѣнія и предразсудки, распадается на двѣ части. Въ *первой части* 2 книги: I. Вѣрованія вообще. а) Божества (Богъ и его святые), б) духи (Demony): 1) дьяволъ (разные его образы и дѣянія); 2) привидѣнія (показывающіяся людямъ по волѣ Бога, дьявола и человѣка); 3) люди, обладающіе демоническими свойствами (вѣдьмы, колдуны, знахари и т. д.); 4) миѳическія сверхъестественныя существа (божества, сверхъестественныя водяныя существа, миѳическіе богатыри и под.); 5) разныя олицетворенныя явленія (Охъ, Лихо, Бѣда, Смерть и т. д.). II. Вѣрованія, касающіяся природы. а) Міръ видимый, не земной (небо, солнце, мѣсяцъ, звѣзды и т. д.); б) міръ видимый, непосредственно соприкасающійся съ человѣкомъ: 1) явленія атмосферическія (громъ, перунъ, молнія, тучи, роса, дождь, снѣгъ, вѣтеръ и т. д.); 2) земля, (земля, вода, рѣки, озера, горы, лѣса, „вырай“); 3) камни (ростъ ихъ, каменныя стрѣлы, кремни и т. п.); 4) растенія (грибы, травы, хлѣбныя растенія, овощи, кустарники, деревья); 5) міръ животный (насѣкомыя, рыбы, пресмыкающіяся, птицы, млекопитающіяся и т. д.). в) Человѣкъ: 1) представленія о челове-

кѣ (земная его жизнь; жизнь загробная; душа человѣческая); 2) представленія о разныхъ народахъ (первобытное общество, цыгане, дикари, французы, мазуры, русскіе, турки и т. д.). г) Смѣсь (огонь, хлѣбъ, война, курганы и т. п.). *Вторая часть.* Культура: а) Религія: 1) этика (отношенія къ природѣ, къ духовному міру, къ людямъ и къ самому себѣ); 2) культъ (почитаніе видимыхъ предметовъ и духовныхъ); б) Обычаи: 1) семейные (при родахъ, свадьбахъ, похоронахъ, воспитаніи дѣтей и т. д.); 2) товарищескіе; 3) юридическіе. в) Занятія: 1) охота; 2) рыбная ловля; 3) пастушеская жизнь; 4) зодчество; 5) земледѣліе; 6) садоводство; 7) женское хозяйство; 8) медицина; 9) лѣченье скота; 10) лѣкарства (лѣкарственныя травы. Предметный алфавитный указатель. — Такой планъ расположенія, можетъ быть не всегда удобный въ практическомъ отношеніи, такъ какъ о нѣкоторыхъ предметахъ приходится говорить по два раза, заимствованъ Федеровскимъ, согласно его заявленію, изъ доклада Я. Карловича, прочитаннаго на съѣздѣ фольклористовъ въ Стокгольмѣ 1889 года.

II-ой томъ заключаетъ въ себѣ 1-ую часть сказокъ „фантастично-миѳическихъ". Всѣхъ записей здѣсь 410. Расположены онѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Міръ животный (Thiereрos). Сказки, въ которыхъ выступаютъ а) одни только животныя: муха, шершень, сова, мышь, заяцъ и жаба, коза и волкъ, пѣтухъ, котъ и лиса, пѣтухъ, баранъ и волкъ (№№ 1—13); б) животныя и люди: воробей, пѣтухъ и курица, коза, лисица и волкъ, лисица и ужъ, собака, медвѣдь, левъ (№№ 14 — 36); в) животныя и духи: чортъ и котъ (№ 37). Міръ фантазіи (миѳическія особенности и звѣри съ сверхъестественными свойствами): а) говорящія животныя (№№ 38—46), б) говорящія животныя и миѳическія существа (№№ 47—60), в) звѣри, миѳическія существа и богатыри (№№ 61—68), г) смѣсь: говорящія деревья, поющая дудка, живая и мертвая вода и под. (№№ 69—83). III. Міръ духовный: а) человѣкъ—жизнь теперешняя и будущая (№№ 84—93 и 394—400), б) олицетворенныя существа—болѣзни, смерть и т. п. (№№ 94—103), в) люди — духи (чародѣйство: знахари, вѣдьмы) (№№ 104 — 170),

г) духи, привидѣнія, божества (№№ 171—300 и 401—403), д) Богъ, святые, священники (№№ 301—349 и 404), е) преданія объ извѣстныхъ мѣстахъ (№№ 350—384 и 405—410). Такимъ образомъ содержаніе настоящаго тома составляютъ сказки, по терминологіи старыхъ этнографовъ, изъ міра животнаго, миѳическія, космогоническія, легенды, преданія, народныя вѣрованія. Какъ видно изъ содержанія, II-ой томъ отчасти повторяетъ тѣ же матеріалы, которые помѣщены въ I-мъ. Это произошло отчасти отъ того, что многіе изъ напечатанныхъ здѣсь матеріаловъ записаны послѣ составленія I тома, а главнымъ образомъ отъ того, что авторъ держался странной системы въ расположеніи произведеній народнаго творчества. Основа для ихъ дѣленія не была строго обдумана: вѣрованія, предразсудки и сказки далеко не одно и то же. Какъ справедливо замѣтилъ въ своемъ отзывѣ о сказкахъ, собранныхъ Романовымъ, проф. Сумцовъ, прежняя система дѣленія этого рода произведеній, въ которой особенно большой отдѣлъ давался на долю миѳическихъ сказокъ, въ настоящее время наукой не можетъ быть признана удовлетворительной (Отчетъ о пятомъ присужд. премій Макарія, 167); единственно раціональнымъ, по моему мнѣнію, было бы такое дѣленіе, въ которомъ весь сказочный матеріалъ былъ бы расположенъ по предметамъ, по сказочнымъ сюжетамъ. Тутъ естественно животный эпосъ выдѣлился бы въ одну группу, сказки съ дѣйствующими въ нихъ неодушевленными предметами въ особую группу, міръ духовъ составилъ бы особый отдѣлъ, сказки про человѣка опять соединились бы вмѣстѣ и т. д. Отдѣльные предметы и лица, ихъ подвиги и дѣйствія и т. д. составили бы подраздѣленія этихъ группъ. Расположить въ подобной системѣ особенно легко было бы записи Федеровскаго, такъ какъ онѣ вообще очень невелики, иногда только въ нѣсколько строкъ. Не думаю, чтобы и дальнѣйшая классификація сказокъ была лучше, насколько можно судить объ этомъ по той части предисловія къ сборнику II, XIV—XV), гдѣ говорится о предполагаемомъ расположеніи всего матеріала: одно служитъ утѣшеніемъ, что къ обоимъ томамъ сборника приложены прекрас-

ные указатели темъ и предметовъ; кромѣ того передъ каждымъ отдѣломъ имѣется подробное перечисленіе сюжетовъ и заглавій сказокъ.

III-ій томъ содержитъ въ себѣ 2-ую часть сказокъ и преданій: историческія преданія о лицахъ, мѣстахъ и одеждѣ; бытовые разсказы; юмористику. Письма. Дополненія къ прежнимъ томамъ. Предметный указатель.

Что касается внутренняго достоинства разсматриваемаго собранія, то оно, несомнѣнно, велико: по словамъ автора, „всѣ безъ исключенія матеріалы въ этомъ собраніи представлены въ ихъ родной одеждѣ, какъ были взяты изъ устъ народа. Конечно, письмо не можетъ замѣнить фонографа, говоритъ Федеровскій: но во всякомъ случаѣ я старался записывать насколько возможно точнѣе, если только мнѣ слухъ не измѣнялъ" (Предисловіе ко II т., XV). Указаннымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ извинить и то, что, напр., многія сказки представляютъ изъ себя уже извѣстные изъ другихъ сборниковъ разсказы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вполнѣ съ ними совпадающіе, въ другихъ отличающіеся отъ нихъ въ немногомъ. Но всѣ такія произведенія очень цѣнны въ отношеніи языка. Жаль, что авторъ нигдѣ не сдѣлалъ указаній варіантовъ, хотя бы изъ другихъ бѣлорусскихъ собраній: вѣдь, эти собранія ему были извѣстны; только при легендѣ о кровосмѣсителѣ сдѣлана ссылка и то лишь на Чубинскаго да на Zbiór wiadomości, XIII т., тогда какъ этотъ сюжетъ извѣстенъ и по другимъ изданіямъ, между прочимъ развивается и въ пѣсняхъ (ср. Отчетъ о пятомъ присужденіи премій Макарія, 161—163).

Собранные матеріалы вездѣ предлагаются только какъ матеріалы безъ объясненій; впрочемъ о взглядахъ собирателя на тѣ или другіе предметы отчасти можно судить по тѣмъ рубрикамъ, въ которыя вставлены добытыя свѣдѣнія. Въ этомъ отношеніи Федеровскій, повидимому, мало знакомъ или вовсе не знакомъ съ разными изслѣдованіями, по народной поэзіи и вѣрованіямъ, явившимися въ Россіи, напр., съ работами проф. Потебни, Сумцова, акад. Веселовскаго и др.; иначе онъ не помѣстилъ бы въ отдѣлѣ бѣлорусскихъ божествъ слѣдующихъ:

Коляда, Лада, Купала, Ящуръ (I, стр. 106—107), или въ числѣ миѳическихъ богатырей не назвалъ бы Кацигарóшка (ib. стр. 110), Незнáйка (113), Адзинюкá (116) и др. Впрочемъ этотъ незначительный недостатокъ разсматриваемаго изданія покрывается выдающимися его достоинствами, каковы, кромѣ указанныхъ раньше: а) точность въ записяхъ. Послѣднія ведутся обыкновенно на бѣлорусскомъ нарѣчіи, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ услышаны изъ устъ народа; лишь очень рѣдко даются записи на польскомъ языкѣ. Записи на польскомъ довольно часты въ III томѣ. Далѣе, б) вездѣ указаны лица, отъ которыхъ записаны тѣ или другія свѣдѣнія, и мѣсто записей. Наконецъ, в) для большей точности въ передачѣ сообщаемыхъ матеріаловъ польскій алфавитъ дополненъ нѣсколькими знаками: введено ä для обозначенія *e* широкаго, приближающагося къ *a*; употреблено â для обозначенія *a* узкаго, близкаго къ *o* широкому; вездѣ введены неслоговые i̯ и u̯; кромѣ того, надъ буквами часто попадаются знаки ¯ и ˘ для обозначенія протягивающихся звуковъ и произносимыхъ очень кратко; всюду на словахъ проставлены ударенія. Въ III-мъ томѣ редакторъ проф. Розвадовскій ввелъ еще ë и ů. Для рѣшенія вопроса о томъ, насколько точно Федеровскій передаетъ бѣлорусскіе звуки, я предпринималъ поѣздку въ нѣсколько мѣстъ западной Бѣлоруссіи; кромѣ того, и редакторъ II тома I. R(ozwadowski) побывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда сообщаются записи; да и самъ собиратель въ предисловіи ко II-му тому помѣстилъ „Tymczasowe uwagi o narzeczu zachodnio-białoruskiem“ (XIX—XXVIII); а въ III-мъ томѣ (стр. 7, вын.) имѣется даже схематическій рисунокъ одной части западно-бѣлорусскихъ говоровъ; однако въ характеристикѣ ихъ нѣкоторая путаница. Вообще говоря, языкъ переданъ у Федеровскаго довольно точно. Одно лишь, въ чемъ я сомнѣвался при чтеніи I тома, и чтó затѣмъ подтвердилось моими наблюденіями и проф. Розвадовскаго, оказалось недостаточно вѣрнымъ, основаннымъ лишь на предвзятой теоріи, — это написанія, въ родѣ i̯e, u̯o; по рѣшительному заявленію Розвадовскаго, слоговымъ въ этихъ дифтонгахъ является *i*, *y*(*ы*) и *u*(*у*), а не *o* и *e*, т.-е. равны они ie̯, ye̯,

ц̑о. На мой слухъ во всѣхъ такихъ случаяхъ замѣтно закрытое *е* умягчительное, нѣсколько протянутое, и *о* закрытое, приближающееся къ *у*, тоже нѣсколько протянутое; нѣкоторая длительность *е* и *о* обусловливается ударяемостью слога; передъ смягченными согласными ея не бываетъ, что́ объясняется еще большей узостью названныхъ звуковъ. Кромѣ того, не во всѣхъ говорахъ даже і̑е, ц̑о остаются безъ перемѣны. По заявленію редактора II тома, „użycie znaków i̯e, u̯o polega poczęści na nieporozumieniu między autorem a wydawcą tomu pierwszego, poczęści zaś na niedostatecznym opisie fonetycznym autora“ (Предисл. XXIX). Приведенное замѣчаніе о недостаточной въ фонетическомъ отношеніи записи авторомъ указанныхъ дифтонговъ вполнѣ подтверждается и тѣми свѣдѣніями автора о нарѣчіи западно-бѣлорусскомъ, которыя предпосланы текстамъ. Такъ мы тутъ читаемъ, напр., ci̯edzić, ci̯el, ci̯ep, ci̯eŭka и т. д. съ мягкимъ *ц* на мѣстѣ основного славянскаго *ц*, чего въ бѣлорусскомъ не бываетъ, или czätiery съ мягкимъ *t* вм. czatery, hari̯ech, hari̯eć, hari̯ełka и т. д. съ мягкимъ *r*, чего опять въ данной мѣстности не бываетъ; подобныхъ примѣровъ особенно много (см. стр. XX). Далѣе употребленіе въ началѣ словъ u̯ и u (т.-е. ў и у), по свидѣтельству проф. Розвадовскаго, не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла: u̯ (ў) бываетъ лишь послѣ гласныхъ предшествующаго слова и передъ согласнымъ слѣдующаго (XXXI). Въ нѣкоторыхъ однако случаяхъ, я думаю, Федеровскій вѣрно уловилъ бѣлорусское билабіальное *в*: это когда оно приставляется передъ *о* въ такихъ случаяхъ, какъ: u̯ojczäńko, u̯okna, u̯orczyk, u̯osim, u̯oziero и т. д. (XXIII). Въ остальномъ ороографія автора въ отношеніи передачи звуковъ не вызываетъ замѣчаній.

Сообщенія автора о бѣлорусскихъ говорахъ вызываютъ еще нѣсколько замѣчаній другого рода. Такъ, странно, что въ спискѣ словъ съ кажущимися дифтонгами помѣщены мѣстные падежи отъ разныхъ словъ съ удареніемъ на концѣ, напр.: dwari̯è, dupli̯è, na hari̯è, Pietri̯è и т. д. (II т., XIX—XXI); всѣхъ словъ вѣдь не перечислить: не лучше ли было бы об-

общить это явленіе? Замѣчаніе о множественномъ числѣ къ слову бояринъ (II т., XXI) изложено сбивчиво: въ извѣстныхъ мнѣ мѣстахъ Новогрудскаго уѣзда, на который между прочимъ сдѣлана здѣсь ссылка, не говорятъ bajàrje; такъ же сбивчиво изложено тамъ же замѣчаніе о мѣстномъ къ слову „печь“. Есть нѣкоторыя неточности и др. рода.

Изъ отзывовъ о книгахъ Федеровскаго отмѣтимъ—Здзярскаго въ журналѣ Wisła 1899 г., XIII, 454—457; мой въ „Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и сл.“ IV т., 349—353, и въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1902 г., окт., 426—433.

Перечисливъ крупныя собранія бѣлорусскихъ народныхъ произведеній за послѣднее время, коснемся еще нѣкоторыхъ мелочей, а также научныхъ сочиненій, пользующихся выводами указанныхъ работъ. Изложимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ.

„Иванъ Купала“ (въ д. Углахъ Слуцкаго уѣзда Мин. г.). *П. Бывалькевичъ* (Этногр. Обозр. 1891 г., XI, 190—192). Есть и образцы рѣчи.

„Wieś Komarowicze w powiecie Mozyrskim“. *E. Jeleńska* (Wisła, 1891, V, 290—331, 479—520, и отдѣльно)—болѣе этнографическое описаніе.

„Русскій объяснительный словарь, заключающій въ себѣ непонятныя слова русскаго книжнаго... и бѣлорусскаго нарѣчій...“ *А. Старчевскій*. Спб. 1891, вып. I. Небольшая книжечка въ 16°, буквы А — Встр. Приводятся и бѣлорусскія слова (*б*) съ переводомъ. Въ общемъ книжечка неважная.

Проф. и акад. *А. И. Соболевскій* въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ нерѣдко пользуется данными бѣлорусскаго нарѣчія. Въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“. Кіевъ. 1888. Спб. 1891 — бѣлорусскому матеріалу удѣлено надлежащее мѣсто. Но особенно обстоятельно изложено бѣлорусское нарѣчіе въ его „Очеркѣ русской діалектологіи“ (Живая Старина. 1892. кн. 3) и въ перепечаткѣ этой статьи отдѣльной книгой „Опытъ русской діалектологіи. Вып. I. Нарѣчія великорусское и бѣлорусское“. Спб. 1897. Авторъ ограничивается лишь извлеченіемъ матеріала изъ печатныхъ источниковъ, но полученны

данныя, насколько намъ извѣстно, по возможности провѣрены посредствомъ справокъ, полученныхъ отъ уроженцевъ разныхъ мѣстностей Бѣлоруссіи. Вообще же къ своимъ матеріаламъ авторъ относится строго критически. — Планъ изложенія настоящаго очерка очень удобный: послѣ общаго обозрѣнія особенностей, характеризующихъ все бѣлорусское нарѣчіе, даются очерки говоровъ отдѣльныхъ мѣстностей, при чемъ особо разсматриваются цокающіе ґоворы и особо нецокающіе. Въ зависимости отъ качества и количества имѣвшагося въ распоряженіи автора матеріала, однѣ мѣстности очерчены подробнѣе, другія слабѣе; но всюду замѣтно умѣнье уловить выдающіяся характерныя черты, такъ что говоръ каждой мѣстности выступаетъ съ своей особой физіогноміей. Несмотря на краткость изложенія, читая этотъ „Опытъ" русской діалектологіи, затрудняешься даже, что̀ можно бы существенное прибавить, при настоящемъ состояніи источниковъ и пособій, къ приведеннымъ авторомъ даннымъ по бѣлорусскому нарѣчію. Можно указать лишь нѣсколько мелочей. Въ разсматриваемомъ „Опытѣ" дана прочная канва, на которой, хотя подъ часъ и общими штрихами, повсюду уже нанесены узоры, которые легко развить до естественной яркости и точности въ детальныхъ переливахъ.— Еще отмѣтимъ отзывъ о бѣлорусской части Очерка русс. діалектологіи Качановскаго въ „Вѣстникѣ Славянства" 1894 г., IX, 120—126, представляющій только возраженія, часто очень неосновательныя.

„Празднованіе Пасхи у бѣлоруссовъ католиковъ (Новоалександровскаго уѣзда Ковен. губ.)" (Вил. Вѣстн. 1891 г., № 93=Ковен. Г. В. 1891 г. № 29)—приведено всего 2 пѣсни.

„Изъ этнографическихъ наблюденій въ Рѣчицкомъ уѣздѣ Минской губ." *А. Грузинскій* (Этногр. Обозр. 1891 г., XI). Есть и образцы рѣчи. Имъ же сдѣлано собраніе: „Духовные стихи Мин. губ. Рѣчицкаго уѣзда" (Этногр. Обозр. 1898 г., XXXVIII). „Царь Максиміліанъ" (Къ исторіи народнаго театра) оттуда же (ib. 161—168). Бѣлорусскаго мало.

Извѣстный языковѣдъ *И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ* также собралъ нѣкоторые матеріалы по бѣлорусскому нарѣчію. Уже

въ „Подробной программѣ лекцій въ 1877—1878 учебномъ году“ (Казань. 1879), стр. 229—231, онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя извѣстныя ему пособія по изученію бѣлорусскаго нарѣчія (по недосмотру попали сюда нѣкоторыя вещи, не имѣющія никакого отношенія къ бѣлор. говорамъ, напр. Piosnki Чечота 1839 г., статья Ивашкевичевой, сборникъ Зенькевича) и указываетъ основныя черты бѣлорусскаго нарѣчія (ошибочно цаб'е —тебѣ). Цѣлый сборничекъ бѣлорусско-польскихъ пѣсенъ, съ точной передачей звуковъ, напечатанъ имъ въ краковскомъ „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej“: „Pieśni Białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej“ (XVI т. 1892 г., 217—238); „Dodatek do pieśni Białorusko-polskich z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej, zapisanych przez prof. Dr. B. de C.“ (т. XVIII, 1895, 225—231). Пѣсни эти заключаютъ въ себѣ массу полонизмовъ, что и естественно въ области, пограничной съ польскимъ племенемъ и отчасти со смѣшаннымъ населеніемъ.

„Pieśni Białoruskie z powiatu Lidzkiego“. *Biruta* (Zbiór wiadomości, 1892 г., т. XVI, 239—251).

„Говоръ Павловичской волости Могилевскаго уѣзда“ (Жив. Стар. 1893 г., IV, 513—518). *Андр. Романовъ.*

„Бѣлорусскій говоръ или бѣлорусское нарѣчіе?“ *К. Б - скій* (Мин. Лист. 1893, № 20). Статья небольшой цѣнности: авторъ мало знакомъ съ предметомъ, о которомъ говоритъ.

Съ большимъ вниманіемъ къ даннымъ бѣлорусскаго нарѣчія относится въ многочисленныхъ своихъ работахъ акад. *А. А. Шахматовъ*. Въ „Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики“. Варш. 1893, судьба звуковъ *о* и *е* разсмотрѣна и въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ; вообще должное мѣсто удѣляется бѣлорусскому нарѣчію повсюду. Статья „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“. Варш. 1894 (Р. Ф. В., XXXII), и болѣе полное, а также нѣсколько измѣненное ея изданіе: „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“. Спб. 1899 (изъ Журн. Мин. Н. Пр. 1899, апр.), разсматриваетъ между прочимъ и происхожденіе бѣлорусскаго нарѣчія и бѣлорусской народности; достаточно мѣ-

ста отводится этому же вопросу и въ очеркѣ: „Русскій языкъ" (въ словарѣ Брокгауза и Эфрона и отдѣльно въ „Россіи", 564—581). Благодаря смѣлымъ и широкимъ обобщеніямъ и глубокимъ лингвистическимъ познаніямъ автора, составъ бѣлорусскаго нарѣчія и его отношенія къ малорусскому и великорусскому нарѣчіямъ обрисовываются вполнѣ отчетливо. Можно не соглашаться съ авторомъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но общей точки зрѣнія нельзя не признать правильной.

Отмѣчу двѣ статьи *А. Е. Богдановича:* „Пережитки въ міросозерцаніи бѣлоруссовъ" („Научное Обозрѣніе" и „Мин. Лист." 1894 г., № 76); „Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ". Гродно. 1895. 8°. III+186. Отзывы объ этой статьѣ въ Жив. Старинѣ 1895, III—IV, и у Виторта въ журналѣ Wisła 1897, XI, 580—592. Выдержекъ изъ народныхъ произведеній немного.

„Географія Минской губерніи (родиновѣдѣніе)". Составилъ *А. П. Смородскій.* Минскъ, 1894 (Памятная книжка Мин. губ. на 1895 г.). Есть кое-что и о народонаселеніи и даже о языкѣ, но послѣдняя статья изложена неясно и сбивчиво.

„Суроцы" (Мин. Лист. 1894, № 74)—есть бѣлорусскія выраженія.

„Игрище". *М. Ш—о* (Мин. Лист. 1894, № 84).

„Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи" (Жив. Стар. 1894, II, 143—177, и отдѣльно съ перепечаткой нѣкоторыхъ страницъ. Спб. 1894. 8°. 42 и карта). *Борисъ Ляпуновъ.* Эта статья имѣетъ отношеніе къ бѣлорусскимъ говорамъ потому, что въ нѣкоторыхъ селахъ Лукояновскаго уѣзда (Елфимовъ Майданъ и смежныя села и деревни) живутъ переселенцы изъ западныхъ губерній, слывущіе среди мѣстнаго населенія подъ именемъ „пановъ" или „бутаковъ"; иногда ихъ называютъ „поляками", „Польшей", „Литвой", „ягунами". Если разсматривать ихъ языкъ, то здѣсь, кромѣ яканья, свойственнаго и южновеликоруссамъ, и кромѣ нѣкоторыхъ словарныхъ особенностей, встрѣчаемъ еще спорадически твердость *р*, дзеканье.

„Pieśni Białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego guberrii

Wileńskiej“ *Adolf Černý* (Zbiór wiadomości, 1895, XVIII, 192—224. Отзывъ объ этомъ сборникѣ сдѣланъ мною въ „Журн. Мин. Н. Пр.“ 1896, май, и вслѣдствіе нѣкоторыхъ искаженій здѣсь, перепечатанъ въ „Р. Ф. Вѣстникѣ“, XXXV, 299—303). Всего 56 пѣсенъ записано фонетически, съ присоединеніемъ пѣсенныхъ мотивовъ. Черный недостаточно познакомился съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ и изданіями, хотя бы главными, бѣлорусскихъ пѣсенъ; вслѣдствіе этого пѣсни искажены до неузнаваемости, а собственныя домышленія собирателя еще больше портятъ дѣло. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ:

Hanuszka, duszà majà,
pyràj mi kaniá majhò!
pyráj mi siwoha!
—„Radab ja pyraniaci...

Къ послѣднему слову сдѣлана выноска: Według imper. „pyràj“ oczekiwalibyśmy „pyraci“; tymczasem w zapiskach mam „pyraniaci“. Мало-мальски знакомый съ бѣлорусскою рѣчью сообразилъ бы, что „pyràj mi“ слѣдуетъ читать „pyrajmi“ (то-есть перейми́), а къ нему совершенно правиленъ infinitivus „pyraniaci“ (вмѣсто пираняци съ отвердѣніемъ губного *п*). Довольно длинныя и ненужныя соображенія и разсужденія вызвало также непонятое слѣдующее мѣсто:

dy pahubiła zarà kluczy,
kalá pò stacz (? pò staci) iduczy...

Стоило справиться у Шейна (Записки, V, 474—475), и мѣсто было бы совершенно ясно:

Згубила зара ключи,
Коло постаци идучи...

Можно бы указать еще нѣсколько мѣстъ въ этомъ родѣ (напримѣръ, хоть № 50 и у Шейна, Записки, V, 475), изъ которыхъ можно убѣдиться, какъ полезно было бы для дѣла заглядывать и въ русскія изданія.

Во многомъ еще выручаетъ Черного проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, который неоднократно высказываетъ въ примѣчаніяхъ свои соображенія о чтеніи и пониманіи тѣхъ или дру-

гихъ мѣстъ. Впрочемъ туземецъ-бѣлоруссъ и изъ этого плохонькаго сборничка сумѣетъ извлечь кое-что поучительное. Такъ, напр., въ вып. 2 на стр. 219 читаемъ, что пѣвица всегда произносила т р о́ ў к а-м у р о́ ў к а. Очевидно, здѣсь то же явленіе, какое отмѣчено нами въ „Русс. Фил. Вѣстн." 1895 г. № 3, стр. 158.

„Краткая замѣтка о бѣлорусскомъ нарѣчіи". *В. Стукаличъ*. Вит. 1895, 16°. 24 (изъ Вит. Г. Вѣд. 1895 г. №№ 12, 13 и 15). Составлена по моему „Обзору зв. и ф. бѣл. рѣчи". Его же: „Страничка изъ недавней старины города Витебска". Вит. 1900 (Вит. Г. Вѣд. №№ 231 и 232). Идетъ рѣчь между прочимъ о собирательствѣ Шейна и Никифоровскаго.

Въ 1895 году прекратилъ свое существованіе „Zbiór wiadomości do antropologii krajowej". На смѣну его явились „Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisji antropologicznej Akademji Umiejętności w Krakowie". 1896—1901, 5 томовъ. Въ этомъ изданіи бѣлорусской народности также удѣляется мѣсто, и нѣкоторыя статьи имѣютъ цѣну и для языка (ср. м о й отзывъ объ этомъ изданіи въ „Журн. Мин. Н. Пр." 1900 г., декабрь).

„Przyczynek do lecznictwa ludowego" *Ф. Веренка* (Materyały antropologiczno-archeol. i etnograficzne, 1896, I, 129 страницъ). Авторъ производилъ свои наблюденія въ южной части Борисовскаго уѣзда Мин. г. и въ зап. части Лепельскаго Вит. г., главнымъ образомъ въ д. Пуцилковичахъ. Для насъ важны народныя повѣрья и заговоры, которые приводятся здѣсь въ изобиліи и притомъ съ соблюденіемъ особенностей народной рѣчи.

„Древность бѣлорусскихъ пѣсенъ и ихъ напѣвовъ". *И. Горбачевскій* (Витеб. Г. В. 1896 г., №№ 83—85, 87, 89). Приведены и пѣсни. Статья очень интересная.

„Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ". *П. Демидовичъ* (Этногр. Обозр. 1896, XXVIII—XXX). Есть и матеріалы по языку. Его же: „Бѣлорусскія дѣтскія игры" (Жив. Старина, 1898 г., III—IV). Есть бѣлорусскія выраженія и пѣсни.

„Oracja wielkanocna“ — записалъ *Альфредъ Ромеръ* въ Ядовцахъ Свенцянскаго уѣзда въ 1881 г. (Wisła, 1897 г., XI, 340).

„Zagadki białoruskie“, собранныя *Л. Василевскимъ* (Materyały antr.-arch. i etnogr., II, 1897). Количество находящагося здѣсь матеріала невелико: всего 128 загадокъ изъ уѣздовъ Вилейскаго, Двинскаго, Борисовскаго и Рогачевскаго.

„Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими“. *А. З(анкевичъ)*. Спб. 1897 (изъ „Русс. Бесѣды“ 1896 г., окт.). Имѣются бѣлорусс. пѣсни и слова.

„Нашъ край“. *Ив. Долговъ* (Вит. Г. В. 1898, №№ 113, 114). Мимоходомъ кое-что касается и языка.

„Бѣлорусскій край“ (народныя чтенія) *Г. П. Майкова*. Спб. 1898. Послѣ исторической замѣтки дается краткій очеркъ бѣлорусс. быта; народныхъ выраженій мало.

„Среди болотъ и лѣсовъ. Краткій разсказъ о Бѣлоруссіи и бѣлоруссахъ“ *Гуленко*. М. 1898. Небольшая брошюра, довольно живо написанная; есть и народныя выраженія, приведенныя однако довольно неточно.

„Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Слуцкій говоръ“. *Н. И. Чудовскій*. Варш. 1898 (изъ „Русск. Фил. Вѣстн.“, XL, 53—91). Статья представляетъ немало цѣннаго матеріала. Лишь тѣ мѣста ея, гдѣ идетъ рѣчь о дифтонгахъ, какъ показали мои наблюденія, нуждается въ поправкахъ. Изслѣдованныя Чудовскимъ мѣстности не знаютъ дифтонга *ĭе*, да и *ŭо* свойственъ имъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (ср. Р. Ф. В. XL, 325—327).

„Описаніе Черниговской губ.“ *Русова*. Изданіе Редакціи „Земскаго сборника“. Черниговъ. 1898—1899. 2 тома. Очень хорошее описаніе, но этнографическая сторона не разсмотрѣна. Относительно населенія замѣчено (т. II, стр. 1): „кромѣ малорусс. населенія, составляющаго большинство, въ сѣвер. части губ. встрѣчаются значительныя пространства, заселенныя великоруссами и бѣлоруссами... Къ сожалѣнію, имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о распредѣленіи населенія по національ-

ностямъ — очень устарѣли, такъ какъ относятся ко времени ревизіи 1858 г.“...

„Засѣданіе Черниговской губернской архивной коммиссіи“ (Черниг. Губ. Вѣд. 1898, № 1393). Здѣсь приводится извлеченіе изъ доклада *П. Н. Тиханова* о говорѣ Брянска и его уѣзда, примыкающаго непосредственно ко Мглинскому Черн. губ. Сущность реферата сводится къ отвѣтамъ на вопросы, предложенные проф. Соболевскимъ, съ добавленіями къ сему по позднѣйшимъ программамъ, изданнымъ Отд. русс. яз. и слов. Акад. Н. „Ассимилируясь, говоръ двухъ названныхъ уѣздовъ, Брянскаго и Мглинскаго — представляетъ нѣкоторое тождество, по крайней мѣрѣ нѣтъ большой разницы въ рѣчи населенія сѣверной части Мглинскаго уѣзда и говора жителей Акулицкой волости уѣзда Брянскаго“. Примѣты говора изложены сбивчиво (приставка *в* передъ *о* и *и*, приставка *и* передъ нѣкоторыми согласными, *хв*=*ф*, *у*=*в* и наоборотъ, *г*=*h*, употребленіе дательнаго вм. родительнаго, отпаденіе гласныхъ и нѣкот. словарныя особенности). Болѣе полно эта замѣтка напечатана въ „Трудахъ Черниг. Архивной комиссіи“, вып. I, стр. 59—63.

Въ послѣднее время въ „Витеб. Г. Вѣдомостяхъ“ явилось нѣсколько очень цѣнныхъ для языка замѣтокъ, больше бытовыхъ очерковъ учителя нар. училища въ Орѣховнѣ Лепель. у. Вит. г. *А. Пщолко*, именно: 1) „Свидѣтель“ (эскизъ нарѣчія витебскихъ бѣлоруссовъ) (Вит. Г. В. 1898, № 4) — все на бѣлорусскомъ нарѣчіи: приводятся показанія свидѣтеля на судѣ. 2) „Замойжанскій кирмашъ“ (бѣлорусскій эскизъ). Витеб. 1898 (изъ Вит. Г. Вѣд. 1898, №№ 9 и 10)—много бѣлорусскихъ выраженій и одинъ духовный стихъ про Лазаря. 3) „Барыловскій волостной сходъ“ (набросокъ съ натуры) (Вит. Г. В. 1898 г., № 39)—съ массой бѣлорусскихъ выраженій. 4) „Дѣды. Изъ жизни Лепельскихъ бѣлоруссовъ“. Вит. 1898, 16°, 23. (Изъ „Вит. Г. В.“ 1898, №№ 76 — 78) — съ бѣлорусскими выраженіями. 5) „Въ губерню съ бумагой“ (разсказъ бѣлорусса) (Вит. Г. В. 1899, № 48). 6) „Очерки изъ жизни бѣлорусской деревни“. Вит. 1899. 8°, 133. 7) „Янкина жалоба.

Драматическій этюдъ изъ жизни лепельскихъ крестьянъ". Вит. 1900. 16°, 17 (2-ое изд. 1902 г.). 8) „Микитовы хаўтуры". Очеркъ изъ жизни бѣлорусскихъ крестьянъ. Витеб. 1901, 16°, 49 (изъ Вит. Г. В. 1901, №№ 59, 69, 72, 77). 9) „Пилипово веселье" (бѣлорусскій очеркъ). Витеб. 1901, 16°, 141 (изъ Вит. Г. Вѣд.). 10) „Бѣлорусскіе разсказы (а) Панское игрище, б) Бобылкино горе, в) Сидорова родня и др.). Витеб. 1901. 16°, 19 + 1. 11) О говорѣ с. Орѣховно Лепель. у. Вит. г. („Матеріалы для изуч. бѣл. гов.", IV, № 27).

„Бѣловѣжская пуща и зубры". Очеркъ *Ф. А. Глинскаго* (Памятн. кн. Гродн. г. на 1899 г.). На стр. 17—18 читаемъ: „жители села Бѣловѣжа и 24 деревенъ, расположенныхъ въ центрѣ Бѣловѣжской пущи или же на ея окраинахъ,—всѣ почти бѣлоруссы". Тутъ же снимки женщинъ и мужчинъ.

„Przysłowia ludowe z okolic Witebska, Mohylewa, Smoleńska i Orła, dotyczące niektórych miejscowości w cesarstwie Rossyjskiem" *М. Куча* (Materyały antr.-archeol. i etnogr., IV т. 1900 г.). Тутъ приводятся поговорки, касающіяся разныхъ городовъ Бѣлоруссіи и др. мѣстъ. Эти поговорки Кучъ записалъ отъ крестьянъ Смоленской губ., живущихъ отхожимъ промысломъ. Записи недостаточно точны въ фонетическомъ отношеніи, но зато интересны для характеристики народнаго міровоззрѣнія.

Въ книжкахъ Wisły за послѣдніе годы изрѣдка попадаются статьи и по бѣлорусской этнографіи, но въ нихъ пѣсни приводятся уже въ польскомъ переводѣ, а не въ оригиналѣ: ср. XIV (1900)—„Obchód weselny w pow. Wilejskim w okolicy Mołodeczna i Radoszkowicz".

Говор палѣх Жиздринскаго уѣзда Калужской губ." *М. Карауловъ* (Р. Ф. В., XLIII, 1900). Авторъ касается и бѣлорусскихъ особенностей этого смѣшаннаго говора. Работа составлена по матеріаламъ, собраннымъ *В. Н. Добровольскимъ* (Жив. Стар. 1899, I и II).

„Próba wyjaśnienia gienezy przechodzenia w narzeczu białoruskim nieakcentowanego *e* w *a*". *K. Nitsch* (Almae Matri Jagellonicae... Leopoli. 1900, стр. 55—62). Переходъ безудар-

наго *е* въ *а* или *і* авторъ старается поставить въ зависимость отъ качества предыдущаго согласнаго.

„Литвины Бѣлоруссы Черниговской губ., ихъ бытъ и пѣсни". *М. Н. Косичъ* (Жив. Стар. 1901, II—IV и отдѣльно. Спб. 1902. 8°. II + 128 + 23). Статья очень интересная, но напечатана плохо. Поправки къ ней 23 страницы. Кромѣ пѣсеннаго матеріала, здѣсь помѣщена и грамматическая статья: звуковыя особенности бѣлорусскаго говора Черниговской губерніи (113—128).

Львовскій Л. „О бѣлорусской пѣснѣ". „Живописная Россія" 1901. № 11, 163—166. Отзывъ очень поверхностный и довольно пристрастный. „Трудно представить себѣ что-либо тоскливѣе, заунывнѣе и горше бѣлорусской пѣсни"... Выдержки приводятся не въ подлинникѣ, да и то больше изъ пѣсенъ искусственныхъ.

„Uwagi o dyftongach ie̯, uo̯ w południowozachodniem narzeczu białoruskiem" *Яна Розвадовскаго* (Materyały i prace kom. językowej, I (1902), 207—220). Очень интересная работа. Въ быстрой рѣчи бѣлорусскіе дифтонги переходятъ въ сонанты неодинаковой артикуляціи: начало для *і* или *и*, а конецъ для *е* или *о* — iᵉ, ůᵒ; передавать ихъ рекомендуется примѣнительно къ литовской орѳографіи черезъ ė и ů. Не слѣдуетъ смѣшивать съ дифтонгами случаевъ, когда согласный произносится лабіально передъ гласнымъ ᵘо. Появленіе дифтонговъ въ западнобѣлорусскихъ говорахъ можетъ быть въ связи съ тѣмъ, что здѣсь въ прежнія времена жили литовцы ятвяги, знавшіе эти дифтонги.

„У могилевскихъ бѣлоруссовъ". Путевыя впечатлѣнія *В. А. Мошкова* (Нива. Ежемѣсячныя литературныя приложенія. Янв. и февр. 1902); есть и бѣлорусскія выраженія, но мало.

„Teksty białoruskie z powiatu Nowogródzkiego". *Edward Klich* (Materyały i prace Komisyi językowej, II, вып. 1, 1903). Собраніе очень цѣнное въ отношеніи точности при передачѣ особенностей языка. Приложены и образцы склоненій и спряженій.

Въ заключеніе перечислю *мои* работы по живому бѣлорусскому нарѣчію. Въ 1884 году я задумалъ написать въ качествѣ кандидатской работы изслѣдованіе по бѣлорусскому нарѣчію. Изучая немногіе бывшіе мнѣ тогда доступными сборники бѣлорусскихъ народныхъ произведеній, я замѣтилъ, что они крайне неудовлетворительно передаютъ бѣлорусскую рѣчь. Поэтому у меня самого явилось желаніе сдѣлать нѣсколько бѣлорусскихъ записей; онѣ и явились въ печати подъ заглавіемъ: „Бѣлорусскія пѣсни с. Берёзовца Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи“ (Русс. Фил. Вѣстн., XII, 1894 г., 124—135, и XIII, 1895 г., 266—283). Здѣсь послѣ небольшого предисловія — о способѣ передачи бѣлорусскихъ звуковъ — помѣщено 59 №№ пѣсенъ съ немногочисленными замѣчаніями, касающимися особенностей языка и разъясняющими смыслъ пѣсенъ. Письмо употреблено полуфонетическое, вездѣ проставлены удареніяя. Эти пѣсни, мой личный опытъ въ бѣлорусской рѣчи, а также данныя, извлеченныя изъ собраній Шейна (Бѣлор. пѣсни), Безсонова (Бѣлор. пѣсни), Дмитріева (Сборникъ 1869 г.), Гильтебрандта, Носовича, Микуцкаго, Дыбовскаго (Przysłowia), Этнографическаго сборника (вып. I), послужили основой, на которой построенъ: „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“. Москва, 1886 (на обложкѣ, а на заглавномъ листѣ 1885, когда работа начата печатаньемъ) (Отдѣльный оттискъ изъ X т. „Извѣстій Историко-филологич. Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ“). 8°. 170. Изъ отзывовъ о работѣ отмѣчу Янчука въ Минскомъ Листкѣ 1886 г. № 32; Соболевскаго въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1887, май; Мурко въ Archiv für sl. Phil., XII, 526—539, Аппеля въ Prace filologiczne 1888 г., II, 332, Владимирова (два отзыва, о чемъ рѣчь послѣ). Во время написанія „Обзора“ непосредственно я былъ знакомъ лишь съ бѣлорусскими говорами Минской губерніи: лично мнѣ приходилось до того времени побывать въ Борисовскомъ уѣздѣ и въ разныхъ мѣстахъ Новогрудскаго; кромѣ того, во время обученія въ теченіе 10 лѣтъ въ Минскѣ я имѣлъ возможность сталкиваться съ бѣлорусскими уроженцами изъ разныхъ мѣстъ губерніи. Дан-

нія разныхъ бѣлорусскихъ сборниковъ и приходилось истолковывать примѣнительно къ этимъ познаніямъ. Указаннымъ обстоятельствомъ и объясняются тѣ недостатки, которыми отличается „Обзоръ“: я не ясно представлялъ себѣ область распространенія мягкаго *р* въ бѣлорусскомъ; не зналъ о существованіи дифтонговъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Бѣлоруссіи; не допускалъ возможности въ бѣлорусской рѣчи слишкомъ мягкихъ *д* и *т* (не свистящихъ); не былъ знакомъ и съ нѣкоторыми лингвистическими мелочами, характеризующими говоры Могилевской, Смоленской и Гродненской губерній. Критика довольно благосклонно отнеслась къ моему „Обзору“, и это послужило для меня побужденіемъ продолжать занятія бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, тѣмъ болѣе, что и служить на первыхъ порахъ пришлось мнѣ въ бѣлорусской мѣстности. Зимой 1888 г. представился случай записать нѣсколько бѣлорусскихъ пѣсенъ отъ неграмотной крестьянки д. Новосёлокъ Трокскаго уѣзда Вил. губ., откуда до тѣхъ поръ не было записей ни въ одномъ изъ бѣлорусскихъ сборниковъ; напечатаны онѣ въ Р. Ф. Вѣстникѣ 1899 г., т. XXI, стр. 243—259, подъ заглавіемъ: „Бѣлорусскія пѣсни деревни Новосёлокъ-Затрокскихъ Виленской губерніи Трокскаго уѣзда“; всего 24 №№ (съ 60—83). Къ этому же времени относится мое знакомство съ П. В. Шейномъ. Такъ какъ онъ постоянно просилъ меня о разныхъ бѣлорусскихъ матеріалахъ, то пришлось часть имѣвшагося у меня удѣлить для его сборника. Однако пѣсни, доставленныя мною, уже не могли попасть въ I томъ „Матеріаловъ“, а вошли лишь въ дополненія къ III-му тому (Спб. 1902): свадебныя пѣсни мѣст. Еремичи Мин. г. Новогр. у. (стр. 476—481), всего 18 №№ (съ прежними 101 №). Тутъ же (471—475) перепечатаны свад. пѣсни, записанныя мною, появившіяся уже въ Р. Ф. Вѣстникѣ. Нѣсколько сказокъ (7 №) и заговоровъ (2 №), записанныхъ моими родственниками и знакомыми, передъ посылкой Шейну были поправлены мною, но, къ сожалѣнію, при печатаніи плохо прокорректированы авторомъ сборника, вслѣдствіе чего кое-гдѣ вкрались въ нихъ ошибки (ср. т. II, 120—127, 130—133, 140—143, 203—206, 226—229,

263 — 264, 274 — 276, 547, 549). Знакомство съ собраніями бѣлор. народныхъ произведеній Дембовецкаго, Романова, Шейна (Матеріалы), Добровольскаго, а также мои послѣднія записи дали возможность дополнить тѣ свѣдѣнія по бѣлорусскому нарѣчію, которыя вошли въ „Обзоръ“. Слѣдствіемъ этихъ изученій явилась VI глава въ работѣ: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи“. Варш. 1893, стр. 170—309 (=Русс. Фил. Вѣстн., XXVIII, 1892, 226 — 235; XXIX, 1893, 57—107, XXX, 1—81). Эта послѣдняя книга посвящена главнымъ образомъ старому западнорусскому нарѣчію; въ этомъ же родѣ — по исторіи языка и другія послѣдующія мои работы (о чемъ рѣчь послѣ); но и живымъ говорамъ, по мѣрѣ знакомства съ ихъ выдающимися особенностями, приходилось удѣлять кое-что. Такъ нѣсколько разъ мнѣ приходилось живать (особенно лѣтомъ) въ м. Волмѣ Минскаго уѣзда; нѣкоторыя особенности волмянскаго говора мною отмѣчены въ статейкѣ: „Замѣтка по бѣлорусской діалектологіи. Бѣлорусское *бў* на мѣстѣ *ал—ав*“ (Р. Ф. В., XXXIV, 1895 г., 157). Какъ плодъ пребыванія въ Сокольскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1896 г. явилась замѣтка: „Нѣкоторыя рѣдкія особенности бѣлорусскаго нарѣчія въ Сокольскомъ уѣздѣ Гродненской губ.“ (Русс. Ф. Вѣстн., XXXV, 1896, 220—221). Шейнъ въ своихъ „Матеріалахъ“ въ разныхъ мѣстахъ напечаталъ нѣсколько записей, сдѣланныхъ бывшимъ ученикомъ Слуцкой гимназіи Копацёмъ, представляющихъ въ словахъ подъ удареніемъ и безъ него дифтонги *уо*, *оу*, *іе*; всѣ записи изъ Подлѣсья Слуцкаго уѣзда. Говору той же мѣстности посвятилъ, какъ мы видѣли, довольно обширную статью Н. Чудовскій. Познакомившись съ нимъ, я замѣтилъ, что старый математикъ, хотя и уроженецъ Новогрудскаго уѣзда, не совсѣмъ ясно представляетъ бѣлорусскія особенности; поэтому, будучи на границѣ Слуцкаго уѣзда, я рѣшилъ посѣтить Подлѣсье и Басловцы лично (ср. мой отчетъ о научныхъ занятіяхъ въ библіотекахъ Москвы, Троице-Сергіевой лавры и Слуцка въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1898 г. Варш. Унив. Извѣстія за 1898 г. № IX); свои наблюденія я изложилъ въ статейкѣ: „Замѣтка относительно дифтонговъ въ народномъ говорѣ с. Басловцевъ

и д. Подлѣсья Слуцкаго уѣзда Мин. губ.“ (Р. Ф. В. 1898 г., XL, 325—327). Въ 1898 г. мнѣ удалось побывать и въ другихъ мѣстахъ Слуцкаго уѣзда; въ 1899 г. съ цѣлію лучше познакомиться съ говорами Гродненской губерніи я побывалъ въ Заблудовѣ, Жеднѣ, Городкѣ, Говѣйновичахъ, Великой и Малой Берестовицахъ, Олекшицахъ, Лашѣ; лѣтомъ 1901 г. жилъ въ Миговѣ и посѣтилъ Августовскій уѣздъ Сувалкской губ. Свои наблюденія за указанное время я сообщилъ въ „Замѣткахъ по бѣлорусскимъ говорамъ“, I — III (Р. Ф. В. 1901, XLVI, 275—281). По порученію Отд. русс. яз. и словесности Имп. Академіи Наукъ я составилъ проектъ „Программы для собиранія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія“. Послѣ дополненія со стороны свѣдущихъ лицъ эта программа и напечатана въ 1897 г. въ „Извѣстіяхъ Отд. русс. яз. и словесности“, т. II, 501—560, и отдѣльно. Программа была разослана въ разныя мѣста Бѣлоруссіи и на нее до сихъ поръ получаются отвѣты, которые и печатаются въ изданіяхъ Академіи, подъ заглавіемъ: „Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ“. До сихъ поръ вышло 4 вып. (Спб. 1897, 1898, 1900, 1903 — первые 3 въ „Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов.“ за соотвѣтствующіе годы, послѣдній въ „Сборн. 2 Отд. И. Ак. Н.“). Каждый отвѣтъ заномерованъ, поэтому въ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ будемъ ссылаться на №№, а не страницы. По порученію Отдѣленія, редактированіе бѣлорусскихъ матеріаловъ я взялъ на себя; вслѣдствіе этого считаю нужнымъ заявить, что въ печатаемыхъ сообщеніяхъ не проводится строгаго разграниченія между тѣми или другими явленіями языка. Часто одно и то же слово бываетъ интересно и въ отношеніи фонетическомъ, и морфологическомъ, а иногда даже, въ извѣстномъ соединеніи, важно и для синтаксиса. Каждый научно занимающійся вопросами объ языкѣ самъ сумѣетъ внести порядокъ въ предлагаемый матеріалъ и извлечь изъ него то, что можетъ представить для него интересъ. Слова и звуки передаются по возможности всегда въ той формѣ и въ томъ правописаніи, въ какомъ они сообщены Отдѣленію. Замѣчанія доставившаго всегда ставятся въ кавычкахъ. Не всѣ на-

печатанные матеріалы имѣютъ одинаковую цѣнность, что зависѣло отъ степени подготовки лицъ, дававшихъ отвѣты. 6 № принадлежитъ мнѣ (1, 2, 12, 19, 20, 21)—это тѣ же матеріалы, иногда съ дополненіями, что были напечатаны въ „Р. Ф. Вѣстникѣ"; остальные доставили: 3) *Е. Романовъ*: Могилевская губ., разныя мѣста, а также др. губ. Это замѣтки, сдѣланныя на проектѣ программы. 4) *Н. Рамзевичъ*: Могилевской губерніи уѣзды Оршанскій, Сѣнненскій и частію Могилевскій—тоже замѣчанія на проектъ программы. Замѣчанія очень цѣнныя; есть и образцы рѣчи. 5) *И. Дубина*: С. Грицевичи Слуцк. уѣзда Мин. губ. Отвѣтъ провѣренъ мною при личномъ собесѣдованіи съ наблюдателемъ, мѣстнымъ уроженцемъ. 6) *И. Моисеенко*: М. Поставы Дисней. у. Вилен. губ. Отвѣты удовлетворительные. Имѣются образцы рѣчи: Сказка про мужика, медвѣдя и лисицу и искусственное стихотвореніе „Па́нская игры́ща". 7) Г-жа *Ситкевичъ*: С. Гатовъ Минской губ. и уѣзда. Отвѣтъ въ общемъ удовлетворительный. Какъ образецъ рѣчи, приведено нѣсколько фразъ. 8) *А. Лагунъ*: М. Шацкъ Игумен. у. Мин. г. Записи удовлетворительныя. Образцы рѣчи: два анекдота и сказка про дурня и золотую рыбку. 9) *Н. Короленко*: С. Мокрое Быховскаго у. Могилев. г. Отвѣтъ удовлетворителенъ. Образецъ рѣчи: Мужыкъ и цыганъ. 10) *Н. Юшковъ*: Д. Заполье и с. Комаровичи Мозырскаго уѣзда Мин. г. Очень обстоятельный отвѣтъ; хорошая передача дифтонговъ. Какъ образецъ рѣчи приведена сказка: Тому й чесць, ў кого грошы есць. 11) *М. Герштоповичъ*: С. Плюсы и д. Павловщина Новоалександр. уѣзда Ковен. г. Отвѣтъ обстоятельный. Образцы рѣчи: Свадебная пѣсня сиротѣ-невѣстѣ и свадебная пѣсня жениху. 13) *И. Тржецякъ* (доставлено преподавателемъ Вил. Реальн. учил. *Дадыкинымъ*): Кабыльникская волость Свенцянскаго уѣзда Вилен. губ. Очень подробный отвѣтъ. Образцы рѣчи: I сказка о королѣ, уѣхавшемъ на войну, и королевѣ, родившей въ его отсутствіе сыновей съ мѣсяцемъ и солнцемъ на лбу; II пѣсня во время толоки; III—IV разныя пѣсни. Тутъ же напечатанъ разсказъ „Злодзій", записанный *Гадзшкевичемъ* въ неизвѣстной мѣстности.

14) *В. Рудковскій*: М. Слободка Новоалександровскаго у. Ковен. г. 15) *В. Шафаловичъ*: С. Долгое Игумен. у. Мин. г. Краткій отвѣтъ. 16) Фамилія наблюдателя не указана: М. Гейшинъ Быхов. у. Могил. г. Отвѣтъ очень краткій и недостаточно опредѣленный, но зато даны 2 образца рѣчи: сказки— Нестирка и Покати-горошикъ. 17) *А. Іолобъ*: С. Микуличи Рѣчиц. уѣзда Мин. г. Отвѣтъ краткій. 18) *Н. Никифоровскій* —очень обстоятельный и полный отвѣтъ о говорѣ нѣсколькихъ селъ и деревень Витебскаго уѣзда, какъ объ этомъ уже была рѣчь. 22) *П. Введенскій*: Разныя мѣста Минской губ. Отмѣчены отступленія въ удареніи, замѣченныя среди учениковъ учительской семинаріи въ г. Несвижѣ. Воспитанники семинаріи обыкновенно дѣти крестьянъ Новогрудскаго, Слуцкаго и Игуменскаго уѣздовъ. 23) *А. Фурсевичъ*: С. Старый-Сверженъ Мин. губ. и уѣзда. Довольно обстоятельный отвѣтъ съ цѣнными приложеніями. Образцы рѣчи: Поговорки 16 №№. Выраженія 5 №. Разсказъ стараго Андрея. Сказка о злой женѣ. Пѣсни 12 №№. 24) *Н. Иванова* (доставилъ препод. *Дадыкинъ*): Д. Студзёнка Новогрудскаго уѣзда Мин. г. Имѣются только образцы рѣчи: Пѣсни 37 №№ и Сказка о дурнѣ. Записи довольно удовлетворительныя. 25) *А. Лещинскій*: М. Городище Новогр. у. Мин. губ. Кратенькій отвѣтъ. 26) *Л. Колотовкинъ*: Могильнянская волость Себежскаго уѣзда Витеб. г. Отвѣтъ непослѣдовательный. Образецъ рѣчи: притча о неудобствѣ частой смѣны волостныхъ писарей. 27) *А. Пщелко*: М. Орѣховно Лепельскаго уѣзда Витеб. губ. Отвѣтъ, хотя и небольшой, но довольно цѣнный. 28) *В. Покровскій*: Д. Чернея Себеж. у. Вит. г. Къ отвѣту приложено и нѣсколько образцовъ рѣчи. 29) *И. Кавцевичъ*: М. Любчъ Новогр. у. Минск. губ. Отвѣтъ цѣнный, но звуки переданы довольно неумѣло. Приложена сказка. 30) *М. Морозъ*: М. Юревичи Рѣчицк. у. Мин. г. И въ издаваемыхъ подъ моею редакціей „Матеріалахъ для изученія сѣверно-малорусскихъ говоровъ, а также переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ малорусскимъ“ (№№ 1 — 9) имѣются данныя и для сужденія о бѣлорусскихъ говорахъ. Особенно цѣннымъ является въ этомъ отношеніи № 9—отвѣтъ

А. Салтруковича: М. Шерешово Пруж. у. Гродн. г. Отвѣтъ провѣренъ мною на мѣстѣ въ поѣздку 1903 г. Его правильнѣе было бы помѣстить въ бѣлорусскихъ матеріалахъ.

Заканчивая перечисленіе моихъ работъ по живымъ бѣлорусскимъ говорамъ, слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ отрывкахъ изъ настоящей работы напечатанныхъ отдѣльно: „Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени“. (Могил. Г. В. 1902, № 8 и 9, и многія другія изданія въ Бѣлоруссіи, а также Извѣстія Отд. русс. яз. и слов. за 1902 г. № 3) и „Къ вопросу о вліяніи литовскаго и латышскаго языковъ на бѣлорусское нарѣчіе“ (Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову. Варш. 1902). Не мало замѣтокъ по бѣлорусскому нарѣчію можно найти и въ моихъ критическихъ отзывахъ о сочиненіяхъ Романова, Д.-Запольскаго, Федеровскаго, Шейна и др. Особенно много такого матеріала въ „Разборѣ этнографическаго труда П. В. Шейна: „Матеріалы...“ Спб. 1899 (Отчетъ о первомъ присужденіи премій П. Н. Батюшкова). 8° словарное, 85.

ГЛАВА VIII.

Очеркъ постепеннаго ознакомленія ученыхъ съ памятниками стараго западнорусскаго языка. Изученіе самаго языка.

Исторія русскаго языка должна съ полною справедливостью отнестись и къ этому второму двигателю культурныхъ интересовъ; не малая задача выпала на долю его, которую онъ исполнялъ при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ съ большимъ усердіемъ.

И. В. Ягичъ: Критич. замѣтки по исторіи русс. языка.

Указавъ въ предыдущемъ источники для знакомства съ живымъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, переходимъ къ перечисленію памятниковъ стараго западнорусскаго языка. Послѣдніе освѣтятъ исторію бѣлорусскаго нарѣчія; укажутъ, какъ оно постепенно переродилось до нынѣшняго своего состоянія. Этого вопроса отчасти уже приходилось касаться; было отмѣчено, напр., когда въ бѣлорусское нарѣчіе нахлынули обильнымъ потокомъ полонизмы; какъ литературный языкъ, которымъ говорилъ высшій классъ, началъ постепенно удаляться отъ народной рѣчи, оказывая на нее впрочемъ все же нѣкоторое вліяніе. Въ предыдущемъ (глава V) было указано, такимъ образомъ, что въ основѣ стараго западнорусскаго нарѣчія лежалъ живой бѣлорусскій языкъ, воспринявшій въ себя для болѣе точной передачи терминовъ права, особенно магдебургскаго, религіи и культуры вообще, не мало иностранныхъ словъ отчасти прямо отъ иноземцевъ, а больше при посредствѣ

польскаго языка. Этотъ языкъ одинаково употребляется въ Западной и Южной Руси; въ послѣдней, конечно, читали написанное на немъ на свой ладъ, по-малорусски, но вообще малоруссизмовъ на первыхъ порахъ въ него не вносили: они заходили постепенно, все болѣе и болѣе возрастая. Особенно при Петрѣ Могилѣ, когда центръ западнорусской образованности изъ Вильны былъ перенесенъ въ Кіевъ, малоруссизмы полились въ западнорусскій языкъ обильнымъ потокомъ. Кіевскій литературный языкъ этого времени уже не можетъ быть названъ западнорусскимъ; это былъ языкъ достигшій крайнихъ предѣловъ искусственности: кромѣ элементовъ малорусской рѣчи, въ него вошелъ еще новый притокъ польскихъ словъ, вслѣдствіе того, что защитники православія эпохи Уніи, желая дать возможно большее распространеніе своимъ произведеніямъ, обыкновенно писали ихъ на польскомъ языкѣ, а затѣмъ по привычкѣ вносили польскія слова и въ литературную русскую рѣчь. Въ это же время, благодаря развитію духовной образованности на западѣ и югѣ Россіи, появляется стремленіе усилить церковнославянскій элементъ въ литературѣ. Разные формы и обороты этого послѣдняго языка, иногда созданные по образцу западнорусскихъ, уже канонизуются грамматиками, напр., книгой Мелетія Смотрицкаго, вышедшей въ Евьѣ 1619 года (**Грамматики славе́нскиѧ правилнѣє Сѵнта́гма, потща́ніємъ многогрѣшнаго Мніха Мелє́тіа Смотри́скогѡ... въ Єві́ю**), которая стремится установить точныя рамки языку литературному. Ставъ до такой степени искусственнымъ, литературный языкъ того времени представлялъ уже очень мало ручательствъ за возможность своего дальнѣйшаго существованія. Церковнославянскій элементъ, нѣсколько обновившій его въ послѣднее время, началъ очищать его отъ польской примѣси и въ то же время сближать съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ еще больше подрывалъ его самостоятельное существованіе. Естественная гибель этого переродившагося западнорусскаго литературнаго языка была ускорена еще и политическими событіями того времени. Присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ усилило общеніе югозападной образованно-

сти съ сѣверовосточной; въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ опять связало югъ съ сѣверомъ; и хотя югозападные ученые и ихъ образованность появились въ Москвѣ и принесли нѣкоторую долю вліянія и въ русскій языкъ Московскаго государства, однако не могли противостоять сильному благозвучному московскому языку. Такимъ образомъ литературный русскій языкъ литовскаго государства, очистившись отъ полонизмовъ, въ концѣ концовъ вполнѣ сливается съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ. Это произошло тѣмъ легче, что на западѣ, въ Бѣлоруссіи, въ государственной жизни и въ наукѣ уже давно, какъ мы видѣли, западнорусскій литературный языкъ былъ вытѣсненъ польскимъ и латынью; лишь послѣ возсоединенія и этихъ областей съ общерусской жизнью въ концѣ XVIII вѣка, при Екатеринѣ II, и здѣсь началъ распространяться общерусскій литературный языкъ.

Для знакомства съ исторіей бѣлорусскаго нарѣчія конечно важны только тѣ старинные памятники, которые не носятъ на себѣ отпечатка малорусскаго нарѣчія; значитъ, только тѣ письменныя произведенія, которыя возникли, такъ сказать въ виленскій періодъ въ бѣлорусскихъ областяхъ, притомъ со стороны бѣлоруссовъ, или по крайней мѣрѣ лицъ, не вносящихъ въ литературную рѣчь малорусскихъ особенностей (напр., смѣшенія *ы* и *и*, *ѣ* и *и*, *о* и *у*).

Такъ какъ появленіе и распространеніе стараго западнорусскаго языка съ преобладающими элементами бѣлорусскаго нарѣчія относится главнымъ образомъ къ XIV, XV, XVI и XVII вѣкамъ—времени сравнительно не особенно отдаленному отъ насъ, то памятниковъ, носящихъ на себѣ слѣды этого нарѣчія, до насъ дошло очень много. Мы имѣемъ массу грамотъ и разныхъ актовъ, особенно судебныхъ, порядочное количество рукописныхъ книгъ—богослужебныхъ, библейскихъ, святоотеческихъ, лѣтописей, беллетристическихъ и т. п., а еще больше старопечатныхъ книгъ. По богатству стараго лингвистическаго матеріала западнорусское нарѣчіе занимаетъ первое мѣсто вслѣдъ за великорусскимъ, по части же старопечатныхъ книгъ оно даже превосходитъ послѣднее.

Главными хранилищами западнорусскихъ рукописей являются Виленскій Центральный архивъ и Виленская Публичная библіотека, а также Витебскій Центральный архивъ. Немало западнорусскихъ рукописей имѣется и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, Кіевскомъ Центральномъ архивѣ, въ Археографической комиссіи въ С.-Пбургѣ и др. хранилищахъ русскихъ и заграничныхъ. Въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ, кромѣ разныхъ грамотъ, собраны еще древнія актовыя книги губерній Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской съ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго года XVIII столѣтія; книги XVIII в. конечно на польскомъ языкѣ. Сколько разныхъ документовъ въ Виленскомъ архивѣ, видно изъ того, что только описанныхъ имѣется свыше 200000 (ср. Опись документовъ Вил. Центральн. Архива древнихъ актовыхъ книгъ. Вып. I. Вильна. 1901, стр. IV) [1]. Въ Витебскомъ Центральномъ архивѣ хранятся актовыя книги губерній Витебской и Могилевской также до конца XVIII столѣтія [2]. Московскій архивъ Мин. Юстиція хранитъ документы бывшаго архива Литовской Метрики. Много грамотъ, касающихся до сношеній западной Руси съ Ригой, хранится въ Рижскомъ городскомъ архивѣ. Виленская Публичная библіотека богата не столько старинными русскими грамотами и актами (такихъ произведеній въ ней около 75), а рукописными книгами самаго различнаго содержанія, съ примѣсью особенностей западнорусскаго нарѣчія, а иногда и на чистомъ народномъ языкѣ. Здѣсь собраны разныя рукописи, которыя уцѣлѣли отъ старины во всемъ западномъ краѣ: при церквахъ, монастыряхъ и въ частныхъ рукахъ; особенно много поступило ихъ изъ Супрасльскаго монастыря и Литовской духовной семинаріи. Ру-

---

[1]) Ср. еще Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгамъ нѣкоторыхъ судовъ губерній: Могилевской и Смоленской, хранящимся нынѣ въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ. 1872.

[2]) Центральный архивъ. Общая опись актовыхъ книгъ судебныхъ мѣсть Витебской губерніи, хранящихся въ центральномъ архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ губерній: Витебской и Могилевской (Витебск. Губ. Вѣд. 1865 г. № 25).

кописи Виленской Публ. библіотеки описаны — отчасти *Гильтебрандтомъ* въ книгѣ: „Рукописное отдѣленіе Виленской Публичной библіотеки“. Вып. I. Вильна. 1871, и особенно — *Ф. Добрянскимъ* въ книгахъ: „Описаніе рукописей Вил. Публ. библіотеки, церковнославянскихъ и русскихъ. Вильна. 1882“ и „Путеводитель по Вилен. Публ. библіотекѣ. Вильна. 1880 г.“ (здѣсь перечислены, между прочимъ, старинныя грамоты, хранящіяся въ библіотекѣ). Что касается западнорусскихъ рукописей, находящихся въ другихъ библіотекахъ, то на нихъ есть указанія въ соотвѣтствующихъ описаніяхъ собраній этихъ библіотекъ (ср. въ моемъ „Очеркѣ славянской кирилловской палеографіи. Варшава. 1901“, стр. 18—32). Спеціальные указатели этихъ рукописей сдѣланы а) *П. В. Владимировымъ* въ статьѣ: „Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII стол. Кіевъ. 1890“ (оттискъ изъ IV-ой книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“)—вмѣстѣ съ памятниками южнорусскими, и б) *мною* въ библіографическомъ очеркѣ: „Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Вильна. 1893“ (изъ „Трудовъ Виленскаго Отдѣленія Московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX Археологическаго съѣзда“), стр. 25—35. Въ обѣихъ названныхъ работахъ однако указаны далеко не всѣ рукописи западнорусскаго происхожденія. Грамоты въ большинствѣ случаевъ уже напечатаны въ разныхъ сборникахъ, издававшихся прежде и также издаваемыхъ теперь въ С.-Пбургѣ, Вильнѣ, Витебскѣ, Кіевѣ, Москвѣ и др. мѣстахъ; многое уже напечатано и изъ актовыхъ книгъ.

Переходя къ старопечатнымъ книгамъ, вышедшимъ изъ бѣлорусскихъ типографій, замѣтимъ, что Виленская Публ. библіотека ими не особенно богата; гораздо больше ихъ въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ; есть много ихъ и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Москвѣ въ Румянцевскомъ музеѣ. Подробное и обстоятельное описаніе ихъ вмѣстѣ съ другими старопечатными книгами сдѣлано у *И. Каратаева*: „Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ ки-

рилловскими буквами. Т. I съ 1491 по 1652 г. Спб. 1883" (изданіе И. Академіи Наукъ). Кромѣ самаго описанія каждой книги, здѣсь помѣщается еще и литература предмета—указатель статей о томъ или другомъ сочиненіи. Такъ какъ у Каратаева книги западнорусской редакціи не выдѣлены въ особую группу, то мною сдѣлана попытка составить ихъ списокъ, руководствуясь мѣстомъ ихъ изданія и языкомъ („Къ вопросу о разработкѣ...", 35—39). Довольно обстоятельный указатель книгъ библейскихъ, богослужебныхъ, святоотеческихъ, а также полемическихъ сочиненій на западнорусскомъ языкѣ, вышедшихъ съ XV по XVII стол. въ югозападной и западной Руси, находимъ въ статьѣ проф. *А. Архангельскаго*: „Очерки изъ исторіи западнорусской литературы XVI—XVII вѣковъ" (Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и др. росс. при Московскомъ университетѣ 1888, кн. I, стр. 51—55 и слѣд. въ выноскахъ). У Архангельскаго перечисляются также и нѣкоторыя рукописи, при чемъ къ западнорусскимъ относятся и югозападныя. Довольно подробный переченъ старинныхъ письменныхъ произведеній, рядомъ съ новѣйшими, притомъ не только на бѣлорусскомъ нарѣчіи, но и на малорусскомъ находимъ въ статьѣ *Ельскаго*: „Słówko o materyałach służących do badań gwary... białoruskiej" (Chwila 1886 № 17).

Такимъ образомъ изслѣдователю западнорусскихъ говоровъ древнѣйшаго времени приходится обращаться за матеріаломъ какъ къ рукописямъ, такъ и къ печатнымъ книгамъ. Данныя, извлеченныя изъ тѣхъ и другихъ, отличаются не одинаковымъ достоинствомъ. Преимущество, безъ сомнѣнія принадлежитъ рукописному матеріалу, хотя и въ печатныхъ книгахъ подчасъ можно найти не менѣе интересныхъ данныхъ. Въ рукописяхъ больше разнообразія, въ печатныхъ книгахъ больше послѣдовательности въ проведеніи тѣхъ или другихъ формъ. Какъ рукописи, такъ и старопечатныя книги не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе для изслѣдователя языка. Болѣе интересны тѣ, въ которыхъ народный элементъ преобладаетъ. Разсматривая въ этомъ отношеніи западнорусскіе памятники, мы видимъ, что всѣ они по своему языку распа-

даются на три разряда: а) грамоты, акты и вообще юридическіе памятники; б) сочиненія свѣтскаго и даже духовнаго содержанія съ преобладающими элементами народной рѣчи, часто съ нерѣдкими полонизмами; в) духовныя сочиненія, особенно богослужебныя книги, съ преобладающимъ церковнославянскимъ языкомъ.

Въ основѣ актоваго языка, вообще отличающагося своимъ однообразіемъ въ выраженіяхъ и пріемахъ рѣчи, лежитъ народное бѣлорусское нарѣчіе. Но писцы грамотъ и актовъ придали этому языку нѣкоторую искусственность, внеся въ него, хотя и не въ значительной степени, стихіи южнорусскую, церковнославянскую и польскую. Въ древнѣйшихъ грамотахъ эти стихіи почти незамѣтны, а со-временемъ онѣ становятся значительнѣе. Писаря западно-русской школы вырабатываютъ свои особые пріемы въ выраженіяхъ и даже въ орѳографіи. Хотя почти всѣ грамоты литовскихъ князей сходны между собою по языку, однако въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сказываются и особенности тѣхъ или другихъ мѣстъ: такъ грамоты, данныя въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ и Ригѣ, отличаются по языку (иногда почти незамѣтно) отъ грамотъ, писанныхъ въ Вильнѣ, Трокахъ, Минскѣ, Могилевѣ, Слуцкѣ, а эти послѣднія отъ грамотъ, выданныхъ, напр., въ Кіевѣ, Галичѣ, Перемышлѣ и др. южнорусскихъ городахъ. Естественно, что для большей доказательности выводовъ о законахъ западнорусскаго нарѣчія приходится довольствоваться лишь тѣми изъ грамотъ и актовъ, которые писаны въ районѣ, занимаемомъ нынѣшнимъ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Вполнѣ аналогиченъ языку грамотъ и актовъ и языкъ судебныхъ книгъ, а также статутовъ. Въ древнѣйшихъ произведеніяхъ онъ болѣе близокъ къ народному, въ болѣе позднихъ, какъ печатномъ Статутѣ 1588 г., въ значительной степени изобилуетъ полонизмами.

Произведенія свѣтскія, больше повѣсти и разсказы, часто съ апокрифической подкладкой, а иногда и переводы книгъ Священнаго Писанія „на простую молву"—также въ основѣ своей имѣютъ народную рѣчь, но какъ и юридическая письменность, не лишены подчасъ значительной примѣси полониз-

мовъ. Это особенно касается такихъ произведеній, которыя переведены съ польскаго и иногда католиками или же разными раціоналистами XVI в. (Евангеліе Тяпинскаго, повѣсти о страданіяхъ Господнихъ и поклоненіи 3-хъ королей и т. д.). Значительно чище языкъ тѣхъ свѣтскихъ произведеній, которыя не переводились съ польскаго, а съ древнерусскаго или церковнославянскаго, не говоря уже о самостоятельныхъ работахъ. Такъ очень чистымъ языкомъ писаны разныя западнорусскія лѣтописи, апокрифы, переписанныя съ ц.-славянскихъ оригиналовъ (Литовская лѣтопись въ рукописномъ сборникѣ Авраамки, сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи библіотеки гр. Красинскихъ и др.).

Данныя по языку, извлеченныя изъ богослужебныхъ и библейскихъ книгъ, изслѣдователями языка иногда ставятся ниже матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ грамотъ и актовъ, изъ „живого источника языка“. Мнѣ кажется, что такое отношеніе къ источникамъ перваго рода невполнѣ основательно. Конечно переписчики книгъ Св. Писанія и богослужебныхъ большею частью держались традиціонной ороографіи и только изрѣдка допускали ошибки въ пользу живого произношенія, такъ что современному изслѣдователю языка ихъ произведеній приходится быть крайне осторожнымъ, чтобы не смѣшиватъ древняго съ новымъ и чтобы въ дѣйствительныхъ опискахъ не видѣть какихъ-либо живыхъ особенностей. Но вѣдь и лица, писавшія княжескія грамоты и другіе юридическіе акты, также учились по богослужебнымъ и священнымъ книгамъ и, несомнѣнно, старались подражать имъ въ своихъ трудахъ; мало того, и здѣсь установилось въ нѣкоторомъ родѣ традиціонное письмо, были даже общія формулы для извѣстнаго рода произведеній и образовались школы письма. Поэтому и изслѣдователь юридическихъ произведеній находится не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ занимающійся изученіемъ языка книгъ св. писанія и богослужебныхъ; съ другой стороны, этотъ послѣдній, при умѣломъ отношеніи къ дѣлу и достаточномъ знакомствѣ съ изслѣдуемымъ предметомъ, и въ книгахъ св. писанія и богослужебныхъ сумѣетъ найти немало интересныхъ дан-

ныхъ. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно книгъ этого рода, явившихся въ западной Руси. Мы уже имѣли случай говорить, что церковнославянскій языкъ для простого народа и даже для многихъ людей „ученыхъ и богобойныхъ“ былъ здѣсь малопонятенъ; вслѣдствіе этого уже съ самаго начала подпаденія западно-русскихъ областей подъ власть Литвы и Польши стали распространяться переводы церковныхъ книгъ и проповѣдей на народный языкъ; эти книги читались не только мірянами, но даже духовенствомъ. Такимъ образомъ, занимающійся изученіемъ исторіи бѣлорусскихъ говоровъ въ этомъ отношеніи находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ изслѣдователь, напр., великорусскаго нарѣчія.

Собираніе и изученіе произведеній стараго западнорусскаго языка началось собственно со второй половины XIX столѣтія, то-есть тогда же, когда обратили вниманіе и на живую народную бѣлорусскую рѣчь. Однако разныя нужды болѣе юридическаго характера заставляли обращаться къ соотвѣтствующимъ памятникамъ уже въ концѣ XVIII в. Вопросы филологическаго характера, собираніе матеріаловъ для польскаго словаря въ началѣ XIX ст. заставили коснуться мимоходомъ и языка нѣкоторыхъ юридич. западнорусскихъ памятниковъ, напр., Литовскаго Статута 1588 г. Изученіе русской старины въ первой четверти прошлаго столѣтія, въ эпоху гр. Румянцова, не могло не распространиться и на западный край. Но особенно много сдѣлано для собиранія и обнародованія западнорусскихъ памятниковъ въ эпоху трехъ дѣятелей по Вилен. Учебному Округу: И. П. Корнилова, П. Н. Батюшкова и Н. А. Сергіевскаго. Западнорусскія произведенія, находящіяся въ другихъ мѣстахъ, также понемногу стали извѣстны и доступны ученому міру.

Какъ и естественно ожидать, первыми стали обнародываться разныя собранія грамотъ и актовъ. По времени появленія они располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Zbiór praw y przywilejów miastu stołecznemu W. X. L. Wilnowi nadanych. Przez *Piotra Dubińskiego*, burmistrza Wileńskiego. W Wilnie 1788. Изданіе имѣетъ мало цѣны, такъ какъ всѣ русскія грамоты изданы латиницей.

2. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ (въ 4 частяхъ). Москва. 1813—1828. Тутъ, кромѣ позднѣйшихъ, напечатано и 5 грамотъ болѣе древнихъ, однако не по оригиналамъ, а по копіямъ.

3. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ протоіерея *І. Григоровича*. Ч. I. Москва. 1824. Здѣсь три грамоты XV вѣка, но всѣ онѣ напечатаны по болѣе позднимъ копіямъ.

4. Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи археографическою экспедиціею Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1836. Тутъ напечатано 6 западнорусскихъ грамотъ XV в.

5. Образцы древней письменности *И. Сахарова*. Этотъ сборникъ снимковъ судебнаго письма XII—XVIII в., составленный въ 1841 г. и тогда попавшій въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ частныя руки, пущенъ въ продажу въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ только въ наше время. Въ немъ также даются снимки нѣсколькихъ грамотъ, имѣющихъ отношеніе и къ западнорусскому нарѣчію.

6. Zbiór praw litewskich od roku 1389. do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544. do roku 1563. Poznań. 1841. Собраніе сдѣлано *Дзяльнньскимъ*. Стараго (до 1500 г.) мало и то напечатано больше по копіямъ и притомъ латиницей. Въ концѣ изданія имѣется 2 листа снимковъ съ западнорусскихъ рукописей („Права писаные даны па̄ствꙋ...“ „ѿказъ ѿ гдрѧ...“ 1544 г.).

7. Акты историческіе, собранные и изданные археографическою коммиссіею (въ 5 томахъ). Спб. 1841—1842 г. Западнорусскія грамоты лишь кое-гдѣ, напр. № 42, 1448—1452 г., но по копіи XVI в.

8. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильно, Ковно, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по раз-

нымъ предметамъ. Вильно. 1843. Изъ грамотъ XV в. заслуживаютъ вниманія здѣсь только 4.

9. Книга посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго; издана по порученію Императорскаго московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ кн. *М. М. Оболенскимъ* и проф. *И. Даниловичемъ*. Москва. 1843. 2 тома.

10. Грамоты и акты Минской губерніи. Собраны по церковнымъ архивамъ минскимъ губернаторомъ *А. В. Семеновымъ*. Минскъ. 1846.

11. Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммиссіею. 5 томовъ. Спб. 1846—1853. Здѣсь напечатано между прочимъ 24 древнѣйшихъ западнорусскихъ грамотъ и актовъ.

12. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Минскъ. 1848.

13. Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверозападной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV в.; найдены въ Рижскомъ архивѣ *К. Э. Напьерскимъ* и изданы Археографическою коммиссіею (съ 8 литографированными снимками). Спб. 1857. Изъ грамотъ, имѣющихъ отношеніе къ бѣлорусскому нарѣчію здѣсь напечатано 4.

14. Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній (отъ 1387—1710 г.), изданное Виленскою археографическою коммиссіею подъ редакціей *Мавр. Круповича*. Ч. I. Вильно, 1858. Другое заглавіе на польскомъ языкѣ. Болѣе старыхъ грамотъ только двѣ [1]).

15. Архивъ югозападной Россіи, изданный Временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Ген.-Губернаторѣ. Кіевъ. 1859—1893. Грамотъ на

---

[1]) Тутъ слѣдуетъ упомянуть о собраніи *Даниловича*: Skarbiec dyplomatów papiezkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych... do wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi litewskiéj... 2 т. Wilno. 1860—1862. Здѣсь впрочемъ только изложеніе на польскомъ языкѣ содержанія разныхъ документовъ.

западнорусскомъ нарѣчіи мало (ср. т. VI); изданы онѣ по копіямъ изъ „Метрики“ и писаны не въ бѣлорусскихъ областяхъ.

16. Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографическою коммиссіею. Т. I по XI. Спб. 1863—1879. Въ первомъ и второмъ томахъ мѣстами изъ западной Руси помѣчено 9 древнѣйшихъ грамотъ и актовъ.

17. Нѣсколько западнорусскихъ грамотъ напечатано въ извѣстныхъ трудахъ *И. И. Срезневскаго*: а) Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV в.). Спб. 1863 г. (съ приложеніемъ палеографическихъ снимковъ). Бѣлорусскія грамоты вошли и во 2-ое изд. снимковъ (Спб. 1898 г.); б) Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867; в) Славянорусская палеографія XI—XIV в. Спб. 1885. Здѣсь разсмотрѣно письмо нѣкоторыхъ западнорусскихъ грамотъ.

18) Документы, объясняющіе исторію западнорусскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ. Спб. 1865. Изданіе С.-Петербургской Археографической коммиссіи. Въ предисловіи на русскомъ и французскомъ языкахъ „Историческое изслѣдованіе о Западной Россіи“. Напечатано здѣсь всего 24 документа на разныхъ языкахъ; но они взяты изъ прежнихъ изданій (напр., Актовъ Зап. Россіи №№ 100 и 155; „Шкриптъ Синоду Берестейского и протестація“ изъ „Апокрисиса“. Вильно. 1597); приложена и этнографическая карта, но очень плохая.

19. Акты, издаваемые коммиссіею, Высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. Съ III-го тома заглавіе нѣсколько измѣнено: Акты, издав. Виленскою Археографическою коммиссіею. Въ послѣднихъ томахъ заглавіе: Акты издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Вильна, 1865 — 1902 г. I — XXIX томовъ. Въ нихъ содержатся матеріалы больше XVI — XVII вѣковъ, главнымъ образомъ акты земскихъ и гродскихъ судовъ. Древнѣйшихъ актовъ мало (ср. XI и XIII т.).

20. Тою же Виленскою Археографической комиссіей вы-

пущены отдѣльныя изданія, содержащія въ себѣ также массу матеріала и для характеристики западно-русскаго нарѣчія, именно:

а) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ въ б. Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, съ присовокупленіемъ грамотъ и привилегій на входы въ пущи и на земли. Григорія Воловича. 1559 г. Вильна, 1867 г.

б) Ревизія Кобринской экономіи. 1563 г. Вильна, 1876 г., 1 снимокъ.

в) Писцовая книга Гродненской экономіи (XVI столѣтія) въ двухъ частяхъ. Ч. I. Вильна, 1881 г., ч. II. 1882 г.

г) Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ древнихъ грамотъ и актовъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ Архивѣ и Виленской Публичной Библіотекѣ. Вып. I (1432—1548 гг.). Вильна, 1874 г. in folio стр. VIII + 45 + XXX листовъ снимковъ (59 номеровъ).

Изъ перечисленныхъ изданій особенно замѣчательно послѣднее, дающее палеографическіе снимки съ древнихъ грамотъ; изъ нихъ 3 съ документовъ XV вѣка.

21. Памятники дипломатическаго и судебнодѣлового языка русского въ древнемъ Галицко-володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ съ XIV и XV столѣтія. *Я. Головацкій* („Науковый Сборникъ", 1866 г., ч. I, 36—56). Западнорусскихъ грамотъ тутъ впрочемъ мало.

22. Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латинопольской народности къ русской вѣрѣ и народности. 2 вып. Вильно. 1867 г. Отдѣльный оттискъ изъ „Вѣстника Западной Россіи" *Говорскаго*. Изданіе очень неважное; акты больше въ переводѣ.

23. Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. I—XII. Вильна. 1867—1900. Въ разныхъ томахъ напечатано и нѣсколько болѣе древнихъ документовъ (17 №№).

24. Грамоты великихъ князей литовскихъ съ 1390 по

1569 гг. собраны и изданы подъ редакціею *Влад. Антоновича* и *Конст. Козловскаго.* Кіевъ. 1868 (изъ „Универс. Извѣстій“ 1868 г., №№ 4—9).

25. Русско-ливонскіе акты, собранные *К. Напьерскимъ* Изд. Археографич. коммиссіей. Спб. 1868 г. Здѣсь много древнѣйшихъ грамотъ Полоцка, Смоленска, Витебска, Риги и др.: XIII—XV вв. 23 №№.

26. **Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy Pospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego w Lwowie w skutek fundacyi śp. Alexandra hr. Stadnickiego wydane staraniem Galicyjskiego wydziału krajowego. T. I—XVI. We Lwowie. 1868 — 1894.** Актовъ на западнорусскомъ нарѣчіи здѣсь не мало, но они писаны больше въ югозападной Руси и поэтому не имѣютъ прямого отношенія къ нашей цѣли.

27. Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губ. Витебской и Могилевской, хранящихся въ Центральномъ архивѣ въ Витебскѣ и изд. подъ ред. архиваріуса сего архива *Созонова* (др. редакторы *Веревкинъ* и *Довгялло*). I—XXIX т. Витебскъ. 1871 — 1901. Матеріалы болѣе поздняго времени и нѣкоторые на польскомъ языкѣ.

28. Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіей. Спб. 1872—1894 г. Т. I—XV. Западнорусскіе матеріалы имѣются только во II, IV и VII томахъ.

29. Витебская Старина. Составилъ и издалъ *А. Сапуновъ.* Т. I. Витебскъ. 1883 г., т. IV. 1885 г., т. V. 1888. Въ этомъ изданіи къ историческимъ изслѣдованіямъ приложены разнаго рода грамоты и документы, относящіеся къ исторіи края (болѣе 400 №№). Съ древнѣйшихъ грамотъ и печатей имѣются и литографич. снимки.

30. **Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, wydane nakładem właściciela pod kierownictwem *Z. L. Radzimińskiego.* We Lwowie. T. I — IV. 1887 — 1890.** Много грамотъ, имѣющихъ отношеніе и къ языку зап. Руси.

31. Акты Литовской Метрики. Собраны *Ѳ. И. Леонтовичемъ.* Томъ I. Вып. 1 (1413 — 1498), вып. 2 (1499 — 1507). Варшава. 1896—1897. Изданіе воспроизводитъ Варшавскую

копію (послѣдней четверти XVIII вѣка) Литовской Метрики, сдѣланную польскимъ письмомъ и слѣдовательно далеко не точную въ отношеніи языка. Проф. Леонтовичъ реставрировалъ эту копію, переведя ее на русское письмо, но не сравнилъ съ оригиналомъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, вслѣдствіе чего въ языкѣ оказалось множество неточностей (ср. отзывъ М. Довнара-Запольскаго въ Журн. Мин. Н. Пр. за 1896 г.). Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства данныя, извлеченныя изъ разсматриваемаго изданія могутъ имѣть лишь нѣкоторую цѣну для морфологіи, синтаксиса и словаря, но не для фонетики.

32. Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Т. I. Москва. 1897. Большой томъ въ 538 страницъ убористой печати, не считая указателей; составленъ подъ редакціей *М. Довнара-Запольскаго* и посвященъ актамъ Литовской Метрики, обнимающимъ время съ 1441 г. почти до конца XVI в. Изданіе ведено очень умѣло, даже съ соблюденіемъ палеографическихъ особенностей оригинала. Около 150 документовъ можетъ быть отнесено къ опредѣленнымъ годамъ XV вѣка (ср. Введеніе, IX—XII).

Тѣмъ же *М. Довнаръ-Запольскимъ* изданы „Акты Литовско-русскаго государства". Вып. 1 (1390 — 1529). М. 1900 (изъ „Чтеній въ Общ. ист. и др. росс." за 1899), представляющіе тоже перепечатку актовъ Литовской Метрики.

Описаніе книгъ и актовъ Литовской метрики сдѣлано *С. Пташицкимъ* (Спб. 1887).

33. Архивъ Полоцкой Духовной консисторіи. *А. Сапуновъ* (Древности. Труды Археографической комиссіи Московскаго Археологическаго общества. Т. I (1898 г.), вып. 2, стр. 531—588, вып. 3, стр. 467—490; т. II (1900 г.), вып. 1, стр. 125—146). Тутъ лишь перечисляются документы съ указаніемъ языка, на которомъ они написаны.

34. Литовско-русскій сеймъ. *М. Любавскій*. Въ приложеніи къ этому изданію (1—232 стр.) напечатаны соотвѣтствующіе акты изъ Литовской Метрики („Чтенія въ Общ. и. др. росс." 1901, № 4).

Въ перечисленныхъ изданіяхъ напечатаны тысячи западнорусскихъ документовъ разнаго времени. Если прямо изъ этихъ изданій извлекать лингвистическіе матеріалы, то не всѣ они будутъ имѣть одинаковую цѣнность. Предпочтеніе должно быть отдаваемо тѣмъ, которые можно почерпнуть изъ снимковъ (а таковые, какъ мы видѣли, имѣются въ изданіи Напьерскаго, Срезневскаго, Сапунова, Сахарова и нѣк. др.). Что касается матеріаловъ, заключающихся въ печатныхъ изданіяхъ, то къ нимъ слѣдуетъ относиться всегда съ нѣкоторой осторожностью, такъ какъ редакторы печатныхъ изданій грамотъ и актовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ старательно заботились о сохраненіи фонетическихъ и палеографическихъ особенностей издаваемыхъ ими памятниковъ: всюду замѣчается однообразіе въ языкѣ и письмѣ, плодъ слишкомъ усерднаго карандаша корректора. Интересное въ этомъ отношеніи замѣчаніе читаемъ въ предисловіи къ изданію грамотъ, найденныхъ Напьерскимъ (Спб. 1857 г.): „Коммисія не могла вдаваться въ палеографическій и филологическій разборъ текстовъ, основываясь на томъ, что ея изданія предназначены не столько для филологовъ, сколько для настоящихъ историковъ“ (стр. I). Такое откровенное замѣчаніе читаемъ въ сравнительно лучшемъ изданіи; что же сказать о другихъ? Хорошо еще, если издатели поступали подобно редакціи собранія грамотъ Напьерскаго, которая, по внимательномъ ихъ разсмотрѣніи, „убѣдилась, что при изданіи грамотъ не довольно имѣть въ виду лишь однихъ историковъ, и рѣшилась издать нѣкоторыя изъ грамотъ въ литографированныхъ снимкахъ, какъ вѣрный матеріалъ для русской палеографіи и филологіи“ (предисл., II). Почти единичное исключеніе изъ принятой системы изданій грамотъ и актовъ представляетъ книга, редактированная М. Довнаромъ-Запольскимъ: „Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи“. „Общее правило“, говоритъ онъ: „котораго держался издатель при передачѣ текста памятниковъ, состояло въ томъ, чтобы напечатать текстъ оригинала вполнѣ точно. Въ виду этого правописаніе памятниковъ тщательно соблюдалось“. При печатаніи древнѣйшихъ документовъ „приняты были всѣ мѣ-

ры къ тому, чтобы съ помощью типографскихъ средствъ дать представленіе о палеографическихъ особенностяхъ Метрики" (Предисловіе, XXII).

Но все же и самыя лучшія изданія и палеографическіе снимки не въ состояніи замѣнить оригиналовъ: только данныя, извлеченныя изъ нихъ, отличаются полной надежностью и научной цѣнностью. Поэтому необходимо перечислить по крайней мѣрѣ древнѣйшіе западнорусскіе документы (до конца XV в.) съ указаніемъ мѣста ихъ храненія и изданія. Въ случаѣ памятникъ напечатанъ нѣсколько разъ и притомъ по оригиналу, на основаніи сравненія его изданій мы можемъ судить и о точности его воспроизведенія. Въ нижеслѣдующемъ спискѣ указываются только главнѣйшія изданія тѣхъ или другихъ памятниковъ.

1. Договорная грамота смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ 1229 г. Рижскій город. Архивъ. Тутъ же и другая редакція памятника. Грамота издавалась нѣсколько разъ: Собраніе Гос. грам. и догов. (II т. № 1), Русско-ливон. акты (и приложеніе № 1), Разныя христоматіи, Витеб. Старина Сапунова I, 15. Литографскимъ способомъ издана у Сахарова табл. XI и XII (другая редакція).

2. Договоръ неизвѣстнаго смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ около 1230 г. Изданъ Срезнев. въ Древн. пам. р. п. и языка, 223—225, и въ Русс.-лив. актахъ въ приложеніи № 2.

3. Грамота литов. кн. Герденя (витебскаго и полоцкаго) 1264 г. (Сохранилась въ копіи XIII—XIV в.). Риж. гор. Архив. Грамоты, касающ. до сношеній... Напьерскаго; Витеб. Стар. Сапун. I, 19.

4. Грамота полоцкаго князя Изяслава около 1265 г. (Сохранилась въ копіи XIII—XIV в.) Риж. гор. Архивъ. Издана Напьерскимъ въ „Грамотахъ", Сапуновымъ въ „Витеб. Старинѣ" I, 21.

5. Грамота смоленскаго князя Ѳеодора Ростиславича въ Ригу 1284 г. *Риж. г. Арх. Собр. гос. гр. и дог. (II № 3)*, Др. памятн. р. п. и яз. Срезн. (238), у Сахарова табл. IV.

6. Грамота смоленскаго князя Θеодора Ростиславича о колоколѣ 1284 г. Риж. г. Архивъ. Напеч. въ „Грамотахъ“ Напьерскаго и Русс.-ливон. актахъ, № 37.

7. Грамота смоленскаго князя Александра Глѣбовича въ Ригу около 1297 г., когда онъ былъ княземъ въ Смоленскѣ. Риж. г. Арх. Изд. въ „Грамотахъ“ Напьерскаго и Русско-ливон. актахъ, стр. 23.

8. Грамота рижскаго архіепископа смоленскому кн. Θеодору 1281—1297 г. Риж. г. Арх. Изд. Напьерскимъ въ „Грамотахъ“ и Русско-лив. акт., стр. 17—18. Витеб. Ст. I, 22.

9. Грамота полоцк. еп. Іакова въ Ригу около 1300 г. Риж. г. Архивъ. Изд. въ „Грамотахъ“ Напьерскаго.

10. Грамота рижанъ къ витебскому кн. Михаилу Константиновичу объ обидахъ около 1300 г. Риж. г. Архивъ. Напеч. у Срезневскаго въ Др. пам. р. п. и яз. (240—241) и слав.-русс. палеогр. (229—230), а также Сапун. въ Вит. Стар. I, 22.

11. Договоръ смолен. кн. Ивана Александровича съ Ригою около 1330 г. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Собр. гос. гр. и дог. (II, № 8). Сахаровъ. т. V.

12. Договоръ Полоцка съ Ригой около 1330 г. Риж. г. Архивъ. „Грамоты“ Напьерскаго и Русс.-лив. акты.

13. Договорная грамота литовскорусскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ и мазовецкими князьями 1349 г., когда Казимиромъ былъ заключенъ миръ съ Литвою. Главн. Архивъ Царства Польскаго, № 673. Изд. въ Акт. Зап. Россіи, I № 1, въ „Сборникѣ др.-русс. памятниковъ“ А. Смирнова, стр. 58, и мною въ статьѣ: „Два древнѣйшихъ русскихъ документа Главнаго архива Царства Польскаго въ Варшавѣ“ (Древности. Труды Археогр. ком. Имп. Москов. Арх. общ. Т. I, вып. 3, 1899 г.).

14. Данная Юрія Болковича Лаврішевскому м-рю повелѣніемъ кн. Михаила Кгедеминовича, около 1350 г. Вписана въ Евангеліе, принадлежавшее нѣкогда Чарторыскимъ, нынѣ Имп. Публич. библ. (Востоковъ, Описаніе рук. Рум. музея, 124).

15. Купчая и мѣновая грамота Олехна Ромашковича и

подтвердительная на нихъ вел. кн. Ольгерда Литовскаго около 1350 г. (Востоковъ: Описаніе рук. Рум. муз., 117).

16. Вкладная грамота княгини Юліаніи, супруги Ольгерда, церкви Успенья въ Озерищахъ около 1377 г. Вписана на поляхъ въ Евангеліи XIV в. Имп. Публ. б. Изд. въ Акт. Зап. Россіи, I № 5.

17. Жалованная грамота вел. кн. литов. Александра-Витовта Кестутіевича Василію Карачовскому 1386 г. Писана въ Полоцкѣ. Инст. гр. Оссолинскихъ во Львовѣ. Изд. въ Акт. Зап. Россіи, I № 6.

18. Договорная грамота смоленскаго князя Юрія Святославича съ Владиславомъ, королемъ польскимъ и вел. кн. Скиргайломъ 1386 г. Писана въ Вильнѣ. Архивъ Чарторыскихъ. Изд. въ Archiwum Sanguszków, I, 3—4, и Русс. истор. библ., II, 7.

19. Вкладная грамота вел. кн. Димитрія-Корибута Ольгердовича Лавришевскому м-рю 1386 г. Акты Зап. Россіи, I № 7.

20. Договорная грамота смоленскаго князя Юрья Святославича и др. съ королемъ Владиславомъ и съ Скиргайломъ 1386 г. Издана по списку съ подлинника въ Актахъ Южн. и Зап. Россіи, II, стр. 102—103, и въ Русс. истор. библ., II, 7.

21. Грамота Владислава, короля польскаго, литов. и русск., князю Скиргайлу 1387 г. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Изд. у Срезнев. въ „Др. пам. р. п. и яз.", 266—267, и у Сахарова, т. XIII.

22. Условіе Панки, слуги королевскаго, съ княземъ Скиргайломъ отъ 1387 г. Музей Чарторыскихъ, 292.

23. Грамота кн. Дмитрія Корибута на вѣрность Владиславу 1388 г. Писана въ Краковѣ. Архивъ Чарторыскихъ. Archiwum Sanguszków, I, 10.

24. Грамота кн. Дмитрія Ольгердовича о вѣрности польскому королю Владиславу 1388 г. Писана въ Молодечнѣ. Подлинникъ въ библіотекѣ Красин. въ Варшавѣ. Изданія: у Головацкаго въ Науков. Сборн. 1866, I, 36, въ Вил. Вѣстн. 1886 г. № 45, въ Собр. актовъ Круповича, въ Свѣд. и зам. Срезневскаго, LIII, 213 стр.

25. Клятвенная грамота кн. Семена Лыгвенія Ольгердовича королю Владиславу 1389 г. Писана у Судомири. Имп. Публ. библ. Изд. въ Акт. Зап. Росс., I № 10.

26. Грамота вел. кн. Витовта кн. Андрею Василу по поводу спора его съ Свидригайломъ 1390 г. Временникъ, III, смѣсь, 5—6.

27. Поручная запись кн. Свидригайлу князей и пановъ западнорусскихъ за Гридка Константиновича около 1392 г. Подлинникъ въ Литов. Метрикѣ (Срезневскій). Моск. Арх. Мин. Юст. Акты Южн. и Зап. Россіи, I № 2.

28. Поручная запись рязанскаго князя Олега Ивановича польскому королю Владиславу 1393 г. Писана въ Переяславлѣ, но на западнорусс. языкѣ. Архивъ Чарторыскихъ. Акты Южн. и Зап. Россіи, II № 67. Archiwum Sanguszków, I, 16.

29. Привилегія Мстиславскаго князя Лугвенія (Ольгердовича) дворному Костюшкѣ Валюжиничу 1393 г. Акты изд. Вил. Археогр. ком. XIII.

30. Грамота вел. кн. Владислава Ягеллы 1394 г. Писана въ Краковѣ. Архивъ Чарторыскихъ. Archiwum Sanguszków, I, 17.

31. Грамота полоцкаго князя Ярослава Изяславича полоцкому Борисоглѣбскому м-рю 1396 г. Хранится въ этомъ м-рѣ. Напечатана у Срезневскаго. Древн. р. пам. п. и яз.[2], 282.

32. Обмежеванье спорныхъ земель Лавришевскаго м-ря по приказанію Витовта 1398 г. Акты изд. Вил. Арх. ком., XI. Хотя это копія, однако при ней въ изданіи сдѣлана слѣдующая замѣтка: „этотъ документъ, за исключеніемъ знаковъ препинанія, въ виду его древности, напечатанъ съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи, въ какомъ видѣ она представляется въ актовой книгѣ“.

33. Грамота вел. кн. литовскаго Витовта на имя рижскаго бургомистра Никтиборга 1399 г. Риж. г. Архивъ. Издана въ Собр. гос. гр. и дог., II № 14; Русс.-лив. акты (№ 122, стр. 94—95), Сахаровъ, т. XV № 18.

34. Жалованная грамота полоцкаго вел. князя Андрея Ольгердовича полоцкому Троицкому м-рю до 1399 г. Вписана

въ древнее Евангеліе XIII—XIV в., стр. 128. Имп. Публ. б. Собр. Погодина № 12. Издана въ Актахъ Зап. Россіи, I № 13, и у А. И. Соболевскаго: Смол.-пол. говоръ, 16 (Р. Ф. В., XV).

35. Жалованная грамота вел. кн. литов. Витовта вилен. кононикамъ 1399 г. Въ Спбѣ въ Римско-Катол. дух. акад. Въ „Вѣстникѣ Европы" 1828 г., № 22, помѣщенъ снимокъ, взятый у Лелевеля: „**Dodatek do pisma Daniłowicza o katalogu biblioteki Tołstowa. O Dyplomatyce Ruskiej**". Изд. въ Акт. Зап. Россіи, I № 15.

36. Вкладная кн. Анофрія полоцкому Предтеченскому м-рю около 1399 г. Въ Еванг. И. Публ. б. XIV в. F. I. 17, л. 144 об. Напеч. въ Актахъ Зап. Россіи, I № 14, у Головацкаго, у Срезнев. Древн. пам.

37. Грамота вел. кн. литов. Витовта о раздѣлѣ озера Исета 1399 г. Архивъ Вил. Капитула. Акты Зап. Россіи, I № 16. Сахаровъ, т. XV.

38. Двѣ записи на имѣнія Лавришевскому м-рю XIV в. Акты южн. и зап. Россіи, II № 64.

39. Вкладная Ивана Никоновича XIV в. Еван. XIII—XIV в. И. Публ. б. Собр. Погод. № 12, л. 128 б. Издана А. И. Соболевскимъ. Р. Ф. В., XV, 15.

40. Вкладная Андрея Даниловича XIV в. Еван. XIII—XIV в. Им. Публ. б. Собр. Погод. № 12, л. 35 об. Издана А. И. Соболевскимъ Р. Ф. В., XV, 14.

41. Грамота Монтигирда, намѣстника полоцкаго около 1400 г. Риж. г. Архивъ. Русско-лив. акты (№ 134, стр. 104).

42. Присяжная грамота заславскихъ князей польскому королю Владиславу 1401. Акты Зап. Россіи, I № 19.

43. Присяжная грамота Юрія Давыдовича польск. кор. Владиславу 1401. Акты Зап. Россіи, I № 20.

44. Грамота полочанъ въ Ригу 1404 г. Собр. гос. гр. и дог. II № 16, Русс.-лив. акты, № 152, стр. 118—119.

45. Торговый договоръ Риги съ Полоцкомъ 1405 г. Русс.-лив. акты, № 153, стр. 119.

46. Договоръ полочанъ съ рижскимъ магистромъ 1405 г. Русско-лив. акты, № 154, стр. 120.

47. Отступная Запись Гридьки Дружиловича еп. пол. Өеодосію на земли къ церкви пресв. Богородицы 1406 г. Археогр. Сборн., I № 1, Витеб. Стар. I, 26.

48. Договоръ Полоцка съ Ригой 1407 г. Акты, собр. Акад. Н., № 16; Русс.-лив. акты, № 164, стр. 129—131.

49. Отрывокъ торговаго договора Полоцка съ Ригой около 1407 г. Русс.-лив. акты, № 165, стр. 131—132.

50. Грамота кн. Ивана Семеновича, полоцк. намѣстника, къ магистру въ Ригу 1409 г. Русс.-лив. акты, № 172, стр. 137—138.

51. Грамота жителей г. Полоцка 1414 г. Собр. гос. гр. и дог., II № 16. Сахаровъ, т. XVII № 21.

52. Грамота 1417 г. игумена Пересопницкаго м-ря, писанная въ Слуцкѣ (Несвижскій архивъ кн. Радзивиловъ).

53. Грамота Витовта княгинѣ Аннѣ 1428 г. Писана „в новегородце". Munimenta ducum in Ostrog. Archiwum Sanguszków, I, 29.

54. Статутъ польскаго короля Владислава II Ягеллы Ольгердовича 1420 — 1423. Въ нѣкоторыхъ частяхъ напечатанъ по стариннымъ спискамъ. Акты Зап. Россіи, I № 27.

55. Договорная грамота рязанскаго князя Ивана Өеодоровича съ литов. вел. кн. Витовтомъ 1430 г. Акты, собр. Акад. Наукъ, № 25.

56. Договорная грамота пронскаго князя Ивана Владимировича съ лит. велик. княземъ Витовтомъ 1430 г. Акты, собр. Акад. Н., № 26.

57. Грамота Сигизмунда 1432 г. 23 сент. Собр. др. грам. и акт. 1843 г., I. Вилен. палеограф. снимки № 1.

+ 58. Грамота Сигизмунда 1432 г. 27 сент. Собр. др. грам. и акт. 1843 г., I. Вилен. палеограф. снимки № 2.

59. Жалованная грамота кн. Свидригайлы Л. Зарубичу 1433 г. Археогр. сб. VII.

60. Жалованная грамота вел. кн. Свидригайлы Тимоөею Богушу 1438 г. Акты Зап. Россіи, I, № 37.

+ 61. Грамота вел. кн. Казимира 1440. Собр. др. гр. и акт. 1843, I.

62. Жалованная грамота Казимира Ягеллона. Дана въ Вильнѣ. 1442 г. Собраніе актовъ Круповича, № 19.

63. Судебныя рѣшенія и акты, относящіеся къ спорному дѣлу между Круповичами и Бастунями — I, II, III, IV и V — 1444 г. Акты Южн. и Зап. Россіи, I № 22.

64. Грамота вел. кн. Казимира Могилевскимъ мѣщанамъ 1447 г. По копіи. Акты Южн. и Зап. Россіи, I № 26.

+ 65. Грамота кн. Казимира Могилевскимъ боярамъ половины XV в. Бѣлор. Архивъ Григоровича.

66. Посланіе м-та Іоны польскому королю Казимиру IV 1450 г. Акты, собр. Акад. Н., I № 49.

67. Жалованная грамота вел. кн. Свидригайлы Ольгердовича 1450 г. Археогр. Сборн., VII.

68. Актъ продажи земли съ угодьями въ Волковыйской волости Яномъ Корѣйвой Ядуговичемъ церкви св. Станислава. „Псанъ у Вилни". 1451 г. Акты Южн. и Зап. Россіи, II № 71.

69. Грамота Казимира Ягеллончика пану Мишку 1452 г. Писана въ Вильнѣ. Archiwum S., I, 47.

70. Жалованная грамота кн. Михаила Пеструцкаго Черейскому м-рю и Мисаилу, еп. Смоленскому, 1454 г. Археогр. Сб. II.

✓ 71. Грамота слуцкаго князя Михаила Александровича боярину Василію Царю 1455 г. Акты Зап. Россіи, I № 56.

72. Жалованная грамота кн. Юрія Лынгвеневича 1455 г. Археогр. Сб., VII.

73. Грамота вилен. воеводы Михайлы Кезгайловича 1455 г. Археогр. Сб., VII.

74. Посольскія рѣчи короля Казимира рязанскому князю Іоанну Ѳеодоровичу 1456 г. Акты Зап. Россіи, I № 58.

75. Жалованная грамота кн. Юрія Лынгвеневича 1456 г. 3 мая. Археогр. Сб. VII.

76. То же 1456 г. 14 іюня. Археогр. Сб. VII.

77. То же 1456 г. 28 іюня. Археогр. Сб. VII.

78. Уставная грамота Казимира жителямъ Полоцка около 1456 г. Акты Зап. Россіи, I № 60.

79. Грамота Казимира Андрею Ѳедьковичу 1456 г. Акты Зап. Россіи, I № 59.

80. Привилей Казимира 1457 г. По кодексу Дзялыньскаго издань въ Zbiór praw litewskich..., 28, и въ Актахъ Зап. Россіи, I, 73—75: Жалованная грамота кор. Казимира.

81. Грамота Олехна Довойновича женѣ Васкѣ 1459. 8 Вилни. Munimenta ducum in Ostrog. Archiwum S., I, 52.

82. Жалованная грамота мстислав. князя Іоанна Юрьевича полоцкому Софійскому собору 1458—1459 г. Акты Зап. Росс., I № 62.

\+ 83. Духовная князя Мстиславскаго Ивана Юрьевича 1463 г. Бѣлор. Архивъ Григоровича.

84. Грамота короля Казимира г. Ковну 1463 г. Срезнев. Свѣд. и зам., X.

85. Грамота полочанъ въ Ригу 1465 г. Русско-лив. акты.

86. Грамота полоцкаго намѣстника Мих. Олехнова рижскому бурмистру 1465 г. Русс.-лив. акты, № 250, стр. 203—204.

87. Судебникъ короля Казимира Ягелловича, данный Литвѣ 1468 г. Рукоп. Румянц. муз. № 232. Впервые латиницей напечатанъ у Дзялыньскаго (1492 г.), 36, а затѣмъ въ Акт. Зап. Россіи, I № 67 (Рукопись XVI в. Кормчая; судебникъ въ концѣ рукописи).

88. Право продажное отъ Михаила Яновича пану Якову Корыбановичу на имѣніе Воложинъ. 1470 г. Акты Южн. и Зап. Россіи, II № 74.

89. Грамота бояръ и намѣстника полоцкаго Олехнова рижскому бурмистру 1470 г. Русс.-лив. акты № 259, стр. 225—226.

90. Договорная грамота кор. Казимира IV съ Новымъгородомъ 1470—1471 г. Акты, собр. Акад. Н., № 87.

91. Актъ разграниченія угодій между владѣніями бискупа и каноников виленскихъ 1474. Акты Южн. и Зап. Россіи, II № 75.

92. Грамота бояръ и мѣщанъ полоцкихъ г. Ригѣ 1475 г. Русс.-лив. акты, № 263, стр. 231.

93. Грамота отъ бояръ и мѣщанъ полоцкихъ г. Ригѣ 1476 г. Русско-лив. акты, № 264, стр. 232.

94. Грамота Яна Кучука Ваську Любичу 1477 г. Ꙋ Троцах. Munimenta ducum in Ostrog. Archiwum S., I, 73.

95. Грамота Ивашка Илинича Ваську Любичу 1477 г. Ꙋ Троцех. Munimen. duc. in Ostr. Archiwum S., I, 74.

96. Договорная грамота полочанъ съ Ригою 1478 г. Акты, собр. Акад. Н., № 106, Русс.-лив. акты, № 265, стр. 233—235.

97. Жалованная грамота Александра Ходкевича 1480 г. Археор. Сб., VII.

98. Грамота Казимира Ягеллончика Мартину Гаштовтовичу 1481 г. Ꙋ Вилни. Архивъ Чарторыскихъ. Archiwum S., I, 78.

99. Грамота кн. Михаила Васильевича Збараскаго 1482 г. Оу Вилни. Въ инстит. Оссолинскихъ во Львовѣ. Archiwum S., I, 79.

100. Грамота договорная короля Казимира съ князьями Воротынскими, Одоевскими и др. 1483 г. Акты Зап. Россіи, I № 80.

101. Грамота кн. Михаила и Константина Ивановичей Острожскихъ 1486 г. Ꙋ Вилни. Munim. duc. in Ostr. Archiwum S., I, 84.

102. Посольство польскаго короля Казимира къ вел. кн. Московскому Іоанну Васильевичу 1486. Акты Зап. Россіи, I № 88.

103. Жалованная грамота кн. Софіи Зубревицкой и Маріанны Трабской 1486 г. Археогр. Сб., VI.

104. Жалованная грамота слуцкой княгини Анны слуцкому м-рю 1489 г. Акты Зап. Россіи, I № 94.

105. Челобитная русскихъ князей къ цареградскому патріарху о благословеніи на кіевскую митрополію полоцкаго еп. Іоны 1488—1489 г. По копіи XVI в. Ср. Сборн. Вил. Публ. б. № 262 (по Добрянскому), листъ 134 об. Археогр. Сборн., I.

106. Грамота Петраша Фоминича Федку Григоревичу 1490 г. Ꙋ Вилни. Munim. duc. in Ostr. Archiwum S., I, 90.

107. Грамота Казимира Ягеллончика Федку Григоревичу 1490. Ꙋ Вилни. **Munimen. d. in Ostr. Archiwum S., I, 91.**

108. Грамота Федка Богдановича Хребтовича 1491 г. В Менску. **Munim. d. in Ostr. Archiwum S., I, 95.**

109. Грамота Василія Воловича съ братомъ Львомъ 1491. Ꙋ Ставкове. **Munim. d. in Ostr. Archiwum S., I, 96.**

110. Жалованная грамота слуцкой княгини Анны слуцкому Троицкому м-рю 1492 г. 10 апр. Акты Зап. Росс., I № 98.

111. То же 1492 г. 31 мая. Акты Зап. Р., I № 99.

112. Грамота кор. Александра, данная Олехну Глозынѣ 1492 г. Археогр. Сб., III.

113. Рѣшеніе жмудскаго старосты по дѣлу о куничникѣ Трумнѣ 1492 г. (копія). Археогр. Сб., III.

114. Грамота Петраша Фоминича Любича 1492 г. Ꙋ Вилни. **Munimenta d. in Ost. Archiwum S., I. 99.**

115. Грамота кн. Александра 1492 г. В Менску. **Munim. d. in Ostr. Archiwum S., I, 100.**

116. Привилей жомоитскій отъ короля Александра 1492 г. Изъ Литов. Метрики. Дзялыньскій, 67.

117. Грамота Ивашка Яцковича 1493 г. Ꙋ Вилни. **Munim. d. in Ostr. Archiwum S., I, 100.**

118. Грамота Александра Яцку Василевичу 1493 г. В Троцох. У Чапскаго въ Станьковѣ. **Archiwum S., III, 24.**

119. Грамота Александра панѣ Васковой Павловичевой 1494 г. Оу Троцех. У Чапскаго въ Станьковѣ. **Archiwum S., III, 27.**

120. Грамота кн. Александра Ягеллончика 1495 г. В Вилни. Литов. Метр. **Archiwum Sang., I, 102.**

121. Листъ Константина Острожскаго 1497 г. Археогр. Сб., I.

122. Записъ Криштофа Клишовскаго 1497 г. Археогр. Сб., I.

123. Жалованная грамота короля Александра 1499 г. Ꙋ Вилни. Бѣлор. Арх. Григоровича. **Munimenta d. in Ostr. Archiwum S., I, 117.**

124. Актикація жалованной грамоты Константина Острож-

скаго Виленскому Пречистенскому собору 1499 г. Археогр. Сб., VI.

125. Грамота полочанъ въ Ригу конца XV в. Русс.-лив. акты, № 278, стр. 241.

126. То же конца XV в. Русс.-лив. акты, № 279, стр. 242. Вит. Стар., I, 28.

127. Письмо одного полоцкаго начальника рижскому магистрату конца XV в. Русс.-лив. акты, № 266. Витеб. Стар., I, 30.

128. Грамота Василія Дмитріевича изъ Полоцка въ Ригу конца XV в. Русс.-лив. акты, № 280, стр. 242—243.

129. Грамота второй половины XV в. безъ точной даты. Вилен. палеогр. снимки, № 3.

Изъ юридическихъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ отмѣчу лишь немногіе, повидимому, не вошедшіе въ перечисленныя изданія. Нѣкоторыя изъ нихъ и совсѣмъ не напечатаны. Именно:

130. Западнорусская грамота 1516 г. Библіотека Импер. Варш. универс. (папка 7, 3, 63). Ср. мой „Очеркъ слав. кир. палеографіи", 436 и 486.

131. Грамота Стефана Баторія 1 марта 1581 года, данная Василію Немирѣ въ подтвержденіе правъ его на владѣніе сельцами Головенчицы, Теплое и Любаны. Изд. Е. Романовымъ. Могил. Губ. Вѣд. № 42, 1899 г.

132. Западнорусская грамота 1613 г. Библіотека Имп. Варш. ун. (папка 7, 3, 63). „Очеркъ слав. кир. палеографіи", 448 и 487—488.

133. Старый литовскій статутъ 1529 г. По копіи съ рукописи XVII в., хранившейся въ б. Виленской Академіи, и съ варіантами изъ Дзялыньскаго, напечатанъ въ „Временникѣ Имп. московскаго Общества исторіи и др. россійскихъ". Кн. 18. Москва 1854 г. 1—106 + XVI.

134. Статутъ Великого Князьства Литовского 1566 года и поправы статутовыя 1578 г. Напеч. во Временникѣ, кн. 23, II (Матеріалы). 1—242. М. 1855 г. По списку Рум. муз.

№ 412, сдѣланному Василіемъ Усовичемъ, кіевскимъ городскимъ писаремъ.

135. Западнорусская рукопись 1562 г. „Реестръ роздаванья пенезей“. Библ. И. Варш. Унив. Ср. Очеркъ сл. кир. палеографіи, 444 и 487.

136. „Попись войска земъского великого князъства Литовъскаго, которые збиралися за уфалою сойму городенского... передъ его милостию паномъ гетманомъ паномъ Григоріемъ Александровичомъ Ходкевича... черезъ служебника его милости Стефана Ѧкимовича списано“. Подлинная книга 1564 г. въ Несвижѣ у Радзивиловъ. Ср. Отчетъ С. Пташицкаго въ Отчетѣ Отд. р. яз. и сл. А. Н. за 1901, XXXVII.

137. Реестръ гражданъ Могилева за 1636 г. (ср. описаніе рукописи въ Могилев. Губ. Вѣд. за 1902 г. № 66).

Большинство изъ перечисленныхъ въ настоящемъ отдѣлѣ памятниковъ уже изучались въ отношеніи языка А. И. Соболевскимъ („Смоленско-полоцкій говоръ“), Недешевымъ („Историческій обзоръ“) и мною („Къ исторіи зв. и формъ бѣл. р.“), но многіе еще ждутъ своего изслѣдователя; да и изученныя произведенія нуждаются въ болѣе тщательномъ пересмотрѣ, при томъ по оригиналамъ, а не изданіямъ, какъ это дѣлалось въ прежнее время. Нельзя полагаться и на литографированные снимки, такъ какъ и они часто невполнѣ сходны съ оригиналами, какъ это показало мое наблюденіе надъ снимками *Стрончинскаго*: Wzory pism dawnych w przepisach wystawione i objaśnione drukowaném ich wyczytaniem. W Warszawie. 1839 (Тутъ и два снимка съ западнорусскихъ грамотъ 1349 г. [№ 90] и 1510 г. [№ 80]).

Кромѣ грамотъ, актовъ и вообще произведеній юридической письменности на западнорусскомъ нарѣчіи сохранилось еще много разныхъ рукописей, содержащихъ въ себѣ, во-первыхъ, различныя духовныя сочиненія, какъ-то: книги Священ-

наго Писанія ветхаго и новаго завѣтовъ, богослужебныя, творенія св. отцовъ, поученія, произведенія полемической литературы, отреченныя книги; далѣе, лѣтописи и, наконецъ, чисто свѣтскія сочиненія, какъ рыцарскія повѣсти и разныя сказанія. Всѣ указанные роды и виды произведеній, дошедшіе до насъ въ западнорусскихъ спискахъ, по характеру своего языка распадаются на двѣ категоріи. Въ однихъ преобладающимъ является церковнославянскій языкъ русскаго извода, и лишь изрѣдка (впрочемъ не во всѣхъ памятникахъ въ одинаковой степени) сказываются тѣ или другія особенности западнорусскаго нарѣчія, каковы: смѣшеніе *е* и *ѣ*, *в* и *у*, употребленіе *е* вм. *а* (ѧ), *а* вм. *о*, *р* твердаго вмѣсто *р* мягкаго, *жч* и *дч* вм. *жд* и нѣкоторыя другія; въ другихъ произведеніяхъ употребляется почти чистый народный языкъ, въ который лишь изрѣдка проникаютъ формы ц.-славянскія и польскія; польскій элементъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ этого рода впрочемъ довольно силенъ. Такія произведенія обязаны своимъ происхожденіемъ большею частью разнымъ ересямъ, появившимся въ XVI вѣкѣ въ западной Руси, а также и нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Какъ бы то ни было, эта вторая категорія рукописей особенно интересна для изслѣдователя языка, хотя и въ первомъ отдѣлѣ ихъ также можно найти немало матеріала.

Признаки западнорусскаго нарѣчія сказываются въ рукописяхъ, начиная уже съ XIII вѣка и продолжаются до конца XVIII столѣтія. Однако, въ виду того, что съ появленіемъ грамматики Мелетія Смотрицкаго въ 1619 году постепенно установились особые пріемы и нормы для языка, мы ограничимъ свой перечень рукописныхъ памятниковъ, а также старопечатныхъ книгъ только концомъ XVI вѣка и началомъ XVII; изъ времени позднѣйшаго отмѣтимъ лишь болѣе замѣчательныя по языку произведенія.

Не всѣ рукописи имѣютъ опредѣленныя даты: вѣкъ нѣкоторыхъ, а также мѣсто написанія приходится опредѣлять по палеографическимъ примѣтамъ и языку.

Свое обозрѣніе расположимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

1. Псалтырь слѣдованная 1296 года, писанная Захаріей „на Волоцѣ“ (Моск. Син. библ. № 13). Проф. А. И. Соболевскій (Лекціи по исторіи русс. яз [2], 15) допускаетъ возможность считать этотъ памятникъ западнорусскимъ. Въ языкѣ его, дѣйствительно, встрѣчаются нѣкоторыя типическія западнорусскія черты (дъ*жч*ѣвьнъімъ, *в*добь, *в*ъмлкоша, п*о*пелъ, ищ*а*зають, к*р*ви — нѣсколько разъ); но есть и черты новгородскія (свѣд*и*тели), что и естественно, если принять во вниманіе, что писецъ писалъ „оуже прї старости емоу бъівъшоу“ въ новгородской области. Происхожденія онъ, вѣроятно, былъ западнорусскаго (ср. Ягичъ: Четыре критико-палеогр. статьи, 87). Другія свѣдѣнія объ этой псалтыри у Ѳ. И. Буслаева: „Матеріалы для исторіи письменъ“ (Юбилейное изданіе Моск. университета 1855 г.), 23—29, и у Горскаго и Невоструева: Опис. р. Син. б. М. 1855, 181—186. При разсмотрѣніи текста означенной псалтыри однако можно замѣтить, что въ общемъ онъ представляетъ „типъ русскаго списка псалтыри“ (В. Срезневскій: „Древній славянскій переводъ псалтыри“. Спб. 1877, 50—51).

2. Евангеліе 1317 г. (библіотеки И. Академіи Наукъ № 2), „можетъ быть западнорусское“ (Лекціи[2] Соболев., стр. 15 и 189). На западное его происхожденіе между прочимъ указываетъ способъ обозначенія порядковыхъ числительныхъ, на латинскій ладъ, въ припискѣ: „въ лѣто. ҂з҃. н о ю . в о с м ь с о т н о ю . и к҃е. списанъі бъіша книгъі сиꙗ рабоу бж҃ию... пантелеимоноу мартъіновичю“ (ср. Очеркъ слав. кир. палеографіи, 225). Еска Поповичъ, писецъ этого евангелія, вообще правильно выдерживаетъ русское правописаніе: мѣстная особенность—смѣшеніе *у* и *в* (оу словѣхъ или оу строкахъ), употребленіе дв*а*надцать (два на десяте кошниць, 62). Ср. Востокова: Филол. наблюд., 192—193.

3. Евангеліе 1329 года, принадлежавшее когда-то Лавришевскому м-рю (Минск. г.) (библіотеки Чарторыскихъ въ Краковѣ: ср. Первольфъ—Отчетъ 1883 г. въ Варш. Универс. Изв. 1883 г. № 2, стр. 23—24). Изъ западнорусскихъ особенностей

можно отмѣтить *уз* вм. *вз* (оузлежащихъ с нимь, нѣ оусхотѣ), *в* вм. *у* (всѣченоу).

4. Псалтырь XIV, рукопись на пергаменѣ Императ. Публ. библіотеки (F. I. 2). Въ концѣ рукописи (л. 335 б) находится приписка: „В лѣ ѕ... ное ѳс... ное лѳе сию книгоу дала раба бжиа оульяна нарепаꙗ во иночьско житьи елена црькви чю стго архангла михаила на поминокъ... гноу своемоу кназю великом глѣбѹ смоленьскомоу и мнѣ инокинѣ еленѣ. и нашимъ дѣтемъ“... Изъ этой замѣтки можно видѣть, что въ XV вѣкѣ рукопись находилась въ предѣлахъ Смоленской области; но есть и нѣкоторыя лингвистическія данныя, заставляющія относить эту рукопись къ области западной Руси; таковы, напр., формы: *вчинъ* (= учини) 21, нѣсть *доже* и до единого 28б (если не описка — указаніе на аканье, хотя впрочемъ въ „*доже*“ можно видѣть до + же; въ видѣ **доже** это слово нерѣдко въ разныхъ древнихъ рукописяхъ какъ церковнославянскихъ (**Miklos. Lexic.**, 169) такъ и древнерусскихъ, напр. въ Мстислав. Евангеліи), искоущии зла мънѣ глаша поустошьнаꙗ 85; другія особенности, въ родѣ: бгословлю 30б, зем*ьл*ѧ 32б, 37б, 98, въ конц*ь* (accus.) вьселенꙑю 42 и др., имѣютъ общій характеръ; чередованіе, какъ ѡцѣсти и очисти 104б (пс. 50), наблюдается и въ печатныхъ западнорусскихъ псалтыряхъ. Къ западнорусскимъ произведеніямъ относятъ эту псалтырь также проф. А. И. Соболевскій (Кіевскія Университетскія извѣстія 1887 г., май, 53) и Владимировъ (Обзоръ... 16).

5. Мстижское Евангеліе XIV в. (Вилен. Публ. библ. № 2 по описанію Добрянскаго). Въ концѣ приписки XVI вѣка читаемъ: „Зъ Менска Василей Микитичъ Лахъ, бурмистръ мѣста Менского, до Мстижи до Юрья светого отдалъ до храма божьяго“. На него дѣлаетъ ссылки въ своихъ „Лекціяхъ“ и проф. Соболевскій. Въ выдержкахъ, приведенныхъ у Добрянскаго (6—8) западнорусскихъ особенностей мало: смѣшеніе *ѣ* и *е* (мрежа, ꙗди, преста), что бываетъ и въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ; нѣкоторыя отличія въ словарѣ (а и вм. тогда, мрꙗ). Но есть и особенности новгородскія (свѣд*и*тель-

ства); повидимому, Мстижское Евангеліе переписано западнорусскомъ съ новгородскаго оригинала.

6. Сборникъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря 1483 года (Петровъ, II, № 439). На оборотѣ 168 листа приписка: „Книга зовомаѧ Притони. Васка писарѧ пана Миколаа Рави-ловича, в лѣт ҂з҃цч҃а“. Бѣлорусскія особенности въ орѳографіи и языкѣ встрѣчаются въ разныхъ статьяхъ, но вообще рѣчь славянорусская.

7. Минея мѣсячная, мѣсяцы мартъ и апрѣль 1487 г. (Вилен. Публ. библіотеки, № 161 по Описанію Добрянскаго). Въ концѣ рукописи (183 л.) въ послѣсловіи читаемъ: „Изволися написати сіа книгы, рекомы минеи мартъ съ априлем в лѣт ҂з҃цч҃е. При державѣ королѧ польскаго Казимира, великаго кнѧѕѧ литовьскаг. А повелѣніемъ и желаніемъ пана Солтана, королѧ его млости маршалка литовьскаго... Роукою многогрѣшнагѡ и гроубаго діака Сенка родом Смолнѧнина“ (ср. Добрянскій, 287).

8. По замѣчанію Добрянскаго (Описаніе, 287 № 161 въ концѣ), тѣмъ же почеркомъ, что и выше отмѣченная минея, написана и Минея мѣсячная, мѣсяцы январь и феврал XV в. (ср. Добрянскій, Описаніе, 285 № 156).

9. Западно-русская Четья 1489 года (Археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи). Какъ видно изъ приписки (л. 286 на обор.), „списана быт кнїга сиѧ... въ градѣ оу камѧнци. при великомъ короли. андрѣи. В лѣт ҂ѕ.ц.ѐчз (= 6997, ц.е = девѧтисотное). индикта. въ з... А пса сїю книгоу нѣхто с. березка з новагорока с литоско поповичъ“..., разсматриваемая четья писана западноруссомъ въ южнорусскомъ городѣ; по всей вѣроятности, съ южнорусскаго оригинала. Это предположеніе подтверждается и языкомъ памятника: рядомъ съ особенностями такъ называемаго галицко-волынскаго извода, знающаго, напр., *ѣ* вм. *е* въ извѣстныхъ случаяхъ (вес*ѣ*лие, кам*ѣ*ние, ж*ѣ*ньскии, св*и*детельствуетъ, пересм*и*ханьѩ и т. д.), встрѣчаемъ и самыя выдающіяся бѣлорусскія особенности, какъ аканье (пр*а*щаетъ, вч*а*рашнии, мол*а*ньѩ, вясло), *е* вм. *я* светого, завезалъ, терпечи), смѣшеніе *ѣ* и *е* (беда, слепой),

слогъ *ръ* (задрыжа҇, крывава), смѣшеніе *у* и *в* (*оу*дова, *в*жасайсѧ), группа *жч* (до*жч*ю), такія слова, какъ борздо, и т. п. Ср. изслѣдованіе языка этой четьи, сдѣланное *М. Карпинскимъ* въ Русс. Фил. Вѣстн., XXI, 59—106. Это одинъ изъ выдающихся памятниковъ стараго западнорусскаго нарѣчія; слѣдуетъ пожелать, чтобы и вторая часть его (съ 288 л.) также подверглась изслѣдованію. Въ статьѣ Карпинскаго, кромѣ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей памятника, разсмотрѣнъ и лексическій составъ его (стр. 76—84) и даже напечатано полностью „сказаниє, страсть и похвала с҃тыхъ моу҃ни҇. борисѧ. и глѣба“ (стр. 87—106). Нѣкоторыя интересныя замѣчанія относительно этой рукописи даны въ „Обзорѣ“ Владимирова (стр. 18—19).

10. Поученія Ефрема Сирина 1492 г. (Импер. Публ. б. Собранія Погодина № 71а). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что этотъ памятникъ, быть-можетъ, относится и къ болѣе раннему времени (ср. мой Очеркъ слав. кир. палеографіи, 464—465), отмѣтимъ вслѣдъ за А. И. Соболевскимъ (Очерки изъ исторіи русскаго языка, Кіевъ, 1884, стр. 50—58, 85), что въ этомъ памятникѣ, хотя и въ ничтожной степени сказывается вліяніе бѣлорусскаго нарѣчія: пр*а*славить, Іосиф*ава*, обр*а*щеть. Можно прибавить, что къ числу такихъ же примѣтъ въ немъ принадлежитъ еще смѣшеніе *ѣ* и *е* (повел*е*ниє, теб*е*), *е* и *и* (пиш*и*ть, раду*и*ться), и нѣкоторыя другія особенности, общія и галицко-волынскому говору: *жч*, смѣшеніе *у* и *в*. Даже такая особенность, свойственная преимущественно южнорусскимъ памятникамъ, какъ прѣльстят*и* и, находитъ для себя полную аналогію въ бѣлорусскихъ говорахъ Могилев. губ., гдѣ 3-ье лицо ед. и мн. ч. на *-ти* довольно обычное явленіе. Повидимому, переписчикъ Ефрема Сирина 1492 г., южноруссъ по происхожденію, имѣлъ передъ глазами западнорусскій оригиналъ.

11. Толковая псалтырь библіотеки Кіево-Печерской лавры, № 4 основного каталога (ср. Н. Петрова: „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, вып. II, № 11). Рукопись написана въ Витебскѣ, что можно видѣть

изъ слѣдующей записи: В лѣ҃ ҂з҃ списана бы҃ сиѧ книга рукою многогрѣшно҃ раба б҃жиѧ ѡртемьѧ дꙗка („артемиѧ" зачеркнуто) рекомаѧ ѱлтрь толкованаѧ. а списана бы въ гра҃ витебьску м҃ца марта на похвальной недели въ г҃і д҃нь". По словамъ Петрова, „рукопись XV вѣка и, судя по числительной буквѣ ҂з҃, писана до семитысячнаго года отъ сотворенія міра или до 1492 года отъ Р. Х.". Западнорусскія особенности больше сказываются въ правописаніи. Вотъ отрывки изъ 1-го псалма: „Бл҃жнъ мѹжь иже нейдеть на светъ нечтивыихъ. и на пѹти грѣшнїи҃ не ста и на седалищи҃ губитель нѣ сѧдеть... Нъ въ законнѣ г҃не волѧ в законе его поѹучить д҃нь и нощь"... То же слѣдуетъ сказать относительно мѣны *е* и *ѣ*: всехъ 150 л., теломъ, к тобе і҃в., заповедь 326, притерпевши 127 и др. Но есть и черты, изобличающія особенности живыхъ говоровъ: *аканье* —п*а*чинающи 254б, на с*а*веты бесовскиѧ 184б; смѣшеніе *ч* и *ц*: кль*ц*аше и кль*ч*аша, такова же черта—есми 124; еще отмѣтимъ: богат*е*ство 124, стре*х*ущи бо вoi хр҃та 184, стре*х*ущи гробъ 184б и т. д. (Ср. мою работу „Западнорусскіе переводы псалтыри", 26).

12. Прологъ, мѣсяцы мартъ - августъ, 1496 г. (Вилен. Публ. библ. № 100 по Описанію Добр., стр. 198—199). Въ послѣсловіи читаемъ: „сл҃а съвръшителю Б҃у съвръшившему книгѹ сію въ лѣт ҂з҃д... а желаніе҃ пана Со҃тана Со҃тановича намѣстника бѣ҃ска҃".

13. Симеона новаго Богослова творенія XV в. (Вилен. Публ. библіотеки № 72 по Опис. Добр., стр. 92—95). Какъ видно изъ позднѣйшихъ приписокъ въ книгѣ, она все время обращалась въ зап. Руси; и въ языкѣ кое-гдѣ сказываются особенности западнорусскихъ рукописей: смѣшеніе *е* и *ѣ* (в мир*е*, повел*е*вающій, теб*е* соущу, съд*е*ваеть), *ы* послѣ шипящихъ (вожделѣвшы, хощешы), *и* вм. *е* (Сем*и*она рядомъ съ Симъѡна); даже чисто ороографическіе пріемы выдаютъ западнорусское происхожденіе рукописи (бл҃жнѹства, достоинѹствѡ).

14. Кирилла Іерусалимскаго огласительныя и тайноводственныя поученія и житіе св. Іоанна Златоустаго XV в. (Вилен. Публ. биб. № 70 по Опис. Добр., стр. 90—92). При-

мѣты западнорусскаго нарѣчія: смѣшеніе *е* и *ѣ* (первое и пѣрвое, целомоудрия, ѡ дсѣ сте҃), *е* вм. *а* (памети), *в* вм. *у* (повченіе рядомъ съ поученіе); „юоучение со҇мое", вѣроятно, слѣдуетъ читать по-бѣлорусски: п—іе со҇моіе.

15. Патерики азбучный и іерусалимскій, съ разными прибавленіями, XV в. (Вилен. Публ. б. № 85 по Описанію Добр., стр. 151—159). Западнорусскія особенности языка: смѣшеніе *е* и *ѣ*—довольно рѣдкое (Ефрема и Ефрѣма, о кротцей и страшнѣй, знамение Хера); форма мѣстнаго на *у* (ѡ аввѣ Аманаѳан*у*, Марк*оу*, ѡ Андроникꙋ среброродавцꙋ, о аввѣ Орсисію), замѣна мѣстнаго творительнымъ у именъ прилагательныхъ (ѡ прокаженны҃, о Іѡаннѣ Киликійскымъ, ѡ неимоущимъ); имен. именъ прилаг. ед. ч. на *ъг* (презвитеръ Нитрійскъг).

16. Повченіе на Рождество Христово и Сказаніе о Богородицѣ XV вѣка (въ концѣ сборника № 309 Собранія гр. Уварова по Описанію Леонида).

17. Собраніе словъ поучительныхъ XV в. (М. Публ. и Рум. муз. № 406). По замѣчанію Востокова (Описаніе рук. Рум. муз.), „правописаніе русское, перемѣшанное съ болгарскимъ по употребленію ж-са". Изъ особенностей языка отмѣтимъ: мѣсопотами҃ска҃, влѣтеша, пооуче҃е, ни в кого же, вътѣхоу, ѳлагалище, оу водоу.

18. Историческій сборникъ XV вѣка (Московскаго архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ), содержащій между прочимъ хронику Іоанна Малалы и Лѣтописецъ русскихъ царей. Сборникъ этотъ изслѣдованъ *И. Срезневскимъ* въ „Свѣдѣніяхъ и зам.", LXXXIV, *Калайдовичемъ* въ работѣ объ Іоаннѣ, экзархѣ Болгарскомъ 1824 г., стр. 99, 100, 178—188, въ предисловіи къ изданію лѣтописца Переяславля Суздальскаго кн. *М. Оболенскаго* въ 1851 г., и въ Обзорѣ хронографовъ Русской редакціи *А. Н. Попова*, въ 1866 г. Подробное изслѣдованіе сборника сдѣлано арх. *Леонидомъ* въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1889 г. № 4 и слѣд. Имѣя въ виду, что въ той части сборника, гдѣ дается переводъ хроники Малалы, имѣется сказаніе о Совіи съ кое-какими припоминаніями изъ миѳологіи литовской, Срезневскій находитъ возможнымъ допустить, что

разсматриваемый сборникъ „трудъ Русскаго труженика, работавшаго, вѣроятно, въ западной Руси“ (стр. 139). Что касается языка сборника, то и здѣсь западнорусскія особенности также попадаются. Приводимъ нѣсколько примѣровъ по выдержкамъ у Срезневскаго и по „Обозрѣнію Лѣтописца Переяславскаго. Особенности языка“ (Ученыя Зап. 2 Отд. Ак. Н., кн. I), а также по моему изслѣдованію части этого сборника по изданію Оболенскаго: „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“ (ср. Къ исторіи зв. и ф. бѣл. рѣчи, 126—169): аканье (Любяча, мачясѣ), *е* вм. *а* (*Е*рослава, кыенѣ, пов*е*заша), смѣшеніе *в* и *у* (въмираетъ, в него, оу Киевъ), смѣшеніе *е* и *ѣ* (ѡ снѣ єго Сиѳе, начя пръвеє, хлевця), твердость *р* (брычь, мор*а*), нѣкоторыя отдѣльныя слова западнорусскаго происхожденія (вси эди его дрыгахоуся, пазнокти, подлъгъ мора, не рачи никто дати своея дщере, слотѣ бывши, оутеканїемъ конскымъ).

19. Лѣтопись великихъ князей литовскихъ XV вѣка (библіотеки гр. Уваровыхъ, поступила отъ И. П. Сахарова). Тутъ, кромѣ такъ называемой литовской лѣтописи (л. 1—76), имѣется еще „Летописецъ о великомъ князѣ Московъскомъ како далеки отъ рода Володимерова“; „А се епископы, елико в Роуси соуть“ (об. л. 76—79); наконецъ, „Летописецъ отъ великого князя Володимеря Кіевского“ (л. 80—107). Языкъ этого памятника изслѣдованъ *мною* въ работѣ: „О языкѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей“. Варшава. 1894 (Варш. Унив. Извѣстія 1894 г., № II), однако не по оригиналу, а по изданію „Лѣтопись великихъ князей литовскихъ“. А. Н. Поповъ. Спб. 1854 (изъ I кн. Ученыхъ Записокъ 2 Отд. Акад. Н.). Я считалъ вполнѣ безопаснымъ положиться на изданіе Попова въ виду его заявленія: „Рукопись печатается буква въ букву... Соблюдено правописаніе рукописи“ (VI—VII). Памятникъ этотъ одинъ изъ лучшихъ для знакомства съ западнорусскимъ языкомъ: тутъ сравнительно незначительное количество полонизмовъ; мѣстами проглядываетъ стремленіе къ употребленію ц.-славянскихъ словъ и оборотовъ и желаніе подражать складу древнерусскихъ лѣтописей. Повидимому, съ подобнаго спи-

ска сдѣланъ польскій переводъ литовской лѣтописи, въ настоящее время принадлежащій *Александру Станисл. Хоминскому* (Вилен. губ. Свенц. у., имѣніе Ольшевъ).

20. Лѣтописный сборникъ XV вѣка, именуемый лѣтописью Авраамки (Виленской Публичной библіотеки, не вошелъ въ Описаніе Добрянскаго). На листѣ 436—436б читаемъ: В лѣт. ҂ꙁ҃г. напи҃с на бы҃с сі҃а книга г҃лемый лѣ҃тписецъ въ граде смолеѣ҃ск. при дръжав҃ѣ вели҃ко кн҃зѧ алексан҃дра изволеніе҃мъ бж҃іи҃м. и повеленіе҃м гн҃а вл҃кы е҃пп҃а смоленъского. їоси҃ф рꙋкою многогрѣшна҃г раба бж҃іа авраа҃мъка. Такимъ образомъ часть сборника (1—336 л.) написана не позже 1495 года. Да и конецъ рукописи (437—450), хотя и писанный другимъ почеркомъ, долженъ быть отнесенъ къ тому же времени, такъ какъ особый полууставъ послѣднихъ листовъ, переходящій въ скоропись, сказывается въ киновари и раньше, уже начиная съ листа 218. Главныя части сборника слѣдующія: а) лѣтописный сводъ новгородскаго происхожденія (1—313 б); б) лѣтописный отрывокъ, сходный съ редакціей Софійскаго временника (314—365); в) перечень русскихъ князей, какъ въ коммисейскомъ спискѣ Новгородской 1 лѣтописи; юридическій сборникъ; опять родословныя князей и списокъ митрополитовъ (365—437); г) сборникъ заканчивается (437—450) краткой литовской лѣтописью. Весь разсматриваемый сборникъ изданъ: листы съ 1 по 437 въ „Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей“, т. XVI: „Лѣтописный сборникъ. именуемый лѣтописью Авраамки“. Спб. 1889 г. Листы съ 437—450 выпущены отдѣльно: „Отрывокъ краткой литовской лѣтописи, находящійся въ лѣтописномъ сборникѣ, имен. лѣт. Авраамки“. Спб. 1893. Оба изданія въ филологическомъ отношеніи вполнѣ удовлетворительны. Что касается языка сборника, то Отрывокъ краткой литовской лѣтописи написанъ на чистомъ западнорусскомъ нарѣчіи; онъ изслѣдованъ *мною* въ работѣ „О языкѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей“; что же касается остальной части сборника, то и въ ней западнорусскія особенности нерѣдки, однако рядомъ съ ними встрѣчаются и другія. Это вполнѣ и естественно, если имѣть въ виду, что сборникъ перепи-

санъ въ Смоленскѣ при державѣ литовско-польскаго государя, притомъ больше съ новгородскихъ лѣтописей. Языку всего сборника посвящена *моя* работа: „Особенности письма и языка рукописнаго сборника XV в., именуемаго лѣтописью Авраамки“. Варшава, 1899 г. („Варш. Унив. Извѣстія“ 1899 г. № III).

21. Западнорусскій сборникъ XV вѣка (Импер. Публ. библ. Q. I № 391). Содержаніе его слѣдующее: а) разсказъ о мученіи Іисуса Христа (Страсти Христовы), смерти и воскресеніи, съ присоединеніемъ свѣдѣній о Пилатѣ и Іосифѣ Аримаѳейскомъ (л. 1—38); б) повѣсть о поклоненіи волхвовъ (л. 38—96 б); в) житіе Алексѣя человѣка Божія (л. 97—99). Весь этотъ сборникъ хорошо изданъ: „Страсти Христовы“ *Н. М. Тупиковымъ* подъ редакціей *А. И. Соболевскаго* въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“ 1901 г. № CXL, со снимкомъ; „Повѣсть о трехъ короляхъ-волхвахъ“ *В. Н. Перетцомъ* тамъ же, 1903 г. № CL, и „Житіе Алексѣя, человѣка Божія, въ западнорусскомъ переводѣ XV в.“ *П. В. Владимировымъ* въ Журн. М. Нар. Пр. 1887 г., окт., и Перетцомъ въ вышеназванной книгѣ. Изслѣдованію языка этого замѣчательнаго сборника, возникшаго, несомнѣнно, въ католической средѣ, посвящена *моя* статья: „Западнорусс. сборникъ XV в...“ (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н., т. II, 1897 г. и Сборн. Отд. р. яз. и сл., т. LXV). Литература предмета въ моей статьѣ и въ изданіяхъ Тупикова и Перетца.

22. Сборникъ конца XV столѣтія (Московской Синод. б. № 367). Описанъ онъ Горскимъ и Невоструевымъ подъ № 203 (II, 2, стр. 628—641). Здѣсь съ листа 354 начинается повѣсть „Ѡ оумученїи пана нашеⷢ ѥсу криста“. Это той же редакціи разсказъ, что и въ петербургскомъ сборникѣ № 391. Въ серединѣ повѣсти есть заглавіе: ѻ плачи матки ѡ сыну (л. 381), ѻ оустанї кристусовѣ из мртвыхъ (л. 407), посланьѥ тиверею цѣсарю (л. 419). Съ листа 435б, безъ особаго заглавія, идетъ повѣсть о поклоненіи волхвовъ (о трехъ короляхъ). По расположенію матеріала она согласна съ петербургской, только въ началѣ опущено небольшое вступленіе, да нѣтъ конца. Другія

статьи этой рукописи не западнорусскаго происхожденія. По этой рукописи варіанты приведены въ изданіи Тупикова; кое-какіе матеріалы извлечены и мною.

23. Григорія папы римскаго бесѣды, писаны полууставомъ XV или начала XVI вѣка (Вилен. Публ. б. № 59 по Опис. Добр., стр. 73—75). Рукопись сначала принадлежала Новогродскому м-рю, а потомъ Жировицкому. Въ выдержкахъ, приводимыхъ у Добрянскаго, для характеристики языка очень мало данныхъ (Севиріана и Северіана, пресѣлни; такія написанія, какъ страдае, знамее, гдѣ вынесенное и, вѣроятно, удваивалось въ произношеніи и во всякомъ случаѣ не имѣло послѣ себя j [орѳографич. ъ]).

24. Толковая псалтырь, писанная полууставомъ XV или начала XVI в., рукопись на бумагѣ, Виленской Публичной библіотеки (по „Описанію" Добрянскаго № 49); поступила изъ Супрасльскаго монастыря. Западнорусскія особенности встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ рукописи; таковы: смѣшеніе у и в: повчитьсѧ 1 пс., повчѣнїемъ ib. (два раза), повчиша 2 пс. и др.; смѣшеніе ѣ и е: просвещаемъıа 1 пс. (но врѣмѧ ib.), потреба мнѣ єсть 50 пс.; часто чоловѣкъ; но велицѝ 50 пс.; часто приставочное и; встрѣчающееся рядомъ съ ѿчисти — ѿцисти 50 пс., ѿцистиши можетъ быть разсматриваемо и какъ передѣлка обычнаго въ югославянскихъ текстахъ, послужившихъ образцомъ для западнорусскихъ,—оцѣсти; но можно также видѣть въ указанномъ ц на мѣстѣ ч и сѣвернобѣлорусскую особенность. Западнорусскій изводъ въ этой рукописи видитъ также и Владимировъ (Обзоръ, 31).

25. Сборникъ „Десятоглавъ" 1502—1507 г. (неизвѣстно, гдѣ находится); библейскія и богослужебныя книги; написанъ Матѳеемъ десятымъ въ Вильнѣ и въ Супрасльскомъ м-рѣ. См. Владимировъ: Докторъ Франциск Скорина, стр. 18, 21—24, и Обзоръ его же, стр. 23. Въ языкѣ предисловія замѣчательна мѣна у и в (и въ коего вельможи пребывахъ, и въ того испросихъ).

26. Прологъ, мѣсяцы сентябрь-февраль, 1512 г. (Вилен. Публ. библіотеки, № 95 по Описанію Добр., стр. 193—196).

Въ концѣ книги на листѣ 624 помѣщена слѣдующая приписка: „В лѣ҃ ҂з҃к... при велико҃ короли Жикгимонти. а при митрополитѣ кіевско҃ и всеѧ Роуси архіеп҃пѣ кѵ҃р Іωсиѳѣ. при воеводѣ новьгородско҃ па҃у Ѧноу Ѧновичоу Заберезенско҃ написана бы҃ сіа книга... ино҃ діаконець Іωакимець. а роукою многыхъ дьѧковъ“. Значитъ, мѣстомъ написанія этой книги былъ Новогрудокъ. Переплетена она была также неподалеку отъ Новогрудка „рꙋкою іереѧ Пръѳиріѧ и҃ в Лю҃чи“. Въ этомъ же прологѣ есть „Мч҃ніе ст҃ы҃ новоѧвлены҃ мч҃нкъ родо҃ литвы Іωанна, Антоніа і Еустаѳіѧ“ (л. 491). Въ языкѣ обычныя особенности рукописей западнорусскаго извода: *е* вм. *ѣ* (ω Ареѳѳе), смѣшеніе *е* и *ѣ* (черноризецъ и черноризѣцъ).

27. Пятикнижіе Моисеево 1514 года (Вилен. Публ. библіотеки, № 51 по Опис. Добр., стр. 63 — 64). Послѣсловіе: „В лѣ҃ ҂з҃кв... списаны быша книги сіа в богохранимѣмъ велико҃ и славно҃ градѣ оу Вильни, въ ωбители пр҃чтыѧ бг҃мтре. и чесного еѧ оуспенїа... написа же книги сиѧ роукою своею рабъ бж҃іи Ѳе҃ръ дьѧк митропольи“.

28. Евангеліе 1520 года (Вилен. Публ. библіотеки, № 35 по Описанію Добр., стр. 47—48). Западнорусское его происхожденіе видно уже изъ приписки: „В лѣ҃. ҂з҃ки... написана бы҃ кніга сіа. нарицаемаа еѵ҃аліе, тетрω. при велико҃ королѣ Жикгимонтѣ, і при еп҃пѣ Іωни вл҃цѣ тоуро҃ско҃ и пинско҃ и при кн҃зѣ Ѳе҃ори Ивановичи Ѧрославичѧ. повелѣние҃ хр҃толюбива҃ моужа раба бж҃іа Семиωна Батыевичѧ Ра́ка... А писалъ дьѧ҃ многрѣшныи ра҃ бж҃іи Савастіанъ Авраамови҃ и҃ в Нобли“ (Пинск. уѣзда).

29. Евангеліе 1539 г. (библіотеки Московскаго Общества исторіи и древн. росс.). Написано и справлено накладомъ князя Юрья Семеновича Слуцкого, Пречистьскимъ Копылскимъ Василіемъ, въ монастыри Николы на Морочи. Строевъ: Библіотека Импер. Общ. Исторіи и Древн. (1845 г.), стр. 11. Ср. Владимирова Обзоръ, 24.

30. Минея служебная, мѣсяцы мартъ и апрѣль, 1539 г. (Моск. Публ. и Румянц. музея). Списана в граде в Слоуцкоу. Ср. Востоковъ—Описаніе рукоп. Румянц. Муз., 395—396.

31. Псалтырь 1543 г. (рукописнаго собранія Е. В. Барсова въ Москвѣ. Ср. „Описаніе нѣкоторыхъ южнорусскихъ рукописей, находящихся въ рук. собр. Е. В. Барсова“. Чтенія въ Общ. и. и др. р. 1884 г., апрѣль — іюнь). Западнорусское происхожденіе этой книги видно прежде всего изъ записи переписчика: докончана е͠с сїа псалтырь з росказанѧ его мл͠ти вельможного пана Ивана Михаиловича старосты пинского, и кобрынского, клецкого, городецкого, рогачевского, державцы быховского и селецкого. Писалъ Пареенъ“ (л. 167б). Кромѣ того, западнорусскій элементъ особенно сказывается въ надписаніяхъ содержанія псалмовъ; здѣсь иногда замѣчается чистая западнорусская рѣчь. Ср. Владимировъ—Докторъ Франциск Скорина, 208—209.

32. Библейскія книги Скорины, переписанныя Василіемъ Жугаевичемъ изъ Ярославля (Галицкаго) 1568 г. (Импер. Публ. библіотеки, F. I. 4). Остальная часть этого сборника не имѣетъ ничего общаго съ западнорусскимъ нарѣчіемъ. „Южнорусскій выговоръ (Жугаевича) кое-гдѣ даетъ себя знать“ (ср. Владимировъ, Обзоръ, 26—27, и Докторъ Франциск Скорина, 219—220). Правописаніе Скорины передѣлано на среднеболгарскій ладъ: юсы, *ръ*, *лъ* и надстрочные знаки. Рукопись можетъ имѣть значеніе только при сужденіи о формахъ и словарномъ составѣ языка.

По своему правописанію и значенію сходны съ разсматриваемымъ спискомъ и нижеслѣдующіе три:

32. Библейскія книги, переписанныя въ 1569 г. въ Тернополѣ Лукою (библіотеки гр. Красинскихъ въ Варшавѣ). Ср. *мою* работу: Западнорусскіе переводы псалтыри, 25.

34. Библейскія книги съ записями 1573, 1576 и 1577 гг. (Имп. Публ. биб. Собр. Погодина № 85). См. Владимировъ— Докт. Франциск Скорина, 221—234, Обзоръ, 27—28.

35. Библейскія книги съ записью 1575 года (во Львовѣ). См. Науковый сборникъ 1865 г., ст. Головацкаго: Нѣсколько словъ о библіи Скорины; другія свѣдѣнія у Владимирова, Обзоръ, 27.

36. Къ 1564—1572 г. относится западнорусскій переводъ

хроники Бѣльскаго. Первольфъ. Славяне..., III, ч. 2, стр. 173, вын. 2. Ельскій (**Słówko etc.**) указываетъ 1584 г. для этого перевода (**Brzeżewski litwin przełożył kronikę M. Bielskiego na język białoruski**). Говорятъ, что полный переводъ на зап.-русское нарѣчіе хроники Бѣльскаго находится въ Виляновской библіотекѣ. Неполный списокъ съ малоруссизмами имѣется въ Музеѣ Чарторыскаго въ Краковѣ № 1273 г. XVI в. (ср. А. И. Соболевскій. Западное вліяніе на литературу Московской Руси. Спб. 1899, 23—24) и въ Имп. Публ. б. F. IV. 688 XVII в. (Собол. Переводн. лит. Моск. Руси XIV—XVII в. Спб. 1903, 55)—съ малоруссизмами. Здѣсь и переводъ хроники Стрыковскаго (ib., 80).

37. У Ельскаго указанъ еще одинъ памятникъ 1589 года —Рѣчь Мелешка, Кастеляна Смоленскаго, найденная въ библіотекѣ Хребтовичей въ Щорсахъ; свое сообщеніе онъ заимствуетъ изъ Истор. Лит. Вишневскаго (т. VIII, 481). Но, какъ указала критика, эта рѣчь подложная: ее сочинилъ, по всей вѣроятности, какой-либо литовскій юмористъ XVI—XVII в. (Первольфъ: Славяне, III, ч. 2, стр. 166, вын. 3; такого же взгляда держится и *Сумцовъ*: Рѣчь Ивана Мелешка, какъ литературный памятникъ. Кіевская Стар. 1894, май).

38. Сборникъ 1580 г. (Имп. Публ. библ.). См. Чтенія въ Общ. и. и др. россійскихъ, 1879 г., ст. Попова: Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ. „Книга списана въ монастыри Соупрясльскомъ“. Языкъ сборника съ особенностями западнорусскими.

39. Измарагдъ 1593 г. (Вилен. Публ. библіотеки, № 240 по Опис. Добр., стр. 341—386). На послѣднемъ 690-мъ листѣ имѣется криптографическая запись, которая читается: Рокъ (15)93... Иванъ Проскура. Въ языкѣ наблюдается употребленіе *е* вм. *ѣ* (л*е*чащиˇ бол*е*зни, им*е*ніа, трьп*е*нии, изв*е*стно, л*е*ности и т. д.), употребленіе *у* вм. *в* (оу црkви, оуздвигни, оу иных книгах), аканье (ском*а*рох, за м*а*лода), западнорусскія слова (менить = называетъ) и т. п.

40. Сборникъ XVI в. (Моск. Синод. библіотеки № 558, по описанію Горск. и Невостр., II, 3, стр. 761—771, № 331)—

„писанъ разными почерками XVI и отчасти XVII в.“. Въ этомъ сборникѣ на листѣ 63 помѣщено житіе Алексѣя, человѣка Божія: Мца мата зі днь житїе и жизнь члка бжїа Ѡлеѯїа. Начинается оно слѣдующими словами: Бѣ члвкъ блговѣренъ оу римсте граде именѣмъ еоуфимїанъ. Редакція нѣсколько иная, нежели въ петербургскомъ сборникѣ № 391. Зато повѣсть о трехъ короляхъ, занимающая листы 99—165, той же редакціи. Она имѣетъ слѣдующее заглавіе: Слово .а. ѡ житїи и ѡ хонїи тре короле персискы. Почеркъ очень похожъ на тотъ, который въ петербургскомъ сборникѣ. Повѣсть раздѣлена на 46 главъ, слѣдовательно ихъ меньше, нежели въ петербургскомъ сборникѣ, хотя и больше, чѣмъ въ синодальномъ сборникѣ № 367, гдѣ разсказъ обрывается на 32 главѣ, въ сравненіи съ настоящей рукописью. Среди различныхъ статей этого сборника имѣютъ отношеніе къ западнорусской письменности, слѣдующія: Л. 5 б: Всѣ православны хртїановъ исповѣданїе по всѧ дни маю вси мови за иереѡ слꙋжителе црькви божїе мно. Здѣсь испрашивается прощеніе въ грѣхахъ смертныхъ, содѣланныхъ пятью чувствами: слышанїе, виденїе, и мовенїе недобры, ѡсезанїе, ѡбонѧнїе, и въ несодѣланныхъ милоседны добродетелехъ, которыми ѡпрадаюсѧ вси блговерныи лю во днь свный. Л. 6: Поученїе все православны хртїано дшеполезно и страꙋ полно. Поученіе старается отвратить православныхъ отъ перехода въ унію: Православныи хртїане пнве и пни и вси богобоизнивыи мꙋжи и жены законꙋ гречекаго... проси и напоминае слово бои же быте не скланили на латыскаи зловещанїа. и и неполеное ꙋченїе. Л. 39: Книга Пѣснь пѣсней въ переводѣ близкомъ къ Скорининскому, но не тождественномъ съ нимъ. Непосредственно за этой книгой слѣдуетъ указаніе средства для возбужденія въ себѣ горячей любви къ Богу (ср. Владимировъ: Докторъ Франц. Скорина, 238—239 и 340—342). Л. 55 б: Ка сѧ мша четъ римски ѡбычаѣмъ мтце бжїеи. Здѣсь на западнорусскомъ нарѣчіи дана латинская литургія въ честь Божіей матери, съ показаніемъ, что долженъ говорить священникъ и что дьякъ. Въ окончаніи мши сказано: токо тыє слова писаны што капла гласо говори на

мши што в таиницы говори̑ того не̑. Л. 59: Излагаются латинскія молитвы „**Pater noster**“ и „**Ave Maria**“ по-латыни, но русскими буквами, и въ переводѣ по стихамъ, далѣе также Символъ вѣры. Въ этомъ сборникѣ находится еще „Посланіе написано от авгаря цр҃я к г҃в нашему і҃с х҃в (ср. Памятники отреченной литер. Тихонравова, т. II, 11—17).

41. Сборникъ XVI в. (библіотеки гр. Красинскихъ въ Варшавѣ № 408). Содержаніе этого замѣчательнаго сборника слѣдующее: Александрія (только конецъ); съ 64 л. начинается лѣтописецъ: „Лѣтописецъ великого кн҃азьства литовъского. и жомойцьского“; л. 73: „Кройники ѿ великихъ кн҃зе̑ литовъскыхъ“; л. 91б: „Хожение данила иг҃мена въ ст҃ый гра̑ їерл҃мъ“. Текстъ „Хожденія“ обыкновенной полной редакціи; признаковъ западнорусскаго извода сравнительно мало. Л. 129: „Починаетса книга товиѳъ“ на чистомъ западнорусскомъ нарѣчіи. Л. 144: „Починаетса книга ѿ таоудале. рыцери“. Л. 159: „Починаетса ре̑ ѿ тре̑ ставехъ. Л. 171: „Сказание ѿ сивилле пр҃рчици“. Л. 177: „Пророчений ст҃ы̑ пр҃ркъ ѿ х҃ѣ і҃сѣ“. Л. 230: „Слово ѿ последне̑ времени“. Сборникъ довольно подробно описанъ у *меня* въ статьѣ: „О языкѣ такъ называемыхъ лит. лѣтописей“. Варшава. 1894 (изъ Варш. Унив. Изв. 1894 г. № II); тутъ же приводятся выдержки изъ него и разсмотрѣнъ языкъ лѣтописей. Отрывокъ о Сивиллѣ напечатанъ въ статьѣ: „Западнорусское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ“. Варш. 1898 (изъ Варш. Унив. Изв. 1898 № II); тутъ же разсмотрѣнъ и языкъ этого отрывка. Видѣніе Тундала подробно разсмотрѣно *Брюкнеромъ* въ статьѣ: „**Die Visio Tundali in bömischer und russischer Uebersetzung**“ (**Archiv für slav. Phil.**, XIII). Лѣтописи приготовляются къ изданію Археографической комиссіей.

42. Сборникъ XVI в. (принадлежавшій, въ первой четверти XIX в. Супрасльскому м-рю, а нынѣ находящійся въ Археографической комиссіи). По свидѣтельству проф. *Даниловича* (Журн. Мин. Нар. пр. 1840 г., ч. XXVIII, 101), издавшаго изъ этого сборника въ латинской транскрипціи Литовскую лѣтопись въ журналѣ „**Dziennik Wileński**“, 1823 г., III,

241, 369,—„это была рукопись въ четвертую долю листа, писанная на толстой глаженной бумагѣ, чистымъ и яснымъ русскимъ почеркомъ, свойственнымъ XVI вѣку. Ее переписывалъ 1520 года... Григорій Ивановичъ, кажется священническій сынъ, по приказанію князя Симеона Ивановича Одынцевича, какъ о томъ свидѣтельствуетъ собственноручная подпись въ концѣ рукописи“. Хроника, изданная Даниловичемъ, была еще перепечатана въ 1827 году *А. Марциновскимъ*, подъ заглавіемъ: **Latopisiec Litwy i Kronika Ruska. Wilno.**

43. Лѣтописецъ Быховца XVI вѣка, изданный по-польски (отчасти только въ транскрипціи, отчасти же въ переложеніи) Нарбутомъ: **Pomniki do dziejów Litewskich. Wilno.** 1846. „Лѣтописью Быховца“ она называется по имени ея владѣльца (*Бодянскій*: „О поискахъ моихъ въ Позн. библ.“ Чтенія въ Общ. ист. и др. росс., 1846 г. № 1, стр. 7). Болѣе подробныя свѣдѣнія о ней у Даниловича: О литовскихъ лѣт. (Журн. М. Н. Пр. 1840, ч. XXVIII, §§ 4 и 5). О языкѣ ея замѣчено: „Русское нарѣчіе принадлежитъ къ употребляемому въ южной Литвѣ, около Пинска“ (80). Изъ приведенныхъ отрывковъ однако малорусскихъ особенностей усмотрѣть нельзя.

44. Апостолъ толковый XVI в. (Вилен. Публ. биб. № 21 по Описанію Добрянскаго, стр. 32—33). На оборотѣ послѣдняго 534 листа скорописью, современною рукописи, сдѣлана слѣдующая замѣтка, имѣющая значеніе для опредѣленія времени написанія рукописи: „в року ҂че^мъ (1595) стало отступленіе отъ патріархи и прилучилося папежу Руси немало“. Тутъ же молитвенное обращеніе, вѣроятно писца рукописи, заканчивающееся словами: „Рабъ І҃с Х҃въ инокъ Ануфрие“. Для характеристики редакціи въ описаніи находимъ немного: по лѣто^х нѣмногы^х.

45. Списокъ съ Изборника 1073 г., сдѣланный въ XVI вѣкѣ (Вилен. Публ. библ. № 260 по Описанію Добр., стр. 432—439). Въ сравненіи съ Сборникомъ Святослава здѣсь есть немало отступленій, указанныхъ у Добрянскаго. Языкъ этого списка западнорусской редакціи: смѣшеніе *е* и *ѣ* (ѡ ст҃ѣ д҃се, ѡ ст҃ей Тр҃ци, ѡ правей вѣрѣ л. 8б, ѡ правей вѣре л. 21б,

повеленію), *в* вм. *у* (вчинены), *е* вм. *а* (ѧ) въ кратце злѡно на паме̑); въ ороографіи много юсовъ и другихъ болгарскихъ особенностей (оумрълъ бѫде̑, емѫ, по Бжію гнѣвѫ, въ трѫде, събѣ и т. д.).

46. Евангеліе учительное XVI в. (Кіевской Дух. Акад. изъ рукоп. Мѣлецк. м-ря, № 113 по Описанію Петрова). Въ концѣ книги приписка: „Написана бы книга сїа повеленїемъ благовѣрна и христолюбиваго кнѧзѧ Юрьѧ Семеновича Слоуцкого. а писалъ дьѧкъ Оустинъ Ѧцковиць Чечерѧнинъ“. О языкѣ см. у Владимірова, Обзоръ, 33—34.

47. Западнорусская псалтырь XVI в. (Моск. Публ. и Рум. муз. № 335). Довольно подробно описана сначала *Востоковымъ* (Описаніе рук. Рум. м., 472—474), затѣмъ *Соболевскимъ* (Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ югозападнорусскаго письма XVI—XVII в. Кіевъ. 1894. IX кн. „Чтеній въ Истор. Общ. Нестора лѣтописца), наконецъ *мною* (Западнорусскіе переводы псалтыри, 46—60). Изслѣдованію языка этого памятника вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими и посвящена моя диссертація. Въ приложеніи перепечатано 15 псалмовъ съ надписаніями.—Псалтырь занимаетъ лишь середину рукописи (съ 7 по 142б л.); въ началѣ и въ концѣ статьи, не имѣющія къ ней отношенія. Псалтырь составляла когда-то отдѣльную рукопись; это видно изъ того, что первая и послѣдняя страницы ея сильно запачканы, какъ оберточныя. И почеркъ письма псалтыри совершенно отличенъ отъ почерка другихъ статей. На 142б находится слѣдующая скорописная запись (другими болѣе темными чернилами): „книга глѡлѡлимаѩ поскоѩ псотыре преложена с рско на поскии нехаи по неи хвалить га“. Ниже болѣе свѣтлыми чернилами и инымъ почеркомъ: „Лѣта ҂ꙁрг Іюля в аі. Книга сия глаголимоя“... Дальше повторены два послѣднія слова и не дописаны. Значитъ, написана значительно раньше 1595 года. Для изученія стараго западнорусскаго языка это одинъ изъ самыхъ интересныхъ памятниковъ.

48. Библейскія книги, переведенныя съ еврейскаго, сборникъ XVI в. (Вилен. Публичной библіотеки, № 262 по Описанію Добрянскаго, стр. 441—447). Литература сборника: Вла-

димировъ — Докт. Франциск Скорина, 239 — 241, Обзоръ, 30 (здѣсь указаны и особенности языка). Памятникъ этотъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ, разсмотрѣнъ также *мною*: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлор. рѣчи“, 88—116 (=Р. Ф. Вѣстн., 1892 г. № 1); тутъ же приведенъ отрывокъ изъ книги Руѳъ. Псалтырь изъ этого сборника изслѣдована въ сочиненіи: „Западнорусс. переводы пс.“, 26 — 35; тутъ же напечатанъ 136 псаломъ. Изъ этой же рукописи книга Даніила, отрывки изъ Притчей, Плачей и Есѳири напечатаны *И. Е. Евсѣевымъ* въ сборникѣ: „О ереси жидовствующихъ“. Новые матеріалы, собранные Бѣлокуровымъ, Долговымъ, Евсѣевымъ и Соколовымъ. Москва. 1902 г. (изъ „Чтеній въ Общ. и. и др. р.“ за 1902 г.).

49. Книга пророковъ съ толкованіями XVI в. (Вилен. Публ. б., № 47 по Опис. Добр., стр. 58 — 60). О ней см. у Владимирова—Докт. Франц. Скорина, 223 — 234, Обзоръ, 30.

50. Книга Сираха XVI в. (Имп. Публ. библ. Собр. Погод., 86). Списокъ съ печатнаго изданія Скорины. См. Владимировъ—Докт. Франц. Скорина, 219.

51. Библейскія книги XVI в. (Импер. Публ. библіотеки, Q. I. 6). Книги притчей, Премудрость, Пѣснь Пѣсней, Екклезіастъ и Сирахъ—списаны съ печатнаго изданія библіи Скорины. См. Владимировъ—Докт. Франц. Скорина, 219.

52. Св. Василія Великаго о постничествѣ, рукопись XVI в. (Вилен. Публ. б., № 53 по Опис. Добр., стр. 66 — 68). Въ языкѣ и орѳографіи: *е* вм. *ѣ* (въ свѣте, о посте, о сте͠), имен. ед. ч. прилагат. на *ы* (в пне͠ сырны), основа собѣ, написаніе—постъническо и т. п.

53. Отрывокъ изъ твореній Григорія Синаита XVI в. (Вилен. Публ. библіотеки, № 60 по Описанію Добрянскаго, стр. 75—76). Для характеристики извода: горко, о дн҃евнемъ, о помысло͠, о догматехъ и др.

54. Прологъ, мѣсяцы сентябрь—февраль, XVI в. (Вилен. Публ. биб., № 94 по Описанію Добрян., стр. 192 — 193). По словамъ Добрянскаго, въ этомъ Прологѣ есть вставки на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

55. Чинъ исповѣданія, XVI в. (Вилен. Публ. б., № 229 по Описанію Добр., стр. 330—331). Западнорусскія особенности встрѣчаются вездѣ, а особенно съ л. 31, откуда начинается „исповѣдь повседневная каждому человѣку православному належная“—на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

56. Часословъ съ прибавленіями, XVI вѣка (Вилен. Публ. б., № 223 по Опис. Добрян., стр. 328—329). Строеніе рѣчи и ороографія западнорусскія: пресвятей Богородици, уборздѣ причастіе, аще кто преставиться на воскресеніе Господне, на великъ день, и др.

57. Требникъ. „Писанъ разными почерками XVI и XVII вѣка“ (Вилен. Публ. библ., № 207 по Описанію Добр., стр. 320—322). „Языкъ носитъ слѣды западнорусскаго нарѣчія“. Въ приведенныхъ въ описаніи отрывкахъ можно указать лишь смѣшеніе *е* и *ѣ* (последованіе, певае^м^).

58. Ирмологъ XVI в. (въ Львовскомъ Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ), съ крюковыми нотами, писанъ бѣлорусскою скорописью. См. Каталогъ церковно-слав. рукописей Петрушевича, Львовъ, 1888 г., стр. 10. Владимировъ, Обзоръ, 32.

59. Сборникъ словъ и поученій Іоанна Златоустаго и другихъ отцѐвъ церкви, XVI вѣка (Вил. Публ. б., № 257 по Опис. Добрян., стр. 422—428). Особенности языка: понеделѡ^к^, начнѣмы, послушаймо, повченіе и т. д.

60. Сборникъ бесѣдъ св. отцевъ церкви, XVI в. (Вилен. Публ. б., № 256 по Описанію Добрян., стр. 416—422). Особенности языка: смѣшеніе *е* и *ѣ* (правѣ^д^но, тезоимѣніи, ѡ дрѣве, четвероднѣвнаго и т. д.), *у*, *ув* вм. *в* (слово оу преполовленіи, проповѣдаеть оувсѧ тварь), повелительное съ *ѣ* у глаголовъ съ основой на *и* (зберѣтесѧ), дат. собѣ, частое употребленіе ѫ и *ръ* (сѫ^д^, сѫдѣ, оумрътши^х^, пръси и т. д.), отдѣльныя слова: архыеп^с^па, покланѧніе и поклонениа.

61. Сборникъ житій святыхъ, XVI вѣка (Виленской Публ. библіотеки, № 105 по Описанію Добрянскаго, стр. 221—228). Къ особенностямъ языка: збывшееся, архїеп^с^па Кесаріе Кападокійскіа, в ри^м^сте^м^ граде, бѫква^м^, Володымира, светлейши, Фристоѳора, с^л^нцоу семѫ ви^д^момѫ, върховны^х^, иже оу Фролен-

тіи и оу Костентіи соборѹ, архыдіакона. — На 472 л. есть приписка, изъ которой видно, что конецъ рукописи принадлежитъ перу Іосафата Кунцевича, слѣдовательно, относится къ XVII вѣку.

62. Книга Симеона Метафраста XVI в. (Москов. Синод. библ. № 219), съ записью: „сія книга... монастыра общежительного кутеинского и буйницкого". Кромѣ житій и словъ изъ Метафраста въ сборникѣ помѣщены поученія и бесѣды на разные праздники Іоанна Златоустаго и Андрея Критскаго. Другія свѣдѣнія о рукописи въ Обзорѣ Владимирова, 26.

63. Лѣствица Іоанна Лѣствичника XVI в. (Кіевской Духовной Академіи. См. Березинъ: Описаніе рукописей Почаевской лавры (Кіевъ. 1881) № 12. Запись „Андреа з Витебска". Ср. Владимировъ — Обзоръ, 35. Въ языкѣ замѣчается смѣсь западнорусскихъ особенностей съ другими наслоеніями.

64. Минеи четьи XVI вѣка (Вилен. Публ. б., № 79 по Описанію Добрян., стр. 106 — 115). Эта рукопись составлена изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ памятниковъ, вслѣдствіе чего и языкъ ихъ разнообразенъ. Нѣкоторыя статьи имѣютъ больше западнорусскихъ примѣтъ, другія меньше, напр., на л. 194 есть слово ѡ стомъ Іѡаннѣ Бгословѣ, како словѡ навчи члка написати иконы". „Весь разсказъ написанъ языкомъ, носящимъ на себѣ слѣды бѣлорусскаго и польскаго нарѣчія". Примѣры особенностей: четверодѣсятное, навчи, мнозе лсти, ѡ апле, ѡктебра, грехи, ноабра и т. д.

65. Лѣствица Іоанна Лѣствичника и творенія Аввы Доровея, конца XVI вѣка (Моск. Публ. и Рум. муз. № 203). Востоковъ такъ характеризуетъ письмо рукописи: „Правописаніе русское югозападное и почеркъ Бѣлорусскій или Волынскій".

66. Поученія Ефрема Сирина XVI в. (Вилен. Публ. б., № 62 по Описанію Добрянскаго, стр. 79 — 85). Въ языкѣ и правописаніи западнорусскихъ примѣтъ вообще немного (исцеленіемъ, пресѣкаетъ к о н е и всадника, ѡ трьпеніи, пріидѣте; супротивно, цѣломждріи; ѡ пришествіи хвы, ѡ Ѡсифи); есть и болорусизмы (ѡ антѣхрьстѣ).

67. Исаака Сирина и Доровея аввы поученія съ разными

прибавленіями, XVI вѣка (Вилен. Публ. б., № 63 по Описанію Добрянскаго, стр. 85—86). Для характеристики языка: праста̑, противв трвда, стейшего патріархъа, седети и др. под. примѣры.

68. Сборникъ Троице-Сергіевой лавры XVI в. (№ 177). Ср. Тихонравовъ: Памятники отреченной литературы, II т., стр. 398—421. „Астрологія". Особенности языка: бръздѣйши 407. Владим., Обзоръ, 38.

69. Тайна тайныхъ. Аристотелева врата, XVI в. (Вилен. Публ. библ., № 272 по Описанію Добрян., стр. 463—465). На переплетѣ запись болѣе позднимъ почеркомъ 1607 г. Изучена *мною* въ общихъ чертахъ въ работѣ: „Къ исторіи зв. и ф. бѣл. рѣчи", 123 sq. Тутъ же отрывки изъ нея. Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рукописей для изученія стараго западнорусскаго нарѣчія; слѣдуетъ лишь пожалѣть, что въ ней очень много полонизмовъ. Ср. еще *А. И. Соболевскаго*: Западное вліяніе на лит. Моск. Р., 97—99. Приготовляется къ печати М. Н. Сперанскимъ.

70. Западнорусскій сборникъ музея Холмскаго Свято-Богородицкаго братства XVI в. (№ 96, 1893 г.), заключающій въ себѣ между прочимъ Тайная тайныхъ и Шестокрылъ (ср. ст. *Н. И. Петрова* въ „Кіевской Стар." 1893 г. № 10, 155—156, и *А. И. Соболевскаго*: Переводн. лит., 409—418). Языкъ заключаетъ въ себѣ немного ц.-славянизмовъ.

71. Кормчая XVI в. (Моск. Публ. и Рум. муз. № 232), съ судебникомъ Казимира 1468 г. (о чемъ мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ). Судя по выпискамъ Востокова (Описаніе рук. Рум. муз.), можно думать, что вся рукопись западнорусскаго письма. Ср. еще Владим., Обзоръ, 33.

72. Кормчая XVI в. (Моск. Публ. и Рум. муз. № 233). Правописаніе западнорусское, которое у Востокова названо „южнымъ русскимъ съ примѣсью болгарскаго и польскаго". См. Владим., Обзоръ, 33.

73. Кормчая XVI в. (Моск. Публ. и Рум. муз. № 234). Списокъ совершенно сходный съ предыдущимъ и въ правописаніи. Ср. Владим., Обзоръ, 33.

74. Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, XVI в. (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ). См. изданіе Оболенскаго. Москва. 1836 г. Другія свѣдѣнія о ней у Владимирова, Обзоръ, 38—39. Черты западнорусскаго нарѣчія встрѣчаются во всей рукописи.

75. Сборникъ Познанскій конца XVI вѣка (въ Познани библіотеки гр. Рачинскихъ). Свѣдѣнія объ этомъ сборникѣ даны у *Бодянскаго* въ статьѣ: „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ“ (Чтенія въ Имп. Общ. ист. и др. р. 1846 № 1) и особенно у *Брюкнера*: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich Raczyński'schen Bibliotek in Posen (Archiv für Sl. Phil., IX). Въ этомъ кодексѣ имѣется: „Лѣтописецъ Великого Кнзтва Литовъского и Жомотъского“; отрывки изъ Лѣтописца напечатаны у Бодянскаго; тутъ же имѣются западнорусскія повѣсти: „ѡ витезѧх с книгъ сэрбъских, а звлаща ѡ славномъ рыцэры Трысчан[е], ѡ Анцалоте и ѡ Бове и о иншыхъ многихъ вытезех добры[хъ]“. Изданы въ статьѣ *А. Н. Веселовскаго*: „Изъ исторіи романа и повѣсти“. Вып. II. Спб. 1888. (Сборникъ Отд. русс. яз. и слов., XLIV, приложенія, стр. 1—262). Языкъ по рукописи въ общихъ чертахъ изслѣдованъ Брюкнеромъ въ названной выше статьѣ.

76. Сборникъ XVI вѣка (Московской Духовной Академіи № 185/566). См. Тихонравова: Памятники отреч. русс. литературы, I т., стр. 305 — 308. „Слово о древѣ крестномъ“. Особенности языка: въсладися вода, крадяше въ гда, приста буря, придание га. Ср. Влад., Обзоръ, 38.

77. Сборникъ второй половины XVI в. (Москов. Син. библ. № 937). Описанъ у Горскаго и Невоструева и особенно подробно у А. И. Соболевскаго (Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-западно-русскаго письма XVI — XVII вв. Кіевъ. 1894 г. изъ IX кн. Чтеній въ Общ. Нестора Лѣт., № IV). На первыхъ писанныхъ листахъ на нижнемъ полѣ имѣется помѣтка о томъ, что книга куплена „въ Литвѣ в столице в Вилни в монастырѣ Пресвятаго и Животворящаго Духа“. Сборникъ вообще на западнорусскомъ нарѣчіи, но есть и малоруссизмы

(пушло, звунъ, дустался, тры крести нашли што разбоiникы висѣлѣ, воспивалъ, китъ ходѣтъ у морѣ и т. п.).

78. Сборникъ конца XVI вѣка (М. Публ. и Рум. муз. № 159). Вкратцѣ описанъ Востоковымъ и Соболевскимъ (Замѣтки о малоизв. памятн. № VI). Особенности языка: гледячи, взела, жона, крывавилися, матыку, муки тоси, по речонымъ часе и т. д.

79. Сборникъ бѣлорусскiй XVI вѣка (Чудова м-ря № 62/264). Огромная рукопись въ 756 листовъ довольно обстоятельно описана въ „Библiографическихъ матерiалахъ, собранныхъ *А. П. Поповымъ*..., изданныхъ подъ редакцiей *М. Сперанскаго*". Москва. 1889 (изъ „Чтенiй въ Общ. ист. и др. р. за 1889 г.). Тутъ приведено и достаточное количество выдержекъ изъ этой замѣчательной рукописи. Одинъ отрывокъ напечатанъ *мною* въ Отчетѣ 1898 г., 8 (Варш. Универс. Изв.). „Вся рукопись отъ первой строки до послѣдней писана одной рукой. Рукопись драгоцѣнна по особенностямъ правописанiя: всѣ статьи громаднаго сборника по правописанiю составляютъ особую бѣлорусскую редакцiю; другими словами: всѣ статьи переписаны по выговору писавшаго бѣлорусса. Самая рѣзкая особенность—аканiе, доведенное до чудовищныхъ размѣровъ" (слова им. п., арла, по́ марю, аконьце, съ табою, самнѣние, никамѫ, ѧво, ѥво, ежа=еже и т. д.); *е* вм. *а* (*я*) (кнезѧ, поеса, свезасѧ, греджща и т. д.); *о* вм. *а* — тоже указанiе на аканье (накозати, маностырь, изъвоѥно, кокою, богрѧно и т. п.). Такъ какъ полонизмовъ въ рукописи вообще нѣтъ, то слѣдуетъ думать, что она явилась въ восточной Бѣлоруссiи. Вообще рукопись нуждается въ обстоятельномъ лингвистическомъ изученiи.

80. Книги ветхаго завѣта въ западнорусскомъ переводѣ съ еврейскаго половины XVI вѣка (Имп. Публ. библ. F. I, 2; изъ библiотеки Ѳ. А. Толстого, I. № 158). Всего 12 книгъ; оканчивается книгами царствъ. Снимокъ съ рукописи данъ у *А. И. Соболевскаго*: „Палеографическiе снимки съ русскихъ рукописей XII—XVII вѣковъ", Спб. 1901, табл. XXXI. Не знаю, почему эти книги считаются переводомъ съ еврейскаго (ср., напр., л. 99: книги пѧтый моисеѥ втор҃ы законъ а по грецкв

девторо(но)миемъ называ̄ю; л. 106 б—книги Исуса). Вообще рукопись заслуживаетъ самаго внимательнаго изслѣдованія, особенно въ отношеніи языка.

81. Сборникъ, составленный изъ разныхъ рукописей XVI и XVII в., по всей вѣроятности Іосафата Кунцевича (Вилен. Публ. библ. № 261 по Описанію Добр., стр. 439—441). Разсмотрѣнъ у меня: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи", 3 sq. (=Р. Ф. Вѣстникъ за 1890 г. № 2).

Переходя къ обозрѣнію рукописей XVII вѣка, замѣтимъ, что отъ этого времени ихъ сохранилось очень много, нѣкоторыя даже на чисто-бѣлорусскомъ нарѣчіи. Но въ виду того, что онѣ ничего новаго не прибавляютъ къ лингвистическому матеріалу, въ сравненіи съ тѣмъ, который можно почерпнуть изъ рукописей XV и XVI вѣковъ, мы ограничимся только указаніемъ болѣе выдающихся изъ нихъ. Именно:

82. Въ концѣ XVI и началѣ XVII в. подсудокъ новогрудскій *Θеодоръ Евлашевскій* (1546—1604 г.), родомъ изъ Ляховичъ (нынѣ Слуцкаго уѣзда), написалъ интересный дневникъ. Рукопись бѣлорусская, найденная въ библіотекѣ Виляновской; издалъ ее въ польскомъ переводѣ *Θ. Любомирскій* въ 1860 г. По копіи института Оссолинскихъ во Львовѣ дневникъ Евлашевскаго напечатанъ съ предисловіемъ *В. Антоновича* въ „Кіевской Старинѣ" за 1886 г., № 1, стр. 124—160. Изданіе, повидимому, неисправное.

83. Учительное Евангеліе 1604 г. (Кіево-Мих. м-ря).

84. Казанья Леонтія Карповича 1615 г. (изд. въ Чтеніяхъ въ Общ. и. и др. 1875 г.).

85. Кіевская лѣтопись 1621 г. (изд. Кіевской Археогр. Комиссіей 1888 г.).

86. Панегирикъ Петру Могилѣ 1632 г.

87. Ляментъ Острожскій 1636 г.

(Послѣднія пять рукописей указываются по сочиненію *Житецкаго*: „Очеркъ литерат. исторіи малор. нар.", 140).

88. Святаго Іоанна Златоустаго бесѣды на посланіе къ римлянамъ XVII в. (Виленской Публ. библ. № 68 по Опис. Добр., стр. 88—89). Запись: „року х̃к (1620)... я священноіе-

рей Паисей Сиковскій, епископъ пинскій и туровскій, далъ сію книгу до монастыря Жировицкого"... „Текстъ носитъ на себѣ слѣды западнорусскаго нарѣчія" (Добрян.).

89. Помянникъ или Синодикъ Супрасльской лавры 1631 года, копія съ болѣе древняго пергаменнаго (Вилен. Публ. б. № 89 по Описанію Добр., стр. 173—186).

90. Кормчая 1634 г. (Вил. Публ. б. № 242 по Описанію Добр., стр. 387—394). „Съвершижеся (написано) въ б҃госпасаемо҃ граде Пинскв". Написалъ инокъ Никодимъ Козицкый, чина великаго Василія.

91. Ирмологій нотный, писанный въ Супраслѣ 1662 г. (Вилен. Публ. б. № 115 по Опис. Добр., стр. 262—268). Бѣлорусскія особенности въ языкѣ замѣтны повсюду.

92. Ирмологій нотный XVII в. (Вил. Публ. биб. № 119 по Опис. Добр., стр. 273). Запись: „року ҂а҃х҃ѯ҃в (1662)... у Витебску".

93. Минея мѣсячная (мартъ) 1667 г. (Вилен. Публ. б. № 160 по Опис. Добр., стр. 286). Писана въ Супраслѣ инокомъ Леонтіемъ.

94. Ирмологій нотный XVII вѣка Витебскаго Маркова монастыря, купленный въ 1681 году (Вилен. Публ. библ. № 118 по Описанію Добр., стр. 272—273).

95. Трефологій или празднѣя XVII в. (Вилен. Публ. б. № 210 по Опис. Добр., стр. 323—324). Писанъ въ монастырѣ Супрасльскомъ „року ҂а҃х҃ч҃а (1691)".

96. Александрія 1697 года (Московскаго Публ. и Рум. муз. № 1562, собранія Бѣляева). На оборотѣ послѣдняго листа запись: „Писа҃ сію Алеѯандрѣю Василій Гавриловиⷱ Менжинскій поповиⷱ мозырскій дякъ... року ҂а҃х҃ч҃з". Описана у Викторова: „Собраніе рукописей Бѣляева", 31 и у Соболевскаго: „Замѣтки о малоизв. памятникахъ", 22—24. „Языкъ западнорусскій, близкій по словарному матеріалу и синтаксису, къ языку западнорусскихъ документовъ XV—XVI вѣковъ, но съ сравнительно небольшимъ количествомъ полонизмовъ". „Этотъ языкъ во время странствованій текста по югозападной Руси при-

нялъ въ себя порядочное количество малоруссизмовъ“ (Соболевскій). Отрывки напечатаны у *Соболевскаго*.

97. Святаго Василія Великаго уставъ съ разными прибавленіями XVII в. (Вил. Публ. библ. № 54 по Опис. Добр., стр. 68). „Писанъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи“ (Добрян.).

98. Минея Четья XVII вѣка (Вилен. Публ. б. № 81 по Опис. Добр., стр. 123—131). Бѣлорусскія особенности какъ фонетическія, морфологическія, такъ и лексическія, сказываются всюду.

99. Сборникъ XVII вѣка (Вилен. Публ. библ. № 107 по Опис. Добр., стр. 231—241). Разсмотрѣнъ у меня: „Къ исторіи звуковъ и формъ“, 3 sq. (= Р. Ф. Вѣстн. 1890 г., № 2).

100. Хронографъ XVII в. (Вил. Публ. б. № 109 по Опис. Добр., стр. 246—255). Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются статьи съ бѣлорусскими особенностями въ языкѣ.

101. Хронографъ начала XVII в. почеркомъ бѣлорусскимъ и съ бѣлорусскими примѣтами въ языкѣ (Вил. Публ. б. № 110 по Опис. Добр., стр. 255—258).

102. Служебникъ уніатскій XVII в. (Вилен. Публ. б. № 190 по Опис. Добр., стр. 299—301). Нѣкоторыя мѣста на бѣлорусскомъ нарѣчіи.

103. Размышленія на недѣли цѣлого року XVII в. (Вил. Публ. б. № 255 по Опис. Добр., стр. 416); написаны на бѣлорусскомъ нарѣчіи и представляютъ переводъ съ польскаго.

104. Сборникъ поученій XVII в. на бѣлорусскомъ нарѣчіи (Вилен. Публ. библ. № 259 по Опис. Добрян., стр. 432).

105. Скорописный сборникъ XVII вѣка (Москов. Син. Библ. № 790), содержащій въ себѣ: отрывокъ изъ дѣяній Брестскаго собора 1596 г., сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, хронику о великихъ князьяхъ литовскихъ до 1475 г., лѣтописецъ Литовскій и много другихъ статей. Ср. А. Смирновъ: Третій списокъ Задонщины (Русскій Филол. Вѣстникъ 1890 г. № 2). Тутъ же Варкалабовская лѣтопись конца XVI начала XVII в., написанная въ сельцѣ Варкалабовѣ Быховскаго уѣзда. Подъ именемъ Баркулабовской хроники она напечатана Кулишемъ въ „Матеріалахъ для исторіи возсоедине-

нія Руси", т. I. Москва. 1877, и Довнаромъ-Запольскимъ въ „(Кіевскихъ) Университетскихъ Извѣстіяхъ" 1898 г. № 12. Наконецъ перепечатана Е. Романовымъ въ „Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ" за 1899 г. №№ 52, 54, 56—59, 64, 65, 70, 71.

106. Западнорусская псалтырь XVII вѣка (Моск. Публ. и Рум. муз. № 1017). Рукопись безъ начала и конца. На пришитыхъ въ переплетѣ къ рукописи листахъ бумаги XVIII столѣтія съ синеватымъ отливомъ находится слѣдующее заглавіе книги: „Древняя рукописная псалтырь. Принадлежащая къ библіотекѣ Андреяна Чепы. Приобщенная къ оной въ 1785 году. На переплетѣ съ внутренней стороны есть помѣтка: отъ А. В. Богдановича, 1869 г., что́ вполнѣ согласно съ показаніемъ „Отчета Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1867—1869 гг., стр. 47. Упоминаніе объ этой псалтыри есть у *Житецкаго*: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія" (2 стр., вын. [5]), гдѣ онъ считаетъ этотъ переводъ малорусскимъ (какъ объ немъ заявлено и въ Отчетѣ музея), но совершенно напрасно. Свѣдѣнія о ней находимъ и у *А. И. Соболевскаго*: Замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ, № II. Подробное описаніе ея сдѣлано *мною* въ работѣ: „Западнорусскіе переводы псалтыри", 60—67, съ выдержками изъ текста и 3 снимками цѣлыхъ страницъ. Языкъ ея изслѣдованъ въ этой же работѣ.

107. Одно бѣлорусское заклинаніе противъ чаръ XVII в. сообщилъ В. Б. Антоновичъ въ Этногр. Обозр., V, 1890 г., 72—74.

108. Бѣлорусскій сборникъ XVII вѣка (Могилевскаго епархіальнаго церковнаго древлехранилища). Ср. *Е. Романовъ* въ Могил. Губ. Вѣд. 1898 г. №№ 91, 93 и 100. Кромѣ описанія рукописи, приводятся и образцы языка. Попадаются довольно интересныя особенности.

109. Житія святыхъ (сентябрь — августъ) на бѣлорусскомъ нарѣчіи съ примѣсью малорусскаго XVII в. (Москов. Син. б. № 752). Житіе Бориса и Глѣба перепечатано *мною* въ Отчетѣ за 1895 г. (Варш. Унив. Изв.).

110. Въ одной разноязычной рукописи С.-Петерб. Публ.

библ. XVII в. (Q. XIV. 30) имѣется нѣсколько бѣлор. интермедій. О нихъ ст. Брюкнера въ XIII т. Архива Ягича.

111. Рукопись XVII в. (Имп. Публ. библ. F. XV. 65) съ западнорусской Троянской исторіей.

112. Сборникъ XVII в. (Импер. Публ. библ. F. XVII. 5. Толст. I, 110) съ западнорусской Александріей.

113. Переводъ извлеченія изъ Скаргина сокращенія Баронія XVII в. Син. библ. № 729. Съ западнорусскими особенностями есть и другія рукописи указаннаго сокращенія Баронія (Собол. Переводн. лит. М. Р., 83—85).

114. Vocabularium Slavonico-latinum не раньше XVII в. (Берлин. Корол. библіотеки № 11). Выписки изъ него, подъ заглавіемъ „Бѣлорусскій словарь" (24 стр., 4°, въ 2 столбца), сообщены Кеппену въ 1839 году Н. Д. Иванишевымъ (б. ректоромъ университета св. Владимира въ Кіевѣ). При ближайшемъ разсмотрѣніи копіи Иванишева оказалось, что тутъ имѣются и чисто церковнославянскія слова даже т. н. паннонской редакціи. Правда, что указанныя выписки далеко не представляютъ всего того, что есть въ берлинской рукописи.

115. Загадки царя Давыда по рукописи XVII—XVIII в. изданы *Е. Романовымъ* въ V вып. „Бѣлорусскаго сборника", 212—233. Тутъ же литографированный снимокъ.

116. Въ заключеніе отмѣчу еще сборникъ „Памятники полемической литературы въ Западной Руси" (Русс. Историч. библ. IV (1878 г.) и VII (1882), гдѣ перепечатано нѣсколько старыхъ памятниковъ указаннаго рода XVI—XVII вѣка.

Что касается старопечатныхъ книгъ на западнорусскомъ нарѣчіи, то хотя онѣ и отличаются однообразіемъ редакціи во всѣхъ своихъ частяхъ, однакоже даютъ не меньше филологическаго матеріала, чѣмъ рукописи. Тогда какъ въ большинствѣ рукописей переписчикъ лишь невзначай допускалъ отступленія въ пользу живого говора, въ печатныхъ западнорусскихъ книгахъ нарочно, съ преднамѣренною цѣлью, вводился народный элементъ „вырозумѣнія ради простыхъ людей", „вырозу-

мѣня лѣпшого народу посполитого". Конечно и здѣсь не всѣ печатныя книги даютъ одинаковый по качеству матеріалъ: больше его въ тѣхъ изъ нихъ, которыя не чисто духовнаго содержанія, или же нарочно переведены на народную рѣчь. Къ послѣдняго рода книгамъ относятся, напр., Литовскій Статутъ 1588 г., печатная библія Скорины 1517 — 1519, Кальвинскій катихизисъ 1562 г., Евангеліе Тяпинскаго и др. Свой перечень мы ограничимъ только книгами, вышедшими изъ типографій въ Западной Руси, а также въ Прагѣ, не касаясь изданій, появившихся въ Югозападной Руси, хотя и они по языку сходны съ западными. Я даже опущу изданія краковскія (Осмогласникъ 1491 г., Часословецъ 1491 г., Псалтырь съ возслѣдованіемъ 1491 г., Тріодь Постную и Тріодь Цвѣтную 1491 г.), такъ какъ, по наблюденію А. И. Соболевскаго (Чтенія въ Истор. Общ. Нестора Лѣт., II, 192—193), они представляютъ языкъ среднеболгарскій, употреблявшійся въ XV—XVII вѣкахъ въ Молдавіи; западнорусскихъ особенностей здѣсь мало. Изъ изданій XVII вѣка укажемъ для образца только 6 книгъ.

Всѣ нижеприводимыя книги перечислены у *В. Сопикова*: „Опытъ россійской библіографіи, или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Славенскомъ и Россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографій, до 1813 года, Спб. 1813", и *И. Каратаева*: „Описаніе славянорусскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами, т. I. Спб. 1883". На страницы этого послѣдняго изданія обыкновенно и будутъ дѣлаться ссылки.

1. Бівлиꙗ руска выложена докторомъ франциском скориною йз славнаго града полоцька, богу ко чти й людем посполитымъ къ доброму научению. „Подъ симъ заглавіемъ Библіи извѣстны 22 книги ветхаго завѣта, переведенныя на бѣлорусское нарѣчіе докторомъ Францискомъ Скориною изъ Полоцка и напечатанныя каждая отдѣльно въ Прагѣ (въ Богеміи) въ 1517, 1518 и 1519 г." (Каратаевъ). Книги эти слѣдующія: 1) Книга Іова, 2) Притчи Соломоновы, 3) Книга премудрости Іисуса, сына Сирахова, 4) Книга Екклезіаста, 5) Книга Пѣсни

пѣсней Соломоновыхъ, 6) Книга премудрости. Соломоновы, 7—10) Книги Царствъ, 11) Книга Іисуса Навина, 12) Книга Іудиѳь, 13) Книга Бытіе, 14) Книга исходъ, 15) Книга Левитъ, 16) Книга Числъ, 17) Книга Второзаконіе, 18) Книга Руѳь, 19) Книга судей израилевыхъ, 20) Книга Есѳирь, 21) Книга плачь Іереміи, 22) Книга пророка Даніила.

Заглавія, предисловія, выдержки приведены у Каратаева (28—43); подробное изслѣдованіе перевода и языка у *П. В. Владимирова*: „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888“. Имѣется нѣсколько экземпляровъ разныхъ книгъ Скорины въ главнѣйшихъ библіотекахъ. Снимки съ разныхъ книгъ у Сахарова, а также у Соболевскаго и Пташицкаго.

2. Псалтырь, напечатанная въ Прагѣ Францискомъ Скориною въ 1517 г. (Каратаевъ, 43—44). Единственный экземпляръ ея находится въ библіотекѣ Никольскаго единовѣрческаго м-ря въ Москвѣ, бывшей Хлудова. Подробно описана *А. Викторовымъ* въ статьѣ: „Замѣчательное открытіе въ древнерусскомъ книжномъ мірѣ“ (Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. М. 1867 г. Вып. I, стр. 1—27). Эта же псалтырь обстоятельно изслѣдована и въ книгѣ *Владимирова*: „Док. Ф. Скорина“... (стр. 88—99).

3. Та же псалтырь, почти безъ перемѣнъ въ языкѣ, съ нѣкоторыми лишь отличіями въ орѳографіи, перепечата въ „Малой подорожной книжицѣ“ Скорины, въ Вильнѣ 1525 г. (Каратаевъ, 59—67). Книга довольно распространенная (въ Спб. Публ. библ., у гр. Красин. въ Варшавѣ, въ универс. въ Краковѣ и др. мѣстахъ). Изслѣдована у *Владимирова*: „Д. Ф. Скорина“... (стр. 189—200). Снимки у Соболев. и Пташицкаго.

4. Апостолъ, напечатанный въ Вильнѣ Фр. Скориною въ 1525 году (Каратаевъ, 56—59). Касается его и Владимировъ.

5. Кальвинскій катихизисъ, напечатанный въ Несвижѣ 1562 г. (Каратаевъ 136—140). Языкъ подробно разсмотрѣнъ *мною* въ статьѣ: „Два памятника стараго западнорусскаго нарѣчія“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1893 г., авг.). Значительные

отрывки изъ катехизиса напечатаны въ предисловіи (XVI—XXIV) къ „Археографическому сборнику документовъ, относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси“, т. VII. Каратаевъ насчитываетъ 6 экз. этой книги.

6. Въ томъ же году и въ той же Несвижской типографіи Симонъ Будный „напечаталъ свою книгу о оправданіи грѣшнаго человѣка предъ Богомъ“ (Сопиковъ, I ч. LI стр.). Сопиковъ имѣлъ эту книгу въ рукахъ и приводитъ выдержку изъ предисловія къ ней. „Обѣ книги напечатаны одинакими буквами“ (LII вын.). Каратаевъ (140) не находилъ этого изданія ни въ одной изъ русскихъ библіотекъ.

7. Евангеліе учительное, напечатанное въ Заблудовѣ 1568—1569 г., накладомъ литовскаго гетмана Григорія Александровича Ходкевича (Каратаевъ, 163—166). Имѣется нѣсколько экземпляровъ въ разныхъ библіотекахъ. Одинъ евангельскій текстъ, безъ толкованія, мнѣ извѣстенъ и въ одной современной изданію евангелія рукописи (16°, сохранилось только 50 листовъ), принадлежащей г. Безюку, жителю г. Гродна (видѣлъ рукопись у протоіерея Диковскаго). Вотъ начало второго евангелія: Ре́клъ гдь приповѣсть тѣю: Человѣкъ нѣкоторый мѣлъ два̀ сыны́: и реклъ молодшїй з ни отцв: оче, дай ми час маѐтности, кото́рав на менѐ прихо́дитъ...

8. Псалтырь съ часословцемъ, напечатанная Ив. Ѳед. Москвитиномъ въ Заблудовѣ 1570 г. (Каратаевъ, 169—171). Въ экземплярѣ Петербургской Публ. библіотеки на первой сохранившейся страницѣ подъ гербомъ подпись: „Григо́реи а̑лезадрови, хокевича. (на оборотѣ:) найвышшаго, великаго кнѧзьства лито́вскаго, ста́росты горо...ьскаго, и̑ могиле́вскаго. спра́влена, и̑ начасѧ дрвкова́ти, в ымѣнью, е̑го̀ мі́лости о̑тчизно в мѣстѣ заблвдо́вью. лѣта по ржтвѣ хвѣ. а҃,ф҃з҃ѳ го... а̑ сове́ршена бы́сть кни́га сїѧ, ро́кв, о го...“ На слѣдующей странице послѣ оторванной заглавной буквы: „трвди́выисѧ много грѣшныи и̑ непотребныи ра́бъ, на́ и̑мѧ. і̑ва́нъ ѳе́доровичъ москви́тин...“ Псалмы имѣютъ надписанія содержанія. Изслѣдована у П. В. Владимирова: Д. Ф. Скорина... (208—209).

9. Апостолъ, напечатанный, вѣроятно, въ Вильнѣ около 1576 г. (Каратаевъ, 193—195).

10. Евангеліе, безъ обозначенія мѣста и времени печати. Оно вышло изъ кочевой типографіи Василія Тяпинскаго, вѣроятно, около 1580 г. (Каратаевъ, 201—203). Статьи о немъ арх. *Леонида* въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. № 5 въ разборѣ Описанія славянорусс. книгъ Каратаева; у *Владимирова*: Докт. Франциск Скорина, 203—204, вып. 2, и 234—238, а также „Кіевская Старина" 1889 г., февраль, гдѣ напечатано предисловіе къ Евангелію. Языкъ изслѣдованъ у *меня* въ книгѣ: „Къ исторіи зв. и формъ б. р.", 117 sq. О Тяпинскомъ у меня же: Западнор. переводы псалтыри, 15—19, и особенно у *М. Довнара-Запольскаго*: В. Н. Тяпинскій, переводчикъ евангелія на бѣлорусское нарѣчіе (Извѣстія Отд. русс. яз. и слов. Академіи Наукъ, IV (1899 г.), 1031—1064. Книга имѣется только въ двухъ экземплярахъ.

11. Октоихъ (осмогласникъ), напечатанный въ Вильнѣ въ 1582 г. (Каратаевъ, 219—221).

12. Служебникъ, напечатанный въ Вильнѣ въ 1583 г. (Каратаевъ, 221—223).

13. Католическій катихизисъ, напечатанный въ Вильнѣ въ 1585 году (Каратаевъ, 228). Этотъ катихизисъ іезуитскаго происхожденія, что видно изъ надписи на заглавномъ листѣ; „ζ доζволе́ньємъ ста́ръшихъ". Составленіе его предпринято съ цѣлью дать отпоръ лютеранамъ, а также не безъ намѣренія совращенія православныхъ. Языкъ изученъ *мною*: „Два памятника стараго западно-русскаго нарѣчія" (Журн. Мин. Н. Пр. 1893, авг.).

14. Сборникъ, напечатанный, вѣроятно, въ Вильнѣ въ 1585 (Каратаевъ, 228—232).

15. Грамматика, напечат. въ Вильнѣ въ 1586 г. (Каратаевъ, 232—233).

16. Трибуналъ (порядокъ судопроизводства), напечатанный въ Вильнѣ въ 1586 г. (Каратаевъ, 233—234).

17. Только незначительныя отличія отъ Псалтыри 1570 г. представляетъ Псалтырь съ возслѣдованіемъ, напечатанная въ

Вильнѣ у Мамоничей въ 1586 г. (Каратаевъ, 234—235; Владимировъ: Скорина..., 208—209, 211). Есть въ С.-Пб. Публ. библіотекѣ и Румянц. музеѣ въ Москвѣ.

18. Статѹт великого кн҃ства литоскоⷢ ѿ наꙗснѣшого гдⷭ҇ра королꙗ его млⷭ҇ти жикгимонъта третего на коронацыи въ кракове выданый; рокѹ ҂аѳпи. Дрѹковано ввольномъ месте виленьскомъ, въ дрѹкарни домѹ мамоничовъ (Каратаевъ, 236—237). Перепечатанъ „Статутъ Великого князъства Литовскаго 1588 года“ во Временникѣ, кн. 19. Москва. 1854. XII + 382 + 24. Въ предисловіи: „Редакція Временника, принимая во вниманіе историческое и филологическое значеніе статута Литовскаго, какъ памятника того языка, на которомъ писали въ западной Руси въ XVI столѣтіи, при настоящемъ изданіи старалась передать его по возможности со всею точностію, нисколько не отступая отъ Мамоничевскаго изданія, не только въ правописаніи и пунктуаціи, но даже въ переносѣ словъ изъ одной строки въ другую“... Статутъ этотъ съ давнихъ поръ изучался поляками и русскими. Ср. **Encyklopedyja Powszechna, XXIV (Warszawa, 1867), 23—27: Statut litewski** Рогальскаго. Первое польское изданіе 3-го статута было въ 1614 г.; первый русскій переводъ въ Спб. 1811 г. Языкъ Статута 1588 г. изученъ *мною* въ книгѣ: Къ исторіи зв. и формъ бѣл. р., 20 sq. и 310. Снимки у Пташицкаго и Соболевскаго. Было нѣсколько изданій статута 1588 г., но на всѣхъ стоитъ одинъ и тотъ же годъ. Имѣется болѣе 20 экз.

19. Грамота польскаго короля Сигизмунда III ко всему княжеству Литовскому о проѣздѣ Константинопольскаго патріарха Іереміи. Напечат. въ Вильнѣ 1589 г. Печатана курсивнымъ шрифтомъ (Каратаевъ, 243).

20. Апостолъ, напечатанный въ Вильнѣ въ 1591 году (Каратаевъ, 246—247).

21. Псалтырь, напечатанная въ Вильнѣ въ 1592 г. (Каратаевъ, 250—252).

22. Сходна съ книгами №№ 8 и 17 и Псалтырь съ возслѣдованіемъ 1593 г. „Ѱалъмы двⷣа прⷪ҇рка и цр҃ꙗ. В вильни. З дрѹкарни домѹ Мамоничовъ. Рокѹ ҂аѳчг. Текстъ и надпи-

санія тѣ же, что и въ псалтыри 1570 года (Каратаевъ, 254—256; Владимировъ: Д. Ф. Скорина, 208 — 211). Есть въ Спб. Публ. библіотекѣ. — Во всѣхъ трехъ названныхъ псалтыряхъ западнорусскій элементъ, кромѣ предисловій, записей и посвященій, вообще довольно слабъ; сказывается больше въ орѳографіи и изрѣдка въ фонетикѣ и морфологіи (оцысти, да́лъ бым оубо пс. 50 псалт. 1570 г.; не развмеша пс. 27, о́лтаръ пс. 50 псалт. 1586 г. и т. п.).

23. Евангеліе толковое, напечатанное въ Вильнѣ 1595 г. (Каратаевъ, 260).

24. Катихизисъ С. Зизанія, напечатанный въ Вильнѣ (вѣроятно) на польскомъ и западнорусскомъ языкахъ 1595 г. (Каратаевъ, 262).

25. Ѹнија албо выкладъ пренешихъ артыкѹловъ кѹ зъѡдноченью грековъ с костеломъ рыскимъ належащыхъ. Ѹ Вилъни. 1595. (Каратаевъ, 261). Изданіе іезуитское (за дозволениемъ старшихъ); авторъ, вѣроятно, Ип. Поцѣй.

26. Молитвы повседневныя, напеч. въ Вильнѣ 1596 г. (Каратаевъ, 264—265).

27. Казанье св. Кирилла, патріарха іерусалимскаго, напеч. въ Вильнѣ въ 1596 г. (Каратаевъ, 265—268).

28. Лист Іеремеи Патріархи Константинопольскаго напоминальныи... ѿ второ пришествіи хвѣ и ѿ Антіхрістѣ. Напечат. въ Вильнѣ 1596 г. (Каратаевъ, 268—269).

29. Грамматіка Словенска съвершеннаго искѹства осми частій слова, и иных нѹдных. Ново състалена Л. Z. В Вилни. 1596 г. (Каратаевъ, 270—271).

30. Азбука, напечатанная въ Вильнѣ въ 1596 г. (Каратаевъ, 271—272).

31. Ѡписанье, и ѡборона събороу Роуского Берестейского. В рокѹ 1596. Напеч. въ Вильнѣ 1597 г. (Каратаевъ, 273—274).

32. Апокрисисъ, альбо отповѣдь на книжки о съборѣ берестейскомъ (не позже 1597 г.) черезъ Христофора Филялета. Въ Вильнѣ. Ср. Житецкій: Очеркъ литературной исторіи, 140. Иначе у Каратаева (ср. 277—279).

33. Возраженіе на Апокрисисъ и Отписъ, напечат., вѣроятно, въ Вильнѣ не раньше 1599 г. (Каратаевъ, 288).

34. Четвероевангеліе, напечат. въ Вильнѣ 1600 г. (Каратаевъ, 292—293).

35. Лѣкарство на ѡспалый оумыслъ чоловѣчїй, а ѡсобливе на затвердѣлые срца людскїе заведеные свѣтомъ, альбо ꙗкими грѣхами... Дамїанъ недостойный презвитеръ. Въ Острогѣ 1607 г. Въ этой книгѣ изложеніе ведется параллельно на ц.-славянскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ (Каратаевъ, 309—310). Выписки у Сопикова (I № 453).

36. Гаръмонїѧ. альбо согласїе вѣры сакраментътовъ, и церемоней свѧтое восточъное церъкви съ костеломъ рымъскимъ. Книга, вѣроятно, издана въ Вильнѣ 1608 г. (Каратаевъ, 311—312). Перепечатана въ VII томѣ Историч. библіотеки.

37. ΘΕΣΕΣ сиречъ. изъвѣстны предъложенїѧ ѿ оученїй еже ѿ тайнахъ церъковныхъ. Изд., вѣроятно, въ Вильнѣ. 1608 г. (Каратаевъ, 311).

38. Псалтырь и Новый Завѣтъ 1611 г.: „Книга Нового Завѣта. В нейже напреди ѱалтыр Блаженаго Пророка и царѧ Давыда... Працею и пильнымъ стараньемъ, Иноковъ Цѣркви Братское С. Дха, Ѡбъщелюбного житїѧ. Въ маетности его млти (Богдана Огинскаго). В Евю. Рокв ҂ахаі (Каратаевъ, 319; Добрянскій: Путеводитель, стр. 30, № 9). Экземпляры этой псалтыри есть въ Спб. Публ. и Виленск. П. б. На западнорусскомъ нарѣчіи написаны, кромѣ заглавія, еще а) предисловіе; вотъ его начало: „Велмоґному пану его М. Пнв, Богданв князю окгинскомв С Козелска, Подъкоморемв Троцкомв, Держ̃авцы Доръсвнишъскомв, коръмѧловскомв, И прочаѧ... Жалю в правде и подивеѧ великого гонаѧ ест речъ,... и кгды всп речи створоные, на то ѡкрвгв свѣта надвючїесѧ, целю и конца своего, до которого и ѡнаѧ превѣчнаѧ мвдрость створыти рачила, в намнешомъ пвнкте не ѿствпвю“... Предисловіе заканчивается подписью: „В мти своего м. Пна, слвги и Бгомольцы оуставичные. Иноцы ѡбщего житїѧ Монастыра Церкви Сто Дха Братства Црковного Виленского православїѧ греческаго“. Затѣмъ б) особенности западнорусскаго нарѣчія прогля-

дываютъ въ надписаніяхъ псалмовъ съ изложеніемъ ихъ содержанія и толкованіяхъ нѣкоторыхъ мѣстъ псалмовъ (обыкновенно на поляхъ). Напр., изъ толкованія 1 пс.: Мужъ для мужности и сталости, ωбоей плоти члкъ. Нѐ ѿстѹпи ѿ ба не зезволи на замыслы превроны и непопони злое воли оучынко. Не оучи заралывы еретицкихъ наѹкъ...

39. Ѱалтырь Блженнаго прркa и царѧ Два... в Вильни. 1623 (Каратаевъ, 368 — 369; Добрянскій: Путеводитель, 30, № 13). Здѣсь только „Предмова" и „До чителника" на западнорусскомъ нарѣчіи (ср. Западнорусс. переводы псалтыри, 44).

40. Гисторїѧ албо правдивое выписанїе ст: Іωанна Дамаскина, ω житїи сты прп: ѿцъ Варлаама Іωсафа и ω навернѐню Індїанъ. Стараемъ и коштомъ Інокωвъ ωбщежителного монастыра Кѵтеевского. 1637 г. (Каратаевъ, 455—456).

Приводя тѣ или другіе памятники стараго западнорусскаго нарѣчія я нерѣдко упоминалъ и о тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя касаются нѣкоторыхъ изъ нихъ. Здѣсь въ заключеніе своего обзора перечислю эти работы. Причемъ въ видахъ полноты буду касаться даже и такихъ работъ, которыя лишь отчасти имѣютъ отношеніе къ разсматриваемому предмету, затрогивая, напр., хотя бы только названіе языка, на которомъ перечисленные памятники написаны.

Писатели XVI вѣка, ясно представляя, что въ основѣ этого языка лежитъ рѣчь русскаго народа, естественно называли его „русскимъ". Такъ извѣстный переводчикъ Библіи 1517—1525 г. докторъ *Францискъ Скорина* свой западнорусскій переводъ называетъ: „Бівлиꙗ рѹска выложена"; подобныя приписки имѣются при каждой библейской книгѣ перевода Скорины (кромѣ Псалтыри 1517 г.): „книги выложены на рускій ꙗзыкъ"; въ Псалтыри онъ отличаетъ „рускія слова" отъ „языка словенскаго" (ср. Владимировъ, Докт. Ф. Скор., 247).

Валентинъ Негалевскій въ предисловіи къ переводу Евангелія 1581 года говоритъ, что является надобность въ переводахъ „на рѣчь рускую писма нашого".

Подобное же названіе этого языка встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ XVI вѣка. Такъ мы видѣли (стр. 143), что въ *Литовскій Статутъ* 1588 года было занесено постановленіе, чтобы писарь земскій писалъ русскимъ, а не другимъ языкомъ, при чемъ въ статутѣ этотъ языкъ характеризуется только „русскими литерами и словы“.

Нѣкоторые дѣятели того времени, стараясь болѣе точно опредѣлить эту рѣчь, прибавляютъ еще слово „простой“. Такъ въ предисловіи къ Учительному Евангелію 1569 г. *Григорій Александровичъ Ходкевичъ* говоритъ: „Помыслилъ былъ есми, иже бы сію книгу, выразумѣнія ради простыхъ людей, преложити на простую молву“... Въ одномъ изъ слѣдующихъ его изданій (въ Евю 1619 г.) въ предисловіи прибавлено: „зась пре незнаемость и неумѣетность языка словенского многихъ .... знову переложеньемъ его на языкъ нашъ простый рускій якобы з мертвыхъ вскрешонъ“.

Такъ же называетъ западнорусское нарѣчіе и *Лаврентій Зизаній* въ заглавіи своего словаря 1596 г.: „Лексис сирѣчь реченїѧ, въкратцѣ събранны и из словеского ѧзыка на просты рускїи дїалетъ истолкованы“ (ср. Азбука, напечат. въ Вильнѣ 1596 г. Каратаевъ, 272, и у Сахарова: Сказанія русскаго народа, т. II. Спб. 1849 г., стр. 121). Впрочемъ тотъ же Лав. Зизаній, по свидѣтельству Кеппена, слово катихизисъ толкуетъ: „по-литовски оглашеніе“, гдѣ очевидно названіе государства перенесено и на господствующій въ немъ языкъ. Подобное же названіе встрѣчается и въ словарѣ *Памвы Берынды* 1653 г., листъ 133: „Пѣтель: Чески и Руски, когутъ. Волынски, пѣвень. Литовски петухъ“ (обѣ ссылки беру изъ книги Владимирова: Докт. Фр. Скорина, XII; у Сахарова: Сказ. русс. н., II, 86, вторая цитата читается нѣсколько иначе).

Впрочемъ въ XVII вѣкѣ *Крыжаничъ*, да и вообще въ Московской Руси его часто называютъ „бѣлорусскимъ“. Въ „Граматичном изказанjи об руском jезику“ Крыжаничъ говоритъ, что бѣлоруссы (Билорусjани) подражаютъ во всемъ полякамъ и исказили свой языкъ по польскому; въ кіевскихъ книгахъ встрѣчается множество такихъ искаженій и мерзостей, кото-

рыхъ нельзя читать безъ омерзѣнія и тошноты (ср. Перволъфъ. Славяне, II, 322, и III, ч. II, 161). Въ припискѣ къ одной рукописи собранія Буслаева, переведенной „съ Польско-Русскаго перевода“ читаемъ: „глава еі. Пріложена здѣ о различны чюдесѣхъ и мѣстѣх; еѧ же в бѣлорѹскои книзѣ ѿ неѧ же преведесѧ сиѧ нѣсть“ (Историч. Христоматія, 1346).

Въ XVIII вѣкѣ *Штриттеръ* (Опытъ трудовъ вольнаго Россійскаго собранія, 1783, Москва, VI, 177—194), изучая изданія Скорины, такъ отзывается о языкѣ ихъ: „сей переводъ Россійской Библіи нѣсколько подходитъ къ польскому языку“ (193).

Болѣе внимательно стали присматриваться къ языку старыхъ западнорусскихъ произведеній лишь съ XIX вѣка, но научное изученіе его относится только къ тремъ послѣднимъ его десятилѣтіямъ. Чуть ли не первый обратилъ на него вниманіе авторъ „Опыта россійской библіографіи“ (Спб. 1813 г.) *Василій Сопиковъ*. Приводя подъ № 787 (I ч., 167 стр.) „Омилію, или бесѣду на годовую память... Елисея Плетенецкаго“, говоренную Захаріемъ Копистенскимъ (Кіевъ, 1625 г.), онъ приписываетъ „на Бѣлорусскомъ языкѣ“, а въ выноскѣ объясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ послѣднимъ: „Подъ именемъ Бѣлорусскаго языка разумѣется нарѣчіе жившихъ въ Бѣлоруссіи и въ Польшѣ благочестивыхъ греческаго исповѣданія людей. Монахи, въ тѣхъ странахъ жившіе до исхода XVII столѣтія, почти всѣ свои богословскія и поучительныя сочиненія писали симъ языкомъ. Онъ есть смѣсь, составленная изъ языковъ: Словенскаго, Русскаго, Польскаго, а частью и Латинскаго. См. для примѣра сдѣланную выписку, подъ № 453“. Подъ послѣднимъ №-мъ приводится книга, упомянутая у насъ подъ № 35: Лѣкарство на оспальный умыслъ и т. д. Помѣтки „на бѣлорусскомъ языкѣ“ встрѣчаются у Сопикова нерѣдко, но эти произведенія большею частью напечатаны въ югозападной Руси и часто имѣютъ малорусскія особенности, рядомъ конечно съ бѣлорусскими.

Изданія Скорины и Литовскій Статутъ 1588 г. обратили на себя вниманіе извѣстнаго польскаго ученаго *Самуила Бо-*

гумила Линде. Въ статьѣ „O Literaturze Rossyyskiéy“ (Pamiętnik Warszawski 1815—1816; извлеченіе въ Вѣстн. Европы 1816 г. XC, 110—136, 230—244) о бѣлорусскомъ нарѣчіи онъ замѣчаетъ: „tak bardzo do polszczyzny zbliżony dyalekt“ (1816 г.; V, 126). Въ другомъ своемъ сочиненіи: „O statucie litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym. W Warszawie. 1816“, онъ доказываетъ что западнорусское нарѣчіе ближе къ польскому, нежели къ русскому языку. Разсматривая лексическій составъ статута, онъ въ основу кладетъ польскій языкъ, а русскія слова отмѣчаетъ лишь какъ заносныя. Такъ на стр. 17-ой онъ говоритъ: ieszcze tu nie iest koniec wszystkim słowom niepolskim, znayduiącym się w Ruskim Statucie Litewskim“. Онъ удѣляетъ цѣлыхъ 8 страницъ (11—19: Rozdział II: o pismie i języku tegoż statutu) указанію тѣхъ чертъ, по которымъ языкъ статута отличается отъ польскаго. Подобное утвержденіе Линде и нѣкоторыхъ другихъ лицъ не имѣетъ за собой прочнаго основанія. Характеръ языка опредѣляется не столько его лексическимъ составомъ, сколько особенностями въ звукахъ и формахъ; а въ этомъ отношеніи старое западнорусское нарѣчіе, несомнѣнно, принадлежитъ къ говорамъ русскаго языка. Да и въ лексическомъ отношеніи, какъ мы въ свое время видѣли, польскій элементъ въ немъ не особенно силенъ. Это замѣчаніе относится и къ Статуту 1588 года. Несмотря на стараніе Линде найти въ немъ побольше польскихъ словъ, постоянно приходится приводить длинные перечни словъ статута, нисколько не сходныхъ съ польскими, или же, при кажущемся сходствѣ, имѣющихъ совершенно другое значеніе; сходны, конечно, тѣ слова, которыя общи всѣмъ славянскимъ языкамъ.

Благодаря главнымъ образомъ Опыту Сопикова вызвано появленіе замѣтки „О бѣлорусскомъ нарѣчіи“ *Конст. Ѳ. Калайдовича* (Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества любителей Россійской словесности при Импер. Московскомъ университетѣ. 1822 г., ч. I, кн. 1, 67—80). Здѣсь дается краткій и въ то же время очень неточный очеркъ употребленія въ письменности въ старину бѣлорусскаго нарѣчія. При-

водится и отрывокъ изъ Тестамента Византійскаго Императора Василія сыну своему Льву Философу въ переводѣ Даміана (Острогъ. 1607), взятый у Сопикова. Имѣется и краткій словарь бѣлорусскаго нарѣчія (стр. 75—80), гдѣ отмѣчаются больше заимствованныя слова. Статья заканчивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Намѣреніе, руководствовавшее меня въ написаніи статьи сей, состояло въ томъ, дабы обратить на столь важный предметъ вниманіе самихъ бѣлорусцевъ, которые вѣрнѣе и лучше могутъ изслѣдовать свое нарѣчіе и помощію онаго объяснить древній языкъ нашихъ памятниковъ“.

П. И. Кеппенъ (Матеріалы для исторіи просвѣщенія. № II. Библіографическіе листы. Спб. 1826 г.) „въ разныхъ мѣстахъ своего труда возстаетъ противъ названія языка книгъ и рукописей XVI—XVII вѣка бѣлорусскимъ, предлагая называть его „Литовско-Русскимъ“ (267, 268), а на стр. 409 отличаетъ еще Литовско-русскій языкъ отъ Русскаго (Карпато-Русскаго)“ (Владимировъ: Докт. Ф. Скор., XII).

Стараго западнорусскаго языка касается и *М. Тр. Каченовскій* (Вѣстн. Евр. 1828, № 22, стр. 146). По поводу мнѣнія Даниловича относительно того, что языкъ, какимъ писаны статуты литовскіе и который господствовалъ въ канцеляріяхъ велик. князей литовскихъ, есть бѣлорусскій, Каченовскій замѣчаетъ: „Бѣлорусскаго книжнаго языка нѣтъ и не бывало. Линде уже лѣтъ за 12 передъ симъ опровергалъ оное мнѣніе, совершенно несправедливое“. Дальнѣйшія разсужденія Каченовскаго обнаруживаютъ полное невѣжество и непониманіе предмета, о которомъ онъ взялся говорить.

Польскіе ученые первой половины прошлаго вѣка еще пропагандировали названіе бѣлорусскаго нарѣчія стараго и новаго кривицкимъ или кривичанскимъ. Такъ *Ельскій* (Chwila. 1886 № 17) приводитъ мнѣнія *Ярошевича* (Obraz Litwy, t. II, 133), *Нарбута* (Hist. Nar. Lit., t. III, 262—263), *Рогальскаго Л.* (Encycl. Powsz., t. XXIV, 25), *Чечота* (Pieśni), что „statutu dyalect może najsłuszniej zwą krywiczańskim“. Онъ самъ за *Вишневскимъ* (Hist. Lit. P., VIII, 461) хотѣлъ бы считать бѣлорусское нарѣчіе такимъ же самостоятельнымъ язы-

комъ, какъ польскій, чешскій, русскій (ib. № 17): „jest samorodnym a raczej wyrobionym z pierwotnej słowiańskiej gwary". Впрочемъ Вишневскій поступилъ очень радикально: онъ западнорусскую письменность отнесъ прямо къ польской литературѣ; здѣсь онъ, напр., разсматриваетъ произведенія Скорины и въ языкѣ ихъ находитъ особую близость къ польскому (Historya Liter. Polskiej. Kraków. 1851, VIII). Кревицкимъ называлъ бѣлорусское нарѣчіе; но теперешнее, одно время и *Янъ Карловичъ* [1]).

Очень рѣзкій отзывъ о письменномъ языкѣ Западной Руси высказали *О. М. Бодянскій* и Я. Головацкій. Первый въ сочиненіи: „О поискахъ моихъ въ Познанской Публичн. библіотекѣ" (стр. 31. Чтенія, 1846. № 1), признавая въ письменномъ языкѣ обитателей Бѣлоруссіи и сильное вліяніе ц.-славянскаго языка и особенно польскаго, приходитъ къ заключенію, что „имъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ, (такъ какъ онъ представляетъ) самую отвратительную смѣсь, какую только можно себѣ представить и какая когда-либо существовала на Руси".

Головацкій въ статьѣ: „Нѣсколько словъ о Библіи Скорины"... (Науковый сборникъ, 1865), разсматривая печатныя и рукописные переводы библіи Скорины, касается и языка этихъ изданій. Подобно Бодянскому, онъ возстаетъ противъ названія этого языка бѣлорусскимъ: „то языкъ ни бѣлорусскій, ни великорусскій, ни малорусскій, а языкъ книжный, искусственный, якимъ никто никогда не говорилъ и не говоритъ" (251) (ср. Владимировъ: Докт. Фр. Скорина, XIX). Относительно нѣкоторыхъ западнорусскихъ переводовъ (но только не скорининскихъ), сдѣланныхъ малоопытными переводчиками

---

[1]) ...Nesselmann w swym Słowniku litewskim chcąc wskazać, iż wyraz jakiś litewski uważają za pochodzący ze słowiańskiego, pisze przy nim rossyjską formę. Dla czego, nie rozumiem. Jeżeli to ma oznaczać starosłowiańską, to się powinno pisać starosłowiańskiemi głoskami; a jeżeli krewicką, to wypada używać liter łacińskich, w razach zaś wątpliwych cytować raczéj polską niż krewicką formę, bo więcéj z polskiego niż z innych słowiańskich narzeczy wzięli Litwini. Przywodzenie zaś rossyjskich paraleli nie ma żadnego uzasadzenia, gdyż Litwini z „Wielkorusinami nigdy nie sąsiadowali i wyrazów od nich zgoła nie brali".

Karłowicz: O języku litewskim Rozprawy, II. 1875, стр. 374.

съ польскаго подобное заключеніе, съ нѣкоторыми ограниченіями, и можетъ быть сдѣлано. Относительно языка западнорусскихъ грамотъ Головацкій выражается иначе: „языкъ грамотъ (XVI в.) чистый русскій, безъ малѣйшаго вліянія польскаго языка, который въ то время еще не употреблялся въ письменности“ (Труды VI Археологическаго съѣзда, 424).

Архіепископъ *Филаретъ* въ „Обзорѣ русской духовной литературы“ (Ученыя Записки II Отд. Имп. Акад. Н. Спб. 1856 г.) касается и переводовъ Скорины. Языкъ ихъ онъ считаетъ литовско-русскимъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ мнѣнію Кеппена. Съ ними согласны *И. Сахаровъ* („Обозрѣніе славянорусской библіографіи“. Спб. 1849, стр. 4, 6) и *И. Каратаевъ* („Описаніе славяно-русскихъ книгъ“. Спб. 1878, стр. 30, 50). Названіе „литовско-русскій“ языкъ, тѣмъ менѣе „литовскій“ языкъ, конечно, не можетъ считаться удобнымъ для стараго западнорусскаго нарѣчія, такъ какъ съ понятіемъ литовскаго языка у насъ соединяется совершенно другое представленіе: можно бы подумать, что бѣлорусское нарѣчіе восприняло въ себя элементы литовскаго языка, чего съ нимъ въ дѣйствительности не произошло.

Ѳ. И. Буслаевъ въ своей „Исторической Христоматіи“ (Москва. 1861 г., стр. 197—206) напечаталъ съ незначительными уклоненіями отъ подлинника (ср. Владим. Докт. Фр. Скорина, XVI) отрывки изъ переводовъ Скорины „на русскій языкъ“ — книги Іова и Притчей царя Соломона — и снабдилъ ихъ примѣчаніемъ: „Въ языкѣ этого перевода Библейскихъ Книгъ видимъ образецъ Бѣлорусскаго нарѣчія начала XVI вѣка. Въ грамматическомъ отношеніи это нарѣчіе, въ предложенныхъ текстахъ, ничѣмъ существенно не отличается отъ Великорусскаго; но предлагаетъ много особенныхъ реченій для Словаря, частію мѣстныхъ, частію заимствованныхъ изъ языка польскаго“ (202). Называя языкъ Скорины бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, Буслаевъ однако не рѣшается распространить этого имени на рѣчь тѣхъ произведеній кіевскихъ ученыхъ, которыя слишкомъ изобиловали полонизмами: ее онъ на

зываетъ уже „языкомъ польско-русскимъ, какъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ и въ этимологическихъ формахъ и въ самыхъ звукахъ“ (стр. 1130). Такъ онъ отзывается, напр., о языкѣ „Ключа разумѣнія“ Іоанникія Галятовскаго.

Статья „О языкѣ древнихъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ Виленскомъ архивѣ, и о юридическомъ языкѣ въ бывшемъ княжествѣ Жмудскомъ“, напечатанная въ „Западно-русскомъ мѣсяцесловѣ“ на 1866 г. (стр. 67—69) содержитъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній объ актовомъ языкѣ да приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ старинныхъ документовъ.

Въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“ за 1869 г. (т. IV, кн. X—XII, отд. II, стр. 1—16, 45—63, 85—111) напечатана статья *И. Козловскаго*: „Судьбы русскаго языка въ Литвѣ и на Жмуди“. Эта довольно обширная и содержательная статья не представляетъ много учености; она компилятивна, составлена больше по польскимъ источникамъ; но даетъ немало матеріала, который, при теперешнемъ состояніи науки, легко провѣрить и привлечь къ изслѣдованію судебъ русскаго языка въ администраціи и церкви, не говоря уже объ обыденной жизни, въ западной Руси и Литвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ; тутъ же указываются всѣ обстоятельства, при которыхъ произошло и постоянное устраненіе его изъ всѣхъ указанныхъ областей въ послѣдующее время, особенно въ періодъ дѣятельности іезуитовъ. Въ связи съ этой статьей, вѣроятно, и слѣдующая: „Судьбы русскаго языка въ костелахъ Сѣверозападнаго кря“, явившаяся въ печати нѣсколько раньше („Русс. Вѣстникъ“ 1868 г.) и затѣмъ еще разъ перепечатанная въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ за 1884 г. (№№ 110, 111, 121, 124, 126, 127, 129).

Спеціальныя изслѣдованія по старому западнорусскому нарѣчію, отличающіяся научнымъ характеромъ, начинаются лишь съ появленія статьи *И. Недешева*: „Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ“ (Русс. Фил. Вѣстн., т. XII [1884 г.], стр. 1—54, и отдѣльно. Варшава. 1884). Это сочиненіе, несмотря на всѣ его недостатки и погрѣшности, въ свое время обстоятельно отмѣченные проф. А. И. Соболевскимъ (Журн.

Мин. Нар. Пр. 1885 г., іюнь), значительно освѣтило исторію бѣлорусскаго нарѣчія, доставивъ порядочно фактическаго матеріала. Но Недешевъ, съ одной стороны, исчерпалъ очень незначительную часть матеріала, какой можно было найти для сужденія о языкѣ стараго западнорусскаго нарѣчія, а съ другой – приведенныя имъ данныя для характеристики звуковъ и формъ отличаются большимъ однообразіемъ. Если и простить ему то, что онъ не изучилъ ни одного памятника непосредственно, а лишь по изданіямъ, большею частью очень неудовлетворительнымъ, хотя и въ Варшавѣ, какъ мы видѣли, есть очень важныя западнорусскія рукописи, напр., въ библіотекѣ гр. Красинскихъ, Главномъ Архивѣ и даже университетской, —однако нельзя не обратить вниманія на то, что онъ пользовался только грамотами и актами (ср. перечень источниковъ и пособій на стр. 1—2).

Іосифъ Перволъфъ, на котораго изрѣдка приходилось намъ ссылаться и прежде, въ извѣстномъ своемъ трудѣ: „Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи" (Варш. 1886—1893) нѣсколько разъ говоритъ по различнымъ поводамъ и о старомъ западнорусскомъ нарѣчіи. Такъ во II-мъ томѣ (стр. 595—601) говорится о попыткахъ переводить св. книги на народный бѣлорусскій языкъ. Тутъ перечисляются такіе переводы, начиная со Скорины и указываются причины, вызвавшія ихъ. Особенно большое отношеніе къ нашему предмету имѣетъ ч. II тома III-го. Такъ тутъ (стр. 29—44) мы прежде всего читаемъ о различіи въ звукахъ и формахъ бѣлорусской рѣчи и польскаго языка; о взаимномъ вліяніи одного на другой и о заимствованіяхъ бѣлоруссами у поляковъ и наоборотъ. Интересно замѣчаніе относительно словарнаго сходства бѣлорусскаго нарѣчія съ польскимъ языкомъ: „Въ западно-русскихъ нарѣчіяхъ находится, конечно, больше словъ, общихъ съ ляшскими нарѣчіями, чѣмъ въ восточно-русскихъ нарѣчіяхъ: но много такихъ словъ, общихъ нарѣчіямъ ляшскимъ и западнорусскимъ, встрѣчается тоже въ восточнорусскихъ говорахъ" (35—36). Далѣе на двухъ страницахъ приводится длинный списокъ такихъ словъ. Особенно много интереснаго для зани-

мающагося исторіей западнорусскаго нарѣчія можно найти въ отдѣлѣ „Русь литовская“ (148—242).

Извѣстный знатокъ древнерусскаго языка академикъ *А. И. Соболевскій* не оставляетъ безъ вниманія и стараго западнорусскаго нарѣчія. Такъ имъ данъ обстоятельный очеркъ смоленско-полоцкаго говора въ XIII—XV вѣкахъ, вошедшаго въ составъ бѣлорусскаго нарѣчія, въ статьѣ: „Смоленско-полоцкій говоръ въ XIII—XV вв.“ (Русс. Фил. Вѣстн., т. XV [1886], стр. 7—26). Здѣсь привлечены къ изслѣдованію не только напечатанные матеріалы, но и рукописные (около 10 №). Впослѣдствіи въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“ (1 изд. Кіевъ. 1888 г. и 2 изд. Спб. 1891) Соболевскій далъ много матеріала для характеристики всего западнорусскаго нарѣчія. Въ этомъ трудѣ приводятся данныя между прочимъ изъ Мстижскаго Евангелія XIV вѣка, западнорусской Четьи 1489 г., Поученій Ефрема Сирина 1492 г. (о нихъ больше въ его же „Очеркахъ“), печатной Библіи Скорины, печатн. Катихизиса 1562 г., Литовскаго Статута 1588, Евангелія Тяпинскаго, зап.-русской Псалтыри XVI в. Рум. муз. № 335. Ему же принадлежитъ замѣтка: „О языкѣ печатныхъ изданій Фіоля и Скорины“ (2-я книга „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“). Не забывается западнорусское нарѣчіе и въ разныхъ другихъ его изслѣдованіяхъ и замѣткахъ, напр., въ рядѣ статеекъ, напечатанныхъ въ Журн. Мин. Н. Пр. подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ исторіи русскаго языка“ (*ч. 296*, *у* изъ *ву* [23], цяперъ [28], зазуля [29], залоза [30]; *ч. 311*, *ш* вм. *с* [44], уподобленіе *j* слѣдующему *ш* въ сравн. степ. и др. подобн. случаяхъ [64], *дж* вм. *ж* [51], *з* вм. *дз(ц)* [52], стяженіе гласныхъ въ формахъ типа мого, однэ́й [56], имен. столэ́ [57]; *ч. 316*; *дей* [63], дванаџцать [64], сесь [66], въвъ [67], домовь [67], 3-ье лицо на *-ти* [68]; *ч. 337*, приставка *j* передъ гласнымъ [396], молойца [399], войстрый [400], куры [406]). Въ „Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ памятникахъ юго-западнорусскаго письма XVI — XVII вв.“ (Кіевъ. 1894, изъ IX кн. „Чтеній въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца“) описано, съ указаніемъ особенностей языка, нѣсколько западнорусскихъ памятниковъ, о чемъ

уже была у насъ рѣчь. Соболевскому, наконецъ, принадлежатъ отзывы о работахъ Недешева, Владимирова, моихъ и др., о чемъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Извѣстный берлинскій профессоръ, польскій славистъ *А. Брюкнеръ* также по временамъ удѣляетъ свое вниманіе исторіи бѣлорусскаго нарѣчія. Такъ ему принадлежитъ изслѣдованіе о языкѣ извѣстнаго Познанскаго сборника XVI в.: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyński'schen Bibliothek in Posen (Archiv für sl. Philologie 1886 г., IX). Кромѣ изложенія особенностей языка сборника, здѣсь дается еще очеркъ палеографическихъ его особенностей и литературной исторіи. Къ обозрѣнію памятниковъ западнорусской письменности Брюкнеръ обращался еще и въ послѣдствіи, помѣстивъ въ Архивѣ Ягича (XIII т.) двѣ статьи 1) о западнорусскомъ текстѣ средневѣковаго Видѣнія Тундала: „Die Visio Tundali in bömischer und russischer Uebersetzung" по рукописи XVI в. библіотеки гр. Красинскихъ въ Варшавѣ и 2) о польско-русскихъ интермедіяхъ XVII—XVIII вѣка по рукописямъ Импер. Публ. библ., гдѣ особенно интересны рѣчи бѣлорусскихъ крестьянъ.

Въ 1887 году появляется первый трудъ по старому западнорусскому нарѣчію проф. *П. В. Владимирова*: „Житіе св. Алексѣя, человѣка божія, въ западнорусскомъ переводѣ конца XVI вѣка" (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1887 г., октябрь). Въ этой статьѣ, кромѣ палеографическихъ данныхъ рукописи, въ которой находится названное житіе, отмѣчены еще особенности языка произведенія и указаны вліянія церковнославянское и западнославянское. Въ концѣ статьи приложенъ списокъ западнорусскихъ словъ съ объясненіями. Рецензія на эту статью принадлежитъ Мурку (Archiv für sl. Phil., XII, 560—571). Но особенно замѣчательнымъ трудомъ Владимирова является книга, великолѣпно изданная въ 1888 году Обществомъ Любителей Древней Письменности въ Спбургѣ: „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ". 8°. XII ненум. + XXVI + 351 и 7 листовъ снимковъ. Въ этомъ сочиненіи, кромѣ обстоятельнаго обзора литературы

предмета, а также разсмотрѣнія рукописей, имѣющихъ ту или другую связь съ сочиненіями доктора Фр. Скорины, дается матеріалъ двоякаго рода: историко-литературный и лингвистическій. Для насъ особенно важенъ послѣдній: его-то у Владимирова и собрана масса, такъ что изслѣдователь западнорусскихъ говоровъ имѣетъ здѣсь множество данныхъ для сужденія объ ихъ особенностяхъ. Книга Владимирова вызвала нѣсколько отзывовъ: Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1888, окт.), М. Довнара-Запольскаго (Минскій Лист. 1888 г. № 42 и 44), Мурка (Archiv für sl. Phil., XII, 243—268), Будиловича (въ Отчетѣ о 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова. Записки Имп. Академіи Наукъ, т. 69, Спб. 1892 г.). Владимировымъ, какъ мы уже имѣли случай говорить, въ „Кіевской Старинѣ“ за 1889 г., февраль, напечатано предисловіе къ Еван. Тяпинскаго и одинъ отрывокъ изъ евангелія. Далѣе много мѣста удѣлено и старому западнорусскому нарѣчію въ его работѣ: „Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII столѣтія. Кіевъ. 1890“ (Чтенія въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца, кн. IV). Здѣсь западнорусскія рукописи разсматриваются вмѣстѣ съ югозападными вслѣдствіе общихъ точекъ соприкосновенія въ особенностяхъ ихъ языка. Лингвистическія данныя сообщаются лишь настолько, насколько онѣ необходимы для правильнаго сужденія объ изводѣ рукописи. Причемъ, однако, если рѣчь идетъ о рукописяхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, то и лингвистическихъ данныхъ о нихъ дается много. Проф. Владимирову принадлежитъ оффиціальный отзывъ о моей магистерской диссертаціи (о чемъ послѣ) и наконецъ статья: „Научное изученіе бѣлорусскаго нарѣчія за послѣднія десять лѣтъ (1886—1896 гг.)“ (Кіевскія Унив. Извѣстія 1898, май). Эта статья разсматриваетъ только мои работы; во многихъ мѣстахъ она производитъ странное впечатлѣніе [1]). Свой обзоръ авторъ заканчи-

[1]) Такъ, напр., на стр. 6 приводится мое замѣчаніе относительно того, что въ бѣлор. нѣтъ слова раскёпъ (такъ слѣдуетъ понимать мои слова: „форма раскёпъ мнѣ совершенно непонятна“), а только раскӓп рядомъ съ рашчӓп, причемъ Владимировъ зачѣмъ-то дѣлаетъ

ваетъ пожеланіемъ: „Можетъ быть современемъ авторъ сдѣлаетъ еще вкладъ въ непосредственное изученіе живыхъ бѣлорусскихъ говоровъ, и это никому не будетъ такъ удобно,

---

ссылки на словарь Даля, что въ великорусскомъ есть „раскипъ“ и „раскепъ“. Стр. 7. Поставлено мнѣ въ вину, что я, живя въ Вильнѣ, не обратился къ изслѣдованію древнихъ актовъ по оригиналамъ, а изучалъ ихъ по изданіямъ: „такими оригиналами богаты Центральные Архивы—въ Вильнѣ“ и т. д. (ib. выноска). Но ставя подобное обвиненіе Владимировъ забылъ, что у меня разсматривается языкъ грамотъ только до конца XV вѣка, а такихъ произведеній въ Вилен. Центральномъ архивѣ всего 3 или даже 2 №—всѣ они нѣсколько разъ изданы фотолитографически (ср. Къ исторіи зв. и ф. бѣл. рѣчи, 55). Стр. 10. Въ работѣ „Къ исторіи“, стр. 155, въ числѣ остатковъ краткихъ формъ прилагательныхъ я отмѣчаю бж҃ья. Уже на моемъ диспутѣ проф. Владимировъ возражалъ мнѣ, что это полная (членная) форма. Тогда же я разъяснилъ, что прилагательныя типа божьи, божья, божье не сложнаго склоненія; въ послѣднемъ были бы формы божьии, божьяя, божьее. Однако мой рецензентъ не повѣрилъ мнѣ, и на указанной страницѣ помѣстилъ слѣдующее замѣчаніе: „стр. 155 „бжья“—не краткая форма прилагательнаго“. Стр. 10—читаемъ: „*е* мягкое“ противорѣчитъ общей терминологіи автора, отличающаго ...твердые и „мягкіе“ согласные. Интересно, почему у меня „*е* мягкое“ (стр. 242) поставлено въ кавычкахъ: не потому ли, что я именно признаю только „твердые“ и „мягкіе“ согласные. Въ работѣ „Къ вопросу о разработкѣ стараго западнорусс. нарѣчія въ перечнѣ рукописныхъ памятниковъ №№ 2, 3, 4, 16, 28, 29, 35, 39, 40, 41, 52, 59, 60, 61 и 62 посчитаны не бѣлорусскими (стр. 11). Въ настоящей книгѣ приводятся въ большемъ количествѣ соображенія въ пользу моего мнѣнія (ср. №№ 2, 3, 10=прежн. 16, 32=прежн. 28 и др.). Нѣкоторые №№ (напр. 4), конечно, пришлось устранить; да и изъ удержанныхъ не всѣ отличаются одинаковой цѣнностью для изученія исторіи бѣлорусскаго нарѣчія. Стр. 13. Г. Владимировъ въ числѣ не отмѣченнымъ мною малоруссизмовъ указываетъ: „отъ нѣгожь“, „цвила“ (бѣлоруссы знаютъ только эту старинную форму=ц.-сл. цвила, да и „нѣго“, несмотря на *ѣ*, не малоруссизмъ: не „ёго“ вѣдь). На той же 13 стр. на меня рѣшительно возводится напраслина, когда г. Владим. утверждаетъ, что въ сочиненіи „Къ исторіи“, 147, 267, такія выраженія, какъ „пашня пахати, дружба чинити, купля не сотворити, опитемья дати“—„*все это у автора объясняется полонизмами*“. Вмѣсто объясненія въ указанныхъ мѣстахъ я только отмѣтилъ „такое употребленіе возможно только при

какъ автору разсмотрѣнныхъ трудовъ" (26—27). Съ своей стороны считаю долгомъ сказать, что нравственная поддержка, неоднократно оказываемая мнѣ проф. Владимировымъ (толь-

---

неопредѣленномъ наклоненіи и есть особый оборотъ (Соболев.—Лекціи [2], 181); въ грамотахъ подобные обороты могутъ быть объясняемы и какъ полонизмы (ib.)". Если бы Владимировъ справился въ указанныхъ мѣстахъ лекцій Соболевскаго, то тамъ прочелъ бы слѣдующее: „Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ употребленіемъ именительнаго падежа (=подлежащаго) при неопредѣлен. накл. (=дополненіи), извѣстнымъ, кромѣ русскаго, также и въ другихъ языкахъ..." „Нерѣдкія въ юго-западнорусскихъ документахъ XIV в. и слѣд. формы вин. и твор. ед. женск. р. на *а*: наш*а* печать завѣсили есмо...—полонизмы; въ нихъ черезъ наше *а* передано польское носовое *а* (*ą*)". Всѣ разсужденія проф. Владимирова на стр. 15—18, имѣющія цѣлью отстоять его прежнія мнѣнія о Тяпинскомъ противъ моихъ выводовъ о соціанствѣ послѣдняго и 1580 г. его Евангелія, въ настоящее время потеряли всякое значеніе послѣ того, какъ М. Довнаръ-Запольскій не на основаніи разныхъ предположеній, а документальныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ Литовской Метрики и другихъ источниковъ, неизвѣстныхъ Владимирову, доказалъ, что Тяпинскій принадлежалъ къ соціанству и былъ сотрудникомъ Буднаго (Извѣстія Отд. р. яз. и сл. Ак. Н., IV, 1033). П. В. Владимировъ почему-то задался цѣлью не признать ни одного изъ моихъ выводовъ въ работѣ „Западнорусскіе переводы псалтыри" и поэтому, часто самъ не замѣчая того, дѣлаетъ разныя передержки. Такъ относительно псалтыри XVI в. въ рукописи Вил. П. библ. № 262 мною замѣчено, что „она не можетъ считаться непосредственнымъ переводомъ съ еврейскаго; но нельзя видѣть въ ней и передѣлки обыкновеннаго ц.-слав. текста; по нашему мнѣнію, первоначально и псалтырь составителемъ даннаго сборника была переведена съ еврейской, и только впослѣдствіи поправлена примѣнительно къ ц.-слав. тексту" (27—28). Въ другомъ мѣстѣ (12) у меня замѣчено, что псалтырь является спискомъ съ перевода какого-либо ученаго западнорусскаго еврея. Владимировъ же, забывая, что она *поправлена* примѣнительно къ ц.-слав. тексту, ищетъ въ ней еврейской передачи собственныхъ именъ, въ родѣ, іерушалаимъ и под. Впрочемъ рука корректора кой-чего и не поправила окончательно: авраамлемь, абраамово, ѡревѣ вм. хоривѣ, израелъ, ѡкга, басанска, канааска. На приводимыя мною особенности (28—34) въ подтвержденіе того, что она не можетъ считаться непосредственнымъ переводомъ съ еврейскаго, но и передѣлкой ц.-слав. текста, Владимировъ взглянулъ именно какъ на доказа-

ко не послѣднимъ его отзывомъ, вообще расходящимся съ его постояннымъ серьезно-научнымъ настроеніемъ), много содѣйствовала успѣху моихъ занятій бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Ино-

---

тельство того, что разсматриваемая псалтырь переведена съ еврейскаго; не видя въ сдѣланныхъ мною ссылкахъ еврейскихъ особенностей, онъ по своей логикѣ дѣлаетъ выводъ: „почти всѣ выраженія, приведенныя авторомъ, какъ мнимый переводъ съ еврейскаго, покрываются или ц.-славянскимъ текстомъ, или польскимъ...“ (19). Далѣе, не обращая вниманія на полное почти разногласіе разсматриваемой псалтыри съ псалтырью Скорины и найдя лишь 5 сходныхъ (по моему случайно) мѣстъ, далеко не типичныхъ, дѣлаетъ заключеніе: „церковнославянскій текстъ разсматриваемой псалтыри близокъ къ тексту псалтыри доктора Франциска Скорины“ (18). Считая вполнѣ излишнимъ возражать противъ этого совершенно ложнаго положенія, напомню только, что Скорина псалтыри не переводилъ, а только нѣсколько поправилъ обычный ц.-слав. текстъ. Въ доказательство того, что текстъ псалт. по рукописи № 262 и въ изданіи Скорины несходны, приведу параллельно псаломъ 136:

Рукопись № 262.

На рѣцѣ вавилонстѣ тꙋт сѣдохом і плакахом коли помѧнꙋхом тебе сиѡнъ: на вербки въ посрѣдꙋ ѡбѣсихомъ ѡрганы наши: иже тамо въпросили на иже полонили на вели на слова пѣсней: и которіи ѿвели на пѣніе поите нам ѿ пѣсней сиѡновы: како бꙋдем пѣти пѣснь гню на земли чꙋжой: аще забꙋдꙋ тебе иерꙋзолиме забыта бꙋди десница моѧ: прилпни ызыкъ мои грътани моемꙋ аще не помѧнꙋ тебе: аще не положꙋ тебе иерꙋзолеме въ початкꙋ. веселіѧ моего: помѧни гі сны едомскыѧ въ днь ерꙋзолема: же глють истощите истощите ажь до ѡснованіа в немъ: дочко вавилонска зла блгнъ которыи въздаст тобѣ въздание твоимъ ꙗко въздали есте намъ: блгнъ иже держати бꙋдет и розбиет младенца его ѡжи ѿ камен.

Малая Подорожн. книжица Скорины.

На реце вавилоньстей тамо седохомъ и плакахом, внегда помѧнꙋхомъ на тѧ сионе. на вербии посреде ея, обѣсихомъ органы наша. ꙗко тꙋ вопросише насъ пленивше ны, словесъ песней. і заведше насъ, пение воспоите намъ ѿ пѣсней сионскихъ. како воспоемъ песнь гдьню, на земли чуждей. аще забꙋдꙋ тебѣ ерꙋсалимѣ, забыта бꙋди десница моѧ. прилпни ызыкъ мой гортани моемꙋ, аще не помѣнꙋ тебе. аще не предложꙋ іерꙋсалима, в начале веселиѧ моего. помѧни гди сыны едомъскыѧ, въ день іерꙋсалимовъ. глющиѧ истощаите истощаите, даже до основаниѧ его. дщи вавилона окаанніаѧ. блаженъ иже воздасть тобѣ воздание твое, еже воздала еси нам. блаженъ иже иметь, и разбиеть младеньца твоѧ о камень:.~

Не согласенъ со мною проф. Владимировъ и относительно польскихъ источниковъ псалтыри XVI в. № 335 Рум. м. и XVII в. № 1017. Не стану доказывать снова того, что уже несомнѣнно доказано какъ

гда эта поддержка была даже и очень осязательная. Такъ П. В. Владимировъ передалъ въ полное мое распоряженіе весь лингвистическій матеріалъ, извлеченный имъ изъ Еванге-

---

изъ разсмотрѣнія надписаній псалмовъ, такъ и изъ самихъ псалмовъ. Приводимые у Владимирова (20—21) случаи „наиболѣе рѣзкіе и доказательные“ съ избыткомъ покрываются еще болѣе рѣзкими и болѣе доказательными случаями, отмѣченными мною въ разныхъ мѣстахъ, сходства текста разсматриваемыхъ псалтырей съ указанными мною польскими оригиналами ихъ, при отсутствіи въ тѣхъ же мѣстахъ всякаго сходства съ указанными у Владимирова польскими псалтырями и менѣе всего съ Библіей Вуйка 1599 г. *Двѣ* разсмотрѣнныя мною псалтыри сличены со *всѣми* современными имъ (но не послѣдовавшими за ними) польскими печатными псалтырями отдѣльно и въ библіяхъ; поэтому упрекъ Владимирова на стр. 21 для меня рѣшительно непонятенъ. Если ему извѣстны какія-либо библіи, пусть бы онъ указалъ ихъ. Замѣчанія относительно славянскихъ источниковъ псалтыри № 1017 (стр. 22) могутъ быть убѣдительными лишь для самого Владимирова: изъ того, что С. Будный пользовался ц.-славянскими источниками, отчего остались нѣкоторые слѣды у него, нисколько не слѣдуетъ, что и переводчикъ указанной псалтыри пользовался подобными же источниками, а не обращался хотя бы и къ библіи С. Буднаго. Если бы по очень немногимъ случаямъ несходства съ польскимъ оригиналомъ я вздумалъ производить изысканія въ ц.-слав. рукописяхъ, то напрасно потратилъ бы время для пустяковъ, а научныхъ выводовъ все-таки нельзя было бы никакихъ сдѣлать. На самомъ дѣлѣ: сходно ли „подлугъ *великого* милосе́дıа“ съ ц.-сл. „по велицѣй милости твоей“ и под. отмѣчаемыя Владимировымъ мѣста? „Подлугъ многиˣ *щедро̄*“—послѣднее слово конечно ц.-слав.; но изъ какого источника оно взято—отвѣтить на это врядъ ли кто сумѣетъ, такъ какъ начиная съ XI в. и до сихъ поръ оно обыкновенно во всѣхъ спискахъ. Для того, чтобы убѣдиться, что составленный мною словарь ни въ какой связи съ книгой Вяч. И. Срезневскаго не находится, слѣдовало бы г. Владимирову хотя бы бѣгло сравнить его да и припомнить, когда вышла работа Срезневскаго и изданіе Гейтлера, по которому я составилъ свой словарь. Сходство только то, что у насъ обоихъ *алфавитные* словари. На стр. 24 г. Владимировъ высказываетъ сожалѣніе, что я „въ своемъ интересномъ очеркѣ польскихъ рукописныхъ и печатныхъ псалтырей не привелъ сравненій существенныхъ отличій въ текстѣ: ошибокъ, отношеній къ латинскимъ, греческимъ и чешскимъ текстамъ, о взаимномъ отношеніи польскихъ псалтырей“. Дѣйствительно, жаль, что кто-ни-

лія Тяпинскаго; мнѣ оставалось лишь привести этотъ матеріалъ въ систему и присоединить объясненія (ср. „Къ исторіи зв. и формъ бѣл. р.“, 119). Имъ же сдѣланы выписки изъ псалтыри № 4 Кіево-Печерской лавры (ср. „Западнор. переводы псалтыри“, 26).

Въ 1888 году въ „Кіевской Старинѣ“ началась печатаньемъ статья *П. Житецкаго*, вышедшая впослѣдствіи (въ 1889 г.) отдѣльной книгой: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ. Кіевъ“. Хотя это изслѣдованіе посвящено спеціально малорусскому языку, но естественно оказались общія точки соприкосновенія и съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, такъ что и въ ней можно найти нѣкоторыя данныя для характеристики западнорусскихъ говоровъ.

Небольшая замѣтка о русскомъ языкѣ актовыхъ книгъ Литовскаго государства имѣется въ предисловіи къ „Географическому словарю древней Жомойтской земли XVI столѣтія“ *И. Я. Спрогиса*. Вильна. 1888, стр. IX—XII.

Къ числу выдающихся западнорусскихъ памятниковъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Четья 1489 г. Обстоятельное ея изслѣдованіе, какъ мы уже говорили, дано въ статьѣ *М. Гарпинскаго*: „Западнорусская Четья 1489 года“ (Русс. Фил. Вѣстн. 1889 г. № 1). Кромѣ палеографическихъ замѣтокъ о рукописи, здѣсь главное вниманіе обращено на особенности ея языка и лексическій составъ.

А. С. Будиловичъ въ книгѣ „Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы“, т. II. Варшава 1892, въ разныхъ мѣстахъ, больше вскользъ, касается и бѣлорусскаго нарѣчія стараго и новаго. Оно признается разнорѣчіемъ великорусскаго нарѣчія (4), выдѣлившимся изъ акающихъ говоровъ (14); въ немъ много полонизмовъ, которые можно прослѣдить уже съ памятниковъ XV вѣка (230—231).

будь этого не сдѣлалъ: это была бы диссертація по польскому языкознанію и даже богословію, для меня очень полезная, такъ какъ значительно облегчила бы мою работу по отысканію источниковъ для западнорусскихъ переводовъ псалтыри, однако мнѣ дѣлать такую работу не приходилось, такъ какъ она не вызывалась моею темой.

Связь говоровъ Московской Руси и Литовской продолжала существовать все время (248—249). Нѣкоторое отношеніе къ нашему предмету имѣетъ и его рѣчь: „Къ вопросу о литературномъ языкѣ югозападной Руси". Юрьевъ. 1900.

Разсмотрѣнные раньше (стр. 326) труды академика *А. А. Шахматова* даютъ много и для сужденія о старомъ западнорусскомъ нарѣчіи.

При научномъ изученіи стараго западнорусскаго нарѣчія нельзя обойтись въ настоящее время безъ сравненія съ говорами сѣверновеликорусскими и особенно южновеликорусскими. Много очень полезныхъ данныхъ въ этой области можно почерпнуть изъ книги *Е. Ѳ. Будде*: „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ". Казань. 1896 г. Здѣсь въ разныхъ мѣстахъ приводятся и бѣлорусскіе матеріалы.

Въ заключеніе обозрѣнія пособій по изученію стараго западнорусскаго нарѣчія перечислю *мои* работы. Уже въ „Обзорѣ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи". Москва. 1886 г. удѣляется мѣсто и историческому освѣщенію бѣлорусскихъ говоровъ. Факты берутся изъ работы Недешева, изъ двухъ томовъ актовъ, изъ печатнаго Апостола Скорины 1525 г., рукописнаго сборника Вил. Публ. б. № 262 и „Рукописнаго отдѣленія Вил. Публ. библіотеки. Вып. I. 1871". Но вообще историческаго матеріала въ „Обзорѣ" дается мало, что и поставлено было въ свое время мнѣ на видъ въ рецензіи А. И. Соболевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1887, май). Будучи вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что для правильнаго освѣщенія современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ необходимо обстоятельное знакомство съ памятниками стараго западнорусскаго нарѣчія, причемъ главнымъ образомъ по рукописямъ и старопечатнымъ изданіямъ, я и рѣшилъ заняться изученіемъ послѣднихъ, что не трудно было сдѣлать мнѣ тогда, такъ какъ приходилось жить въ Вильнѣ, гдѣ въ Публичной библіотекѣ собрано немало западнорусскихъ памятниковъ. Свои изученія я началъ безъ достаточной системы: памятники древніе чередовались съ новѣйшими, рукописные со старопечатными, съ рукописями довольно неисправныя изданія древнихъ грамотъ и актовъ. Слож-

ныя преподавательскія обязанности въ гимназіи не давали возможности сосредоточиться на такихъ изученіяхъ болѣе или менѣе продолжительное время. Приходилось свои наблюденія искусственно соединять въ отдѣльныя главы и, по мѣрѣ накопленія матеріала, печатать. Такъ постепенно появлялись въ Русскомъ Филол. Вѣстникѣ за 1890—1893 шесть главъ работы: „Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи". (Отдѣльно въ количествѣ 50 экземпляровъ, Варш. 1893. 8°. IV + 313). Тутъ изслѣдованы, кромѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сборниковъ бѣлорусской поэзіи, еще слѣдующіе памятники: а) Сборникъ XVI—XVII в. Вил. Публ. б. № 261, б) Сборникъ XVII в. той же библіотеки № 107, в) Богогласникъ начала XVIII в. той же библ. № 234, г) Богогласникъ начала XIX в. № 235, д) Сонъ Богородицы начала XIX в., е) Привилей Казимира 1457 г., ж) Судебникъ Казимира 1468 г., з) Статутъ 1529 г., и) Статутъ 1588 г., і) Актовая книга Гродн. земскаго суда, XVII т. Актовъ Вил. Арх. ком., к) Грамоты и акты съ XIII по XV вѣкъ, л) Сборникъ Вил. Публ. б. № 262, м) Евангеліе Тяпинскаго, н) „Аристотелевы Врата" Вил. Публ. б. № 272, о) Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изд. Оболенскимъ; пересмотрѣны и матеріалы, добытые другими изслѣдователями. Эта одна книга или вмѣстѣ съ „Обзоромъ" разсмотрѣны: Ягичемъ въ Archiv f. sl. Phil., XVI, 289—291; Соболевскимъ: „О трудахъ Е. Ѳ. Карскаго"—отзывъ по поводу присужденія большой золотой медали въ Живой Старинѣ за 1894 г., II, 283; Владимировымъ: Отзывъ о сочиненіяхъ: „Обзоръ"... и „Къ исторіи" въ (Кіевскихъ) Универс. Извѣстіяхъ (1894 г. № 1)—оффиціальный отзывъ какъ о диссертаціи, и въ уже разсмотрѣнной статьѣ „Научное изученіе"..., стр. 1—11. Взгляды мои на значеніе изученія бѣлорусскаго нарѣчія выражены въ тезисахъ, приложенныхъ къ двумъ разсмотрѣннымъ книгамъ (для магистерскаго диспута 24 окт. 1893 г.) Вотъ они:

1) Появленіе научной грамматики русскаго языка и его исторіи возможно лишь послѣ тщательнаго изученія живыхъ нарѣчій русскаго языка и исторіи послѣднихъ.

2) При характеристикѣ старинныхъ памятниковъ того или другого нарѣчія не достаточно отмѣчать только интересующія насъ черты, но по возможности всѣ отличія ихъ отъ господствующихъ старинныхъ типовъ.

3) Бѣлорусская рѣчь среди другихъ нарѣчій русскаго языка преимущественно заслуживаетъ обстоятельнаго изученія вслѣдствіе того, что она лежала въ основѣ литературнаго языка западной Руси въ XV—XVII ст., да и въ настоящее время сохраняетъ массу старинныхъ особенностей.

4) Бѣлорусская рѣчь есть одно изъ великорусскихъ нарѣчій, равносильное сѣверновеликорусскому и южновеликорусскому.

5) Бѣлорусское нарѣчіе представляетъ свои говоры, иногда очень близкіе къ сосѣднимъ великорусскимъ или малорусскимъ.

6) Особенности современнаго бѣлорусскаго нарѣчія въ отдѣльности часто восходятъ къ XIII вѣку, въ общемъ же онѣ не моложе XV вѣка.

7) Литературный языкъ старинныхъ западнорусскихъ памятниковъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ стихіи бѣлорусской, еще элементы церковнославянскаго и польскаго языковъ, а также малорусскаго нарѣчія.

8) Не имѣя въ виду отдѣльныхъ памятниковъ, а говоря вообще, можно сказать, что иноземное вліяніе въ старомъ западнорусскомъ языкѣ обнаружилось главнымъ образомъ на лексическомъ составѣ, и лишь въ очень незначительной степени на звукахъ и формахъ.

9) Особенности живой бѣлорусской рѣчи развились, вѣроятно, самостоятельно, безъ посредства сосѣдей.

Введеніемъ къ послѣдней работѣ должна была служить статья: „Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ“. Вильна 1893 г. 4°. 48 (изъ Трудовъ Вилен. Отдѣленія Москов. Предварит. комитета по устройству въ Вильнѣ IX Арх. съѣзда). Работа печаталась въ мое отсутствіе и поэтому изобилуетъ массой опечатокъ. Здѣсь опредѣляется въ общихъ чертахъ образованіе стараго западнорусскаго нарѣчія и дается перечень западнорусскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ; указаны и нѣкоторые сборники народной бѣлорусской поэзіи, явившіеся послѣ выхода моего „Обзора“ до 1893 г. — Изученные въ перечисленныхъ работахъ матеріалы приняты мною въ соображеніе и при

составленіи моей вступительной лекціи: „Главнѣйшія теченія въ русскомъ литературномъ языкѣ“ (Варшавскія Универс. Извѣстія 1893 г., IV), стр. 6—10, а также реферата для Виленскаго Археологич. съѣзда 1893 г.: „Что такое древнее западнорусское нарѣчіе“ (Труды IX Арх. съѣзда, II, М. 1897 г.). Относительно разсматриваемаго нарѣчія тутъ я прихожу къ слѣдующему выводу: старое западнорусское нарѣчіе, будучи разговорнымъ въ устахъ образованнаго тогдашняго общества, постоянно опиралось на языкъ простого народа мѣстнаго бѣлорусскаго племени. Вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, по преобладанію въ немъ элементовъ бѣлорусской рѣчи, и называть его слѣдуетъ бѣлорусскимъ языкомъ, прибавляя развѣ для отличія отъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія названіе стараго. — Признавая недостаточными для ознакомленія съ исторіей западнорусскаго нарѣчія тѣ матеріалы, которые собраны мною въ работѣ „Къ исторіи“..., я рѣшилъ изучить всѣ главнѣйшіе западнорусскіе памятники. Къ этому разряду относятся слѣдующія сочиненія: „Два памятника стараго западнорусскаго нарѣчія: 1) Лютеранскій (д. б. Кальвинскій) катихизисъ 1562 г. и 2) Католическій катихизисъ 1585 года“ (Журн. Мин. Н. Пр. 1893 г., авг., 406—430). Тутъ, кромѣ историко-литературныхъ свѣдѣній о разсматриваемыхъ книгахъ, приведены данныя фонетики, морфологіи и списокъ болѣе рѣдкихъ словъ, изъ которыхъ многія слѣдуетъ объяснять какъ полонизмы. Отзывъ объ этой статьѣ у Владимирова: „Научное изученіе“..., 11—13. Изданный Археографической комиссіей отрывокъ краткой литовской лѣтописи, находящійся въ спискѣ Авраамки, обратилъ меня къ изученію языка литовскихъ лѣтописей. Кромѣ указаннаго отрывка, мною извлечены лингвистическіе матеріалы еще изъ Уваровскаго списка лѣтописи по изданію Попова, изъ Познанскаго списка по изслѣдованію Брюкнера и особенно изъ Литовскихъ лѣтописей по рукописи библіотеки гр. Красинскихъ въ Варшавѣ. Всѣ эти изученія дали матеріалъ для статьи: „О языкѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей“. Варшава. 1894 (Изъ Варш. Унив. Изв. 1894 г. №№ II и III), 8°, 64. Тутъ дано: литература предмета

и описаніе варшавскаго списка (1—18), нѣкоторыя поправки къ прежнимъ работамъ (выноска на стр. 4—5); фонетика (19—33); морфологія (33—47); синтаксисъ—вводится впервые (47—58); списокъ больше рѣдкихъ словъ и полонизмовъ (59—64). Послѣ написанія означенной работы я началъ собирать матеріалы для изслѣдованія западнорусскихъ переводовъ псалтыри; вслѣдствіе этого приходилось заниматься въ библіотекахъ С.-Петербурга, Москвы и др. Кромѣ псалтырей, попутно приходилось знакомиться и съ другими памятниками, о чемъ имѣются свѣдѣнія въ моемъ: „Отчетѣ о научныхъ занятіяхъ въ библіотекахъ С.-Петербурга, Москвы и Вильны въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1895 года“ (изъ „Варш. Унив. Изв.“ 1895 г. № VII). Тутъ между прочимъ о рукописи М. Син. б. № 752 XVII в., содержащей житія святыхъ на бѣлор. нарѣчіи съ малор. примѣсью. — Въ разсматриваемыхъ выше работахъ собрано достаточно матеріала для уясненія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія въ звукахъ и формахъ; но остались еще почти незатронутыми вопросы о польскомъ и церковнославянскомъ вліяніяхъ на него, а также объ отношеніи его къ малорусскому нарѣчію, о лексическомъ составѣ, объ особенностяхъ синтаксиса. Всѣ выставленные вопросы очень серьезны, и каждый изъ нихъ могъ бы быть темой для спеціальнаго изслѣдованія. Но появленіе такихъ сочиненій возможно лишь при разработкѣ въ означенныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ произведеній. Имѣя въ виду положить начало подобнаго рода изслѣдованію старинныхъ западнорусскихъ произведеній, а также стремясь восполнить и данныя по фонетикѣ и морфологіи, я и предпринялъ разсмотрѣніе западнорусскихъ переводовъ псалтыри въ работѣ: „Западнорусскіе переводы псалтыри въ XV—XVII вѣкахъ“. Варшава. 1896. 8°. XIII + 444. Понятно, кромѣ указанныхъ, такъ сказать, общихъ вопросовъ, прежде всего имѣлось въ виду въ этой работѣ дать отвѣты на спеціальные вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ избранной темѣ. Во введеніи (1—45) разсмотрѣны а) причины появленія въ Литовской Руси въ XV — XVII вѣкахъ разныхъ переводовъ книгъ Св. Писанія на народномъ языкѣ; б) псалтыри за-

паднорусской редакціи, не представляющіе однако изъ себя въ собственномъ смыслѣ перевода псалтыри на народный языкъ (8 рукописныхъ и 10 старопечатныхъ псалтырей). Въ I главѣ подробно описаны въ отношеніи палеографическомъ псалтырь М. П. и Рум. музея XVI в. № 335 и псалтырь того же музея XVII в. № 1017. Во II главѣ—источники, которыми пользовались переводчики означенныхъ псалтырей. Гл. III—иноземныя вліянія въ разсматриваемыхъ переводахъ (польское и церковнославянское). Гл. IV: въ чемъ сказывается самостоятельность переводчиковъ разсматриваемыхъ псалтырей? Стихія собственно западнорусская: обзоръ народныхъ особенностей языка разсматриваемыхъ памятниковъ въ отношеніяхъ фонетическомъ, морфологическомъ, синтактическомъ, въ отношеніи ударенія. Гл. V: Полный указатель словъ и выраженій, такъ или иначе передающихъ въ псалтыряхъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ № 335 (XVI в.) и № 1017 (XVII в.) соотвѣтствующія мѣста древнѣйшихъ церковнославянскихъ псалтырей. Въ приложеніи напечатано 15 псалмовъ изъ рукописи № 335 съ варіантами по рукописи № 1017. Данное сочиненіе подверглось разбору, въ большинствѣ случаевъ неосновательному, со стороны проф. Владимирова: „Научное изученіе"..., 13—26 (ср. выноску на стр. 418—421). Къ разсматриваемымъ рукописямъ у меня имѣется на карточкахъ ненапечатанный словарь съ западнорусскаго на церковнославянскій и современный языкъ. — Въ дальнѣйшихъ моихъ работахъ по старому западнорусскому нарѣчію продолжается изученіе старинныхъ памятниковъ, причемъ, въ сравненіи съ предыдущими, больше вниманія обращается на литературную ихъ сторону, палеографическія особенности и синтаксисъ. Сюда относятся работы: „Западнорусскій сборникъ XV-го вѣка, принадлежащій Императорской Публ. библіотекѣ, Q. I, № 391. Палеографическія особенности, составъ и языкъ рукописи". Спб. 1897 (изъ „Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Ак. Н.", II, 964—1036). — „Западнорусское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI вѣка. Текстъ сказанія, его составъ и языкъ". Варшава. 1898, 1 — 32 (изъ Варш. Унив. Изв. 1898 г. № II).

Текстъ взятъ изъ сборника библіотеки гр. Красинскихъ № 408. —Нѣкоторые матеріалы по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія имѣются и въ моемъ „Отчетѣ о научныхъ занятіяхъ въ библіотекахъ Москвы, Троице-Сергіевской Лавры и Слуцка въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1898 г.“ (Варш. Унив. Изв. 1898 г. № IX). Тутъ между прочимъ о бѣлорусскомъ сборникѣ XVI вѣка № 62/264 Чудова м-ря, описаніе рукописей, больше западнорусскихъ, Слуцкаго м-ря. — „Два древнѣйшихъ русскихъ документа Главнаго Архива Царства Польскаго въ Варшавѣ“ (Древности. Труды Археографич. Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ. I т. (1898 г.), вып. 3, стр. 543—550). Первый изъ разсмотрѣнныхъ здѣсь документовъ — Догов. грамота литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казимиромъ около 1349 г.—западнорусскій. Тутъ имѣется и характеристика его языка. Послѣдняя моя работа по старому западнорусскому нарѣчію: „Особенности письма и языка рукописнаго сборника XV вѣка, именуемаго лѣтописью Авраамки“. Варшава. 1899, 1—44 (изъ Варш. Унив. Изв. 1899 г. № III). Изслѣдованіе составлено по рукописи, а не по изданію ея въ XVI томѣ „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей“. У меня разсмотрѣны: палеографическая сторона памятника (1—6), фонетика (7—26), морфологія (26—39), синтаксисъ (40—42), перечень болѣе рѣдкихъ словъ (42—44). Не все въ рукописи западнорусское.

Словарей стараго западнорусскаго языка мы не имѣемъ. Кое-что вошло въ словарь Носовича, въ „Матеріалы“ И. Срезневскаго. Нѣкоторые западнорусскіе матеріалы имѣются, больше впрочемъ въ объясненіяхъ, въ словаряхъ Памвы Берынды и Л. Зизанія, перепечатанныхъ *И. Сахаровымъ* въ „Сказаніяхъ русскаго народа“. Т. II. Спб. 1849 г.

Для цѣлей юридическихъ явились два словаря, имѣющіе мало значенія для филологіи:

1) *Новицкаго*: „Справочный словарь юридическихъ терминовъ древняго актоваго языка югозападной Руси. Кіевъ

1871“ (въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за этотъ годъ)— трудъ указательнаго характера.

2) *Горбачевскаго*: „Словарь древняго актоваго языка Сѣверозападнаго края и Царства Польскаго. Вильна. 1874“. Подъ этимъ громкимъ названіемъ издана книжка, содержащая въ себѣ большею частью толкованіе латинскихъ терминовъ, встрѣчающихся въ старинныхъ актахъ. Изрѣдка объясняются и западнорусскіе, а также польскіе термины. Отзывъ объ этомъ изданіи принадлежитъ Н. Барсову въ Отчетѣ о 18-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова.

ГЛАВА IX.

НЕНАРОДНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ НА СОВРЕМЕННОМЪ БѢЛОРУССКОМЪ НАРѢЧІИ.

...Вырозумѣнія ради простыхъ людей преложити на простую молву...
Григорій Ходкевичъ — предисловіе къ Учит. Ев. 1569 г.

Нашъ очеркъ источниковъ и пособій по изученію бѣлорусскаго нарѣчія былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись еще искусственныхъ бѣлорусскихъ произведеній, такъ называемой „бѣлорусской литературы". Начало появленія искусственныхъ бѣлорусскихъ произведеній на народномъ языкѣ относится еще къ концу XVIII ст., но тогда они нигдѣ не были напечатаны; въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка они попали и въ печать и мѣстными своеобразными патріотами считались даже выдающимся литературнымъ явленіемъ. Группа любителей этнографовъ вспомнила было эти произведенія въ 80—90-хъ годахъ; въ подражаніе имъ явилось нѣсколько новыхъ попытокъ, но тѣмъ дѣло и кончилось: литература на бѣлорусскомъ нарѣчіи все же не возникла. Причиной этого, по моему мнѣнію, является 1) отсутствіе талантливыхъ произведеній среди первыхъ работъ, 2) неимѣніе соотвѣтствующаго круга читателей, такъ какъ для простого народа такія произведенія большею частью не доступны, а мѣстная деревенская и мелкогородская интеллигенція, естественно, предпочитаетъ художественныя произведенія на общерусскомъ литературномъ языкѣ, 3) что са-

мое главное — особенная близость народнаго бѣлорусскаго языка къ южновеликорусскому, вслѣдствіе чего, если опустить въ напечатанномъ этимологически бѣлорусскомъ произведеніи дзеканье, цеканье, то получится почти общелитературное произведеніе, отличающееся только меньшей отдѣлкой и, слѣдовательно, менѣе достойное вниманія читателя. Единственная цѣнность всѣхъ такихъ произведеній „бѣлорусской литературы"—это рельефное изображеніе народнаго быта, обрядовъ, обычаевъ, домашней обстановки, при довольно правильномъ у многихъ языкѣ, словомъ, чисто этнографическія ихъ достоинства. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ произведеній еще бьетъ въ глаза юмористическая сторона, смѣхъ, отличающійся вообще мѣткостью.

Въ основаніи обзоровъ „бѣлорусской литературы" лежитъ статья *Ромуальда Подберезскаго* о бѣлорусской литературѣ въ предисловіи къ „Szlachcic Zawalnia" Барщевскаго (Petersburg, 1844, стр. I — XLI). Извлеченія не критическія изъ нея сдѣланы *Г. Г.* въ „Иллюстрированной Газетѣ" 1866 г. №№ 20, 21: „Нѣсколько словъ о бѣлорусской народной поэзіи и о бѣлорусскихъ поэтахъ". Въ этихъ статьяхъ въ составъ бѣлорусской литературы вводятся не только произведенія на бѣлорусскомъ нарѣчіи, но также и статьи на польскомъ языкѣ, принадлежащія лишь перу писателей, жившихъ въ Бѣлоруссіи, особенно изображавшихъ ея природу, нравы и обычаи (даже не народныя, а, напр., мелкопомѣстной шляхты). „Народно романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни, — и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій", но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій—по любви къ территоріальной родинѣ и ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самаго бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, его поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и долж-

ны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ считался" („Вѣстн. Ев." 1887, іюнь, 296, ст. Пыпина).—Статьей Подберезскаго воспользовался *Киркоръ* въ очеркѣ „Умственныя силы и средства образованія" въ Бѣлоруссіи (Живописн. Россія, т. III, 326—328) и *Ельскій* (Chwila, 1886 № 20). Изъ нея же черпаются свѣдѣнія и у *Пыпина*: Исторія русской этнографіи, IV, 60—64, только Пыпинъ взглянулъ на дѣло серьезно и установилъ точную границу между „бѣлорусской литературой" на народномъ языкѣ и польской провинціальной бѣлорусской литературой [1]).

Сдѣлаемъ очеркъ искусственныхъ бѣлорусскихъ произведеній, интересныхъ въ отношеніи языка, въ хронологическомъ порядкѣ, насколько конечно ту или другую хронологію ихъ можно возстановить.

Древнѣйшимъ такимъ произведеніемъ является бѣлорусская „Энеида" на изнанку, возникшая еще въ XVIII вѣкѣ. Составленіе ея Подберезскій приписываетъ *Маньковскому*. О послѣднемъ сообщаются такія свѣдѣнія: сначала совѣтникъ въ Могилевѣ, а затѣмъ вице-губернаторъ въ Витебскѣ. О времени написанія Энеиды Подберезскій въ 1844 г. выражается такъ: „Napisana przed 50 laty i nigdy nie drukowana", значитъ, въ девяностыхъ годахъ XVIII столѣтія. Такое мнѣніе объ авторѣ и времени написанія бѣлорусской Энеиды теперь признается господствующимъ. Впрочемъ въ 1890 г. въ „Смоленскомъ Вѣстникѣ" (№№ 10 и 11) явилось сообщеніе *К. Н. Ровинскаго*: „Забытое произведеніе — Энеида съ малороссійскаго на смоленскій крестьянскій языкъ переложенная В. П. Ровинскимъ. Здѣсь напечатана часть (большая) этой Энеиды и сообщаются свѣдѣнія объ ея авторѣ. Викентій Павловичъ Ровинскій род. въ 1782 въ Смолен. губ., жилъ больше въ Дубровнѣ

[1]) Безъ всякой критики пользуется статьей Подберезскаго и А. Брюкнеръ въ своемъ послѣднемъ трудѣ: „Dzieje Literatury Polskiej w zarysie", II, Warsz., 1903, стр. 223 и слѣд. Не понимаю, зачѣмъ въ исторіи польской литературы приводятся выдержки изъ бѣлорусскихъ произведеній Барщевскаго и др.

Духовщинскаго уѣзда; былъ полковникомъ; умеръ 60 лѣтъ. Кромѣ Энеиды, нигдѣ не напечатанной (ср. еще стр. 231), онъ написалъ еще нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ не безъ ѣдкости описываетъ чудачества отжившаго теперь барства, и комедію „Бракъ по неволѣ“. Послѣ этого сообщенія трудно рѣшить, кто дѣйствительно былъ авторомъ бѣлорусской Энеиды: и тому и другому приписывается одно и то же произведеніе, насколько можно судить объ этомъ по сохранившимся до насъ отрывкамъ. Отрывокъ Энеиды Маньковскаго напечатанъ въ „Маякѣ“ 1845 г. т. 23, смѣсь, 30—39, а Ровинскаго въ „Смол. Вѣстн.“ Вотъ начало Энеиды по тому и другому спискамъ, крайне неудовлетворительнымъ въ отношеніи языка.

У Маньковскаго:	У Ровинскаго:
Яней дзяцюкъ вить быу хупавый	Живъ-бывъ Яней, дзяцюкъ хупавый,
Парнюкъ няувошта украсіу	Парнюкъ ни-вошто украсивъ;
И пакъ удауся нелукавый:	Хоть панъ, а вдався нелукавый,
Даступенъ веселъ не спясіу.	Доступенъ, вецелъ, неспѣсивъ.
А Греки вайну наробили,	Но греки вуйну наробили,
Якъ ляда Трою такъ спалили.	Якъ лядо, Трою всю спалили:
Капшель схопіуши на уцёкъ	Кошель і̂онъ сгребши, на уцёкъ
И такъ зробійуши ёнъ чаунокъ,—	И, швидко зробивши челнокъ,
Траянцами яго набіу	Троянцами его набивъ
И у моря синяе пусціу.	И въ море съ ними і̂онъ поплывъ.

Запись Ровинскаго, несомнѣнно, исправнѣе, нежели Маньковскаго, относительно которой уже Подберезскій замѣчаетъ, что хотя въ его время ее часто декламировала мелкая шляхта, но она была уже сильно искажена (często tak przeinaczone, że ledwie typ oryginalny rospoznasz, XII). Кто бы ни былъ авторомъ этой Энеиды, но, несомнѣнно, уже въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка, передаваясь устно, она стала полународнымъ произведеніемъ. Это тѣмъ легче произошло, что она очень приноровлена къ народному быту: вездѣ изображается жизнь въ духѣ богатыхъ бѣлорусскихъ крестьянъ, съ ихъ нравами и обычаями: классическая обстановка здѣсь только для виду. Словомъ, эта Энеида имѣетъ ту же цѣль, какъ и извѣстная „Енеида на малороссійскій языкъ перелицёванная И. Котляревскимъ“. Бѣлорусская пародія безусловно и подражаетъ ей, не

представляя однако перевода ея. Вотъ для сравненія начало Энеиды Котляревскаго (по изд. Суворина 1889 г.):

Еней бувъ парубокъ моторный
И хлопець — хоть куды козакъ!
На лыхо здався винъ проворный,
Завзятійшій отъ всихъ бурлакъ.
Но греки якъ, спалывши Трою,
Зробылы съ неи скирту гною,
Винъ, взявши торбу, тягу давъ;
Забравши де-якихъ троянцивъ,
Осмаленыхъ, якъ гиря, ланцивъ,
Пятами съ Трои накивавъ.
Винъ, швыдко поробывши човны,
На сыне море поспускавъ,
Троянцивъ насадывши повни,
И куды очи почухравъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX вѣка выступилъ на поприщѣ бѣлорусской этнографіи польскій эмигрантъ *Александръ Рыпинскій* книжкой: „Białoruś. Kilka słów o poezii prostego ludu téj naszéj polskiéj prowincii, o jego muzyce, śpiewu, tańcach etc.“ Paryż. 1840. Не касаясь тенденціи этой книжки, обстоятельно выясненной Пыпинымъ (Ист. русск. этн., IV, 41 — 44) и сразу бросающейся въ глаза хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ посвященія ея: „первому изъ бѣлорусскихъ мужичковъ, который сначала выучился читать, а потомъ говорить и мыслить по-польски“, отмѣчу, что искусственныхъ бѣлорусскихъ произведеній здѣсь немного:

1) O moj Boże wieru tabiė,
A ŭsiȯ wieru ja: dla ciebiė...

2) Stary Wosip baradaty...

—стихотворенія религіознаго характера, и нѣсколько пробъ популярнаго шуточнаго бѣлорусскаго стихотворства, въ родѣ слѣдующаго (запись очень плохая):

Lament rozkochanego:

Jako cięcieruk u lesie balbocze:
Tak moje serce — do ciebie sakocze!
Ni wereszczaka! — kielbasa! — sielanka! —
Nic mi nie miło! — bez ciebie! — kochanka! —...

Rwie się me serce! — jak tэja atosa:
Kiedy targają preklęta kalosa!...
Rwie się me serce — jak huż u chamucie!...
Kali pryjadę i siadę na kucie.
Da ûzòż nasòch sia! — jak łapeć na pieczy!
Horkaja dola!.. a któż mię poleczy?!...

Вполнѣ искусственное бѣлорусское произведеніе представляетъ другая его книжечка: Niaczyścik, ballada białoruska. Wyjątek z jego Poezij. Было 3 изданія. Второе и третье изд., видѣнныя мною, 16°, 16 стр., вышли 1853 г. (дата въ концѣ книжечки), вѣроятно, въ Лондонѣ.

Брошюра начинается съ „Przedmowy autora" на польскомъ языкѣ. Здѣсь ведется разсужденіе о какомъ-то бѣлорусскомъ лгунѣ Микитѣ на основаніи слѣдующей пѣсеньки:

A na dware wieciar wieić:
A Mikita żyta sieić!
Mikita!
Czy ty-ta?
Nie ja-ta,
Moj Tata!

Но какъ эта пѣсня ничего не даетъ особеннаго, то авторъ рѣшилъ отъ себя составить балладу про того же Микиту. Въ балладѣ удареніе обозначено знакомъ долготы. Вотъ ея начало:

Tamū użō sto let budzie,
Staryje pomniać to ludzie;
Skażȳć wam i Apanās:
Żyŭ, byŭ, Mikita u nas.
Na samym kańcū siała:
Tam jahō chatka była.
Dziéciēj nia mieŭ, choć żanat,
A byŭ biedzien — nie bahat!
Bahactwa jon usiahō:
Imiēŭ wieprā adnahō;
Da nie spażȳŭ i taho!...
Ŭ miasajēd jahō nia biŭ,
Na pradaż każuć karmīŭ;
I tak dażdaŭsa pasta.

Всѣ сосѣди любили Микиту, только жена у него была

очень злая, державшая мужа въ рукахъ. Говорятъ даже, что она сдружилась съ чертомъ, который никогда и не отлучался отъ нея. Вотъ въ посту она рѣшила убить кабанчика и надѣлала колбасъ. Мужъ, по ея приказанію, пошелъ за водкой; Микитиха куда-то вышла, а чортъ въ это время стащилъ кабана. Микитиха выместила свое огорченіе на мужѣ: начала его бить и ругать. Но едва она сказала: „sztob ty prapăй!“ какъ сама пропала, умерла. Чортъ еще наполнилъ ихъ хатку смолой и поджегъ ее. Баллада заканчивается нравоученіемъ, чтобы народъ не былъ лакомымъ, и изъ-за колбасы не забывалъ постовъ и церкви.

Извѣстный польско-бѣлорусскій этнографъ *Я. Чечотъ*, въ нѣкоторыхъ своихъ книжечкахъ оставилъ нѣсколько стихотвореній на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Такъ его: **Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno.** 1844, стр. 74 — 129, содержатъ 28 №№ **„Własne piosnki wieśniacze“** — собственнаго составленія съ польскимъ переводомъ. Пѣсни дидактич. характера и по своему содержанію и выраженію могутъ считаться довольно удачными. Также и въ „**Piosnki wieśniacze etc. Wilno. 1846**“ С (стр. 62—63) принадлежитъ перу самого Чечота. Пѣсни Чечота настолько удачно подражаютъ народнымъ, что послѣдующіе собиратели этого рода нерѣдко помѣщали ихъ въ числѣ народныхъ.

Изъ числа писавшихъ о Бѣлоруссіи по-польски въ первой половинѣ прошлаго столѣтія особенно замѣчателенъ *Янъ Барщевскій*, уроженецъ Витеб. губ., который, по словамъ изслѣдователя его произведеній Подберезскаго, „**ma być bohaterem, ma być lwem naszego artykułu**“ (**Szlachcic Zawalnia**, XXIV). Собственно говоря, этотъ писатель былъ въ родѣ нашего Шпилевскаго и по объему свѣдѣній и по способу изображенія бѣлорусской жизни: польскіе критики того времени слишкомъ преувеличиваютъ его значеніе. Для насъ онъ важенъ въ данномъ случаѣ лишь потому, что съ его именемъ извѣстны слѣдующія два бѣлорусскія искусственныя произведенія: „Рабунки мужыкоў“ и „Да чымъ же твая, дзѣвэнька, галоўка занята?“ Первое произведеніе, по мнѣнію Подберез-

скаго (ib. XXVII), ставитъ Барщевскаго, вмѣстѣ съ Маньковскимъ, во главѣ истинно народныхъ бѣлорусскихъ писателей. Стихотвореніе это однако полностью нигдѣ не напечатано. Лишь въ предисловіи къ „Szlachcic Zawalnia", стр. XXVIII—XXXII, приводятся выдержки изъ него, „napisanego z okoliczności wiadomego w okolicy wypadku, w majątku P. Malinowskiego, w Sznitowkach, o wiorst 50 od Połocka, w roku 1812". Вотъ начало этого стихотворенія:

Jak prancuskaja siła
Izza Dzwiny nastupiła,
Nam stała karcić,
Cztob paradak priwracić.
Adnakaż siadzieli cicha,
Aśz tut prinosić licha
Prancuzou u nasz dwor,
I nutka dziełać zdor.
Kleci parażbiwali,
Panou naszych zahnali,
Nas kazali pażbirać
I harełku pić i brać....

Относительно второго произведенія, напечатаннаго полностью въ альманахѣ „Rocznik Literacki", Petersburg, 1843, Подберезскій сообщаетъ, что оно въ его время было очень популярно, а написано около 1809 г. по поводу любви Барщевскаго, тогда еще 18-лѣтняго молодого человѣка, къ дѣвицѣ Максимовичъ. Къ этому стихотворенію были написаны и ноты *Ант. Абрамовичемъ*: Kilka melodyj ludu białoruskiego (Rocznik literacki, 1843).

Однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ и популярныхъ писателей того времени безусловно является *Викентій Дунинъ-Марцинкевичъ* (1807 — 1885 г.), уроженецъ Бобруйскаго уѣзда Минской губ. [1]). Онъ не только много написалъ по-бѣлорусски, но немало и напечаталъ. Такъ ему принадлежитъ

1) Sielanka. Opera we dwóch aktach. Wilno. 1846. 16°. 109.

[1]) Свѣдѣнія о немъ у Киркора (327), Пыпина (IV, 62—63), Довнара-Запольскаго (Календарь С.-Зап. Края на 1889 г., 89 sq.), Слупскаго (Старый Минскъ. „Мин. Лист.", 1895 № 35), газетѣ Kraj 1885 г. (№ 6 и 10).

Къ этой оперѣ музыка составлена Ст. Монюшко. „Селянка“ пользовалась большимъ успѣхомъ въ Минскѣ. По-бѣлорусски впрочемъ въ этой оперѣ говоритъ лишь войтъ Наумъ, рѣчь котораго невмѣру пересыпана массой народныхъ пословицъ и поговорокъ, затѣмъ Титъ и хоръ изъ крестьянъ; остальныя лица, которыхъ большинство, говорятъ по-польски. Въ концѣ перваго дѣйствія Наумъ поетъ нѣсколько народныхъ пѣсен впрочемъ сильно подправленныхъ. Идея пьесы выражена в слѣдующихъ словахъ Юліи, переодѣтой крестьянкой (sielanka), обращенныхъ къ помѣщикамъ:

Wy, co własnych kmiotków macie,
A gwarem uciech zajęci
Obcym los ich powierzacie,
Miejcie to w waszéj pamięci:
Że Bóg i kmiotków i pany
Zarówno uważa w niebie.
Ten u Niego jest wybrany,
Kto kocha bliźnich jak siebie.

Опера Sielanka въ настоящее время очень рѣдко попадается даже въ большихъ библіотекахъ; у нѣкоторыхъ любителей она имѣется въ спискахъ, часто безъ фамиліи автора. Чтобы не вводить собирателей бѣлорусскихъ произведеній въ заблужденіе, прилагаю ея начало:

Chór chłopów płci obojéj.
Oj biedáż búdzia, biedá!
Pryszlá na nas czeredá!
Skažýcież dóbry lúdzi,
Da sztó z hétaha búdzi?
Cit.
Zakazaúżesz nasz macár,
Jásny, móżny kamisár,
Sabrátca u karczmú czy u dwor.
Mał, wialik, zdaroú czy chwor,
Wojt usích kijom pahnáu.
Chor.
Sztob jon dabrá nia widáu.
Cit.
Da i jon siudý idzié,
Jon nam skáże ab biadzié.

2) **Hapon. Powieść, w języku białoruskiego ludu napisana. Minsk.** 1855. 8°. 125. „Гапонъ“ занимаетъ всего 76 страницъ; остальная часть книги представляетъ „Wiersze różne“ на польскомъ языкѣ. „Гапонъ“ въ сокращеніи переизданъ М. Довнаромъ-Запольскимъ въ Календарѣ Сѣв.-Зап. края на 1889 г., 89—99, а также отдѣльно, въ другомъ форматѣ и съ предисловіемъ. М. 1889 г. Два отрывка: „Шумъ, крикъ, гомонъ у корчмѣ“ и „Въ могилевскомъ пріемѣ“ перепечатаны Е. Романовымъ въ книжечкѣ: „Тарасъ на Парнасѣ и другія бѣлорусскія стихотворенія“. Могилевъ, 1902. Повѣсть эта, вся на бѣлорусскомъ нарѣчіи, притомъ стихами, замѣчательна по правильному изображенію народнаго быта и взглядовъ. Подробный ея разборъ у Довнара-Запольскаго. Цѣль—показать, что добродѣтель вознаграждается, а порокъ наказывается — чисто дидактическая. Кромѣ того, авторъ имѣлъ въ виду доказать, что „паны“ добродѣтельны, и если иногда поступаютъ несправедливо по отношенію къ своимъ крестьянамъ, то это оттого, что они вводятся въ заблужденіе своими экономами. По свидѣтельству Довнара-Запольскаго (Календарь 1889, 99), „повѣсть эта и теперь еще не изгладилась изъ памяти бѣлорусскаго крестьянина... Многіе, особенно старики, знаютъ фамилію автора, а иногда даже содержаніе повѣсти, но большинство считаетъ ее произведеніемъ чисто народнымъ. Наиболѣе извѣстное мѣсто... это первая половина первой пѣсни — веселье въ корчмѣ“. Вотъ часть этого начала:

Шумъ, крыкъ, гомонъ у карчмѣ.
Кипиць сельская дружина,
Пиво, мёдъ, гарѣлку пъе,
Ажны курыцца чупрына.
Гаспадары за сталомъ
Громко гутарку вядуць,
А ляндарка зъ ляндаромъ
Мёдъ, гарѣлку раздаюць...

3) **Wieczernice i obłąkany. Poezye W. Dunin Marcinkiewicza. Mińsk.** 1855. 8° мал. 134. Бѣлорусскаго текста только 52. Вечерницы раздѣлены на пѣсни. Въ первой вечерницѣ между прочимъ имѣется: „Och moj Boże! wieru Tabie“. Въ 3-ей ея

пѣснѣ содержится разсказъ (который нерѣдко можно слышать до сихъ поръ въ устной передачѣ) о томъ, какъ шутники одурачили мужика, продававшаго пѣтуха, увѣривъ его, что это заяцъ. Во второй вечерницѣ:—„**Staurowskije dziady**“, начинающіеся словами:

Na druhom tydni pryszła sierada,
Wot k Ananiju sielska hramada.

„**Obłąkany**“—произведеніе на польскомъ языкѣ.

4) **Ciekawyś? — przeczytaj. Mińsk.** 1856. Здѣсь, кромѣ польскаго стихотворства, помѣщена (стр. 13—35): „**Kupałła, powiastka ludowa, w białoruskiem narzeczu.** Среди искусственныхъ стиховъ попадаются вставки и изъ народныхъ произведеній.

5) **Dudarz białoruski, czyli wszystkiego potrosze. Minsk.** 1857. Большая часть стихотвореній на польскомъ языкѣ, только на стр. 77 — 114 повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи: **Szczeroǔskije dażýnki.** Тутъ есть и народныя бѣлорусскія пѣсни, вставленныя въ стихотворенія Марцинкевича. На стр. 115: **Wiersz Nauma Pryhoworki**—на бѣлор. нарѣчіи, стихотвореніе въ 3 страницы.

6) Дунину-Марцинкевичу принадлежитъ, наконецъ, переводъ на бѣлорусское нарѣчіе „Пана Тадеуша“ Мицкевича (первая часть, Вильно, 1856; ср. еще газету Kraj 1885 г. № 6, гдѣ приведено начало этой поэмы). По словамъ Киркора (Жив. Росс., III, 327), „переводчикъ побѣдилъ непреодолимыя трудности. Переводъ не только вѣренъ, но языкъ вездѣ гармониченъ, понятенъ и особенно мягокъ“.

Современникомъ Дунина-Марцинкевича былъ *Даревскій-Верига*, уроженецъ Витебской губ. По словамъ Киркора (327), лучшія изъ его произведеній: „Гутарка зъ пліондроўки по земли латышской“, „Повротъ Михалка“, „Быховъ“ и др. Онъ же перевелъ на бѣлорусское нарѣчіе „Конрада Валенрода“ Мицкевича; послѣдній переводъ нигдѣ не напечатанъ, но распространенъ въ рукописяхъ.

По случаю прибытія въ Вильну въ 1858 году импер. Александра II кружокъ польско-бѣлорусскихъ писателей из-

далъ „Альбомъ“ съ выраженіемъ мѣстныхъ патріотическихъ чувствъ и добрыхъ пожеланій. *Викентій Коротынскій* помѣстилъ здѣсь стихотвореніе отъ имени народа на бѣлорусскомъ нарѣчіи (Пыпинъ, IV, 64).

Къ первой половинѣ XIX столѣтія относится и нѣсколько другихъ искусственныхъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ. Такъ въ „*Иллюстраціи*“ 1848 г. № 36, 190 — 191, въ статьѣ: „Образецъ поэзіи бѣлоруссовъ“ помѣщено два искусственныхъ стихотворенія. Въ статьѣ „Дзяды“ *П. З****. (Могил. Губ. Вѣд. 1849 г. къ № 17, 283—284) помѣщено описаніе праздненства „дѣдовъ“ и слѣдующая сцена, несомнѣнно, искусственнаго происхожденія.

— Ну, дзѣдзька, якъ то у дауные годы было, якъ дзяды зъ боронами ды зъ горшками у хаты захаживали? „Подаждзиця трохи“, отвѣчалъ старикъ: „треба напяродъ застолля отправиць, ды запѣць пѣсьню“. И онъ началъ:

„Хвалицъ Табѣ Божа,
„Дзядовъ дождалися!
Хоръ семьи:
Ахъ пришли, пришли дзяды!
„А на гэта святца
„Людцы гроши трацьця!
Хоръ:
Якъ пришли, пришли дзяды!
„Отъ дзядовъ до дзядовъ
„Мовъ бы сорокъ гадовъ.
Хоръ:
А усіо таки, усіотки дождалися!
„Ай дзяды — дзядовя!
„Усіо вамъ гатова:
Хоръ:
И вино и пиво и гарѣлка!
„Іости вамъ и мяса,
„Іостижъ и килбаса —
Хоръ:
Тольки ѣжця, будзя зъ васъ!
„Міодъ гарохъ и каша:
„Усіо багацьця наша!

Но, несомнѣнно, самое популярное стихотвореніе, относя-

щееся къ разсматриваемому времени, пользующееся большою извѣстностью и теперь, это „Тарасъ на Парнасѣ“ или „Тарасъ Полясовщикъ“. Въ послѣднее время это стихотвореніе и издано нѣсколько разъ („Минск. Лист.“ 1889 г. № 37 — на говорѣ Витеб. губ.; „Смолен. Вѣстн.“ 1890 г. № 37; въ разсказѣ Радимича „Милостивый Осипъ“, 57; отдѣльной брошюрой: „Тарасъ на Парнасѣ. Бѣлорусская поэма“. Витеб. 1896, 16°, 15; Вит. 1898. 16°, 17; и особенно аккуратно на могилевскомъ говорѣ, съ варіантами въ книжкѣ Е. Романова: „Тарасъ на Парнасѣ“. Могилевъ. 1902). Вотъ начало „Тараса“ по имѣющейся у меня записи:

Ци знаў зъ васъ, братцы, хто Тараса,
Што ў палясоўщикахъ ёнъ быў?
На Пуцявищи ля Парнаса
Ёнъ тамъ ля лазни близко жiў.
    Што-жъ, чалавѣкъ ёнъ быў рахманы,
    Гарѣлки ў зубы ёнъ ня браў,
    Зато у ласцы быў у пана:
    Яго панъ дужо шанаваў.
Любила тожъ Тараса паня,
И войтъ ни разу ня ўзбрахаў,
Зато Тарасъ балота зраня
До цёмной ночи пильноваў.

Жизнь боговъ на Парнасѣ, гдѣ случайно очутился Тарасъ, ихъ нравы и даже наружность, описаны вполнѣ въ бѣлорусскомъ духѣ. Вотъ какъ, напр., въ XIII куплетѣ описывается Венера:

Ўзяўши хустачку Вянéра
Пашла мяцéлицу скакáць,
Пригожа, стройна черазъ мѣру,
Пяромъ не можно описáць!
    Чирвóна, тоўста, круглолúца,
    И вочи быць на колясѣ,
    Якъ жаръ гарицъ яé спадница
    И ўстужка ўплецена ў касѣ!

Время написанія этого стихотворенія, по правильному замѣчанію г. Романова, опредѣляется слѣдующими его стихами:

    ...нѣхто прóмежъ ихъ пищúть:
    „Помалу, братцы, не давитя

Мой хвельлятонъ вы и „Пчалу“,
Мянежъ самóго вы пуститя
И не дяржѝтя за полў!
А нѣ, дакъ до-души въ газети
Я васъ облаю на ўвесь свѣтъ, —
Якъ Гоголя у прошлымъ лѣти!
Я жъ самъ редахтаромъ газетъ!“

Изъ послѣднихъ стиховъ можно видѣть также, что „Тарасъ“ написанъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ русскими литературными отношеніями того времени, значитъ, не полякомъ изъ Бѣлоруссіи (вопреки мнѣнію М. Довнара-Запольскаго: В. Дунинъ-Марцинкевичъ и его поэма „Тарасъ на Парнасѣ“. Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской этнографіи. Вит. 1896).

„Тарасъ“, несмотря на свою распространенность въ Бѣлоруссіи, все же не переходитъ въ простой народъ. Замѣчаніе о немъ, сдѣланное однимъ изъ простолюдиновъ въ „Милостивомъ Осипѣ“ Е. Радимича (стр. 59): „Тикàвая байка, только не для простаго народа!“ — вѣрный отголосокъ дѣйствительности.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, а можетъ быть и раньше бѣлорусское нарѣчіе служило орудіемъ и другого рода литературы, имѣвшей цѣлью возбужденіе простого народа противъ православной церкви и русскихъ. Какъ показали послѣдовавшія затѣмъ печальныя политическія событія, эти брошюры-прокламаціи не оказали своего дѣйствія на бѣлоруссовъ, даже католиковъ. Происхожденія онѣ, несомнѣнно, польскаго и католическаго: на это указываетъ ихъ письмо, тенденція и нѣкоторыя другія обстоятельства. Какъ я уже сказалъ, въ свое время онѣ не оказали никакого дѣйствія, тѣмъ болѣе онѣ не имѣютъ никакого, кромѣ чисто филологическаго значенія, теперь. Поэтому считаю возможнымъ назвать тѣ изъ нихъ, которыя извѣстны мнѣ. Это

1) *Mużyckaja prauda.* Kasztuje hroszy 6. 8°. 2. Начинается словами:

Dziaciuki! Czy maja prauda horka, czy jena sałodka, ja pisau zausiudy i pisaci budu — uczyu ja was jak rabici treba i uczyci budu. Wy adno słuchajcie mienie, talkujcie dobre i rabiecie tak iak sumlenie Wam

skaże, a Boh jeszcze zlitujeć sia nad nami i daść nam szczaście, i dabro u nas budzie.

Содержаніе: возбужденіе къ отстаиванію уніи и къ уклоненію отъ православія, а также призывъ къ соединенію съ поляками противъ русскихъ.

Boże... zlituj sia nad nami, pamaży nam u naszej niedoli, wyżeni Maskala z naszaho kraju, daj nam praudziwuju wolność i wieru naszych Dziedou....

Заканчивается словами:

Hetaho dla Was ad duszy chocze wasz brat, taki samy z Dziedou Pradzedou mużyk jak i Wy: no jeszcze Unijackoj wiery — Jaśko haspadar s pad Wilni.

Прокламація написана очень зло.

2) *Hutorka staroho dzieda.* Брошюра въ 12 страницъ, 8°. Nakładem A. Kurnatowskiego z Imbierowa pod Obornikami. Czcionkami N. Kamieńskiego i Spółki w Poznaniu. 1861 r.

Вся брошюра напечатана стихами, риѳмованными силлабическими. Начинается словами:

Ej skażycie dobry ludzie,
Szto uże na świecie budzie?
Czy tak Boh sudziŭ z nami,
Prapaść na wiek Maskalami!
Oj! nie, bracia, nie tużycie,
Na tu poru wspamianicie,
Jak pred daŭnymi letami,
Biŭsia Polák z Maskalami.
Za sztož jeny wajawali?
Stolko krowi razliwali?
Oj za toje, szto narodu
Palák chacieŭ dać swabodu.

Далѣе изображается будто-бы бѣдственное положеніе бѣлоруссовъ подъ властью русскихъ (поборы, рекруты, чиновники, обращеніе костеловъ въ церкви и под.); защита поляковъ и бѣлоруссовъ французами въ Севастопольскую войну; помощь нѣмцевъ противъ французовъ; предостереженіе не вѣрить попамъ, утверждающимъ, что русскіе имѣютъ предоставить свободу крестьянамъ и т. п. нелѣпости. Брошюра заканчивается словами:

Oj tak! tak to moi ludzie,
Z Maskalem dobra nie budzie,
Tak pomnicież szto skazaci,
Jak u was buduć pytaci —
Krykniem usie w odny słowa!
Niechaj Polszcza budzie znowa!
Bo jak staniem Polakami,
Budziem rounyje z Panami!!

3) Эта же самая брошюра „*Hutarka staroho dzieda*“ съ прибавленіемъ „*Dobryja wieści*“, 32°, безъ обозначенія страницъ (всего 24 стр.), болѣе убористымъ шрифтомъ, вышла въ Парижѣ 1862 г. Текстъ напечатанъ болѣе исправно, нежели въ познанскомъ изданіи.

Вотъ начало статьи „Dobryja wieści“:

Zachodzić sońca pahodniaho leta,
Wieić wiecier z Zachodnich niebios;
Zdaroŭ buć wiecier! z dalokaho świeta,
Dobryjaż wieści ty da nas prynios?
Zdarowyjaż bućcia! ej dobryjaż wieści:
Tam na Zachodzie praliwajuć kroŭ,
Bjućsia dla sławy, swabody i cześci
I robiać wolnych ludziej z mużykoŭ.

Дальше идетъ разсужденіе на тему — какое будетъ счастье когда наступитъ полное равенство крестьянъ и шляхты, когда они освободятся отъ москалей и будутъ жить на свободѣ:

Ej u swabodzie zażywiom szczaśliwie
My budziem dzietki, a nam Baćka — BOH.

4) *Pieredśmiertnyj rozhowor Pustelnika Pietra*, katoryj żyŭ u puszczy dziewiećdziesiat let, a pamior majuczy sto sorok let. Peczatano w Kiewie. 16°, 15 страницъ.

Брошюра начинается въ видѣ завѣщанія:

Wo Imia Otca ✝ i Syna i Swiatoho Ducha. Amen.

Leta mojei staraści zawuć mienie k mohile, smierć moja zawie mienie pred strasznyj sud Bożyj, hdzie my za usio otwieczać budziem.

Piered smierciju chaczu pohoworyć z wami, na szto ja czerez sto sorok, let hladzieu, i piereskazać usio — szto Miłosiernyj Boh dla Polskoj ziemli pryhatowiu.

Далѣе въ повѣствовательномъ духѣ идетъ разсказъ о судь-

бѣ Польши, начинающійся издалека, еще со времени до раздѣловъ Польши, при чемъ старая жизнь представляется очень счастливой. Затѣмъ, при полномъ извращеніи исторической истины, ведется разсказъ о раздѣлахъ Польши и о положеніи поляковъ (и бѣлоруссовъ) подъ властью русскихъ. Въ мрачныхъ краскахъ изображается возсоединеніе уніатовъ, будто бы насильное прикрѣпленіе къ землѣ, обложеніе податями и т. п. Притѣсненіе евреевъ „**nieszczasnych, katorych predki naszy jak haściej pryniali na swoju ziemlu**“, и т. п. Далѣе описывается, какъ французы подъ Севастополемъ будто-бы заступились за поляковъ и принудили русскихъ объявить угнетеннымъ всякія вольности. Но русскіе не исполнили своихъ обѣщаній. Поэтому приглашаются бѣлоруссы къ возстанію, итти на помощь полякамъ, т. к. только они могутъ доставить имъ вѣчную свободу. Къ брошюрѣ приложенъ въ бѣлорусскомъ переводѣ извѣстный польскій революціонный гимнъ:

Boże szto Polszczy prez nieśmietny wieki
Dau cześć i chwału, scieroh od niewoli... [1]).

Не антиправительственнаго характера, но все же со скверной тенденціей ополяченія бѣлоруссовъ была выпущена 5) книжка: *Elementarz* dla dobrych dzietok katolikou. Warszawa. Nakładem księgarni Celsa Lewickiego w Gmachu Teatru. 1862. На оборотѣ два разрѣшенія цензуры: духовной и свѣтской. 16°, 40 нумерованныхъ страницъ.

Послѣ азбуки польской и слоговъ, а также отдѣльныхъ словъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи, но писанныхъ, какъ и вездѣ, латиницей, даются свѣдѣнія изъ катехизиса, напр.:

Pytanie. Ci jość Boh?
Odpowiedź. Jość.
P. Chto jość Boh?
O. Satwaryciel Nieba i ziamli.
P. Chtoż nas satwaryu?

---

[1]) Съ подобными же цѣлями, къ сожалѣнію, начинають прибѣгать къ бѣлорусскому нарѣчію и въ послѣднее время. Въ „**Przegląd powszechny**“, LXXIX, приведено содержаніе брошюры: „Гуторка аб тым, куды мужыцкіе грошы идуць. Льондын. 1903“. 16°, 16 стр. Судя по орѳографіи, можно полагать, что авторъ ея изъ Австрійской Галиціи.

O. Boh.

P. Na sztož nas Boh satwaryu?

O. Sztob my jaho znali, chwalili, miłowali, a pośli z Nim u Niebie królewali и т. д.

Много бытовыхъ чертъ содержится въ объясненіи 10 заповѣдей (стр. 22—31). Въ концѣ совѣтуется питать полное довѣріе къ помѣщикамъ и во всемъ слушаться ихъ.

Далѣе идутъ молитвы, но здѣсь уже масса польскихъ словъ, даже съ носовыми звуками. Чѣмъ дальше, тѣмъ полонизмовъ больше. Примѣръ:

Ojcze nasz, katoryj jość u Niebie, święć się Imia Twajo, pryjdź karalewstwo Twajo, bądź wola Twaja и. т. д.

Въ концѣ пѣснь:

Pieśń.
O moj Boże! wieru Tabie,
I usio wieru ja dla Ciabie и т. д.

Ср. у А. Рыпинскаго: „Białoruś“ (см. стр. 434) и у Шейна. Записки, V, 680.

Какъ бы въ противовѣсъ перечисленнымъ прокламаціямъ въ шестидесятыхъ годахъ, а можетъ быть и раньше, появились и со стороны русскихъ искусственныя пѣсни съ политической тенденціей. Всѣ онѣ помѣщены въ статьѣ *А. С.*: „О народныхъ пѣсняхъ Минской губ.“ (въ литературн. отдѣлѣ „Вилен. Вѣстника“ за 1864 г., 131; то же въ „Вѣстникѣ Зап. Россіи“ 1865 г. № 7, янв., 423—426). Тутъ напечатаны 3 пѣсни: „Былъ на Руси черный богъ“, „Изъ-за Слуцка, изъза Клецка“. „Ой коли бъ, коли | Москали пришли“ (всѣ онѣ перепечатывались нѣсколько разъ). Здѣсь онѣ называются народными, но искусственность ихъ несомнѣнна (ср. у Пыпина, IV, 123).

Искусственныя пѣсни и стихи, больше религіознаго содержанія, очень стараго происхожденія во второй половинѣ XIX вѣка попали въ разныя статьи и сборники бѣлорусскихъ произведеній. Такъ въ статьѣ „Вертепъ въ Могилевѣ“ (Могил. Губ. Вѣд. 1866 г. № 4, перепечатана у Шейна: „Матеріалы“, III, 144—154) дается интересное описаніе вертепнаго дѣй-

ства съ пѣснями, конечно искусственными, но несомнѣнно стараго происхожденія.

Искусственная вирша, никакой цѣны не имѣющая, напечатана въ ст. „Пѣсня прихожанъ Пухловской Покровской церкви“ *Я. Г-въ* (Вилен. Вѣстн. 1867 № 30, изъ Гродн. губ. Бѣльск. уѣзда).

Нѣсколько искусственныхъ пѣсенъ религіознаго содержанія помѣщено въ статьѣ *Григ. Кулжинскаго*: „О духовныхъ простонародныхъ пѣсняхъ Сѣв.-западнаго края“ (Мин. Губ. Вѣд. 1868 г. № 35).

Много искусственныхъ стихотвореній, больше религіознаго содержанія, попало вмѣстѣ съ произведеніями народнаго творчества и въ извѣстное собраніе *И. Носовича*: „Бѣлорусскія пѣсни“ (Записки, V, 1873 г.). Таковы пѣсни:

1) Старый Восипъ бородатый
Всполохався, скочивъ съ хаты... (стр. 70) (Ср. Рыпин. Białoruś).

2) Химка зъ Ганкою, дзвѣ молодзицы,
Принясли на куццю по латушцѣ пшеницы... (стр. 70).

3) Скинія всезлатая, ковчегъ завѣта
Знаменуетъ въ пелены Христа одѣта... (стр. 71).

4) У пановъ нихто безъ спросу
Не поткнець въ бесѣду носу;
А нашъ братъ сусимъ просцякъ,
Въ корчму смѣло лѣзець ўсякъ... (стр. 76 — 79).

5) Пречистая середь ночи
Пусцилася со всей мочи,
Плачучи на гробъ Христовъ,
На Голгофу межъ кустовъ... (стр. 86 — 89).

Стихъ на библейскія темы, составленный довольно искусно кѣмъ-то изъ старинныхъ грамотѣевъ, знакомымъ, быть можетъ, даже и съ апокрифической литературой.

6) Гэй, кабъ намъ быць веселѣй!
Гэй, кабъ намъ быць посмѣлѣй!
Пойдземъ, брацы, въ кабачокъ,
Выпьемъ горѣлки крючокъ... (стр. 106 — 107).

7) Кузьма, сядзѣвши съ Апанасомъ,
Ему говориць дабрымъ часомъ:
„Минулись давніе годы,
Якъ жили нашѝ дзѣды“... (стр. 123 — 125).

8) Вотъ цеперъ якій людъ ставъ,
Хицеръ, золъ, не удалъ, лукавъ!
Есць такихъ на свѣцѣ много,
Што запомнили на Бога... (стр. 126 — 133).

По словамъ Носовича, это огромное стихотвореніе про человѣческую испорченность получено въ 1848 году отъ священника изъ унитовъ Мстислав. церкви о. Григ. Бочко.

Есть искусственныя произведенія и среди „Бѣлорусскихъ пѣсенъ“ *Шейна*. Такъ сюда относятся, прежде всего, „рацеи и рѣчи при поздравленіи съ праздникомъ Рождества Христова“ (Зап. V, 343 — 352); затѣмъ многія изъ „духовныхъ пѣсенъ“, напр.,

Ахъ, мой Боже, вѣру табѣ!
А ўсе вѣру, што длѣ цябе... (680 стр.) (ср. Рып. Białoruś).

Искаженіе или измѣненіе нѣкоторыхъ пѣсенъ изъ Богогласника представляютъ тѣ 22 №№ (съ 731 по 752), которые помѣщены тамъ же на стр. 681—701.

Однако всѣ религіозныя пѣсни подобнаго рода, вслѣдствіе частаго распѣванія ихъ нищими-пѣвцами сильно искажаются и по своему характеру приближаются къ народнымъ духовнымъ стихамъ.

И въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ *Е. Романова* есть нѣсколько искусственныхъ произведеній. Такъ въ III вып. (стр. 435 — 437) помѣщенъ довольно длинный библейскій стихъ, начинающійся словами:

Стихи писаны въ недѣлю рана,
Галава пъяна, многа набалтана.
Отъ Адама и да Христа наболтавъ испроста.
Гдѣ Богъ Адама створывъ рукама...

Въ V вып (стр. 273 — 283) имѣется текстъ рождественской драмы „Царъ Максиміанъ“; въ другомъ мѣстѣ (431—437)— нѣсколько новѣйшихъ стиховъ, наманеръ духовныхъ, неизвѣстныхъ авторовъ 1) Сиротинка, 2—3) Горькій пьяница, 4—5) Пьяница; 6—11) Лаврія, 12—13) Правда, 14) Богачъ. Тутъ же прибавимъ, что отдѣльной брошюрой имъ же изданы „Бѣлорусскіе тексты вертепнаго дѣйства“. Могилевъ. 1898 (изъ Мог. Губ. В.).

Приведенныя сейчасъ религіозно-дидактическіе стихи имѣютъ очень мало сходства съ той „Бѣлорусской литературой“, о которой мы говорили въ началѣ этой статьи. Очень близки къ ней лишь тѣ бѣлорусскія искусственныя произведенія, которыя изрѣдка появляются съ конца восьмидесятыхъ годовъ XIX столѣтія въ „Минскомъ Листкѣ“, „Календарѣ Сѣверозападнаго края“ *М. Довнара-Запольскаго*, въ „Сѣверозападномъ календарѣ“ *Слупскаго* и нѣкоторыхъ брошюрахъ, напр., „Милостивый Осипъ“ *Е. Радимича*. Витеб. 1896; „Тарасъ на Парнасѣ и другія бѣлорусскія стихотворенія“. Могилевъ 1902. Къ перечисленію такихъ произведеній и обращаемся. Мнѣ извѣстны:

1. Сцяпанъ и Тацяна (изъ бѣлорусской жизни) *А. О. Шункевича* (Мин. Лист. 1889 № 18) — большое стихотвореніе на минскомъ говорѣ.

2) Нѣсколько стихотвореній *Янки Лучины*:

а) Весновой порой (Мин. Лист. 1889 № 20) — на говорѣ Новогрудскаго уѣзда.

б) Ямщикъ—переводъ изъ Сырокомли (Мин. Лист. 1890 № 19; Сѣв.-Зап. Кал. на 1893 г.).

в) Вясна (Мин. Лист. 1891 № 28).

г) Горсць пшаницы — подражаніе Кондратовичу (Сѣв.-Зап. календарь Слупскаго на 1892 г.).

д) Стары лясникъ (Сѣв.-Зап. кал. на 1893 г.).

е) Буселъ (ib.).

ж) Надто солодкія думки (ib.).

3) Ноччу ў сялѣ. Стих. *Н. Ф.* (Календ. С.-З. края на 1889 г., 135).

4) Муогилки. Стих. *Д. К—ко* (ib.). Оба стихотворенія довольно живо передаютъ чувство и изображаютъ бѣлорусскіе нравы.

5) Вступительное стихотвореніе къ Альманаху „Сѣверо-Западнаго календаря на 1892 г.“

Пакуль годъ новы настане на свѣцѣ,
Календарь гэты, паночки, купеце!.,

—безъ имени автора. Стихотворенiе художественной цѣны не имѣетъ.

6) Радной старонцѣ. Стих. *Н—скій*. Довольно безграмотное въ отношенiи орѳографическомъ, стихотворенiе правильно описываетъ бѣдную бѣлорусскую природу и выражаетъ здравыя пожеланiя. Изъ него взятъ отрывокъ, напечатанный на 1-ой страницѣ настоящей книги.

Въ 1891 г. вышла на бѣлорусскомъ нарѣчiи очень тенденцiозная книжка *Мацея Бурачка*: Dudka biełoruśkaja. Kraków. 8°. 72. Это сборникъ бѣлорусскихъ искусственныхъ стихотворенiй, интересныхъ для знакомства съ народнымъ языкомъ. Какъ можно видѣть между прочимъ изъ разбора этой книжки, помѣщеннаго въ „Галичанинѣ" за 1892 г., подъ заглавiемъ: Новый „самостôйный" русскiй народъ (и отдѣльно, 16°, 8), а также изъ предисловiя къ самой „Дудкѣ", Бурачокъ, напоминая бѣлоруссамъ объ ихъ общей жизни съ Литвой въ прежнiя времена и о древности ихъ языка, а также бывшей литературной его обработкѣ, старается возбудить сепаратистическiя стремленiя нацiональныя и литературныя: отстранить бѣлоруссовъ отъ великоруссовъ и побудить ихъ къ выработкѣ самостоятельной литературы. „Pradmowa" написана довольно ловко, въ духѣ раньше разсмотрѣнныхъ прокламацiй, несомнѣнно съ цѣлью вызвать смуту въ русскомъ семействѣ. Она можетъ даже произвести нѣкоторое впечатлѣнiе на людей, мало знакомыхъ съ исторiей бѣлорусской территорiи и съ особенностями славянскихъ языковъ, которые здѣсь упоминаются, а также съ отношенiями русскихъ нарѣчiй.

Народно-просвѣтительныя цѣли преслѣдуютъ слѣдующiя брошюры *А. Ельскаго*: а) Сынокъ. Разказъ зъ праўдзиваго здарения. Усимъ бацькàмъ и дзѣцямъ для пярастроґи. Падаў *А. J.* С.-Петербурґъ. 1895 рòку. Цѣна 5 капѣякъ". Все стихами. Напрасно употреблено *ѣ* вм. *е*, а также для *h* особый знакъ ґ. б) „Выбирайм́ася у прочки. Скарэй у Томскъ!! Абъ тоя добра разв̂ѣдаў и разтлумачыў народу *А. J.* Друкована у Пицярбурху 1896 року". Цѣна 10 коп. Прозаическая статья. Та же книжка перепечатана, лишь съ орѳографическими

отмѣнами, въ Вит. Губ. Вѣд. 1896 г. (№№ 84, 86, 87, 90) и отдѣльно. Вит. 1896, подъ заглавіемъ: „Наши переселенцы. Скарэй у Томскъ". в) „Слова абъ праклятай гарэлцы и абъ жыцьци и смѣрци пьяницы. Добраму бѣларускаму народу, на пакрапленья яго душы и розуму, разказау прыяцяль его попячыцяль трэзвасьци *А. Ј.* Друкована у Пицярбурху 1900 року". 8°. 9. Ц. 3 к. г) Относительно стихотворенія Ельскаго: „Абъ жыци и смерци пьяницы", напечатаннаго въ книгѣ Федеровскаго, III, 32, см. ниже. Въ **Przegląd literacki. Dodatek do „Kraju"** (1889 г., № 7, стр. 12—13) помѣщено д) сообщеніе Ельскаго о бѣлорусскомъ переводѣ произведенія Мальчевскаго „**Магуа**"; тутъ же приведены два отрывка изъ этого произведенія; въ сообщеніи однако не указано, кому принадлежитъ этотъ переводъ: не самому ли Ельскому?

Намъ извѣстно еще нѣсколько отдѣльныхъ бѣлорусскихъ стихотвореній, явившихся въ печати, относящихся къ концу XIX вѣка. Таковы:

1) Казанье (Милост. Ос., 21—22, ср. Носов. № 8), начинающееся словами:

Вотъ видите вы, дѣти,
Якіе теперь люди па свѣти:
Пышный на бѣднаго не спогадаеть,
Хлѣба-соли ему не позычаеть....

2) Панское игрище (Милост. Ос., 23—24, Матер. для изучен. бѣлор. гов., II, № 6, 27—29, Тарасъ на Парнасѣ, 16—18). Начало:

Кабъ ты вѣдавъ, братъ кумища,
Што учора видивъ я:
У пановъ было игрища,
Да якое! ай-я-я!......

3) Отказъ на „Панское игрище" *С. Ревки* (Мог. Губ. Вѣд. 1901, № 15, и Тар. на П., 18—20). Начало:

И дурный жъ ты, якъ мядьвѣдь,
Здивовався, а чаго?...

4) Женитьба Сопрона (Мил. Ос., 29—32, и Тар. на П., 29—32). Начало:

Собирався Холомей женить сына свойго Сопрона,
И брать у нашаго головы дочку Гапона — Кулину...

5) Гутарка Паўлюка. Ср. статью: Бѣлорусскія „вирши" и „Гутарка Паўлюка" Бѣлоруса (Вил. Вѣстн. 1898 г. № 173).

6) Весна гола перепала,
А ни соли, а ни крупъ,
И скотини корму мало,
И самому а ни въ зубъ... (Тар. на П., 28 — 29).

Въ недавно вышедшемъ III-мъ томѣ собранія *Федеровскаго* „Lud białoruski" также напечатано нѣсколько искусственныхъ произведеній. Это:

1) Гýтарка Данúлы зъ Сцепáнамъ (стр. 14—18):
Zyszòųszyś Danila świàtym dniom z Ściepànam,
Charòszaju pahòdaju sièli pad parkànam,
Da j nùż tałkawàci, da-j nùż hawarỳci,
Szto dàlaj z nas bùdzia, jak my bùdziam żỳci.

Изображаются мысли крестьянъ наканунѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости.

2) Въ pendant къ гуторкѣ: Разговоръ пана съ мужикомъ послѣ освобожденія (18), заканчивающійся словами:
Dàbro pany handlawàli,
Słùhi na sabàki mieniàli.

3) „Абъ жыци и смéрци пьяницы" А. Ельскаго (32 — 33):
Lùdzi u światki mòlacsa Bażoczku,
A jùn sabiè z rànka z czòrtam u szynòczku...

4) Маладзикóва гýтарка:
Sieų na prỳżbi kała chàty,
I dùmaju: kab bỳu bachaty,
Ųziàųby paųlukòwu Krystynu...

Затрудненіе выбрать невѣсту.

5) Дѣдъ и баба (81—82).

6) „Мужыкъ посля калядъ" (163 — 164) отрывокъ изъ бетлеекъ; начинается словами:
A jèj, a jèj, och, och, och!
Och! majèż wy ludkòwie:
Byų ja ų susièda Ihnasia na kuci...

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦЪ,

чьи сочиненія, мнѣнія, собранія и изданія упоминаются въ книгѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ,

особенно тѣхъ, которыхъ касаются тѣ или другія произведенія.

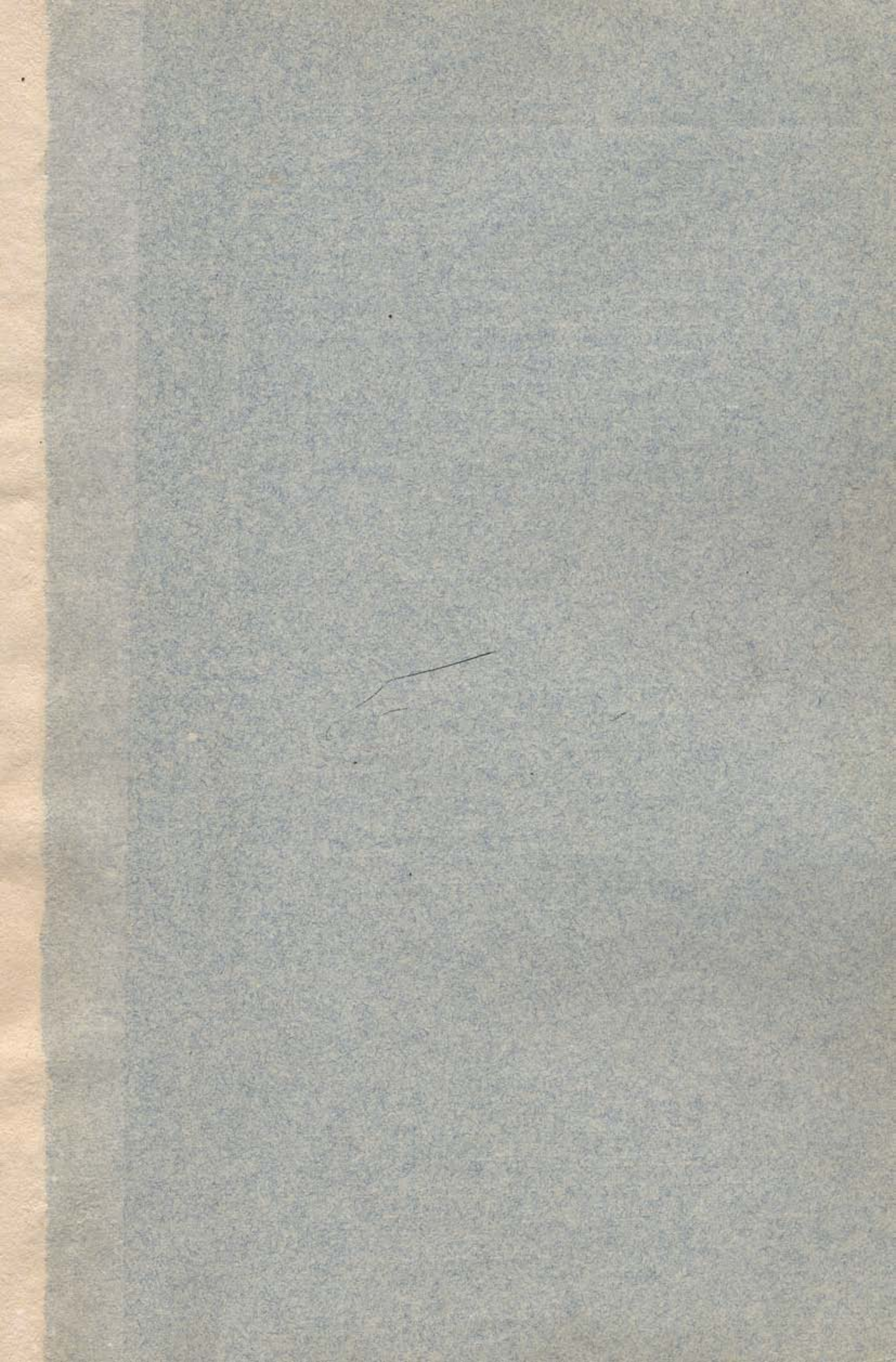
Красноволье

Прибавить на стр. 326:

Счастливѣйшая Марыся. Изъ „Бѣлорусскихъ Очерковъ“ *В. К. Савича-Заблоцкаго* (Благовѣсть 1892 № 41, стр. 1452—1472). Есть матеріалы и по бѣлорусскому нарѣчію.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
20-21 298	Этногр. карты	560, 540, 520, 420, 440, 460, 480, 500.	56°, 54°, 52°, 42°, 44°, 46°, 48°, 50°.
18 и др.	4 сн. и др.	Богалѣй	Багалѣй.
344	20 св.	Юстиція	Юстиціи.
481	11 сн.	32	33.

Того же автора:

Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Москва. 1886. Ц. 1 р. 25 к.

Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варшава. 1893 г. (изъ „Русскаго Филологическ. Вѣстника", тт. XXIII, XXIV, XXVI—XXX).

Къ вопросу о разработкѣ стараго западно-русскаго нарѣчія. Библіографическій очеркъ. Вильна. 1893 г. (изъ „Трудовъ предварительнаго комитета по устройству IX археологическаго съѣзда въ г. Вильнѣ").

Два памятника стараго западно-русскаго нарѣчія: Лютеранскій катехизисъ 1562 г. и Католическій катехизисъ 1582 г. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., августъ).

О языкѣ такъ называемыхъ литовскихъ лѣтописей. Варшава. 1895. Цѣна 50 коп.

Русскія нарѣчія *домой, долой*. Нѣжинъ. 1895 (изъ „Извѣстій Историко-Филологическаго Института", т. XV).

Особенности письма и языка Мстиславова Евангелія. Варшава. 1895. Цѣна 30 коп.

Западно-русскіе переводы псалтыри въ XV — XVII вѣкахъ. Варшава. 1896 г. Цѣна 3 рубля.

Западно-русскій сборникъ XV в., принадлежащій Императорской публичной библіотекѣ, Q. I № 391. С.-Пб. 1897. Цѣна 40 к.

Западно-русское сказаніе о Сивиллѣ пророчицѣ по рукописи XVI в. Варшава. 1898 г. Цѣна 25 к.

Особенности письма и языка рукописнаго сборника XV в., именуемаго лѣтописью Авраамки. Варшава. 1899 г. Цѣна 30 к.

Разборъ этнографич. труда П. В. Шейна „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края". С.-Пб. 1899 г. (Отчетъ о присужденіи премій Батюшкова).

О вліяніи поэтической дѣятельности А. С. Пушкина на развитіе русскаго литературнаго языка. Рѣчь. Варшава. 1899 г. Цѣна 35 к.

Надпись Самуила 993 г. („Русск. Фил. Вѣстн.", т. XLII).

Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Составилъ Н. М. Тупиковъ. Рукопись. Разборъ. (Отчетъ о присужд. Ломоносовской преміи въ 1899 г.). С.-Пб. 1900. Цѣна 15 к.

Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ студентамъ Импер. Варш. университета. Съ приложеніемъ снимковъ. Варшава. 1901. Цѣна 5 руб.

Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Изд. 2-ое. Варшава. 1902. Цѣна 1 р.

Митрофанъ Алексѣевичъ Колосовъ. Изъ исторіи русскаго языковѣдѣнія. Варшава. 1903 г. Цѣна 35 коп.

Цѣна 2 р. 50 коп.